СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

60

ТОМЪ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1896.

KRAUS REPRINT LTD.
Nendeln, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, мартъ 1896 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

III.

КИЖИ.

XVI. **Рябининъ,** Трофимъ Григорьевичъ.

XVII. **Романовъ,** Кузьма Ивановичъ.

XVIII. **Іевлевъ,** Терентій.

XIX. **Сарафановъ,** Андрей Васильевичъ.

XX. **Дьяковъ, Александръ.**

XXI. **Корниловъ,** Семенъ.

XXII. **Щеголёнокъ,** Василій Петровичъ.

XXIII. **Аксеновъ,** Василій.

XXIV. **Неклюдина,** Степанида Кононовна.

XXV. **Сурикова,** Домна Васильевна.

XXVI. **Дутиковъ,** Николай Филипповъ.

XXVII. **Чуковъ,** Абрамъ Евтихіевъ.

XXVIII. **Касьяновъ,** Иванъ Аникіевичъ.

XXIX. **Еремѣевъ,** Іевъ.

XXX. **Макарова и Пастухова.**

IV.

ВЫГОЗЕРО.

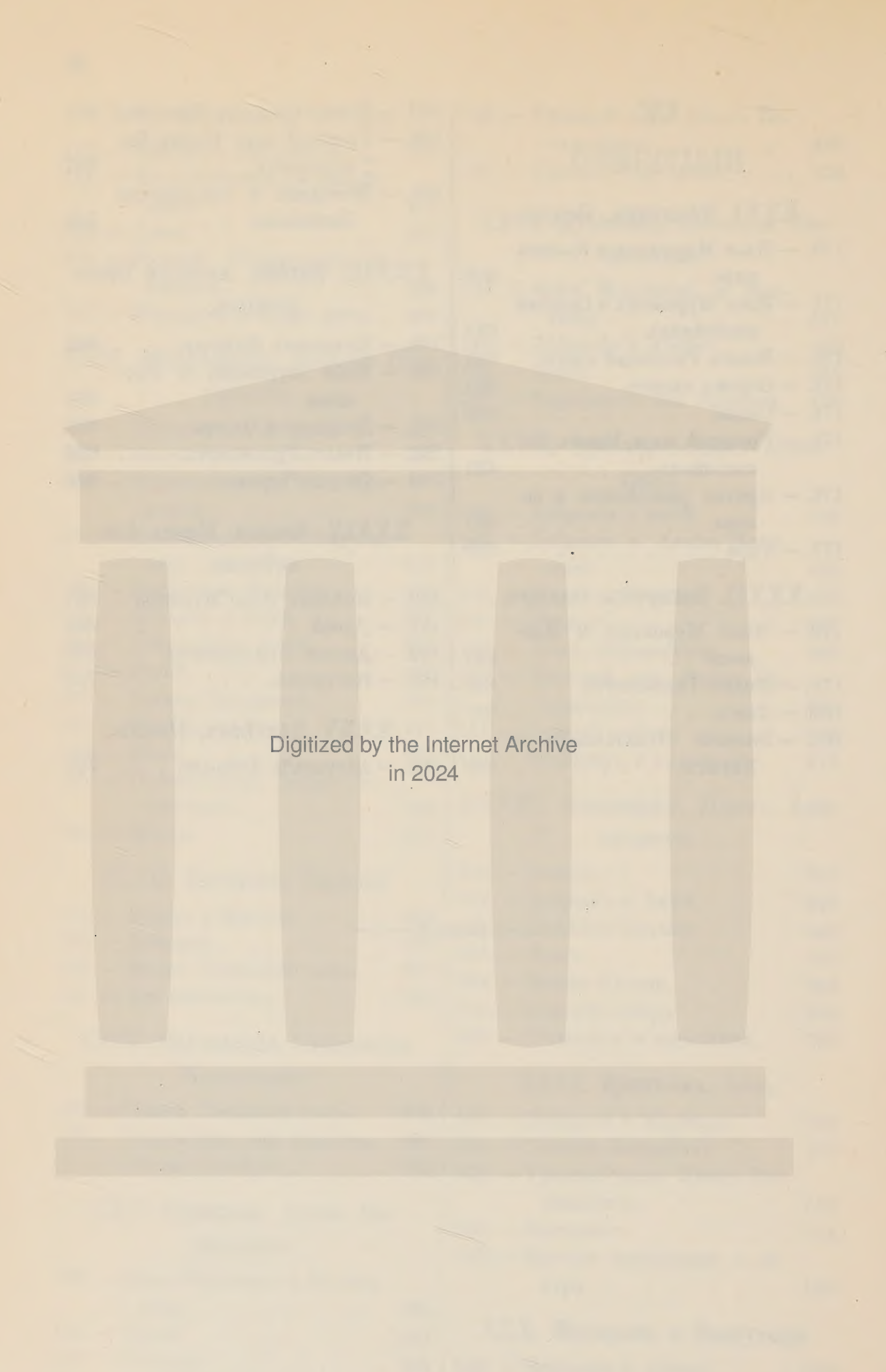
XXXI. **Никитинъ,** Өедоръ.

XXXII. **Захаровъ,** Өедоръ.

XXXIII. **Батовъ,** Алексѣй Висаріоновъ.

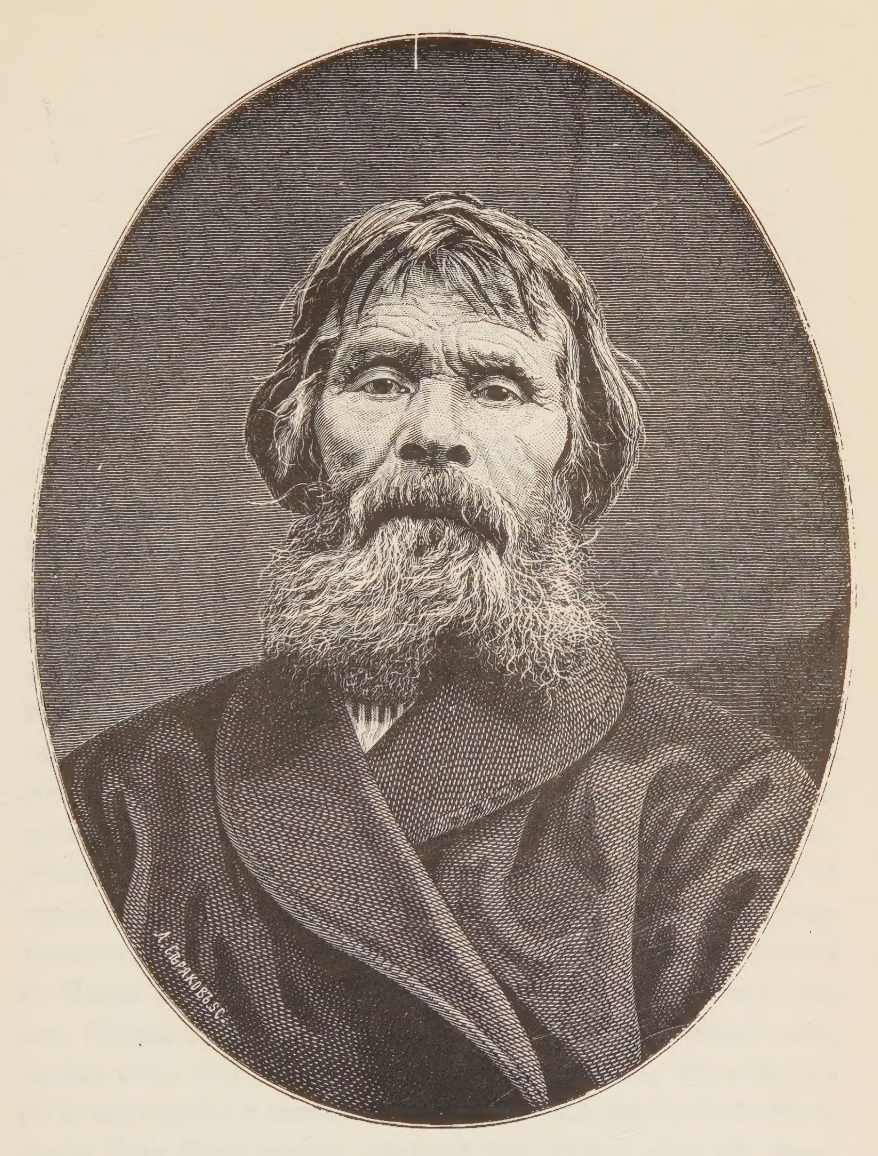
XXXIV. **Лисица,** Елена Алексѣевна.

XXXV. **Елисѣевъ,** Иванъ.



III.

КИЖИ.



Трофимъ Григорьевичъ

РЯБИНИНЪ.

КИЖИ.

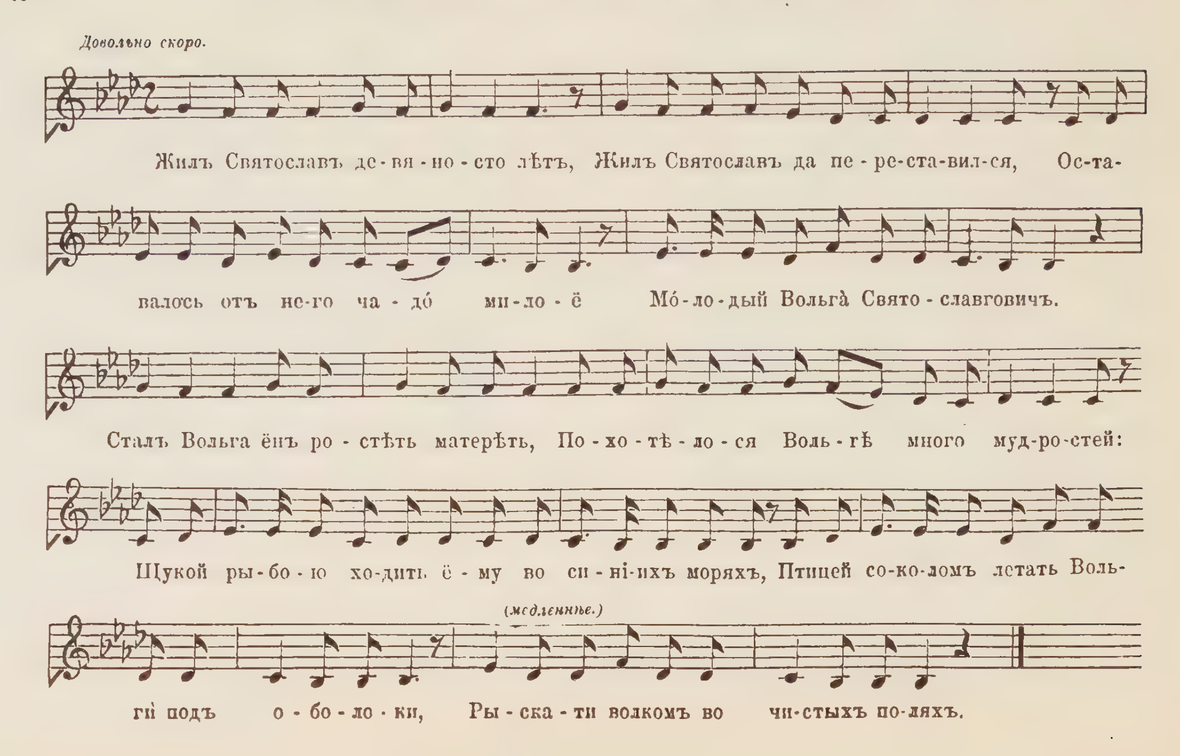
XVI.

РЯБИНИНЪ.

Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ, крестьянинъ дер. Серёдки, Кижской волости, 78 лѣтъ отъ роду, еще бодрый старикъ средняго роста, почти безъ сѣдины. Родился въ дер. Га́рницахъ сосѣдняго съ Кижскимъ Сѣнногубскаго погоста. Его отецъ былъ взятъ въ милицію во время Шведской войны (должно быть при Екатеринѣ), когда онъ былъ еще малымъ ребенкомъ. Черезъ годъ послѣ ухода отца на службу, мать умерла, отецъ былъ убитъ на войнѣ. Молодаго Трофима Григорьева воспиталъ «православный мѣръ». Когда подросъ, онъ, чтобы не просить милостыни и не быть въ тягость чужимъ людямъ, сталъ ходить по окрестнымъ деревнямъ чинить сѣтки, ловушки и другія рыболовныя снасти. При этомъ ему случалось работать подолгу вмѣстѣ съ Ильею Елустафьевымъ, бѣднымъ старикомъ съ Волкострова, дер. Шляминской, который, «откачнувшись» отъ своего сына, ходилъ тоже по волостямъ и пропитывался тѣмъ, что «ладилъ» (т. е. мастерилъ) и чинилъ всякаго рода сѣти для рыбной ловли. Этотъ Илья Елустафьевъ (умершій тому назадъ лѣтъ 40, девяноста лѣтъ отъ роду) зналъ очень много былинъ и пѣвалъ ихъ за работой, и Рябининъ многое отъ него «понялъ». Между про-

чимъ, отъ него онъ научился былинамъ про Илью и Калина царя и про Молодца и худую жену. Въ 1812 году онъ поступилъ въ работники въ домъ своего дяди Игнатія Иванова Андреевыхъ (въ дер. Гарницахъ), который по словамъ его былъ самымъ лучшимъ пѣвцомъ былинъ во всемъ ихъ краѣ и превосходилъ даже Елустафьева. Тутъ же жилъ и зять Игнатія Иванова, Василій Софроновъ Сарафановъ (отецъ нынѣшняго сказателя Сарафанова, см. ниже), и былъ тоже мастеръ пѣть былины. Отъ Игнатія Иванова Рябининъ «понялъ» наибольшую часть своихъ былинъ, именно про Вольгу, Илью и Соловья разбойника, Илью узнающаго свою дочь, Дуная, Потыка, королевичей изъ Крякова и Скопина. Былины про Добрыню въ борьбѣ со змѣемъ и про Добрыню въ отъѣздѣ съ Василіемъ Казиміровымъ онъ узналъ еще ранѣе того отъ крестьянина Ивана Агапитова Завьялова, въ Гарницахъ, котораго слышалъ въ дѣтствѣ (Завьяловъ, по словамъ Рябинина, умеръ почти 70 лѣтъ тому назадъ). про Дюка онъ научился отъ старика Ивана Кокойкина, жившаго до 100 годовъ; про Ивана Годиновича отъ крестьянина Өедора Трепалина изъ дер. Мигуровъ: у обоихъ послѣднихъ (Кокойкина и Трепалина) ему случалось по временамъ бывать въ работникахъ. 24 лѣтъ отъ роду Рябининъ женился и перешелъ въ домъ тестя въ дер. Серёдку, гдѣ съ тѣхъ поръ живетъ на крестьянствѣ. Но кромѣ хлѣбопашества, главное его занятіе составляла рыбная ловля. Не ограничиваясь промысломъ около дома, онъ разъ 40 на своемъ вѣку ходилъ съ другими крестьянами изъ Заонежья на ловлю въ Ладожское озеро; бывалъ раза два въ Петербургѣ, но на самое короткое время, только для сбыта рыбы. Онъ считается весьма исправнымъ домохозяиномъ, хотя не изъ самыхъ зажиточныхъ. Изъ четырехъ его сыновей двое были взяты въ солдаты и умерли на службѣ; двое живутъ при отцѣ и отчасти переняли отъ него умѣнье пѣть былины. Рябининъ извѣстенъ былъ г. Рыбникову, который записалъ съ его словъ 23 былины (считая въ томъ числѣ отрывки). Въ настоящее время онъ всѣхъ не могъ уже вспомнить. Всѣ

1) Про Вольгу и Микулу (см. № 73, стр. 5).



здѣсь помѣщаемыя былины записаны у него «съ голоса». Пребываніе Рябинина въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ по приглашенію Отдѣленія Этнографіи Русскаго Географическаго Общества, дало случай вновь повѣрить прежнюю запись. Рябининъ разсказывалъ, что онъ слыхалъ отъ стариковъ и разныя другія былины, которыхъ не упомнилъ. Такъ онъ слышалъ, но очень давно, отъ одного старика былину про рагнозерскаго старика Ѳёдора Рахкоя, который ходилъ бороться въ Москву (сравн. былину про Рахту Рагнозерскаго, которая помѣщена выше подъ № 11); отъ вышеупомянутаго Завьялова слышалъ онъ большую былину про Михайлу Потыка, которая, судя по тому, какъ онъ передавалъ ея содержаніе, была сходна съ тою, которую пѣлъ Калининъ о томъ же богатырѣ (см. выше № 6).

73.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(У Рыбникова, т. I, 3).

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ да переставился.
Оставалось отъ него чадо милое
Молодой Вольга̀ Святославговичъ.
Сталъ Вольга ростѣ́ть матерѣ̀ть,
Похотѣлося Вольгѝ да много мудростей:
Щукой рыбою ходить Вольгѝ во си́ніихъ моря̀хъ,
Птицей соколомъ летать Вольгѝ подъ о́болокѝ,
Волкомъ и рыскать во чи́стыхъ поля̀хъ.
Уходили-то вси рыбушки во глубо́ки моря̀,
Улетали вси птички за о́болокѝ,
Убѣгали вси звѣри за те́мны лѣса̀.
Сталъ Вольга̀ онъ ростѣ́ть матерѣ́ть
И сбѣралъ соби дружинушку хоробрую,

Тридцать молодцевъ безъ единого,
Самъ еще Вольга̀ во тридцятыихъ.
Былъ у него родной дядюшка,
Славныи князь Владымiръ стольно-кiевской;
Жаловалъ его трёма городама всё крестьянамы:
Первымъ городомъ Гу́рчовцемъ,
Дру́гимъ городомъ Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Онъ поѣхалъ къ городамъ и за получкою
Со своей дружинушкой хороброю.
Выѣхалъ Вольга̀ во чисто́ поле,
Енъ услышалъ во чисто́мъ поли ратоя;
А оретъ въ поли ратой, пону́киваѐтъ,
А у ратоя-то сошка поскри́пываѐтъ,
Да по камешкамъ омешики прочи́ркиваю̀тъ.
Ѣхалъ Вольга̀ онъ до ратоя,
День съ утра ѣха̀лъ до вечера,
Да не могъ ратоя въ полѣ наѣхати.
А орётъ-то въ поли ратой, пону́киваѐтъ,
А у ратоя сошка поскри́пываѐтъ,
Да по камешкамъ омешики прочи́ркиваю̀тъ.
Ѣхалъ Вольга̀ еще дру́гой день,
Дру́гой день съ утра до па́бѣдья,
Со своей со дружинушкой хороброю.
Енъ наѣхалъ въ чисто́мъ поли ратоя,
А оретъ въ полѣ ратой, пону́киваѐтъ,
Съ края въ край бороздки поме́тываѐтъ,
Въ край онъ уѣдетъ — другаго не́вида̀ть.
То коренья каме́нья вывѐртываѐтъ,
Да великiя онъ ка́менья вси въ бо́розду вали̇̀тъ.
У ратоя кобылка соло́венька,
Да у ратоя сошка кленовая,
Гужики у ратоя шелко́выя.

Говорилъ Вольга̀ таковы слова:
«Богъ теби помочь ора́таюшко̀,
«А орать да пахать да крестья́новати̇̀,
«Съ края въ край бороздки помётывати̇̀!»
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Да поди-ко ты, Вольга̀ Святославговичъ!
— Мни-ка надобно Божья́ помочь крестьяновать,
— Съ края въ край бороздки помётывать.
— А и далече ль Вольга̀ ѣдешь, куда пу́ть держи̇̀шь
— Со своею со дружинушкой хороброю? —
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«А ѣду къ городамъ я за получкою,
«Къ первому ко городу ко Гу́рчёвцу,
«Къ дру́гому-то городу къ Орѣ́ховцу,
«Къ третьему городу къ Крестьяновцу».
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга̀ Святославговичъ!
— Да недавно былъ я въ городи, третьяго дни,
— На своей кобылкѣ соловою,
— А привезъ оттуль соли я два́ мѣха̀,
— Два мѣха-то соли привезъ по со́років пу̀дъ,
— А живутъ мужики тамъ розбойники,
— Ены просятъ грошёвъ подорожныихъ.
— А я былъ съ шалыгой подорожною,
— А платилъ имъ гроши я подорожныи:
— А кой сто́я стоитъ, тотъ и си̇̀дя сиди̇̀тъ,
— А кой сидя сидитъ, тотъ и ле́жа лежи̇̀тъ [1]). —
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Ай же оратай ора́таюшко̀!
«Да поѣдемъ-ко со мною во товарищахъ,
«Да ко тѣмъ къ городамъ за получкою».

---

1) Въ другой разъ Рябининъ вмѣсто «тотъ и лежа лежитъ», пѣлъ: «тотъ и вѣкъ не стоитъ».

Этотъ оратай оратаюшко
Гужики съ сошки онъ повыстенулъ
Да кобылку изъ сошки повы́вернулъ,
А со тою онъ сошки со кленовенькой,
А й оставилъ онъ тутъ сошку кленовую,
Онъ садился на кобылку соловеньку;
Они сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
По славному роздольицу чисту́ полю.
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга̀ Святославговичъ!
— А оставилъ я сошку въ бороздочки....
— Да не гля-ради прохожаго проѣзжаго,
— Ради мужика деревенщины:
— Они сошку съ земельки повыдернутъ,
— Изъ омешиковъ земельку повытряхнутъ,
— Изъ сошки омешики повыколнутъ,
— Мнѣ нечѣмъ будетъ мо́лодцу крестья́новатѝ.
— А пошли ты дружинушку хоробрую,
— Чтобы сошку съ земельки повы́дернулѝ
— Изъ омешиковъ земелька повы́тряхнулѝ,
— Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ. —
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Посылаетъ тутъ два да три добрыхъ мо́лодца
Со своей съ дружинушки съ хороброей
Да ко этой ко сошкѣ кленовенькой,
Чтобы сошку съ земельки повы́дернулѝ,
Изъ омешиковъ земельку повы́тряхнулѝ,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Ѣдутъ туды два да три добрыхъ мо́лодца
Ко это́й ко сошики кленовоей;
Они сошку за обжи круго́мъ вертятъ,
А имъ сошки отъ зе́мли поднять нельзя,
Да не могутъ они сошку съ земельки повы́дернутѝ,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,

Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ
Онъ своей дружинушки хороброей
А ко этóй ко сошкѣ кленовоей.
Пріѣхали оны цѣлымъ десяточкомъ
Ко этой славной ко сошкѣ кленовенькой;
Оны̀ сошку за обжи кружкомъ вертятъ,
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ они сошки съ земельки повы́дернути̂,
Изъ омешиковъ земельки повы́тряхнути̂,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга̂ Святославговичъ
Посылаетъ всю дружинушку хоробрую,
То онъ тридцать молодцовъ безъ единаго.
Этая дружинушка хоробрая,
Тридцать молодцовъ да безъ единаго.
А подъѣхали ко сошкѣ кленовенькой,
Брали сошку за обжи, кружкомъ вертятъ,
Сошки отъ земельки поднять нельзя,
Не могутъ они сошки съ земельки повы́дернути̂,
Изъ омешиковъ земельки повы́тряхнути̂,
Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
Гóворитъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга̂ Святославговичъ!
— То не мудрая дружинушка хоробрая твоя,
— А не могутъ оны сошки съ земельки повыдернуть,
— Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
— Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
— Не дружинушка тутъ есте хоробрая,
— Столько одна есте хлѣбоясть. —
Этотъ оратай орáтаюшко̀
Онъ подъѣхалъ на кобылкѣ соловенькой
А ко этоей ко сошкѣ кленовенькой,

Бралъ эту сошку одно́й ручкой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Да по славному роздолью чисту́ полю.
А у ратоя кобылка она ры́сью идё̀тъ,
А Вольги́нъ-тотъ конь да поска́киваё̀тъ;
А у ратоя кобылка гру́дью пошла̀,
Такъ Вольги́нъ-тотъ конь оставается.
Сталъ Вольга̀ покры́кивати̇,
Сталъ колпакомъ Вольга̀ пома́хивати̇,
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Стой-ко постой да ора́таюшко̀!»
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Ай же оратай ора́таюшко̀,
«Эта кобылка конё̈мъ бы была̀,
«За эту кобы́лку пятьсо́тъ бы дали̇».
Го́воритъ оратай таковы слова:
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ,
— Жеребчикомъ взялъ ю сподъ матушки,
— Заплатилъ я за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конё̈мъ бы была̀,
— Этой бы кобылки и смѣты нѣтъ. —
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Ай же ты оратай оратаюшко!
«Какъ-то тобя да именёмъ зовутъ,
«Какъ звеличаютъ по отечеству?»
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга̀ ты Святославговичъ!
— Ржи напашу, въ скирды складу̀,
— Въ скирды складу да домой вы́волочу̀,
— Домой выволочу, дома вы́молочу̀.
— Драни надеру да то я пи̇ва наварю̀,

— Пива наварю, мужичко́въ напою̀,
— Станутъ мужички меня покли́киватѝ:
— Ай ты мо́лодой Микулушка Селя́ниновѝчъ! —

Записано въ Кижахъ, дер. Дуткинъ-Наволокъ, 7 іюля; провѣрено въ Петербургѣ, 4 декабря.

74.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 10).

Изъ того ли-то изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачирова,
Выѣзжалъ удаленькой дороднiй добрый мо́лодецъ,
Онъ стоялъ заутрену во Муромли
А й къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольнёй Кiевъ градъ,
Да й подъѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнанò-то силушки черны́мъ черно,
А й черны́мъ черно какъ черна во́рона;
Такъ пѣхотою никто тутъ не прохаживатъ,
На добро́мъ кони никто тутъ не проѣзживатъ,
Птица черной воронъ не пролетыватъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиватъ.
А подъѣхалъ какъ ко силушкѣ великоей,
Онъ какъ сталъ-то эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да сталъ копьёмъ колоть,
А й побилъ онъ эту силу всю великую.
Ёнъ подъѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ градъ
Выходили мужички да тутъ черниговски
Й отворяли-то ворота во Черниговъ градъ,
А й зовутъ его въ Черниговъ воеводою.

Говоритъ-то имъ Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы Черниговски!
«Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
«Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ».
Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленькой дородній добрый молодецъ,
— Ай ты славныя богáтырь святорусьскіи!
— Прямоѣзжая дорожка заколóдѣла,
— Заколодѣла дорожка, замуравѣла,
— А й по той ли по дорожкѣ прямоѣзжою
— Да й пѣхотою никто да не прохаживалъ,
— На добрóмъ кони никто да не проѣзживалъ:
— Какъ у той ли-то у грязи-то у Черноей,
— Да у той ли у березы у покляпыя,
— Да у той ли рѣчки у Смородины,
— У того креста у Леванидова,
— Сúди Солóвей розбойникъ во сырóмъ дубу,
— Сúди Сóловей розбойникъ Одúхмантьевъ сынъ,
— А то свищетъ Сóловей да по солóвьему
— Ёнъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному
— Й отъ него ли-то отъ пóсвисту сóловьяго,
— Й отъ него ли-то отъ пóкрыку звѣринаго,
— То всѣ травушки муравы уплетаются,
— Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвы́ лежатъ.
— Прямоѣзжею дороженькой пятьсотъ есть верстъ,
— А й окольноёй дорожкой цѣла тысяца. —
Онъ спустилъ добрá коня да й богатырскаго,
Онъ поѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею.
Ёго добрый конь да богатырскіи
Съ горы на гору сталъ перескакивать,
Съ холмы нá холму сталъ перемахивать,

Мелки рѣченки, озерка промежъ ногъ спущалъ.
Подъѣзжаетъ онъ ко рѣчкѣ ко Смородинки,
Да ко тоей онъ ко Грязи онъ ко Черноей,
Да ко тою ко березы ко покляпыя,
Къ тóму славному кресту ко Леванидову.
Засвисталъ-то Сóловей да й по солóвьему
Закрычалъ злодѣй розбойникъ по звѣриному,
Такъ всѣ травушки муравы уплеталися,
Да й лазуревы цвѣточки отсыпалися,
Темны лѣсушки къ землѣ вси приклонилися.
Его добрый конь да богатырскіи
А онъ на корзни́ *(такъ)* да потыкается;
А й какъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Беретъ плеточку шелкóвую въ бѣлу́ руку,
А онъ билъ коня а по крутымъ ребрамъ;
Говорилъ-то онъ Илья да таковы слова:
«Ахъ ты волчья сыть да й травяной мѣшокъ!
«Али ты итти не хошь али нести не мошь?
«Что ты на корзни́ собака потыкаешься?
«Не слыхалъ ли посвисту солóвьяго,
«Не слыхалъ ли покрыку звѣринаго,
«Не видалъ ли ты ударовъ богатырскіихъ?»
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Да беретъ-то онъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
Во свои беретъ во бѣлы онъ во ручушки,
Ёнъ тетивочку шелковеньку натягивалъ
А онъ стрѣлочку каленую накладывалъ,
То онъ стрѣлилъ въ тóго Сóловья розбойника,
Ёму выбилъ право око со косичею.
Ёнъ спустилъ-то Сóловья да на сыру землю,
Пристегнулъ его ко правому ко стремечки булатнему,
Енъ повезъ его по славну по чисту́ полю,
Мимо гнѣздышкó повезъ да Соловьиное.
Во томъ гнѣздышкѣ да Соловьиноемъ

А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимыихъ;
Бо́льша дочка эта смотритъ во окошечко косевчато,
Говоритъ ёна да таковы слова:
— Ѣдетъ-то нашъ батюшко чисты́мъ полемъ,
— А сидитъ-то на добро́мъ кони,
— Да везетъ ёнъ мужичища деревенщину,
— Да у праваго у стремени прикована. —
Поглядѣла его дру́га дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Ѣдетъ батюшко роздольицемъ чисты́мъ полемъ
«Да й везетъ онъ мужичища деревенщину,
«Да й ко правому ко стремени прикована».
Поглядѣла его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Ѣдетъ мужичищо деревенщина,
— Да й сидитъ мужикъ онъ на добро́мъ кони,
— Да й везетъ-то наша батюшка у стремени,
— У булатняго у стремени прикована.
— Ему выбито то право око со косичею. —
Говорила то й она да таковы слова:
— Ай же мужевья наші̀ любимыи!
— Вы берите-тко рогатины звѣриныи,
— Да бѣжите-тко въ роздольице чисто́ поле
— Да вы бейте мужичища деревенщину. —
Эти мужевья да ихъ любимыи,
Зятевья то-есть да Соловьиныи,
Похватали какъ рогатины звѣриныи
Да и бѣжали-то оны да й во чисто́ поле
Ко тому ли къ мужичищу деревенщинѣ,
Да хотятъ убить-то мужичища деревенщину.
Говоритъ имъ Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
«Ай же зятевья мои любимыи!
«Побросайте-тко рогатины звѣриныи,

«Вы зовите мужика да деревенщину,
«Въ свóё гнѣздышко зовите Соловьиное,
«Да кормите ѐго ѣствушкой сахарною,
«Да вы пойте ѐго питьицемъ медвяныимъ,
«Да й дарите ѐму дáры драгоцѣнные».
Эты зятевья да Соловьиныи
Побросали-то рогатины звѣриныи
А й зовутъ-то мужика да й деревенщину
Во то гнѣздышко да Соловьиное;
Да й мужик-отъ деревенщина не слушатся,
А онъ ѣдетъ-то по славному чисту́ полю,
Прямоѣзжею дорожкой въ стольнѣй Кіевъ градъ.
Енъ пріѣхалъ-то во славный стольнѣй Кіевъ градъ
А ко славному ко князю на широкой дворъ.
А й Владыміръ князь онъ вышелъ со Божьѣй церквы,
Онъ пришолъ въ полату бѣлокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Оны сѣли ѣсть да пить да хлѣба кушати,
Хлѣба кушати да пообѣдати.
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Становилъ коня да посерёдъ двора,
Самъ идетъ онъ во полаты бѣлокаменны,
Проходилъ онъ во столовую во горенку,
На́ пяту онъ дверь-ту порозмахивалъ,
Крест-отъ клалъ ёнъ по писáному,
Велъ поклоны по учéному,
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю́ Владыміру въ особину,
Еще всимъ его князьямъ онъ подколѣнныимъ.
Тутъ Владыміръ князь сталъ мóлодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешной, дороднiй добрый мóлодецъ,
— Тóбе какъ-то молодца да именéмъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалáго по отечеству? —
Говорилъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:

«Есть я съ славнаго изъ города изъ Муромля,
«Изъ того села да съ Карачирова,
«Есть я старыя казакъ да Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ».
Говоритъ ему Владымiръ таковы слова:
— Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Да й давно ли ты повыѣхалъ изъ Муромля
— И которою дороженкой ты ѣхалъ въ стольнѣй Кiевъ градъ? —
Говорилъ Илья онъ таковы слова:
«Ай ты славныя Владымiръ стольнё-кiевской!
«Я стоялъ заутрену христовскую во Муромли,
«А й къ обѣденки поспѣть хотѣлъ я въ стольнѣй Кiевъ градъ,
«То моя дорожка призамѣшкалась;
«А я ѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею,
«Прямоѣзжею дороженкой я ѣхалъ мимо-то Черниговъ градъ,
«Ѣхалъ мимо эту Грязь да мимо Черную,
«Мимо славну рѣченку Смородину,
«Мимо славную березу-ту покляпую,
«Мимо славный ѣхалъ Леванидовъ крестъ».
Говорилъ ему Владымiръ таковы слова:
— Ай же мужичищо деревенщина,
— Во глазахъ мужикъ да подлыгаешься,
— Во глазахъ мужикъ да насмѣхаешься!
— Какъ у славнаго у города Чернигова
— Нагнано̀ тутъ силы много множество,
— То пѣхотою никто да не прохаживалъ,
— И на добро̀мъ конѣ никто да не проѣзживалъ,
— Туды сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ,
— Птица черный воронъ не пролетывалъ;
— А у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
— Да у славноёй у рѣчки у Смородины,
— А й у той ли у березы у покляпою,

— У того креста у Леванидова,
— Соловей сидитъ розбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
— То какъ свищетъ Соловей да по соловьему,
— Какъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному,
— То всѣ травушки муравы уплетаются,
— А лазуревы цвѣтки прочь отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертво лежатъ. —
Говорилъ ему Илья да таковы слова:
«Ты Владымiръ князь да стольнё-кiевской!
«Соловей розбойникъ на твоемъ двори,
«Ему выбито вѣдь право око со косичею,
«Й онъ ко стремени булатнему прикованой».
То Владымiръ князь-отъ стольнё-кiевской
Онъ скорешенько ставалъ да на рѣзвы ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
То онъ шапочку соболью на одно ушко,
Онъ выходитъ-то на свой-то на широкой дворъ
Посмотрѣть на Соловья розбойника.
Говорилъ-то вѣдь Владымiръ князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по соловьему
— Закрычи-тко ты, собака, по звѣриному. —
Говорилъ-то Соловей ему розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
«Не у васъ-то я сегодня, князь, обѣдаю,
«А не васъ-то я хочу да и послушати,
«Я обѣдалъ-то у стараго казака Ильи Муромца,
«Да его хочу-то я послушати».
Говорилъ-то какъ Владымiръ князь да стольнё-кiевской:
— Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по соловьему,
— Прикажи-тко закрычать да по звѣриному. —
Говорилъ Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ!
«Засвищи-тко ты во полъ-свисту соловьяго,

«Закрычи-тко ты во по́лъ-крыку звѣринаго».
Говорилъ-то ёму Со́ловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
— Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
— Мои раночки кровавы запечатались,
— Да не ходятъ-то мои уста саха́рніи,
— Не могу я засвистать да й по соло́вьеву
— Закрычать-то не могу я по звѣриному.
— А й вели-тко князю ты Владыміру
— Налить чару мни да зелена́ вина,
— Я повыпью-то какъ чару зелена́ вина,
— Мои раночки кровавы порозо́йдутся
— Да й уста мои сахарни поросходятся,
— Да тогда я засвищу да по соло́вьему,
— Да тогда я закрычу да по звѣриному. —
Говорилъ Илья-тотъ князю онъ Владыміру:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Ты поди въ свою столовую во горенку,
«Наливай-ко чару зелена́ вина,
«Ты не малую стопу да полтора ведра,
«Подноси-тко къ Со́ловью къ розбойнику».
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ скоренько шолъ въ столову свою горенку,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
Да не малу онъ стопу да полтора́ ведра,
Розводилъ медами онъ стоялыма,
Приносилъ-то ёнъ ко Со́ловью розбойнику.
Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ
Принялъ чарочку отъ князя онъ одной ручкой,
Выпилъ чарочку-ту Соловей одны́мъ духомъ,
Засвисталъ какъ Соловей тутъ по соло́вьему,
Закрычалъ розбойникъ по звѣриному,
Маковки на теремахъ покри́вились
А око́ленки во теремахъ розсыпались
Отъ него отъ посвисту соловьяго,

А что есть-то людюшокъ, такъ вси мертвы́ лежатъ;
А Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Куньей шубонькой онъ укрывается.
А й тутъ старой-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Онъ скорешенько садился на добра́ коня,
А й онъ везъ-то Со́ловья да во чисто́ поле,
Й онъ срубилъ ему да буйну голову.
Говорилъ Илья да таковы слова:
«Тоби полно-тко свистать да по соло́вьему,
«Тоби полно-тко крычать да по звѣриному,
«Тоби полно-тко слезить да отцей-ма́терей,
«Тоби полно-тко вдовить да женъ моло́дыихъ,
«Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малыхъ дѣтушокъ».
А тутъ Со́ловью ему й славу́ поютъ,
А й славу́ поютъ ему вѣкъ по́ вѣку.

Записано въ Кижахъ, 8 іюля.

75.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Какъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Порозгнѣвался на стараго каза́ка Илью Муромца,
Засадилъ его во погребъ во холодныи
Да на три-то году по̀ры времени.
А у славнаго у князя у Владыміра
Была дочь да одинакая,
Она видитъ: это дѣло есть немалое,
А что посадилъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Стараго каза́ка Илью Муромца
Въ тотъ во погребъ во холодныи;
А онъ могъ бы постоять одинъ за вѣру за отечество,
Могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
Могъ бы постоять одинъ за церкви за соборныи,

Могъ бы поберечь онъ князя да Владыміра,
Могъ бы поберечь Опраксу королевичну.
Приказала сдѣлать да ключи поддѣльные,
Положила-то людей да потаенныихъ,
Приказала-то на погребъ на холодныи
Да снести перины да подушечки пуховыи,
Одѣяла приказала сне́сти теплыи,
Ена ѣствушку поставить да хорошую,
И одежу смѣ́нятъ съ нова на́ ново
Тому старому каза́ку Ильѣ Муромцу.
А Владыміръ князь про то не вѣдаётъ.
И воспылалъ-то тутъ собака Ка́линъ царь на Кіевъ градъ
И хоти́тъ ёнъ ро́зорить да стольній Кіевъ градъ,
Чернедь-мужичковъ онъ всѣхъ повырубить,
Божьи церквы всѣ на дымъ спустить,
Князю-то Владыміру да голова срубить
Да со той Опраксой королевичной.
Посылаетъ-то собака Калинъ царь посланника,
А посланника во стольній Кіевъ градъ,
И даетъ ему ёнъ грамоту посыльную
И посланнику-то онъ наказывалъ:
«Какъ поѣдешь ты во стольній Кіевъ градъ,
«Будешь ты посланникъ въ стольнеёмъ во Кіевѣ
«Да у славнаго у князя у Владыміра,
«Будешь на него на широко́мъ дворѣ
«И сойдешь какъ тутъ ты со добра́ коня,
«Да й спущай коня ты на посыльной дворъ,
«Самъ поди-тко во полату бѣлокаменну,
«Да пройдешь полатой бѣлокаменной,
«Да й войдешь въ его столовую во горенку,
«На пяту́ ты дверь да порозмахивай,
«Не снимай-ко кивера́ съ головушки,
«Подходи-ко ты ко столику къ дубовому,
«Становись-ко супроти́въ князя̀ Владыміра,

«Полагай-ко грамоту на зо́лотъ столъ,
«Говори-тко князю ты Владымiру:
««Ты Владимiръ князь да стольнё-кiевской,
««Ты бери-тко грамоту посыльную
««Да смотри, что въ грамотѣ написано,
««Да гляди, что въ грамотѣ да напечатано;
««Очищай-ко ты всѣ улички стрѣлецкiи,
««Всѣ великiе дворы да княженецкiи,
««По всему-то городу по Кiеву,
««А по всѣмъ по улицамъ широкiимъ
««Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкiимъ
««На́ставь сладкiихъ хмѣльныхъ напиточекъ,
««Чтобъ стояли бочка о бочку близко-по́-близку,
««Чтобы было у́ чего стоять собакѣ царю Калину
««Со своими-то войскамы со великима
««Во твоемъ во городѣ во Кiевѣ»».
То Владымiръ князь да стольнё-кiевской
Бралъ-то книгу онъ посыльную,
Да и грамоту ту роспечатывалъ,
И смотрѣлъ, что въ грамотѣ написано,
И смотрѣлъ, что въ грамотѣ да напечатано,
А что велѣно очистить улицы стрѣлецкiи
И большiе дво́ры княженецкiе,
Да наставить сладкiихъ хмѣльныхъ напиточекъ
А по всѣмъ по улицамъ широкiимъ
Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкiимъ.
Тутъ Владымiръ князь да стольнё-кiевской
Видитъ: есть это̀ дѣло̀ немалое,
А немало дѣло-то, великое,
А садился-то Владымiръ князь да на черленый стулъ.
Да писалъ-то вѣдь онъ грамоту повинную:
— Ай же ты собака да и Калинъ царь!
— Дай-ко мнѣ ты по̀ры времечки на три́ году,
— На три го́ду дай и на три мѣсяца,

— На три мѣсяца да éще на три дня,
— Мнѣ очистить улицы стрѣлецкіи,
— Всѣ великіе дворы да княженецкіи,
— Накурить мнѣ сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ
— Да й наставить по всему-то городу по Кіеву
— Да й по всѣмъ по улицамъ широкіимъ,
— По всимъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ.—
Отсылаетъ эту грамоту повинную,
Отсылаетъ ко собакѣ царю Калину;
А й собака тотъ да Калинъ царь
Далъ ему онъ пòры времечки на трú году,
На три гóду далъ и на три мѣсяца,
На три мѣсяца да éще на три дня.
Еще день за день вѣдь какъ и дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло пòры времечки да трú году,
А три гóду да три мѣсяца,
А три мѣсяца и éще три-то дня;
Тутъ подъѣхалъ вѣдь собака Калинъ царь,
Онъ подъѣхалъ вѣдь подъ Кіевъ градъ
Со своими со войскамы со великима.
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ по горенки да сталъ похаживать,
Съ ясныхъ очушокъ онъ ронитъ слёзы вѣдь горючіи,
Шелковы́мъ платкомъ князь утирается,
Говоритъ Владыміръ князь да таковы слова:
«Нѣтъ живá-то стараго казáка Ильи Муромца,
«Нéкому стоять теперь за вѣру за отечество,
«Нéкому стоять за церквы вѣдь за Божіи,
«Некому стоять-то вѣдь за Кіевъ градъ,
«Да вѣдь некому сберечь князя̀ Владыміра
«Да и той Опраксы королевичной!»
Говоритъ ему любима дочь да таковы слова:
— Ай ты батюшко Владыміръ князь нашъ стольнё-кіевской!

— Вѣдь есть живъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ,
— Вѣдь онъ живъ на погребѣ холодноемъ. —
Тутъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Онъ скорешенько беретъ да золоты ключи
Да идетъ на погребъ на холодныи,
Отмыкаетъ онъ скоренько погребъ да холодныи
Да подходитъ ко рѣшоткамъ ко желѣзныимъ,
Растворилъ-то онъ рѣшотки да желѣзныи.
Да тамъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ во погребѣ сидитъ-то, самъ не ста́рится;
Тамъ перинушки подушечки пуховыи,
Одѣяла сне́сены тамъ теплыи,
Ѣствушка поставлена хорошая,
А одежица на немъ да жи́ветъ смѣнная.
Ёнъ беретъ его за ручушки за бѣлыи,
За его за перстни за злаченыи,
Выводилъ его со погреба́ холоднаго,
Приводилъ его въ полату бѣлокаменну,
Становилъ-то онъ Илью да супроти́въ себя,
Цѣловалъ въ уста его саха́рніи,
Заводилъ его за столики дубовыи,
Да садилъ Илью-то ёнъ подли́ себя,
И кормилъ его да ѣствушкой саха́рнею,
Да поилъ-то пи́тьицемъ медвяныимъ,
И говорилъ-то онъ Ильѣ да таковы слова:
«Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«Нашъ-то Кіевъ градъ нынь въ полону стоитъ,
«Обошолъ собака Калинъ царь нашъ Кіевъ градъ
«Со своима со войскамы со великима.
«А постой-ко ты за вѣру за отечество,
«И постой-ко ты за славный Кіевъ градъ,
«Да постой за матушки Божьи́ церквы,
«Да постой-ко ты за князя за Владыміра
«Да постой-ко за Опраксу королевичну!»

Такъ тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Выходилъ онъ со полаты бѣлокаменной,
Шолъ по городу онъ да по Кіеву,
Заходилъ въ свою полату бѣлокаменну,
Да спросилъ-то какъ онъ пáробка любимаго,
Шолъ со паробкомъ да со любимыимъ
А на свой на славный на широкій дворъ,
Заходилъ онъ во конюшенку въ стоялую,
Посмотрѣлъ добра коня онъ богатырскаго.
Говорилъ Илья да таковы слова:
— Ай же ты мой паробокъ любимыи,
— Вѣрный ты слуга мой безызмѣнныи,
— Хорошо держалъ моёго коня ты богатырскаго! —
Цѣловалъ его онъ во уста сахáрніи,
Выводилъ добрá коня съ конюшенки стоялыи
А й на тотъ на славный на широкій дворъ.
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Сталъ добрá коня тутъ онъ засѣдлывать;
На коня накладываетъ потничекъ,
А на потничекъ накладываетъ войлочекъ,
Потничекъ онъ клалъ да вѣдь шелковенькой,
А на потничекъ подкладывалъ подпотничекъ,
На подпотничекъ сѣделко клалъ черкасское,
А черкасское сѣдёлышко недержано,
И подтягивалъ двѣнадцать подпруговъ шелкóвыихъ,
И шпилёчики онъ втягивалъ булатніи,
А стремяночки покладывалъ булатніи,
Пряжечки покладывалъ онъ красна золота,
Да не для красы угожества,
Ради крѣпости все богатырскоей:
Еще подпруги шелковы тянутся, да ȍны нé рвутся,
Да булатъ желѣзо гнется, не ломается,
Пряжечки-ты красна золота
Онѣ мокнутъ, да не ржавѣютъ.

И садился тутъ Илья да на добра́ коня,
Бралъ съ собой доспѣхи крѣпки богатырскіи,
Во-первы́хъ бралъ палицу булатнюю,
Во-вторыхъ бралъ ко́пье боржамецкое,
А еще бралъ свою саблю вострую,
А йще бралъ шалыгу подорожную,
И поѣхалъ онъ изъ города изъ Кіева.
Выѣхалъ Илья да во чисто́ поле
И подъѣхалъ онъ ко во́йскамъ ко татарскіимъ
Посмотрѣть на во́йска на татарскіи:
Нагнано́-то силы много множество,
Какъ онъ покрыку отъ человѣчьяго,
Какъ отъ ржанья лошадинаго
Уны́ваетъ сердце человѣческо.
Тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Не могъ ко́нца краю силушкѣ наѣхати.
Онъ повыскочилъ на гору на высокую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
Посмотрѣлъ на силушку татарскую,
Ко́нца краю силы насмотрѣть не могъ.
И повыскочилъ онъ на́ гору на дру́гую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
Ко́нца краю силы насмотрѣть не могъ.
Онъ спустился съ той со го́ры со высокіи,
Да онъ ѣхалъ по роздольицу чисту́ полю
И повыскочилъ на третью гору на высокую,
Посмотрѣлъ-то подъ восточную вѣдь сторону,
Насмо́трѣлъ онъ подъ восточной сто́роной,
Насмотрѣлъ онъ тамъ шатры́ бѣлы
И у бѣлыихъ шатровъ-то кони богатырскіи.
Онъ спустился съ той съ горы высокіи
И поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Пріѣзжалъ Илья къ шатрамъ ко бѣлыимъ,

Какъ сходилъ Илья да со добра́ коня
Да у тыхъ шатровъ у бѣлыихъ
А тамъ сто́ятъ кони богатырскіи,
У того ли по́лотна стоя́тъ у бѣлаго,
Они зоблютъ-то пшену да бѣлоярову.
Говоритъ Илья да таковы слова:
«Поотвѣдать мнѣ-ка счастія великаго».
Онъ накинулъ поводы шелко́выи
На добра́ коня да й богатырскаго
Да спустилъ коня ко по́лотну ко бѣлому:
«А й допустятъ ли-то кони богатырскіи
«Моего коня да богатырскаго
«Ко тому ли по́лотну ко бѣлому-
«Позобать пшену да бѣлоярову?»
Его добрый конь идетъ-то грудью къ по́лотну,
А идетъ зобать пшену да бѣлоярову;
Старыя казакъ да Илья Муромецъ
А идетъ ёнъ да во бѣлъ шатёръ.
Приходитъ Илья Муромецъ во бѣлъ шатёръ;
Въ томъ бѣло́мъ шатри двѣнадцать-то бога́тырей
И бога́тыри всё святорусьскіи,
Они сѣли хлѣба соли кушати
А и сѣли-то они да пообѣдати.
Говоритъ Илья да таковы слова:
«Хлѣбъ да соль, бога́тыри да святорусьскіи
«А и крестный ты мой батюшка
«А й Самсонъ да ты Самойловичъ!»
Говоритъ ему да крестный батюшка:
— А й поди ты крестничекъ любимыи,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ,
— А садись-ко съ нами пообѣдати. —
И онъ выскалъ ли да на рѣзвы́ ноги,
Съ И́льей Муромцемъ да поздоровкались
Поздоровкались они да цѣловалися,

Посадили Илью Муромца да за единый столъ
Хлѣба соли да покушати.
Ихъ двѣнадцать-то богáтырей,
Илья Муромецъ да онъ тринадцатый.
О́ны пóѣли, попúли, пообѣдали,
Выходили зъ-за стола изъ-за дубоваго,
Они Господу Богу помолилися;
Говорилъ имъ старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Крестный ты мой батюшка Самсонъ Самойловичъ
«И вы руськіи могучіи богáтыри!
«Вы сѣдлайте-тко добры́хъ коней
«А й садитесь вы да на добры́хъ коней,
«Поѣзжайте-тко да во роздольицо чистó поле,
«А й подъ тотъ подъ славный стольній Кіевъ градъ.
«Какъ подъ нашимъ-то подъ городомъ подъ Кіевомъ
«А стоитъ собака Калинъ царь,
«А стоитъ со вóйскамы великима,
«Розорить хотúтъ ёнъ стольній Кіевъ градъ,
«Чернедь мужиковъ онъ всѣхъ повырубить,
«Божьи церквы всѣ на дымъ спустить,
«Князю-то Владыміру да со Опраксой королевичной
«Онъ срубить-то хочетъ буйны головы.
«Вы постойте-тко за вѣру за отечество,
«Вы постойте-тко за славный стольній Кіевъ градъ
«Вы постойте-тко за церквы-ты за Божіи,
«Вы поберегите-тко князя̀ Владыміра
«И со той Опраксой королевичной!»
Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:
— Ай же крестничекъ ты мой любимыій,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добры́хъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чистó поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,

— Да не будемъ мы стоять за стольнiй Кiевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи́ церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя̀ Владымiра
— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есте много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и по́итъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владымiра. —
Говоритъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же ты мой крестный батюшка,
«А й Самсонъ да ты Самойловичъ!
«Это дѣло у насъ будетъ нехорошее,
«Какъ собака Калинъ царь онъ розоритъ да Кiевъ градъ,
«Да онъ чернедь мужиковъ-то всѣхъ повырубитъ,
«Да онъ Божьи церквы всѣ на дымъ спуститъ,
«Да князю̀ Владымiру съ Опраксой королевичной
«А онъ срубитъ имъ да буйныя головушки.
«Вы сѣдлайте-тко добры́хъ коней
«И садитесь-ко вы на добры́хъ коней,
«Поѣзжайте-тко въ чисто́ поле подъ Кiевъ градъ,
«И постойте вы за вѣру за отечество,
«И постойте вы за славный стольнiй Кiевъ градъ,
«И постойте вы за церквы-ты за Божiи,
«Вы поберегите-тко князя̀ Владымiра
«И со той съ Опраксой королевичной».
Говоритъ Самсонъ Самойловичъ да таковы слова:
— Ай же крестничекъ ты мой любимыiй,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добры́хъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чисто́ поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
— Да не будемъ мы стоять за стольнiй Кiевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи́ церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя̀ Владымiра

— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есте много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и пóитъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владыміра. —
Говоритъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же ты мой крестный батюшка,
«Ай Самсонъ да ты Самойловичъ,
«Это дѣло у насъ будетъ нехорошее!
«Вы сѣдлайте-тко добры́хъ коней
«И садитесь-ко вы на добры́хъ коней,
«Поѣзжайте-тко въ чистó поле подъ Кіевъ градъ,
«И постойте вы за вѣру за отечество,
«И постойте вы за славный стольній Кіевъ градъ,
«И постойте вы за церквы-ты за Божіи,
«Вы поберегите-тко князя̀ Владыміра
«И со той съ Опраксой королевичной».
Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:
— Ай же крестничекъ ты мой любимыій,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добры́хъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чистó поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
— Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи́ церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя̀ Владыміра
— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есте много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и пóитъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владыміра. —
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ какъ видитъ, что дѣлò ему не пóлюби,
А й выходитъ-то Илья да со бѣлá шатра,
Приходилъ къ добрỳ коню да богатырскому,

Бралъ его за поводы шелкóвыи,
Отводилъ отъ пóлотна отъ бѣлаго
А отъ той пшены отъ бѣлояровой,
Да садился Йлья на добрá коня,
То онъ ѣхалъ по роздольицу чисту полю
И подъѣхалъ онъ ко вóйскамъ ко татарскiимъ.
Не ясёнъ соколъ да напущаетъ на гусей на лебедей
Да на малыхъ перелётныихъ на сѣрыхъ утушекъ,
Напущаетъ-то богáтырь святорусьскiя
А на тую ли на силу на татарскую.
Онъ спустилъ коня да богатырскаго,
Да поѣхалъ ли по той по силушкѣ татарскоей,
Сталъ онъ силушку конёмъ топтать,
Сталъ конёмъ топтать, копьёмъ колоть,
Сталъ онъ бить ту силушку великую,
А онъ силу бьетъ будтò траву коситъ.
Его добрый конь да богатырскiи
Испровѣщился язы́комъ человѣческимъ:
— Ай же славныи богáтырь святорусьскiи!
— Хоть ты наступилъ на силу на великую,
— Не побить тоби той силушки великiи:
— Нагнанó у собаки царя Калина,
— Нагнанó той силы много множество,
— И у нéго есте сильныи богáтыри,
— Поляницы есте да удалыи;
— У него собаки цáря Калина
— Сдѣланы-то трои вѣдь подкопы да глубокiи
— Да во славноемъ роздольицѣ чистóмъ поли.
— Когда будешь ѣздить по тому роздольицу чисту́ полю,
— Будешь бить-то силу ту великую,
— Какъ просядемъ мы въ подкопы во глубокiи,
— Такъ изъ первыихъ подкоповъ я повыскочу
— Да тобя оттуль-то я повыздыну;
— Какъ просядемъ мы въ подкопы-ты во дру́гiи,

— И оттуль-то я повыскочу
— И тобя̀ оттуль-то я повыздыну;
— Еще въ третьи подкопы во глубокіи,
— А вѣдь тутъ-то я повыскочу,
— Да оттуль тебя-то не повыздыну,
— Ты останешься въ подкопахъ во глубокіихъ. —
А йще старыя казакъ да Илья Муромецъ
Ему дѣло-то вѣдь не слюбилоси,
И беретъ онъ плётку шелкову въ бѣлы́ руки,
А онъ бьетъ коня да по крутымъ ребрамъ,
Говорилъ ёнъ ко́ню таковы слова:
«Ай же ты собачище измѣнное!
«Я тобя кормлю пою да и ула́живаю,
«А ты хочешь меня оставить во чисто́мъ поли,
«Да во тыхъ подкопахъ во глубокіихъ!»
И поѣхалъ Илья по роздольицу чисту́ полю
Во ту̀ю во силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть
И онъ бьетъ-то силу какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила не уме́ньшится.
Й онъ просѣлъ въ подкопы во глубокіи;
Ёго добрый конь оттуль повыскочилъ,
Онъ повыскочилъ, Илью оттуль повыздынулъ.
Й онъ спустилъ коня да богатырскаго
По тому роздольицу чисту́ полю
Во ту̀ю во силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть,
И онъ бьетъ-то силу какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
На добро́мъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
Й онъ просѣлъ съ конемъ да богатырскіимъ,
Й онъ попалъ въ подкопы-ты во дру́гіи;
Ёго добрый конь оттуль повыскочилъ
Да Илью оттуль повыздынулъ.

Й онъ спустилъ коня да богатырскаго
По тому роздольицу чисту́ полю
Во тую во силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть,
Й онъ бьетъ-то силу какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
На добромъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
Й онъ попалъ въ подкопы-ты во третьіи,
Онъ просѣлъ съ конёмъ въ подкопы-ты глубокіи;
Его добрый конь да богатырскіи
Еще съ третьіихъ подкоповъ онъ повыскочилъ,
Да оттуль Ильи онъ не повыздынулъ,
Сголзанулъ[1]) Илья да со добра́ коня
Й оставался онъ въ подкопѣ во глубокоемъ.
Да пришли татара-то поганыи
Да хотѣли захватить они добра́ коня;
Его конь-то богатырскіи
Не сдался имъ во бѣлы́ руки,
Убѣжалъ-то добрый конь да во чисто́ поле.
Тутъ пришли татара-ты поганыи
А напа́дали на стараго каза́ка Илью Муромца,
А й сковали ему ножки рѣзвыи,
И связали ему ручки бѣлыи.
Говорили-то татары таковы слова:
«Отрубить ему да буйную головушку».
Говорятъ ины татара таковы слова:
«А й не надо ру́бить ему буйной го́ловы,
«Мы сведёмъ Илью къ собакѣ ца́рю Калину,
«Что онъ хочетъ, то надъ нимъ да сдѣлаетъ».
Повели Илью да по чисту́ полю
А ко тымъ полаткамъ полотняныимъ,
Приводили ко полаткѣ полотняноей,

1) Соскользнулъ.

Привели его къ собакѣ ца́рю Калину,
Становили супроти́въ собаки ца́ря Калина.
Говорили татара таковы слова:
«Ай же ты собака да нашъ Калинъ царь!
«Захватили мы да стараго каза́ка Илью Муромца
«Да во тыхъ-то во подкопахъ во глубокіихъ,
«И привели къ тобѣ къ собакѣ ца́рю Калину;
«Что ты знаешь, то надъ нимъ и дѣлаешь».
Тутъ собака Калинъ царь говорилъ Ильѣ да таковы слова:
— Ай ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Молодой щенокъ да напустилъ на силу на великую,
— То́бѣ гдѣ-то одному побить моя сила̀ великая!
— Вы роскуйте-тко Ильѣ да ножки рѣзвыи,
— Розвяжите-тко Ильѣ да ручки бѣлыи. —
И росковали ему ножки рѣзвыи,
Розвязали ему ручки бѣлыи.
Говорилъ собака Калинъ царь да таковы слова:
— Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Да садись-ко ты со мной а за единый столъ,
— Ѣшь-ко ѣствушку мою саха́рнюю,
— Да и пей-ко мои питьица медвяныи,
— И одежь-ко ты мою одежу дорогоцѣнную,
— И держи-тко[1]) мо̀ю золоту казну,
— Золоту казну держи по надобью,
— Не служи-тко ты князю̀ Владыміру,
— Да служи-тко ты собакѣ ца́рю Калину. —
Говорилъ Илья да таковы слова:
«А й не сяду я съ тобой да за единый столъ,
«Не буду́ ѣсть твоихъ ѣствушекъ саха́рніихъ,
«Не буду́ пить твоихъ питьицевъ медвяныихъ,
«Не буду́ носить твоей одежи дорогоцѣнныи,
«Не буду́ держать твоей бсзсчетной золотой казны,

---

1) Т. е. издерживай.

«Не буду́ служить тобѣ собакѣ ца́рю Калину,
«Еще бу́ду слу́жить я за вѣру за отечество,
«А й буду́ стоять за стольній Кіевъ градъ,
«А буду́ стоять за церквы за Господніи,
«А буду́ стоять за князя за Владыміра
«И со той Опраксой королевичной».
Тутъ саро́й казакъ да Илья Муромецъ
Онъ выходитъ со полатки полотняноей
Да ушолъ въ роздольицо въ чисто́ поле.
Да тѣснить стали его татара-ты поганыи,
Хо́тятъ обневолить они стараго каза́ка Илью Муромца.
А у стараго казака Ильи Муромца
При соби да не случилось-то доспѣховъ крѣпкіихъ,
Нечѣмъ-то ему съ татарамы да попротивиться.
Старыя казакъ да Илья Муромецъ
Видитъ ёнъ — дѣло́ немалое,
Да схватилъ татарина ёнъ за ноги,
Тако сталъ татариномъ помахивать,
Сталъ ёнъ бить татаръ татариномъ,
Й отъ него татара стали бѣгати,
И прошолъ ёнъ скрозь всю силушку татарскую,
Вышелъ онъ въ роздольицо чисто́ поле,
Да онъ бросилъ-то татарина да въ сторону,
То идетъ онъ по роздольицу чисту полю.
При соби-то нѣтъ коня да богатырскаго,
При соби-то нѣтъ доспѣховъ крѣпкіихъ.
Засвисталъ въ свистокъ Илья онъ богатырскій,
Услыхалъ ёго̆ добрый конь да во чисто́мъ полѣ,
Прибѣжалъ онъ къ старому каза́ку Ильѣ Муромцу.
Еще старыя казакъ да Илья Муромецъ
Какъ садился онъ да на добра́ коня
И поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Выскочилъ онъ да на го́ру на высокую,
Посмотрѣлъ-то подъ восточную онъ сторону,

А й подъ той ли подъ восточной подъ сторонушкой
А й у тыхъ ли у шатровъ у бѣлыихъ
Стóятъ добры кони богатырскіи.
А тутъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Опустился ёнъ да со добрá коня,
Бралъ свой тýгой лукъ розрывчатой въ бѣлы́ ручки,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Й онъ спущалъ ту стрѣлочку во бѣлъ шатёръ,
Говорилъ Илья да таковы слова:
«А лети-тко, стрѣлочка каленая,
«А лети-тко, стрѣлочка, во бѣлъ шатёръ,
«Да сыми-тко крышу со бѣлá шатра,
«Да пади-тко стрѣлка на бѣлы́ груди
«Къ моему ко батюшкѣ ко крестному,
«И проголзни-тко[1]) по груди ты по бѣлыи,
«Сдѣлай-ко ты сцапину[2]) да маленьку,
«Маленькую сцапинку да невеликую.
«Онъ и спитъ тамъ, прохлажается,
«А мнѣ здѣсь-то одному да мало можется».
Й онъ спустилъ какъ эту тетивочку шелкóвую
Да спустилъ онъ эту стрѣлочку каленую,
Да просвиснула какъ эта стрѣлочка каленая
Да во тотъ во славныи во бѣлъ шатёръ,
Она сняла крышу со бѣлá шатра,
Пала она стрѣлка на бѣлы́ груди
Ко тому ли-то Самсону ко Самойлŏвйчу,
По бѣлóй груди вѣдь стрѣлочка проголзнула,
Сдѣлала она да сцапинку-то маленьку.
А й тутъ славныя богáтырь свято-русьскіи,
А й Самсонъ-то вѣдь Самойловичъ,

---

1) Т. с. проскользни.
2) Т. е. царапину.

Пробудился-то Самсонъ отъ крѣпка сна,
Пороскинулъ свои очи ясныи,
Да какъ снята крыша со бѣла́ шатра
Пролетѣла стрѣлка по бѣло́й груди,
Она сцапиночку сдѣлала да на бѣло́й груди.
Й онъ скорешенько сталъ на рѣзвы́ ноги,
Говорилъ Самсонъ да таковы слова:
— Ай же славныи мои бога́тыри вы святорусьскіи,
— Вы скорешенько сѣдлайте-тко добры́хъ коней,
— Да садитесь-тко вы на добры́хъ коней!
— Мнѣ отъ крестничка да отъ любимаго
— Прилетѣли-то подарочки да не любимыи,
— Долетѣла стрѣлочка каленая
— Черезъ мой-то славный бѣлъ шатёръ,
— Она крышу сня́ла вѣдь да со бѣла́ шатра,
— Да проголзнула-то стрѣлка по бѣло́й груди,
— Она сцапинку-то дала по бѣло́й груди,
— Только малу сцапинку-то дала невеликую:
— Погодился мнѣ Самсону крестъ на вороти,
— Крестъ на вороти шести пудовъ;
— Есть бы не былъ крестъ да на моёй груди,
— Оторвала бы мнѣ буйну голову. —
Тутъ бога́тыри всѣ святорусьскіи
Скоро вѣдь сѣдлали да добры́хъ коней
И садились мо́лодцы да на добры́хъ коней,
И поѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
Ко тому ко городу ко Кіеву,
Ко́ тымъ они силамъ ко татарскіимъ.
А со той горы да со высокіи
Усмотрѣлъ ли старыя казакъ да Илья Муромецъ,
А то ѣдутъ вѣдь бога́тыри чисты́мъ полемъ,
А то ѣдутъ вѣдь да на добры́хъ коняхъ.
И спустился ёнъ съ горы высокіи
И подъѣхалъ ёнъ къ бога́тырямъ ко святорусьскіимъ:

Ихъ двѣнадцать-то богáтырей, Илья тринадцатый.
И пріѣхали они ко силушкѣ татарскоей,
Припустили кóней богатырскіихъ,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тутъ всю силушку великую,
И пріѣхали къ полаткѣ полотняноей;
А сидитъ собака Калинъ царь въ полаткѣ полотняноей.
Говорятъ-то какъ богáтыри да святорусьскіи:
— А срубить-то буйную головушку
— А тому собакѣ цáрю Калину. —
Говорилъ старóй казакъ да Илья Муромецъ:
«А почто рубить ему да буйная головушка?
«Мы свезёмте-тко его во стольній Кіевъ градъ
«Да й ко славному ко князю ко Владыміру».
Привезли его собаку цáря Калина
А во тотъ во славный Кіевъ градъ
Да ко славному ко князю ко Владыміру,
Привели его въ полату бѣлокаменну
Да ко славному ко князю ко Владыміру.
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ беретъ собаку за бѣлы́ руки
И садилъ его за столики дубовыи,
Кóрмилъ его ѣствушкой сахáрнею
Да поилъ-то питьицемъ медвяныимъ.
Говорилъ ему собака Калинъ царь да таковы слова:
— Ай же ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской,
— Не сруби-тко мнѣ да буйной гóловы!
— Мы напишемъ прóмежъ собой записи великіи,
— Буду тéбѣ плáтить дани вѣкъ и пó вѣку,
— А тобѣ-то князю я Владыміру! —
А тутъ той старинкѣ и славý поютъ,
А по тыихъ мѣстъ старинка и покончилась.

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

76.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРѢ СО ВЛАДИМІРОМЪ.

Славныя Владыміръ стольнё-кіевской
Собиралъ-то онъ славный почестенъ пиръ
На многи́хъ князей онъ и бояровъ,
Славныхъ сильныихъ могучіихъ бога́тырей;
А на пиръ ли-то онъ не́ позвалъ
Стараго каза́ка Ильи Муромца.
Старому каза́ку Ильѣ Муромцу
За досаду показалось-то великую,
Й онъ не знаетъ что вѣдь сдѣлати
Супроти́въ тому князю̀ Владыміру.
Й онъ беретъ-то какъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
А онъ стрѣлочки беретъ каленыи,
Выходилъ Илья онъ да на Кіевъ градъ
И по граду Кіеву сталъ онъ похаживать
И на матушки Божьи̇ церквы погуливать.
На церквахъ-то онъ кресты вси да повыломалъ,
Маковки онъ золочены вси повыстрѣлялъ.
Да кричалъ Илья онъ во всю голову,
Во всю голову кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ай же пьяници вы го́люшки кабацкіи!
«Да и выходите съ кабаковъ домовъ питейныихъ
«Й обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
«То несите въ кабаки въ домы̇ питейные,
«Да вы пейте-тко да ви́на до́сыта».
Тамъ доносятъ-то вѣдь князю да Владыміру:
— Ай Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— А ты ѣшь да пьешь да на честно́мъ пиру,
— А какъ старой-отъ казакъ да Илья Муромецъ
— Ёнъ по городу по Кіеву похаживатъ,
— Ёнъ на матушки Божьи́ церквы погуливатъ,
— На Божьи́хъ церквахъ кресты повыломилъ

— А всѣ маковки онъ золоченыи повыстрѣлялъ;
— А й кричитъ-то вѣдь Илья онъ во всю голову,
— Во всю голову кричитъ онъ громкимъ голосомъ:
— Ай же пьяницы вы го́люшки кабацкіи!
— Да и выходите съ кабаковъ домовъ питейныихъ
— Й обирайте-тко вы маковки да золоченыи,
— То несите въ кабаки въ домы̀ питейные
— Да вы пейте-тко да ви́на до́сыта. —
Тутъ Владиміръ князь да стольнё-кіевской
И онъ сталъ Владыміръ дума думати,
Ёму какъ-то надобно съ Ильей да помиритися.
И завелъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской,
Онъ завелъ почестенъ пиръ да и на дру́гой день.
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Да 'ще онъ сталъ да и дума думати:
«Мнѣ кого послать будѐтъ на пиръ позвать
«Того стараго каза́ка Илью Муромца?
«Самому пойти мнѣ-то Владыміру не хочется,
«А Опраксія послать, то не къ лицу идетъ».
Й онъ какъ шолъ-то по столовой своей горенкѣ,
Шолъ-то онъ о столики дубовыи,
Становился супротѝвъ моло́даго Добрынюшки,
Говорилъ Добрыни таковы слова:
«Ты молоде́нькой Добрынюшка, сходи-тко ты
«Къ старому каза́кѣ къ Ильи Муромцу,
«Да зайди въ полаты бѣлокаменны,
«Да пройди-тко во столовую во горенку,
«На пяту̀-то дверь ты порозмахивай
«Еще крестъ клади да й по писа́ному,
«Да й поклонъ веди-тко по уче́ному,
«А й ты бей челомъ да низко кланяйся
«А й до тыхъ половъ и до кирпичныихъ
«А й до самой матушки сырой земли
«Старому каза́кѣ Ильи Муромцу,

«Говори-тко Ильи́ ты да таковы слова:
««Ай ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
««Я пришолъ къ тобѣ отъ князя отъ Владыміра
««Й отъ Опраксіи отъ королевичной,
««Да пришолъ тобе позвать я на почестенъ пиръ»».
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Ёнъ скорешенько-то сталъ да на рѣзвы́ ноги,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Да онъ шапочку соболью на одно ушко,
Выходилъ онъ со столовою со горенки,
Да й прошолъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ Добрыня онъ на Кіевъ градъ,
Ёнъ пошолъ-то какъ по городу по Кіеву,
При́шолъ къ старому каза́кѣ къ Ильѣ Муромцу
Да въ его полаты бѣлокаменны,
Ёнъ пришолъ какъ во столовую во горенку,
На пяту́-то онъ дверь да порозмахивалъ,
Да онъ крест-отъ клалъ да по писа́ному,
Да й поклоны велъ да по учё́ному,
А 'ще билъ-то онъ челомъ да низко кланялся
А й до тыхъ половъ и до кирпичныихъ
Да й до самой матушки сырой земли,
Говорилъ-то онъ Ильи да таковы слова:
«Ай же братецъ ты мой да крестовыи,
«Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«Я къ тоби посла́нъ отъ князя отъ Владыміра,
«Отъ Опраксы королевичной,
«А й позвать тобя да й на почестенъ пиръ».
Еще старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы́ ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Да онъ шапоньку соболью на одно ушко,
Выходили со столовыи со горенки,
Да прошли они полатой бѣлокаменной,

Выходили-то они на стольній Кіевъ градъ,
По́шли оны кὸ князю къ Владыміру
Да й на славный-отъ почестенъ пиръ.
Тамъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ во горенки да вѣдь похаживалъ,
Да въ окошечко онъ князь посматривалъ,
Говоритъ-то со Опраксой королевичной:
«Подойдутъ ли кὸ мнѣ какъ два русскіихъ бога́тыря
«Да на мой-отъ славный на почестенъ пиръ?»
И прошли они въ полату въ бѣлокаменну,
И взошли они въ столовую во горенку.
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Со Опраксіей да королевичной
Подошли-то они къ старому каза́кѣ къ Ильѣ Муромцу,
Они брали-то за ручушки за бѣлыи,
Говорили-то они да таковы слова:
«Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
«Твоё мѣ́стечко было́ да вѣдь пониже всихъ,
«То́перь мѣ́стечко за столикомъ повыше всихъ!
«Ты садись-ко да за столикъ за дубовыи».
Тутъ кормили его ѣствушкой саха́рнею,
А й поили питьицемъ медвяныимъ.
Они тутъ съ Ильей и помирилися.

Записано тамъ же, 8 іюля.

77.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ДОЧЬ ЕГО.

(См. Рыбникова, т. I, 12).

А й на славноей московскоей на за́ставы
Стояло́ двѣпадцать бога́тырей ихъ святорусьскіихъ,
А по нёй по славной по московскоей по за́ставы

А й пѣхотою никто да не прохаживалъ,
На добро́мъ кони никто тутъ не проѣзживалъ,
Птица черный воронъ не пролетывалъ,
А й 'ще сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ.
А й то черезъ эту славную московскую-то за́ставу
Ѣдетъ поляничища уда́лая,
А й удала поляничища великая,
Конь подъ нёю какъ сильня́ гора,
Поляница на кони будто́ сѣнна́ копна,
У ней шапочка надѣта на головушку
А й пушистая сама завѣсиста,
Спереду-то не видать личка́ румянаго
И сзаду́ не видѣть шеи бѣлоей.
Ёна ѣхала собака насмѣялася,
Не сказала Божьёй помочи бога́тырямъ,
Ена ѣдетъ прямоѣзжею дорожкой къ стольне-Кіеву.
Говоритъ тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же братьица мои крестовыи,
«Ай бога́тыря вы святорусьскіи,
«Ай вы славная дружинушка хоробрая!
«Кому ѣхать намъ въ роздольице чисто́ поле?
«Поотвѣдать надо силушки великою
«Да й у той у поляници у удалою».
Говорилъ-то тутъ Олешенка Григорьевичъ:
— Я поѣду во роздольицо чисто́ поле,
— Посмотрю на поляницу на удалую. —
Какъ садился-то Олеша на добра́ коня,
А онъ выѣхалъ въ роздольицо чисто́ поле,
Посмотрѣлъ на поляницу зъ-за сыра́ дуба,
Да не смѣлъ онъ къ поляницѣ той подъѣхати,
Да й не могъ у ней онъ силушки отвѣдати.
Поскорешенько Олеша поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на за́ставу московскую,
Говорилъ-то и Олеша таковы слова:

— Ай вы славныи богáтыри да святорусьскiи!
— Хоть-то былъ я во роздольицѣ чистóмъ поли,
— Да й не смѣлъ я къ поляничищу подъѣхати,
— А й не могъ я ý ней силушки отвѣдати. —
Говоритъ-то тутъ молоденькой Добрынюшка:
«Я поѣду во роздольицо чистó поле,
«Посмотрю на поляницу на удалую».
Тутъ Добрынюшка садился на добрá коня
Да й поѣхалъ во роздольицо чистó поле,
Онъ наѣхалъ поляницу во чистóмъ поли,
Такъ не смѣлъ онъ къ поляницищу подъѣхати,
Да не могъ у ней онъ силушки отвѣдати.
Ѣздитъ поляница по чистý полю
На добрóмъ кони на богатырскоёмъ,
Ёна ѣздитъ въ поли, сама тѣшится,
На правóй руки у нёй-то соловéй сидитъ,
На лѣвóй руки да жавролёночекъ.
А й тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
Да не смѣлъ онъ къ поляницѣ той подъѣхати,
Да не могъ у ней онъ силы поотвѣдати;
Поскорешенько назадъ онъ поворотъ держалъ,
Прiѣзжалъ на зáставу московскую.
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«Ай же братьица мои да вы крестовыи,
«Да богáтыря вы славны святорусьскiи!
«То хоть былъ я во роздольицѣ чистóмъ поли,
«Посмотрѣлъ на поляницу на удалую,
«Она ѣзди въ поли, сама тѣшится,
«На правóй руки у нёй-то соловей сидитъ,
«На лѣвóй руки да жавролёночекъ.
«Да не смѣлъ я къ поляницѣ той подъѣхати
«И не могъ-то у ней силушки отвѣдати.
«Ёна ѣдетъ-то ко городу ко Кiеву,
«Ёна кличетъ выкликаетъ поединщика,

«Супротивъ собя да супротивника,
«Изъ чистá поля да и наѣздника,
«Поляница говоритъ да таковы слова:
««Какъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
««Какъ не дáетъ мнѣ-ка онъ да супротивника,
««Изъ чистá поля да и наѣздника,
««А й пріѣду я тогда во славной стольній Кіевъ градъ,
««Розорю-то славный стольній Кіевъ градъ,
««А я чернедь мужичковъ-тыхъ всихъ повырублю
««А Божьи́ церквы я всѣ на дымъ спущу,
««Самому князю́ Владыміру я головý срублю
««Со Опраксіёй да съ королевичной!»»
Говоритъ имъ старыій казакъ да Илья Муромецъ:
— А й богáтыря вы святорусьскіи,
— Славная дружинушка хоробрая!
— Я поѣду во роздольицо чистó поле,
— На бою-то мнѣ-ка смерть да не написана;
— Поотвѣдаю я силушки великою
— Да у той у поляницы у удалою. —
Говорилъ ему Добрынюшка Микитинецъ:
«Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«Ты поѣдешь во роздольицо чистó поле
«Да на тыя на удары на тяжелыи,
«Да й на тыя на побоища на смёртныи,
«Намъ кудá велишь итти да й кýды ѣхати?»
Говорилъ-то имъ Илья да таковы слова:
— Ай же братьица мои да вы крестовыи!
— Поѣзжайте-тко роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
— Заѣзжайте вы на гору на высокую,
— Посмотрите вы на драку богатырскую:
— Надо мною будетъ братци безвременьице,
— Такъ поспѣйте ко мни братьица на выруку.—
Да й садился тутъ Илья да на добрá коня,
Ёнъ поѣхалъ по роздольицу чистý полю,

Ёнъ повыскочилъ на гору на высокую,
А й сходилъ Илья онъ со добра́ коня,
Посмотрѣлъ на поляницу на удалую,
Какъ-то ѣздитъ поляничищо въ чисто́мъ поли;
Й она ѣздитъ поляница по чисту́ полю
На добро́мъ кони на богатырскоёмъ,
Она шуточки-ты шутитъ не великіи,
А й кидаетъ она палицу булатнюю
А й подъ облаку да подъ ходячую,
На добро́мъ кони она да вѣдь подъѣзживатъ,
А й одною ру́кой палицу подхватыватъ,
Какъ перомъ-то лебединымъ поигрыватъ,
А й такъ эту палицу булатнюю покидыватъ.
И подходилъ-то какъ Илья онъ ко добру́ коню,
Да онъ палъ на бе́дра лошадиныи,
Говорилъ-то какъ Илья онъ таковы слова:
— Ай же бурушко мой маленькой косматенькой!
— Послужи-тко мнѣ да вѣрой правдою,
— Вѣрой правдой послужи-тко неизмѣнною,
— А й по старому служи еще по прежному,
— Не отдай меня татарину въ чисто́мъ поли,
— Чтобъ срубилъ мнѣ-ка̀ татаринъ буйну голову! —
А й садился тутъ Илья онъ на добра́ коня,
То онъ ѣхалъ по роздолью по чисту́ полю
Й онъ наѣхалъ поляницу во чисто́мъ поли,
Поляници онъ подъѣхалъ со бѣла́ лица,
Поляницу становилъ онъ супротивъ собя,
Говорилъ ёнъ поляници таковы слова:
— Ай же поляница ты уда́лая!
— Надобно другъ у́ друга́ намъ силушки отвѣдати.
— Порозъѣдемся съ роздольица съ чиста́ поля
— На своихъ на до́брыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
— Да пріударимъ-ко во палици булатніи,
— А й тутъ силушки другъ у́ друга́ й отвѣдаёмъ. —

Порозъѣхались онѣ да на добры́хъ коняхъ
Да й по славну по роздольицу чисту́ полю,
Й оны съѣхались съ чиста́ поля да со роздольица
На своихъ-то ко́няхъ богатырскіихъ,
То пріударили во палици булатніи,
Ёны другъ друга́-то били по бѣлы́мъ грудямъ,
Ёны били другъ друга́ да не жалухою
Да со всёю сво́ей силы съ богатырскою, —
У нихъ палицы въ рукахъ да й погибалися
А й по маковкамъ да й отломилися.
А подъ ни́ма-то доспѣхи были крѣпкіи,
Ёны другъ друга́ не сшибли со добры́хъ коней,
А не били о́ны другъ друга́, не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
Говорили-то оны да промежду́ собой:
«Какъ намъ силушка́ другъ у друга́ отвѣдати?
«Порозъѣхаться съ роздольица съ чиста́ поля
«На своихъ на добрыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
«Пріударить надо въ копья въ муржамецкіи,
«Тутъ мы силушка́ другъ у друга́ й отвѣдаёмъ».
Порозъѣхались оны да на добры́хъ коняхъ
А й во славноё въ роздольицо чисто́ поле,
Припустили о́ны другъ къ другу́ добры́хъ коней,
Порозъѣхались съ роздольица съ чиста́ поля,
Пріударили во копья въ муржамецкіи,
Ёны другъ друга́-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по бѣлы́мъ грудямъ,
Такъ у нихъ въ рукахъ-то копья погибалися
А й по маковкамъ да й отломилися.
Такъ доспѣхи-ты подъ ни́ма были крѣпкіи,
Ёны другъ друга́ не сшибли со добры́хъ коней,
Да й не били, другъ друга́ не ранили,
Никотораго мѣстечка не кровавили.

Становили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
Говорили-то оны да промежду́ собой:
«А 'ще какъ-то намъ у другъ друга́-то силушка отвѣдати?
«Надо биться-то намъ боемъ рукопашкою,
«Тутъ у другъ друга мы силушка отвѣдаемъ».
Тутъ сходили молодци съ добры́хъ коней,
Опустилися на матушку сыру землю,
Пошли-то о́ны биться боемъ рукопашкою.
Еще эта поляничища удалая
А й весьма была она да зла-догадлива
Й учена́ была бороться объ одной ручкѣ;
Подходила-то ко старому каза́кѣ къ Ильѣ Муромцу,
Подхватила-то Илью да на косу́ бодру *(такъ)*,
Да спустила-то на матушку сыру́ землю,
Да ступила Ильѣ Муромцу на бѣлу грудь,
Она брала-то рогатину звѣриную,
Заносила-то свою да руку правую,
Заносила руку выше го́ловы,
Опустить хотѣла ниже пояса....
На бою-то Йльѣ смерть и не написана,
У ней правая рука въ плечи да застоялася,
Во ясны́хъ очахъ да й помутился свѣтъ,
Она стала у бога́тыря выспрашивать:
«Ай скажи-тко ты богатырь святорусьскіи,
«То́бе какъ-то молодца да именёмъ зовутъ,
«Звеличаютъ удало́го по отечеству?»
А йще старыя казак-отъ Илья Муромецъ,
Розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Й онъ смахнулъ своёй да правой ручушкой,
Да онъ сшибъ-то вѣдь бога́тыря съ бѣло́й груди,
Ёнъ скорешенко скочилъ-то на рѣзвы́ ножки,
Онъ хватилъ какъ поляницу на косу́ бодру,
Да спустилъ онъ ю на матушку сыру́ землю,
Да ступилъ онъ поляници на бѣлы́ груди,

А й беретъ-то въ руки свой булатній ножъ,
Заносилъ свою онъ ручку правую,
Заносилъ онъ выше го́ловы,
Опустить онъ хочетъ ручку ниже пояса;
А й по Божьему ли по велѣнію
Права ручушка въ плечи-то остояласи,
Въ ясныхъ очушкахъ-то помутился свѣтъ.
То онъ сталъ у поляничища выспрашивать:
— Да й скажи-тко, поляница, попровѣдай-ко,
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
— Еще какъ-то поляничку именéмъ зовутъ,
— Удалу́ю звеличаютъ по отечеству? —
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты старая базы́ка новодревная *(такъ)*!
«То́би просто надо мною насмѣхатися,
«Какъ стоишь-то на моёй да на бѣло́й груди,
«Во руки ты держишь свой булатній ножъ,
«Роспластать хоти́шь мои да груди бѣлыи!
«Я стояла на твоёй какъ на бѣло́й груди,
«Я пластала бы твои да груди бѣлыи,
«Доставала бы твоё сердцé со печеней
«Не спросила бы отца твоёго й матери,
«Твоегó ни роду я ни племени».
И розгорѣлось сердцо у богáтыря
Да й у стараго казáка Ильи Муромца,
Заносилъ-то онъ свою да ручку правую,
Заздыну́лъ онъ ручку выше головы,
Опустить хоти́тъ ю ниже пояса;
Тутъ по Божьему да по велѣнію
Права ручушка въ плечи да остояласяя,
Въ ясныхъ очушкахъ да й помутился свѣтъ,
Такъ онъ сталъ у поляницы-то выспрашивать:
— Ты скажи-тко поляница мни провѣдай-ко,
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,

— Тобя какъ-то поляничку именéмъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалу́ю по отечеству? —
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты старая базы́ка новодревная!
«Тоби просто надо мною насмѣхатися,
«Какъ стоишь ты на моёй да на бѣло́й груди,
«Во руки ты держишь свой булатнiй ножъ,
«Роспластать ты мни хоти́шь да груди бѣлыи!
«Какъ стояла бъ я да на твоёй бѣло́й груди,
«Я пластала бы твои да груди бѣлыи,
«Доставала бы твое сердцé со печенью,
«Не спросила бы ни батюшка ни матушки,
«Твоего-то я ни роду да ни племени».
Тутъ у стараго каза́ка Ильи Муромца
Розгорѣлось ёго сердце богатырское
Енъ еще занесъ да руку правую,
А й здыну́лъ-то ручку выше головы,
А спустить хотѣлъ ёнъ ниже пояса.
По Господнему тутъ по велѣнiю
Права ручушка въ плечи-то остоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ-то помутился свѣтъ.
Енъ еще-то сталъ у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-то поляница попровѣдай-ко,
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
— Тоби какъ мнѣ поляницу именёмъ назвать
— Й удалу́ю звеличати по отечеству? —
Говорила поляница таковы слова:
«Ты удаленькой дороднiй добрый мо́лодецъ,
«Ай ты славныя бога́тырь святорусьскiи!
«Когда сталъ ты у меня да и выспрашивать,
«Я про то стану́ теби высказывать.
«Есть я родомъ изъ земли да изъ Тальянскою[1])

1) Пѣвецъ сперва говорилъ: «во Глянскою» (или «въ Оглянскою»), а потомъ поправлялся: «во Тальянскою».

«У меня есть ро́дна матушка честна́ вдова,
«Да честна вдова она колачница,
«Ко́лачи пекла да тымъ меня воспи́тала
«А й до полнаго да вѣдь до возрасту;
«Тогда стала я имѣть въ плечахъ да силушку великую,
«Избирала мнѣ-ка матушка добра́ коня,
«А й добра коня да богатырскаго,
«Й отпустила ме́ня ѣхать на святую Русь
«Поискать соби да ро́дна батюшка,
«Поотвѣдать мнѣ да роду племени».
А й тутъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Енъ скоренько соскочилъ да со бѣло́й груди,
Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
Бралъ за перстни за злаченыи,
Онъ здыну́лъ-то ю со матушки сыро́й земли,
Становилъ-то онъ ю на рѣзвы́ ножки,
На рѣзвы́ онъ ножки ставилъ супротивъ себя,
Цѣловалъ ю во уста ёнъ во саха́рніи,
Называлъ ю со́би дочерью любимою:
— А когда я былъ во той земли во Тальянскою,
— Три году́ служилъ у короля тальянскаго,
— Да я жилъ тогда да й у честно́й вдовы,
— У честно́й вдовы да й у колачницы,
— У ней спалъ я на кроваткѣ на тесовоей
— Да на той перинкѣ на пуховоей,
— У самой ли у́ нёй на бѣло́й груди. —
Й о́ны сѣли на добры́хъ коней да порозъѣхались
Да по славну по роздольицу чисту́ полю.
Еще старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Пороздёрнулъ онъ свой ша́тёръ бѣлыи,
Да онъ легъ-то спать да й проклаждатися
А послѣ́ бою онъ да послѣ́ драки;
А й какъ эта поляничища удалая
Она ѣхала роздольицемъ чисты́мъ полемъ,

На кони она сидѣла, пороздумалась:
«Хоть-то съѣздила на славну на святую Русь,
«Такъ я на́жила себѣ посмѣхъ великіи:
«Этотъ славныи бога́тырь святорусьскіи
«А й онъ назвалъ тую мою матку блядкою,
«Ме́не назвалъ выблядкомъ.
«Я поѣду во роздольице въ чисто́ поле
«Да убью-то я въ поли́ бога́тыря,
«Не спущу это́й посмѣшки на святую Русь,
«На святую Русь да и на бѣлый свѣтъ».
Ёна ѣхала роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Насмотрѣла-то она да бѣлъ шатеръ
Подъѣзжала-то она да ко бѣлу́ шатру,
Она била-то рогатиной звѣриною
А во этотъ-то во славный бѣлъ шатеръ,
Улетѣлъ-то ша́теръ бѣлый съ Ильи Муромца.
Его доброй конь да богатырскіи
А онъ ржётъ-то конь да й во всю голову,
Бьетъ ногамы въ матушку въ сыру́ землю;
Илья Муромецъ онъ спитъ тамъ, не пробудится
Отъ того отъ крѣпка сна отъ богатырскаго.
Эта поляничища уда́лая
Ёна бьетъ его рогатиной звѣриною,
Ёна бьетъ его да по бѣло́й груди,
Еще спитъ Илья да й не пробудится
А отъ крѣпка сна отъ богатырскаго.
Погодился у Ильи да крестъ на вороти,
Крестъ на вороти да полтора пуда:
Пробудился онъ звону отъ крестоваго,
А й онъ скинулъ-то свои да ясны очушки,
Какъ надъ верхомъ-тымъ стоитъ вѣдь поляничища удалая,
На добро́мъ кони на богатырскоемъ,
Бьетъ рогатиной звѣриной по бѣло́й груди.
Тутъ скочилъ-то какъ Илья онъ на рѣзвы́ ноги,

А схватилъ какъ поляницу за желты́ кудри,
Да спустилъ енъ поляницу на сыру́ земля,
Да ступилъ енъ поляницы на праву́ ногу,
Да онъ дернулъ поляницу за лѣву́ ногу
А онъ на́двоё да ю поро́зорвалъ,
А й рубилъ онъ поляницу по мелки́мъ кускамъ.
Да садился-то Илья да на добра́ коня,
Да онъ рылъ-то[1]) ты кусочки по чисту́ полю
Да онъ перву половинку-то кормилъ сѣры́мъ волкамъ,
А другую половину чернымъ во́ронамъ.
А й тутъ поляници ёй славу́ поютъ,
Славу́ поютъ вѣкъ по́ вѣку.

Записано тамъ же, 6 іюля.

78.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Три годика Добрынюшка-то чашничалъ,
Три годика Добрынюшка-то стольничалъ,
Да три году́ Добрыня у воротъ стоялъ.
Похотѣлось-то моло́дому Добрынюшкѣ
Походить по городу по Кіеву,
Погулять по улицамъ широкіимъ,
По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ.
Говоритъ Добрынѣ ро́дна матушка:
«Ай же ты свѣтъ мое чадо милое,
«Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
«Ты ходи гуляй по городу по Кіеву
«Да й по всѣмъ-то уличкамъ широкіимъ,
«По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ,
«Не ходи только̀ въ татарскую въ слободушку,

---

1) Т. е. бросалъ.

«Не зайди только̀ въ Маринкину во улицу,
«А й убила-то Маринка трехъ бога́тырей,
«Да й убьётъ тобя она четвертаго».
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
Какъ беретъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
Бе́ретъ стрѣлочки Добрынюшка каленыи,
Й онъ пошолъ ходить по городу по Кіеву,
Й онъ гулялъ-то какъ по улицамъ широкіимъ,
По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ,
Прогулялъ онъ цѣлый день съ утра до вечера;
И на поздней онъ да то на вечерѣ
Похотѣлось молодому-то Добрынюшкѣ
Да й сходить ёму̀ въ татарскую слободушку
А й зайти-то во Маринкину во улицу,
По́смотрѣть на ней[1]) полаты бѣлокаменны.
Й онъ зашолъ-то какъ въ татарскую слободушку
Да й прошолъ-то во Маринкину во улицу,
Посмотрѣлъ на нёй полаты бѣлокаменны;
Какъ у ней-то у полаты бѣлокаменной
Порозвернута полатка полотняная,
Да й сидитъ-то какъ Маринка во полатки полотняноей,
Да й сидитъ она съ татариномъ поганыимъ,
А й со тымъ сидитъ Горынищемъ проклятыимъ,
Да й сидитъ она въ полаткѣ, сама гладится[2]).
То моло́дому Добрынюшкѣ-то дѣло не слюбилоси,
Й онъ беретъ свой ту́гой лукъ розрывчатой,
Во свои беретъ во бѣлыя въ ручушки,
Налагаетъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелко́веньку,
Онъ спустилъ тую тетивочку шелко́веньку
Да во эту въ стрѣлку во каленую.

---

1) Т. е. на ея.
2) Т. е. нѣжится.

Пролетѣла эта стрѣлочка каленая
А й во эту во полатку въ полотняную,
То онъ на-двоё Горынища й порóзорвалъ.
Тутъ хотúтъ какъ пòйти мóлодой Добрынюшка
Да со этой со татарской со слободушки
Да со этой ли съ Маринкиной со улицы,
Никуды Добрынюшки пойти-то нѣтъ пути;
А йще видитъ-то молоденькой Добрынюшка,
Что дѣлò-то есте да немалое,
Подошолъ онъ ко полаткѣ полотняноей,
Говорилъ-то ёнъ Маринкѣ таковы слова:
«А идешь ли ты Маринка за меня́ заму́жъ?»
Говорила-то Маринка таковы слова:
— А й молоденькой Добрынюшка,
— А ’ще славныя богáтырь святорусьскіи!
— Если ты возьмешь, такъ я заму́жъ иду
— За молóдаго Добрынюшку Никитича. —
Й онъ бралъ ю за ручушки за бѣлыи
И за нёй ю бралъ за перстни за злаченыи,
И выводитъ ю съ полатки полотняноей,
Становилъ-то онъ Маринку супротивъ собя,
Говорилъ-то онъ Маринкѣ таковы слова:
«А пойдемъ-ко мы Маринка во чистó поле,
«Вóкругъ ку́стышка ракитова съ тобою повѣнчаемся,
«Да тогда ты будешь вѣдь моя жена».
То какъ взялъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
Да за перстни ю бралъ за злаченыи,
Да й повелъ Маринку во чистó поле
Приводилъ онъ ю ко ку́стышку ракитову,
Вóкругъ ку́стышка ракитова они да повѣнчалися.
Становилъ-то ю Добрыня супротивъ собя,
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
«А й топерь-ко ты Маринка есть моя жена,
«А должна ты мни повиноватися».

То онъ бралъ свою да саблю вострую,
Во свои ю бралъ во бѣлы ру́чушки,
Й онъ смахнулъ-то сво́ёй саблей востроей,
И срубилъ-то онъ ёй ножки по колѣночкамъ;
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
«А й почто-то эти ноженки да рѣзвыи?
«Й оплетали-то татарина поганаго,
«А й того Горынища проклятаго».
Й онъ другой-то разъ смахнулъ да саблей востроей,
А срубилъ ёй ручки по локо́точкамъ;
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«А й почто-то эти бѣлыи да ручушки?
«Й обнимали-то татарина поганаго,
«А й того Горынища проклятаго».
И онъ е́ще третій разъ смахнулъ да саблей востроей,
А срубилъ-то ёй уста саха́рніи;
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«А й почто эты уста сахарніи?
«Цѣловали-то татарина поганаго,
«А й того Горынища проклятаго».
А й тутъ ей Маринки да славу́ поютъ
Славу́ поютъ вѣкъ по́ вѣку.

Записано тамъ же, 8 іюля.

79.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Да й споро́дила Добрыню ро́дна матушка
Да возро́стила до полнаго до возраста;
Сталъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
На добро́мъ конѣ въ чисто́ полё поѣзживать,
Сталъ онъ малыехъ змѣёнышевъ потаптывать.

Пріѣзжалъ Добрыня изъ чиста́ поля,
А й сходилъ-то какъ Добрынюшка съ добра́ коня
И онъ шолъ въ свою полату въ бѣлокаменну,
Проходилъ онъ во столову сво́ю горенку,
Ко своей ко ро́дною ко матушки.
Говорила тутъ Добрыни ро́дна матушка:
«Ай же свѣтъ моё цадо́ любимоё,
«Ты моло́денькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Ты на добро́мъ конѣ въ чисто́ поле поѣзживашь,
«Да ты малыехъ змѣёнышевъ потаптывашь.
«Не съѣзжай-ко ты моло́денькой Добрынюшка
«Да ты да́лече дале́че во чисто́ поле,
«Ко́ тымъ славныемъ горамъ да къ сорочинскіимъ,
«Да ко тымъ нора́мъ да ко змѣиныемъ,
«Не топци-ко ты тамъ малыехъ змѣёнышевъ,
«Не входи-ко ты во по́ры въ змѣиныя,
«Не выпущай-ко по́лоновъ оттуль расейскіихъ;
«Не съѣзжай-ко ты молоденькой Добрынюшка
«Ко той славною ко матушки къ Пучай-рѣки,
«Не ходи-ко ты купаться во Пучай-рѣки,
«То Пучай-рѣка очю̀нь свирипая,
«Во Пучай-рѣки двѣ струйки о́чюнь быстрыихъ:
«Перва струечка въ Пучай-рѣки быстры́мъ быстра,
«Дру́га струечка быстра, быдтò огонь сѣкетъ».
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Ро́дной матушки-то онъ не слушатся,
Выходилъ онъ со столовой сво́ей горенки
Да й во славныя полаты бѣлокаменны,
Й одѣвалъ соби одежицу снарядную
Да й рубашечки-манѣшечки шелко́веньки,
Всю одёжицу одѣлъ онъ да хорошеньку,
А хорошеньку одежицу снарядную;
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной
Да й на свой на славный на широ́къ на дворъ,

Заходилъ онъ во конюшеньку стоялую,
Бралъ добра́ коня онъ богатырскаго,
Бралъ добра́ коня Добрынюшка, засѣдлывалъ,
А й садился-то Добрыня на добра́ коня,
Да съ собою бралъ онъ палицу булатнюю,
Да й не для-радѝ да драки кроволитьица великаго,
А онъ бралъ-то для потѣхи молодецкою.
То повыѣхалъ Добрынюшка въ чисто́ поле
На добро́мъ кони на богатырскоёмъ,
То онъ ѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера
Да по славну по роздольицу чисту́ полю.
Похотѣлось-то моло́дому Добрынюшки
Ёму съѣздитѝ во да́лече чисто́ поле,
Да й ко тымъ горамъ ко сорочинскіемъ,
Да й ко тымъ норамъ да ко змѣиныемъ.
Й онъ спустилъ коня да богатырскаго,
Да й поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю.
Еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
Да й недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ:
То онъ день ѣдётъ по красному по солнышку,
Да онъ въ ночь ѣха́лъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Пріѣзжалъ онъ ко горамъ да къ сорочинскіемъ,
Сталъ онъ ѣздить по роздольицу чисту́ полю,
Онъ-то ѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера,
Потопталъ онъ много множество змѣёнышовъ.
Й услыхалъ-то тутъ моло́денькой Добрынюшка:
Ёго доброй конь да богатырскіи
А й сталъ на́ ноги да конь припадывать.
А й поѣхалъ-то моло́денькой Добрынюшка
Отъ тыхъ славныихъ отъ горъ отъ сорочинскіихъ
Да й отъ тыхъ отъ норъ онъ отъ змѣиныихъ,
Да й поѣхалъ-то Добрыня въ стольнёй Кіевъ градъ.
Е́ще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
Да й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ;

То онъ въ день ѣдéтъ по красному по солнышку,
А онъ въ ночь ѣдéтъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Онъ повыѣхалъ въ роздольицо въ чистó полё.
Похотѣлось тутъ млóдому Добрынюшки
Съѣздить-то ко славной ко Пучай-рѣки,
Посмотрѣть ему на славную Пучай-рѣку.
То онъ ѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Да пріѣхалъ онъ ко славной ко Пучай-рѣки,
Становилъ коня онъ богатырскаго,
Да й сходилъ Добрыня со добрá коня,
Посмотрѣлъ-то онъ на славную Пучай-рѣку.
Похотѣлось тутъ молóдому Добрынюшки
Покупатися во славной во Пучай-рѣки;
Онъ одёжицю съ собя снималъ всю дó-нага,
Да й пошолъ-то онъ купаться во Пучай-рѣку.
Тамъ на тую пору на то времецко
А й на славноёй да на Пучай-рѣки
Да й случились быть тутъ красны дѣвушки;
О́ны клеплютъ тонко бѣленькое платьицо,
Говорятъ оны молóдому Добрынюшки:
— Ты удаленькой дороднёй доброй молодецъ!
— То во нашою во славной во Пучай-рѣки
— Наги добры молодци не куплются,
— О́ны куплются въ тонки́хъ бѣлы́хъ полóтняныхъ рубашечкахъ. —
Говорилъ-то имъ молоденькой Добрынюшки:
«Ай жо дѣвушки да вы голубушки,
«Бѣломойници вы портомойници!
«Ничего-то вы вѣдь дѣвушки не знаете,
«Только знайте-тко вы дѣвушки самы́ собя».
Онъ пошолъ-то какъ купаться во Пучай-рѣку,
Перешелъ Добрыня перву струечку,
Перешолъ Добрыня дру́гу струечку,
Перешолъ-то онъ Пучай-рѣку отъ бережка до дру́гого;

Похотѣлось тутъ моло́дому Добрынюшки
Покупаться во Пучай-рѣки, поны́ркати.
Тамъ на тую пору на то времецко
Да изъ да́леча дале́ча изъ чиста́ поля,
Изъ-подъ западнёй да сподъ сторонушки,
Да й не дождь дожжитъ да й то не громъ громитъ,
А й не громъ громитъ, да шумъ великъ идетъ:
Налетѣла надъ моло́даго Добрынюшку
А й змѣ́йнищо да то Горынищо,
А й о трехъ змѣинищо о го́ловахъ,
О двѣнадцати она о хоботахъ;
Надлетѣла надъ моло́даго Добрынюшку,
Говорила-то змѣищо таковы слова:
— А топерь Добрынюшка въ моихъ рукахъ,
— А въ моихъ рукахъ да онъ въ моёй воли!
— А 'ще что я похочу, то на́дъ нимъ сдѣлаю:
— Похочу-то я моло́даго Добрынюшку,
— Похочу, Добрынюшку въ полонъ возьму,
— Похочу-то я Добрынюшку-то и огнемъ пожгу,
— Похочу-то я Добрынюшку-то и въ собя пожру. —
Й у того ли у моло́даго Добрынюшки
Ёго сердце богатырско не ужа́хнулось;
Онъ гораздъ былъ плавать по быстры́мъ рѣкамъ,
Да й нырнулъ-то онъ отъ бережка ко дру́гому,
Да й отъ дру́гаго отъ бережка ко етому.
Й онъ вспомнилъ тутъ свою да ро́дну матушку:
«Не велѣла мнѣ да ро́дна матушка
«Уѣзжать-то да́лече въ чисто полё,
«Да й ко тымъ она горамъ ко сорочинскіимъ,
«Да й ко тымъ норамъ да ко змѣиныимъ,
«Не велѣла мнѣ-ка ѣздить ко Пучай-рѣки,
«Не велѣла мнѣ купаться во Пучай-рѣки.
«Да и не за то ли здѣ-ка поньчу странствую?»
Й онъ ащо̀ нырнулъ отъ бережка до бережка,

Выходилъ Добрыня на крутой берёгъ.
Тутъ змѣинищо Горынищо проклятоё
Она стала на Добрыню искры сыпати,
Она стала жгать да тѣла бѣлаго.
Й у того ли у моло́даго Добрынюшки
Не случилось ничто быть въ бѣлыхъ ручушкахъ,
Да и ёму нечимъ со змѣищомъ попротивиться.
Поглянулъ-то какъ моло́денькой Добрынюшка
По тому по кру́тому по бережку,
Не случилося ничто лежать на кру́тоёмъ на бе́регу,
Ёму ничего́ взять въ бѣлыи во ручушки,
Ёму нечимъ со змѣищомъ попротивиться.
Ёна сыплетъ ёго искрой неутышною *(такъ)*,
Ёна жгётъ ёго́ да тѣло бѣлое.
Столько у́видалъ моло́денькой Добрынюшка,
Да й на крутоёмъ да онъ на бе́реги
То лежитъ колпакъ да земли греческой;
Енъ берётъ-то тотъ колпакъ да во бѣлы́ ручки,
Онъ со тою ли досадушки великою
Да ударилъ онъ змѣинища Горынища.
Еще пала-то змѣя да на сыру́ землю,
На сыру-то зе́млю пала во ковыль траву.
Молодой-то Добрынюшка Микитинецъ
Очюнь смѣлой былъ да оворо́тистой,
Да й скочилъ-то онъ змѣищу на бѣлы́ груди,
Росластать-то ёй хоти́тъ да груди бѣлыи,
Онъ хотитъ-то ёй срубить да буйны го́ловы.
Тутъ змѣинищо Горынищо моливласи:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
— Не убей меня да змѣи́ лютою,
— Да спусти-тко по́летать да по бѣлу́ свѣту.
— Мы напишемъ съ то́бой записи проме́жъ собой,
— То велики записи немалыи:
— Не съѣзжаться бы вѣкъ по́ вѣку въ чисто́мъ поли,

— Намъ не дѣлать бою драки кроволитія проме́жъ собой,
— Бою драки кроволитія великаго. —
Молодой-то Добрынюшка Микитинецъ
Ёнъ скорёшенько сходилъ-то со бѣло́й груди;
Написали оны записи проме́жъ собой,
То велики оны записи немалыи:
Не съѣзжаться бы вѣкъ по́ вѣку въ чисто́мъ поли,
Намъ не дѣлать бою драки кроволитьица проме́жъ собой.
Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скорёшенько бѣжалъ да ко добру́ коню,
Надѣвалъ свою одёжицу спарядную,
А й рубашечки-манѣшечки шелко́веньки,
Всю одёжицу надѣлъ спарядную,
Онъ скорёшенько садился на добра́ коня,
Выѣзжалъ Добрыня во чисто́ полё,
Посмотрѣть-то на змѣищо на Горынищо,
Да которымъ она мѣстечкомъ поле́титъ по чисту́ полю.
Да й летѣла-то змѣищо черезъ Кіевъ градъ,
Ко сыро́й земли змѣинищо припа́дала,
Унесла она у князя у Владыміра,
Унесла-то пле́мничку любимую,
Да прекрасную Забавушку Путятичну.
То пріѣхалъ-то Добрыня въ стольній Кіевъ градъ,
Да на свой Добрыня на широкой дворъ,
Да сходилъ Добрынюшка съ добра́ коня.
Подбѣгаетъ къ нему па́робокъ любимыи,
Онъ берётъ коня да й богатырскаго,
Да й повелъ въ конюшенку въ стоялую,
Сталъ добра́ коня да ёнъ розсёдлывать,
Да сталъ паробокъ добра́ коня кормить поить,
Онъ кормитъ поитъ да сталъ улаживать.
То моло́денькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ прошолъ своей полатой бѣлокаменной,
Заходилъ онъ во столову свою горенку

Ко своёй ко родною ко матушки,
То ничимъ Добрынюшка не хвастаётъ.

Тутъ молóденькой Добрынюшка Микитинецъ
На почестенъ пиръ ко князю сталъ похаживать;
То ходилъ Добрынюшка по дéнь поры,
Да ходилъ Добрыня по другóй поры,
Да ходилъ Добрынюшка по третей день.
То Владымiръ князь-отъ стольне-кiевской
Онъ по горенкѣ да и похаживатъ,
Пословечно государь онъ выговаривалъ:
«Ай жо вы мои да князи бóяра,
«Сильни русьскiе могучiе богáтыря,
«Éще вси волхи бы всѣ волшебники!
«Есть ли въ нашеёмъ во городи во Кiеви
«Таковы люди чтобъ съѣздить имъ да во чистó поле,
«Кó тымъ славныимъ горамъ да сорочинскiимъ,
«Кó тымъ славныимъ норамъ да ко змѣиныимъ,
«Кто бы могъ сходить во нóры во змѣиныи,
«Кто бы могъ достать да племничку любимую,
«А прекрасную Забавушку Путятичну?»
Таковыхъ людей во градѣ не находится;
Не могутъ-то съѣздити во дáлече чистó поле,
Кó тымъ славнымъ ко горамъ ко сорочинскiимъ,
Да ко тымъ норамъ да ко змѣиныимъ.
Тутъ Владымiръ князь-отъ стольнё-кiевской
А й по горенки да князь похаживалъ,
Пословечно государь ёнъ выговаривалъ:
«Ай жо вы мои да князи бóяра,
«Сильни русьскiи могучiе богáтыря!
«Задолжалъ-то я во земли во невѣрныи,
«У меня-то дани есть неплочены
«За двѣнадцать годъ да съ половиною».

Приходилъ-то онъ къ Михайлушкѣ ко По́тыку,
Говорилъ Михайлы таковы слова:
«Ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«А й ты съѣзди-тко во землю въ Политовскую,
«Къ королю-то къ Чубадѣю къ Политовскому,
«Отвези-тко дани за двѣнадцать годъ,
«За двѣнадцать годъ да й съ половиною».
При́шолъ къ старому къ каза́кѣ къ Ильи Муромцу,
Говорилъ Владыміръ таковы слова:
«Ай ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«А ты съѣзди-тко во землю-ту во Шведскую,
«А ко то́му королю ты съѣзди къ Шведскому,
«Вывези-тко дани за двѣнадцать годъ,
«За двѣнадцать годъ да съ половиною».
Тутъ Олешенька Григорьевичъ по горенкѣ похаживатъ,
Пословечно князю выговариватъ:
— Ты Владыміръ князь да столенъ-кіёвской!
— А й накинь-то ту вѣдь слу́жобку великую,
— Да велику слу́жобку немалую,
— На того да на моло́даго Добрынюшку,
— Чтобы съѣздилъ онъ во да́лече чисто́ полё,
— Ко́ тымъ славнымъ ко горамъ да сорочинскіимъ,
— Да сходилъ бы онъ во норы во змѣиныи,
— Отыскалъ бы твою племничку любимую,
— Да прекрасную Забавушку Путятичну,
— А привёзъ бы ёнъ Забаву въ стольнё-Кіевъ градъ,
— Да къ тоби ко князю на широкой дворъ,
— Да привелъ бы во полаты въ бѣлокаменны,
— Да онъ подалъ бы тобѣ ю во бѣлы́ руки. —
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Приходилъ-то онъ къ моло́дому Добрынюшки,
Говорилъ Добрыни таковы слова:
«Ты моло́денькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Налогаю то́би слу́жобку великую,

«Да й велику слу́жобку немаленьку:
«А й ты съѣзди-тко во да́лече дале́че во чисто́ поле,
«Ко́ тымъ славнымъ ко горамъ ко сорочинскіимъ,
«Да сходи-тко ты во норы во змѣиныя,
«Отыщи-тко племничку любимую
«А прекрасную Забавушку Путятичну,
«Привези-тко ты ю въ стольнё-Кіевъ градъ,
«Приведи-тко мни въ полаты въ бѣлокаменны,
«Да подай-ко ты Забаву во бѣлы́ руки».
Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ за столикомъ сидитъ, самъ запечалился,
Запечалился онъ закручинился.
Выходилъ-то онъ за столиковъ дубовыехъ,
Выходилъ онъ за скамеечокъ окольніихъ,
Проходилъ-то ёнъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной,
Онъ съ честна́ пиру идетъ да и не весело.
Приходилъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Приходилъ онъ во столову сво́ю горенку,
Ко своей ко ро́дною ко матушки.
Говоритъ Добрыни ро́дна матушка:
— Ай ты свѣтъ моё цадо́ любимое,
— Да й моло́денькой Добрынюшка Микитинецъ!
— Что съ честна́ пиру пришолъ да ты не весело?
— То мѣстечико было̀ въ пиру не по́ чину?
— Али царою въ пиру тобя прі́обнесли?
— Аль кто пьяница дуракъ да пріобгалился[1])? —
Говорилъ Добрыня ро́дной матушки:
«Ай жо свѣтъ моя ты ро́дна матушка!
«Да въ пиру-то мѣсто было по́ чину,
«А 'ще чарой во пиру меня не о́бнесли,
«Да то пьяница дуракъ да не обгалился, —

---

1) Т. е. насмѣялся.

«А й Владымiръ князь-отъ стольнё-кiевской
«Наложилъ-то мни-ка слу́жобку великую,
«А й великую мни служобку не малую:
«Ве́лѣлъ съѣздить мни во да́лече въ чисто́ поле,
«Ко́ тымъ славнымъ ко горамъ да къ сорочинскiимъ,
«Онъ велѣлъ сходить во норы во змѣиныи,
«Отыскать мнѣ ве́лѣлъ племничку любимую,
«А прекрасную Забавушку Путятичну,
«Да и привезти велѣлъ ю въ стольнё-Кiевъ градъ,
«Привезти ко князю на широкой дворъ,
«Привезти ю во полаты въ бѣлокаменны,
«По́дать князю-то да во бѣлы́ руки».
«Говорила тутъ Добрыни ро́дна матушка:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
— А ты ѣшь-ка пей да на спокой ложись,
— Утро мудренѣе жи́ветъ [1]) вечера. —
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ поѣлъ-то ѣствушокъ саха́рнiихъ,
Да попилъ-то питьицовъ медвяныихъ,
Молодой Добрыня на спокой улёгъ.
Да й по утрушку да то ранёхонько,
До исходъ зори да раннё-утренной,
До выста́ванья да красна солнышка,
Да й будила-то Добрыню ро́дна матушка:
— А ставай-ко ты молоденькой Добрынюшка!
— Да ты дѣлай дѣло повелѣное,
— Сослужи-тко эту слу́жебку великую. —
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скоренько сталъ да то й отъ крѣпка сна,
Умывался-то Добрынюшка бѣлёшенько,
Надѣвался онъ да й хорошохонько,
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной

1) Т. е. бываетъ.

Да й на свой на славный на широкой дворъ,
Приходилъ ёнъ во конюшеньку въ стоялую,
Бралъ коня Добрыня богатырскаго,
Да й сѣдлалъ Добрынюшка добра́ коня,
Да й садился-то Добрыня на добра́ коня,
Выѣзжалъ Добрыня съ широка́ двора.
Тутъ заплакала Добрынюшкина матушка,
Она стала-то ронить да слёзъ горючіихъ,
Она стала-то скорбить да ли́чка бѣлаго,
Говорила-то она да й таковы слова:
— Я Добрынюшку безсчастнаго споро́дила!
— Какъ войдетъ-то енъ во норы въ змѣиныи,
— Да войдетъ ко тымъ змѣямъ ко лютыимъ,
— Поросто́чатъ-то его да тѣло бѣлое,
— Еще выпьютъ со Добрыни сурову́ю кровь. —
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю.
Еще день-то за́ день быдто дождь дожжитъ,
А недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ;
Да онъ въ день ѣха́лъ по красному по солнышку,
То онъ въ ночь ѣха́лъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Онъ подъѣхалъ ко горамъ да къ сорочинскіимъ,
Да сталъ ѣздить по роздольицу чисту́ полю,
Сталъ онъ малыехъ змѣёнышевъ потаптывать.
Й онъ проѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера,
Притопталъ-то много множество змiёнышовъ.
Й услыхалъ моло́денькой Добрынюшка,
Ёго доброй конь да богатырскіи
А сталъ на́ ноги да конь припадывать.
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Бе́ретъ плеточку шелко́ву во бѣлы́ руки,
То онъ билъ коня да й богатырскаго,
Первый разъ его ударилъ промежу́ ушп,
Дру́гой разъ ударилъ промежу́ ноги,

Про́межъ ноги онъ ударилъ про́межъ задніи,
Да й онъ билъ коня да не жалухою,
Да со всей онъ силы съ богатырскою,
Ёнъ давалъ ему удары-ты тяжелыи.
Его доброй конь да богатырскіи
По чисту́ полю онъ сталъ поскакивать,
По цѣло́й версты онъ сталъ помахивать,
По колѣну сталъ въ земелюшку погрязывать,
Изъ земелюшки сталъ но́жёкъ ёнъ выхватывать,
По сѣнной купны земельки ёнъ вывёртывалъ,
За три выстрѣлу *(такъ)* онъ камешки откидывалъ.
Й онъ скакалъ-то по чисту́ полю, помахивалъ,
Й онъ отъ ногъ своихъ змѣёнышевъ отряхивалъ,
Потопталъ всихъ малыихъ зміёнышовъ.
Подъѣзжалъ онъ ко норамъ да ко змѣиныимъ,
Становилъ коня онъ богатырскаго,
Да й сходилъ Добрыня со добра́ коня
Онъ на матушку да на сыру землю,
Облащался-то *(такъ)* молоденькой Добрынюшка
Во доспѣхи онъ да въ сво́и крѣпкіи:
Во-первы́хъ бралъ саблю сво́ю вострую,
На бѣлы́ груди копьё клалъ муржамецкоё,
Онъ подъ лѣвую да и подъ пазушку
Пологалъ ёнъ палицку булатнюю,
Подъ кушакъ ёнъ клалъ шалыгу подорожную,
Й онъ пошолъ во ты во норы во змѣиныи.
Приходилъ ёнъ ко норамъ да ко змѣиныимъ,
Тамъ затворамы затворено-то мѣдныма,
Да подпорамы-то по́дперто жалѣзныма,
Такъ нельзя войти во норы во змѣиныи.
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
А подпоры онъ жалѣзныи откидывалъ,
Да й затворы-ты онъ мѣдныи отдвигивалъ,
Онъ прошолъ во норы во змѣиныи.

Посмотрѣлъ-то онъ на норы на змѣиныи,
А й во тыхъ норахъ да во змѣиныихъ
Много множество да полоно́въ сидитъ,
Полона́ сидятъ да всё расейскіи,
А й сидятъ-то тамъ да князи бо́яра,
Си́дятъ русьскіи могучіи бога́тыря.
Похотѣлось-то моло́дому Добрынюшки,
Похотѣлось-то Добрыни полона́ считать,
Й онъ пошолъ какъ по нора́мъ да по змѣиныимъ,
Начиталъ-то полоно́въ ёнъ много множество,
Да й дошолъ ёнъ до змѣиница Горыница;
А й у той-то у змѣища у проклятою
Да й сидитъ Забавушку Путятична.
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«Ай жо ты Забавушка Путятична!
«Да ставай скоренько на рѣзвы́ ноги,
«Выходи-тко ты со норъ да со змѣиныихъ,
«Мы поѣдемъ-ко съ тобой да въ стольнё-Кіевъ градъ.
«За тобя-то ѣзжу да я страньствую
«Да й по да́лечу дале́чу по чисты́мъ полямъ,
«Да хожу я по норамъ да по змѣиныимъ».
Говоритъ ёму́ змѣинищо Горынищо:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
— Не отдамъ тобѣ Забавушки Путятичной
— Безъ бою́ безъ драки кроволитія.
— А у насъ-то съ то́бой записи написаны
— Да у тою ли у славною Пучай-рѣки,
— Не съѣзжаться бъ намъ въ роздольицѣ чисто́мъ поли,
— Намъ не дѣлать бо́ю драки кроволитія
— Да проме́жъ собой бы намъ великаго.
— Ты пріѣхалъ ко горамъ да сорочинскіемъ,
— Потопталъ ты малыихъ змѣёнышовъ,
— Выпущаешь полона́ отсюль расейскіи,
— Увезти хоти́шь Забавушку Путятичну. —

Говорилъ-то ёй молоденькой Добрынюшка:
«Ай же ты змѣинищо проклятая!
«А й когда ты полетѣла отъ Пучай-рѣки,
«Да зачимъ жо ты летѣла черезъ Кіевъ градъ?
«Да почто же ты къ сырой земли припа́дала?
«Да почто же унесла у насъ Забавушку Путятичну?»
Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
Да за нёй бралъ ю перстни за злаченыи,
Да повелъ-то ю изъ норъ онъ изъ змѣиныихъ.
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«Ай же полона́ да вы расейскіи!
«Выходите-тко со норъ вы со змѣиныихъ,
«А й ступайте-тко да по своимъ мѣстамъ,
«По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ».
Какъ пошли-то полона́ эты̀ расейскіи
А й со тыхъ со норъ да й со змѣиныихъ,
У нихъ сдѣлался да то и шумъ великъ.
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
Приходилъ Добрыня ко добру́ коню,
А й садилъ-то ёнъ Забаву на добра́ коня,
На добра́ коня садилъ ю къ головы́ хребтомъ,
Самъ Добрынюшка садился къ головы́ лицёмъ,
Да й поѣхалъ-то Добрыня въ стольнё-Кіевъ градъ.
Онъ пріѣхалъ къ князю на широкой дворъ,
Да й сходилъ Добрыня со добра́ коня,
Опущаетъ онъ Забавушку Путятичну,
Да повелъ въ полаты въ бѣлокаменны,
Да онъ подалъ князю ю Владыміру
Во его во бѣлыи во ручушки.
А тутъ этоёй старинушки сла́ву поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 24 ноября.

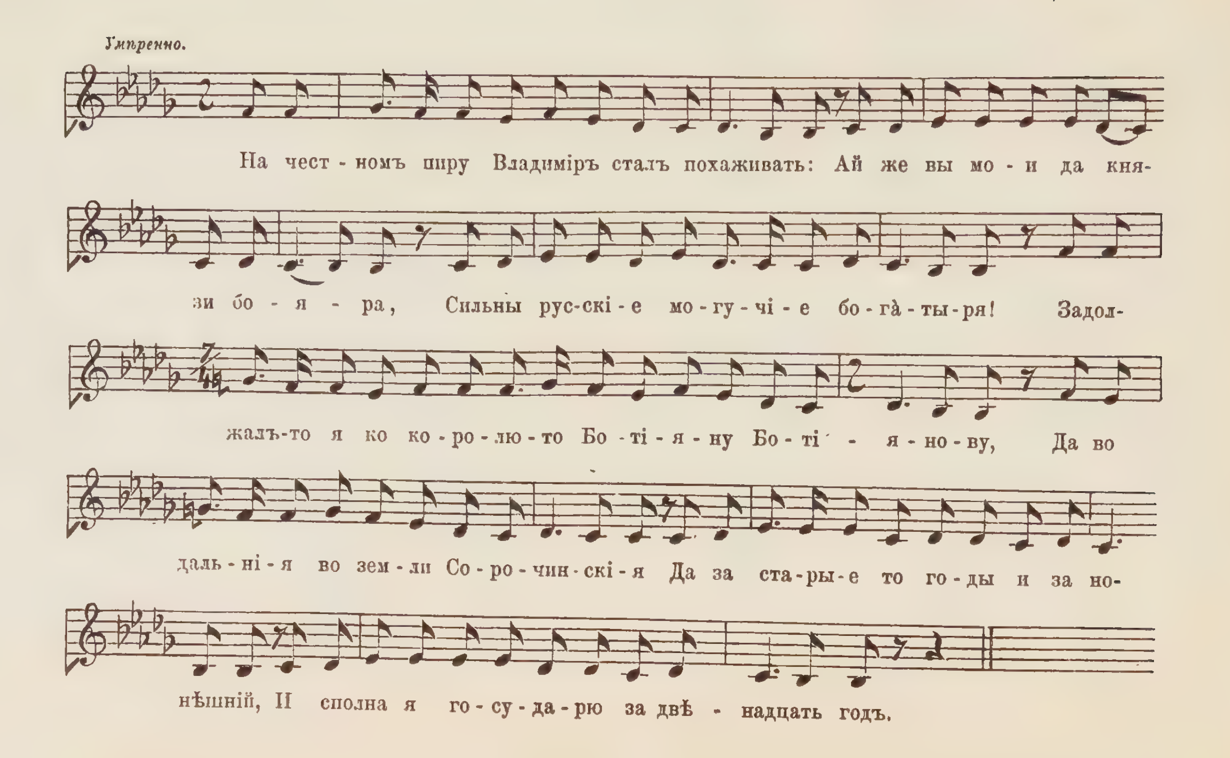
80.

ДОБРЫНЯ И ВАСИЛІЙ КАЗИМІРОВЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 27).

А Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Заводилъ почестенъ пиръ да й пированьице
На многи́хъ князей да на всихъ бо́яровъ,
На всихъ сильнихъ русьскіихъ могучихъ на бога́тырей
А й на славныхъ поляницъ да на уда́лыихъ.
На честномъ пиру Владыміръ сталъ похаживать:
«Ай же вы мои да князи бо́яра,
«Сильни русьскіе могучіе бога́тыря!
«Задолжалъ-то я ко ко́ролю-то Ботіяну Ботіянову
«Да во тые дальніе во земли Сорочинскіе
«Да за старые-то годы и за нонѣшній,
«Исполна я государю за двѣнадцать годъ,
«За двѣнадцать годъ да й съ половиною.
«Кого же мнѣ послать туды отве́зти дани выходы
«За двѣнадцать годъ да й съ половиною
«Къ королю-то къ Ботіяну Ботіянову,
«А двѣнадцать ле́бедей, двѣнадцать креченей,
«А 'ще грамоту да и повинную?»
Всѣ бога́тыря за столикомъ умолкнули,
Всѣ умолкнули и пріутихнули,
Какъ бога́тыри за столикомъ-то притулялися,
А большая-то тули́тся за середнюю,
А середня ту́лится за меньшую,
А отъ меньшоёй отъ ту́лицы отвѣту нѣтъ.
Изъ-за тыхъ ли-то за столичковъ дубовыихъ,
Изъ-за тыхъ ли-то скамеечекъ окольніихъ
Вышелъ старыя Перми́нъ да сынъ Ивановичъ,
Сталъ по горенкѣ ёнъ Пе́рминъ да похаживать
А Владыміру князю̀ да сталъ ёнъ поговаривать:
— Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!

2) Про Добрыню и Василія Казимірова (см. № 80, стр. 70).



— Бласлови-тко государь мнѣ сло́вце вымолвить.
— А 'ще знаю я кого послать поѣхати
— А й во дальнія-ты земли въ Сорочинскіи:
— Послать мо́лода Васильюшка Кази́мірова.
— Молодо́й Васильюшко Кази́міровъ
— Й отвезётъ ёнъ дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да й съ половиною. —
И тутъ Владымиръ князь-отъ стольнё-кіевской
Ёнъ скоренько шолъ да по столовой своей горенки,
Бралъ ёнъ чарочку да во бѣлы́ ручки,
Наливалъ-то чару зелена́ вина
Й онъ не малую стопу да й полтора ведра,
Разводилъ-то ёнъ медамы все стоялыма,
Подносилъ-то ёнъ къ Васильюшку къ Кази́мірову.
Мо́лодой-то Васильюшко Кази́міровъ
Енъ скорешенько ставаетъ на рѣзвы́ ножки
И бе́ретъ чарочку отъ князя во бѣлы́ руки,
Принялъ чарочку одной ручкой
И выпилъ чарочку однимъ духомъ,
И на ногахъ Васильюшко стои́тъ онъ, не поша́тнется,
И говоритъ-то онъ со княземъ, не мѣшается,
И спромолвилъ-то онъ князю-то Владыміру,
Говорилъ ёнъ князю таковы слова:
— Ай же ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Е́ще ѣду-то я въ земли-ты во дальни Сорочинскіи,
— А й везу я дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ и съ половиною;
— Столько дай ты мнѣ-ка во товарищахъ
— Моёго̀-то братца да крестоваго,
— А й моло́даго Добрынюшку Микитинца. —
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Ёнъ идетъ-то по столовой сво́ей горенки,
Бе́ретъ чарочку Владыміръ во бѣлы́ ручки,
Налилъ чарочку Владыміръ зелена́ вина,

Енъ не малую стопу да полтора ведра,
Розводилъ-то онъ медамы всё стоялыма,
Подносилъ-то ёнъ къ моло́дому къ Добрынюшкѣ.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скорешенько ставалъ да на рѣзвы́ ножки,
Эту чарочку онъ бралъ да во бѣлы́ ручки
Й отъ того отъ князя отъ Владымíра,
Е́ще бралъ ёнъ чарочку одной ручкой
И выпивалъ ёнъ чарочку одны́мъ душкомъ.
На ногахъ стоитъ Добрыня, не поша́тнется,
Говоритъ онъ съ княземъ, не мѣшается:
— Ты Владымíръ князь да стольнё-кіевской!
— Бласлови мнѣ государь словцё повымолвить.
— Ѣду я въ товарищахъ съ Васильюшкомъ
— И везу я дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ и съ половиною;
— Столько дай-ка намъ еще да во товарищахъ
— Моёго-то братца да крестоваго,
— Молода́го Иванушка Дубровича;
— А й ему-то вѣдь Иванушку коней сѣдлать,
— Да ёму Иванушку й розсѣдлывать,
— Е́му плети подавать да плети при́нимать. —
То Владымíръ князь да стольнё-кіевской
И́детъ по своёй онъ по столовоей по горенки,
Бе́регъ чарочку Владымíръ во бѣлы́ ручки
Наливалъ ёнъ чару зелена́ вина,
А й не малую стопу да полтора ведра,
Подносилъ онъ ко Иванушку Дубровичу.
А й ставалъ Иванушко Дубровичъ на рѣзвы́ ножки,
Да онъ чарочку ту бралъ да во бѣлы́ ручки,
Принялъ чарочку отъ князя онъ одной ручкой,
Выпилъ чарочку Иванушко однимъ душкомъ,
На ногахъ стоитъ Иванушко, да не поша́тнется,
Говоритъ Иванъ да не мѣшается:

— Ты Владиміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
— Бласлови-тко государь словцё повымолвить.
— Е́ще ѣду я въ товарищахъ съ Васильюшкомъ,
— Съ молодымъ Добрынюшкой Микитинцемъ,
— Да везу я эти дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною. —
Молодой Васильюшко Кази́міровъ,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ,
Молодой Иванушко Дубрович-отъ
Выходили изъ-за столиковъ дубовыихъ,
Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольніихъ.
Молодо́й Васильюшко Кази́міровъ
Сталъ по горенки Васильюшко похаживать,
Пословечно сталъ онъ князю выговаривать:
— Ты Владыміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
— Приноси-тко ты намъ дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною,
— А двѣнадцать креченей, двѣнадцать лебедей,
— Насыпай-ко мисы чиста се́ребра,
— А й другіе мисы красна золота,
— Третьи мисы насыпай-ко скатна жемчугу. —
Тутъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
А й беретъ-то онъ скоренько золоты ключи,
Й онъ на погребы́ идетъ да на глубокіи,
То беретъ-то онъ двѣнадцать лебедей,
А двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
Насыпалъ-то первы мисы чиста се́ребра,
Да й другія мисы красна золота,
Третьи мисы насыпалъ онъ скатна жемчугу,
Приносилъ онъ во полату бѣлокаменну,
Подавалъ бога́тырямъ да святорусьскіимъ
Со своихъ-то онъ со бѣлыихъ со ручушекъ.
Тутъ бога́тыри да святорусьскіи
Й оны Господу тутъ Богу помолилися,

На всѣ на три на четыре на сторонушки клонилися,
Да со всима молодцамы попростилися,
Да съ самы́мъ они со княземъ со Владымiромъ,
Со Опраксiей да королевичной.
Выходили молодцы они съ полатъ да бѣлокаменныхъ,
Шли оны по граду-то по Кiеву,
О́ны думушку-то думали заобщую:
«Гдѣ намъ съѣхаться въ роздольицѣ въ чисто́мъ поли,
«На своихъ на добрыихъ коняхъ да богатырскiихъ?»
Говорилъ-то имъ Васильюшко Кази́мiровъ:
— Ай же братьица мои крестовыи,
— Ай ты славная дружинушка хоробрая!
— То мы съѣдемся въ роздольици чисто́мъ поли
— Да у славнаго сыра дуба̀ у Не́вида,
— Да й у славнаго у каменя у Латыря
— Да й на тыхъ мы на дороженкахъ крестовыихъ. —
Тутъ пошли-то добры мо́лодцы въ свои полаты бѣлокаменны,
Оны стали добрыхъ конюшокъ засѣдлывать,
Да засѣдлывать добры́хъ коней улаживать.
Мо́лодой Добрынюшка Микитинецъ
Й онъ пришолъ въ свою полату бѣлокаменну,
Со честна̀ пиру пришолъ-то да не весело.
Говорила тутъ Добрыни ро́дна матушка:
«Ай же свѣтъ моё чадо́ любимое!
«Ты съ честна пиру̀ пришолъ да что не весело?
«То ли мѣ́стечко въ пиру было не по́ чину?
«Али чарою въ пиру тобя прiо́бнесли?
«Али пьяница дуракъ кто прiобгалился?»
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
— Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка!
— А 'ще мѣсто-то въ пиру мнѣ было по́ чину,
— Меня чарою въ пиру да тамъ не о́бнесли
— А 'ще пьяница дуракъ мнѣ не обгалился.

— То Владымiръ князь да стольнё-кiевской
— Наложилъ ёнъ слу́жобку великую
— И велику слу́жобку немалую:
— Отвести-то надо дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною,
— Да й во дальнiи во земли въ Сорочинскiи,
— Да во ту во саму во темну́ орду. —
Говорилъ-то ёнъ да своéй ро́дной матушкѣ:
— Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка!
— Да й безчастнаго споро́дила Добрынюшку:
— Е́ще лучше бы Добрынюшку споро́дила
— А й горючiимъ да бѣлымъ камешкомъ,
— Завертѣла бы во тонкой бѣленькой рукавчичекъ,
— Подошла бы ты ко славному къ Кiянъ-морю,
— Бросила бы ты да этотъ камешокъ въ Кiянъ-море,
— Въ Окiянъ-море глубокое! —
Говорила тутъ Добрынѣ родна ма́тушка,
Говорила о́на да горько̀ заплакала:
«Ай же свѣтъ моё чадо́ любимое,
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Если бъ знала надъ тобою я незгодушку,
«Еще этое бы знала безвреме́ньице великое,
«То не такъ бы я тобя Добрынюшку споро́дила:
«Я споро́дила бъ тобя да и Добрынюшку
«Возрастомъ-то въ стараго каза́ка Илью Муромца,
«То́бе силушкой Добрынюшку споро́дила
«Да й во славна Святогора во бога́тыря,
«Я бы смѣлостью Добрынюшку споро́дила
«Да й во славнаго бога́тыря въ Олешеньку Поповича,
«Красотою бы споро́дила Добрынюшку
«Да во славнаго-то князя во Владымiра!»
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Говорилъ своéй онъ ро́дной матушкѣ:
— Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка

— Да й честна̀ вдова Намельѳа Тимофеевна,
— Дай прощеньицо мнѣ-ка̀ благословленьицо,
— Дай на тыя вѣки нерушимыи! —
И тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Надѣвалъ онъ на себя одежицу дорогоцѣнную
И рубашечки манишечки шелко́веньки,
Всю хорошеньку одежицу снарядную;
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной
А й на свой-то вышелъ на широкой дворъ,
Заходилъ онъ во конюшенку въ стоялую,
Бралъ коня Добрыня богатырскаго,
Выводилъ онъ со конюшенки стоялоей
А на свой-тотъ вывелъ на широкой дворъ,
Сталъ добра́ коня Добрынюшка засѣдлывать,
Сталъ засѣдлывать добра́ коня улаживать;
На добра́ коня покладываетъ потничекъ,
А онъ потничкомъ да то клалъ войлочекъ
Да подъ потникомъ подпотничекъ шелко́венькой,
На подпотничекъ сѣделышко черкасское,
И черкаское сѣделышко хоро́шенько,
Да которое сѣделышко было̀ да изукрашено,
Дорогима-то шелками пообши́вано,
Да й червонымъ золотомъ обви́вано;
То онъ подпруги подтягивалъ шелко́веньки,
Да й шпилечики онъ встягивалъ булатнія,
Пряжечки онъ по́лагалъ да красна золота,
А двѣнадцать подпруговъ подтя́галъ настоящіихъ,
Да й тринадцатой-тотъ подпругъ онъ покла́дастъ запасныи.
Говоритъ Добрынѣ ро́дна матушка:
«Ой же свѣтъ моё чадо́ любимое.
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Ты покла́далъ на добра́ коня да богатырскаго
«А двѣнадцать подпруговъ да настоящіихъ:

«Еще что же полагаешь ты тринадцатый-то подпругъ да запасныи?»
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
— Ай же свѣтъ моя ты рóдна матушка!
— Какъ я буду-то во дáлече далéче во чистóмъ поли
— Да во тою во земли во Сорочинскою,
— Въ тую порушку да въ тое времечко
— Наѣзжать буду̀тъ ко мнѣ людѝ могучіи,
— И буду̀тъ-то силушки моей отвѣдывать
— А й тѣснить-то будутъ во чистóмъ поли:
— Въ тую порушку да въ тое времечко
— Похочу я съ нима попротивиться,
— Чтобы было мнѣ на что да понадѣяться,
— Чтобы доброй конь мой да и богатырскіи
— Съ-подъ сѣделышка да онъ не выскочилъ,
— И на кони сидѣлъ бы доброй мóлодецъ, не старился. —
А й садится-то Добрыня на добрá коня;
Говорила тутъ Добрынина-та матушка:
«Ай же свѣтъ моя любимая семеюшка,
«Молода Настасьюшка Микулична!
«Ты чего сидишь во теремѣ въ златомъ верху?
«Надъ собою ли незгодушки не вѣдаёшь?
«Закатается-то наше красно солнышко
«Да за этыи за горы за высокіи
«Да й за этыи за лѣсушки за темныи,
«А й съѣзжаетъ-то Добрыня съ широкá двора.
«А й поди-тко ты скоренько на широкъ на дворъ,
«Да й зайди-тко ты Добрынюшкѣ съ бѣлá лица,
«Пóдойди къ него ко правому ко стремячкѣ,
«Говори-тко ты Добрынѣ не съ упадкою,
«Поспроси-тко у молóдаго Добрынюшки:
«Онъ далéче ль ѣдетъ, куды путь держитъ?
«Скоро ждать велитъ намъ, когды дóжидать?
«Намъ когда й велитъ въ окошечко посматривать?»

Мо́лода Настасьюшка Микулична
Какъ скорешенько бѣжала на широкій дворъ,
И въ одной тонко́й рубашечкѣ безъ пояса
И въ одныхъ тонки́хъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
То зашла она Добрынѣ со бѣла́ личка,
Подошла къ него ко стремечки ко правому,
Да й ко правому ко стремечки къ булатнему,
И говорила-то Добрынѣ не съ упадкою:
«Ай же свѣтъ моя любимая здержавушка,
«Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
«Ты дале́че ль ѣдешь, куды путь держишь?
«Скоро ль ждать велишь намъ, когда до́жидать?
«Намъ когда велишь въ окошечко посматривать?»
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
— Ай же ты моя любимая семеюшка,
— Молода Настасьюшка Микулична!
— Когда стала у меня про то выспрашивать,
— Я стану́ про то тебѣ высказывать:
— Перво шесть годовъ-то за собя пожди,
— Дру́го шесть годовъ такъ за меня пожди,
— Того времечки исполнится двѣнадцать годъ,
— Да й ходи-тко ты тогда во мой зеленой садъ,
— Ты посматривай-тко на саха́рне мое деревце:
— Если буде прилетать-то голубъ со голубушкой,
— Станетъ голубъ со голубушкой на деревцѣ прогуркивать,
— А что нѣтъ жива̀ Добрынюшки Микитинца,
— А й побитъ Добрынюшка въ чисто́мъ поли,
— Пороспластаны его да груди бѣлыи,
— Да й повынято его сердце́ со пе́ченей,
— Поотрублена́ ему буйна́ головушка,
— А й брошѐнъ Добрыня за ракитовъ кустъ.
— Въ тую порушку да въ тое времечко
— Да смотри ты на свой на широкій дворъ:
— Прибѣжитъ-то какъ мой добрый конь да богатырскіи

— А й на вашъ-то на вдовиной дворъ,
— А й тогда вы въ тую пору въ тое времечко
— Про меня тогда вы и узнаете,
— А что нѣтъ жива̀ Добрынюшки Микитинца;
— А й тогда ты хоть вдовой живи, а хоть заму́жъ поди,
— Хоть за князя ты поди, хоть за боярина,
— Хоть за сильняго за русьскаго могучаго бога́тыря,
— Столько не ходи-тко замужъ за бога́тыря,
— За того Олешенку Поповича,
— А й за бабьяго да за насмѣшника, —
— А й Олеша-тотъ Поповичъ мнѣ названый братъ. —
На кони-то молодца да вид'ли сядучись,
Со двора его не видѣли поѣдучись.
Со двора онъ ѣхалъ не воротами,
Й онъ изъ города-то ѣхалъ не дорожкою,
Ѣхалъ прямо черезъ стѣну городовую.
Какъ онъ ѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Похотѣлось тутъ моло́дому Добрынюшкѣ
Попытать коня да й богатырскаго,
Поотвѣдать ёго силушку великую.
Да й беретъ онъ плёточку шелко́ву во бѣлы́ руки,
Да онъ билъ коня да по круты́мъ ребрамъ,
По крутымъ ребрамъ ёнъ билъ да не жалухою,
А й со всёю сво́ей силы съ богатырскою.
Его доброй конь да богатырскіи
То пошолъ скакать да по чисту́ полю,
По цѣло́й версты онъ да поскакивалъ,
По колѣнушку въ земельку ёнъ угрязывалъ,
Изъ земельки свои ноженьки выхватывалъ,
По сѣнной купны земелюшки вывертывалъ,
За три выстрѣлу онъ камешки откидывалъ.
Такъ не молвія въ чисто́мъ поли промолвила,
Да й проѣхалъ-то Добрыня на добро́мъ кони,
То вси травушки муравы оплеталися,

Вси лазуревы цвѣточки осыпалися,
И мелкíи лѣсушки къ земли вси приклонялися.
Онъ-то ѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
А й ко сы́рому ко дубу ёнъ ко Не́вину,
Къ тому славному ко каменю Олатырю;
Ёнъ наѣхалъ своихъ братьицевъ крестовыихъ.
И сходили молодци тутъ со добры́хъ коней,
Да й ходили-то пѣхотой по чисту́ полю,
Й оны думушку все думали-то крѣпкую,
Думушку-ту крѣпкую великую,
Что намъ дальняя дорожка не короткая;
Й они сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
На своихъ на до́брыхъ ко́няхъ богатырскiихъ.
Они въ день ѣду́тъ по красному по солнышку,
Въ ночь ѣду́тъ по свѣтлому по мѣсяцу.
А 'ще день за день какъ быдто дождь дождитъ,
Да й недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ,
Добры молодци дороженку коро́таютъ.
Оны ѣдутъ-то по славному роздольицу чисту́ полю,
Да й прiѣхали во земли Сорочинскiи,
Къ ко́ролю-то Ботеяну на широкой дворъ.
Съ до́брыхъ ко́ней молодци да й опустилися,
То не спустили до́брыхъ ко́ней на посыльной дворъ;
Молодой Васильюшко Кази́мiровъ
Онъ беретъ свое копье да муржамецкое,
Онъ спустилъ копье во матушку-то во сыру землю,
Во сыру́ землю спустилъ копье востры́мъ концемъ,
Добрыхъ ко́ней бы къ копью да онъ привязывалъ,
Никого-то къ добрымъ ко́нямъ не приказывалъ.
Пороздернули оны поло́тно бѣлое,
Насыпа́ли-то пшену да бѣлоярову
Своимъ добрымъ конямъ богатырскiимъ.
Да беретъ-то дани онъ подъ пазушку,
А двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,

Да еще онъ бéретъ грамоту повинную;
Брали óни мисы чиста сéребра,
А й другія мисы брали съ краснымъ золотомъ,
Третьи мисы óни брали скатна жемчугу,
И пошли оны въ полаты бѣлокаменны,
Заходили во полату въ бѣлокаменну,
Да й пошли-то во столовую во горенку.
Молодой Васильюшко Казúміровъ
На пятý онъ идетъ, двери порозмахиватъ,
То они какъ Господу-то Богу помолилися,
Оны крест-отъ клали по писáному,
Да й вели поклоны по учéному,
На вси на три на четыре на сторонушки да низко кланялись,
Самому-то кóролю въ особину,
Еще всимъ его князьямъ да подколѣннымъ.
Сталъ король у добрыихъ у мóлодцевъ выспрашивать:
«Вы откулешни дородни добры молодци?
«Еще какъ-то мóлодцевъ васъ именёмъ зовутъ,
«Звеличаютъ молодцевъ васъ по отечеству?»
Говорили мóлодци да таковы слова:
— Есте мы со матушки святой Руси
— Да й отъ славнаго отъ князя отъ Владыміра,
— Привезли какъ къ тóби дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною. —
Полагать ли стали даней-тыхъ на зóлотъ столъ,
Положили-то двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
Положили первы мисы чиста сéребра,
А й другія мисы красна золота,
Третьи мисы полагали скатна жемчуга,
Положили грамоту повинную.
А й король-отъ Ботіянъ да Ботіяновичъ
Ёнъ садилъ-то ихъ за столикъ за дубовыи
Да й за тыя ли скамеечки окольніи,
То онъ не ѣствушкой кормилъ ихъ да сахáрнею

Да й не питьицемъ поилъ ихъ да медвяныимъ,
Да онъ сталъ у добрыхъ мо́лодцевъ выспрашивать:
«Ай же вы удаленьки дородни добры мо̀лодци!
«Еще есть ли-то на вашей на святой Руси
«Да у славнаго у князя у Владыміра,
«У нихъ есть ли та игра да и картежная,
«А играютъ ли оны да въ шашки шахматы
«Да й во славны во веле́и во нѣмецкіи?
«А 'еще кто изъ васъ гораздъ съиграть во шашки-ты во шахматы,
«Да во славны во веле́и въ нѣмецкіи?»
Говорилъ ему молоденькой Васильюшко Кази́міровъ:
— Ай же славныи коро́ль земли Литовскія!
— У меня всѣ игроки дома́ оставлены,
— Только есте у меня надѣюшка
— То на Спаса на Пречисту Богородицу,
— Да на сво́его на братца на крестоваго,
— На моло́даго Добрынюшку Микитинца. —
Приносили къ нимъ-то доску эту шашецну;
Какъ сыграли въ первый разъ да въ и́гру шашечну,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Ёнъ со тою со великой со горячности
Просмотрѣлъ одинъ да сту́пень шашечной,
Обыгралъ его король да вѣдь литовскіи
Ботіянъ да Ботіяновецъ,
Й онъ повыигралъ у мо̀лода Добрынюшки добра́ коня,
А ї добра́ коня онъ богатырскаго.
А й подъ дру́гую игру они зало́ги-ты покла́дали,
А й король-отъ полагаетъ онъ великую безсчетну золоту казну,
А и молодой Добрынюшка Микитинецъ
Поло́жилъ залогомъ свою буйную головушку.
Какъ сыграли-то они да е́ще дру́гой разъ,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ

Тутъ онъ короля да и поо́быгралъ.
Еще третей разъ сыграли и́гру шашечну.
Говорилъ-то вѣдь король-тотъ Ботіянъ да Ботіяновецъ:
«Ай же славныи бога́тыри вы святорусьскіи!
«Изъ васъ кто-то есть гораздъ стрѣлять изъ луку изъ розрывчата
«И пропу́щать тая стрѣлочка кале́ная
«По тому ли по остре́ю по ножовому
«Да во то́е во колечико серебряно,
«Чтобы стрѣлочка катилася кале́ная
«По тому катилася остре́ю по ножовому,
«На двѣ стороны она шла бы́ вѣсо́мъ ровно
«И угодила бы въ колечико серебряно?»
Говорилъ Васильюшко Кази́міровъ:
— Ай же ко́роль Ботіянъ да Ботіяновецъ!
— Я не зналъ твоёй утѣхи королевскою,
— Да своёй не зналъ ухватки богатырскою.
— У меня всѣ стрѣльцы-ты дома́ оставлены,
— У меня столько надѣюшка
— Что на Спаса на пречисту Богородицу,
— Да на своего на братца на крестоваго
— Да на мо́лода Добрынюшку Микитинца. —
Говорилъ король своимъ онъ слу́гамъ вѣрныимъ:
«Ай же вы мои да слуги вѣрныя!
«Вы подите-ко на погребъ на глубокія,
«А й несите-тко мой королевской лукъ,
«Да й подайте-тко бога́тырю да святорусьскому
«А й моло́дому Добрынюшкѣ Микитинцу».
И пошли его да слуги вѣрныя,
На него-то шли на погребъ на глубокіи,
А й несутъ они да королевской лукъ,
А и три ихъ четыре́ татарина,
Подносили-то къ моло́дому къ Добрынюшкѣ.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ

А й беретъ онъ ту́гой лукъ розрывчатый,
Сталъ онъ стрѣлочекъ Добрынюшка накладывать,
Сталъ тетивочекъ Добрынюшка натягивать,
И сталъ ту́гой лукъ розрывчатый полапывать,
А й поро́зорвалъ онъ ту́гой лукъ, повыломалъ.
Говорилъ-то тутъ Добрыня таковы слова:
— Ай же ты коро́ль Ботьянъ да Ботіяновецъ!
— А й твое-то есте дря́нное лученочко пометное,
— Да не и́зъ чего бога́тырю повыстрѣлить,
— Пропустить-то мнѣ-ка стрѣлочку каленую
— По тому острію по ножовому
— Да й во тое во колечико серебряно. —
Говорилъ король онъ таковы слова:
«Ай же вы да слуги мои вѣрныи!
«Вы ступайте-тко на мо́и на глубокъ погребъ,
«Да двѣнадцать вы бога́тырей могучіихъ,
«И неси-тко мой вы самолучшій лукъ,
«Самолучшій лукъ вы королевскіи».
Какъ идетъ туда дружина королевская,
Да двѣнадцать молодцёвъ да все бога́тырей,
И несутъ они да королевской лукъ,
Да й подносятъ ко моло́ду ко Добрынюшкѣ.
Молодой-то Добрынюшка Микитиницъ
Берѐтъ-то онъ ихъ ту́гой лукъ розрывчатый,
Какъ-то сталъ Добрыня стрѣлочекъ накладывать,
Сталъ тетивочекъ Добрынюшка натягивать,
Да и шелковы тетивочки-ты стали всѣ полапывать,
А й порозорвалъ онъ ту́гой лукъ, повыломалъ.
И говорилъ-то какъ Добрыня таковы слова:
— Ай же ты коро́ль Ботьянъ да Ботіяновецъ!
— Твое дря́нное лученочко пометное,
— Да не изъ чего́ бога́тырю повыстрѣлить,
— Пропустить-то этой стрѣлочки каленыи
— По тому остре́ю по ножовому,

— Да й во то въ колечико серебряно. —
Говоритъ-то тутъ Добрынюшка Микитинецъ:
— Ай же братецъ мой крестовыи,
— Молодой Иванушко Дубровичу *(такъ)!*
— А й поди-ко ты на славной на широкой дворъ
— Къ моему коню да къ богатырскому,
— Моего коня ты уговаривай,
— По́ди-тко ты къ правому ко стремени булатнему,
— Отстени мой ту́гой лукъ розрывчатой,
— Да й неси-тко во полату бѣлокаменну
— Мое дря́нное лученышко завозное. —
Какъ идетъ Иванъ Дубровицъ на широкъ на дворъ,
Ко добру́ коню онъ шолъ да ко Добрынину,
Сталъ добра́ коня онъ уговаривать,
Шолъ ко правому онъ стремени къ булатнему,
Отстянулъ-то онъ и ту́гой лукъ розрывчатой,
Енъ понесъ-то во полату бѣлокаменну.
У того моло́даго Добрынюшки Микитинца
Во тоемъ луку да во розрывчатомъ,
Во томъ ли-то да въ тупомъ концу,
Были сдѣланы гуселышка яровчаты,
Да не для-ради̇ красы онъ сдѣлалъ для угожества,
А то для-ради̇ потѣхи молодецкою;
Такъ понесъ Иванъ Дубровичъ этотъ ту́гой лукъ,
Этотъ ту́гой лукъ понесъ да и розрывчатой,
Да й во славны во полаты бѣлокаменны,
И заигралъ ёнъ во гуселышка въ яровчаты.
Тутъ всѣ татара той игры розслухались,
И не слыхали-то игры такой на се́мъ свѣти.
Подносилъ-то ёнъ вѣдь ту́гой лукъ розрывчатой
Да ко своему ко братцу ко крестовому
Да й ко мо́лоду къ Добрынюшкѣ Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ беретъ свой ту́гой лукъ розрывчатой

И во свои беретъ во бѣлыя во ручушки,
Становился-то й Добрыня на рѣзвы́ ножки
Супротѝвъ колечика серебряна,
Й онъ три разъ стрѣлялъ Добрынюшка Микитиницъ
По тому онъ по острію по ножовому,
Угодилъ три разъ въ колечико серебряно.
А й король-отъ Ботіянъ да Ботіяновецъ
Становился-то онъ супротѝвъ колечика серебряна,
А онъ бралъ-то свой-отъ ту́гой лукъ розрывчатой,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелко́вую,
Да спустилъ эту̀ тетивочку шелко́вую
Да во эту ёнъ во стрѣлочку каленую.
Первой разъ-то стрѣлилъ, енъ перѐстрѣлилъ,
А й другой разъ стрѣ́лилъ, такъ не до́стрѣлилъ,
Третій разъ-то какъ онъ стрѣ́лилъ, такъ попасть не могъ.
Королю-то это дѣло не слюбилося,
Не слюбилось это дѣло, не въ люби́ пришло,
Говоритъ король-отъ таковы слова:
«Ай же славныя бога́тырь святорусьскія!
«Кто изъ васъ естѐ гораздъ бороться объ одной ручкѣ?
«Выходите-тко на мой вы на широкой дворъ,
«Вы съ татарама моими поборитеся,
«У́ нихъ силушки великой пріотвѣдайте.»
А й Васильюшко Кази́міровъ
Говорилъ ёнъ таковы слова:
— Ай же ко́роль ты Ботьянъ да Ботіяновичъ!
— У меня что есть борцёвъ дома́ оставлены,
— У меня столькò надѣюшка
— Что на Спаса на Пречисту Богородицу
— Да й на сво́его на братца на крестоваго,
— Да й на мо́лода Добрынюшку Микитинца. —
Молодой-то Добрынюшка Микитиницъ
А й пошолъ бороться на широкой дворъ,

Пóшелъ силушки великой у татаръ да поотвѣдати.
А й король-тотъ Ботіянъ да й Ботіяновичъ,
Молодой Васильюшка Кази́міровъ
Съ молодымъ Иванушкомъ Дубровицемъ
Выходили на балхонъ на королевскіи
А смотрѣть-то на борьбу на богаты́рскую.
Еще вышелъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Да сталъ по двору Добрынюшка похаживать,
На татаръ Добрыня сталъ посматривать.
А й стоятъ татара на него на широкóмъ дворѣ,
Во плечахъ-то у татаръ есть велика сажень,
А й между глазами у татаръ есть велика пядень,
А й головушки на плéчахъ какъ пивной котелъ.
Й они стали-то татара по двору похаживать,
Стали мóлода Добрынюшку поталкивать.
Молодой-то Добрынюшка Микитинецъ
А онъ сталъ татаръ да оттолыкивать,
Й оттолыкивать онъ сталъ татаръ, попинывать,
Сталъ ёнъ пó двору татаръ да и покидывать;
А й пошло-то ко Добрынюшкѣ татаръ къ нему десятками.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Еще видитъ дѣло ёнъ великое,
Воскрычалъ-то вѣдь Добрыня жалкимъ голосомъ,
Жалкимъ голосомъ крычалъ онъ во всю голову:
«Ай же братьица мои да вы крестовыи,
«Славныи вы руськіе могучіе богáтыря!
«Да й побьютъ-те насъ татары во темнóй орды,
«Положить намъ будетъ здѣсь буйны́ головушки,
«Не бывать намъ больше на святой Руси,
«Не видать намъ будетъ больше града Кіева,
«Не видать намъ князя-то Владыміра,
«Не видать Опраксіи намъ королевичной».
Отворились тутъ ворота на широкой дворъ,
И пошло оттуль да силушки черны́мъ чернò.

Й у того ли у молбдаго Добрынюшки
Не случилося ничто-то быть во бѣлыхъ ручушкахъ,
Ему нечѣмъ-то съ татарами да й попротивиться.
Енъ хватилъ татарина-то за ноги,
Такъ онъ сталъ татариномъ помахивать,
А ёнъ сталъ татаръ да поколачивать,
А татаринъ-то вѣдь гнется да не ломится.
Молодой Иванушко Дубович-отъ
Выскочилъ съ балхону королевскаго,
А й бѣжалъ скоренько на широкой дворъ,
Да й схватилъ Иванушко телѣжну ось,
Да й онъ сталъ телѣжной осью-то помахивать,
Да й онъ сталъ татаръ-то поколачивать.
Они вышли со двора да изъ широкаго
Да й на тотъ на городъ королевскій,
Й они стали бить-то силушку великую.
И куды идутъ оні, такъ пáдетъ уличкой,
А й повéрнутся, такъ пáдетъ переулкамы.
Они билися тутъ цѣлыя-то суточки
Не ѣдаючись да й не пиваючись,
Да й побили ȯны силушку великую.
Говорилъ король-отъ таковы слова:
— Ай же славный ты богáтырь святорусьскія,
— Мóлодой Васильюшко Казúміровъ!
— Ты на мой поди-тко да на славной градъ,
— Да й уйми-тко ты богáтырёй своіхъ да святорусьскіихъ,
— Чтобъ оставили мнѣ силы на посѣмена!
— Получайте-тко вы дани себѣ выходы
— И за старыя за годы и за нынѣшній,
— Да и зá всѝ вы за времена да й за досюлешни,
— Исполна-то государю за двѣнадцать годъ, —
Молодой Васильюшко Казúміровъ
Ёнъ скорешенько идетъ да на широкъ на дворъ,
Ёнъ садился-то Василій на добрá коня,

Выѣзжалъ-то какъ Василій на великой градъ,
Енъ поѣхалъ-то по славному по городу
На своемъ добрóмъ конѣ на богатырскоемъ,
И наѣхалъ-то онъ братьицевъ крестовыихъ;
Онъ подъѣхалъ-то къ молóдому къ Добрынюшки,
Налагалъ-то онъ свои да храпы крѣпкіи
А и на него на плечка на могучіи,
И говорилъ ему Василій таковы слова:
— Ай же ты молоденькой Добрынюшка!
— А сегодня ты да вѣдь позавтракалъ,
— А й оставь-ко мнѣ хоть пообѣдати,
— Да уйми-тко éще братца-то крестоваго,
— Мóлода Иванушка Дубровича,
— И пойдемте-тко въ полаты бѣлокаменны
— Къ королю-то ко Ботеяну къ Ботеянову,
— Получать-то будемъ дани за двѣнадцать годъ. —
Шли-то какъ они да на широкъ на дворъ,
Да й прошли они въ полаты бѣлокаменны,
Приносилъ король имъ дани за двѣнадцать годъ,
А двѣнадцать лéбедей, двѣнадцать креченей,
И принесъ къ нимъ грамоту повинную,
Да й принесъ имъ первы мисы чиста сéребра,
Имъ принесъ другія мисы красна золота,
Третьи мисы приносилъ енъ скатна жемчуга;
Далъ имъ грамоту да ёнъ повинную,
А й платить-то надо дани выходы,
Платить-то славному-то князю и Владыміру,
Да й платить-то надобно вѣкъ пó вѣку.
Выходили мóлодцы да на широ́къ на дворъ,
Садились мóлодцы-то й на добры́хъ коней,
Й оны ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ.
И еще день зá день быдто дождь дожжитъ,
Да недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ;
Éны́ ѣдутъ въ день по красному по солнышку,

Ены въ ночь ѣду́тъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Ены вскорѣ добры мо́лодци дороженьку коро́тали,
Они скоро ѣхали чисты́мъ полемъ,
Пріѣзжали-то ко дубу-то ко Невину,
Да й ко славноёму каменю къ Олатырю.
А со тою со пути а со дороженьки
Похотѣлось отдохнуть имъ добрымъ мо́лодцамъ;
Пороздернули оны да шатры бѣлыи,
Они хлѣба соли-то покушали,
И они легли-то спать да й проклаждатися.
Тамъ на тую пору на то времячко
Прилетаетъ голубъ со голубкою,
Да й садится голубъ ёнъ на сы́рой дубъ,
На сыромъ дубѣ̀ сталъ голубъ со голубушкой прогуркивать:
«Ай же ты молоденькой Добрынюшка!
«Во шатрѣ ты спишь да проклажаешься,
«Надъ собою ты незгодушки не вѣдаешь.
«А й твоя-то молода жена Настасья-то Микулична
«А й заму̀жъ идетъ да й за бога́тыря,
«Да й за славнаго Олешу за Поповича».
Молодой-то Добрынюшка Микитиничъ
Онъ скорешенько скочилъ-то на рѣзвы́ ножки,
И скорешенько сѣдлалъ добра́ коня,
И скоренько-то садился на добра́ коня,
Скоро ѣхалъ онъ роздольицемъ чисты́мъ полемъ
Да во тотъ-то славный стольній Кіевъ градъ.
Да й пріѣхалъ-то Добрынюшка Микитинецъ
На́ свой славный на широкъ на дворъ,
Становилъ коня онъ богатырскаго
Ко тому къ крылечику къ переному,
Пристянулъ-то ёго поводомъ шелко́выимъ
Да къ тому колечику къ серебряну,
А онъ самъ идетъ въ полату бѣлокаменну,
Да й прошолъ въ свою въ столовую во горенку,

Й усмотрѣлъ-то ёнъ свою-то ро̀дну матушку;
А й сидитъ-то ёго матушка не весело,
Она ронитъ-то свои да горючи́ слёзы.
Ёнъ-то матушкѣ Добрынюшка поклонъ принесъ:
— Ай же свѣтъ честна̀ вдова Намельфа Тимофеевна!
— А я отъ Добрынюшки съ чиста́ поля поклонъ привезъ.
— Мы съ Добрынюшкой вчерась да порозъѣхались,
— А й Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
— А меня послалъ онъ къ стольнё-Кіеву,
— А й къ тоби вѣдь онъ зайти велѣлъ да на широкой дворъ
— Да й сходить къ тоби въ полаты бѣлокаменны,
— Да й велѣлъ тоби сходить па по́гребы глубокіи,
— Принести велѣлъ со погреба́ лапотики шелковеньки,
— Да велѣлъ-то принести еще-то платьице да скоморовчато,
— Да и принести велѣлъ гуселышки яровчаты,
— Да въ кой гуселышки-то съ мо́лоду Добрынюшка поигрывалъ;
— Да й велѣлъ сходить Добрыня на почестенъ пиръ
— Ко тому ко князю ко Владыміру,
— Да сходить велѣлъ ко князю ко Олешеньку къ Поповичу
— Да ко тое́й ко княгинѣ ко моло́доей,
— Ко Настасьюшкѣ да й ко Микуличной. —
Говорила-то ему вдова да горько плакала:
«Ай же мужичищо деревенщина!
«Надо мною те́бѣ просто надсмѣхатися
«И надъ моимъ-то вѣдь дворомъ да надъ вдовиныимъ.
«Если былъ бы живъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
«Не дошло бъ тебѣ смѣяться на́до мной
«Да надъ моимъ дворомъ да надъ вдовиныимъ».
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Передъ нёй стоитъ, самъ низко кланяётся:
— Ты честна̀ вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Мы вчерась съ Добрынюшкой розъѣхались
— Да й во славноемъ роздольицѣ въ чисто́мъ полѣ,

— А й Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
— А й послалъ меня ёнъ къ стольнё-Кіеву,
— Да велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкой дворъ
— Да сходить велѣлъ въ полаты бѣлокаменны,
— Да й тебѣ велѣлъ молоденькой Добрынюшка,
— Сходить велѣлъ на погребъ на глубокія,
— Принести оттуль лапо́тики шелко́выи,
— Принести-то ве́лѣлъ платьицо да скоморовчато,
— Да й подать велѣлъ Добрынюшка гуселышки яровчаты,
— Да й велѣлъ мнѣ-ка̀ сходи́ть ёнъ на почестенъ пиръ
— Ко тому ко князю ко Владыміру,
— Да къ тому князю́ Олешеньку Поповичу,
— Къ той княгины ко моло́доей,
— Къ той Настасьѣ да Микуличной. —
Говорила-то вдова да горько плакала:
«Ай же мужичищо деревенщина!
«Во глазахъ собака насмѣхаешься,
«Во глазахъ собака подлыгаешься!
«Если̂ бъ была бы эта славушка да й на святой Руси,
«А что есть-то живъ Добрынюшка Микитинецъ,
«Не дошло бы-то смѣяться надъ моимъ-то на́дъ дворомъ,
«Надъ моимъ дворомъ да надъ вдовинымъ».
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
Поскорешеньку онъ ей поклонъ отнесъ:
— Ты честна̀ вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Мы вчерась съ Добрынюшкой розъѣхались,
— Да й во славноемъ роздольицѣ въ чисто́мъ полѣ,
— А й Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
— А й послалъ меня ёнъ къ стольнё-Кіеву,
— Да велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкъ на дворъ
— Да сходить велѣлъ въ полаты бѣлокаменны,
— Да й тебѣ велѣлъ молоденькой Добрынюшка,
— Сходить велѣлъ на погребъ на глубокія,
— Принести оттуль лапо́тики шелко́выи,

— Принести-то ве́лѣлъ платьицо да скоморовчато,
— Да й подать велѣлъ Добрынюшка гусельшки яровчаты,
— Да й велѣлъ мнѣ-ка̀ сходить ёнъ на почестенъ пиръ
— Ко тому ко князю ко Владымiру,
— Да къ тому князю́ Олешеньку Поповичу,
— Къ молодой княгинѣ ко Настасьѣ ко Микуличной. —
Да честна вдова Намельфа Тимофеевна
Да и горько она да и заплакала,
И говорила-то вдова да таковы слова:
«Не узналъ-то свя́тымъ Духомъ вѣдь мужище деревенщина,
«Не узналъ ёнъ про лапо́тики Добрынины,
«Не узналъ-то ёнъ про платье скоморовчато,
«Не узналъ-то про гусельшки яровчаты».
Е́на брала-то скоренько золоты ключи,
Шла скорешенько на погребъ на глубокiи,
Да и приносила-то лапотики шелко́выи,
Приносила платьё скоморовчато,
Приносила-то гусельшка яровчаты,
Подавала мужичищу деревенщинѣ.
Говорилъ-то мужичищо деревенщина:
— Ты честна̀ вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Вмѣстяхъ мы росли съ молоденькимъ Добрынюшкомъ,
— Вмѣ́стяхъ грамотѣ училися,
— Ѣли мы съ Добрыней по однакому
— И намъ одежица съ Добрынюшкой-то ладилась. —
Какъ-то сталъ мужичищо деревенщина,
Енъ обулъ лапотики шелковыи
Да й надѣлъ-то вѣдь онъ платье скоморовчато,
Во бѣлы́ ручки̇ гуселка бралъ яровчаты, —
Да й лапотики на ноженки Добрынюшкѣ поладились,
Ему платьице-то скоморовчато
На собя Добрынюшкѣ поладилось.
Такъ вошолъ-то какъ Добрыня на почестенъ пиръ,
Тамъ придверники стоятъ да приворотники,

Тамъ не стали допущать-то какъ Добрынюшку,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
А й онъ сталъ придверниковъ отпихивать,
Приворотниковъ онъ сталъ да оттолыкивать,
Онъ вошолъ-то во полату бѣлокаменну,
Проходилъ ёнъ во столовую во горенку;
Тамъ приходятъ-то ко князю ко Владыміру,
Да приносятъ къ нёму жалобу великую:
«Ты Владыміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
«Какъ пришолъ-то скоморохъ къ намъ на почестенъ пиръ,
«Енъ придверниковъ розбилъ всихъ приворотниковъ,
«Безъ докладу ёнъ зашолъ сюда въ полаты бѣлокаменны».
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
По столовой онъ по горенкѣ похаживатъ,
То онъ князю-то Владыміру да поговаривать:
— Ай Владыміръ князь ты стольнё-кіевской!
— А 'ще гди у васъ сидятъ-то скоморохи на честнóмъ пиру?
— Прикажи-тко изобрать мнѣ-кà мѣстечко на честнóмъ пиру,
— Прикажи-тко ты Владыміръ мнѣ игру играть,
— Игру играть во гуселышка яровчаты,
— Воспотѣшить мнѣ-ка самого князя Владыміра,
— Воспотѣшить мнѣ-ка князя да Олешеньку Поповича,
— Воспотѣшить мнѣ княгина-та молóдая,
— А й княгина-та Настасья да Микулична. —
Говорилъ-то какъ молóдому Добрынюшкѣ,
Говорилъ-то ёму Владыміръ князь:
«Ай же молодой ты скоморошина!
«Ты поди садись-ко пóблизко той печеньки кирпичною,
«А играй игру въ гуселка во яровчаты,
«Воспотѣшь-ка самого князе Владыміра,
«Воспотѣшь-ко князя-то Олешеньку Поповича,
«Воспотѣшь-ко ты княгину-то молóдую,
«Мóлоду Настасьюшку Микуличну».
Какъ садился-то молоденькой Добрынюшка

Близко печки сѣлъ близкò кирпичною,
Бралъ гуселышка Добрынюшка въ бѣлы́ ручки,
Заигралъ Добрынюшка въ гуселышка,
Онъ игру играетъ все хорошеньку,
И выигрывалъ наигрыши хорошеньки,
Что изъ Кіева да й до Царя-града,
Изъ Царя-града до Еросóлиму,
Съ Еросóлиму ко тою ко землѣ да къ Сорочинскоей.
Еще вси-то скоморохи пріумолкнули,
Еще вси-то игроки-то порозслýхались,
А и не слыхали и́гры эдакой на семъ свѣти;
Самому князю̀ Владыміру ему игра слюбилася.
Какъ ставалъ-то князь Владыміръ на рѣзвы́ ножки,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
Енъ не малую стопу да полтора ведра,
Разводилъ-то онъ медами все стоялыма;
Самъ Владыміръ князь-отъ стольне-кіевской
Подносилъ-то эту чару зелена́ вина
Ко тому онъ къ молодому скоморошинѣ.
Молодой да скоморошина
Енъ скорёшенько ставаетъ на рѣзвы́ ножки,
Бе́ретъ чарочку-ту онъ да во бѣлы́ ручки,
Принимаетъ чарочку одной ручкой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ;
Подаетъ-то на́задъ князю онъ Владыміру,
Понизешенько Владыміру онъ кланялся:
— Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Отъ васъ выпилъ-то я чару зелена́ вина,
— Мнѣ позволь еще сыграть-то во гуселышка яровчаты,
— Воспотѣшить князя мнѣ Олешеньку Поповича. —
А й позволилъ-то ему Владыміръ князь
А играть игру въ гуселышка яровчаты,
Воспотѣшить князя-то Олешеньку Поповича.
Й онъ садился близко печеньки кирпичныя,

И заигралъ онъ во гусельшка яровчаты,
Игралъ-то вѣдь игру онъ все хорошеньку
И выигрывалъ наигрыши хорошеньки,
Что изъ Кіева да й до Царя-градя,
Изъ Царя-града до Еросóлиму,
Съ Еросолиму ко тою ко землѣ да къ Сорочинскоей.
Еще всѣ-то игроки-то порозслухались,
Молодые скоморохи пріумолкнули,
А и не слыхали и́гры эдакой на семъ свѣтѣ.
Такъ игра эта̀ Владыміру слюбилася,
Говорилъ Владыміръ таковы слова
А й тому князю̀ Олешенькѣ Поповичу:
«Ай ставай-ко ты Олеша на рѣзвы́ ноги,
«А бери-тко чару во бѣлы́ руки,
«Наливай-ко чару зелена́ вина,
«Да й не малую стопу да полтора ведра,
«И розводи медами все стоялыма,
«Поднеси-тко къ молодому скоморошинѣ».
А й ставалъ Олешенька Поповичъ на рѣзвы́ ноги
А бралъ чарочку въ бѣлы́ руки,
Подносилъ-то къ молодому скоморошинѣ
А й ставалъ-то скоморохъ да на рѣзвы́ ножки
А онъ чарочку-то бралъ въ бѣлы́ руки
Отъ того-то отъ Олешеньки Поповича,
Принималъ онъ эту чарочку одной рукой,
Выпивалъ онъ чарочку однѣмъ духомъ.
Енъ садился-то на мѣсто скоморовское,
Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
— Ты Владиміръ князь да стольнё-кіевской!
— А позволь играть въ гусельшка яровчаты,
— Воспотѣшить мнѣ княгина-то молóдая,
— Мóлода Настасьюшка Микулична. —
Тутъ онъ бралъ гусельшка яровчаты въ бѣлы́ руки,
А игру игралъ да онъ хорошую,

Онъ наигрыши выигрывалъ хорошенько,
А изъ Кіева да й до Царяграда,
Изъ Царя-града до Еросóлима,
Съ Еросолима ко той къ землѣ да къ Сорочинскоей.
То весьма этѝ наигрыши Владыміру слюбилися.
Говорилъ ему Владыміръ князь да стольне-кіевской:
«Ай же ты молóдой скоморошина!
«Подходи-тко ко столу да княженецкому,
«А й садись-ко съ намы за единой столъ:
«Перво мѣ́стечко тоби да есть подли́ меня,
«Дрýго мѣ́стечко подли князя̀ Олешеньки Поповича,
«Третье мѣ́стечко избирай-ко сòби пóлюби».
Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
— Ты Владыміръ князь да стольне-кіевской!
— А й то нé любо мнѣ мѣ́стечко подли́ тобя,
— А то не любо мнѣ мѣ́стечко подли́ князя
— А подли князя́ Олешеньки Поповича,
— Любо мѣ́стечко мнѣ супротивъ княгины-той молóдоей,
— Супротивъ Настасьюшки Микуличной. —
Какъ садился скоморохъ съ нимъ за единый столъ,
Супротивъ княгини сѣлъ молóдоёй,
Супротивъ Настасьюшки Микуличной.
Говорилъ-то скоморох-отъ таковы слова:
— Ай ты славныя Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Выпилъ рюмочку отъ князя я Владыміра,
— А й позволь-ко нáлить рюмочку мнѣ зеленá вина,
— Поднести мнѣ да ко князю ко Владыміру. —
Какъ ставалъ-то скоморохъ да на рѣзвы́ ножки,
Наливалъ-то рюмочку онъ зеленá вина,
То не малу онъ стопу да полтора ведра,
И розводилъ-то онъ медамы все стоялыма,
Приносилъ ко князю ко Владыміру.
А Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской,
Онъ ставалъ скоренько на рѣзвы́ ножки,

А онъ бралъ ту рюмочку одной рукой,
Выпилъ рюмочку Владыміръ единымъ духомъ.
Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
— Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— На́лилъ-то я рюмочку какъ князю-то Владыміру,
— Позволь по́днести мнѣ еще рюмочку
— А тому князю́ Олешеньки Поповичу. —
Наливалъ-то какъ онъ чару зелена́ вина,
Розводилъ медамы все стоялыма,
Подносилъ князю́ Олешеньки Поповичу.
А й ставалъ Олеша на рѣзвы́ ножки,
Принялъ чарочку Олеша во бѣлы́ ручки,
Бралъ-то чарочку Олешенька одной ручкой,
Выпилъ чарочку Олешенька однимъ духомъ.
Скоморохъ имъ говорилъ да таковы слова:
— А Владыміръ князь ты стольнё-кіевской!
— По́зволь чарочку налить мнѣ зелена́ вина,
— Поднести княгинюшкѣ моло́доей,
— А той ли Настасьюшкѣ Микуличной. —
То онъ бралъ какъ чарочку въ бѣлы́ руки,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
А не малую стопу да полтора ведра,
Розводилъ медамы все стоялыма,
Онъ спустилъ туда онъ свой злаченъ перстень,
Въ-этую спустилъ во чарочку,
Подносилъ онъ ко Настасьюшкѣ Микуличной,
Говорилъ-то ёй онъ таковы слова:
— Ай же ты княгина да моло́дая,
— Мо́лода Настасьюшка Микулична!
— Испей чарочку отъ насъ ты зелена́ вина. —
Молода Настасьюшка Микулична
То скорешенько ставала на рѣзвы́ ноги,
Эту брала чарочку въ бѣлы́ ручки,
Подносила ко устамъ своимъ саха́рніимъ.

Говорилъ ей скоморохъ да таковы слова:
— Молода Настасьюшка Микулична!
— Если хошь добра, такъ ты пей до дна. —
Молода Настасьюшка Микулична
Она женщина была не глупая,
Она пила-то вѣдь чарочку до донышка,
А ко нёю ко устамъ да ко сахарніимъ
Прикатился къ ней да тутъ злаченъ перстень;
Она стря́хнетъ этотъ перстень на дубовый столъ,
И смотрѣла-то на этотъ на злаченъ перстень,
Да которымъ о́на перстнемъ обручалася
Да во матушкѣ да во Божье́й церквы;
Положила она чарочку на зо́лотъ столъ
Й оперлась о нёго плечка о могучіи,
Да й скочила-то Настасья черезъ золотъ столъ,
Говорила-то она да й таковы слова:
«Ай же свѣтъ моя любимая здержавушка,
«Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
«А й у бабы волосъ долгъ, умъ коро́ткою *(такъ)*:
«Не послушала твоёго наказу богатырскаго,
«Я пошла заму́жъ за славнаго бога́тыря,
«За того Олешеньку Поповича».
Тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скорешенько встаетъ да й на рѣзвы́ ножки,
Да й беретъ-то онъ Олешу за желты́ кудри,
Бросилъ онъ Олешу о кирпичной мостъ,
Да онъ выдернулъ шалыгу подорожную,
Сталъ шалыгою Олешеньку охаживать,
Говорилъ-то вѣдь Добрыня таковы слова:
— Ай же хошь ты у жива́ мужа жену отнять? —
Заступать-то сталъ да и Владыміръ князь
За того онъ за Олешеньку Поповича:
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Да й прости-тко насъ во этой глупости».

Говорилъ молоденькой Добрынюшка:
— Ай ты славныи Владыміръ князь да стольне-кіевской!
— Да ты самъ ходилъ Настасью сватати,
— А й Опраксія ходила она свахою.
— Ты свою-то жóну гложешь, еще самъ скребешь,
— А й чужую жóну ты замýжъ даешь. —
Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
А й беретъ-то ёнъ Настасьюшку Микуличну
А за ней ли-то за рученьки за бѣлыи,
То за нёй беретъ за перстни за злаченыи,
А повёлъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Во свою привелъ столову ю во горенку;
Стали жить-то быть да вѣкъ любовь творить.

Записано тамъ же, 7 іюля; повѣрено въ Петербургѣ, 26 ноября.

81.

ДУНАЙ [1]).

(См. Рыбникова, т. I, 31).

А Владыміръ князь стольнё-кіевской
Заводилъ онъ почестенъ пиръ пированьицо
А й на всѣхъ-то на князей на бóяровъ,

---

1) Эта былина, какъ она записана при первой встрѣчѣ собирателя съ Рябининымъ въ Кижахъ и здѣсь напечатана, представляетъ размѣръ, который можно назвать дактилическимъ. Въ Петербургѣ Рябининъ пѣлъ ее нѣсколько иначе, растягивая стихи и придавая имъ, посредствомъ вставочныхъ частицъ и удлиненія нѣкоторыхъ словъ, обыкновенный размѣръ другихъ былинъ — размѣръ хореическій. На вопросъ о причинѣ этого Рябининъ отвѣчалъ, что отъ утомленія онъ не можетъ попасть на настоящій «голосъ» этой былины, который для него теперь сталъ слишкомъ труденъ, и потому перемѣнилъ ея складъ на болѣе легкій. На предложеніе собирателя записать былину во второй разъ, какъ онъ ее сталъ пѣть въ Петербургѣ, Рябининъ отвѣчалъ просьбою этого не дѣлать, потому что въ такомъ случаѣ былина о Дунаѣ явилась бы не въ настоящемъ своемъ видѣ.

Да й на руськихъ могучихъ богáтырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыихъ.
А сидятъ-то мóлодци на честнóмъ пиру,
Всѣ-то сидятъ пьяны веселы;
Владымiръ князь по горенки похаживалъ,
Пословечно государь выговаривалъ:
«Всѣ есть добры мóлодци поженены,
«Красныи дѣвушки замýжъ даны,
«Столько я одинъ хожу холóстъ не женено́й:
«То вы знаете ль мнѣ, братци, супротивничку,
«Чтобы личушкомъ она да й супротивъ меня,
«Очушки у нёй бы ясныхъ соколовъ,
«Бровушки у ней бы черныхъ сóболей,
«А походочкой она бы лани бѣлою,
«Бѣлою лани напольскою,
«Напольской лани златорогія,
«А чтобы было бы мнѣ съ кимъ жить да быть, вѣкъ корóтати,
«А 'ще вамъ молодцамъ было бъ то кому поклонятися?»
Всѣ богáтыри за столикомъ умолкнули,
Всѣ молодци́ да прiутихнули,
За столомъ-то сидятъ затулялися;
Бóльшая тулится къ середнюю,
Середняя тулится за меньшую,
А отъ меньшой тулицы отвѣту нѣтъ.
Зъ-за того̀ за столичка дубоваго,
Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольнiихъ
Вышелъ старыя Перми́нъ сынъ Ивановичъ,
Понизешеньку князю поклоняется:
— Ты Владымiръ князь и стольнё-кiевской!
— Бласлови-ко государь мни словце вымолвить.
— А 'ще знаю я тоби супротивничку:
— Личушкомъ-то она супротивъ тобя,
— Очушки у нёй ясныхъ соколовъ,

— Бровушки у ней черныхъ со́болей,
— А походочкой она лани бе́лыя,
— Она бѣлыя лани напольскія,
— А напольской лани златорогою;
— Тоби буде съ кимъ жить, вѣкъ коро́тати,
— Намъ молодцамъ будетъ-то кому поклонятися.
— А во той ли во славной въ хоробро́й Литвы,
— У того ли-то у короля Литовскаго[1]),
— Есть прекрасна дочь Опраксья королевична,
— Да й сидитъ она во терееми въ златомъ верху;
— На́ ню красное солнышко не о́бпекетъ,
— Буйныи вѣтрушки не о́бвѣютъ,
— Многіи люди не обгалятся[2]).
— Есть-то у ко́роля дру́га дочь,
— Дру́га дочь Настасья королевична;
— Она ѣздитъ во чисто́мъ поли, полякуетъ,
— Сильнё поляничищо уда́лое. —
Говорилъ Владымiръ таковы слова:
«Ай же мои кня́зи бо́яра,
«Сильніи русьскіи могучіи бога́тыря,
«Славны поляници вси удалыи!
«Мни кого-то послать изъ васъ-то посвататься,
«За меня за князя Владыміра,
«У того ли-то у короля Литовскаго
«На прекрасной на Опраксьи королевичной?»
Всѣ за столомъ сидятъ умолкнули,
Всѣ молодци пріутихнули.
Старыя Перми́нъ сынъ Ивановичъ,
А по горенкѣ Перми́нъ ёнъ похаживаетъ,
Пословечно князю ёнъ выговариваетъ:
— Ты Владыміръ князь стольнё-кіевской!

1) Въ Петербургѣ Рябининъ пѣлъ: «короля хоробровскаго».
2) Т. е. не посмѣются.

— Благослови мнѣ государь словцё молвити.
— А й то знаю я послать кого посвататься
— За тобя за князя за Владыміра
— У того у ко́роля Литовскаго
— На прекрасной Опраксьи королевичной:
— Послать тихаго Дунаюшка Ивановича;
— Тихія Дунай во послахъ бывалъ,
— Тихія Дунай много зе́мель зналъ,
— Тихія Дунай говорить гораздъ.
— Да ёму-то Дунаюшку посвататься
— За тобя за князя за Владыміра
— У того у короля Литовскаго
— На прекрасноей Опраксьи королевичной. —
Славныя Владыміръ стольно-кіевской
Скоро шолъ по горенкѣ столовыи,
Бралъ-то онъ чарочку въ бѣлы́ руки,
Наливалъ-то онъ чару зелена́ вина,
А не малую стопу — полтора ведра,
Розводилъ ёнъ медамы стоялыма,
Подносилъ онъ-то ко тихому Дунаюшку,
Ко́ тому Дунаюшку Ивановичу;
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Онъ скорешенько ставаетъ на рѣзвы́ ножки,
Чару бралъ отъ князя во бѣлы́ ручки,
Принялъ-то онъ чарочку одной ручкой,
Выпилъ-то онъ чарочку однымъ душкомъ,
Подалъ чарочку онъ князю Владыміру,
Понизенько онъ князю поклоняется:
«А Владыміръ ты князь стольнё-кіевской!
«Благослови мнѣ государь словцё вымолвить.
«Ѣду я посвататься за князя за Владыміра
«И у того у короля Литовскаго
«На прекрасной Опраксьи королевичной;
«Столько дай-ко ты мнѣ еще товарища,

«Мо́лода Васильюшка Кази́мірова».
А Владыміръ князь стольнё-кіевской
Онъ скорешенько бралъ чару во бѣлы́ ручки,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Розводилъ ёнъ медамы все стоялыма,
Подносилъ ёнъ къ Василью Кази́мірову.
Молодой Василій Кази́міровичъ
Онъ скорешенько ставалъ на рѣзвы́ ножки,
Чарочку онъ бра̀лъ во бѣлы́ ручки
Отъ того отъ князя Владыміра,
Принялъ-то онъ чарочку одной ручкой,
Выпилъ онъ чарочку однымъ душкомъ,
Подалъ онъ чарочку князю Владыміру,
Понизешенько Владыміру поклоняется:
— Ты Владыміръ князь стольнё-кіевской!
— Бласлови государь словцё вымолвить.
— Ѣду я съ Дунаюшкомъ посвататься
— За тобя за князя за Владыміра
— А й у славнаго у короля Литовскаго
— Прекрасную Опраксью королевичну;
— Дай-ко ещé намъ товарища,
— Моего-то братца крестоваго,
— А Васильюшка па́робка заморскаго:
— А ёму̀-то Васильюшку коней сѣдлать,
— Да ему-то Васильюшку розсѣдлывать,
— А ему-то Васильюшку плети по́давать,
— Ему плети по́давать, ему плети при́нимать. —
Владыміръ князь стольнё-кіевской
Беретъ онъ чарочку во бѣлы́ руки,
Наливаетъ онъ чару зелена́ вина,
А не малую стопу — полтора ведра,
Розводилъ ёнъ медамы все стоялыма,
Подносилъ ёнъ къ Васильюшку ко паробку,

А къ Васильюшку къ паробку заморскому.
Становился Василей на рѣзвы́ ножки,
Бралъ-то онъ чару во бѣлы́ ручки,
Принялъ онъ чарочку одной ручкой,
Выпилъ онъ чарочку однимъ душкомъ,
А Владыміру-то князю поклоняется.
А пошли они съ полаты бѣлокаменны,
Выходили молодци они на Кіевъ градъ,
Шли въ свои полаты бѣлокаменныи,
А сѣдлали добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
А поѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
А во славную въ эту въ хоробру́ Литву.
А пріѣхали оны на широкъ на дворъ
Ко тому ли оны къ королю Литовскому.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
А съ товарищемъ Василіемъ Кази́міровымъ
А пошли они въ полаты бѣлокаменныи,
А Васильюшко паробокъ заморскіій
Сталъ-то онъ по двору похаживать,
За собою сталъ добрыхъ коней поваживать.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
Молодой Василей Кази́міровъ,
Какъ прошли они въ полаты бѣлокаменны,
Заходили во столовую во горенку,
На пяту дверь порозма́хивали,
Они Господу Богу помолилися,
Били челомъ низко кла́нялися,
Самому-то ко́ролю они въ особину,
Всѣмъ-то князьямъ подколѣннымъ.
Садилъ ихъ король за единой столъ,
А кормилъ-то ихъ ѣствушкой саха́рнею,
А поилъ-то ихъ питьицемъ медвяныимъ.
Тихому Дунаюшку Ивановичу
Подносилъ къ нему чару зелена́ вина,

То не малую стопу — полтора ведра;
Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
А скорешенько ставалъ на рѣзвы́ ножки,
Чарочку онъ бралъ во бѣлы́ ручки,
Бралъ-то онъ чарочку одной ручкой,
Онъ за этою за чарочкой посватался
У того у ко́роля Литовскаго
На ёго на дочери любимоёй,
На прекрасноёй Опраксы королевичной,
За своёго за́ князя Владыміра.
Го́ворилъ коро́ль таковы слова:
«Глупый князь Владыміръ стольнё-кіевской:
«Енъ не зналъ кого посла́ть ко мнѣ посвататься,
«Изъ бояръ мнѣ-ка̀ боярина богатаго,
«Изъ бога́тырей бога́тыря могучаго,
«Изъ крестьянъ мнѣ-ка̀ крестьянина хорошаго,
«Онъ послалъ мнѣ-ка̀ холопину дворянскую!
«Ай же мои слуги вѣрныи,
«Вы берите-тко Дуная за бѣлы́ ручки,
«Да й ведите-тко на погребъ холодныи,
«За нёго̀ за рѣчи неумильніи».
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Скоро-то онъ скочитъ черезъ зо́лотъ столъ,
А схватилъ ёнъ татарина за ноги,
Сталъ ёнъ татариномъ пома́хивати̇,
Сталъ бить татаръ, покола́чивати̇,
А король-то по за́столью бѣгаётъ,
Куньею шубой укрывается.
Говоритъ король таковы слова:
«Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
«А садись-ко со мной за единой столъ,
«Ѣшь-ко ты пей съ одной мисочки.
«Сдѣлаемъ съ тобою мы сва́товство
«Да на моёй ли на дочери любимою,

«На прекрасноей Опраксы королевичной,
«За того за князя Владыміра».
Го́ворилъ Дунай таковы слова:
— Ай же король ты Литовскіи!
— Еще не учёстовалъ молодцевъ пріѣдучись,
— Не ужаловать-то молодцевъ поѣдучись.
— Въ честь я Опраксію да королевичну
— Да возьму-то я за князя за Владыміра,
— А не въ честь я возьму за товарища
— За того Васильюшка Кази́міровa. —
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Скоро шолъ полатой бѣлока́менною,
Выходилъ-то Дунай на широкъ на дворъ,
Приходилъ ёнъ ко терему къ златымъ верхамъ,
Сталъ Дунаюшко замочиковъ отща́лкивати̑,
Сталъ Дунаюшко онъ дверцей выста́вливати̑,
Онъ приходитъ-то во теремъ во златы верхи;
По тому-то терему злату верху
А Опраксія королевична поха́живаётъ
А въ одной тонкой рубашкѣ безъ пояса,
А въ однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
У нёй русая коса пороспущена.
Воспрого́ворилъ Дунай таковы слова:
— Ай же ты Опраксія королевична!
— А идешь ли ты за́мужъ за князя за Владыміра? —
Говоритъ ёму Опраксія королевична:
«Ай ты славныя богатырь святорусьскія!
«Три́ году я Господу молилася,
«Чтобъ попасть мнѣ-ка за́мужъ за князя за Владыміра»
Бралъ ёнъ ю за ручушки за бѣлыи,
Бралъ ю за перстни злаченыи,
Цѣловалъ въ уста во саха́рніи
А за нёй за рѣчи умильніи,
Выводилъ онъ ю со те́рема златыхъ верховъ,

Приводилъ ю Дунай на широкой дворъ,
А садилъ ю Дунай на добра́ коня,
На добра́ коня садилъ къ головы́ хребтомъ,
Самъ Дунаюшко садился къ головы лицёмъ.
Оны сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
А по славному роздолью чисту́ полю;
Ихъ достигла темна ночка въ чисто́мъ поли,
Они спать легли проклаждатися.
Говоритъ-то Дунаюшку Ивановичу
А прекрасная Опраксія королевична:
«Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
«У меня-то вѣдь есть сестра ро́дная,
«А Настасья есть королевична,
«Она сильня поляница и уда́лая,
«Она ѣзди во чисто́мъ поли, полякуетъ,
«Какъ наѣдетъ-то она ко бѣлы́мъ шатрамъ,
«Во бѣлы́хъ шатрахъ намъ живы́мъ не бывàть».
Эта Настасья королевична
Узнала про сестрицу свою ро́дную,
Увезли у ней сестрицу на святую Русь,
Не влюби у нихъ брали бога́тыри;
Она ѣхала въ погону по чисту́ полю,
А скакала на кони богатырскоемъ
Да по славну роздолью чисту́ полю;
По цѣлой версты конь поскакивалъ,
По колѣнъ онъ въ земелюшку угрязывалъ,
Онъ съ земелюшки ножки выхватывалъ,
По сѣнной купны опъ земелики вывертывалъ,
За три вы́стрѣлы камешки откидывалъ.
Не путёмъ она ѣдетъ не дороженкой,
Она ѣхала роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Проѣхала она да сестру ро́дную,
А проѣхала она и мимо Кіевъ градъ.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ,

Садился Дунай на добры́хъ коней,
А садилъ ёнъ Опраксу королевичну
А Василью Кази́мірову да й на добра́ коня,
А садилъ-то ю къ головы хребтомъ,
А Васильюшко-то садился къ головы лицёмъ.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
А послалъ съ нима па́робка любимаго,
Онъ того Василія заморскаго,
Отвести ю князю на широкой дворъ,
Отвести въ полаты бѣлокаменны
А подать-то ю князю во бѣлы́ ручки.
А самъ тихія Дунаюшко Ивановичъ
Онъ поѣхалъ во роздолье чисто́ поле
Посмотрѣть на поляницу удалую,
А й на этую Настасью королевичну.
Молодой Васильюшко Кази́міровъ,
Со своимъ со паробкомъ любимыимъ,
Они ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
На добры́хъ коняхъ на богатырскіихъ,
Ускоряли-то оны скоро-на́-скори,
Пріѣхали-то они въ стольнёй Кіевъ градъ
А ко славному ко князю на широкой дворъ,
А скорешенько спустились со добры́хъ коней,
Опустили-то Опраксію королевичну
Со добра́ коня съ богатырскаго.
А повелъ-то ю Васильюшко Кази́міровъ
Во эту̀ полату бѣлокаменную
Ко тому ко князю ко Владыміру,
Подалъ онъ ю во бѣлы́ ручки.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Ѣхалъ онъ роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Енъ наѣхалъ поляницю во чисто́мъ поли,
Становилъ ёнъ поляницю супротивъ собя,
Говорилъ ёнъ поляници таковы слова:

— Ай же Настасья королевична!
— Я досталъ твою сестрицу родимую,
— А досталъ заму́жъ за князя Владыміра.
— Ты идёшь ли за́мужъ за Дунаюшка,
— За того за Дунаюшка Ивановича? —
Говорила Настасья королевична!
«Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
«Славныи бога́тырь святорусьскіи!
«Если ты мной не ломаешься,
«Я иду это за́мужъ за Дунаюшка,
«За тобя Дунаюшка Ивановича».
Оны сѣли на добры́хъ коней, поѣхали.
Пріѣхали они въ стольнё-Кіевъ градъ,
А пріѣхали ко матушкѣ къ Божьё́й церквы;
А Владыміръ князь стольнё-кіевской
Повѣнчался ёнъ во матушкѣ въ Божье́й церквы
А со тою со Опраксой королевичной,
А й выходитъ ёнъ со Божьё́й церквы;
Тихія Дунаюшко въ церкву́ пошолъ
Повѣнчатися съ сестрицей со дру́гою,
А со тою съ Настасьей королевичной.
Во Божьё́й церквы повѣнчалися,
Принимали-то оны́ золоты вѣнци,
Они заповѣдь великую покла́дали:
А что жить-то имъ быть, вѣкъ коро́тати.
Выходилъ-то Дунай со Божье́й церквы,
Приходилъ ёнъ ко князю ко Владыміру,
Сдѣлали оны́ тутъ почестенъ пиръ,
А й на всѣхъ-то князей на всѣхъ бо́яровъ,
На всѣхъ русьскіихъ могучіихъ бога́тырей,
На всѣхъ славныихъ поляницъ на удалыихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру поросхва́сталися̀.

Хвастаетъ богатой золотой казной,
Золотой казной онъ безсчетною,
Щеголь хвастаетъ одежей дрогоцѣнною,
Сильній хвастаетъ-то силушкой великою,
И́ной хвастаетъ богатырь добры́мъ конемъ;
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Онъ выходитъ-то зъ-за столика дубоваго,
Изъ-за тыхъ скамеёкъ окольніихъ,
Отъ своей семеюшки любимоёй,
Отъ молодой отъ Настасьи королевичной,
Сталъ Дунаюшко по горенкѣ похаживати,
Пословечно Дунай выговаривати:
— Нѣтъ мене лучше молодця во всемъ Кіевѣ!
— А й никто не смѣлъ ѣхать посвататься
— Да й за славнаго за князя Владыміра
— На Опраксіи королевичной, —
— Самъ я женился и людей женилъ,
— Самъ я боецъ и удало́й молодѐцъ,
— А гораздъ-то стрѣлять я изъ луку изъ ту́гаго! —
Говорила Настасья королевична:
«Свѣтъ ты здержавушка любимая,
«Тихія Дунаюшко Ивановичъ!
«А нечѣ́мъ-то вѣдь я да не ху́же тобя:
«Сила моя есть побо́льше твоёй,
«А ухваточка моя удалѣ́е тобя̀».
А Дунаюшку-то дѣло не слюбилося,
А молода жена перехвастала.
Говорилъ Дунай таковы слова:
— Ай же Настасья королевична!
— А ставай-ко ты на рѣзвы́ ножки,
— Поѣдемъ мы съ тобой во чисто́ поле,
— Востроты мы у́ друга друга̀ отвѣдаемъ. —
Вышелъ Дунай во чисто́ поле,
Положилъ ёнъ колечко серебряно

На свою на буйну головушку,
А й наставилъ ёнъ свой вострый ножъ,
Говорилъ ёнъ Настасьи королевичной:
— Ай же Настасья королевична!
— Отойди-тко отъ меня да за пятьсотъ шаговъ,
— Пропусти-тко эту стрѣлочку каленую
— По тому остре́ю по ножевому,
— Чтобы стрѣлочка катилась на двѣ стороны,
— На двѣ стороны катилась вѣсо́мъ равна
— И угодила бы въ колечко серебряное. —
Этая Настасья королевична
Она брала свой ту́гой лукъ розрывчатой,
Налагала она стрѣлочку каленую,
Натягала она тетивочку шелко́веньку
А спущала въ эту стрѣлочку каленую;
Пропустила эту стрѣлочку каленую
По тому острі́ю по ножевому,
Прокатилась эта стрѣлочка каленая
По тому острію на двѣ стороны вѣсо́мъ ровно,
Угодила во колечко серебряно.
Три́ разъ она Настасьюшка прострѣ́лила
Изъ того изъ лука изъ розрывчата
По тому острею по ножевому,
Пропустила эту стрѣлочку каленую
Да й во то ли во колечко во серебряно.
Говорилъ-то ёнъ Дунай да таковы слова:
— Становись-ко ты Настасья супротивъ меня. —
Онъ покла́далъ ёй колечико серебряно
Да на нёй на буйную головушку,
Ёнъ наставилъ сво́ю ножъ булатнею *(такъ)*
И то отшѐлъ онъ отъ Настасьюшки пятьсотъ шаховъ.
То Настасья королевична молилася,
А й молилася она да й горько плакала:
«Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ,

«Ты меня прости во женской глупости!
«А й по поясу вкопай меня въ сыру землю,
«А 'ще бей-ко ты меня да й по нагу́ тѣлу,
«А прости меня во глупости во женскою,
«Не стрѣляй-ко ты изъ луку изъ розрывчата,
«Не спущай-ко стрѣлочки каленыя
«По тому ты по остре́ю по ножовому
«Да й во то колечко во серебряно.
«А й теперь-то ты Дунаюшко хмѣльнёшенекъ,
«А й теперь Дунаюшко пьянешенекъ,
«А убьешь меня ту молоду жену,
«А й ты сдѣлашь двѣ головки безповинныихъ.
«У меня съ тобой во чревѣ есть чадо́ посѣяно,
«По колѣнкамъ у него есть ножки въ се́ребри,
«По локо́точкамъ ёго ручки въ красномъ золоти,
«А наза́ди у него пекетъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
«Отъ ясны́хъ очей какъ будто лучъ пекетъ».
Ничего тому Дунай да не пытаючись,
Какъ бралъ ту́гой лукъ да свой розрывчатой,
Наложилъ-то стрѣлочку каленую,
Ёнъ спустилъ тетивочку шелковую.
Пролетѣла эта стрѣлочка каленая
А й Настасьѣ королевичной да во бѣлы́ груди,
А й тутъ Настасьюшки славу́ поютъ.
При́шелъ тихія Дунаюшко Ивановичъ,
Подошолъ онъ къ нёй да поросплакался.
А онъ бралъ свою да саблю вострую,
Роспласталъ онъ ёй да чрево женское,
Посмотрѣлъ-то какъ у нихъ чадо́ засѣяно:
По колѣночкамъ-то ножки въ се́ребри,
По локоточкамъ-то ручки въ красномъ золоти,
По косицамъ у него какъ звѣзды частыя,
Назаду-то него да какъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
Отъ очей-тыхъ отъ него какъ быдто лучъ пекетъ.

Да тутъ тихія Дунаюшко росплакался,
И говорилъ Дунай да таковы слова:
— Ай по тыхъ поръ видно что Дунаюшко женатъ бывалъ!—
Становилъ-то онъ свою да саблю вострую,
Говорилъ Дунай да таковы слова:
— Напередъ-то протекла рѣка Настасьина,
— А другáя протеки рѣка Дунаева! —
Становилъ свою онъ саблю вострую,
Да онъ палъ на саблю-ту на вострую,
Отрубилъ свою буйну̑ головушку.
Тутъ Дунаюшку съ Настасьюшкой славу́ поютъ,
Имъ славу́ поютъ да вѣки пó вѣку.

Записано въ Кижахъ, 8 іюля.

82.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 35).

Да й ходилъ-то мóлодецъ да изъ орды въ орду,
Загулялъ-то молóдецъ да къ королю въ Литву.
А й король-отъ мóлодца онъ любитъ жалуетъ,
Королевна мóлодца ёна въ люби́ держитъ.
Да й ходилъ-то мóлодецъ да поросхвастался:
«Да й ходилъ-то мóлодецъ да изъ орды въ орду,
«Загулялъ-то мóлодецъ да къ королю въ Литву,
«А король-то мóлодца да любитъ жалуетъ,
«Королевна мóлодца она въ люби́ держитъ».
Да й ходилъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Да й ходилъ ко тою славною ко матушки Пучай рѣки,
Да й стрѣлялъ Михайла гу́сей лебедей,
Да й стрѣлялъ-то перелётныхъ сѣрыхъ утушокъ.
Да й по той ли-то по матушки Пучай рѣки

То пловетъ колода бѣлоду́бая,
Да й на тою на колоды бѣлодубовой
Си́дитъ бѣленька на нёй лебёдушка.
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
А й берётъ-то онъ свой ту́гой лукъ розрывчатой,
Натянулъ тетивочку шелко́веньку,
Наложилъ ёнъ стрѣлочку каленую,
Хо́титъ подстрѣлить онъ бѣлую лебёдушку.
Поднималася та бѣлая лебёдушка
Да й на ты на кры́ла лебединыи,
Вылетала-то она да й на круто́й берёгъ,
Обвернулась-то лебёдка красной дѣвушкой.
Молодой Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ подходитъ-то да къ красной дѣвушки,
А й берётъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
Да й за нёй ли бралъ за перстни за злаченыи,
Цѣловать хотѣлъ въ уста ю во саха́рніи.
Говорила-то ему да красна дѣвушка:
«Ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
«Не цѣлуй-ко ты меня да красной дѣвушки!
«А я дѣвушка есть роду-то невѣрнаго,
«Да й невѣрнаго есть роду некрещоная.
«Ты когда меня сведёшь да въ стольнё-Кіевъ градъ,
«Да когда доста́влешь *(такъ)* въ вѣрушку крещоную,
«Да й тогда съ тобой мы повѣнчаемся,
«Да й тогда съ тобой мы нацѣлуемся».
То Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
А й беретъ-то онъ да красну дѣвицю
Да за нёю-то за ручушки за бѣлыи,
Да за нёю бралъ за перстни за злаченыи,
А онъ велъ-то ю да въ стольнё-Кіевъ градъ,
Приходилъ-то съ нёй ко матушки Божьё́й церквы,
Да завелъ ю въ матушку въ Божью́ церковь.
Тутъ крестили ю да и молитвили,

Имя-то ёй дали Марья лебедь бѣлая.
Ёны тутъ съ Михайлой повѣнчалися,
Ёны Господу тутъ Богу помолилися,
Ко Господнему кресту да й приложилися.
Выходили ѐны съ матушки съ Божьёй церквы,
Шли по славному по городу по Кіеву,
Во свою-то шли въ полату въ бѣлокаменну,
Приходили во столову свою горенку,
Стали жить да быть, во вѣкъ любовь творить.

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

83.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 34).

Молодой Иванушко Годиновичъ
Похотѣлъ-то онъ да поженитися,
Похотѣлъ во славной Золотой Орды
На прекрасноёй Настасьи Митріѐвичной.
Говорилъ ему Владыміръ князь да стольнё-кіевской:
«Ай же крестничекъ ты мой любимыи!
«Хочешь ѣхать пожениться въ Золоту Орду?
«Что ты брать будѐшь съ собой да въ Золоту Орду?
«А й безсчетную велику золоту казну,
«А й одежицу ты брать дорогоцѣнную,
«Али брать ты будешь силушку[1]) великую?»
Говорилъ Иванушко Годиновичъ:
— А й крестовый ты мой батюшка,
— Ай ты славныя Владыміръ князь да стольнё-кіевской!

---

1) Рябининъ пропѣлъ сперва: «ту армію великую», а потомъ, поправившись, сказалъ: «силушку великую».

— Мни не надобно безсчетной золотой казны:
— Золотой казной мнѣ дѣвушки не выкупить;
— Силы (арміи) великія не надобно:
— Мнѣ не дракою брать дѣвушку, да не вóйскамы да великима;
— Да не надобно одежи дрогоцѣнней.
— Есть пойдетъ въ люби Настасья Митріéвична,
— Такъ возьму въ люби Настасью Митріевичну,
— Такъ не надо бы одежи дрогоцѣнныя,
— Да й не надо мни безсчетной золотой казны,
— Да не надо силы арміи великоёй,
— Только дай мнѣ-кà да пáробка любимаго,
— Чтобы паробку добрà коня сѣдлать,
— Чтобы паробку коня розсѣдлывать,
— Ему плетка пóдавать да плетка прúнимать.—
А Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Да какъ далъ ему-то паробка любимаго,
Й они сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Молодой Иванушко Годиновичъ
Со своимъ со пáробкомъ любимыимъ.
Ены ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Они въ день ѣду́тъ по красному по солнышку,
Они въ ночь ѣду́тъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Ускоряютъ-то дороженьку чисты́мъ полемъ.
А й пріѣхали они во Золоту Орду
Ко прекрасноёй Настасьѣ Митріевичной,
А у ней-то сватухú сидятъ,
Сватухи сидятъ да тою сватаютъ
За того за сына-то за царьского,
За того за Ѳёдора Иванова.
Какъ посваталъ ю Иванушко Годиновичъ:
— Ай же ты Настасья Митріевична,
— А й поди-тко ты да за меня замужъ!
— Я свезу тобя на славну на святую Русь,
— Я достáвлѣю *(такъ)* тебя во вѣрушку крещоную,

— А 'ще будешь ты у насъ да роду вѣрнаго,
— А 'ще дѣтушки пойдутъ крещеныи. —
Позвалась она пойти заму́жъ Иванушка Годинова *(такъ)*.
Какъ приказала-то сѣдлать она добра́ коня,
А й сѣдлали-то они добры́хъ коней,
Да й поѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
Съ этой славноёй да Золотой Орды,
Оны ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ.
Молодой Иванушко Годиновичъ
А й отправилъ-то онъ паробка любимаго
А во тотъ во славный въ стольне-Кіевъ градъ
Да й ко славному-то князю ко Владыміру:
«Я въ люби везу Настасью Митріе́вичну».
Его паробокъ да то любимыи
И онъ поѣхалъ-то скоренько по чисту́ полю
Да й во тотъ во славной въ стольнё-Кіевъ градъ,
Онъ пріѣхалъ-то ко князю ко Владыміру,
Онъ пришолъ къ нему въ полату бѣлокаменну,
Говорилъ-то князю таковы слова:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Какъ въ люби везетъ Настасью Митріе́вичну
«Да твой крестничекъ любимыи,
«Молодой Иванушко Годиновичъ».
Тамъ на тую пору на то времечко
А настигъ ихъ царьской сынъ да во чисто́мъ поли,
А и тотъ вѣдь Ѳёдоръ-отъ Ивановичъ.
Иванушко Годиновичъ онъ ѣдетъ по праву́ руку Настасьи Митріе́вичной,
А й по лѣвую да ёй по рученьку
А поѣхалъ царьской сынъ Ѳедо̀ръ Ивановичъ;
Сталъ Настасью Митріе́вичну
Царьской сынъ да уговаривать:
— Ай же ты Настасья Митріевична!
— Ты куда умъ клала и заму́жъ пошла?

— Какъ будешь ты во городѣ во Кіевѣ
— Казачихою у князя у Владыміра,
— У Опраксіи у королевичной,
— Еще будешь ты да портомойницей.
— За меня поди замужъ за сына царьского,
— У меня буде́шь ты да царицею. —
А й у той ли у Настасьи Митріе́вичной
А туды у нею й умъ пошелъ,
Да й пошла заму́жъ за сына-то за царьского.
Они во́змутъ-то привяжутъ какъ Иванушку Годинова
Да й ко славному да ко сыру дубу;
Пороздернули они свою полатку полотняную,
Оны спали во полатки полотняноёй,
Оны гладились въ полатки, тамо ли́стились.
Ены вышли со полатки полотняноёй;
Тамъ на тую порушку да й на то времечко
Черезъ ихъ летѣло два бѣлы̀хъ два лебедя.
Говорила-то Настасья Митріе́вична,
Говорила-то она да й сыну царьскому:
«Ай же царьской сынъ Ѳедо̀ръ Ивановичъ!
«Захотѣлось на поносѣ мнѣ-ка мяса лебединаго.
«Ты возьми-тко ту́гой лукъ розрывчатой,
«Натяни-тко ты тетивочку шелко́веньку,
«Наложи-тко стрѣлочку каленую,
«По́дстрѣль бѣлую да мнѣ лебедушку,
«Мнѣ покушать мяса лебединаго».
Царьской сынъ Ѳедо́ръ Ивановичъ
Скоро бралъ свой ту́гой лукъ розрывчатой,
Натянулъ-то онъ тетивочку шелко́вую,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Енъ спустилъ тетивочку шелко́вую
Въ эвту стрѣлочку онъ во каленую;
А й во верхъ-то полетѣла эта стрѣлочка каленая,
А й по Божьему да й по велѣнью

А свилась-то стрѣлочка каленая,
Она пала-то да во головушку,
Во головушку-ту пала сыну царскому,
А й тому вѣдь Ѳёдору Иванову.
Тутъ-то Ѳёдору да й сыну царскому,
А ему славу́ поютъ да вѣки по́ вѣку.
Тутъ Настасья Митріе́вична
Какъ стала по чисту́ полю похаживать;
А Иванушко стоитъ ёнъ у сыра дуба, .
У сыра дуба стоитъ ёнъ да привязаной.
Говоритъ ему Настасья Митріе́вична:
«Ай же молодой Иванушко Годиновичъ!
«А й прости-тко ты меня да въ женской глупости,
«А возьми меня замужъ да красну дѣвушку,
«Да й свези-тко ты меня да на святую Русь,
«А й во славною во стольне-Кіевъ градъ,
«Да й доставлѣшь ме́не въ вѣрушку крещеную;
«А сходимъ мы съ тобой да во Божью́ церковь,
«А и примемъ мы съ тобой да золоты вѣнцы,
«Мы положимъ съ то́бой заповѣдь великую,
«Намъ въ люби бы жить съ тобой вѣкъ по́ вѣку».
Говорилъ-то ёй Иванушко Годиновичъ:
— Ай же ты Настасья Митріе́вична!
— Какъ ты справишь-то три заповѣди женскіихъ,
— А тогда ты будешь и моя жена. —
Отвязала-то Иванушка она да отъ сыра дуба.
Тутъ молодой Иванушко Годиновичъ
Становилъ Настасью супротивъ собя,
Во свои во бѣлы онъ во ручушки
А онъ бралъ свою да саблю вострую,
Й онъ смахнулъ своёй да саблю вострою,
Да срубилъ ёй ножки по колѣночкамъ.
Говорилъ Иванушко ёнъ таковы слова:
— А почто-то эти ноженки-ты рѣзвыи?

— Оплетали-то татарина поганаго,
— А й того-то Ѳёдора Иванова. —
И то смахнулъ своёй онъ са́блёй вострою,
Отрубилъ ей ручки по локо́точкамъ,
Говорилъ Иванъ да таковы слова:
— А й почто-то эти ручки бѣлыи?
— Обнимали-то татарина поганаго,
— А й того ли Ѳёдора Иванова. —
Онъ смахнулъ еще да саблей вострою,
Отрубилъ-то ёй уста саха́рнiи,
Говорилъ да какъ Иванушко да таковы слова:
— А й почто эти уста сахарнiи?
— Цѣловали-то татарина поганаго,
— А й того ли Ѳёдора Иванова. —
А 'ще тутъ Настасьюшкѣ славу́ поютъ,
Ей славу́ поютъ да вѣки по́ вѣку.
Молодой Иванушко Годиновичъ
Онъ садился скоро на добра́ коня,
Онъ да ѣхалъ какъ роздольицемъ чисты́мъ полемъ
Да во славный свой да стольне-Кiевъ градъ.
Тамъ Владымiръ князь да стольнё-кiевской,
А крестовой его батюшко,
Дожидаетъ крестничка любимаго
Со Настасьюшкой да Митрiе́вичной.
А прiѣхалъ-то Иванушко Годиновичъ
А й по вечеру онъ да поздешенько,
А онъ крадчи-то заѣхалъ на широкой дворъ,
Бояци́сь пришолъ въ полату бѣлокаменну
Да й ко славному ко князю ко Владымiру;
Говоритъ ему да тутъ Владымiръ князь:
«Ай же ты Иванушко Годиновичъ!
«А 'ще гдѣ твоя княгина есть моло́дая,
«Молода Настасья Митрiе́вична?»
Говорилъ ёму Иванушко Годиновичъ:

— Ай же славныя Владымiръ стольне-кiевской,
— А крестовою да ты мой батюшко!
— А й всякъ мо́лодецъ на сёмъ свѣтѝ онъ женится,
— А не всякому женидьба удавается, —
— Видно только я Иванушко й женатъ бывалъ. —

Записано въ Кижахъ, 8 iюля.

84.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ[1]).

(См. Рыбникова, т. I, 43).

А й во славноёмъ во городи во Кiеви,
Славного у́ князя Владымiра,
Заводился у́ князя почестенъ пиръ.
Было на пиру у него двѣ вдовы:
Первая вдова-то честно-Блу́дова женà,
Дру́гая вдова была купе́цъ-жона.
Къ че́стной вдовы къ честно-Блу́дова женѝ
Подносили къ тоей чару зелена́ вина,
Да не малую стопу, полтора ведра.
Че́стна вдова честно-Блу́дова женà
Ставала-то она да на рѣзвы́ ноги,
Брала эту чарочку въ бѣлы́ ручки,
Й она за этоей за чарочкой посва́талася̀
За своёго за́ сына за любимаго,
За того Хотинушку за Блу́довица
А у че́стной вдовы́ у купе́цъ у жонѝ,
На прекрасной Офимьи купе́цъ-доцерѝ.
Честная вдова та купе́цъ-жонà
Скорёшенько ставала й на рѣзвы ноги,

---

1) Размѣръ дактилическiй.

Брала отъ нёй чарочку въ бѣлы́ руцки,
А назадъ-то ёй чарочку повы́плеснула̀,
Куньюю шубоньку облила,
Курвой блядiю оклёскивала̀;
Говорила-то вдова таковы слова:
«Ай ты глупая вдова честно-Блу́дова жона̀!
«Тоби до́йдетъ ли Офимья моя взя́ть за сына̀,
«Да й за твоего Хотинушку за Блу́довица̀?
«А й сидитъ моя Офимья во тереми,
«А й во славномъ си́ди въ тереми въ злато́мъ верху,
«На́ ню красное солнышко не о́бпекётъ,
«На́ ню буйныи вѣтрушки не о́бвѣютъ,
«Многiи люди не обгалятся.
«Твой сынъ Хотинушка Блудовичъ
«Ѣздитъ онъ по городу, уродуетъ
«Со своимъ-то со паробкомъ любимыимъ,
«Ищетъ бобоваго зе́рнедки,
«Гди бы то Хотинушки обѣ́дъ сочини́ть».
Че́стна вдова честно-Блу́дова жона̀
Со честна́ пиру пошла она не весело,
Припечаливши пошла прикручинивши,
Приклонивъ *(такъ)* буйную головушку къ сырой земли,
Ясны очушки втопила во сыру землю;
А подходитъ-то 'на къ терему къ высокому.
Со того со терема высокого,
Изъ того съ косевчата окошечка,
Сквозь то хрустальнё стеко́лышко,
Усмотрѣлъ Хотинушка Блудовичъ
Идуцись-то свою онъ ро́дну матушку:
Со честна пиру идётъ она не весело,
Прикручинивши идётъ припечаливши,
Приклонивъ буйну головушку къ сырой земли,
Ясны очушки втопила во сыру землю.
Выскочилъ Хоти́нъ на круто́й на крылѐчь,

Говорилъ Хоти́нъ а таковы слова:
— Свѣтъ ты моя ро́дна матушка,
— Че́стная вдова ты честно-Блу́дова жена́!
— Что же ты идёшь съ пиру не весело?
— Мѣсто въ пиру было не по́ чину,
— Чарой ли въ пиру тобя прі́обнесли,
— Аль кто пьяница дуракъ пріобгалился? —
Воспрого́вори вдова таковы слова:
«Свѣтъ ты моё чадо́ любимоё,
«Молодой Хотинушка Блудовичъ!
«Мѣсто въ пиру было мни по́ чину,
«Чарою меня въ пиру не о́бнесли,
«Пьяница дуракъ не обгалился;
«Насмѣялась надо мной честная́ вдова,
«Че́стна вдова-то купе́ць-жона:
«Подносили ко мни чару зелена́ вина;
«Я скорёшенько ставала на рѣзвы́ ножки,
«Брала эту чарочку въ бѣлы́ руки,
«Я за этою за чарочкой посва́талася̀
«За тобя за́ сына любимого,
«А за мо́лода Хотинушку за Блу́довица̀
«Да у че́стной вдовы у купе́ць у жоны̀,
«На прекрасной Офимьи купе́ць-дочери̇.
«Че́стна вдова честно-Блу́дова жона̀(?)
«Скорёшенько ставала на рѣзвы́ ноги,
«Брала мою чару во бѣлы́ руки,
«А й назадъ она чарочку повы́плеснула̀,
«Кунью мою шубоньку облила,
«Меня курвой блядію оклёскивала̀,
«Говорила мни вдова таковы слова:
«Глупа ты вдова честно-Блудова жона!
«До́йдетъ ли Офимья тоби взять за́ сына,
«Да й за своего Хотинушку за Блудовича?
«Си́дитъ моя Офимья во терени,

«А во тереми сидитъ во златомъ верху,
«На ню красноё солнышко не о́бпекётъ,
«Буйныи вѣтры не о́бвѣютъ,
«Многія люди не обгалятся.
«Твой сынъ Хотинушка Блудовичъ
«Ѣздитъ онъ по городу, уродуетъ
«Со своимъ со паробкомъ любимыимъ,
«Ищетъ бобоваго зе́рнедки,
«Гди-то бы Хотинушки обѣ́дъ сочини́ть».
Воспрого́ворилъ Хотинка таковы слова:
— Свѣтъ ты моя да ро́дна матушка,
— Ахъ ты че́стная вдова честно-Блу́дова жона̀!
— Въ честь я Офимку за собя́ возьму,
— А й не въ честь я Офимку за товарища,
— Да за своёго̀ за паробка любимаго. —
Поверне́тся Хотинушка въ высокъ терёмъ,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Шапочку соболью на одно ушко,
Шолъ ёнъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ-то Хотинъ а на широкъ на дворъ,
Заходилъ ёнъ во конюшеньку стоялую,
Выводилъ ёнъ коня богатырского,
Ёнъ садился на добра́ коня не сѣдлана,
Бралъ свою палицку булатнюю,
Поѣхалъ-то Хотинушка въ чисто́ поле.
На добро́мъ кони въ чисто́мъ поли поѣ́зживаѐтъ,
Сталъ онъ шуточокъ Хотинушка пошу́чиватѝ,
Сталъ онъ паличку булатню поки́дыватѝ,
На добро́мъ кони Хотинушка подъѣ́зживаѐтъ,
Онъ одною ручкой паличку подхва́тываётъ,
Не вели́ка ёго паличка булатняя,
Вѣсу она й девяносто пудъ.
А й у мо́лода Хотинушки у Блу́довичѝ
Кровь-то въ нёмъ и роспылаласи,

Сердцё ёго́ розгорѣлоси
За эту́ родительску обидушку.
То онъ поѣхалъ по роздолью чисту́ полю,
А во всю ёнъ ѣхалъ въ силу лошадиную,
Онъ подъѣхалъ какъ ко терему къ злату́ верху,
Билъ онъ палицей булатнёй по терему,
Да по славному по терему злату́ верху;
Маковки на тереми покри́вилися̀,
Да й околенки во тереми розсы́палися̀.
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Сходитъ онъ скоренько со добра́ коня,
Подходитъ онъ ко терему къ злату верху,
Сталъ ёнъ замочиковъ отща́лкиватѝ,
Сталъ ёнъ дверцей выс́та́вливатѝ,
А приходитъ онъ во теремъ во златы́ верхи.
Ходитъ Офимья по терему
А въ одной тонко̀й рубашки безъ пояса,
А въ одныхъ тонкѝхъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
У нёй русая коса́ пороспу́щеная̀.
Говорилъ Хотинъ а таковы слова:
— Ай же Офимья купе́ць-дочѝ!
— А идёшь ли ты за́мужъ за Хотинушку,
— За того Хотинушку за Блу́довича̀? —
Воспрого́воритъ Офимья таковы слова:
«Три году я Господу молиласи,
«Что попасть бы мнѣ замужъ за Хотинушку,
«За того Хотинушку за Блудовича».
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Бралъ онъ ю за ручушки за бѣлыи,
Бралъ за ней за перстни злаченыи,
Цѣловалъ въ уста во сахарніи
Онъ за нёй за рѣчи за умильніи,
Выводилъ онъ Офимью со терема,
А привелъ-то Офимью ко добру́ коню,

Ко добру́ коню привелъ къ богатырскому,
Да й садилъ ёнъ Офимью на добра́ коня,
На коня онъ ю садилъ къ головы хребтомъ,
Самъ ёнъ садился къ головы лицёмъ.
Оны сѣли на добра́ коня, поѣхали
Да по славному городу по Кіёву,
Да й пріѣхали ко матушки къ Божьѣй церквы.
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Онъ скорёшенько-то сходитъ со добра́ коня,
Опущаетъ онъ Офимью со добра́ коня,
Бралъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
Бралъ за нёй за перстни злаченыи,
Да повелъ ю во матушку въ Божью церковь.
Выходили-то со матушки съ Божьѣй церквы,
Молодой Хотинушка Блудовичъ
А садилъ онъ ю да на добра́ коня,
На добра́ коня садилъ ю къ головы хребтомъ,
Самъ ёнъ садился къ головы лицёмъ,
Да пріѣхали къ Хоти́ну на широкъ на дворъ.
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Онъ скорёшенько сходитъ со добра́ коня,
Опущаетъ онъ Офимью со добра́ коня,
А й берётъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
А за нёй берётъ за перстни злаченыи,
Шли оны полатой бѣлокаменной,
Проходили во столову свою въ горенку.
Стали жить да быть, вѣкъ коро́тати.

Записано въ Петербургѣ, 25 ноября.

85.

ДЮКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 41).

Да изъ тою ли со Галичи съ проклятою,
А й со той ли славноя съ Индѣи со богатою,
Съ тóго славнаго богата съ Вóлынъ-города,
Съ Вóлынъ-города да со индѣйскаго,
А сряжался молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Да повыѣхать на матушку святую Русь,
Посмотрѣть-то онъ хотѝтъ на славной стольнё-Кіевъ градъ,
Посмотрѣть хотѝтъ на славнаго на князя на Владыміра,
На прекрасную Опраксію на королевичну,
Посмотрѣть хотитъ на сильніихъ на русьскихъ на могучіихъ богáтырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ онъ на удалыихъ.
Говорила Дюку рóдна матушка:
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Хошь сряжаешься ты на святую Русь,
«Посмотрѣть хотѝшь ты на святую Русь,
«Посмотрѣть хотѝшь на князя на Владыміра,
«А й на душечку прекрасну королевичну,
«Да й на сильніихъ могучихъ на богáтырей,
«На всихъ славныхъ поляницъ-то на удалыихъ,
«Не бывать тоби да й на святой Руси,
«Не видать тоби да й стольнё-Кіева:
«А й до славнаго до города до Кіева
«То стоитъ три зáставы великіихъ:
«Перва зáстава-то змѣи поклёвучіи,
«Дрýга зáстава е звѣри поѣдучіи,
«Третья зáстава-то горушки толкучіи».
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Рóдной матушки да онъ не слушатся,
Онъ сѣдлалъ коня да богатырскаго,

Поѣзжаетъ Дюкъ да въ стольной Кіевъ градъ.
Говорила Дюку ро́дна матушка:
«Ай же свѣтъ моё чадо́ любимоё,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Когда будешь ты на матушкѣ святой Руси,
«Да й когда будёшь во градѣ ты во Кіевѣ,
«Да й будёшь когда у князя у Влыдаміра,
«А й охвочь ты испивать такъ зелена́ вина,
«А й нехвастай-ко своимъ худошествомъ *(такъ)*
«Супротивъ русьскихъ могучіихъ бога́тырей».
Тутъ поѣхалъ Дюкъ онъ на добро́мъ конѣ,
Подъѣзжаетъ Дюкъ ко первоей ко за́ставы,
Да ко тымъ змѣямъ поклевучіимъ.
Бе́ретъ плетку онъ шелко́ву во бѣлы́ ручки,
А онъ билъ коня-то по крутымъ ребрамъ.
Его добрый конь да богатырскія
Поднимался онъ отъ матушки сырой земли,
Пере́скочилъ онъ черезъ за́ставу великую,
Черезъ змѣевъ этихъ поклевучіихъ.
Енъ поѣхалъ-то роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Подъѣзжалъ онъ къ дру́гой за́ставы великою,
Да ко тымъ звѣрямъ ко поѣдучіимъ.
То онъ билъ коня да по крутымъ бедрамъ,
А билъ плѐточкой своей шелковенькой.
Его добрый конь да богатырскія
Какъ вспрянулъ отъ матушки сырой земли,
Перенёсъ ёнъ черезъ за́ставу великую,
Черезъ тыхъ звѣрей да поѣдучіихъ.
Онъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Подъѣзжаетъ ёнъ ко третьеёй ко за́ставы великоей,
А й ко тымъ ко го́рамъ потолкучіимъ.
Эты горушки толкучи вмѣсто столнулись,
Вмѣсто столнулись оны да поростолнулись,
Проскочилъ онъ про́межъ горушки толкучіи.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Да повыѣхалъ на матушку святую Русь.
То пріѣхалъ онъ во славный стольной Кіевъ градъ
Да й ко ласкову ко князю на широкъ на дворъ.
То Владыміра-то въ домѣ не случилося,
А й ушолъ-то князь Владыміръ во Божью́ церковь
У́шелъ Господу онъ Богу помолитися,
Ко Господнему кресту онъ приложитися.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ пошолъ по граду-то по Кіеву,
Енъ зашолъ во матушку Божью́ церкву,
То онъ крестъ кладетъ да й по писа́ному,
Енъ ведетъ поклоны по уче́ному,
На всѣ на три на четыре на сторонушки онъ кланялся
Онъ до тыхъ половъ да до кирпичныихъ,
А й до матушки онъ до сырой земли,
Самому князю̀ Владыміру въ особину,
Всимъ его князьямъ онъ подколѣннымъ.
По праву́ руку Владыміра стоялъ-то вѣдь молоденькой Добрынюшка,
По лѣву́ руку-ту князя-то Владыміра
Сто́ялъ молодой Щурилушко-то Плёнковичъ.
Сталъ Владыміръ князь у Дюка повыспрашивать:
— Ты скажи откуль, удалый добрый молодецъ?
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы?
— То́бя-то какъ-то молодця да имене́мъ назвать,
— Звеличати удалого по отечеству? —
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай ты славный князь Владыміръ стольне-кіевской!
«Есте я изъ Галичи проклятоей,
«Да изъ тою со Индѣюшки богатою,
«Да со славнаго богата съ Волынъ-города,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ».

Говоритъ-то вѣдь Щурилушка-тотъ Плёнковичъ,
Да и говорилъ Щурила таковы слова:
— Ты Владымiръ князь да стольне-кiевской!
— Во глазахъ мужикъ да подлыгается,
— Да и во глазахъ собака насмѣхается!
— Повороты есте тутъ не Дюковы,
— Поговорюшка-то есть не Дюкова,
— А й должёнъ тутъ быть холопина дворянская. —
Эго дѣло-то и Дюку не слюбилося.
Выходили-то со матушки Божьёй церквы
Да й пошли оны по городу по Кiеву.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ загадочекъ Владымiру отгадывать:
«Ай ты славный князь Владымiръ стольнё-кiевской!
«У васъ въ Кiеви-то все да не по нашему:
«Настланы у васъ мосточики кирпичные,
«Да й пору́чинки положены калиновы,
«Какъ идешь-то по мосточкамъ по кирпичныимъ,
«Мѣдноё гвоздьё да прiущиплется,
«Цвѣтно платьице да призабрыжжется.
«Какъ во нашей-то Индѣюшки богатоёй
«Да й во нашемъ въ славномъ Волынъ-городѣ,
«У моёй-то ро́дноёй у матушки,
«У ней настланы мосточки все калиновы,
«Да й положены поручинки серебряны,
«Да й на эти на мосты да на кирпичныи
«Настланы-то у́ ней сукна гормузинные:
«Какъ пойдешь-то по мосточкамъ по калиновымъ,
«Да о эти о поручинки серебряны,
«Мѣдное гвоздьё у насъ такъ не ущиплется,
«Цвѣтно платьицё да й не забрыжжется».
А й ко тымъ рѣчамъ Владымiръ князь не примется.
Приходили во полаты въ бѣлокаменны,
То садилися за столики дубовыя,

Да й за тыя за скамеечки окольніи;
Оны сѣли-то ѣсть ѣствушки сахáрнею,
Испивать-то питьицёвъ медвяныихъ.
Подносили къ нимъ колачиковъ-тыхъ пшонныихъ;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ загадочекъ Владыміру отгадывать,
А' ще корочку-ту ёнъ вокругъ кусалъ,
А й середочку-то ёнъ такъ кобелямъ бросалъ.
То Владыміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Да все въ Кіевѣ у васъ есть не по нашему:
«Да й у васъ какъ сдѣлана-то бочечка дубовая,
«Да й наби́ваны обручики еловыи,
«У́ васъ дѣлано мѣшалочко сосновое,
«А 'ще тутъ у васъ да й колачи мѣсятъ;
«У васъ дѣлана какъ печка-та кирпичная,
«У васъ топятся-то дрóвця-ты еловыи,
«У васъ дѣлано помялышко сосновое,
«А и тутъ у васъ да колачи пекутъ.
«Какъ во нашою въ Индѣи во богатою
«Да во славномъ во богатомъ Волынъ-городѣ,
«У моёй-то рóдною у матушки,
«У́ ней сдѣлана-то бочечка серебряна,
«А й обручики набиты золоченыи,
«Да й положены туды да й мéды сладкіи;
«У ней сдѣлано мѣшалочко дубовое,
«Оны тутъ да й колачи мѣсятъ;
«У ней сдѣлана-то печечка кирпичная,
«У ней топятся-то дровця-ты дубовыи,
«У ней сдѣлано помялышко шелкóвое,
«Настлано туда бумаги-то гербовою,
«А 'ще тутъ оны да й колачи пекутъ».
Владыміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.

Подносили къ имъ да сладку водочку;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Бе́ретъ рюмочку онъ во бѣлы́ ручки,
Подносилъ онъ эту рюмочку къ устамъ своимъ саха́рніимъ,
Да й по горенки онъ водочку повыплескалъ;
Говорилъ-то Дюкъ имъ таковы слова:
«Ай ты славныя Владыміръ стольнё-кіевской!
«У васъ въ Кіевѣ-то все вѣдь не по нашему:
«У васъ сдѣланы есть бочечки дубовыи,
«Да й набиваны обру́чики еловыи,
«Ту́да водочка винцё у васъ положено
«Да й на этыи на по́гребы глубокіи,
«У васъ водочка—винцё тамъ призадохнется,
«А й нельзя-то испивать да сладкой водочки;
«Какъ во нашею Индѣюшки богатою
«Да й во славноёмъ богатомъ въ Волынъ-городѣ,
«У моёй ли-то у ро́дною у матушки,
«У ней сдѣланы какъ бочечки серебряны,
«А й набиты о́бручки да золоченые,
«У ней водочка—винцё туда положено,
«У ней поднято на воздухъ-тотъ не ле́ккіи
«Да на тыя-то цѣпоцечки на мѣдныи,
«У насъ водочка—винцё такъ не задохнется,
«А 'ще чарочку-ту пьешь, такъ дру́гой хочется,
«А 'ще дру́гу пьешь, по третьей-то душа горитъ».
Да Владыміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.
А й Щурилушко-тотъ Плёнковичъ по горенки похаживатъ,
Таковы слова Щурило поговариватъ:
— Что же ты холопина дворянска поросхвастался
— А й своимъ ты да имѣніёмъ богачествомъ,
— Поросхвастался уѣдамы ты сладкима,
— Да й поросхвастался ты пи́тьямы медвяныма?
— То ударимъ-ко со мною да великъ закладъ:
— На три го́ду поры времени проѣздити

— На своихъ на добрыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
— Чтобы кажный день одежица носить намъ снова-на́-ново,
— Снова-на-ново носить бы что ни лучшая. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Говорилъ Щурилу таковы слова:
«Ай жо молодой Щурилушка ты Плёнковичъ!
«Тоби просто бить со мною о великъ закладъ,
«Какъ живешь ты въ своемъ городѣ во Кіевѣ.
«У васъ полны кладовыи-ты одежицы накладены,
«У мене естѐ одежица дорожная,
«Мои платьица да все завозныи».
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ скорешенько садился на черленой стулъ,
Енъ писалъ-то письма скорописчаты
Ко своей ко ро́дною ко матушкѣ:
«Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка!
«Да й повыручь-ко меня ты со неволюшки,
«Сподъ того ли сподъ закладу сподъ тяжелаго;
«Ты пошли-тко мнѣ одежицы снарядноей,
«Чтобъ хватило на три года поры времени,
«Да й держать чтобы одежа снова-на-ново,
«Снова-на-ново держать да чтобы кажный день,
«Что ни кажный день держать да что ни лучшая».
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ прошолъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ-то онъ бояринъ на широкой дворъ,
Онъ приходитъ ко добру́ коню да къ богатырскому,
Полагаетъ онъ комвертъ да подъ сѣделышко,
Отпущалъ коня онъ богатырскаго,
Говорилъ коню онъ таковы слова:
«Побѣгай-ко ты мой добрый конь да богатырскіи
«Да й во славну во Индѣюшку въ богатую,
«А й бѣжи-тко ты на славный на широкъ на дворъ,
«Ко своимъ-то конюхамъ любимыимъ».

Побѣжалъ-то его добрый конь да богатырскіи
Да й по славному роздольицу чисту́ полю,
Прибѣжалъ онъ во Индѣюшку въ богатую,
Прибѣгалъ онъ въ славныи Волы́нъ-городъ
А й на свой-то онъ да на широкой дворъ.
Усмотрѣли ѐго конюхи любимыи,
Приходили-то ко Дюковой ко матушкѣ,
Ко честно̀й вдовы Настасьи ко Васильевной,
Приходили о̀ны къ нѐй да покланялися:
— Ты честна̀ вдова Настасья да Васильевна!
— Прибѣжалъ-то Дюковъ конь да на широкъ на дворъ. —
Тутъ сидитъ она да и горько́ заплакала:
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
«Положилъ свою буйну̀ головушку
«Да й па матушкѣ на славной на святой Руси».
Подошла она къ коню да къ богатырскому,
Приказала-то добра́ коня розсѣдлывать;
Розсѣдлали-то добра́ коня да й богатырскаго,
Тамъ нашла она комвертикъ, роспечатала,
Посмотрѣла что у Дюка принаписано.
Она скоро шла въ полату бѣлокаменну,
Она брала-то скоренько золоты ключи,
Шла на тыя кладовыя на платёныи [1]),
Полагала-то одежи снова-на-ново,
А й на три́ году да поры времени,
Да й набила-то вѣдь сумки переметныи;
Она кинула́ скоренько на добра́ коня
Черезъ этоё сѣделышко черкаское,
Отпустила-то коня да въ стольне-Кіевъ градъ.
По́шелъ добрый конь да по чисту́ полю,
Прибѣгалъ-то онъ да въ стольнё-Кіевъ градъ
Да й ко славному-то князю на широкой дворъ.

1) Т. е. въ которыхъ держатъ платье.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выходилъ-то онъ да й на широкой дворъ,
Подходилъ-то онъ къ коню да къ богатырскому,
Да онъ бралъ-то сумки переметныя,
Бралъ-то эти сумки, роспечатывалъ,
Посмотрѣлъ-то на одежи дрогоцѣнныи,
Положилъ-то эти сумки за крѣпко́й замокъ.
Сталъ одежицы оттуля Дюкъ понашивать,
На добро́мъ конѣ сталъ со Щурилою поѣзживать;
Ѣздятъ кажный день оны да и по городу,
Да й по городу ѣздя̀тъ по Кіеву,
Да й проѣздили они по го́дъ поры,
Да проѣздили оны да е́ще другой годъ,
Да й проѣздили ещѐ оны и третій годъ.
Какъ по третій годъ да й на послѣдній день
Имъ поѣхать надобно къ обѣденкѣ Христовскою,
Молодой Щурилушко-то Пленковичъ
Надѣвалъ одежицу снарядную,
Енъ снарядную одежицу хорошеньку:
У рубашечки манешечки шелко́веньки,
Кунью шубку онъ надѣлъ на плечка на могучіи,
Еще строчка строчена̀-то чистымъ се́ребромъ,
Дру́га строчка строчена̀ такъ краснымъ золотомъ,
Петелки-ты вши́ваны шелко́выи,
Пуговки положены да золоченыи;
А й во этыи во петелки шелко́выи
А то вплéтано по красноей по дѣвушки,
Въ эвты пуговки-ты въ золоченыи
А й то вли́вано по доброму по молодцу:
Какъ застёнутся, такъ и обо́ймутся,
Поростёнутся, такъ поцѣлуются.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ надѣлъ одежицу да все снарядную,
Енъ снарядную одежицу хорошеньку:

Енъ рубашечки манешечки шелко́веньки,
Онъ надѣлъ еще свою да кунью шубоньку,
Одна строчка строчена̀ такъ чистымъ се́ребромъ,
Дру́га строчка строчена̀-то краснымъ золотомъ,
Петелки-ты вплетаны шелковеньки,
Пуговки-ты вли́ваны да золоченыи,
Въ петелки-ты вплетано по красноей по дѣвушкѣ,
А й во пуговки-ты вливано по доброму по молодцу:
Какъ застёнутся, такъ и обо́ймутся,
А й ростёнутся, такъ поцѣлуются.
У моло́даго у Дюка у боярина
На головушку надѣта есте шапочка,
Спе́реду введенъ да то свѣте́лъ мѣсяцъ,
А й вокругъ-то введены-то звѣзды частыи,
На верху шеломъ какъ быдто жаръ горитъ.
А й пришли-то молодцы оны въ Божью̀ церковь.
Какъ Владымiръ князь-отъ стольнё-кiевской
Поглянулъ-то вѣдь Владымiръ на праву̀ руку,
На моло́даго Щурилушку на Плёнкова,
Говорилъ Владымiръ таковы слова:
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
— Прозакла́далъ все имѣнiе богачество
— А моло́дому Щурилушкѣ-то Плёнкову. —
Говорилъ Перми́нъ-то сынъ Ивановичъ,
Говорилъ ёнъ князю-то Владымiру:
«Ты Владымiръ князь да стольнё-кiевской!
«Посмотри-тко ты да на лѣву̀ руку:
«Молодой Щурилушка-тотъ Плёнковичъ
«Прозакла́далъ ёнъ свою буйну̀ головушку».
То Владымiръ князь да стольнё-кiевской
Посмотрѣлъ-то онъ да на лѣву̀ руку,
На моло́даго на Дюка на боярина,
Какъ одежица на немъ да что ни лучшая,
Шапочка надѣта на головушку,

Спéреду введенъ да и свѣтéлъ мѣсяцъ,
По косицамъ введены да звѣзды частыи,
А шеломъ на шапочкѣ какъ быдто жаръ горитъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Бéретъ плеточку шелкóву во бѣлы́ ручки,
Прóвелъ плеточкой шелкóвой по бѣлóй груди,
Еще петелки-ты свищутъ по солóвьему,
А й то пуговки крычатъ-то по звѣриному.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
По бѣлóй груди сталъ плеточкой поваживать,
А й народъ сталъ падать на кирпичной мостъ
Отъ того отъ пóсвисту солóвьяго,
Отъ того отъ пóкрыку звѣринаго.
Говорилъ ёму Владымiръ князь да стольнё-кiевской:
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Перестань-ко вóдить плеткой по бѣлóй груди,
— Тоби полно-тко ронить да лю́дей чернети. —
Ены Господу какъ Богу помолилися,
Ко Господнему кресту какъ приложилися,
Выходили-то со матушки съ Божьёй церквы,
Да й пришли въ полаты бѣлокаменны
Да й ко славному-то князю ко Владымiру,
Ены стали-то ѣсть ѣствушки сахáрнею,
Испивать-то стали питьицевъ медвяныихъ.
Подходилъ-то какъ Щурилушка-тотъ Пленковичъ
Ко тымъ столикамъ онъ ко дубовыимъ,
Говорилъ Щурила таковы слова:
«А й что ты холопина дворянская росхвастался
«Своймъ имѣнiёмъ богачествомъ великiемъ?
«Да й ударимъ-ко со мной въ великъ закладъ,
«Чтобы намъ-то скóчить черезъ славну матушку Пучай-рѣку».
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Молодой Щурилушка ты Плёнковичъ!

— То́би просто бить со мною о великъ закладъ,
— Какъ твой добрый конь да богатырскіи
— У своихъ стоитъ у конюховъ любимыихъ,
— Зоблетъ онъ пшену да бѣлоярову,
— Испиваетъ свѣжу ключеву́ воду,
— А мое-то жеребятушко дорожное,
— А й дорожноё да призаѣхано.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ бѣжалъ-то какъ скоренько на широкой дворъ
Къ своему коню онъ богатырскому,
Палъ-то онъ на бе́дра лошадиныи,
Говорилъ-то онъ коню да таковы слова:
— А й мой добрый конь да богатырскія!
— Мошь ли выручить меня ты со неволюшки,
— Сподъ того закладу сподъ великаго,
— Еще мошь ли ты скочить черезъ славну́ Нѣпру́-рѣку [1])? —
Воспровѣщилъ ёму добрый конь да богатырскіи,
Испрого́ворилъ язы́комъ человѣческимъ:
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А й ты бей въ великъ закладъ, закла́дайся.
«У Щурилушки-то конь мой меньшій братъ,
«А й у стараго каза́ка Ильи Муромца
«Его добрый конь такъ мнѣ-ка большій братъ:
«У него есть трои крылышка подкожныи,
«У меня есть двое крылышка подкожныи,
«У моло́даго Щурилушка у Плёнкова
«У него коня да й богатырскаго
«Да й одны-то есте крылышка подкожныи.
«Какъ подо́йдетъ какова пора да каково́ времё,
«Нё уступлю тогда я брату большему,

1) Пропѣвъ: «Нѣпру-рѣку», Рябининъ поправился и сказалъ: «Пучай-рѣку», и на вопросъ собирателя объявилъ, что надо пѣть: «Пучай-рѣку» и что онъ обмолвился, назвавъ рѣку Нѣпрою.

«А й меньшо́му брату съ ме́не не́что взять».
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ скоренько шолъ въ полаты бѣлокаменны,
Они били-то съ Щурилушкой великъ закладъ,
А й великъ закладъ да то не малыи:
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ залогомъ-тымъ покла́даетъ безсчетну золоту казну,
Молодой Щурилушко-то Плёнковичъ
Онъ покла́даетъ залогомъ буйну голову.
Ены сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Да й ко славною ко матушкѣ къ Пучай-рѣкѣ.
То за нима ѣдутъ русьскіи могучіи бога́тыря
Посмотрѣть на нихъ замашки богатырскіи.
Порозъѣхали съ роздольица чиста́ поля,
Припустили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ
А й скакать-то черезъ матушку Пучай-рѣку.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ проскочитъ черезъ славную Пучай-рѣку
Да й на тотъ на славный кру́той бе́режекъ;
Молодой Щурилушко-то Плёнковичъ
Посередъ рѣки онъ пріогрюшился *(такъ)*
Со добры́мъ конемъ да съ богатырскіимъ.
Поглянулъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
А то нѣтъ при немъ да и товарища,
А й то плавае Щурила посерёдъ рѣки;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Поскорешенько онъ поворотъ держалъ,
Припустилъ коня онъ богатырскаго
Ско́чить черезъ матушку Пучай-рѣку,
А й скочи́лъ-то ёго добрый конь да богатырскіи
Черезъ славну матушку Пучай-рѣку,
За кудерушка Щурила ёнъ повыхватилъ,
Со Пучай-рѣки Щурилу ёнъ повытащилъ,
Да онъ посадилъ Щурилу на крутóй берёгъ,

Говорилъ Щурилы таковы слова:
— Молодой Щурилушка ты Плёнковичъ!
— Да й не надо ти смѣяться вкругъ богáтырей,
— Да й не надобно Щурилы да въ заклады бить,
— А й ходи-тко ты Щурилушка по Кіеву,
— А й по Кіеву ходи за блядкамы. —
Ены сѣли на добрыихъ коней, поѣхали,
А й пріѣхали ко князю ко Владыміру
На него па славный на широкой дворъ,
Заходили во полату въ бѣлокаменну.
Говорилъ Щурилушка-тотъ Плёнковичъ:
«Ты Владыміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
«Полагай-ко писарёвъ ты да оцѣнщиковъ,
«Отпущай-ко во Индѣю во богатую
«Описать у Дюка ихъ богачество,
«Ихъ богачество да все имѣніё,
«Ихъ великую безсчéтну золоту казну».
Тутъ славныя Владыміръ стольнё-кіевской
Посылаетъ онъ двѣнадцать-то богáтырей да святорусьскіихъ:
— Поѣзжайте-тко богáтыри вы во Индѣюшку,
— Й учитайте-тко имѣніе богачество,
— Ихъ великую безсчетну золоту казну. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Да по горенкѣ онъ да похаживатъ,
А Владыміру онъ князю выговариватъ:
«А й Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Посылай-ко ты всѣхъ русьскіихъ могучіихъ богáтырей,
«А двѣнадцать-то богáтырей-тыхъ святорусьскіихъ,
«Не посылай-ко ты богáтыря Олешеньки,
«Мóлода Олешеньки Поповича:
«А онъ роду есте-то поповскаго,
«У него глазеночка завидливы;
«Какъ увидитъ ёнъ имѣніе богачество,
«Да й увидитъ енъ безсчетну золоту казну,

«Не поѣдетъ больше въ стольне-Кіевъ градъ,
«Онъ положитъ тамъ буйну̀ головушку».
Какъ садились молодци-ты на добры́хъ коней,
Ены ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ.
А й во тою во Индѣюшки въ богатоей
Да во славноёмъ въ богатомъ въ Во̀лынъ-городѣ
У нихъ кровельки все были золоченыи;
Оны ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полёмъ,
Да й заѣхали на гору на высокую
Посмотрѣть-то на Индѣю на богатую;
А во томъ ли-то во славномъ Волынъ-городѣ
Кровельки да золоченыи
Отдалѝ оны какъ быдто жаръ горитъ.
Говорятъ бога́тыря да святорусьскіи:
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
— Прозакла́далъ все имѣніе богачество,
— А срубить теби буйна̀ головушка!
— А Волынъ твой городъ вѣдь огнёмъ горитъ,
— Молодой ты Дюкъ, ты прозакла́дался! —
Какъ пріѣхали во славныи въ Волы́нъ-городъ,
А й на тотъ на славный на широкой дворъ,
По всему ёго двору да по широкому
Настланы̀ да сукна гормузинныя.
Становили оны коней богатырскіихъ
Посередъ двора оны широкаго,
Да й пошли самы̀ въ полаты въ бѣлокаменны;
Такъ у Дюка-то ступеньки есть серебряны,
А й то грядочки у Дюка все орленыи,
А й орленыи да золоченыи.
То пришли они въ полаты во перво́й покой,
Оны Господу-то Богу помолилися,
На вси стороны-то низко поклонялися:
— Ай ты здравствуешь честна́ вдова Настасьюшка Васильевна,

— Ай ты Дюковая матушка! —
Говорилъ имъ Дюкъ да таковы слова:
«А й не матушка моя тутъ есть не ро́дная,
«А й тутъ есть моя да рукомойница,
«Полагаетъ она воду въ рукомойничекъ».
Приходили молодцы оны въ другой покой,
Оны Господу-то Богу помолилися,
На всѣ на три на четыре на сторонки поклонилися:
— Ай ты здравствуешь честна̀ вдова Настасья да Васильевна! —
Говорилъ имъ Дюк-отъ таковы слова:
«Да й не матушка тутъ есть моя не ро́дная,
«А тутъ есть моя да судомойница».
А й прошли они еще въ третéй покой,
Оны Господу-то Богу помолилися,
На всѣ на три на четыре на сторонки поклонилися,
А честно̀й вдовы да и въ особину:
— Ай ты здравствуешь честна̀ вдова Настасья да Васильевна! —
Говоритъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Да й не матушка тутъ есть моя не ро́дная,
«А и есть моя да то и стольница».
Тутъ прошли они еще въ покой четвертою,
Оны Господу-то Богу помолилися,
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялись,
Да честно̀й вдовы Настасьѣ-той Васильевной
Низко кланялись-то ёй въ особину.
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай вы славные бога́тыря да святорусьскіи!
«Тутъ сидитъ моя да ро́дна матушка,
«То честна̀ вдова Настасья да Васильевна.
Какъ скорешенько честна̀ вдова ставала на рѣзвы́ ножки,
Со своимъ она со сыномъ со любимыимъ
Со пути да со дороженьки она тутъ поздоровкалась.

Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка,
«Ты честна̀ вдова Настасья да Васильевна!
«Какъ пріѣхали бога́тыря да святорусьскіи
«Описать имѣніё нашё богачество,
«Описать нашу̀ безсчетну золоту казну».
То честна̀ вдова Настасья-то Васильевна
Да й скорешенько беретъ-то золоты ключи,
Повела по кла́довымъ да по богатыимъ,
Повела по погреба́мъ глубокіимъ.
Еще тихія Дунаюшко Ивановичъ
Говорилъ Дунаюшко онъ таковы слова:
— Ай же братьица мои да вы крестовыи!
— То пишите письма въ стольнёй Кіевъ градъ
— Да й ко славному-то князю ко Владыміру:
— Да й во нашоемъ во городѣ во Кіевѣ
— Да й не хватитъ-то безсчетной золотой казны
— Да й купить-то только перья со черниламы
— Да во тою во Индѣюшки въ богатою
— Описать безсчетна золота казна,
— Описать богачество великоё. —
Тутъ молодо̀й бояринъ Дюкъ Степановичъ
Приказалъ онъ накрывать на столики дубовыи,
Становить-то ѣствушки саха́рніи,
Становить-то питьица медвяныи.
Онъ садилъ бога́тырей да святорусьскіихъ
Да й за тыя столики дубовыи,
Онъ кормить-то сталъ ихъ ѣствушкой саха́рнею,
Сталъ поить ихъ питьицемъ медвяныимъ;
О́ны рюмочку-то пьютъ, такъ дру́гой хочется,
Оны дру́гую-ту пьютъ, такъ по третье́й душа горитъ.
Тутъ бога́тыри да святорусьскіи
А й поѣли-то оны покушали,
Выходили изъ-за столиковъ дубовыихъ,

Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольніихъ,
Оны Господу-то Богу помолилися
На всѣ на три на четыре на сторонки низко клапялись,
А самой честно̀й вдовы да ёй въ особину
А й до тыхъ половъ да и кирпичныхъ,
А й до тою ли до матушки сырой земли.

Записано въ Кижахъ, 8 іюля.

86.

СОРОКЪ КАЛѢКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 39).

Да й ходили-то калѣки перехожіи,
А й лапо́тики на ножкахъ-то шелко́веньки,
Й у нихъ по́дсумки-ты сшиты съ черна бархату,
Да во нихъ рукахъ-то клю́хи кости рыбьею,
На головушкахъ-то шляпки земли гречецкой.
Да й ходили молодци они съ земли́ въ землю,
Загуляли молодци да къ королю въ Литву,
Ко тому-то за́шли къ ко́ролю къ Литовскому,
Заходили къ королю да й на широкой дворъ,
Становились молодци да й посерёдъ двора,
Супротивъ окошечка косявчата,
Попросили-то у короля мило́стинки,
Да й воскрыкнули оны да громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ крыкну́ли во всю голову:
«Ай же батюшко король Литовски!
«Сотвори король да намъ мило́стинку,
«А и тымъ калѣкамъ перехожіимъ:
«Не рублямы мы берёмъ да не полтинкамы,
«А берёмъ-то мы цѣлы́ма ты́сящмы».
А й отъ нихъ-то покрыковъ отъ богатырскіихъ,

Да й отъ голосовъ отъ нихъ отъ молодецкіихъ,
А на теремахъ-то маковки покри́вились,
А й въ окошечкахъ околенки розсыпались.
Поглянулъ король въ косявчато окошечко,
Говорилъ король-отъ таковы слова:
— Ай же вы мои да слуги вѣрныи!
— Да й подите-тко вы на́ мой на широкъ на дворъ,
— Не калѣки-то пришли не перехожіи,
— Да пришли бога́тыря къ намъ святорусьскіи.
— Вы берите-тко за ручушки за бѣлыи,
— Да й за нихъ-то перстни за злаченыи,
— Да й ведите-тко въ рехте́ли *(такъ)* въ королевскіи,
— Да й во славныи въ палаты бѣлокаменны,
— Да й садите ихъ за столпки дубовыи,
— Да й за тые за скамеечки окольніи.
— Вы кормите-ко ихъ ѣствушкой саха́рнею,
— То вы́ пойте-ко ихъ питьицемъ медвяныимъ,
— Да й дарите-тко имъ да́ры дрогоцѣнныи. —
Шли туды ёго да слуги вѣрныи,
А й на славной шли оны широкой дворъ,
Оны брали ихъ за ручушки за бѣлыи,
То за нихъ-то перстни за злаченыи,
То вели оны въ рехте́ли въ королевскіи,
Да й во славныи въ полаты въ бѣлокаменны,
А й садили ихъ за столички дубовыи,
Да за тыя за скамеечки окольніи,
А й кормили-то ихъ ѣствушкой саха́рнею,
Да й поили-то ихъ питьицемъ медвяныимъ,
Да й дарили да́ры дрогоцѣнныи:
Насыпали мисы чиста се́ребра,
Да й другіе мисы красна золота,
Третьи мисы насыпали скатно-жемчугомъ.
Принесли оны къ калѣкамъ перехожіимъ,
Да й пошли эты́ калѣки похвалялися:

«Ай ты славныя король Литовскія!
«Да й умѣлъ калѣкъ кормить поить,
«Да й умѣлъ дарить-то да́ры дрогоцѣнныи!»
Выходили молодци да во чисто́ поле
Да й прошли во славнёй въ стольнё-Кіевъ градъ,
Розошлись въ свои полаты бѣлокаменны,
Стали жить-то быть да вѣкъ коро́тати.

(Больше не знаетъ).

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

87.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

(См. Рыбникова, т. I, 72).

Изъ того было́ изъ города изъ Крякова,
Съ то́го сла́внаго села да со Березова,
А со тою ли со улицы Рогатицы,
Изъ того подворья богатырскаго,
О́хвочь ѣздить молодецъ былъ за охвоткою;
А й стрѣлялъ-то онъ да й гу́сей и лебедей,
Стрѣлялъ малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ утушокъ.
То онъ ѣздилъ по роздольицу чисту́ полю,
Цѣлый день съ утра ѣзди́лъ до вечера,
Да и не наѣхалъ онъ ни гуся онъ ни лебедя,
Да й не малаго да перелетнаго утенушка.
Онъ по дру́гой день ѣзди́лъ съ утра до па́бѣдья,
Енъ подъѣхалъ-то ко синему ко морюшку,
Насмотрѣлъ двѣ бѣлыя лебедушки:
Да на той ли какъ на тихой за́берёги,
Да на томъ зеленоемъ на за́тресьи
Плаваютъ двѣ лебеди, колыблются.
Становилъ-то онъ коня да богатырскаго,

А свой ту́гой лукъ розрывчатой отстегивалъ
Отъ того отъ праваго отъ стремечка булатняго,
Наложилъ-то онъ и стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелко́веньку,
Хо́титъ подстрѣлить двухъ бѣлыихъ лебедушокъ.
Воспрого́ворили бѣлыя лебедушки,
Проязычили язы́комъ человѣческимъ:
«Ты уда́ленькой доро́днёй добрый молодецъ,
«Ай ты славныя бога́ты́рь святорусьскіи!
«Хошь насъ подстрѣли́шь двухъ бѣлыихъ лебедушекъ,
«Не укрятаешь плеча могучаго,
«Не утѣшишь сердца молодецкаго.
«Не дви лебёди мы есть да не дви бѣлыихъ,
«Есть двѣ дѣвушки да есть двѣ красныихъ,
«Двѣ прекрасныихъ Настасьи Митріе́вичны.
«Мы летаемъ-то отъ пана отъ поганаго,
«Мы летаемъ по́ры времени по три́ году,
«Улетѣли мы за синеё за морюшко.
«Поѣзжай-ко ты въ роздольице чисто́ поле,
«Да й ко славному ко городу ко Кіеву,
«Да й ко ласковому князю ко Владыміру:
«А й Владыміръ князь онъ ѣстъ-то пьетъ и проклаждается,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
«Какъ поѣдешь ты роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
«Да пріѣдешь ты къ сыру дубу́ крякно́висту
«Насмотри-тко птицу во сыромъ дубѣ,
«Си́дитъ птица че́рной воронъ во сыромъ дубѣ,
«Перьице у ворона черны́мъ черно,
«Крыльицо у ворона бѣлы́мъ бѣло,
«Перьица роспущены до матушки сырой земли».
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
На конѣ сидитъ, самъ пороздумался:
— Хоть-то подстрѣлю двухъ бѣлыихъ лебедушокъ,
— Да й побью я двѣ головки безповинныихъ,

— Не укрятаю плеча́ могучаго,
— Не утѣшу сердца молодецкаго. —
Енъ сымаетъ эту стрѣлочку каленую,
Отпустилъ тетивочку шелковеньку,
А й свой ту́гой лукъ розрывчатый пристегивалъ
А й ко правому ко стремечки булатнёму,
Да й поѣхалъ онъ роздольицемъ чисты́мъ полемъ
А й ко славному ко городу ко Кіеву.
Подъѣзжалъ онъ ко сыру дубу́ крякно́висту,
Насмотрѣлъ ёнъ птицу черна ворона;
Сиди птица черный воронъ во сыромъ дубѣ,
Перьицо у ворона черны́мъ черно,
Крыльицо у ворона бѣлы́мъ бѣло,
А й роспущены перьица до матушки сырой земли:
Эдакою птицы на свѣти́ не видано,
А й на бѣлоемъ да и не слыхано.
Мо́лодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Онъ отъ праваго отъ стремечки булатнёго
Отстянулъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
Наложилъ ёнъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
Говорилъ-то молодецъ да й таковы слова:
— Я подстрѣ́лю эту птицу черна ворона,
— Е́го кровь-то росточу да по сыру дубу,
— Его тущицю спущу я на сыру землю,
— Перьицо я роспущу да по чисту́ полю
— Да по тою долинушкѣ широкою. —
Воспрого́ворилъ-то воронъ птица черная,
Испровѣщилъ да язы́комъ человѣческимъ:
«Ты удаленькой дороднії добрый молодецъ,
«Славныя бога́тырь святорусьскія!
«Ты слыхалъ ли поговорю на святой Руси:
«Въ кельи старця-то убить — такъ то не спа́сеньё,
«Черна ворона подстрѣ́лить — то не ко́рысть по́лучить.

«Хоть подстрѣлишь ме́не птицю черна ворона,
«Поросточишь мою кровь ты по сыру дубу,
«Спустишь тушицю на матушку сыру землю,
«Не укрятаешь плеча да ты могучаго,
«Не утѣшишь сердця молодецкаго.
«Поѣзжай-ко ты во славный стольнёй Кіевъ градъ,
«Да й ко славному ко князю ко Владыміру,
«А й у славнаго-то князя у Владыміра
«Есть почестенъ пиръ да й-пированьицо,
«То онъ ѣстъ да пьетъ да й прохлаждается,
«Надъ собою князь незгодушки не вѣдаетъ:
«То вѣдь ѣздитъ поляничищо въ чисто́мъ поли,
«Она кличетъ выкликаетъ поединщика,
«Супротивъ собя да й супротивника,
«Изъ чиста́ поля она наѣздника:
««Онъ не дастъ ли мнѣ-ка если поединщика,
««Супротивъ меня да й супротивника,
««Изъ чиста́ поля да что наѣздника. —
««Розорю я славный стольній Кіевъ градъ,
««А 'ще чернедь мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
««Всѣ Божьи церквы-то я на дымъ спущу,
««Самому князю̀ Владыміру я голову̀ срублю
««Со Опраксіей да королевичной».
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
На добро́мъ конѣ сидитъ, самъ пороздумался:
— То слыхалъ я поговорю на святой Руси:
— Въ кельи старця-то убить, такъ то не спа́сеньё,
— Черна ворона подстрѣлить, то не ко́рысть по́лучить;
— Хоть я подстрѣлю́-то птицу черна ворона,
— Росточу-то его кровь да по сыру дубу,
— Его тущицю спущу да й на сыру землю,
— Роспущу- ёго перьице да й по чисту̀ полю
— Да по тою по долинушкѣ широкою, —
— Не укрятаю плеча-то я могучаго

— И не утѣшу сердця молодецкаго. —
Онъ сымаетъ эту стрѣлочку каленую,
Отпустилъ тетивочку шелковую,
А свой тугой лукъ розрывчатый пристегивалъ
А й ко правому ко стремечки къ булатнёму,
На кони сидитъ да й пороздумался:
— Прямоѣзжею дороженькой поѣхать въ стольнёй Кіевъ градъ,
— То не честь мнѣ-кȁ хвала да й отъ богáтырей,
— А й не выслуга отъ князя отъ Владыміра,
— А поѣхать мнѣ дорожкой во чистó поле
— А й ко тою поляницищу удáлою,
— А й убьетъ-то поляница во чистóмъ полѣ,
— Не бывать-то мни да на святой Руси,
— А и не видать-то мóлодцю мнѣ свѣту бѣлаго. —
Онъ спустилъ коня да й богатырскаго,
Енъ поѣхалъ по роздольицу чистý полю,
Енъ подъѣхалъ къ поляници ко удалою.
Оны съѣхалися добры молодцы да й поздоровкались,
Они дѣлали сговóръ да й промежду собой,
Какъ другъ у другá намъ силушки отвѣдати:
Намъ розъѣхаться съ роздольица чистá поля
На своихъ на кóняхъ богатырскіихъ,
Пріударить надо въ палици булатніи,
Тутъ мы силушки у другъ другá отвѣдаемъ.
Порозъѣхались они да на добры́хъ коняхъ
По славному роздольицу чистý полю;
Они съѣхались съ роздольица чистá поля
На своихъ на добрыхъ кóняхъ богатырскіихъ,
Пріударили во палици булатніи,
Они другъ другá-то били не жалухою,
Со всей силушки да богатырскіи
Били палицми *(такъ)* булатнима да по бѣлы́мъ грудямъ.
И у нихъ палици въ рукахъ да погибалися,

А й по маковкамъ да й отломилися;
А й подъ нима какъ доспѣхи были крѣпкіи,
Е́ни другъ друга̀ не сшибли со добры́хъ коней,
Да й не били о́ны другъ друга́, не ранили,
Никотораго мѣстечка не кровавили.
Становили мо́лодци оны добры́хъ коней
Й они дѣлали сговоръ да промежду́ собой,
Порозъѣхаться съ роздольица чиста́ поля
На своихъ на добрыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
Пріударить надо въ копья мужжамецкія,
Надо силушки у другъ друга́ отвѣдати.
Порозъѣхались съ роздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
Пріударили во копья муржамецкія,
Они другъ друга́-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по бѣлы́мъ грудямъ.
У нихъ копья-ты въ рукахъ да погиба̀лися,
А й по маковкамъ да й отломилися;
А й подъ нима какъ доспѣхи были крѣпкіи,
Ени другъ друга̀ не сшибли со добры́хъ коней,
Да й не били о́ны другъ друга́, не ранили,
Никотораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
Говорили молодцы-ты промежду́ собой:
Опуститься надо со добры́хъ коней
А й на матушку да й на сыру землю,
Надо биться-то намъ боемъ рукопашкою,
Тутъ у другъ друга̀ мы силушку отвѣдаемъ.
Выходили молодци они съ добры́хъ коней,
Становилися на матушку сыру землю
Да й пошли-то биться боемъ рукопашкою.
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Онъ весьма былъ обученъ бороться объ одной ручкѣ;
Подошолъ онъ къ поляницищу удалою,

Да й схватилъ онъ поляницу на косу бодру *(такъ)*,
Да й спустилъ на матушку сыру землю,
Вынималъ-то свой онъ ножъ булатнюю *(такъ)*,
Заносилъ свою да ручку правую,
Заносилъ онъ ручку выше го́ловы,
Да й спустить хотѣлъ ю ниже пояса. —
Права ручушку въ плечахъ да застоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ да й помутился свѣтъ.
То онъ сталъ у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мнѣ провѣдай-ко:
Ты съ коёй Литвы, да ты съ коёй земли,
Тобе какъ-то поляничку именёмъ зовутъ
— Й удалу́ю звеличаютъ по отечеству? —
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты старая базыка новодревная *(такъ)*!
«То́би просто надо мною насмѣхатися,
«Какъ стоишь ты на моёй бѣло́й груди
«И въ рукахъ ты держишь свой булатній ножъ,
«Ты хоти́шь пластать мои да груди бѣлыи,
«Доставать хоти̇шь моё сердцё со печеней!
«Есть стояла я бы на твоёй бѣло́й груди,
«Да пластала бы твои я груди бѣлыи,
«Доставала бы твоё да се́рдце съ печеней,
«Не спросила бъ я отця твоёго матери,
«А ни тво́его ни роду я ни племени».
Розгорѣлось сердце у бога́тыря
А у мо́лода Петроя у Петровича.
Енъ занесъ свою да ручку правую,
Ручку правую занесъ онъ выше го́ловы,
Опустить ю хочетъ ниже пояса, —
Права ручушка въ плечи да застояласе,
Въ ясныхъ очушкахъ да помутилуся свѣтъ.
То онъ сталъ у поляници повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мнѣ провѣдай-тко:

— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
— То́бя какъ-то поляничку имене́мъ зовутъ,
— То́бя какъ-то звеличаютъ по отечеству? —
Говорила поляница таковы слова:
«Ай ты славныя богатырь святорусьскія!
«А й ты когда сталъ у меня выпрашивать,
«Я стану́ про то тобѣ высказывать:
«Родомъ есть изъ города изъ Крякова,
«Изъ того села да со Березова,
«А й со тою ли со улицы Рогатицы,
«Со того подворья богатырскаго,
«Молодой Лука Петровичъ королевской сынъ.
«Увезёнъ былъ маленькимъ робеночкомъ:
«Увезли меня татара-ты погиныи,
«Да й во ту во славну въ хоробру́ Литву,
«То возро́стили до полного до возросту;
«Во плечахъ сталъ я имѣть-то силушку великую,
«Избиралъ коня соби я богатырскаго,
«Я повыѣхалъ на матушку святую Русь
«Поискать собѣ я о́тца матушки,
«Поотвѣдать своего да роду племени»,
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Енъ скорошенько соскочитъ со бѣло́й груди,
То й беретъ его за ручушки за бѣлыи,
За него беретъ за перстни за злаченые,
То здымалъ его со матушки сырой земли,
Становилъ онъ молодця да й на рѣзвы́ ноги,
На рѣзвы́ ноги да й супротивъ собя,
Цѣловалъ ёго̀ въ уста онъ во саха́рніи,
Называлъ-то братцемъ со̀би ро́дныимъ.
Ены сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Ко тому ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Березову,
Да ко тою улици Рогатицы,

Къ тому славному къ подворью богатырскому;
Прiѣзжали-то оны да й на широкой дворъ,
Какъ сходили молодцы они съ добрыхъ коней,
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Онъ бѣжалъ скоро въ полату бѣлокаменну;
Молодой Лука Петровичъ королевской сынъ
А й сталъ по двору Лука похаживать,
За собою сталъ добрá коня поваживать.
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Енъ скоренько шолъ полатой бѣлокаменной,
Проходилъ ёнъ во столову свою горенку,
Ко своёй ко рóдной пришелъ матушкѣ:
— Ай ты свѣтъ моя да й рóдна матушка!
— Какъ-то былъ я во роздольицѣ чистóмъ поли,
— Да й наѣхалъ я въ чистóмъ поли татарина,
— А кормилъ я ёго ѣствушкой сахáрнею,
— Да й поилъ я ёго питьицемъ медвяныимъ. —
Говоритъ ему тутъ рóдна матушка:
«Ай же свѣтъ моё чадó любимое,
«Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ!
«Какъ наѣхалъ ты въ чистóмъ поли татарина,
«То не ѣствушкой кормилъ бы ты сахáрнею,
«То не питьицемъ поилъ бы ты медвяныимъ,
«А й то билъ бы ёго палицей булатнею,
«Да й кололъ бы ты ёго да кóпьемъ вострыимъ.
«Увезли у тóбя братця они рóднаго,
«Увезли-то ёны малыимъ робёночкомъ,
«Увезли его татары-ты поганыи!»
Говорилъ Петрой Петровичъ таковы слова!
— Ай ты свѣтъ моя да рóдна матушка!
— Не татарина наѣхалъ я въ чистóмъ поле,
— А й наѣхалъ братця сóби рóднаго,
— Мóлода Луку да я Петровича.
— А й Лука Петровичъ по двору похаживатъ,

— За собой добрá коня поваживатъ. —
То честнà вдова Настасья-то Васильевна
Какъ скорешенько бѣжала на широкой дворъ,
Да й въ одной тонкóй рубашечкѣ безъ пояса,
Въ бдныхъ тóнкiихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Приходила къ свóему да къ сыну рóдному,
Къ мóлоду Луки да й ко Петровичу,
Ена брала-то за ручушки за бѣленьки,
За него-то перстни за злаченыи,
Цѣловала во уста его въ сахáрнiи,
Называла-то соби да сыномъ рóдныимъ;
Да й вела его въ полату бѣлокаменну,
Да вела въ столову свою горенку,
Да й садила-то за столики дубовыи,
Ихъ кормила ѣствушкой сахáрнею,
Да й поила-то ихъ питьицемъ медвяныимъ.
Они стали жить быть, вѣкъ корóтати.

Записано тамъ же, 7 іюля.

88.

СКОПИНЪ.

Обошла Москву Литва поганая,
Да й садился тутъ Скопинъ да на добрá коня,
Еще ѣхалъ-то Скопинъ да и во Новгородъ,
Онъ заутрену служилъ пречистой Богородицѣ,
На заутрену онъ положилъ пятьсотъ рублей,
На обѣдню полагалъ онъ цѣлу тысящу,
Собиралъ ёнъ мужичковъ да новгородскiихъ,
Говорилъ ёнъ мужичкамъ да новгородскiимъ:
«Ай же мужички вы новгородскiя!
«Соберите-тко мнѣ силушки сорóкъ тысящъ

«Да й повыгнать изъ Москвы Литва поганая».
Эты мужички да новгородскія
Собирали ёму силушки сорóкъ тысящъ;
Ѣхалъ-то Скопинъ да къ каменнóй Москвы
Со своима со войскамы со великима.
У Литвы Москва да попризáнята,
А й всѣ дóмы у Литвы да призаставлены,
А й оружьямы литовскима
Магазеи принаполнены,
Ему нéкакъ-то подъѣхать къ каменной Москвы.
А 'ще шолъ Скопинъ по славной каменнóй Москвы,
Приходилъ-то онъ ко князю ко московскому,
Ко тому къ Микитушкѣ къ Романову.
А 'ще грозный царь Иванъ Васильевичъ
Во Москвы живетъ да ёнъ не весело
Онъ со этою царицей со московскою,
Да со тою со Настасьюшкой Романовой,
Енъ про нихъ дѣлà да и не вѣ́даётъ.
Говорилъ Скопин-отъ князю-то московскому:
«Ай же князь Микитушка Романовичъ,
«Розоритъ нашý Москву Литва поганая!»
Тутъ московской князь Микитушка Романовичъ
А й садился-то Микита на черленый стулъ,
Й онъ повѣсилъ свою буйную головушку
Да пониже плечъ своихъ могучіихъ,
Ясны очушки втопилъ онъ во кирпичной мостъ,
Говорилъ-то тутъ Микита таковы слова:
— Ай же молодость моя молóдая!
— Улетѣла отъ меня да й во чистó поле,
— Во чистó поле да яснымъ соколомъ!
— Ай ты старость ты моя да и глубокая!
— Налетала ты да изъ чистá поля,
— Изъ чистá поля да чернымъ ворономъ,
— Да й садилася ко мнѣ на плечка на могучіи! —

А й тутъ сталъ Микита на рѣзвы́ ноги,
А й то палъ Микита о кирпичной мостъ,
Обвернулся тонкимъ бѣлымъ горностальчикомъ,
Й онъ бѣжалъ по славной каменно́й Москвы,
Забѣгалъ онъ въ магазеи въ оружейные,
Отъ оружей всѣ замочки прочь повыщелкалъ;
Онъ бѣжалъ-то на конюшни лошадиныи,
У добры́хъ коней всѣ глодочки повыторкалъ;
Бѣжалъ онъ тонкимъ бѣлымъ горностальчикомъ
Во свою полату бѣлокаменну,
А й тутъ палъ Микита о кирпичной мостъ,
Обвернулся, сталъ Микита добрымъ мо́лодцемъ.
Выходилъ-то какъ Микита на широкой дворъ,
Отобралъ добра́ коня Микита богатырскаго,
Й онъ сѣдлалъ коня да богатырскаго,
Онъ повыѣхалъ на славну каменну́ Москву
Воевать съ Литвою со поганою.
Какъ пошла Литва погана по конюшнямъ лошадиныимъ,
Да у добры́хъ коней вси глодочки росторканы;
То пошли оны по тымъ славнымъ магазеямъ оружейныимъ,
Отъ оружей всѣ замочики отщолканы, —
То имъ нечѣмъ воевать да съ каменно́й Москвой.
А й поганая Литва она въ побѣгъ пошла,
А й очистили-то славну каменну́ Москву.
Еще тымъ этѝ дѣла покончились.

Записано тамъ же, 8 іюля.

89.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

А й сидитъ сидитъ кручиненъ доброй мо́лодецъ,
Да й сидитъ печаленъ доброй мо́лодецъ,

Онъ повѣсилъ свою буйную головушку
Да й пониже плечъ своихъ могучіихъ.
«Ты чего сидишь печаленъ, доброй мо́лодецъ,
«Ты чего сидишь кручиненъ, доброй мо́лодецъ?»
— Еще какъ-то мо́лодцю мнѣ не кручиниться?
— Еще какъ-то мо́лодцю мнѣ не печалиться?
— Какъ вечоръ-то легъ я — не поужиналъ,
— Я утро́сь-то сталъ да не позавтракалъ,
— Пообѣдати схватился — тамъ и хлѣба нѣтъ.
— Поневолили-то мо́лодца женитися,
— Поженили-то въ деревни у сусѣдушка,
— У сусѣда о́ны брали у богатаго
— Да й приданаго-то много — человѣкъ худой.
— А й приданоё виситъ на грядочкѣ,
— Да й худая жонка-та на ручки спитъ.
— То мнѣ не съ кимъ добру мо́лодцю погладиться[1]),
— Да и не съ кимъ добру мо́лодцю полиститься[2]). —
Й оттого-то молоде́цъ да во гульбу пошолъ,
Во гульбу пошолъ да во гуляньицо;
Еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
Да й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ,
Да пошолъ-то молоде́цъ а изъ земли́ въ землю,
Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,
И зашолъ-то къ ко́ролю къ Литовскому,
Да й задался во служеніё къ литовской королевичной,
Да й служилъ у нёй двѣнадцать годъ,
А двѣнадцать годъ служилъ онъ вѣрой правдою,
Вѣрой правдой онъ служилъ да неизмѣною:
На кроватки спалъ онъ на тисовою,
А й на той онъ на перинкѣ на пуховою,
У самой ли-то у ней да на бѣло́й груди.

---

1) Т. е. понѣжиться.
2) Т. е. поласкаться.

Стосковалось тутъ дородню добру мо́лодцю
По своёй-то по родимой по сторонушки,
Онъ докла́далъ королю Литовскому:
— Ай ты батюшко король Литовскіи!
— Стосковалось по родимой мни сторонушки,
— Захотѣлось посмотрѣть мнѣ на отцовско на помѣстьицо:
— Тамъ не выросло ль зеле́ное кропивушко? —
Приказалъ король ёму коня сѣдлать,
Королевична литовская
Насыпа́ла-то безсчетну золоту казну,
Во шелко́въ камвертъ да запечатала,
Положила она мо́лодцю въ глубокъ карманъ;
А й поѣхалъ тутъ дородней добрый мо́лодецъ.
А 'ще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
То й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ,
А й то ѣхалъ мо́лодецъ да изъ орды въ орду,
Да й проѣхлл̀ мо́лодецъ онъ изъ земли въ землю,
Пріѣзжалъ онъ на отцёвско на помѣстьицо.
На отцёвскоёмъ да й на помѣстьицѣ
То стоитъ худая мала хизинка,
Да й у той ли малой ху́дой хизинки
Ходитъ малыихъ два глупыихъ два вьюнышка[1]).
Говорилъ-то имъ дороднёй доброй мо́лодецъ:
— Ай же малыи вы глупы вьюнышки!
— Вы котораго-то дому да коёй семьи?
— Еще есть ли-то у васъ да о́тецъ матушка? —
Отвѣцали ёму малы глупы вьюнышки:
«Ай ты дядюшка да и незна́ёмой!
«Столько есть у насъ одна родитель матушка,
«А й то нѣтъ у насъ да ро́дна батюшка».
Говорилъ-то имъ дороднёй доброй мо́лодецъ:
— Ай же малыи вы глупы вьюнышки!

1) Т. е. юноши.

— А й куды у васъ ушла да рóдна матушка? —
Говорили ему глупы малы вьюнышки:
«А й ушла-то наша рóдна матушка
«На крестьяньскую да на роботушку,
«А и тымъ она да насъ воспитыватъ».
Й онъ стоялъ-то вѣдь до поздного до вечера
Тутъ худая-та жонá, да жóна умная,
Жóна умная многоразумная,
То идетъ она съ крестьяньской со роботушки,
Во правóй руки несётъ-то косу вострую,
Во лѣвóй руки несётъ-то грабли частыи,
На плечахъ бѣднá горюшиця дрова несётъ,
Приходила-то къ худою къ малой хизинки.
Говорилъ-то ёй дороднёй доброй мóлодецъ:
— А й честнáя ль ты вдова аль жóна мужняя? —
Отвѣцала-то ёмý да жóна умная,
Жóна умная многоразумная:
«Не вдова-то есть, жонá не мужняя,
«Сирота я есть да горе-горькая».
Говорилъ-то ёй дороднёй доброй мóлодецъ:
— Не вдова ты есть, да жóна мужняя. —
«Почомý ты мéня знаешь жóну мужнюю?»
— Потому я знаю жóну мужнюю,
— Что съ тобою мы росли да близко-пó-близку,
— Да играли мы съ тобою въ шашки въ шахматы
— Да во славны во велеи во нѣмецкіи,
— А й тогда съ тобя я часто ѣзды бралъ....
— Подойди-тко ты ко мни, да жóна умная,
— Жóна умная многоразумная,
— Положи-тко свои ручки во глубокъ карманъ,
— Вынимай-ко изъ кармана ты шелкóвъ камвертъ,
— Вынимай камвертъ да роспечатывай. —
То худая-та жонá да жóна умная,
Жóна умная многоразумная,

Подошла она къ дородню добру мо́лодцю,
Положила свои ручушки въ глубокъ карманъ,
Вынимала-то оттуль она шолко́въ камвертъ,
Вынимала-то камвертъ да роспечатала,
Находила во камвертѣ свой злаче́нъ перстень,
А когда оны вѣнчалися во матушки,
Да й во матушки вѣнцались во Божьё́й церквы,
Тогда этымъ о́на пе́рстнё́мъ обручалася.
Й она брала-то за ручушки за бѣлыи,
За нё́го́ за перстни за злаченыи,
Цѣловала во уста его саха́рніи,
Называла-то соби мужо́мъ любимыимъ.

Записано въ Петербургѣ, 25 ноября.

90.

ГОРЕ.

(См. Рыбникова, т. I, 85).

А й батюшка у матушки
Какъ жилъ-то мо́лодецъ да онъ во дрокушкѣ[1]),
А онъ ѣлъ сладко́ да и носи́лъ красно̀,
А й носилъ красно́ да работа́лъ лё́кко.
Похотѣлось тутъ дородню добру мо́лодцю
Да й сходитъ ё́му на чу́жу на сторонушку,
Посмотрѣть людей да показать собя.
Да ё́нъ дѣлалъ-то одё́жицу хорошеньку,
А онъ шилъ собѣ да кунью шубоньку,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ се́ребромъ,
По рукавчикамъ да й околъ ворота
Стро́чилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;

---

1) Т. е. баловствѣ или нѣгѣ.

Воротъ шилъ-то въ шубки выше го́ловы,
Спереду-то не́ видать личка̀ румянаго,
Изъ-заду̀ не видно шеи бѣлою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,
Дорогихъ-то со́болей заморьскiихъ,
А й кушачикъ опоясалъ онъ шелко́венькой,
Да й перцаточки на ручки съ чистымъ се́ребромъ,
Да й сапоженьки на ноженьки сафьянныи:
Вокругъ носика-то носа яицёмъ кати,
Подъ пяту́ подъ пя́ту воробей лети;
А онъ денежекъ-тыхъ взялъ да пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей-то взялъ ёнъ со полтинкою,
Да й пошолъ-то ёнъ на чу́жую на дальну на сторонушку.
Приходилъ-то онъ ко городу ко чу́жому,
Тутъ сустигла мо́лодца да ночка тёмная,
Да й не знаетъ онъ куды да прiютитися,
Городъ чужъ, людѝ ему незнаемы.
А й пришолъ-то ёнъ къ царе́воему къ ка́баку;
Еще тутъ-то мо́лодецъ да запечалился,
Еще тутъ-то мо́лодецъ да й закручинился,
Приклонилъ буйну̀ головушку къ сыро́й земли,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру́ землю.
Изъ того царе́вого изъ ка́бака
Выходило ба́бищо курвя́жищо,
Да й турыжна ба́бищо ярыжная,
А й стано́мъ ровна̀ да и лицёмъ бѣла,
У́ нёй кровь въ лици да какъ у за́яца,
Во лицѝ яго́дици 1) какъ цвѣту макова.
Она стала во́кругъ молодца похаживать:
«Ты чого̀ стоишь кручиненъ, доброй мо́лодецъ?
«Ты чого̀ стоишь печаленъ, доброй мо́лодецъ?
«То ли городъ тоби чужъ, людѝ незнаемы,

1) Т. е. щеки.

«Да й не знаешь ты куда да пріютитися?
«Ты поди-тко мо́лодецъ да й во царевъ кабакъ,
«Выпей рюмочку вина зеленаго,
«Да и тутъ ты мо́лодецъ да роскуражишься,
«Тутъ пойдешь по городу похаживать,
«Да й будёшь по чу́жому погуливать,
«Да чужихъ людей да познава́ть будёшь».
Енъ послушалъ ба́бища курвяжища,
Да й турыжной ба́бища ярыжною;
Заходилъ-то молодецъ ёнъ во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмочку вина зеленаго,
Выпилъ рюмочку да еще дру́гую,
Испивалъ-то онъ да й третью рюмочку,
А и тутъ-то молодецъ да й роскуражился,
А онъ ба́бицой турыжной позабавился.
Такъ онъ денежокъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесять рублей онъ пропилъ со полтинкою,
Обвалился молодецъ тутъ на царевъ кабакъ.
Подошли-то къ нёму голюшки кабацныи
Й отпоясали кушачикъ семишолковый,
А й то сняли съ нёго шубоньку-ту куньюю,
А й съ головушки то шапочку-ту сняли соболиную,
Съ ручокъ сняли-то перцаточки да съ чистымъ серебромъ,
Да й сапоженьки розули съ ногъ сафьянныи,
А й лапо́тики обули ёму липовы,
Да й рого́заньку надѣли ёму липову,
Да й поношену да тую брошену,
На головушку колпакъ надѣли липовой,
Да й поношеной да тотъ и брошеной.
Пробудился молоде́цъ да ёнъ отъ крѣпка сна,
Да й отъ крѣпка сна отъ молодецкаго,
Пороскинулъ онъ свои да ясны очушки,
А вся снята-то одёжа дрогоцѣнная,
А й надѣто-то одёженько всё липово.

Тутъ сидитъ-то мо́лодецъ да запечаливши,
Тутъ сидитъ-то мо́лодецъ да й закручинивши,
Енъ повѣсилъ свою буйную головушку
Да й на правую онъ на сторонушку,
Ясны очушки втопилъ ёнъ во кирпичной мостъ.
Подошла-то къ нёму ба́бищо курвяжищо,
Да й турыжно бабищо ярыжное,
То стано́мъ ровна̀ да и лицёмъ бѣла,
У ней кровь въ лици быдто̀ у заяца,
Во лици̇̀ яго́дици-то цвѣту макова.
Подносила къ нёму чару зелена́ вина:
«Ты удаленькой дороднёй доброй мо́лодецъ!
«Да испей-ко чару зелена́ вина,
«То́би полно добру мо́лодцю печалиться,
«То́би полно добру мо́лодцю кручиниться.»
Выпилъ рюмочку вина зеленаго,
А и тутъ-то молоде́цъ ёнъ роскуражился,
Выходилъ-то молоде́цъ съ царева ка́бака,
Ёнъ пошолъ ходить по городу по чу́жому,
Да онъ сталъ-то познавать да онъ чужи́хъ людей.
Проходилъ ёнъ цѣлой день съ утра й до вечера,
Ёнъ зашолъ къ хозяину къ басонщичку,
Онъ зада́лся во роботушку въ басонскую.
Онъ живётъ-то доброй мо́лодецъ по годъ поры,
Да й живётъ-то доброй мо́лодецъ друго́и годъ,
Да й живётъ-то доброй мо́лодецъ по третей годъ,
Еще денежокъ ёнъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей ёнъ нажилъ со полтинкою.
Сшилъ онъ со́би шубоньку-ту куньюю,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ се́ребромъ,
По рукавчикамъ да й околъ ворота
Стро́чилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;
Воротъ шилъ-то въ шубки выше го́ловы,
Спереду-то не́ видать личка̀ румянаго,

Изъ-заду́ не видно шеи бѣлою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,
Дорогихъ-то со́болей заморьскіихъ,
Онъ кушачик-отъ купилъ да семишолковый,
Онъ сапожки сшилъ соби сафьянныи:
Вокругъ носика-то носа яицёмъ кати,
А й то по́дъ пяту подъ пя́ту воробей летитъ.
Онъ пошолъ ходить по городу по чу́жому,
Онъ ходилъ гулялъ да день до вечера,
Да й сустигла мо́лодца да ночка темная.
Енъ не знаетъ да куды да пріютитися,
Подходилъ-то ёнъ къ царе́воёму къ ка́баку,
Припечаливши стоитъ онъ прикручинивши,
Приклонилъ свою головушку къ сыро́й земли,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру́ землю.
Со того ли кабака да со цареваго
Выходило ба́бищо курвяжищо,
Она стала вокругъ мо́лодця похаживать,
Говорила-то й она да таковы слова:
«Ты чого стоишь печаленъ доброй молодецъ?
«Ты чого стоишь кручиненъ доброй молодецъ?
«То ли городъ чужъ тоби, люди́ незнаемы,
«Да й не знаешь ты куда да пріютитися?
«Да й поди-тко мо́лодецъ да й во царевъ кабакъ,
«А й ты рюмочку-ту выпей зелена́ вина,
«Еще тутъ ты молодецъ да роскуражишься,
«Будешь познавать ты чу́жа города,
«Познавать-то будешь ты чужихъ людей».
Енъ послушалъ ба́бища курвяжища,
Да й турыжной ба́бища ярыжною.
Заходилъ-то мо́лодецъ ёнъ во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмочку вина зеленого,
Выпилъ мо́лодецъ да то и дру́гую
Выпилъ мо́лодецъ да еще третьюю,

Еще тутъ-то мо́лодецъ да роскуражился,
Да онъ денежекъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтиною.
Обвалился молодецъ ёнъ на царевъ кабакъ.
Подошли-то къ нему голюшки кабацныи,
Отпоясали кушачикъ семишолковый,
Да то сняли съ не́го купьюю-ту шубоньку,
Сняли шапочку да соболиную,
Да й перцаточки-ты сняли съ чистымъ се́ребромъ,
Да й сапожки-ты розули съ ногъ сафьянныи.
Пробудился молодецъ отъ крѣпка сна,
Пороскинулъ онъ свои да ясны очушки,
То вѣдь снята вся одёжа дрогоцѣнная,
А й одёжица одѣта-то всё липова,
Да й поношена да тая брошена.
Запечалился ёнъ закручинился,
Да й повѣсилъ свою буйпую головушку,
Ясны очушки втопилъ ёнъ во кирпичной мостъ.
Подошло-то къ нёму ба́бищо курвяжищо,
То стано́мъ ровна̀ да и лицёмъ бѣла,
У ней кровь въ лици быдто̀ у заяца,
Во лици̇̀ яго́дици-то цвѣту макова.
Подносила къ нёму чару зелена́ вина:
«Ты удаленькой дороднёй доброй мо́лодецъ!
«Да испей-ко чару зелена́ вина,
«А 'ще тутъ-то мо́лодецъ ты роскуражишься».
Тутъ удаленькой дородній доброй мо́лодецъ
Испивалъ онъ чару зелена́ вина,
Выходилъ-то мо́лодецъ съ царева ка́бака,
Ёнъ пошолъ ходить по городу по чу́жому,
Да онъ сталъ-то познавать да онъ чужихъ людей.
Проходилъ ёнъ цѣлой день съ утра й до вечера,
Ёнъ зашолъ къ хозяину къ басонщичку,
Онъ зада́лся во роботушку въ басонскую.

Онъ живётъ-то доброй мо́лодецъ по годъ поры,
Да й живётъ-то доброй мо́лодецъ друго́й годъ,
Да й живётъ-то доброй мо́лодецъ по третей годъ,
Еще денежокъ ёнъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей ёнъ нажилъ со полтинкою.
Сшилъ онъ соби шубоньку-ту куньюю,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ се́ребромъ,
По рукавчикамъ да й околъ ворота
Стро́чилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;
Воротъ шилъ-то въ шубки выше го́ловы,
Спереду-то не́ видать личка̀ румянаго,
Изъ-заду̀ не видно шеи бѣлою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,
Дорогихъ-то со́болей заморьскiихъ,
Онъ кушачик-отъ купилъ да семишолковый,
Онъ сапожки сшилъ соби сафьянныи:
Вокругъ носика-то носа яицёмъ кати,
А й то по́дъ пяту подъ пя́ту воробей летитъ.
Онъ пошолъ ходить по городу по чу́жому,
Онъ ходилъ гулялъ да день до вечера,
Да й сустигла мо́лодца да ночка темная.
Енъ не знаетъ да куды да прiютитися,
Подходилъ-то ёнъ къ царе́воёму къ ка́баку,
Припечаливши стоитъ онъ прикручинивши,
Приклонилъ свою головушку къ сыро́й земли,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру́ землю.
Со того ли кабака да со цареваго
Выходило ба́бищо курвяжищо,
Она стала во́кругъ мо́лодця похаживать,
Говорила-то й она да таковы слова:
«Ты чого стоишь печаленъ, доброй мо́лодецъ?
«Ты чого стоишь кручиненъ, доброй мо́лодецъ?
«То ли городъ чужъ тоби, люди̇̀ незнаемы,
«Да й не знаешь ты куда да прiютитися?

«Да й поди-тко мо́лодецъ да й во царевъ кабакъ,
«А й ты рюмочку-ту выпей зелена́ вина,
«Еще тутъ ты молодецъ да роскуражишься,
«Будешь познавать ты чу́жа города,
«Познавать-то будешь ты чужихъ людей».
Енъ послушалъ ба́бища курвяжища,
Да й турыжной ба́бища ярыжною.
Заходилъ-то молодецъ ёнъ во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмочку вина зеленого,
Выпилъ молоде́цъ да то и дру́гую,
Выпилъ молоде́цъ да еще й третьюю,
Еще тутъ-то молоде́цъ да роскуражился,
Да онъ денежекъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтиною.
Обвалился молодецъ ёнъ на царевъ кабакъ.
Подошли-то къ не́му голюшки кабацкіи,
Отпоясали кушачикъ семишолковый,
Да то сняли съ него кунью-ту шубоньку,
Сняли шапочку да соболиную,
Да й перщаточки-ты сняли съ чистымъ се́ребромъ,
Да й сапожки-ты розули съ ногъ сафьянныи.
Пробудился мо́лодецъ отъ крѣпка сна,
Пороскинулъ онъ свои да ясны очушки,
То вѣдь снята вся одёжа дрогоцѣнная,
А й одёжица одѣта-то всё липова,
Да й поношена да тая брошена.
Запечалился ёнъ закручинился,
Да й повѣсилъ свою буйную головушку,
Ясны очушки втопилъ ёнъ во кирпичной мостъ.
Подошло-то къ нёму бабищо курвяжищо,
То стано́мъ ровна̀ да и лицёмъ бѣла,
У ней кровь въ лици бытто̀ у заяца,
Во лици̇̀ яго́дици-то цвѣту макова;
Подносила къ нёму чару зелена́ вина:

«Ты удаленькой дороднёй доброй мóлодецъ!
«Да испей-ко чару зеленá вина».
Испивалъ-то мóлодецъ онъ чару зеленá вина,
Выходилъ ёнъ съ кабака да й со царевого,
Обвернулся доброй мóлодецъ сѣры́мъ волкомъ,
Побѣжалъ-то онъ отъ Горюшка въ чистó поле,
А и Горюшко за нимъ собакою.
Обвернулся-то да й доброй мóлодецъ,
Полетѣлъ-то онъ да яснымъ соколомъ,
Горюшко вслѣдъ зá нимъ черныиъ ворономъ...
А и тутъ-то доброй мóлодецъ приставился.
Да свезли-то на могилу на родительску,
Положили добра мóлодца въ сыру землю,
Прибѣгало тутъ да къ нёму Горюшко,
Прибѣгало Горе, óбъ немъ плакало:
— А й хорошъ ты былъ удаленькой дороднёй мóлодецъ!
— Я топерь пойду во славну въ каменну Москву,
— У меня тамъ есть еще лучшій тобя. —

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

XVII.

КУЗЬМА РОМАНОВЪ.

Кузьма Ивановичъ Романовъ, крестьянинъ дер. Лонгасы, Сѣнногубской волости, лѣтъ за 80, слѣпой съ малолѣтства, щедушный, небольшаго роста, сгорбленный, сѣденькой старичокъ. Онъ съ молоду остался безпомощнымъ сиротою на попеченіи міра, который сдалъ приходившійся на долю Романова участокъ другому крестьянину, съ обязательствомъ доставлять ему сколько нужно для пропитанія. Такъ онъ прожилъ весь вѣкъ, занимая избушку, доставшуюся ему отъ родителей. Былины онъ заимствовалъ отъ того же Ильи Елустафьева, отъ котораго учился и

Рябининъ; по его словамъ, онъ кромѣ Елустафьева не имѣлъ другаго учителя. Поётъ онъ былины слабымъ, дребезжащимъ голосомъ, не договаривая конца стиховъ. Въ большей части былинъ онъ не помнитъ конца или разсказываетъ конецъ словами. При этомъ оказалось, что когда онъ пѣлъ свои былины г. Рыбникову, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, онъ обрывалъ ихъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь, и что какъ самый кругъ былинъ, которыя онъ поётъ, такъ и текстъ каждой изъ нихъ остались безъ всякаго существеннаго измѣненія. Съ тѣхъ поръ какъ записывалъ съ его словъ г. Рыбниковъ, онъ забылъ только былину про Василія Буслаева, которую и тогда онъ плохо зналъ и могъ возстановить въ памяти только при помощи покойнаго Леонтія Богданова. Кузьма Романовъ отличается отъ всѣхъ прочихъ сказителей, упоминаемыхъ въ настоящемъ сборникѣ, тѣмъ, что онъ считаетъ пѣніе былинъ чѣмъ-то въ родѣ профессіи, составляющей его извѣстность и дающей ему нѣкоторую прибыль. Судя по его разговорамъ, этотъ взглядъ особенно укоренился въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ приглашонъ спѣть былины передъ покойнымъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ во время его путешествія на сѣверъ. Кузьма Романовъ считаетъ себя первымъ сказителемъ и не охотно признаетъ, чтобы кто-либо другой зналъ порядочно былины. При всемъ стараніи, невозможно было записать его былины съ напѣва, такъ какъ онъ, разъ «взявъ былину на́ голосъ», не въ состояніи уже остановиться. Потому былины, здѣсь печатаемыя, не представляютъ размѣра съ тою вѣрностью, съ какою Романовъ его дѣйствительно соблюдаетъ, когда распѣваетъ былины; притомъ Романовъ, совершенно беззубый, произносилъ такъ невнятно, что собиратель нѣкоторыхъ стиховъ не могъ хорошенько разслышать и принужденъ былъ въ этихъ случаяхъ придерживаться текста Рыбникова. Кромѣ помѣщаемыхъ здѣсь былинъ, онъ сказывалъ еще былину про Хотена (Рыбн., т. II, 22) совершенно сходно съ Рыбниковскимъ текстомъ.

91.

ВОЛЬГА.

(См. Рыбникова, т. I, 1).

Закатилось красное солнышко
За лѣсушки за темныя, за моря за широкія,
Розсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу́ небу:
Порождался Вольга̀ сударь Буславлевичъ
На святой Руси.
И росъ Вольга̀ Буславлевичъ до пяти годковъ,
Пошолъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ по сырой земли;
Мать сыра земля сколыбалася,
Звѣри въ лѣсахъ розбѣжалися,
Птицы по подоблачью розлеталися,
И рыбы по синю́ морю розметалися.
И пошолъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Обучаться всякихъ хитростей мудростей,
Всякихъ язы́ковъ онъ разныихъ;
Задался Вольга сударь Буславлевичъ на́ семь годъ,
А прожилъ двѣнадцать лѣтъ,
Обучался хитростямъ мудростямъ,
Всякихъ язы́ковъ разныихъ.
Собиралъ дружину себѣ добрую,
Добрую дружину, хоробрую,
И тридцать бога́тырей безъ единаго,
Самъ становился тридцатыимъ:
«Ай же вы дружина моя добрая хоробрая!
«Слушайте большаго братца атамана-то
«И дѣлайте дѣло повелѣное:
«Вейте веревочки шелко́выя,
«Становите веревочки по темну́ лѣсу,
«Становите веревочки по сырой земли,
«А ловите вы куницъ лисицъ,
«Дикихъ звѣрей черныхъ соболей

«И подкопучіихъ бѣлыхъ заячковъ,
«Бѣлыхъ заячковъ, малыхъ горносталюшковъ,
«И ловите по три дня по трú ночи».
Слушали большаго братца атамана-то,
Дѣлали дѣло повелёное:
Вили веревочки шелкóвыя,
Становили веревочки по темнý лѣсу по сырой земли,
Ловили по три дня по трú ночи,
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольгà сударь Буславлевичъ,
Повернулся онъ левы́мъ звѣрёмъ *(такъ)*;
Поскочилъ по сырой земли по темну лѣсу,
Заворачивалъ куницъ, лисицъ,
И дикихъ звѣрей черныхъ соболей,
И бѣлыхъ поскакучіихъ заячковъ,
И малыихъ горносталюшковъ.
И будетъ во градѣ во Кіевѣ
А со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольгà сударь Буславлевичъ:
«Дружинушка ты моя добрая, хоробрая!
«Слухайте большаго братца атамана-то
«И дѣлайте дѣло повелёное,
«А вейте силышка шелковыя,
«Становите силышка на темный лѣсъ,
«На темный лѣсъ на самый верхъ,
«Ловите гусей, лебедей, ясныихъ соколей,
«А малую птицу-ту пташицу,
«И ловите по три дни и по трú ночи».
И слухали большаго братца атамана-то,
А дѣлали дѣло повелёное:
А вили силышка шéлковы,
Становили силышка на темный лѣсъ на самый верхъ;
Ловили по три дни по трú ночи,
Не могли добыть ни одной птички.

Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ Нау́й птицей,
Полетѣлъ по подоблачью.
Заворачивалъ гусей, лебедей, ясныихъ соколей
И малую птицу-ту пташицу.
И будутъ во городѣ во Кіевѣ
Со своей дружинушкой со доброю;
Скажетъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Слухайте большаго братца атамана-то,
«Дѣлайте вы дѣло повелёное:
«Возьмите топоры дроворубные,
«Стройте судёнышко дубовое,
«Вяжите путевья̀ шелковыя,
«Выѣзжайте вы на сине море,
«Ловите рыбу семжинку да бѣлужинку,
«Щученьку, плотиченьку,
«И дорогую рыбку осе́тринку,
«И ловите по три дни по три́ ночи».
И слухали большаго братца атамана-то,
Дѣлали дѣло повелёное:
Брали топоры дроворубные,
Строили судёнышко дубовое,
Вязали путевья̀ шелковыя,
Выѣзжали на сине́ море,
Ловили по три дни по три́ ночи,
Не могли добыть ни одной рыбки.
Повернулся Вольга сударь Буславлевичъ рыбой щу́чинкой
И побѣжалъ по синю́ морю.
Заворачивалъ рыбу семжинку бѣлужинку,
Щученьку, плотиченьку,
Дорогую рыбку осе́тринку.
И будутъ во градѣ во Кіевѣ
Со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ:

«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Вы слушайте большаго братца атамана-то:
«Кого бы намъ послать во Турецъ землю,
«Провѣдати про думу про царскую,
«И что царь думы думаетъ,
«И думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
«А стараго послать — будетъ долго ждать;
«Да средняго послать-то — виномъ запоятъ,
«А малаго послать,
«Маленькой съ дѣвушкамы заиграется,
«А со молодушкамы роспотѣшится,
«А со старыма старушкамы разговоръ держать,
«И буде намъ долго ждать.
«А видно буде́ Вольгѣ̀ самому пойти!»
Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Малою птицею-пташицей,
Полетѣлъ ёнъ по подоблачью.
И будетъ скоро во той земли Турецкоей,
Будетъ у сантала у турецкаго,
А у той полаты бѣлокаменной,
Противъ самыихъ окошечекъ,
И слухаетъ онъ рѣчи тайныя.
Говоритъ царь со царицею:
«Ай же ты царица Панталовна!
«А ты знаешь ли про то, вѣдаешь?
«На Руси-то трава ростетъ не по старому,
«Цвѣты цвѣтутъ не по прежному,
«А на Руси трава растетъ не по прежному,
«А видно Вольги̇̀-то живаго нѣтъ.
«А поѣду я на святую Русь,
«Возьму я себѣ девя́ть городовъ,
«Подарю я девя́ть сыновъ,
«А тебѣ царица Панталовна
«Подарю я шубоньку до́рогу».

Проговóритъ царица Панталовна:
— Ай же ты царь Турецъ-санталъ!
— А я знаю про то, вѣдаю:
— На Руси трава все ростетъ по старому,
— Цвѣты-то цвѣтутъ все по прежному.
— А почéсь спалось, во сняхъ видѣлось:
— Бывъ сподъ восточныя сподъ сторонушки
— Налетала птица малая пташица,
— А сподъ западней сподъ сторонушки
— Налетала птица чернóй воронъ;
— Слеталися оны во чистóмъ полѣ,
— Промежду собой подиралися;
— Малая птица пташица
— Чернаго ворона повыклевала,
— И по перышку она повыщипала
— А на вѣ́теръ все повы́пускала.
— То есть Вольга̀ сударь Буславлевичъ,
— А что черной воронъ — Турецъ-санталъ. —
Проговоритъ царь Турецъ-санталъ:
«Ай же ты царица Панталовна!
«А я думаю скоро ѣхать на святую Русь,
«Возьму я девя́ть городовъ,
«Подарю девя́ть сыновъ,
«Привезу себѣ шубоньку дорóгуи».
Говоритъ царица Панталовна:
— А не взять тебѣ девяти городовъ,
— И не подарить тебѣ девяти сыновъ,
— И не привезти тебѣ шубоньки дóрогой! —
Проговоритъ царь Турецъ-санталъ:
«Ахъ ты старый чортъ!
«Сама спала, себѣ сонъ видѣла!»
И ударитъ онъ по бѣлу́ лицу,
И повéрнется, — по дру́гому,
И кинетъ царицу о кирпиченъ полъ,

И кинетъ ю второй-то разъ:
«А поѣду я на святую Русь,
«Возьму я девя́ть городовъ,
«Подарю девя́ть сыновъ,
«Привезу себѣ шубоньку до́рогу!»
А повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ,
Повернулся сѣры́мъ волкомъ
И поскочилъ-то ёнъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней-тѣхъ всѣхъ пе́ребралъ,
Глотки-то у всѣхъ у нихъ пе́рервалъ.
А повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Малымъ горносталюшкомъ,
Поскочилъ во горницу оружейную,
Тугіе луки пере́ломалъ,
И шелко́выя тетивочки пе́рервалъ
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
Вострыя сабли повыщербилъ,
Палицы булатныя дугой согнулъ.
Тутъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ,
Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Малою птицею пташицей,
И будетъ скоро во градѣ во Кіевѣ,
И пове́рнулся онъ добрымъ мо́лодцомъ
И будетъ онъ съ своею со дружиною со доброю:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Пойдемте мы во Турецъ-землю».
И пошли оны во Турецъ-землю,
И силу турецкую во полонъ брали:
«Дружина моя добрая, хоробрая!
«Станемъ-те теперь полону подѣлять!»
Что́ было на́ дѣлу дорого,
Что было на́ дѣлу дешево?
А добрые кони по семи рублей,
А оружье булатное по шести рублей,

Вострыя сабли по пяти рублей,
Палицы булатныя по три́ рубля.
А то было на́ дѣлу дешево — женскій полъ:
Старушечки были по полушечки,
А молодушечки по двѣ полушечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ.

Записано на Леликовѣ, 3 іюля.

92.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

(См. Рыбникова, т. I, 21).

А собака ты собака злодѣй Ка́линъ царь!
А думаетъ онъ думушку недобрую,
Совѣты совѣтуетъ не хорошіе,
А й помышляетъ онъ собака Калинъ царь
А отъ жива мужа жену отнять,
У того у князя Владиміра
Молоду Опраксу королевичну.
А собирается онъ собака злодѣй Калинъ царь,
Собираетъ силы и смѣты нѣтъ,
Собиралъ сорокъ царей, сорокъ ко́ролей,
У всякаго было у царя у царевича
По сорока было тысячей, по тысячѣ,
У всякаго было у короля у королевича
По триста было тысячей, по тысячѣ.
Собирался собака ровно три году,
Во четвертый годъ собака во походъ пошолъ,
И какъ скоро онъ буде на томъ поле на Кули́ковѣ,
И розставилъ ёнъ силу по чисту́ полю,
А самъ сходилъ собака со добра́ коня,
А писалъ ярлыки скорописчаты,

Не чернилами писалъ, краснымъ золотомъ;
А день проѣздилъ, съ утра день до вечера,
По силы по татарскою,
А выбиралъ все татаръ самолучшіихъ.
И по дру́гой день проѣздилъ день, съ утра день до вечера,
По силы по татарскою,
И по третій день проѣздилъ день, съ утра день до вечера,
По силы по татарскія,
А выбиралъ татарина самолучшаго,
Выбиралъ татарина лучшаго, самолучшаго,
Отдавалъ ярлыки скорописчаты,
А говорилъ ему наказывалъ:
«Поѣзжай ко городу ко Кіеву,
«А не въѣзжай въ ворота бѣлоду́бовы,
«А ты скачи черезъ стѣну городо́вую
«А пріѣзжай къ крылечку ко перёному,
«Не привязывай коня, да не приказывай,
«Бѣжи скорѣй въ полаты княженецкія,
«А поди въ полату не съ упадкою,
«А отворяй двери все на́ пяту,
«А отворяй двери, не за́пирай,
«И поди въ полату княженецкую,
«Отдавай ярлыки князю Владиміру,
«И самъ изъ словъ выговаривай:
««Ай же ты Владиміръ стольно-кіевской!
««Очистилъ бы палату княженецкую,
««А стоять бы самому царю Ка́лину,
««Очистилъ бы подворья богатырскія,
««А стоять тамъ силы татарскоей»».
«И самъ скоро поворотъ держи,
«И бѣжи скорѣе на широкой дворъ,
«И садись скорѣе на добра коня,
«Поѣзжай въ ворота бѣлоду́бовы».
Поѣхалъ татаринъ ко городу ко Кіеву,

Сдѣлалъ дѣло повелёнос.
Князь Владиміръ стольно-кіевскій,
А собиралъ всѣхъ могучіихъ богáтырей,
А самъ князь Владиміръ поросплакался,
А всѣмъ могучіимъ богáтырямъ расклаиялся:
— Ай же вы могучіе богáтыри!
— Какъ бы съ непріятелемъ поправиться? —
Вси могучіи богáтыри отвѣтъ держатъ:
«Князь Владиміръ стольно-кіевской!
«Думаемъ съ непріятелемъ-тымъ поправиться».
И бысть *(такъ)* князь веселъ радостенъ.
А всѣ единъ по единому
Изъ города изъ Кіева онѣ повыѣдутъ.
У его-то былъ любимый ли племничекъ,
Млáдый Ермакъ Тимофеевичъ,
А приходитъ онъ къ дядюшкѣ къ князю Владиміру,
А бьетъ челомъ, покланяется:
«А дядюшка князь ты Владиміръ стольнё-кіевской!
«А дай мнѣ прощеньице благословленьице
«А изъ города изъ Кіева повыѣхать!»
А прогóворитъ князь Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же любимый мой племничекъ,
— Млáдый Ермакъ Тимофеевичъ!
— А ты младешенекъ да ты глупешенекъ,
— А отъ роду вѣку двѣнадцать лѣтъ,
— А устрашишься ты вѣдь ужáхнешься
— Силы войска татарскаго:
— Не дамъ тебѣ прощеньица благословленьица
— А изъ города изъ Кіева повыѣхать. —
А спрогóворитъ младый Ермакъ Тимофеевичъ:
«Дядюшка князь Владиміръ стольно-кіевской!
«А ты дашь мнѣ прощеньице, повыѣду,
«Аль не дашь мнѣ прощеньица, повыѣду».
А и скоро бѣжитъ во конюшенъ дворъ

А беретъ себѣ коня добраго,
Добраго коня лучшаго,
Коня лучшаго самолучшаго,
А сѣдлаетъ уздаетъ коня добраго,
И беретъ себѣ копье вострое,
Копье вострое, палицу булатнюю,
А скоро изъ города изъ Кіева повыѣдетъ,
А скоро будетъ на томъ полѣ на Еле́скинѣ,
А у того вѣдь у сы́ра дуба Не́вида,
У того у каменя у Латыря,
Гдѣ съѣзжалися могучіи бога́тыри;
И скоро сходилъ съ добра́ коня,
И сталъ по бѣлымъ шатрамъ поглядывать:
А въ которомъ шатрѣ былъ старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
А на томъ шатрѣ было три примѣточки,
А примѣточки были замѣчёныя,
А три кисточки были золочёныя;
А на Добрынюшки Никитича на томъ шатрѣ
А двѣ кисточки были ше́лковы;
А на Алешеньки Поповича на томъ шатрѣ
Была кисточка едина ше́лкова.
И пошолъ ёнъ въ бѣло́й шатеръ,
И приходилъ во единъ бѣло́й шатеръ,
И бьетъ челомъ поклоняется
Всѣмъ могучіимъ бога́тырямъ:
«Ай же вы могучіи бога́тыри!
«Ѣдите́, пьете́, утѣшаетесь,
«Во всякія игры забавляетесь,
«А остался князь Владимiръ стольно-кіевской
«Кручиноватъ, печаловатъ,
«Кручиноватъ князь, печаловатъ».
Прого́ворятъ могучіи бога́тыри:
— А ты мла́дой Ермакъ Тимоѳеевичъ!

— Пойди-ка ты на сырой дубъ нá Невидъ,
— Погляди ты на силу войско татарское. —
И онъ скоро бѣжитъ на сы́рой дубъ
И поглядитъ на войско татарское;
Опустился со сыра дуба,
И садился на добрá коня,
И поѣхалъ въ войско татарское.
А прошло времени не малое,
И схватились всѣ могучіи богáтыри:
— Ай же вы богáтыри могучіи!
— Что же долго нѣту со сыра дуба?
— Видно устрашился онъ силы-войска татарскаго. —
Посылаютъ Алешеньку Поповича:
— Поди-тко Алешенька сынъ Ивановичъ,
— Погляди со сыра дуба на войско татарское. —
Поглядѣлъ Алешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ,
Ажно ѣздитъ по силу по татарскую
Млáдый Ермакъ Тимофеевичъ:
Куды ѣздитъ, туды улица,
А повéрнетъ — переулкамы.
Какъ пришолъ Алешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ,
Говоритъ имъ таковы слова:
«Ай же братцы могучіи богáтыри!
«А ѣздитъ Ермакъ по силу по татарскую,
«Куды ѣздитъ, туды улица,
«А повéрнетъ — переулкамы».
Посылаютъ Добрынюшка Никитича:
— Поди, Добрынюшка Никитиничъ,
— Млáдаго Ермака Тимофеевича
— Ласковыма словамы его уговаривай,
— И удерживай баграмы желѣзныма,
— Укротилъ бы свое сердце богатырское. —
И скоро Добрынюшка Никитиничъ
Поѣхалъ въ силу войско татарское,

И захватывалъ баграмы желѣзныма,
И уговаривалъ словамы ласковыма:
«Укроти свое сердце богатырское,
«Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
«Ты младешенекъ глупешенекъ,
«Сорвешься ты, надо́рвешься».
И укротилъ свое сердце молодецкое
Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ.

Записано тамъ же, 3 іюля.

93.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

(См. Рыбникова, т. I, 23).

Поросплачется поростужится
Добрынюшка Микитиничъ
Предъ своей передъ государыней матушкой:
«Ай же ты моя ро́дна матушка,
«Честна̀ вдова Офимья Александровна!
«Для чего ты меня несчастнаго споро́дила
«Несчастнаго, исталаннаго?
«А породи́ла бы ты, матушка,
«Счасками бы ты споро́дила
«Въ стольно-кіевскаго князя во Владиміра,
«А красою бы ты споро́дила
«Во Осипа прекраснаго,
«А силою бы ты споро́дила
«А въ стараго каза́ка Илью Му́ромца,
«А смѣлостью бы ты споро́дила
«Во Алешу во Попо́вича!»
Отвѣтъ держитъ честна̀ вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты чадо милоё,

— Ты ча́делко мое любимоё,
— Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— А ты вѣдь Добрынюшка въ послахъ бывалъ,
— Ты Добрынюшка говорить гораздъ,
— А ты говорить гораздъ, разговаривать. —
Говоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Посылаютъ меня матушка въ землю Сорочинскую,
«Во тую землю на Пучай-рѣку,
«Выручать-то княженецкую племянницу».
Первый посолъ отъ города отъ Кіева
Старый казакъ Илья Муромецъ,
А второй посолъ Добрынюшка Микитиничъ.
И поѣхалъ Добрынюшка Микитиничъ
Въ тую въ землю Сорочинскую;
И скоро будетъ на той рѣки на Пучай-рѣки,
И хочетъ Добрынюшка Микитиничъ
Хочетъ купаться во Пучай-рѣки,
Хочетъ купаться наги́мъ тѣломъ.
На той рѣки дѣвицы платье мыли бѣ́лили;
Прого́ворятъ всѣ дѣвицы портомойницы,
Портомойницы, бѣломойницы:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— У насъ не ку́плятся во Пучай-рѣки наги́мъ тѣломъ,
— У насъ ку́плятся во Пучай-рѣки во рубашечкахъ. —
А прого́воритъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Дѣ́вицы вы красавицы,
«Портомойницы, бѣломойницы:
«А вы самы спали, се́бѣ сонъ видѣли!»
А скидываетъ ёнъ бѣлую рубашечку
И ку́плется во Пучай-рѣки наги́мъ тѣломъ;
И первую струю, струю быструю
Онъ пе́реплылъ струю, пе́реплылъ,
И другую струю, струю быструю,
Онъ пе́реплылъ струю, пе́реплылъ.

И закрычалъ-то малой пáробкя,
Закрычалъ пáробкя громкимъ голосомъ:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Изъ-подъ западнія сторонушки иде шумъ великъ! —
Налетѣла змѣя лютая Горынцята;
И скорешенько Добрынюшка поворотъ держалъ,
И приплылъ ёнъ ко круто-красному бережку,
И одѣваетъ ёнъ тонку бѣлую рубашечку,
И скоро ёнъ облатился и обкольчужился,
И хватаетъ ёнъ палицу булатнюю,
И бьетъ змѣю лютую по змѣинымъ по хоботамъ,
Бьетъ онъ змѣю палицей булатнею,
А тутъ змѣя ему молилася:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Отдамъ я вашу королевичну.... —

(Далѣе пѣвецъ не помнилъ).

Записано тамъ же, 3 іюля.

94.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т. I. 30.)

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Было пированьице почестенъ пиръ
На многихъ князей на бóяровъ,
На могучіихъ на богáтырей,
На всѣхъ купцовъ на торговыихъ,
На всѣхъ мужиковъ деревенскіихъ.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
Испрогóворитъ Владиміръ стольно-кіевской:

«Ай вы всѣ князи бо́яра,
«Всѣ могучіи бога́тыри,
«Всѣ купцы торговыи
«Всѣ мужики деревенскіи!
«Всѣ на пиру поженены,
«Одинъ я князь не женатый есть.
«Знаете ль вы про меня княгину супротивную,
«Чтобы ростомъ была высокая,
«Станомъ она становитая,
«И на лицо она красовитая,
«Походка у ней частȧ и рѣчь баска,
«Было бы мнѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
«Дума думати, долгіе вѣки коро́тати,
«И всѣмъ вамъ князьямъ всѣмъ бо́ярамъ,
«Всѣмъ могучіимъ бога́тырямъ,
«Всѣмъ купцамъ торговымъ,
«Всѣмъ мужикамъ деревенскіимъ,
«И всему красному городу Кіеву
«Было бы кому поклонятися?»
Всѣ на пиру призамолкнули
И ни отъ кого на пиру отвѣта нѣтъ.
Одинъ удалый добрый мо́лодецъ,
Изъ по имени Дунаюшки Ивановичъ,
Выходилъ за столика дубоваго,
Очень онъ пьянъ — не шатается,
Говоритъ рѣчи — не смѣшается,
Низки поклоны поклоняется:
— Князь Владиміръ стольно-кіевской!
— Я знаю про то вѣдаю
— Про тебя княгину супротивную:
— Во той во земли въ хоробро́й Литвы,
— У того королевскаго величества,
— Есть двѣ дочери великія,
— Ȯбѣ дочери на выда́ваньи:

— Бо́льшая дочь Настасья королевична,
— Тая дочь все полякуеть;
— А меньшая дочь все при домѣ живеть,
— Тая есть Опракса королевична:
— Она ростомъ высокая,
— Станомъ она становитая,
— И лицомъ она красовитая,
— Походка у ней частà и рѣчь баска,
— Будетъ тебѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
— Дума думати, долгіе вѣки коро́тати,
— И всѣмъ князьямъ всѣмъ бо́ярамъ,
— Всѣмъ могучіимъ бога́тырямъ,
— Всѣмъ купцамъ торговыимъ,
— Всѣмъ мужикамъ деревенскіимъ,
— И всему красному городу Кіеву
— Будетъ кому поклапятися. —
Эгыя рѣчи слюбилися;
Скажетъ князь Владыміръ стольно-кіевской:
«Ай же ты Дунаюшка Ивановичъ!
«Возьми ты у меня силы сорокъ тысячей,
«Возьми казны десять тысячей,
«И поѣзжай во тую землю въ хоробру́ Литву,
«И добрымъ словомъ посватайся:
«Буде въ честь не даютъ, такъ ты сило́й возьми,
«А столько привези Опраксу королевичну».
Прого́воритъ Дунаюшка Ивановичъ:
— Солнышко ты Владиміръ стольно-кіевской!
— Не надо-ка-ва силы сорокъ тысячей,
— Но надо казны десять тысячей;
— Дай-ка ты мнѣ любимаго товарища,
— Любимаго товарища Добрыню Никитича. —
Испрого́воритъ князь Владиміръ стольно кіевской:
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Пожалуй ты къ Дунаюшкѣ въ товарищи».

Скоро Добрынюшка попакнулся *(такъ)*
И скоро оны выѣдутъ со города со Кіева,
Скоро садились на добры́хъ коней;
Видли добрыхъ мо́лодцевъ сядучись,
Не видли добрыхъ молодцевъ ѣдучись:
Быдто ясные соколы попурхнули,
Такъ добрые молодцы повыѣхали.
И скоро будутъ во той земли въ хоробро́й Литвы,
У того королевскаго величества,
На тотъ дворъ на королевскіи,
Противу самыихъ окошечекъ,
И скоро сходили со добры́хъ коней.
Прого́воритъ Дунаюшка Ивановичъ:
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Стой ты у коней, коней паси,
«А поглядывай на ринду *(такъ)* королевскую,
«На палату княженецкую:
«Каково мнѣ-ка будетъ, такъ тебя позову,
«А каково бы время, такъ пріуѣхать бы».
А приходитъ къ королевскому величеству;
Знаетъ онъ порядню королевскую:
Не надо креститься, молитвиться;
Бьетъ челомъ, поклоняется:
«Здравствуй батюшка король хоробро́й Литвы!»
А оглянется король хоробро́й Литвы:
— Прежняя ты слуга, слуга вѣрная!
— Жилъ ты у меня три году,
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ жилъ ты во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ ты во стольникахъ,
— Вѣрой служилъ, вѣрой правдою:
— За твои услуги молодецкія
— Посажу тебя за большій столъ,
— За большій столъ, въ большо́ мѣсто;

— Ѣшь молодецъ досыта
— И пей молодецъ дóлюби. —
И посадилъ его за большій столъ, въ большó мѣсто,
Сталъ его король выспрашивать:
— Скажи, скажи, Дунай, не утай собя,
— Куды ты поѣхалъ, куды путь держишь?
— Насъ ли посмотрѣть али себя показать,
— А у насъ ли пожить а еще послужить? —
«Батюшка король хороброй Литвы!
«А поѣхалъ я за добры́мъ дѣломъ,
«Засвататься на твоей дочери на Опраксіи».
Эгыи рѣчи ему не слюбилися:
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
— Не за свое дѣло взялся — за бездѣльице:
— Ме́ньшую дочь ты просватываешь,
— А бóльшую дочь чѣмъ зáсадилъ?
— Ай же вы татаровья могучіи!
— Возьмите Дуная за бѣлы́ руки,
— А сведите Дуная во глубокъ погребъ,
— Заприте рѣшоткамы желѣзныма,
— Задвиньте доскамы дубовыма,
— Засыпьте пескамы рудожелтыма;
— Пусть-ка Дунай во Литвы погоститъ,
— Во Литвы погоститъ, въ погребу посидитъ,
— А можетъ Дунай догадается. —
Выставалъ Дунай на рѣзвы́ ноги
И здымалъ рученьки выше своей буйной гóловы,
И опирается на рученьки о дубовый столъ:
Столы дубовые роскряталися,
Питья на столахъ проливалися,
Вся посуда розсыпалася.
Всѣ татаровья испужалися,
Скоро прибѣжали слуги вѣрные
Со того двора съ королевскаго:

«Ай же ты батюшка король хороброй Литвы!
«Ѣшь ты, пьешь, утѣшаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«На дворѣ дѣтина не знай собой,
«Во лѣвой рукѣ два повода добрыхъ коней,
«А во правой рукѣ дубина сарацинская;
«Какъ бывъ ясный соколъ попурхиваетъ,
«Такъ тотъ добрый молодецъ поскакиваетъ,
«На всѣ стороны дубиною розмахиваетъ,
«И убилъ татаръ до одиного,
«Не оставитъ татаръ на сѣмена».
Тутъ король догадается,
Проговоритъ король хороброй Литвы:
— Ай же Дунаюшка Ивановичъ!
— Напомни ты старую хлѣбъ да соль,
— Оставь татаръ хоть на сѣмена:
— Отдамъ свою дочь королевичну
— За вашего князя за Владиміра. —
Скоро оны садились на добрыхъ коней,
Скоро поѣхали съ того двора королевскаго
Съ молодой Опраксой королевичной.
И во тыя пути во дороженьки
Сустигала ихъ ночька темная;
Роздернули полатку полотняную
И тутъ добры молодцы и спать легли;
Во ноженьки поставили добрыхъ коней,
А въ головы востры копьи,
А по правую руку сабли вострыя,
А по лѣвую кинжалища булатныя.
И спятъ добры молодцы высыпаются,
Темную ночь коротаючись;
Ничего добры молодцы не видѣли,
Хоть не видѣли оны, столько слышали,
Какъ ѣхалъ татаринъ на чисто поле.

Повставали поутру ранешенько,
И выходили на путь на дороженьку:
Ѣдетъ татаринъ въ погону въ слѣдъ,
Добрый конь въ дорожку до щеточки прогрязывалъ,
Камешки съ дорожки вывертывалъ,
За два выстрѣла камешки выметывалъ.
Поѣхалъ Добрынюшка Никитиничъ
Съ Опраксой королевичной ко городу ко Кіеву;
Поѣхалъ Дунаюшка Ивановичъ
По этой по лошадиной по йскопыти
За тымъ татариномъ въ погону въ слѣдъ.
Гдѣ было татарина та́къ доѣзжа̀ть,
Гдѣ было татарина копье́мъ торыка̀ть,
Такъ съ татариномъ промолвился:
«Стой ты татаринъ во чисто́мъ полѣ,
«Рыкни татаринъ по звѣриному,
«Свисни татаринъ по змѣиному!»
Рыкнулъ татаринъ по звѣриному,
Свиснулъ татаринъ по змѣиному:
Темные лѣсы роспа́дались,
Въ чисто́мъ полѣ камешки роскатывались,
Траванька въ чисто́мъ полѣ повянула,
Цвѣточки на землю повысыпались,
Упалъ Дунаюшка съ добра коня.
Скоро Дунаюшка ставалъ на рѣзвы́ ноги,
И сшибъ татарина съ добра́ коня:
«Скажи ты татаринъ не ута́й собою̀:
«Чьего ты татаринъ роду, чьего племени?»
Говорилъ татаринъ таковы слова:
— Ай же Дунай сынъ Ивановичъ!
— Какъ бывъ былъ я на твоихъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ ни родины ни дѣдины,
— А пласта́лъ бы твои груди бѣлыя. —
Садился Дунаюшка на бѣлы́ груди,

Какъ роскинулъ плащи татарскіе,
Хочетъ пластать груди бѣлыя,
А видитъ по пе́рькамъ что женскій полъ.
У его сердечушко ужа́хнулось,
А рука въ плечи застоялася:
— Что же ты Дунаюшка не о́позналъ?
— А мы въ о́дной дороженьки не ѣзживали,
— Въ одной бесѣдушки не сиживали,
— Съ одной чарочки не кушивали?
— А ты жилъ у насъ ровно три году:
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ ты жилъ во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ во стольникахъ. —
«Ай же ты Настасья королевична!
«Поѣдемъ мы скоро ко городу ко Кіеву,
«И примемъ мы чудны́ кресты золоты вѣнцы».
Пріѣхали ко городу ко Кіеву
Ко той ко церкви соборныя;
Ме́ньша сестрица вѣнчается,
Бо́льша сестрица къ вѣнцу пришла.
Пиръ у нихъ пошолъ ровно по три дни;
На пиру Дунаюшка росхвастался:
«Во всемъ городѣ во Кіевѣ
«Нѣтъ такого молодца на Дуная Ивановича:
«Самъ себя женилъ, а дру́га подарѝлъ».
Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
— Ай же ты Дунай Ивановичъ!
— Не пустымъ ли ты Дунаюшка росхвастался?
— А и не долго я въ городѣ по́была,
— А много въ городѣ при́знала:
— Нѣтъ такого молодца на щепленьице,
— На щепленьице[1]) — Добрыни Никитича,

---

1) т. е. изящная походка и манеры, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

— А нѣтъ на смѣлость Алеши Поповича,
— А на выстрѣлъ нѣтъ Настасьи королевичной:
— А стрѣляла я стрѣлочку каленую,
— Попада́ла стрѣлкой въ ножечно́й острей,
— Розсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,
— Обѣ половинки ровны́ пришли,
— На взглядъ ровнаки и вѣсо́мъ ровны. —
И тутъ Дунаюшки ко стыду пришло,
Скажетъ Дунаюшка Ивановичъ:
«Ай же ты Настасья королевична!
«Поѣдемъ Настасьюшка въ чисто́ поле,
«Стрѣлять стрѣлочки каленыя».
И выѣхали во чисто́ поле:
И стрѣляла ёна стрѣлочку каленую,
И попада́ла стрѣлкой въ ножечно́й острей,
Розсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,
Обѣ половинки ровны́ пришли,
На взглядъ ровнаки и вѣсо́мъ ровны.
И стрѣ́лилъ Дунаюшка Ивановичъ;
Такъ разъ стрѣ́лилъ, пере́стрѣлилъ,
Дру́гой разъ стрѣ́лилъ, не до́стрѣлилъ,
И третій разъ стрѣ́лилъ, попасть не могъ.
Тутъ розсердился Дунаюшка Ивановичъ,
Наставилъ стрѣлочку каленую
Во Настасьины бѣлы́ груди.
Тутъ Настасья ему смолилася:
— Ай же Дунаюшка Ивановичъ!
— Лучше ты мнѣ-ка-ва при́грози три́ грозы,
— А не стрѣляй стрѣлочки каленыя;
— Первую грозу мнѣ-ка при́грози:
— Возьми ты плеточку шелковую,
— Омочи плетку въ горячу смолу
— И бей меня по нагу тѣлу;
— И другую грозу мнѣ-ка пригрози:

— Возьми меня за волосы за женскія,
— Привяжи ко стремены сѣдельному
— И гоняй коня по чисту́ полю;
— А третью грозу мнѣ-ка при́грози:
— Веди меня во улицу крестовую
— И копай по пе́рькамъ во сыру землю,
— И бей меня клиньямы дубовыма,
— И засыпь пескамы рудожелтыма,
— Голодомъ мори, овсомъ корми,
— А держи меня ровно три мѣсяца,
— А дай мнѣ-ка че́рево повы́носити,
— Дай мнѣ младенца поотро́дити,
— Свои хоть се́мена на свѣтъ спустить.
— У меня во черевѣ младенецъ есть —
— Такого младенца во градѣ нѣтъ:
— По колѣнъ ножки-то въ се́ребрѣ,
— По локо́ть руки-то въ золотѣ,
— По косицамъ частыя звѣздочки,
— А въ теми́ печетъ красно солнышко!
На эти онъ рѣчи не взираючись,
И спущаетъ стрѣлочку каленую
Во Настасьины бѣлы́ груди;
Пала Настасья на головушку;
Пласталъ ёнъ ёй груди́ бѣлы,
Вынималъ сердце со печенью,
У нея во черевѣ младенецъ есть,
Такого младенца во градѣ нѣтъ:
По колѣнъ ножки-то въ се́ребрѣ,
По локо́тъ руки-то въ золотѣ,
По косицамъ частыя звѣздочки,
А въ теми́ печетъ красное солнышко.
Тутъ самъ ёнъ на свои руки посе́гнулся.
Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай рѣка,

А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекала рѣчка Настасья рѣка.

Записано тамъ же, 3 іюля.

95.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 42).

Ходилъ-гулялъ добрый молодецъ по чисту́ полю,
Искалъ себи-ка поединщичка,
И находилъ ёнъ шестьдесятъ уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцевъ.
И сидятъ ёны во еди́н' кругу *(такъ)*,
Подѣляютъ они золоту казну,
Золотой казны сорокъ тысячей.
Проговоритъ удаленькій дородній добрый мо́лодецъ:
«Ай же вы уда́лыя дородни добры мо́лодцы!
«Дай-ко мнѣ-ка-ва золотой казны малый жеребе́ечекъ».
А проговорятъ вси удалыи добры мо́лодцы:
— А голяцокъ-то дородній добрый мо́лодецъ!
— Не можешь ты нажить себи золотой казны. —
Показалось это слово за досаду за обиду за великую,
Ухватилъ енъ черлиный *(такъ)* вязъ,
Ударилъ черлинымъ вязомъ по сырой земли;
Отъ того удару молодецкаго
Мать сыра земля всколыбалася,
Добрыи молодцы испугалися,
По чисту́ полю розбѣжалися,
Оставили золоту казну,
Золоту казну сорокъ тысячей.
Взялъ онъ золоту казну,
Пошолъ во каменну́ Москву,
Приходилъ на царевъ кабакъ,

Поилъ пьяницъ а голей кабацкіихъ:
«Пейте пьяницы голи́ кабацкіи,
«Не пропить моей золотой казны».
А пригодилися служки монастырскіе,
Доносили императорскому величеству
Петру Алексѣевичу;
И сталъ его императорско величество,
Петръ императоръ Алексѣевичъ,
Сталъ его допрашивать:
— Скажи, скажи удаленькой дороднiй добрый мо́лодецъ!
— Былъ ли ты красть мона́стыря Румянцева? —
Такъ этотъ удаленькой добрый молодецъ прого́воритъ:
«Петръ императоръ Алексѣевичъ!
«Я не былъ красть мона́стыря Румянцева,
«А ходилъ гулялъ по чисту́ полю,
«А искалъ себи-ка поединщичка
«И находилъ во чисто́мъ полѣ:
«А сидятъ они во един' кругу
«И подѣляютъ они золоту казну,
«И золотой казны сорокъ тысячей;
«И просилъ я у нихъ золотой казны
«Хотя малаго жеребеечка.
«А они говорятъ удалы мо́лодцы:
««Голяцокъ-ты дороднiй добрый молодецъ!
««Не можешь ты нажить себи золотой казны!
«Показалось мнѣ это слово за досаду за обиду за великую:
«Ухватилъ я черлиный вязъ,
«Ударилъ черлинымъ вязомъ по сырой землѣ;
«Отъ того удару молодецкаго
«Мать сыра земля всколыбалася,
«Добрыи молодцы испугалися,
«По чисту́ полю розбѣжалися,
«Взялъ я золоту казну,
«Пошолъ въ каменну́ Москву».

И проговóритъ Петръ императоръ Алексѣевичъ:
— Ай же ты удаленькой дороднiй добрый мóлодецъ!
— Ходи-гуляй по чисту́ полю
— И стой за вѣру христiанскую! —

Записано тамъ же, 3 iюля.

96.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 18).

Собиралося сорокъ калѣкъ со калѣкою,
А самъ-то атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ,
А собиралися калѣки на зеленый лугъ,
А садились калѣки во единый кругъ,
Думали они думушку-ту добрую
А совѣты совѣтуютъ хорошiе,
А итти оны ко городу Еросóлиму,
Ко святой святынѣ помолитися,
Господнему гробу приложитися.
А оны положили заповѣдь великую:
«А кто обворуется и кто облядуется,
«Того бить клюха́мы каличьима,
«Тянуть языкъ вонъ со темено,
«И копать очи ясныя косицамы,
«А копать того во сыру землю по бѣлы́мъ грудямъ».
И пошли они, — котомочки бархатны,
Изъ чернаго бархата заморскаго,
И повышпли краснымъ золотомъ,
И повысадили скатнымъ жемчугомъ;
У котомочекъ лямочки семи шелковъ;
На ножкахъ сапожки турецъ-сафьянъ,
А не простого сафьяну заморскаго;

На головушкахъ шляпы земли Греческой.
А клюшья у калѣкъ-тыхъ рыбья кость,
И взяли они-ко по камешку Антáвенту.
А скоро калѣки въ походъ пошли;
А въ день идутъ по красному по солнышку,
Ночь идутъ по камешку Антáвенту;
А будуть они на чистó поле,
И садилися они во единый кругъ,
Думали думушку добрую,
А совѣты совѣтують хорошіе:
А зайти ко городу ко Кіеву
А ко князю ко Владиміру
Поѣсть, попить, хлѣба покушати.
И приходили ко городу ко Кіеву,
И закрычали калѣки громкимъ голосомъ:
««Свѣтъ надежда князь Владиміръ стольно-кіевской!
««А пошли мы ко городу къ Еросóлиму,
««А зашли ко городу ко Кіеву,
««А поѣсть, попить, хлѣба покушати»».
А тая-то побѣда [1]) учинилася,
А князя дома не случилося;
А выходила Опракса королевична,
Бьетъ челомъ поклоняется:
«Ай же вы калѣки перехожіе!
«Пойдите во столову богатырскую,
«И дамъ вамъ ѣствушку сахáрнюю
«И дамъ питьицевъ медвяныихъ, —
«Ѣшьте досыти, пейте вы дóлюби!»
Приходили во столову богатырскую;
Подавали имъ ѣствушку сахáрнюю
И дали питьицевъ медвяныихъ;
Ѣли они досыти, пили долюби,

---

1) Т. е. бѣда.

И много они благодарствуютъ:
««Благодарствуешь, княгина Опракса королевична,
««За хлѣбъ за соль, за всѣ кушанья»».
Дарила ихъ Опракса королевична
Чистымъ сéребромъ краснымъ золотомъ,
А самого-то атамана скатнымъ жемчугомъ.
А прогóворитъ Опракса королевична:
«Ай же ты атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ!
«А пожалуй-ко во спальну во теплую:
«Есть молвить я словечушко тайное».
Проходили во спальну во теплую,
А садились на кроваточку тесовую;
И прогóворитъ Опракса королевична:
«Ай же ты атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ!
«А сдѣлаемъ любовь со мной великую».
А й да прогóворитъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ:
— А какъ пошли мы ко городу Еросóлиму,
— Положили мы заповѣдь великую:
— «Кто обворуется, облядуется,
— «Бить того клюхами каличьима,
— «И копать очи ясныя косицамы,
— «А тянуть языкъ со теменю
— «И копать во сыру землю по бѣлы́мъ грудамъ». —
Эты ей рѣчи не слюбилися,
А бѣжитъ скорехонько въ особливъ покой,
А хватала чашу княженецкую
И кладывáла въ переплеты калѣчьіи.
А скоро вѣдь калѣки въ походъ пошли,
Выходили они на чистó поле,
Садились калѣки во единый кругъ,
И тутъ калѣки поросхвастались:
«Были мы въ городѣ во Кіевѣ,
«Пили, ѣли, хлѣба кушали
«А дарила Опракса королевична,

«А дарила насъ чистымъ се́ребромъ,
«Дарила насъ краснымъ золотомъ,
«А самого атамана скатнымъ жемчугомъ».
И прого́воритъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ не кому!»
А повыскочитъ Чурилушка сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду-то я ко кругу калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я вѣдь чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ къ кругу-то калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
А говоритъ онъ да не съ упадкою;[1])
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли вы чашу княженецкую....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калѣки на рѣзвы́ ноги,
А какъ ему штаны бархатны оттыкали,
И жопу ему клюхамы натыкали;
А прого́ворятъ калѣки перехожіе:
«Пойди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую
«Князю Владиміру, Опраксѣ королевичной».
А приходитъ Чурила сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Прого́воритъ Опракса королевична:

1) Безъ боязни.

«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
А повыскочитъ Алеша Поповичъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична?
— Пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ ко кругу калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
И говоритъ не съ упадкою:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли чашу княженецкую . . . .
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Какъ скочили калѣки на рѣзвы́ ноги
И ему штаны бархатны оттыкали,
Наклéскали жопу долонямы:
«Поди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую».
И приходитъ ко городу ко Кіеву:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Прогóворитъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
Повыскочитъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу чашу княженецкую. —
И приходитъ ко кругу калѣчьему,

И бьетъ челомъ, покланяется:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли, пили, хлѣба кушали;
— У насъ чаша княженецкая затерялася:
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите чашу княженецкую. —
Сдѣлали обыски великіе,
Отыскали чашу княженецкую
У атамана-то Ѳомы Ивановича
Въ переплетахъ калѣчіихъ;
Какъ отыскали чашу княженецкую,
И били его клюхамы каличьима,
А копали очи ясныя косицамы,
И тянули языкъ вонъ со теменю,
А копали въ сыру землю по бѣлы́мъ грудямъ
А били клиньями дубовыми;
А пошли-то калѣки ко городу Еросо́лиму.
А за ихъ за неправду великую
Напустилъ Господь темень на ясны́ очи:
И пошли они калѣки не дорогою,
А ходятъ они по чисту́ полю не дорогою,
Не дорогою, бездорожицей.
А за его правду великую
Послалъ Господь съ небеси двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы́ груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу́ лицу.
И пошолъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ по чисту́ полю,
И ходятъ калѣки, кричатъ по чисту́ полю,
Не дорогою ходятъ, бездорожицей.
Закричалъ Ѳома сударь Ивановичъ:
«Ай же вы калѣки перехожіе!
«Что же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
И кричатъ всѣ калѣки громкимъ голосомъ:

«Ай же ты Өома сударь Ивановичъ!
«За твою за правду великую
«А вложилъ Господь тебѣ душеньку въ бѣлы груди,
«А приставилъ очи ясныя ко бѣлу́ лицу;
«А за нашу за неправду великую
«Напустилъ темень на ясны́ очи».

Записано тамъ же, 4 іюля.

97.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

(См. Рыбникова, т. I, 78).

Жилъ былъ у батюшки единый сынъ,
Во дрокушкѣ [1]) былъ у матушки
И по люби былъ у батюшки.
Похотѣли отецъ съ матушкой
Пожениться уда́лому доброму мо́лодцу;
И поженили отецъ съ матушкой
Не въ простомъ мѣсти, а въ богатоемъ:
«Приданаго много, — человѣкъ худой;
«А не съ кѣмъ будетъ жить да быть,
«Думу думати, долгіе вѣки коро́тати.
«Приданому будетъ висѣть на грядочки,
«А цвѣтну платьицу на грядочки,
«И на грядочки, на гвоздики,
«А худой жены на моей руки».
Отдалялся загулялся добрый молодецъ,
Загулялся въ хоробру́ Литву,
Задался добрый молодецъ къ королевскому величеству,
Задался королевскому величеству на двѣнадцать лѣтъ,

---

1) Т. е. въ баловствѣ.

Зачалъ жить быть, вѣкушку коро́тати.
День по день и недѣли по недѣлѣ и го́дъ по годъ
Прошло времячко ровно двѣнадцать лѣтъ.
Стосковался, сгорѣвался, шолъ на царевъ кабакъ
И пилъ винца кабацкаго;
Ударила хмѣлина кабацкая.
Тутъ добрый молодецъ поросхвастался:
«Король-тотъ меня жалуетъ,
«Королевна душка красна дѣвушка Аннушка».
«Во люби держитъ меня у сердечушка».
Пригодилися слуги королевскіе,
Доносили королевскому величеству такія рѣчи похвальныя,
Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ.
Воспылался королевское величество
На уда́лаго дородня добра молодца:
— Ай же слуги вы королевскіе,
— Палачи вы немило́сливы!
— Подите скуйте ему ножки рѣзвыя,
— Завяжите ручки бѣлыя,
— Закройте очи ясныя черно́й тафтой,
— Сведите его на чисто́ поле,
— Рубите казните буйну голову,
— За эти за рѣчи за похвальныя. —
Шли слуги королевскіе,
Сковали ножки рѣзвыя,
Связали ручки бѣлыя,
Завязали очи ясныя черно́й тафтой
И повели его удалаго дородня добра мо́лодца
Во чисто́ поле на казень смертную.
Онъ прого́воритъ удалый добрый мо́лодецъ:
«Ай же вы слуги королевскіе,
«Палачи вы немило́сливы!
«Возьмите у меня денегъ пять рублей,
«Ведите помимо полату королевскую,

«Мимо тое окошечко косявчето,
«Дайте мнѣ-ка волюшку попроститися
«Съ душкой красною дѣвушкой,
«Со Аннушкой королевичной».
Взяли его денежекъ пять рублей,
Повели мимо полату королевскую
И мимо окошечко косявчето.
Крычитъ дороднiй добрый мóлодецъ
Громкимъ голосомъ во всю голову:
«Прости, прости душка красна дѣвушка Аннушка!
«Повели меня на казень смертную!»
Услышала душка красна дѣвушка Аннушка
Его громкаго голоса,
Кидалася въ окошечко по поясу,
Крычала зычнымъ *(такъ)* голосомъ:
— Ай же вы слуги королевскiе,
— Палачи немилóсливы!
— Ведите вы его въ палату королевскую, въ покои особливые;
— Стану добра молодца допрашивать. —
Приводили его въ полату королевскую,
Въ полату королевскую, въ покои особливые.
Стала душка красна дѣвушка Аннушка
Его удалаго дородня добра мóлодца допрашивать:
— Скажи, скажи удаленькiй дороднiй добрый мóлодецъ:
— Жилъ ты былъ у моего батюшки двѣнадцать лѣтъ,
— Вѣрой жилъ, правдой жилъ, неизмѣной жилъ,
— За что топеричу мой батюшка на тебя прогнѣвался? —
Прогóворитъ удаленькiй дороднiй добрый мóлодецъ:
«Жилъ былъ у твоего батюшки двѣнадцать лѣтъ,
«Вѣрой жилъ, правдой жилъ, неизмѣной жилъ;
«Стосковался сгоревался добрый молодецъ,
«Такъ шолъ на царевъ кабакъ
«И пилъ вина кабацкаго,
«Ударила хмѣлина кабацкая;

«Тутъ-то я поросхвастался:
««Король-тотъ меня жалуетъ,
««Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
««Во люби держитъ меня да у сердечушка».
Скажетъ душка красна дѣвушка Аннушка:
— Ай же слуги королевскіе,
— Палачи немило́стивы!
— Возьмите у меня денегъ пятьдесятъ рублей,
— Роскуйте ему ножки рѣзвыя,
— Розвяжите ручки бѣлыя,
— Откройте ему очи ясныя,
— И спустите его на свою̀ волю.
— На свою родиму на сторонушку,
— Ко своему къ отцу ко матери,
— Ко своёй жены неудачливой. —
И взяли у ёй денегъ пятьдесятъ рублей,
Расковали ножки рѣзвыя,
Развязали ручки бѣлыя,
Открыли очи ясныя,
И спустили его на свою́ волю,
И пошолъ на свою родимую сторонушку;
И дала душка красна дѣвушка Аннушка
Ему денегъ ровно семьсотъ рублей.
Во тою пути во дороженьки
Проходило три дороженьки:
Первая дорожка къ отцу къ матери,
И дру́гая дорожка къ роду племени,
А третья дорожка къ молодой жены.
И тутъ-то добрый мо́лодецъ пороздумался:
«Въ котору мнѣ дорожку пойти будетъ?
«Пойти мнѣ въ дорожку къ отцу къ матери,
«Отца матери можетъ живаго нѣтъ;
«А пойти какъ къ роду племени,
«Не познаетъ родъ племя любимое».

Пошолъ дородній добрый мо́лодецъ
Къ молодой жены неудачливой.
Въ этой пути во дороженьки
Приходила полата бѣлокаменна;
Столбички точеные, а повыше рукъ золоченые,
Обиты окошечки куницамы, лисицамы
И дорогими соболями заморскима;
Играетъ на улицы два юноша малыихъ:
«Ай же вы юноши малые!
«Есть ли у васъ родима матушка,
«Есть ли у васъ ро́дный батюшка?»
Прого́ворятъ юноши малые:
— Ай же ты нашъ дядюшка!
— Есть у насъ родима матушка,
— Осталась отъ батюшка беременна
— А принесла насъ два юношей малыихъ;
— А нашъ батюшка въ гульбу ушолъ,
— Двѣнадцать лѣтъ да слыху нѣтъ. —
Захваталъ ихъ ручкамы бѣлыма,
Цѣловалъ во уста во саха́рніи:
«Ай же вы юноши малые!
«Я вамъ не дядюшка, ро́дный батюшка,
«Подите скажите своей родимой матушкѣ:
««Нашъ, скажите, батюшка съ гульбы пришолъ»».
Скакали бѣжали два юноши малые:
— Ай же ты родимая матушка!
— Нашъ батюшко съ гульбы пришолъ. —
Бѣжитъ молода жена неудачлива:
— Ай же ты милая моя ладушка,
— Крѣпкая здержавушка!
— Поди въ полату бѣлокаменну,
— Полно по чужой сторонушкѣ шататися! —

Записано тамъ же, 4 іюля.

XVIII.

ТЕРЕНТІЙ IЕВЛЕВЪ.

Терентій Іевлевъ, крестьянинъ съ Волкострова, Кижской волости, лѣтъ съ небольшимъ 50-ти, высокаго роста, богатырскаго тѣлосложенія, съ благообразнымъ лицомъ, русый, съ большою рыжею бородою. Внукъ Ильи Елустафьева, отъ котораго Рябининъ и Романовъ учились былинамъ. Сынъ этого Елустафьева, Іевъ, отецъ Терентія, вовсе не перенялъ отъ своего родителя знанія былинъ, потому что ему недосугъ былъ, онъ сѣлъ на «крестьянство» и занялся имъ исключительно. Дѣдъ, напротивъ того, живя не въ ладахъ съ сыномъ, мало занимался крестьянствомъ, а больше ходилъ по людямъ, работая разнаго рода рыболовныя снасти. При этомъ онъ часто бралъ съ собою мальчика Терентія, и внукъ удержалъ въ памяти кое-что изъ пѣсенъ, которыми старикъ сопровождалъ свою работу. Но по малолѣтству онъ могъ «понять» только малую часть того, что зналъ дѣдъ (Елустафьевъ умеръ, когда внуку было около 10 лѣтъ), и потомъ, наслѣдовавъ отцу въ крестьянствѣ, онъ не имѣлъ времени распѣвать былины, и онѣ заглохли въ его памяти. Терентій считается весьма исправнымъ домохозяиномъ и очень уважается. Онъ извѣстенъ былъ г. Рыбникову, который лично записалъ былины съ его словъ.

98.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 1).

Микулушка Селя̀ниновичъ
Была у него кобыла Подыни-голова́.
Какъ тутъ Микулушка оралъ да махалъ,
А ёнъ сосонки да ёлки въ борозду валилъ,
А ёнъ ржи-то напахалъ да домой выволочилъ,

Домой выволочилъ да дома вымолотилъ,
А ёнъ пива накурилъ, да гостей назвалъ.
Стали пиво пить да все Микулушку хвалить:
«А тебѣ было Микулушкѣ орать да пахать,
«Да тебѣ Микулушкѣ крестьяновать!»

Былъ онъ Микулушка въ городи во Кіевѣ,
А ёнъ вывезъ-то соли оттуль два́ мѣха,
Въ который мѣхъ походитъ пудовъ по со́року.

(Больше не помнитъ).

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

99.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ И ТУГАРИНЪ ЗМѢЙ.

Какъ Олешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ
Ёнъ на да́лечи дале́чи на чисто́мъ поли
Да ѣдетъ-ка тутъ Олешенька да и на добро́мъ конѣ,
Да какъ видитъ-то онъ Тугарина невѣрнаго,
Высоко летитъ Тугаринъ, близъ подъ о́блакой,
Какъ тутъ Олешенька спустился-то съ добра́ коня,
Да какъ ставился Олеша на востокъ лицёмъ,
Да онъ молится тутъ Господу святителю:
«Дай-ко ты Господи дождичка частаго да и мелкаго,
«Чтобы омочило у Тугарина бумажны крыльиця,
«Спустился бы Тугаринъ на сыру́ землю,
«Да какъ мнѣ было съ Тугариномъ посъѣхаться».
Да и по Олешенькину тутъ моленію,
Какъ по Божьему-то по велѣнію,
Наставала тученька-та темная
Съ частыимъ дождичкомъ да съ молніей,
Омочило у Тугарина бумажныя крыльица,

Спустился тутъ Тугаринъ на сыру̀ землю.
Да какъ ѣдетъ-то Тугаринъ на добро́мъ конѣ,
На добро́мъ конѣ да по сырой землѣ,
А идетъ Олешенка къ нему на стрѣ́тушку.
Какъ тутъ Задолище *(такъ)* поганое
Замахнулся онъ кинжаломъ-то булатныимъ,
Что срубить Олешѣ буйну голову;
Да какъ былъ Олешенка восте́ръ собою̀,
Завернулся онъ за ту гриву лошадиную,
Промахнулся тутъ Тугаринъ-тотъ невѣрный,
Ушло съ рукъ кинжалище булатное,
Ушло въ землю̀ до че́реня.
Какъ былъ Олешенка восте́ръ собою̀,
Повывернулся тутъ онъ зъ-за гривы лошадиноѣй,
Енъ ударитъ своей палицей военноей Тугарина,
Своротилось глави́ще на праву̀ страну,
А 'ще тулово да на лѣвую.
Беретъ Олешенка Поповичъ сынъ Ивановичъ
Кинжалище булатное,
Воткнулъ онъ въ буйную голову, —
Не можетъ енъ глави́ща на плечо поднять,
Закрычалъ онъ своимъ зычнымъ жалкимъ голосомъ:
«Ужъ вы служки панюшки, вѣрны нянюшки *(такъ)*!
«Подсобите-ко главище на плечо поднять».
Подбѣжали служки панюшки, вѣрны нянюшки,
Подсобили главище на плечо поднять.
Несётъ онъ тутъ къ своему добру̀ коню,
Привязалъ онъ желтыма волосочкамы
Ко тымъ стремянамъ да лошадиныимъ,
Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
Подъѣзжаетъ онъ ко городу ко Кіеву,
Крычитъ онъ да во всю голову:
«Ай же вы бабы портомойницы!
«Я привезъ-то вамъ буци́ще со чиста́ поля, —

«Вы хоть платье мойте, а хоть зо́лу варите,
«Хоть всимъ городомъ срать ходите».

Записано тамъ же, 6 іюля.

100.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ Добрынюшка-то своей матушкѣ говаривалъ:
«Ай же моя матушка да ты родимая!
«На что же меня несчастнаго да и споро́дила,
«Не во своего государя свѣта батюшка,
«Да не въ сильняго могучаго бога́тыря,
«Да й не въ купца гостя̀ торговаго?
«Когда же ты меня да поотро́дила,
«Свертѣла ты бъ меня въ камо́чку во крупчатую,
«Снесла бы ты меня да край синя́ моря,
«Спустила бъ ты меня да на святу́ воду,
«Такъ шолъ бы я туды на са́мо дно,
«Лежалъ бы и да й мѣсто камешка самоцвѣтнаго;
«Буйны бъ вѣтрушки тамъ на меня не вѣяли,
«Добры бъ людушки тамъ про меня не баяли.
«Какъ нонечку-таперечку посылаетъ меня солнышко,
«Солнышко Владиміръ князь да столенъ кіевской
«Во ту да въ матушку въ каменну̀ Москву,
«Во каменну́ Москву да въ хоробру́ Литву
«За той меня за данью да за почлиной.
«Розстояньице туда есть полномѣрное,
«Житье туды есть все невѣрное.
«Но когда я ту́ды съѣзжу, когда здѣсь буду,
«Бывать ли мнѣ на родѝмой на сторонкѣ, аль не бывать,
«Видать ли мнѣ родимая сторонушка, аль той не́ видать».
Идетъ ли тутъ Добрынюшка да й на широкой дворъ,

Енъ сѣдлаетъ да уздае́тъ коня добраго.
Говоритъ ли тутъ честна̀ вдова Офимья Олександровна,
Да ко сво́ей тутъ она невѣстушки:
— Ай же ты моя невѣстушка!
— Поди-тко ты да й на широкой дворъ,
— Спроси-тко ты у своего да богосу́женаго:
— Куда онъ поѣзжаетъ, куда путь держитъ,
— Когда онъ оттуль будетъ, когда ждать велитъ? —
«Ай же ты молода жена Настасья дочь Микулична!
«Когда ты у меня поспро́сила:
«Перво три́ году ты по́жди ме́не за́ меня,
«А 'ще друго три по́жди ме́не за́ себя, —
«Пойдетъ ли того времечки шесть лѣтъ назадъ,
«Да за тое шесть и другое шесть,
«Да тутъ сполнится вѣдь времечки двѣнадцать лѣтъ,
«Буду живъ такъ я здѣсь буду,
«А живъ не́ буду, такъ и ждать некого.
«Да еще я тутъ тебя пона́кажу:
«Какъ послѣ моего биваньица
«Хоть заму́жъ поди, хоть вдовой живи,
«Хоть ты за́ князя поди, хоть за боярина,
«Хоть за сильнаго могучаго за бога́тыря,
«Столько не ходи за смѣлаго за Олешеньку за Поповича,
«Какъ Олешенка Поповичъ названый братъ, да мнѣ-ка ме́ньшой братъ,
«А я Олешенкѣ-то есте бо́льшой братъ».
Какъ садился тутъ Добрынюшка да на добра коня,
Тутъ вид'ли добраго-то молодца сядучи,
Не вид'ли со двора его поѣдучи.
Со двора-то онъ поѣхалъ не воротами,
Въ чисто́ полюшко поѣхалъ не дорогою.
Идетъ-то тутъ честна̀ вдова Офимья Олександровна
Во свои во покои во любимыи,
Садилась она на брусову бѣлу лавочку,

Глядитъ она на да́лече дале́че на чисто́ поле,
Ена горькима слезами да обливается,
Полотнинымъ рукавцемъ поотирается,
Сама говоритъ да таково слово:
— Закатилося сугрѣвное меже́нное те́плое красное солнышко
— За лѣсушки да темныи, за горушки да высокіи,
— За мхи, за озера за широкіи.
— Столько свѣтитъ на́ меня теперечку свѣтёлъ мѣсяцъ, —
— Осталася со мной невѣстушка молода Настасья дочь Микулична. —
Да тутъ годъ по годъ бывъ трава ростетъ,
Да какъ три-то прождала мене за̀ меня,
А 'ще три-то года прождала мене за́ себя,
Тутъ прошло ли того времечки шесть лѣтъ назадъ;
За тое шесть прождала да и другое шесть.
Какъ сполнилось тутъ времечки двѣнадцать лѣтъ,
Да приходитъ съ поля вѣсточка нерадостна:
Какъ на да́лечи дале́чи на чисто́мъ полѣ
А й лежитъ Добрынюшка да на сыро́й земли,
Сквозь бѣлы груди копьемъ проко́лото,
Тутъ на верху выросла вѣдь травонька шелковая,
Росцвѣли цвѣточики лазуревы.
Какъ сталъ ли тутъ Олешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ
Ёнъ подхаживать, подсватывать да подговаривать,
Да и подбили тутъ Настасью съ ума разума.
Заводили они свадебку почестный пиръ,
Не на мало не много на двѣнадцать дёнъ.
Какъ со да́лечи дале́чи со чиста́ поля
Наѣзжаетъ тутъ дѣтинушка залѣщанинъ,
Залѣщанинъ да деревѐнщенинъ
Да ко той Офимьѣ Олександровнѣ,
Онъ вѣдь прямо ѣдетъ на широкой дворъ,
Да розмахивалъ воротца-ты на́ пяту,
Не спрашивалъ онъ ни придворничковъ ни придверничковъ,

Ни придверничковъ ни приворотничковъ,
Да й розмахивалъ воротца-тыи на́ пяту,
Да ёнъ ставилъ тутъ коня да середи двора,
Не привязаннаго́ да и не приказанаго.
Идетъ ли дѣтинушка во рингу *(такъ)* княжецкую,
Да ёнъ крестъ несетъ да й по писа́ному,
Енъ поклонъ ведетъ да по уче́ному.
Какъ тутъ говоритъ честна́ вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревенщенинъ!
— Наступаешь ты на мой да на вдовиной дворъ,
— Донесу я князю-то Владиміру,
— А й засадитъ ёнъ тебя да во глубо́къ погрёбъ. —
«Ай же ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Какъ гдѣ-то у тебя невѣстушка,
«Молода жена дочь Микулична?»
— Какъ пришла шишла̀[1]) ёна заму́жъ пошла
— За того за смѣлаго Олешеньку да за Поповича. —
«Да ёна̀ вѣдь не вдова, да е́сте му́жняя жена:
«Я да́лече на чисто́мъ поли
«Я видѣлъ Добрынюшку на добро́мъ конѣ,
«Я третьёго дни съ Добрынюшкой порозъѣхался,
«Тебѣ правлю поклонъ да челомъ-би́тьице
«Отъ того Добрынюшки Микитича».
А тутъ стала вѣдь вдова да рада весела.
Какъ еще Добрынюшка тутъ матушкѣ наказывалъ,
Какъ спустилась бы она да во глубо́къ погрёбъ,
Розвертѣла бы камочку-ту крупчатую,
Подала бы мнѣ платьица-ты цвѣтныи, —
Пошолъ бы я на нихъ на́ пиръ на смѣре́ную на свадебку.
Положилъ-то ёнъ гусёлу́шки яровчаты подъ праву́ полу,
Пошолъ на нихъ на́ пиръ на смѣре́ную на свадебку,

---

1) На вопросъ, что̀ это значитъ, пѣвецъ отвѣчалъ, что «такъ поется», что это значитъ «фантазія».

Приходитъ онъ во рингу княженецкую,
Ёнъ крестъ несетъ да й по писáному,
А и поклонъ ведетъ да по учéному,
Да ёнъ на вси на три на четыре на сторопушки,
Да ёнъ князю-то Владиміру поклонъ несетъ въ особину,
Новобрачному да съ новобрачноёй.
Говоритъ ли тутъ Владиміръ князь да столенъ кіевской:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревенщенинъ!
— Что же ты пóдолгу долгаешься,
— Пóтиху па смѣреную на свадебку наряжаешься?
— Тóперь вси-то éсте мѣста да перезаняты
— Подъ князьямы да подъ боярамы,
— Вси сидятъ, ѣдятъ да хлѣба кушаютъ,
— Какъ надобно итти да во Божью́ церковь
— Намъ ставить молодыхъ подъ златы́ вѣнци.
— Столько просто одно мѣстечко да скоморошное
— На той на печи па земля́ноей. —
Поскочилъ дѣтинушка залѣщанинъ да и деревенщенинъ
Енъ на ту на печку на земляную,
Положилъ гусёлышка на свои колѣна молодецкія,
Учàлъ почàлъ во гуселышка выигрывать,
То играетъ онъ отъ Царя́града,
Выпѣваетъ онъ отъ Еросóлима.
Этто всѣма-та игра да прилюбилася;
Наливалъ тутъ чарочку зеленá вина
Владиміръ князь да столенъ кіевской,
Подливалъ онъ-то и медку сладкаго,
Да скрычалъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревенщенинъ!
— Спустись-ко ты со печки со земляноей,
— Выпей выкушай чару да зелена вина. —
Ёнъ спустился-то со печки со земляноёй,
Выпилъ выкушалъ чару да зеленá вина,
Поскочилъ па печку на земляную,

Учàлъ почàлъ во гуселышка выигрывать,
Играетъ-то онъ отъ Царяграда,
Выпѣваетъ онъ отъ Еросóлима.
Этто всѣмъ-та игра да прилюбиласе,
Они-то всѣ да порозслухались.
Наливалъ онъ князь Владиміръ столенъ кіевской чару зеленá вина,
Подливалъ онъ въ чару медку сладкаго,
Вскричалъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревенщенинъ!
— Спустись-ко ты со печки со земляноей,
— Выпей выкушай чару да зеленá вина.
— Да какъ перво мѣстечко теби возлѝ меня,
— А 'ще дру̀го мѣсто супротивъ меня,
— А еще третье мѣстечко гди по разуму,
— Хоть самъ ты пей, хоть кому любо тому пóдноси. —
Наливалъ онъ чарочку зелена вина,
Подливалъ ёнъ въ чару медку сладкаго,
Да снялъ-то онъ съ правой руки злаченъ перстень,
А спустилъ-то ёнъ въ чару да въ зеленó вино,
Подносилъ-то онъ Настасьѣ да Микуличной,
Да ёнъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Какъ выпьешь чарочку до дна, такъ увидàшь добра,
«А не выпьешь чарочки до дна, такъ не видать добра».
А какъ чарочку-то онà какъ вы́футкала[1]) да выкушала.
Прокатилося къ нёй къ устамъ золоченъ перстень.
Беретъ она ручкой лѣвою, надѣваетъ на ручку на правую,
Сама говоритъ да таковы слова:
— Какъ не тотъ мой мужъ, который сидитъ подлѝ меня,
— А тотъ мой мужъ, который стоитъ супротивъ меня. —
Какъ идетъ Добрынюшка въ большой уголъ,

---

1) Іевлевъ не могъ объяснить точнаго значенія этого слова и сказалъ только, что «такъ поется».

Онъ беретъ Олешеньку за желты́ кудри,
Да й повыхватилъ на рингу княженецкую;
Ёнъ ударитъ-то Олешеньку да о кирпиченъ полъ,
Его хочетъ переправить а 'ще и другой разъ
Какъ былъ у нихъ-то вѣдь саро́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Захватилъ его за пле́чка за могучія,
Онъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Не убей-ко за напрасницу богатыря,
«Хоть онъ силой-то не си́ленъ, да напу́скомъ смѣлъ».
Беретъ-то ёнъ ю за ручку за правую,
Беретъ ю своей ручкой лѣвою,
Енъ крестъ несетъ да й по писа́ному,
Енъ поклонъ ведетъ да по уче́ному,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Поворотился ёнъ со ринги съ княженецкоей,
Повелъ ю во свои покои во любимыи,
Зовётъ-то ёнъ дружину всю хоробрую:
— Пойдемъ-ко со мной во покои во любимыи,
— Стану я годи́ны имянины вси выправливать,
— Вси выправливать за двѣнадцать лѣтъ. —

Записано тамъ же, 6 іюля.

101.

КАЛИКА-БОГАТЫРЬ.

Какъ съ-подъ ельничку да съ-подъ березничку,
Да съ-подъ частаго молодаго съ-подъ олешничку,
Выходилъ каликушка не маленькій.
На ногахъ лапо́тики-тѣ у него семи шелковъ,
Не простыхъ шелковъ да самошинскіихъ;
Какъ въ косы-тѣ заплетено было по камешку,
По камешку по самоцвѣтному,

Что-ль не для-ради красы басы,
Для ради крѣпости богатырскоёй,
Чтобы свѣтло было итти по ты́мъ путямъ,
По широкимъ путямъ по дороженкамъ.
О костыль каликушка опиралаєи,
Высоко каликушка поднималаси,
Поднялся тутъ каликушка поповыше лѣсу стоячаго,
Поднялся тутъ каликушка попониже оболочка ходячаго,
Прискакалъ каликушка ко Пучай-рѣчкѣ,
Немала рѣчка — триста пятьдесятъ.
На тыхъ поляхъ да па Кули́ковыхъ,
На тыхъ лугахъ да на зеленыихъ,
Тамъ не облачко да призаси́нѣло,
Тамъ не ро́щица да бере́зовая,
Силушка стоитъ да городо́вая,
Силушка стоитъ армія.
О костыль каликушка опиралаєи,
Да й за рѣчку каликушка подпималаси.
Заскочила каликушка въ эту силу да городо́вую,
Заскочила каликушка въ эту армію:
Тутъ сорокъ царей сорокъ царевичевъ,
Сорокъ королевъ сорокъ королевичей,
Хоть мелкой-то силушкѣ и смѣты нѣтъ,
Но сидитъ ту́рчанка да богатырченка.
Какъ сталъ каликушка выспрашивать:
«Ты скажи турка̨ да не утай меня,
«Не утай меня да не сгуби себя:
«Куда-то эта силушка снаряжена?»
— Снарядилась эта силушка ко городу ко Кіеву,
— Хочетъ Кіевъ городъ да головнёй катить,
— А й добрыхъ коней да табунами брать,
— Красныхъ дѣвушекъ во полонъ взымать,
— А старыхъ людей да на огни сожгать. —
Тутъ взялъ его каликушка за желты́ кудри,

Помахнулъ каликушка на свой помахъ,
Да й пустилъ его да й до сырóй земли;
Лопнула у турки коженка
Съ гузнà да й до головушки.
О костыль каликушка да й опиралаcи,
Высоко калика поднималаси.
Поднялся тотъ каликушка поповыше лѣсу стоячаго,
Поднялся тотъ каликушка попониже оболочка ходячаго,
Прискакалъ ко городу ко Кіеву,
Онъ въ Кіевъ градъ скакалъ да не дорогою,
Онъ въ Кіевъ градъ зашелъ да не воротами,
Черезъ ту башку́ *(такъ)* да наугольную,
Закрычалъ каликушка въ полголоса,
Владиміръ князь-тотъ съ ума сошолъ,
Княгина ходитъ роскаракою.
Какъ былъ у нихъ Добрынюшка Микитиничъ,
Похватилъ Добрынюшка черленый вязъ,
Какъ билъ каликушка да по головушкѣ,
Тутъ стоитъ каликушка — не стря́хнется,
Желты кудрушки да й не сворохнутся.
Какъ былъ у нихъ старóй казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да й сынъ Ивановичъ,
Онъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Ужъ вы глупыи неразумныи богáтыри!
«Не спѣши́лись бы-то каликушку бить бранить,
«Вы спѣшились бы каликушку кормить поить,
«Всякихъ новостей-то у него выспрашивать».
Наливалъ каликушкѣ чару да полтора ведра,
Подносилъ ему да единой рукой;
Выпивалъ каликушка да за единый духъ.
Они стали каликушку кормить поить,
Всякихъ новостей-тыхъ у него выспрашивать,
Сдѣлали во городѣ во Кіевѣ осторожности великіи.

Записано тамъ же, 6 іюля.

102.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т. II, 12).

Во стольномъ во городѣ во Кіеви,
Да и у ласкова князя у Владиміра,
Былъ-то вѣдь у него почѐстной пиръ;
А какъ всѣ-то на пиру были пособраны,
Всѣ были вси князи, вси бо́яре,
А всѣ сильни́ могучіи бога́тыри,
Да всѣ тутъ поляниченки уда́лыи.
Они всѣ были за столы посаженыи,
Всѣмъ были кушанья налаженыи,
Да какъ всѣ они сидятъ да пьютъ, хлѣба кушаютъ,
Потѣшаются да похваляются:
А какъ умный-отъ хвастаетъ отцемъ матерью,
А безумный-отъ хвастаетъ молодой женой,
А худой молодой неудацливой.
А какъ го́вори Владиміръ князь столенъ кіевской:
«А всѣ всѣ у мѐня были пожененыи,
«Вы вы были у меня повѣнчаныи,
«А единъ-то у васъ князь не женатъ,
«А Владиміръ князь столенъ кіевской.
«А вы знаете ли ему да вѣдаете ль ему супротивную?
«А была бы-то жена мнѣ хорошая:
«Ена ростомъ-тымъ да высокая,
«А и садо́мъ-тымъ она да садомитая *(такъ)*,
«А красой-то она да красови́тая,
«У нея кровь-то бы въ лици какъ у бѣлаго заяца,
«А какъ было бы то мнѣ-ка съ ней жить да и быть,
«А и долгій-отъ вѣкъ-то коро́тати,
«А 'ще было бы-то вамъ кому честь воздать,
«А 'ще было бы-то кому и поклонятися».
А тутъ всѣ за столомъ призамолкнули,

Всѣ за столомъ прiутихнули,
Да й никто никáкого словечка не вымолвитъ,
А еще большiи тулятся за средняго,
Среднiи тулятся за меньшаго,
А отъ меньшаго-то и отговору нѣтъ.
Да какъ вы́ходилъ Дунаюшко Ивановичъ,
А выходи́лъ-то изъ зáпечья,
А онъ пóдходилъ-то кó тому столу княженецкому,
Да енъ самъ говоритъ да таковы слова:
— А вѣдь знаю то бы я да вѣдь вѣдаю:
— Какъ дáлече далéче подъ сточнóй стороной,
— У того ли короля храбра Литскаго *(такъ)*,
— А какъ есть у него да двѝ дочери,
— А й двѣ дочери обѣ хорошiи,
— Только бóльшая дочи́ мало при́ доми живéтъ
— Она ѣздитъ во чистó поле поля́ковать;
— А какъ мéньша дочи́ всегда при́ доми, —
— А 'ще бóльшая Настасья королевична,
— А какъ мéньшая эта Опрáксимья.
— Опрáксимья эта королевична
— А й была бы то би жена да хорошая,
— Она ростомъ-тымъ да высокая,
— А и садóмъ-тымъ она да садомитая,
— А красой-то она да красовитая,
— У нея кровь то бы въ лици какъ у бѣлаго заяца,
— А какъ было бы-то тобѣ съ ней жить да и быть,
— А и долгiй-отъ вѣкъ-то корóтати,
— А 'ще было бы-то намъ кому честь воздать,
— А 'ще было бы-то кому и поклонятися. —
— «Ай же ты Дунаюшко Ивановичъ!
«А умѣлъ же ты теперечко повыхвастать,
«А умѣй-ко ты оттуль её повывести.
«Много ли туды ты силы́ возьмешь,
«Много ли возьмешь золотой казны?»

— А не надобно мни сила княженецкая
— И не надобно мни золотой казны,
— Да не биться тамъ мнѣ не ратиться;
— Столько дай мнѣ-ка-ва во товарищи
— Во товарищи Добрынюшку Микитича,
— А 'ще мнѣ-ка-ва двухъ жеребчиковъ неѣзжаныихъ
— Чтобы два сѣдла оба недéржаныи,
— Да вѣдь узды обѣ неýзданыи,
— Двѣ плеточки обѣ нехлы́станыи;
— Да пиши-тко ты ёрлыки о добромъ дѣлѣ о свáтовствѣ
— На той на дочéри на Опраксимьи,
— На Опраксимьи королевичной. —
А сѣдлали уздали добры́хъ коней,
Да и поѣхали ко матушкѣ къ каменнóй Москвы,
Къ каменной Москвы къ хороброй Литвы,
Ко тому ли королю храбро-литскому
А й о добромъ дѣлѣ о свáтовствѣ.
Пріѣзжаютъ-то оны въ хоробрý Литву,
И они ставили тутъ коней середи двора
Непривязанныхъ да неприказанныхъ,
Да поставилъ онъ товарища Добрынюшку Микитица,
Да онъ самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— А стой-тко ты на широкóмъ двори,
— Гляди-тко на рингу королевскую,
— Кáкова пора, каковó время,
— Чтобы можно намъ отсюль да поуѣхати. —
— А идетъ-то Дунаюшко Ивановичъ
Во тую во рингу королевскую,
Да онъ крест-отъ несетъ по писанному,
Да онъ поклон-отъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Да онъ кóролю несетъ поклонъ въ особину:

— Ужъ ты здравствуешь батюшко король да хороброй Литвы! —
«Ужъ ты здравствуешь Дунаюшко Ивановичъ!
«Ты куда ѣдёшь, куда пу́ть держи̇шь?
«А ты намъ послужить или себя́ показать?»
— А какъ вамъ послужить и себя́ показа̀ть,
— А 'ще другое дѣло есть больше всѣхъ:
— Я объ добромъ дѣлѣ объ сва́товствѣ
— На твоей да дочу́шкѣ Опраксимьи,
— На Опраксимьи на королевичной,
— Да й за нашего князя Владиміра. —
А какъ го́воритъ король хоробро́й Литвы:
«Ай же ты Дунаюшко Ивановичъ!
«А ты взялся за безумье за великое.
«Да какъ вашъ тотъ князь не вели̇къ собою,
«А 'ще ваши цари́ща уро́дливыи,
«Не отдамъ я своей дочери
«Да й за вашего князя Владиміра,
«А возьму ли я тебя за желты́ кудри,
«Посажу я тебя въ глубо́къ погрёбъ,
«А пусть-ко Дунаюшко у на́съ посиди́тъ,
«Да пусть-ко Дунай въ погребу́ погости́тъ,
«То что Дунай да и обумѣется».
Да какъ подходитъ Дунаюшко Ивановичъ
Ко́ тому столу да ко дубо́вому,
Енъ смахнулъ свои руки выше́ головы́,
Да пустилъ онъ до стола да до дубоваго.
А какъ пи́тья на столахъ пролива́ются,
А 'ще столъ въ щапьё приломается,
А и мать земля сколыбается,
Да какъ самъ онъ говоритъ таковы слова:
— Есть я здѣсь не оди́нъ собою̀,
— Да какъ есть-то я здѣсь со товарищемъ,
— Во товарищахъ Добрынюшка Микитиницъ. —

А какъ ко́ той ли поры ко тому времени
Да вѣдь скоро со двора тутъ послы пришли:
«Ужъ ты батюшка король хороброй Литвы!
«А ты ѣшь да пьешь, спотѣшаешься,
«А ты на́дъ собой незгодушки не знаешься.
«А какъ есть-то дѣтинка не зна́мъ собою̀,
«Во лѣво́й рукѣ водитъ два добра́ коня,
«А во право́й дубина сарацынская;
«Какъ ясно́й соколъ по́ двору попурхиваетъ,
«А вѣдь такъ-то онъ по двору поскакиваетъ,
«На всѣ стороны дубиной помахиваетъ,
«Такъ прибилъ-то всѣхъ татаръ до единаго,
«Не оставилъ онъ татаръ тебе на сѣ́мена».
«Такъ какъ говоритъ король хороброй Литвы:
— Ай же Дунаюшко Ивановичъ!
— Уйми-тко ты своего товарища,
— А какъ видно то дочу́шка Богомъ су́женая. —
Идетъ-ли Дунай на круто́й крылецъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Ай ты Добрынюшка Микитиницъ!
«Полно тебѣ теперь уродовать,
«А какъ есть-то намъ видно Божья́ помочь».
А какъ говорилъ король хоробро́й Литвы:
— Ужъ вы служки пані́ошки вѣрные нянюшки!
— Вы умойте убѣлите Опраксимью,
— Напушите-тко вы ёй да личко бѣлое,
— А умойте-тко вы ю бѣлешенько,
— Да сокрутите вы ю хорошешенько,
— Да веди-тко во рингу королевскую,
— Отпустить-то ее да на святую Русь
— А й въ замужество за князя Владиміра. —
Да беретъ-то Дунаюшко Ивановичъ,
А беретъ-то своей ручкой лѣвою
За ней-то за ручку за правую,

За ней-то за перстни злаченыи,
А онъ крест-отъ ведетъ по писа́ному,
А и поклонъ тотъ несетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
А ёнъ ко́ролю поклонъ несетъ въ особину:
«А прощай ты батюшка король хоробро́й Литвы».
А идетъ-то енъ вѣдь на широкой дворъ,
А ведетъ-то онъ Опраксимью королевичну.
Какъ самъ-то онъ садился на добра́ коня,
Да и ю посадилъ на до̀бра́ коня на татарскаго,
А онъ коня татарскаго себи въ поводъ взялъ,
Да поѣхали они ко городу ко Кіеву,
Сустига̀ла на путѝ ихъ ночка темная,
Да спустился тутъ ёнъ да со добра коня,
Пороздернулъ Дунаюшко свой бѣлъ шатеръ,
Зашлы-то они да въ свой бѣлъ шатеръ,
Да ложился Дунаюшко да во ша́трихъ *(такъ)* спать;
А ёнъ во́ ноги поставилъ саблю вострую,
Да ёнъ въ голову кладетъ кинжалище булатное,
Да ёнъ по́ боци *(такъ)* кладетъ палицу военную,
А какъ туть-то они спятъ, сномъ темну ночку коро́таютъ.
Да какъ той-то они той ночкой темною
Хоть не видѣли, да столько слышали,
Какъ по тоей дорожкѣ Цареградскоей
Тутъ ѣхалъ татаринъ невѣрныій,
Да посвистывалъ ёнъ да по змѣиному,
Да покрыкивалъ ёнъ да по звѣриному.
Да поутру ставши они дорожку осматриваютъ,
Куда ѣхалъ татаринъ невѣрныій;
У того коня да у татарскаго
А какъ въ землю тутъ ножки да щетки угря́зывали,
Камешки съ дорожки выве́ртываны,
За три выстрѣлы камешки отме́тываны.
Отпустилъ-то онъ Опраксимью королевну

Кó тому ли ко городу ко Кіеву
Съ тымъ ли Добрынюшкой Микитичемъ,
А какъ самъ-то онъ поѣхалъ за татариномъ въ погону вслѣдъ,
Да загналъ ёнъ татарина въ чистóмъ поли,
Гдѣ было къ татарину молчкóмъ подъѣзжàть,
Гдѣ было татарина копьéмъ торыкàть,
Такъ вѣдь ёнъ со татариномъ промолвился:
«Скажи, татаринъ невѣрныій!
«Кýда ты ѣдёшь, куда путь держишь?»
Да тутъ крыкнетъ татаринъ по звѣриному,
Да какъ свиснетъ татаринъ по змѣиному,
Да какъ тутъ у Дунаюшка конь-то сполóхался,
Сполохался да на колѣнка палъ;
Да ёнъ бьетъ-то коня по толсты́мъ ребрамъ,
Да ёнъ самъ говоритъ таковы слова:
«А ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
«Что же ты теперь потыкаешься,
«Али надо мной надсмѣхаешься?
«Не слыхалъ ли ты пóсвисту да молодецкаго,
«А ты пóкрыку да богатырскаго?»
Подъѣзжалъ ли Дунаюшко Ивановичъ
Подъѣзжалъ онъ къ татарину невѣрному,
Да и ударилъ онъ татарина востры́мъ копьемъ,
Вострымъ копьемъ да тупымъ концемъ,
Сбилъ ёнъ татарина съ добрá коня,
Не казнилъ ёнъ татарина, допрашивалъ:
«Скажи татаринъ невѣрныій!
«Куда ты ѣдёшь, куда путь держишь?
«А я вижу-то по пелькамъ что ты женской полкъ» *(такъ)*.
— То вчерашняго дня я дома нé была,
— Да какъ было со святой Руси два богáтыря,
— Увезли-то сестрицу Опраксимью,
— Да поѣхала за нёй я въ погону вслѣдъ.

— А мнѣ наво́ротить сестрицю Опраксимью,
— Либо по́ложить головушка Настасьина. —
Такъ не казнилъ ёй Дунаюшко Ивановичъ,
Да тутъ-то на нёй онъ посватался.
Садилъ-то вѣдь ю на добра́ коня,
А самъ-то онъ сѣлъ на сво́его;
Енъ татарскаго коня себи въ поводъ взялъ,
Да поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Да ёнъ въ домъ не входя́ й во Божью́ церковь.
А тамъ Владиміръ князь вѣнчается
Съ Опраксимьей со королевичной,
Да тутъ повѣнчался Дунаюшко Ивановичъ,
Повѣнчался онъ съ Настасьей королевичной;
Онѣ вмѣстѣ двѣ сестрицы крестились и молитвились,
Онѣ вмѣстѣ двѣ сестрицы заму́жъ пошли.
Заводили они свадебку почестной пиръ,
Не на мало не на много на двѣнадцать дёнъ.
Тутъ вси были на пиру пособраны,
Вси князи вси бо́яра,
Вси сильніи могучіи бога́тыри,
Вси поляницы уда́лыи,
А какъ вси они сидятъ да ѣдятъ, хлѣба кушаютъ,
Всѣ ѣли да пили, порасхвастались,
По умный какъ хвастаетъ отцемъ матерью,
А безумный-то хвастаетъ худой женой неуда́чливоѐй.
Да какъ тутъ повыхвасталъ Дунаюшко Ивановичъ:
«Нѣтъ стрѣльця удала́ молодця̀
«Супротивъ Дуная Ивановича».
А какъ го́воритъ Настасья королевична:
— Хоть немножко я во го́родѣ во Кіевѣ по́была,
— Столько много я во го́родѣ во Кіевѣ привидѣла:
— Тотъ стрѣлецъ во чисто́мъ полѣ,
— Кто положитъ на головушку колечко серебряно
— И наставитъ напротивъ колечка ножъ булатныій,

— И отступитъ назад-отъ пятьсотъ шаговъ,
— И будетъ онъ стрѣлять изъ луку каленаго,
— И пропущать будетъ эту стрѣлочку каленую
— По острéю ножовому,
— И попадать будетъ въ колечко серебряно. —
Такъ тутъ тихія Дунай Ивановичъ
Становился онъ на рѣзвы́хъ ножкахъ,
И положилъ себи на головушку колечко серебряно,
И велѣлъ отступиться Настасьѣ королевичнѣ,
Велѣлъ отступиться пятьсотъ шаговъ.
И полагала она стрѣлочку каленую,
Натягивала тетивочки шéлковыя
И спущала она стрѣлочку каленую;
Эта стрѣлочка каленая прокатилась по острéю ножовому
И угодила въ колечко въ серебряно.
Три разъ Настасья королевична простри́лила
И пропустила стрѣлочку каленую
Во этое колечко серебряно,
И не сшибла колечка со головушки.
Тутъ тихія Дунаюшко Ивановичъ
Сходилъ онъ со этого со мѣ́стечка,
На это мѣсто становилъ онъ Настасью королевичну,
Положилъ ёй колечко на головушку,
Самъ отступилъ ёнъ пятьсотъ шаговъ
И бралъ свой ту́гой лукъ розрывчатой
Во бѣлыи свои ручушки;
Тутъ молилась Настасья королевична,
Молилась и горько плакала:
— Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
— Копай-ко ты мéня до пояса въ сыру землю
— И бей ты меня по нагу́ тѣлу,
— Прости-тко меня въ женской глупости,
— Не убей-ко меня Настасьи королевичной,
— Не сдѣлай-ко двухъ головушекъ неповинныихъ:

— Есть у меня во чревѣ съ тобой дитятко посѣяно,
— По́ локоть ручки въ золоти,
— По ко́лѣнъ ножки въ се́ребрѣ,
— По косицамъ у него часты́ звѣзды,
— На всякоёй на волосиночкѣ
— По скачоноей по жемчужинкѣ;
— Сзади-то его печётъ-то свѣти́лъ *(такъ)* мѣсяцъ,
— Отъ очей-то пекетъ да солнце красное. —
Ничего-то Дунаюшко да не послѣдовалъ,
Разгорѣлось его сердце молодецкое,
Да натягивалъ онъ стрѣлочку каленую,
Подмазывалъ онъ саломъ — тымъ змѣинымъ,
Да наставилъ онъ Настасьи во бѣлы́ груди,
Да тутъ Настасьи смерть пришла.
Тутъ у ней че́рево роспластыватъ,
Вынимаетъ онъ младенца со бѣлы́хъ грудей:
По́ локоть ручки въ золоти,
По ко́лѣнъ ножки въ серебрѣ,
По косицамъ у него часты́ звѣзды,
На всякоёй на волосиночкѣ
По скачоноей по жемчужинкѣ;
Сзади-то его печётъ-то свѣти́лъ мѣсяцъ,
Отъ очей-то пекетъ да солнце красное.
Взялъ Дунаюшко Ивановичъ востро́ копье,
Поставилъ востро́ копье во сыру землю тупымъ концемъ,
А востры́мъ концемъ себи да во бѣлы́ груди,
Тутъ Дунаюшко на свои́ руки по́сягнулъ:
— Гдѣ протекла Настасья рѣка,
— Тутъ протеки и Дунай рѣка! —
Тутъ Дунаюшку и славу́ поютъ.

Записано тамъ же, 6 іюля.

103.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 32).

А какъ жилъ Буславъ да девяносто лѣтъ,
Да и зуба во ртѝ нѣтъ,
Онъ со городомъ со Кіевымъ на брани не былъ,
Со матушкой каменно́й Москвой да вѣкъ не спаривалъ.
Оставалось у него да чадо милое,
Чадо милое, дитё любимое,
Молодой Василій сынъ Буславьевичъ.
Какъ былъ во городѣ Кіевѣ великій балъ почестный пиръ
У того у князя у Владиміра,
Онъ повыкатилъ князь зелена вина да девять бочечекъ,
Девять бочечекъ да сороковочекъ,
Пива пьянаго да й девяносто пудъ.
Были на пиру воры мужики городо-кемскіе *(такъ)*,
А й тутъ ѣли, пили, порасхвастались.
Да и тутъ повыхвасталъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ,
Со своей дружиной со хороброей
Побороть Васильюшку весь Кіевъ градъ,
Побороть ему вся матушка каменна́ Москва,
Со всѣми пригородками и со малыма.
Тутъ сдѣлали они вѣдь записи крѣпкія,
Что завтра итти на побоище на смертное,
Биться ратиться да й ра́комъ ставиться *(такъ)*.
Пришолъ Василій къ матушкѣ съ честна́ пира
Садился на брусовую бѣлу лавочку,
Повѣсилъ онъ буйную голову
Промежъ ты свои плеча да и богатырскія,
Утупилъ онъ очи ясны во калиновъ мостъ.
Подходитъ къ нему родная матушка:
— Ай же ты молодой Василій сынъ Буславьевичъ!

— Что же ты теперь да закручинился,
— Закручинился да й запечалился?
«А й же ты родна матушка!
«Какъ же мни-ка теперь не кручиниться,
«Не кручиниться да не печалиться?
«Какъ я былъ на пиру да на почестномъ у князя у Владимiра,
«Мы тамъ ѣли до́сыти, пили до́пьяна,
«А й тутъ-то мы поросхвастались,
«Я повыхвасталъ, что побороть мнѣ-ка-ва весь Кiевъ градъ,
«Побороть мнѣ вся каменна Москва,
«А й каменна Москва да й хоробра́ Литва,
«Съ своей дружиной той съ хороброей.
«Сдѣлали мы записи крѣпкiя
«Съ мужиками городо-кемскима,
«Чтобъ побороть мнѣ весь Кiевъ градъ,
«Вся матушка каменна́ Москва,
«Со всѣми пригородкамы и со малыма.
«Завтра итти мнѣ на побоище короткое
«Биться и ратиться,
«На конѣ придется дыбомъ ставиться».
Тутъ Василья родна матушка
Поила питьемъ да забудущiимъ,
Свела Василья въ теплу ложню спать.
Да спитъ Василiй, не прохватится,
Не прохватится да й не пробудится;
Тамъ по записи да й дѣло дѣлають,
Его вся дружина-то въ крови стоитъ.
Тутъ была-то у Васильюшка дѣвушка дворовая;
Ведеречько было у ней дубовое,
Коромысельцо было у ней кленовое,
Носила она Василью воду свѣжую,
Тутъ носила она Василью водушку
Сама говоритъ да таковы слова:

— Ай же ты, молодой Василій Буславьевичъ!
— Хорошо-то тебѣ было хвастать на пиру да на почестномъ,
— Какъ ныньче-то тебя въ пору́ не знать,
— Твоя вся дружина-та въ крови стоитъ. —
Какъ тутъ Васильюшко прохватится,
Схватился онъ за платьица та цвѣтныи,
За всѣ-то ты копья да долгомѣрные,
За сабли за тесаки за лемтячныи,
Схватился-то вѣдь онъ да и за добра́ коня,
Тутъ все у матушки да пріобряжено
Да добрый конь-то вѣдь спущенъ на поле.
Енъ въ одныхъ чулочкахъ да шелковыихъ
Повыскочилъ Васильюшко да й на широкій дворъ
Да й повыхватилъ Васильюшко телѣжну ось,
Тутъ пошолъ Васильюшко поскакивать,
На всѣ стороны телѣжной осью-то помахивать:
Да й рукой махнетъ — падетъ улица,
Другой махнетъ — падетъ переулочекъ.
Тутъ скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
Да и махалъ Васильюшко, помахивалъ.
Тутъ видитъ его дядька, крестный батюшко,
Что силы ужъ стало мало ставиться,
Поскочилъ его дядька крестный батюшко
Енъ на ту башну да й колокольнюю,
Енъ сорвалъ колоколъ до девяносто пудъ,
Надѣлъ онъ себѣ на головушку,
Идетъ-то онъ да на Обуховъ мостъ
Колокольнымъ языкомъ-то онъ подпирается,
Обуховъ мостъ да нагибается;
И онъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Пурха́лъ-то ясный соколъ, ну да й до́пурхалъ,
«Ходилъ-то добрый мо́лодецъ, ну да й до́ходилъ!»
Какъ былъ тотъ Васильюшко востёръ собой;

Подскочилъ енъ плечкомъ подъ колоколъ
Спихнулъ онъ дядьку крестнаго батюшку подъ Обуховъ мостъ;
Да й какъ былъ Васильюшко востéръ собой,
Вернулся тутъ Васильюшка да подъ Обуховъ мостъ,
Да тамъ-то ужъ дядьки крестнаго батюшки и живаго нѣтъ,
Да повыхватилъ онъ Васильюшко языкъ-тотъ колокольный,
Онъ бьетъ-то дядьку крестнаго батюшку между́ уши:
«Вотъ-ти, вотъ тебѝ яичко, крестный батюшко!
«Не дано тебѝ яичко о Христови дни,
«Ты прими-тко мое яичко о Петрови-дни!»
Повыскочилъ Васильюшка да и на Обуховъ мостъ.
Тутъ еще пошолъ Васильюшко да поскакивать,
Самъ онъ говоритъ да таковы слова:
«Тутъ-то Васильюшку червленый вязъ,
«Червленый вязъ, копье долгомѣрное,
«Тутъ-то и сабля острая и палица военная!»
Пошолъ-то тутъ Васильюшко поскакивать,
На вси стороны языкомъ колокольніимъ помахивать;
Скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
На всѣ стороны языкомъ-тымъ помахивалъ,
Какъ силушки-то стало мало ставиться.
Владиміръ князь столенъ кіевскій
Бѣжалъ-то къ его ро́дной матушкѣ,
Перепро́ситъ онъ да е́го матушку,
Идетъ ли тутъ честна́ вдова,
Беретъ его за плечка за могучіи,
Сама говоритъ да таковы слова:
— Ай же ты рожоно мое дитятко,
— Молодой Васильюшка сынъ Буславьевичъ!
— Уходи-тко свои плечушка могучіи,
— Укрѣпи *(такъ)* сердечушко ретивое! —
«Спасибо тебѣ, ро́дна матушка

«Что ты сзади́ пришла!
«Какъ бы спереди пришла,
«Такъ тамъ же ты бы́ й была:
«Расходились мои плечушки могучіи,
«Разгорѣлось-то сердечушко ретивое,
«Бѣлый свѣтъ въ глазахъ да помятушился» *(такъ)*.
Беретъ его за ручки-ты за бѣлыя
Ведетъ его въ свои покои во любимыя,
Стала она его кормить поить,
Да стали они жить да быть, да все добра творить.

Записано тамъ же, 6 іюля.

XIX.

АНДРЕЙ САРАФАНОВЪ.

Андрей Васильевичъ Сарафановъ, изъ Гарницъ, Сѣнногубской волости, крестьянинъ лѣтъ подъ 50, грамотный, пользующійся извѣстностью какъ разскащикъ, помнитъ много старинъ, которыя слышалъ отъ родителей. Его дѣдъ Игнатій Андреевъ, какъ упомянуто выше (XVI), былъ великій мастеръ пѣть былины, и отъ него-то въ дѣтствѣ Сарафановъ ихъ и перенялъ. Но, сохраняя въ памяти содержаніе былинъ, онъ почти разучился пѣсенному ихъ складу; онъ передаетъ былины прозаическимъ пересказомъ и не въ состояніи выдерживать ихъ «на голосѣ». Былинамъ онъ сталъ предпочитать сказки, которыхъ считается отличнымъ знатокомъ; нѣсколько разъ онъ предлагалъ собирателю, спрашивавшему его о былинахъ, разсказать ему про Бову королевича, Еруслана Лазаревича, Англійскаго милорда и т. под. Сарафановъ былъ извѣстенъ г. Рыбникову. Сличеніе его былинъ, какъ онѣ были записаны г. Рыбниковымъ, съ нынѣшнимъ ихъ пересказомъ показываетъ въ нихъ разительный упадокъ поэтическаго склада, который можно объяснить тѣмъ, что Сарафа-

новъ, по его собственнымъ словамъ, съ лѣтами все болѣе и болѣе отвыкаетъ отъ распѣва былинъ, пріучившись передавать ихъ въ формѣ сказокъ.

104.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 4).

Ѣхалъ Илья Муромецъ въ пути въ дороженкѣ,
Подъѣзжаетъ онъ къ деревни къ Обалковщинѣ,
Стрѣчаютъ его мужики да и Обалковски.
«Куда ты Илья Муромецъ ѣдешь, куда путь держишь?»
— Ай же вы мужички да Обалковски!
— Куда мнѣ дороженкою прямоѣзжою,
— Дороженкою прямоѣзжою да во Кіевъ градъ? —
«Ай же ты Илья Муромецъ!
«Ѣхать тебѣ окольной дорогой да много верстъ,
«А ѣхать мимо рѣченку Смородину
«Дорожкой прямоѣзжею.
«Только прямоѣзжая дороженка
«Завалилася дубьемъ да и колóденькамъ».
— Отчего сія путь дороженка прямоѣзжая
— Завалилася дубьемъ да и колоденькамъ? —
«Оттого же завалилась сія рѣченка Смородина,
«Завалилась дубьемъ да колóденькамъ,
«Что свито у Сóловья Рохманова
«Гнѣздо свито свое великое,
«Свито гнѣздо на двѣнадцати дубахъ,
«На двѣнадцати кокóтицахъ
«И на пяти поприщахъ.
«Что мимо его гнѣзда воины не проѣзживали,
«Птицы не пролетывали,
«А боялись свисту соловьинаго,

«Отъ свисту соловьинаго живы не моглѝ бывать».
Илья Муромецъ и пустилъ своего коня добраго
Дороженькой прямоѣзжею,
И котора дубьёмъ колодьемъ завалилася.
Черезъ дубье коло́дье конь да перескакиваетъ,
Подъѣзжалъ Илья Муромецъ ко гнѣзду да соловьиному;
Засвисталъ-то Со́ловей Рахмановъ въ треть свисту,
У Ильи-то Муромца сталъ конь да подтыкатися,
Илья Муромецъ билъ коня по крутымъ бедрамъ:
— Ай же ты волчья сыть, не слыхалъ чтоль свисту соловьинаго? —
Соловей Рахмановъ засвисталъ въ дру́гой разъ.
Отъ Со́ловья Рахманова по́свисту
Сталъ конь у Ильи Муромца гараже подтыкатися.
Илья Муромецъ билъ коня по крутымъ бедрамъ:
— Ай же ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
— Не ужоль не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
— Крыку звѣринаго? —
И пустилъ коня еще шибче того;
Конь богатырскій на аршинъ сталъ землю вывертывать.
Видитъ тутъ Со́ловей Рахмановичъ,
Что ѣдетъ сильной храброй воинъ подъ гнѣздо соловьиное,
И Со́ловей Рахмановъ засвисталъ во весь свистъ;
И отъ свисту соловьинаго
Лѣса дремучіи пошаталися,
Подъ Ильей Муромцемъ конь на колѣнка палъ.
И розсердился Илья Муромецъ на своего коня богатырскаго,
Билъ коня еще рѣзвѣе по крутымъ бедрамъ:
— Ай же ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
— Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
— Крыку звѣринаго? —
И еще того сильнѣе пустился подъ гнѣздо соловьиное
И Соловей Рахмановъ высунулъ изъ гнѣзда своего буйну голову.

И натягивалъ Илья свой лукъ крѣпкіи,
Накладыва́лъ стрѣлу каленую,
И стрѣли́лъ онъ Со́ловья Рахманова,
И стре́лилъ ему прямо въ правый глазъ,
И вышибъ у него правый глазъ,
И вышалъ Соловей Рахмановъ на сыру землю.
И пристягнулъ его Илья Муромецъ къ стремени булатному
И отправился впередъ путемъ дороженькои.
И случилось Ильи Муромцу ѣхать мимо мызы Со́ловья Рахманова.
Зятовья и смотрятъ съ мызы этой Соловья Рахманова,
И говорятъ женамъ своимъ:
«И нашъ татенька ѣдетъ Со́ловей Рахмановичъ,
«И у стремени мужика́ везетъ».
Смотрятъ его дочери любимыи:
— Не татенька нашъ ѣде, мужика везетъ,
— А мужикъ ѣде, татеньку у стремени. —
И скоренько онѣ одѣвали свою одежду хорошую,
Выходили на ши́рокъ дворъ,
Отпирали свои ворота крѣпкіи на́стежо *(такъ)*,
И подымали подворотню на цѣпяхъ
Да въ восемьдесятъ пудовъ,
И просили Илью во почестное во госте́бище.
Илья Муромецъ глянулъ на нихъ ши́роки ворота
И види Илья Муромецъ — есть фальша великая,
И проскакалъ Илья Муромецъ мимо путемъ дороженькой
И прямо онъ во Кіевъ градъ.
И пріѣзжаетъ Илья Муромецъ во Кіевъ градъ,
Про́межъ заутреней и обѣдней,
И идетъ онъ ко службѣ во Божью церковь,
И ведетъ съ собой Со́ловья Рахманова.
И простояли оны обѣдню во Божье́й церквы,
И выходитъ весь народъ отъ обѣдни, православныи

И смотрятъ и дивятся, что привезъ Илья Муромецъ Со́ловья Рахманова.
Выходитъ Илья Муромецъ изъ Божье́й церкви съ Со́ловьемъ Рахмановымъ
И говоритъ онъ Со́ловью Рахманову:
«Ай же ты Со́ловей Рахмановичъ!
«Засвищи-ко ты въ треть свисту соловьинаго».
Тутъ Со́ловей Рахмановъ не послушалъ Ильи Муромца,
Не засвисталъ да въ треть свисту,
А засвисталъ да въ весь свистъ да соловьи́ный.
И отъ свисту соловьинаго,
Весь народъ да палъ о сыру землю
И словно какъ мертвы́ лежатъ,
И отъ свисту соловьинаго вси домы пошаталися.
И на это розсердился Илья Муромецъ,
Что не послушалъ Соловей Рахмановичъ
Что онъ велѣлъ засвистать въ треть свисту соловьинаго,
А засвисталъ да въ весь свистъ да соловьиный,
И за то взялъ, Со́ловью Рахманову
Отсѣкъ Илья Муромецъ буйну голову.

Записано на Леликовѣ, 3 іюля.

105.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Наѣхалъ царь Ка́линъ подъ Кіевъ градъ,
Подъѣхалъ подъ князя подъ Владиміра,
И посылаетъ онъ посла своего вѣрнаго
Къ солнышку ко Владиміру стольнё-кіевскому:
«Ты очисти широки улицы стрѣлецкіе
«И большіе домы княженецкіе,
«Постоять тутъ царю Калину

«Со своею силушкой любимою».
Тутъ Владиміръ князь усумнился есть
И запечалился,
Сдѣлался невеселъ, буйну головку повѣсилъ.
И пріѣзжаетъ къ нему старой казакъ Илья Муромецъ,
Отпираетъ онъ двери-тыя пá пяту,
Входитъ онъ въ полату бѣлокаменну,
Крестъ онъ кладетъ по писáному,
Поклон-отъ ведетъ по учёному,
На вси да на четыре стороны поклоняется,
Еще Владиміру князю стольно-кіевскому,
Владиміру князю со княгиною въ особину.
Потомъ онъ проговорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
— Полюби-ко мое слово что я тебѣ гóворю.
— Насыпь-ка мисý да чиста сéребра,
— Другую мисý да скачна жемчуга,
— Третью мисý да красна золота,
— И станемъ мы просить да на три мѣсяца
— Строку у царя у Калина
— Очистить улицы стрѣлецкіе,
— Большіе домы княженецкіе. —
Потомъ отвезъ старый казакъ Илья Муромецъ
Эти подарки царю Калину,
И царь Калинъ ты подарки принялъ
И далъ строку на три мѣсяца.
Потомъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Поворотился на гору на Латынскую,
Гдѣ тамъ стоятъ воины кіевскіе,
Тридцать воиновъ безъ воина,
Стоятъ на горы̀ на Латынскія.
Пріѣзжаетъ ко князю ко Владиміру
Его рóдный племянничекъ,
Млáдый Ермакъ Тимофеевичъ.

Идетъ онъ въ полату со прихваткою,
Со прихваткою не съ упадкою,
И отпираетъ онъ дверь да нá пяту:
«Здравствуй солнышко Владимiръ князь!
«Что же ты сидишь невеселъ,
«Что же ты буйну голову повѣсилъ?»
— Ай же младый Ермакъ да Тимофеевичъ!
— Чего же мнѣ веселитися?
— Когда во Кiевѣ была добрá пора,
— Тогда во Кiевѣ было защитчиковъ,
— Защитчиковъ и заступчиковъ,
— А какъ стало во Кiевѣ недобрá пора,
— Такъ нѣтъ во Кiевѣ защитчиковъ,
— Защитчиковъ и заступчиковъ. —
Отвѣчае младый Ермакъ Тимофеевичъ:
«Ай же ты солнышко Владимiръ князь,
«Родный мой дядюшка!
«Дай же-ко мнѣ благословеньице,
«Благословеньице и прощеньице
«Выѣхать ко царю ко Калину,
«Во тую силу во поганую,
«Попробовать своихъ плечъ богатырскiихъ».
Отвѣчаетъ солнышко Владимiръ князь:
— Ай же ты родный мой племянничекъ,
— Млáдый Ермакъ Тимофеевичъ!
— Ты есть младёшенекъ, ты есть глупёшенекъ,
— Прервешь свою силу богатырскую,
— И убьютъ тебя татара да поганые.
— Не дамъ я тебѣ ни благословенья ни прощенья. —
Говоритъ млáдый Ермакъ Тимофеевичъ:
«Ай же ты дядюшка мой рóдныiй,
«Солнышко Владимiръ князь!
«Дай же ты мнѣ свое благословеньице,
«Благословеньице и прощеньице,

«Повыѣхать на горушку Латынскую,
«Гди свои воины тридцать безъ воина стоитъ».
Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской
Далъ свое благословенье и прощеньице
Повыѣхать на горушку Латынскую.
Отправился мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ
На тую-то на гору на Латынскую,
И поѣхалъ онъ да во чисто́ поле.
Пришло двѣ пути дороженьки:
Одна на гору-ту Латынскую,
А другая къ царю Ка́лину во чисто́ поле.
И младой Ермакъ да Тимофеевичъ
Перекрестилъ свои глаза да на востокъ итти:
«Не поѣду я на гору на Латынскую,
«А поѣду я во силу во поганую,
«Попробую я своихъ плечъ богатырскіихъ,
«Храбрости своея молодецкоей».
И подъѣзжаетъ онъ къ царю Калину,
Ко силы ко поганоей.
Не ясёнъ соколъ напускается
На гусей лебедей, на сѣрыихъ малыихъ уточекъ,
На татаръ да на поганыихъ
Напущается Ермакъ Тимофеевичъ.
Ѣдетъ онъ — улица́ валитъ,
Све́рнетъ — переулочкой.
Бьетъ, а вдвоёмъ втроемъ конёмъ топчетъ,
И силу у царя Ка́лина вало́мъ валитъ.
Потомъ глядятъ съ этой горы со Латынскія
Свои воины кіевскіе.
И проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
— Что больше некому выѣхать со Кіева,
— Какъ повыѣхалъ мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ.
— Прирветъ онъ свою силу богатырскую,
— Убьютъ его татара да поганыи. —

Посылаетъ онъ смѣлаго Алешу да Поповица:
— Ай же ты смѣлый Алеша да Поповицъ!
— Упрашивай ты млада Ермака Тимофеевича
— Словамы ласковыма,
— И накидывай ты на него да храпы[1]) бѣлые,
— И подтягивай его ко бѣло́й груди,
— Чтобы укротилъ свое сердце богатырское,
— И проси-ка ты его словами ласковыма:
— Ай же ты мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
— Ты позавтракалъ, дай же мнѣ и пообѣдати.—
У Ермака да Тимофеевича
Розгорѣлось сердце богатырское,
Прирвалъ его храпы бѣлые,
А еще этого сердитѣе поѣхалъ
Валять въ силу поганую.
Усмотрѣлъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Что прервалъ Ермакъ храпы бѣлые:
— Прерветъ свою силу богатырскую,
— Убьютъ его татара да поганые. —
Посылаетъ онъ Добрынюшку Микитича,
Старый казакъ Илья Муромецъ
Посылаетъ во силу во поганую:
— Поѣзжай-ко ты во силу во поганую,
— Подъѣзжай-ко ты ко мла́дому Ермаку да Тимофеевичу,
— И накидывай на него да храпы бѣлые,
— И подтягивай его ты ко бѣло́й груди,
— И упрашивай его словами ласковыми,
— Чтобы укротилъ свое сердце богатырское. —
И какъ накинулъ онъ храпы бѣлые
И подтянулъ его ко своей бѣлой груди,
То младый Ермакъ да Тимофеевичъ,

---

1) По объясненію Сарафанова, *храпы* значитъ руки, но не въ смыслѣ кисти руки, а всей руки отъ плеча.

Прирвалъ его да храпы бѣлые,
А еще этого сердитѣе поѣхалъ
Рубить татаръ да и поганыихъ.
Въ это же время смотритъ старый казакъ Илья Муромецъ
И видитъ, что прерветъ Ермакъ Тимофеевичъ
Свою силу богатырскую:
— Не могли тыи воины укротить его храбрости. —
Потомъ обсѣдлалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Своего добраго коня,
И отправился во силу во поганую
Къ царю Калину.
Подъѣзжаетъ онъ къ младу Ермаку да Тимофеевичу,
Накинулъ онъ свои да и храпы бѣлые
Старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ!
— Укроти-ка свое сердце богатырское,
— Ты же сегодня вѣдь позавтракалъ,
— Ты же сегодня да и пообѣ́далъ,
— Такъ дай-ка ты мнѣ хоть па́ужинать,
— Побить да и татаръ да поганыихъ. —
То мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ
Прервалъ у стары' казак' *(такъ)* Ильи Муромца,
Прервалъ его храпы бѣлыи.
То ѣдетъ мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ,
Ѣдетъ со лѣвыя фланки,
Сколько ни бьетъ, а вдвоёмъ втроёмъ конёмъ топчётъ;
А потомъ поворотился старой казакъ Илья Муромецъ
Съ правая фланки.
Ѣдетъ онъ — улицей,
Пове́рнетъ — переулочкомъ,
Вало́мъ валитъ силу невѣ́рную,
Сколько ни бьетъ, а вдвоёмъ втроёмъ конёмъ топчетъ.
И прибили они всю силу у царя у Калина,
Всю силушку поганую.

То царь Ка́линъ и выкинулъ ихъ подарки
Три мисы: одну съ се́ребромъ,
Другу съ жемчугомъ, а третью съ краснымъ золотомъ,
И самъ на охоту шолъ
На уѣздъ въ свою сторону,
Не́ попалъ заѣхати во Кіевъ градъ.
Всѣ поѣхали во Кіевъ градъ
Всѣ сильныи могучіи бога́тыри.
И солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Встрѣчаетъ со радостью великою,
Со радостью и веселіемъ,
А въ особину мла́да Ермака да Тимофеевича.

Записано тамъ же, 3 іюля.

106.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Наѣхало Идо́лище поганое,
Наѣхало на Кіевъ градъ,
И весь хочетъ градъ пожрать.
И принялъ солнышко Владиміръ князь его во Кіевъ градъ,
Во свои да во полаты бѣлокаменны,
И кормилъ его поилъ и досыта,
По волу ему жаркое жарили.
И сидитъ онъ за трапезой, жаркова кушаетъ.
Приходитъ во ту пору во то́ время
Старый казакъ Илья Муромецъ,
И говоритъ онъ таковы слова:
«Была у крестьянина свинья да и обжорлива,
«Много ѣла да она лопнула».
И отвѣчаетъ-то обжорище поганое:
— Ничего я больше не желаю, кабы мнѣ Ильюшу повидать,
— И никого я не боюсь, только Илью бы посмотрѣть. —

А онъ стоитъ напротивъ у стола,
Отвѣчаетъ Идо́лищу поганому:
«Гляди-ко на меня, такой же Илья».
Онъ говоритъ Идо́лище поганое:
— Коли Илья таковъ, что за воинъ и за рыцарь есть?
— На доло́нь клану, другой прижму и буде плюсень. —
Илья въ это время розсердился,
Со своей головы киверъ свернулъ,
И въ Идолище поганое махнулъ,
И съ него голову свернулъ, пристѣнокъ выломилъ;
Только Идолище поганое и живъ бывалъ,
Только и живъ бывалъ, только Ильи́ видалъ.

Записано тамъ же, 3 іюля.

107.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Былъ-то Добрынюшка при времени,
И онъ-то у стольнаго у Владиміра
Былъ онъ три года да во стольникахъ,
И потомъ-то вѣдь Добрынюшка проштрафился
По наговору да по богатырскому.
И взялъ-то вѣдь солнышко Владиміръ князь,
Приказалъ посадить Добрынюшку во темницы да во крѣпкіи,
И сидѣлъ Добрынюшка во темницахъ во крѣпкіихъ,
Годъ сидѣлъ Добрынюшка и три мѣсяца.
Прознала его маменька
Честна̀ вдова Офимья Александровна,
И приходитъ она къ солнышку ко князю ко Владиміру,
Отпираетъ она дверь-то да на́ пяту,
И заходитъ она во полату бѣлокаменну;
Крест-отъ она кладетъ по писа́ному,
Поклон-отъ она ведетъ по уче́ному,

На всѣ на четыре стороны поклоняется,
'Ще стольнё-кіевскому князю Владиміру
Со княгиною въ особину:
«А 'ще ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Зачѣмъ же ты посадилъ моего рожонаго дитятка
«Во тыи во темницы да во крѣпкіи?
«Не состоитъ на немъ никакой вины».
И отвѣчае солнышко Владиміръ князь:
— Ай же ты честнà вдова Офимья Олександровна!
— Повыпущу твоего сына Добрынюшку Микитинца
Со темницъ да и со крѣпкіихъ. —
И отправилась честнà вдова Офимья Олександровна
Въ свои-то вѣдь полаты бѣлокаменны.
И солнышко Владиміръ князь
Собралъ да своихъ князей бо́яровъ,
Всѣхъ могучіихъ бога́тыревъ,
Дума думати, куда бы Добрынюшку отправити,
Чтобы Добрынюшки да живу не́ бывать.
И думали всѣ князи бо́яра думу крѣпкую,
И прого́ворилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Послать Добрынюшку Микитинца во Литву во поганую,
«Во Литву поганую ко ко́ролю Литовскому
«Повыправить дань да за двѣнадцать лѣтъ».
Это слово князю и пондравилось,
Велѣлъ потребовать Добрынюшку.
И приводятъ Добрынюшку ко князю ко Владиміру.
— Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Тебя въ той вины прощу во первоей, —
— Съѣзди ты во Литву во поганую
— Повыправь-ко ты дань за двѣнадцать лѣтъ. —
Сдѣлался Добрынюшко невеселъ,
Отправился въ свои полаты бѣлокаменны,
Ко своей родной маменькѣ

Къ честно́й вдовы Офимьи Олександровнѣ,
И къ молодой женѣ Настасьѣ Николаевнѣ.
И встрѣчаетъ его съ радостью честна̀ вдова Офимья Олександровна
Своего рожонаго дитятко.
Онъ ночевалъ въ своихъ полатахъ бѣлокаменныхъ
Съ молодой женою Настасьею Николаевной,
По утру сталъ собираться въ путь дороженку
И своей онъ молодой жены наказывалъ:
«Ай же ты молода жена Настасья Николаевна!
«Жди-тко ты меня да со чиста́ поля первый годъ поры;
«Исполнится первой годъ поры, жди-тко ты меня другой годъ поры;
«Исполнится это времячко два́ году,
«И жди-тко ты меня третій годъ поры.
«Исполнится это времячко три годы;
«И жди-тко ты меня Настасья Николаевна,
«Жди-тко ты меня еще три́ года.
«Исполнится это времечко шесть лѣтъ вѣдь-то,
«И жди-тко ты меня со чиста́ поля
«Еще жди меня три года.
«Исполнится это времечко девять лѣтъ
«И жди-тко меня со чиста поля
«Еще жди меня три года
«Исполнится всему времечки двѣнадцать лѣтъ,
«Въ это же время молода жена Настасья Николаевна,
«Хоть вдовой живи, хоть заму́жъ пойди,
«Только не ходи-ко ты за смѣлаго за Олешу за Поповица,
«За роднаго за племника
«За князя за Владиміроваго,
«За бабьяго насмѣшника».
Тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Сталъ направляться въ путь дороженку,
Обсѣдлалъ своего коня да богатырскаго.

И только-то онъ сказалъ: «Прощай-ко ты моя маменька,
Честна̀ вдова Офимья Олександровна!»
И видили добра мóлодца сядуци,
И не видили добра мóлодца поѣдуци.
Поѣхалъ добрый молодецъ не воротамы,
Скакалъ его добрый конь стѣною городовою,
И поѣхалъ онъ изъ орды въ орду,
Въ погану Литву ко кóролю Литовскому,
И ѣхалъ онъ въ одну сторону
Добрынюшка Микитиницъ ровно три году,
И подъѣхалъ онъ подъ Литву да подъ поганую,
И сталъ онъ во Литвы да поѣзживать
Сталъ онъ во Литвы да и куражиться,
Сталъ онъ татаръ да поколачивать,
Дани за двѣнадцать лѣтъ попрашивать.
И ѣздилъ-то Добрынюшко много времени во чистóмъ поли,
Дань-то ему почастехонько понашивали,
И стало исполняться это времечко двѣнадцать лѣтъ.
И въ это же время ему прогóворилъ сущій-вѣщій конь,
Прогóворилъ язы́комъ человѣческимъ:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Насыпай-ко коню пшены́ да бѣлояровой,
— Корми-тко ты коня да и дóсыта;
— Есть надъ тобой незгодушка не малая,
— Немалая незгода, великая:
— Твоя да молода жена замýжъ пошла
— За смѣлаго Олешу за Поповица.
— Солнышко Владимiръ князь письмо-то вѣдь составилъ
— Представилъ честнòй вдовы Офимьѣ Олександровны:
— Добрынюшка во чистóмъ полѣ лежитъ, головушка отсѣчена. —
Какъ накормилъ коня да пшеной бѣлояровой,
Ставалъ поутру да и ранешенько,
Умывался онъ бѣлешенько,

Обсѣдлалъ своего коня да богатырскаго,
И отправился Добрынюшка въ свою сторону
Со Литвы да со поганыя.
Ѣхалъ въ тую сторону ровно три году,
А взадъ такъ онъ представилъ въ трои суточки.
И прiѣзжаетъ онъ прямо къ честнóй вдовы
Къ Офимьѣ Олександровны.
Приходитъ онъ въ полаты бѣлокаменны,
Отворяетъ онъ двери нá пяту:
«А здравствуешь честнà вдова Офимья Олександровна!
«Добрынюшка теби да низко кланялся».
Отвѣчаетъ, слезно плачетъ,
Честнà вдова Офимья Олександровна:
— Почему же ты знаешь моего родимаго дитятка?
— Мое дитятко лежитъ да во чистóмъ полѣ,
— Буйна головка отсѣчена. —
Онъ да отвѣчаетъ таковы слова:
«Ай же ты честнà вдова Офимья Олександровна!
«Трои суточки какъ мы съ Добрынюшкой да порозъѣхались,
«Добрынюшка теби да низко кланялся».
Потомъ и говоритъ онъ таковы слова:
«Ай же ты честна вдова Офимья Олександровна!
«Подай-ка ты гуселушка яровчаты,
«Добрынюшкино платьице коморовчато *(такъ)*».
Потомъ вѣдь честна вдова Офимья Олександровна и поросплакалась:
— Если бы не во живности остался Добрынюшка Никитиничъ,
— Такъ не зналъ бы онъ спросить про платьице коморовчато,
— Про гуселушка яровчаты. —
И взяла честна вдова Офимья Олександровна свои ключи
И сходила во пóгребы глубокiи,
И принесла она платьице коморовчато
И гуселушка яровчаты,
И подала она той малой комороушины.

Малой коморошина надѣлъ свое платьице коморовчато
И взялъ онъ гусельышка яровчаты,
И садился онъ да на добра́ коня,
И поѣхалъ онъ да на почестной пиръ.
И пріѣзжаетъ малый коморошина
Ко солнышку князю ко Владиміру,
Идетъ онъ во полаты бѣлокаменны,
Идетъ-то не съ упадкою, идетъ съ прихваткою богатырскою,
Отпираетъ онъ двери-то да на́ пяту,
Крест-отъ онъ кладетъ да по писа́ному,
А поклон-отъ ведетъ да по уче́ному,
На всѣ да на четыре стороны поклоняется,
А 'ще солнышку Владиміру да въ особину:
«Солнышко Владиміръ князь, дай ты малой коморошинѣ
«Мѣстечко поиграть во гусельышка яровчаты».
Солнышко Владиміръ князь отвѣчаетъ онъ да таковы слова:
— Перво ти мѣстечко возли́ меня,
— Другое ти мѣстечко супротивъ меня,
— Третье-то мѣстечко на пе́ченькѣ земля́ноей. —
Какъ ему отвели мѣстечко на пе́ченькѣ земляноей,
И скочилъ малый коморошина на пе́ченьку землянуюу,
И сталъ онъ во гу́селушка яровчаты поигрывать,
Всихъ да на пиру и изве́селилъ,
И всихъ да на пиру игрой да утѣшилъ вѣдь.
И солнышко Владиміръ князь подходитъ къ печенькѣ земляноей,
Наливаетъ ему чару зелена́ вина,
И чара не мала не велика,
Мѣрой чара полтора ведра,
А вѣсомъ чара полтора пуда;
Бралъ-то вѣдь малый коморошина
Сію чару да одной рукой,
Выпивалъ-то онъ одны́мъ духомъ.
И скочилъ-то малый коморошина со пе́ченьки земляноей

И сталъ онъ по мостиночкамъ поступывать,
Стали мостиночки полапывать,
Подкладенки потрескивать,
И сталъ онъ малый комОрошина да выговаривать:
«Былъ я во Литвы да во поганоей,
«Повыправилъ я дань да за двѣнадцать лѣтъ».
Потомъ на пиру вси да испугалися:
— Вѣрно пріѣхалъ Добрыня со чистá поля:
— Не бывать намъ на пиру никомý живымъ. —
А сталъ Добрынюшка съ мостиночки на мостиночку поступывать,
Стали мостиночки полапывать,
И говоритъ онъ таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
«Налей-ко ты мнѣ чару зелена вина».
И солнышко Владиміръ князь испугался самъ,
Что походочка его да некрасивая.
И говоритъ онъ таковы слова:
— Ай же ты малый комОрошина!
— Наливай-ко ты чару своёй рукой
— И розводи-ка медами да стоялыми. —
Тотъ малый комОрошина налилъ чару зелена вина,
И подноситъ молодой женѣ Настасьѣ дочь Миколаевнѣ:
«Выпей-ко ты чарочку до дна, такъ увидаешь ты добра.
«Чарочка ни мала ни велика,
«Мѣрой полтора ведра,
«Вѣсомъ полтора пуда.
«Пей сію чару до дна, увидаешь добра,
«Не пьешь чару до дна, такъ не видать тебѣ добра».
Она брала чарочку одной рукой,
Выпивала чарочку одны́мъ духомъ,
И подняла съ сей чарочки злаченъ перстень,
Которымъ она съ Добрынюшкой обручалася.
Она гóворитъ таковы слова:

— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— Не тотъ мой мужъ, который возли́ меня,
— Тотъ мой мужъ, который супротивъ меня. —
Вси-то на пиру да испугалися:
«Вѣрно Добрынюшка пріѣхалъ да во живности».
А тутъ-то Добрынюшка Никитиничъ
Взялъ-то смѣлаго Олешу Поповича
За желты́ кудри,
И поднялъ онъ выше своей буйныя го́ловы,
И хочетъ спустить его о полы да о дубовыи.
То старый казакъ Илья Муромецъ
Накинулъ онъ свои храпы бѣлыи:
— Оставь-ка ты у насъ Олешеньку во живности. —
Тутъ Добрынюшка спустилъ его о по̀ла да о дубовыи.
Только смѣлый Олеша Поповичъ и женатъ бывалъ,
Только женатъ бывалъ и съ женой живалъ.

Записано тамъ же, 4 іюля.

108.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т. III, 21).

Выходитъ солнышко Владиміръ князь
И го́воритъ своимъ да князьямъ бо́ярамъ:
«Солнышко у насъ на ве́черѣ,
«Почестный пиръ прошолъ на весели,
«Всѣ же вы добры мо́лодцы
«У меня вы да вѣдь поже́нены,
«Одинъ-то я вѣдь солнышко Владиміръ князь
«Холостъ есть, не женатъ хожу.
«Изберите-ка мнѣ невѣсту супротивъ меня
«Возростомъ и волосомъ;

«Походочка у ней чтобы была павлиная,
«Разговоръ чтобы былъ лебединыій,
«Очи былй бы ясна сокола,
«Брови черна соболя.
«Собирайтеся-ко вси мои князи бóяра,
«Вси мои да подколѣнные,
«Подколѣнные и пóдданные мои».
И собиралися вси князи бóяра,
Сильніи могучіи богáтыри,
И думаютъ они да думу крѣпкую,
Кого послать во чужу орду.
Потомъ предъявляе имъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Некого намъ послать, какъ послать тихій Дунай да сынъ Ивановичъ;
— У кóроля Литовскаго былъ да онъ во кóнюхахъ,
— Былъ во конюхахъ двѣнадцать лѣтъ,
— Онъ бывалъ въ чужихъ земляхъ, видалъ чужихъ людей.—
Отправили его во чужу орду,
Дали помощника Добрынюшку Микитинца.
И тутъ-то они да добры мóлодцы
Сѣдлали своихъ коней да богатырскіихъ,
И видѣли добрыхъ мóлодцевъ сядуци,
А не видѣли добрыхъ молодцевъ поѣдуци;
Поѣхали они да не въ воротами,
Скакали кони богатырскіи
Черезъ стѣну городовую.
Поѣхали изъ орды въ орду, изъ земли въ землю,
И подъѣзжаютъ они подъ королевство Литовское,
И въѣзжаютъ они въ королевство Литовское,
Прямо къ кóролю Литовскому,
И встрѣчаетъ ихъ кóроль Литовскіи.
И отвѣчаетъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ:
«Мы за добрымъ за дѣломъ пріѣхали за свáтовствомъ».
И встрѣтилъ кóроль Литовскій во почестное гостéбище.

И отвѣчаетъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ:
«Ай ты король Литовскіи!
«Пріѣхали мы къ тоби свататься,
«Только твоей большоей дочери Настасьи королевичны не надо,
«А отдай-ко за солнышко за князя Владиміра
«Меньшую дочь Марью королевичну».
На то король Литовскій розсердился,
И розгорѣлось его сердце богатырское,
И скрычалъ своимъ подданнымъ громкимъ голосомъ:
— Оберите-тко тихій Дунай сынъ Ивановичъ,
— И Добрынюшка Никитича въ крѣпкое мѣсто. —
А они добры молодцы не зѣвали,
Они добрыхъ коней сѣдлали,
И на татаръ на поганыхъ да напустились.
Кóроль Литовскій смотритъ во чистое поле, —
Мало у него да татаръ становится.
И скрычалъ да онъ громкимъ голосомъ:
— Ай же ты тихіи Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Оставь-ко мнѣ татаръ да и на сéмена,
— Бери-ко мою любимую да мéньшую дочерь
— За солнышка за князя за Владиміра. —
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Да Добрыня Никитиничъ
Прекратили свое сердце богатырское,
И подъѣзжаютъ они къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
Берутъ-то не съ упадкою, а берутъ-то со прихваткою,
Со прихваткою богатырскою.
И отправились они въ свою сторонку
Съ тою Марьею королевишной *(такъ)*,
И ѣхали они далече ль близко ль чистымъ полемъ,
И наѣхали слѣдъ рыцаря сильнаго,
Сильнаго и хmajбраго.
И тутъ же говоритъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ,

И говоритъ онъ да таковы слова:
«Ай же ты Добрыня Микитиницъ!
«Поѣзжай-ко ты съ Марьею королевишной
«Во Кіевъ градъ ко Владиміру,
«А я останусь во чистомъ полѣ,
«Что за рыцарь выѣхалъ прежде насъ».
И распростились они тутъ, и тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Отправился этимъ слѣдомъ богатырскіимъ,
А Добрынюшка Микитиничъ во Кіевъ градъ.
И тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Наѣхалъ рыцаря во чистóмъ поли,
И они съѣхались въ одно мѣсто
Два сильныихъ могучіихъ богáтыря,
И сдѣлáли они разъѣздъ во чистóмъ полѣ,
Попробовать своихъ плечъ богатырскіихъ
И храбрости своей молодецкоей,
Ударились палицами булатными,
И тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Едва на конѣ усидѣлъ,
Розъѣхались опять во чистóмъ полѣ
И съѣзжаются опять въ одно мѣсто,
Какъ двѣ горы скатываются,
И ударили они палицами булатными,
Такъ аки громъ грянулъ.
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Сразу того рыцаря изъ сѣдла вышибъ,
И палъ на сырý землю,
И самъ наступилъ на круты бедра,
И прижалъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Тупымъ концемъ копья ко сырой земли,
И сталъ его спрашивать:
«Каковá ты есть роду племени,
«Какого отца матери?»
А онъ рыцарь отвѣчаетъ:

— Если бы я сидѣлъ на твоихъ бѣлы́хъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ бы роду племени,
— А пласталъ бы твои груди бѣлыя. —
Такъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Не пластаетъ грудей бѣлыихъ,
А опять спросилъ рыцаря:
«Какова́ ты есть роду племени,
«Какого отца матери?»
Она отвѣчаетъ:
— Я есть Настасья королевична,
— Короля Литовскаго дочь. —
Опустился Дунай сынъ Ивановичъ съ добра́ коня
И бралъ ее Настасью за бѣлы́ руки,
И цѣловалъ ю въ сахарни́ уста.
И сѣли они на коней богатырскіихъ
И отправились они во Кіевъ градъ.
И пріѣхали они во Кіевъ градъ,
На пиръ поспѣли къ князю стольне-кіевскому.
Тутъ они на пиру да напивалися,
Тутъ они на пиру да наѣдалися,
Тутъ они да порасхвастались:
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ похвасталъ,
Что мастеръ въ стрѣлочку стрѣлять,
А прекрасная Настасья королевична отвѣчаетъ ему:
— Ай же тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
— Если стрѣлочку стрѣлишь, пере́стрѣлишь,
— Либо стрѣлочку стрѣлишь, не до́стрѣлишь,
— А я стрѣлю́ не пере́стрѣлю. —
Потомъ они выѣхали въ чистое поле
И положили цѣль куды стрѣлять.
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Первой разъ стрѣли́лъ, пере́стрѣлилъ,
А другой разъ стрѣли́лъ, не до́стрѣлилъ;
А она натягивала свой ту́гой лукъ,

Положила стрѣлочку каленую,
Она стрѣли́ла не перестрѣлила.
Потомъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ разсердился,
Розгорѣлось его сердце богатырское,
Соскочилъ онъ съ коня богатырскаго
И схватилъ онъ Настасью королевичну съ коня да богатырскаго,
Бросилъ о сыру землю,
И заводитъ пластать да груди бѣлыи,
Она и смолилась:
— Ай же ты тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
— Не пластай ты моихъ грудей бѣлыихъ,
— Я тебѣ въ эвтомъ брюхѣ принесу трехъ сыно́въ,
— По колѣнушки въ се́ребри,
— По локо́точки въ золоти.
— И по косицамъ частыи звѣзды,
— А сзади у нихъ свѣте́лъ мѣсяцъ,
— А во лби красное солнышко. —
И тихій Дунай сынъ Ивановичъ —
Розгорѣлось его сердце богатырское,
И пласталъ ей груди бѣлыи.
Какъ роспласталъ ей груди бѣлыи,
Вынялъ оттель трехъ младенцевъ:
По колѣнушки въ се́ребри,
По локо́точки въ золоти,
И по косицамъ частыи звѣзды,
И сзади у нихъ свѣте́лъ мѣсяцъ,
А во лби красное солнышко.
Поставилъ копье тупымъ концемъ въ землю,
А на вострый конецъ самъ грудью палъ.
Отъ Дунаевой крови и Настасьиной крови
Протекло тутъ двѣ рѣки:
Дунай рѣка и Настасья рѣка.

Записано тамъ же, 4 іюля.

109.

СТАВЕРЪ.

Во городѣ во Кіевѣ,
У солнышка князя у Владиміра
И былъ почестенъ пиръ на весели.
А будетъ день на вечерѣ,
Вси на пиру да напивалися,
Вси же на пиру да наѣдалися,
Вси же на пиру да поросхвастались:
Умной-отъ хвастаетъ матушкою,
А иный-отъ хвастаетъ имѣніемъ богатствомъ,
Иный хвастаетъ плечомъ да богатырскіимъ,
А безумный-отъ похвасталъ молодой женой.
А сидитъ же тутъ Ставеръ да Стогодиновичъ,
И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты Ставеръ да Стогодиновичъ!
«Что же ты сидишь не хвастаешь?»
— Чимъ мни-ка-ва да добру молодцу похвастати?
— И у добра молодца добры конюшки не ѣздятся,
— И у добра молодца цвѣтны платьица не носятся,
— У добра молодца золота казна не тащится *(такъ)*. —
Опять же Владиміръ князь
Говоритъ ему таковы слова:
«Отчего же у тебя золота казна не тащится?»
— Оттого у меня золота казна не тащится,
— Что сорокъ заводовъ со заводами. —
«Отчего же у тебя цвѣтно платье не носится?»
— Оттого у меня цвѣтно платье не носится,
— Что каждый день да платье смѣнное. —
«Отчего же у тебя да добры конюшки не ѣздятся?»
— А оттого у меня добры конюшки не ѣздятся,
— Сорокъ кобылъ со кобылою
— Каждый годъ приносятъ по жеребчику.

— Есть у добра молодца молода́ жена,
— Настасья дочь Микулична;
— Всихъ князей да бо́яровъ да она вѣдь повыманитъ,
— Солнышка Владиміра князя и съума сведетъ. —
Тутъ ли солнышко Владиміръ князь
Скричалъ да громкимъ голосомъ:
«Ай же мои сильніи могучіи бога́тыри,
«Вси же мои князья да подколѣнныи!
«Возьмите-ка Ставра да Стогодинова,
«Отведите его во темницы бѣлокаменны,
«Пущай-ка тамъ Ставеръ да обумѣется,
«Пущай-ка тамъ да образумится».
И взяли Ставра да Стогодинова,
Посадили во темницу бѣлу каменну,
И сидѣлъ Ставеръ да Стогодиновичъ.
Прознала его молода жена,
Настасья дочь Микулична,
Она подстригла свои волосы по-му́жечки,
И окрутилась она да по-рыцарску *(такъ)*,
И обсѣдлала она коня да богатырскаго,
И взяла она палицу булатную, доспѣхи крѣпкіе,
И пріѣхала она въ стольной Кіевъ градъ,
И прямо она ко солнышку ко Владиміру,
Ко Владиміру князю стольне-кіевскому.
— Ай же ты солнышко князь стольне-кіевскій!
— Я пріѣхалъ вѣдь къ тебѣ за добрымъ дѣломъ за сва́товствомъ:
— Отдай-ка ты дочку за меня за храбраго за рыцаря. —
Солнышко Владиміръ принимаетъ во госте́бище во почестное,
И хочетъ кразу просватать свою дочь возлюбленную;
Приходитъ дочь къ нему въ полату бѣлокаменну:
«Ай ты мой батюшко возлюбленный,
«Солнышко Владиміръ князь!
«Не отдай-ко ты дѣ́вчину да за женщину,

«Не надѣлай-ко смѣху по всёй Руси».
Опять же Владиміръ князь стольне-кіевскій:
— Ахъ дочь моя возлюбленна!
— Какъ же не отдать тебя за рыцаря,
— За эдакаго за витязя? —
«Я замѣтила сего рыцаря:
«Есть дѣ́вчина либо женщина,
«На рукахъ златы перстни нóшены».
Опять говоритъ солнышку Владиміру:
«Ай же татенька мой возлюбленный!
«Надо узнать, его въ спальню позвать.
«Какъ онъ въ спальней проспитъ на пуховой постелѣ,
«Можно узнать, мужчина али женщина:
«Если мужчина — подъ грудмы́ яма будетъ,
«Если женщина, такъ подъ жопою».
Потомъ потребовалъ сего рыцаря
Солнышко Владиміръ князь опочивать въ спальнюю.
Онъ съ радостью идетъ опочивать,
Поутру онъ вставалъ раненько
И стряхнулъ свою постелю пуховую;
Потомъ умывался онъ бѣленько,
И выходилъ изъ сей спальней изъ палаты,
И отдалъ благодарность солнышку князю Владиміру
На теплоемъ ночлегѣ, на мяккоей постелѣ,
И поѣхалъ сей рыцарь въ чистое поле прогуливаться.
И въ эвто же время княжеская дочь возлюбленна
Кинулась она во спальнюю,
А на постели узнать нельзя:
Мущина ли почивалъ, али женщина?
Сей рыцарь пріѣзжаетъ со чистá поля
Опять за тымъ же добрымъ дѣломъ за свáтовствомъ.
Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Хочетъ просватать свою дочь возлюбленну
За сего рыцаря, что храбрый сей рыцарь есть.

Дочь его возлюблена выходитъ:
«Ай же ты мой татенько возлюбленный,
«Солнышко Владимiръ князь стольнё-кiевской!
«Не надѣлай-ко смѣху́ по всёй Руси,
«Не отдай-ко ты дѣ́вчины да за женщину».
Солнышко Владимiръ князь прого́ворилъ да таковы слова:
— Какъ же мни тебя да не просватати?
— Какъ же мы да узнаемъ, мужчина ли али женщина? —
«Ай же ты мой тятенько возлюбленный,
«Солнышко Владимiръ князь стольнё-кiевской!
«Истопить да парна баенка,
«Позвать да его съ пути да со дороженьки
«Въ парну баенку,
«Послать да своихъ слугъ да вѣрныихъ
«Узнать, мужчина ли есть али женщина?»
Истопили парну баенку
И проситъ сего рыцаря
Солнышко Владимiръ князь стольне-кiевской:
— Ай же ты храбрый рыцарь, не угодно ли съ пути съ дороженьки
— Попариться да въ парной баенки? —
«Весьма доволенъ съ пути съ дороженьки
«Попариться да въ парной баенки».
И скорѣе этотъ рыцарь роздѣвался,
Въ парну баенку сбирался,
И онъ шолъ въ парну баенку скоренко,
Умывался онъ бѣленько.
Направили они слугъ своихъ вѣрныихъ
За нимъ да вслѣдъ въ парну баенку,
А онъ ужъ съ баенки на встрѣчу идетъ и благодарность отдаетъ.
И тутъ же этотъ рыцарь обсѣдлалъ своего коня богатырскаго,
И выѣхалъ во чисто́ поле и скричалъ онъ по зари да по утреной:

«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
«Дай же ты съ Кіева мнѣ поединщика;
«А если не дашь мнѣ поединщика,
«Весь градъ плѣню, а дочь твою силой возьму».
Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской испугался
И не знаетъ кого изъ рыцарей послать.
И собиралъ своихъ князей боя́ровъ
И съ ними думаетъ крѣпка думушка.
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Некого послать какъ Ставра Стогодинова. —
И говоритъ Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Послать не послать — выпустить Ставра Стогодинова
«Со тыхъ со темницъ да со крѣпкіихъ
Приводятъ Ставра да Стогодинова
Со темницъ да со крѣпкіихъ
Къ солнышку ко князю ко Владиміру:
— Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
— Зачѣмъ же ты меня требуешь? —
«А зачѣмъ я тебя требую,
«Въ той вины я тебя прощаю,
«Только повыѣдь во чисто́ поле,
«Побѣди-ка ты рыцаря во чисто́мъ поли».
Потомъ Ставеръ да Стогодиновичъ
Сѣдлалъ своего коня да богатырскаго,
Повыѣхалъ онъ да во чисто́ поле
И наѣхалъ во чисто́мъ поле на рыцаря.
Сдѣлали розъѣзды во чисто́мъ поли
Попробовать своихъ плечъ богатырскіихъ,
Ударились палицамы булатныма.
Она да Ставра и зашибла вѣдь,
Ставра да Стогодинова,
И палъ Ставеръ да на сыру землю:
— Ай же ты Ставеръ да Стогодиновичъ!
— Чего же желаешь нынь живота, али смерти?

— Помнишь ли ты Ставеръ да Стогодиновичъ,
— Какъ мы съ тобою въ одномъ училищѣ училися,
— У меня чернильничка серебряна,
— А у тебя перышко золоченое?
— И сплошь ты въ мою черниленку помакивалъ,
— И даже частенько помакивалъ,
— А я тогда-сегда. —
Тутъ же Ставеръ не можетъ образумиться:
— Ай же ты Ставеръ да Стогодиновичъ!
— Чимъ же ты во поли похвастаешь?
— Никогда ты не хвастай молодой женой!
— Ты похвасталъ молодой женой,
— А теперь и самъ въ поли радъ жены дать. —
Потомъ розвернула свои бѣлы груди
И показала ему свое естество,
И тутъ онъ узналъ, что своя жена,
Молода жена Настасья дочь Микулична.
Тутъ они брали другъ дружку за бѣлы́ руки.
И сѣли они тутъ на добры́хъ коней:
— Ну Ставёръ да Стогодиновичъ!
— Никогда не хвастай молодой женой,
— Жена же тебя съ поло́ну вывела. —
И поѣхали въ свою сторону
На радость и на веселье;
Только были и во Кіеви.
А тутъ дочь отвѣчаетъ Владиміру:
«Ай же ты батюшко солнышко Владиміръ князь!
«Одва ты не надѣлалъ смѣху́ на всей Руси,
«Одва ты не отдалъ дѣ́вчину за женщину!»

Записано тамъ же, 4 іюля.

110.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(См. Рыбникова, т. III, 25).

Во христовскую заутреню
Поѣхалъ Добрынюшка Микитиничъ во Кіевъ градъ,
Поѣхалъ во Божью́ церковь.
И въ это же время пріѣхалъ Щурилушка Щиплёнковичъ
Къ Домнѣ Александровнѣ,
И увидала Домна Александровна,
Выходила она на ши́рокъ дворъ,
Отпирала она ши́роки врата,
И встрѣчала она Щурилушку Щиплёнковича,
Брала его за бѣлы́ руки
И цѣловала его въ сахарны́ уста,
Выпрягала его коня рыцарскаго,
Убирала коня во конюшни во новы́и,
И санки постановила во карéтникъ во свой,
И брала она Щурилушку за бѣлы́ руки,
И проводила во полаты бѣлокаменны.
И скидыва́лъ-то онъ шубоньку куньюю,
Шапочку соболиную,
Сапоженьки козловые.
И проводила она Щурилушку
Прямо во свою во спальнюю.
И въ это же время у Щурилушки была служанка крѣпостная
И говорила ему: «ахъ Щурило, это не хорошо!»
— Дѣвка молчи, я съ те сарафанъ сдеру! —
Дѣвки-то̀ не понравилося.
Если бъ онъ отвѣчалъ, что сарафанъ куплю,
А онъ отвѣчалъ, что сарафанъ сдеру.
Она бѣжала во Кіевъ градъ ко Божьѣй церквы,
Ко большимъ ключамъ церковнымъ,
Прямо она къ Добрынюшкѣ Микитинцу:

«Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«Поѣзжай-ко ты на свой домъ, —
«Пріѣхалъ къ тебѣ гость незваный да и нежданыій
«И не по обычаю тебѣ, не по разуму,
«Пріѣхалъ къ твоей Домны Александровны
«Щурилушка Щиплёнковичъ».
То Добрынюшка Микитиницъ
Выходилъ да со Божьёй церквы,
И скакалъ онъ на своего коня да богатырскаго,
И скакалъ къ своимъ да и полатамъ бѣлокаменнымъ,
И заѣзжалъ онъ на широкъ дворъ;
И стрѣчала его Домна Александровна.
Завóди онъ своего коня да богатырскаго
Во свои да во конюшенки во новы́я,
И тамъ стоитъ да конь Щурилушки Щипленковича.
И тутъ-то вѣдь и говоритъ Добрынюшка Микитиницъ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Онъ заходитъ въ каретничекъ во свой,
Увидалъ онъ Щурилушкины саночки самокатныя:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Заходи онъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Виситъ шубонька Щурилина кунья́я,
И говоритъ Добрынюшка Микитиницъ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Заходитъ онъ въ другую во комнату,
Увидалъ онъ Щурилины сапоженьки,
Соболиную шапочку на гвоздикѣ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Нѣтъ его Щурилушки здѣсь Щипленковица.
Добрынюшка Микитиницъ

Отпираетъ двери въ свою спальнюю полату:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Розсердилося Добрынюшки сердце богатырское,
И схватилъ онъ свою саблю острую,
И отсѣкъ онъ Щурилушкѣ буйну голову
И своей молодой женѣ Домнѣ Александровной.
А потомъ Добрынюшка Никитиничъ
Съ этой служанкой повѣнчался,
А Щурилушка только и живъ бывалъ.
А Добрынюшка сталъ жить да быть, добра наживать, изъ лиха избывать.

Записано тамъ же, 3 іюля.

111.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Гришка разстрижка когда царѣлъ въ Расеи,
И онъ царѣлъ вѣдь во Росеи
До годоваго до владычнаго до праздника
До Христова дни.
Весь народъ да вѣдь пошолъ на службу на христовскую,
А Гришка да разстрижка со своею царицею Маришкой,
Мариной Ивановной, князя Литовскаго дочь,
Они не на службу христовскую пошли, —
Пошли въ парную баенку,
Въ чистую умывальню,
И парились они въ парной баенкѣ,
Умывались въ умывальной
Христовскую заутреню.
Идетъ народъ отъ службы отъ христовскоей,
А Гришка разстрижка идетъ да съ парной баенки
Со своею-то царицею со Мариною Ивановной,

Князя Литовскаго дочь.
И одѣвались они тутъ въ драгоцѣнныя платья,
И выходили они въ драгоцѣнныихъ платьяхъ
На гульбище на прихладище.
И у Гришки у разстрижки былъ во чистóмъ поли
Храбрыій воинъ рыцарь Годуновъ,
И берегъ Гришку разстрижку.
И вдругъ со частá поля приходитъ грамота.
Гришкѣ разстрижки со чистá поля:
Нѣтъ его защитчика во живности,
Отсѣчена ему да буйна голова.
И только Гришка царемъ бывалъ,
И только Марина Ивановна царицей была,
Рѣшили его жизнь сесвѣтную.

Записано тамъ же, 3 іюля.

XX.

АЛЕКСАНДРЪ ДЬЯКОВЪ.

Александръ Дьяковъ, крестьянинъ дер. Потаневщины Кижской волости, лѣтъ около 50 отъ роду. Жилъ крестьянствомъ, но въ послѣднее время ослѣпъ, и міръ опредѣлилъ его на перевозъ, положивъ ему за это содержаніе. Дьяковъ слышалъ былины отъ того же Елустафьева, о которомъ упоминалось при прежнихъ сказителяхъ; онъ удержалъ въ памяти только одну нижеслѣдующую.

112.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Держалъ поѣздку со Мýромля.

Стоялъ Христовскую заутреню во Муромлѣ,
Завѣтъ положилъ поспѣть во Кіевъ градъ
Къ обѣдни ко христовскіи,
Завѣтъ положилъ ѣхать путемъ дорожкою,
Руки не кровавити.
Вышелъ на улицу широкую,
Тутъ молодецъ пороздумался:
Есть ко Кіеву да двѣ дороженьки,
Двѣ пути двѣ дороженьки:
Первая дорожка прямоѣзжая,
Другая дорожка окольная.
Окольная дороженька семьсо́тъ-то верстъ,
А прямоѣзжая дорога ровно триста верстъ;
Сорокъ лѣтъ дорожка заколо́дѣла,
Сидитъ Со́ловей Рахмановичъ,
Сидитъ у рѣченки у Черныи
У того дуба Леванидина,
У тоя береза покляпыи;
Убилъ сорокъ бога́тыревъ съ бога́тыремъ,
А мелкой силы и смѣты нѣтъ.
А тутъ сказалъ Илья Муромецъ:
«Не честь хвала ѣхать дорожкою окольною,
«А поѣду я дорожкой прямоѣзжею».
Поѣхалъ дорожкой прямоѣзжею
Ко этой ко рѣчкѣ ко Черноей,
Ко тому дубу Леванидову,
Ко той ко березкѣ ко покляпыи.
Тутъ Со́ловей Рахмановичъ
Крыкнулъ по звѣриному,
Свиснулъ по змѣиному;
У Ильи Муромца конь на колѣнка палъ.
Илья Муромецъ бьетъ коня по тучны́мъ бедрамъ:
«Ай ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
«Не слыхалъ ли ты крыку звѣринаго,

«Не слыхалъ ли ты свисту змѣинаго?»
А натягивалъ-то Илья Муромецъ свой шелко́вый лукъ,
Положилъ онъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ Со́ловью во сы́рой дубъ.
Пришла стрѣлочка Со́ловью во правый глазъ,
Вышла Со́ловью въ затылочекъ.
Со́ловей съ дуба́ упалъ на землю на матушку.
Привязалъ Илья Муромецъ Со́ловья ко стре́мени,
Поѣхалъ къ подворью соловьиному,
Къ тоей его семеюшкѣ любимыи.
Выѣхалъ на соловьиное поле на широкое,
Увидала дочи ме́ньшая соловьиная,
Увидала во окошечко косивчато,
Говоритъ своей матушкѣ:
— Матушка, матушка родимая!
— Батюшка ѣде, мужика везетъ,
— Мужика везетъ у стремени,
— Верхъ-то ноженьки а внизъ головушка. —
Большая дочь поглянула въ окошечко:
«Ахъ ты сестра меньшая,
«Вѣкомъ меньше, а окомъ есть тупѣе меня!
«А мужикъ-то ѣде деревенщина,
«Везетъ батюшку у стремени».
А середняя дочи́ скочила,
Схватила подворотеньку пятьсотъ пудовъ,
Хочетъ Ильи Муромцу придать.
Илья Муромецъ ударилъ ю да и кну́товищемъ,
Она слетѣла на заднiй тынъ,
Тамъ на жопы по́лзаётъ, —
Батюшку не выручила, а увѣчье себѣ на вѣкъ нажила.
Говоритъ Со́ловей Рахмановичъ:
— Ай же ты моя семеюшка любимая!
— Не деритесь-ко съ Ильей Муромцемъ,
— А несите-тко ему золотой казны. —

А Илья Муромецъ копье свое вострое,
Вострое копье трехсаженное,
Тыкнулъ свое копье во матушку во сыру землю,
Велѣлъ засы́пать копье вострое,
Копье вострое золотой казной.
Они заносили, копье вострое
Золотой казной засыпали,
А Илья Муромецъ взялъ, копье выдернулъ,
Да поѣхалъ ко городу ко Кіеву
Поспѣть къ обѣдни ко христовскіи.
Пріѣхалъ онъ во Кіевъ градъ
Ко ласкову князю Владиміру,
Поставилъ коня середи двора,
Неприказана, непривязана,
Самъ пошолъ къ обѣдни ко христовскіи.
Пришолъ на крыльцо церковное;
Владиміръ идетъ отъ обѣдни христовскія.
Онъ бьетъ челомъ поклоняется:
«Здравствуешь Владиміръ князь стольне-кіевской!
«Положилъ завѣтъ поспѣть ко обѣдни ко христовскіи,
«Маленько-молъ я дорожкой позашишкался *(такъ)*,
«Не попалъ къ обѣднѣ ко Христовскіи,
«Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
«Привезъ я Со́ловья у стремени».
Идетъ рядомъ со Владиміромъ,
А говорятъ князья и бо́яра:
— Владиміръ князь стольне-кіевской!
— Ма́нитъ мужикъ деревенщина. —
При́шелъ Владиміръ князь на свой на широкій дворъ,
Увидѣлъ Со́ловья у стремени;
Говоритъ Ильи таково слово:
«Какъ тебя зовутъ по имени,
«Какъ величаютъ по отечеству?»
Говоритъ-то Илья Муромецъ, отвѣтъ держитъ:

— Аль зовутъ меня Ильюшенкомъ,
— Да по отечеству Ивановъ сынъ. —
Говоритъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
«Прошу тебя къ себѣ пожаловать
«Во почестное да и во гостебище».

Записано въ Кижахъ, 5 іюля.

XXI.

СЕМЕНЪ КОРНИЛОВЪ.

Семенъ Корниловъ (по мѣстному произношенію Корныловъ), крестьянинъ дер. Ку́рьяницы Кижской волости, 52-хъ лѣтъ, высокаго роста, худой, сгорбленный, слѣпой. Онъ ослѣпъ съ 13-лѣтняго возраста и съ тѣхъ поръ кормится частью работою у родственниковъ, частью мірскою помощью. Былины узналъ отъ стороннихъ людей и поетъ ихъ весьма складно.

113.

НАСТАСЬЯ НИКУЛИЧНА.

(См. Рыбникова, т. II, 61).

Начинается розсказъ люди добрыи для васъ,
Какъ оратай-тотъ оре́тъ да вѣдь подсвистывае.
У оратая сошка поскрыпливае,
У оратая сошка красна́ дерева̀,
У оратая омешики сере́бряныѐ,
А присошокъ красна́ золота̀.
У оратая сапожки на ножкахъ зелёнъ сафьянъ,
Пяты шиломъ, носы востры,
Около носа яйцо прокати,

А по́дъ пяту воробей пролетитъ.
Кудри у мо́лодца качаются,
Не скачёнъ жемчугъ да розсыпается;
Брови какъ чернаго соболя,
А гла́зы какъ яснаго сокола.
А 'ще было-то у молодца похожено,
А у добраго было поѣзжено
На томъ ли на соколи на батюшкѣ
А на бо́льшоемъ ка́рабли;
У того у сокола у батюшки,
А у бо́льшаго у ка́рабля,
Носъ корма по звѣриному.
А бока-ты были по змѣиному;
На́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
А и на бо́льшоемъ ка́рабли,
Снасти канаты были ше́лковы,
Паруса были поло́тняны.
На́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
Да на бо́льшоемъ ка́рабли,
Якори были булатные,
Булата жалѣза заморскаго;
На́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
А и на бо́льшоемъ ка́рабли,
Флюгера-то были да дорого́й камки;
А 'ще на́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
Да на бо́льшоемъ ка́рабли,
Была поляница удалая:
А жопка у ней крутенька по женьскому,
Поступочка у ней частенька по женьскому,
Поговорюшка у ней глadéнька по женьскому.
Быть ли не быть ли Настасьѣ Никуличнѣ послу,
Тутъ-то Настасьѣ славу́ поютъ.

Записано въ Кижахъ, 7 іюля.

114.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОКОЛЬНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 63).

Изъ-за горъ-то горъ высокіихъ,
Изъ-за лѣсушковъ дремучіихъ,
Выѣзжалъ-то татарской сынъ,
Татарской сынъ да по имени Михаило Долгомѣровичъ.
Онъ ѣдетъ по чисту́ полю и видитъ ёнъ поѣздку богатырскую
А ископыть-ту лошадиную.
Тутъ татарско сердце розгорѣлоси,
Онъ поѣхалъ тутъ по за́рѣкамъ да вѣдь по за́водямъ,
Онъ стрѣлялъ тутъ гусей, ле́бедей
Да й пернастыхъ сѣрыхъ утушокъ.
И онъ увидѣлъ тутъ вѣдь сильняго могучаго бога́тыря,
И сильняго могучаго богатыря, да стараго казака да Илью Муромца.
Они по чисту́ полю да вѣдь розъѣхались,
А не двѣ тучи темныихъ сходилися,
А два сильніихъ могучіихъ бога́тыря съѣзжалися.
Оны въ первой разъ сразилися,
У нихъ копья приломилися;
А 'ще дру́гой разъ сразилися,
У нихъ сабли приломилися;
Оны въ третій разъ вѣдь сходятъ со добры́хъ коней,
Тутъ беремечкомъ схватилися.
Они долго другъ и съ другомъ тутъ водилися.
У Ильи-то права ноженька свернуласи,
Права ноженька свернуласи, лѣва ручка отмахнуласи,
Палъ Илья да о сыру землю.
Тутъ скочилъ татаринъ вѣдь Ильи да на бѣлы́ груди
И вынимаетъ онъ ножи́ще вѣдь кинжа́лище,
Хочетъ пла́стать вѣдь Ильи да бѣлыя груди.

Онъ сталъ поганый надсмѣхатися!
«Ужъ ты старая собака, ты сѣдатый песъ!
«Тебѣ ли ѣздить во чисто́мъ поли,
«Во чисто́мъ поли да на добро́мъ кони?
«Жилъ бы ты во городи во Кіевѣ,
«Пасъ бы ты гусей да лебедей,
«Да вѣдь пернатыхъ сѣрыхъ утушокъ».
Это слово-то Ильи вѣдь не слюбилося,
Какъ ударилъ-то Илья вѣдь татарина въ бѣлу́ю грудь,
Подынулъ-то онъ татарина повыше лѣсу стоячаго,
Пониже облака ходячева,
И палъ татаринъ о сыру́ землю,
И лежитъ татаринъ вѣдь не вѣдаетъ,
Гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ буйна́ голова;
Лежалъ-то татаринъ тутъ три дни да вѣдь три ноченьки,
А старый казакъ да Илья Муромецъ
Онъ садился на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ ко бѣлу́ шатру,
Онъ пустилъ коня да на зеле́ный лугъ,
Самъ онъ входитъ вѣдь во бѣлъ шатеръ,
Онъ хлѣба соли тутъ покушаетъ,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
Поклонъ ведетъ да по уче́ному.
А въ это время, въ этотъ часъ татаринъ какъ бытдо отъ сна да пробуждается,
Сталъ на ноги, да самъ бытдо шатается.
Онъ садился на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ ко своей матушкѣ,
А й ко матушкѣ а й ко Семиго́ркѣ, бабѣ-то Владимірке.
Онъ ѣдетъ, самъ качается.
Стрѣтаетъ его матушка Семигорка, баба да Владимірка,
Говоритъ ему да таково слово:
— Что же ты дитятко ѣдешь не по старому,
— Ѣдешь не по прежнему,

— Самъ сидишь въ сѣдли да вѣдь качаешься? —
И тутъ возго́воритъ молодой татарскій сынъ:
«Ты не знаешь, мать, незгодушки.
«Я наѣхалъ во чисто́мъ поли
«Старую собаку да сѣдатаго пса;
«Ужъ мы въ первый разъ да съ нимъ сразилися,
«У насъ копья приломилися;
«А 'ще другой разъ сразилися,
«У насъ сабли приломилися;
«А 'ще въ третій разъ мы сходили со добры́хъ коней
«Дружка съ дружкою беремечкомъ схватилися,
«У его у стараго да права ножка отвернулася,
«Лѣва ручка отмахнулася,
«Ужъ онъ палъ какъ о сыру землю,
«Я садился-то на бѣлы́ груди,
«Вынималъ-то я ножище кинжалище,
«И сталъ надъ нимъ да надсмѣхатися:
««Ужъ ты старая собака, сѣдатый песъ!
««Жилъ бы ты во городи во Кіеви,
««И пасъ бы ты гусей да лебедей,
««Да вѣдь пернатыхъ сѣрыхъ утушокъ!»»
«Это слово-то ему вѣдь не слюбилося,
«Онъ ударилъ-то меня да во бѣлу́ю грудь,
«Подынулъ-то меня да повыше лѣсу стоячаго,
«Пониже облака ходячева,
«Ужъ я палъ какъ о сыру́ землю,
«И лежалъ-то я вѣдь три дни и три ноченьки,
«Гдѣ рука, гдѣ нога, да гдѣ буйна́я голова.
«Черезъ три дни черезъ три ноченьки
«Пробуждался я отъ сна да будто пьяныи».
Какъ возго́воритъ ему да ро́дна матушка:
— Ужъ ты дитятко, моло́дой ты Сокольничекъ!
— Это вѣдь не старая собака, не сѣдатый песъ,
— А это есте старый казакъ да Илья Муромецъ. —

Тутъ у татарина сердце розгорѣлоси,
Онъ скорешенько садился на добра коня,
Онъ поѣхалъ во чисто́ поле
Ко тому ли ко бѣлу́ шатру,
Онъ пустилъ коня да вѣдь на зе́ленъ лугъ,
Онъ скочилъ въ шатеръ, да самъ не спрашивалъ,
И схватилъ-то онъ ножи́ще вѣдь кинжалище,
И ударилъ онъ Илью да во бѣлу́ю грудь,
А Илья лежитъ сонный, какъ и мертвый;
И попало у Ильи да въ зо́лотъ крестъ.
Тутъ Илья отъ сна да пробуждается,
Тутъ хватилъ Илья татарина вѣдь за ноги
И роздёрнулъ его на́-двоё;
Одну ногу кинулъ къ Семигоркѣ, бабѣ-то Владимiркѣ,
А другую ногу кинулъ во Ефратъ рѣку.
Тутъ садился-то Илья да на добра́ коня,
Тутъ поѣхалъ вѣдь Илья ко городу ко Кiеву
И ко князю ко Владимiру,
Бьетъ челомъ да поклоняется.
Тутъ Ильѣ честь пошла и славу́ поютъ.

Записано въ Кижахъ, 7 iюля.

115.

ДЮКЪ.

Какъ во той ли во Индѣи во богатыи,
Какъ во той ли во Карелы во упрямыи,
Какъ во томъ ли во городѣ Волынцѣ,
Жилъ былъ мо́лодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ.
Онъ беретъ себи свой ту́гой лукъ,
Да еще беретъ онъ тридцать три стрѣлы каленыихъ,
А тридцать-то каленыихъ а три-то золоченыихъ,

Онъ ходилъ-то по за́рѣки да и по за́води,
И стрѣлялъ-то гусей лебедей.
Розстрѣлялъ онъ тридцать три стрѣлы,
Не попалъ онъ ни въ единую:
«Мнѣ не жалко тридцати-то стрѣлъ,
«А только жалко мнѣ-ка трехъ-то стрѣлъ:
«Эти три стрѣлы да вѣдь каленыи,
«Оны вси да золоченыи,
«И перьямы сажоныи,
«Оны перьями орловыма,
«Не того орла который вѣдь летаетъ во чисто́мъ поли,
«А того орла который сидитъ на́ мори,
«На мори сидитъ на камени;
«А 'ще тотъ орелъ своро́хнется,
«Сине морюшко сколыблется,
«А въ дере́вняхъ пѣтухи споютъ;
«Тутъ ѣздятъ гости корабельщики,
«Обираютъ перья-ты орловыя,
«Оны привозятъ къ моей матушкѣ
«Емельфѣ Тимофеевной».
Тутъ приходитъ молодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ
Во свои-ты полаты бѣлокаменны,
Онъ приходитъ вѣдь во гридни во столовыи,
Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,
У матушки своей да сдоложается,
Говоритъ да таково слово:
«Ужъ ты матушка родимая!
«Я хочу вѣдь ѣхать-то ко городу ко Кіеву
«А Богу помолитися,
«Князю кіевскому поклонитися».
Какъ возго́воритъ ему да ро́дна матушка,
Ро́дна матушка Емельфа Тимофеевна:
— Ужъ ты дитятко да Дюкъ Степановичъ!

— Ты еще вѣдь молодёшенёкъ,
— Эта есть дорожка дальняя,
— Кру́гомъ ѣхать три́ года,
— А прямо ѣхать три мѣсяца.
— На прямой-то вѣдь дороженькѣ
— Есть три за́ставы великіе:
— Перва за́става змѣиная,
— Дру́га за́става звѣриная,
— Третья за́става семь есте бога́тырей:
— А первый нашъ казакъ Илья Муромецъ,
— А другой опять Добрынюшка Никитиничъ,
— Третій-то Олешенка Поповичъ,
— Четвертый-то Чурилушка Щапленковичъ,
— Пятый-то Михайла Долгомѣровичъ
— Шёстый сёмый два брата Агрикановы. —
Тутъ пошолъ-то Дюкъ Степановичъ
По дворамъ-то по конюшенькамъ,
По дворамъ да по конюшенькамъ
Избирать себѣ коня да вѣдь по разуму;
Онъ выбралъ-то коня себѣ по разуму,
Бурушка маленькаго и косматенькаго.
Онъ надѣлъ-то вѣдь узди́цу-то тесмяную,
А не для красы басы молодецкія,
А для крѣпости да богатырскія;
Онъ кладетъ-то вѣдь сѣделышко черкаское,
А не для красы басы молодецкія,
А для крѣпости да богатырскія;
Онъ подтягиватъ подпруги шелковыя,
А семи шелковъ да шемаханскіихъ,
А не для красы басы молодецкія,
А для крѣпости да богатырскія;
Онъ вѣдь стягиватъ тутъ пряжки-то серебряны
И онъ вдергиватъ тутъ иглы золоченыя,
А не для красы басы молодецкія,

А для крѣпости да богатырскія.
Онъ ведетъ коня да ко перёному крыльцу,
Ко перёному крыльцу, да ко точеному столбу,
Ко точеному столбу, да ко золоченому кольцу.
Тутъ приходитъ Дюкъ Степановичъ во гридни во столовыи,
Онъ крестъ кладетъ да по писáному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Онъ съ матушкой прощается,
Въ путь дорожку отправляется.
Видѣли добра мóлодца сядучись,
А не видѣли добра мóлодца поѣдучись,
Только видятъ что въ поли кудельбá *(такъ)* стоитъ,
А подъ Дюкомъ-то конь какъ стрѣла летитъ.
Пріѣзжаетъ тутъ Дюкъ къ первой зáставы змѣиныя;
Змѣи розсержаются а на Дюка розъяряются,
Поглотить его хотятъ.
Дюкъ сталъ коня понуживать,
Сталъ бурушка поправливать,
Сталъ бурушко поскакивать,
Перву зáставу проѣхалъ онъ безъ пакости.
Къ дру́гой заставы пріѣхалъ онъ звѣриноей;
Звѣри розсержаются а на Дюка розъяряются,
Хочутъ съ конемъ его зглотать.
Дюкъ Степановичъ бурушка поправливатъ,
Косматаго понуживатъ,
Сталъ бурушко поскакивать,
Сталъ косматенькой помахивать,
Дру́гу зáставу проѣхалъ онъ безъ пакости.
Къ третьей заставы пріѣхалъ онъ къ великоей,
Гдѣ семь стоитъ богáтырей,
Поляницъ да вѣдь удалыихъ;
Онъ пріѣхалъ вѣдь не спрашиватъ.
Тутъ выходитъ нашъ донской казакъ Илья Муромецъ,
Выходитъ со бѣлá шатра.

И говоритъ да таково слово:
«Что ты за невѣжа ѣдешь мимо да не спрашивашь?
«Мимо нашу зáставу ни конный не проѣзживалъ,
«Ни пѣшій ни прохаживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ,
«А вѣдь птица полетитъ, да и та перо сронитъ.
«Ты скажи-ко вѣдь удáлый добрый мóлодецъ,
«Изъ какой земли да изъ какой орды,
«Куда ѣдешь, куда пýть держи́шь,
«И какъ тебя зовутъ?»
И возгóворитъ-то мóлодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ:
— Я есте изъ Индѣи изъ богатыя,
— Да изъ Корелы изъ упрямыя,
— Съ того ли города Волынца,
— Мóлодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ;
— Ужъ я ѣду да ко городу ко Кіеву,
— Богу помолитися, князю поклонитися.
— Скажутъ, Кіевъ градъ да на красы стоитъ. —
Тутъ возгóворитъ-то Илья Муромецъ:
«Ты скажи-тко да удáлый добрый мóлодецъ,
«Ты давно ли выѣхалъ изъ Индѣи изъ богатыя?»
Тутъ отвѣтъ держитъ да Дюкъ Степановичъ:
— Я выѣхалъ-то изъ Индѣи изъ богатыя
— Послѣ поздніихъ вечеренъ,
— А хочу поспѣть въ Кіевъ на обѣдню. —
Этому Илья да подивился,
Тутъ съ Дюкомъ-то Степановымъ простился.
Тутъ садился Дюкъ Степановичъ на добрá коня,
На добрá коня на бурушка косматаго;
Тутъ видѣли добраго молодца сядучи,
А не видѣли добра молодца поѣдучи,
Только видятъ что въ поли кудельба стоитъ,
А подъ Дюкомъ-то конь какъ стрѣла летитъ.
Пріѣхалъ-то Дюкъ Степановичъ

Ко тому ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру
Онъ ко поѣзду княженецкому.
Онъ поставилъ коня да не привязываетъ,
Ни у кого ничего да онъ не спрашиваетъ,
Онъ идетъ да вѣдь прямо во Божью́ церковь,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
Поклонъ ведетъ да по уче́ному,
Князю Владиміру въ особину.
Они Богу помолилися, обѣдни простояли,
И выходятъ тутъ изъ церкви изъ соборныя.
Ужъ какъ сталъ-то князь Владиміръ тутъ выспрашивать:
«Ты скажи-тко да уда́лый добрый мо́лодецъ,
«Изъ какой земли, да изъ коей орды,
«Какого отца матери,
«Какъ тебя по имени зовутъ?»
Отвѣтъ держитъ Дюкъ Степановичъ:
— Я есть вѣдь изъ Индѣи изъ богатыя,
— Изъ Корелы изъ упрямыя,
— Съ того города Волынца,
— Мо́лодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ. —
Тутъ пошли они отъ церкви отъ соборныя
Прямо вѣдь на княжей дворъ,
Тутъ идетъ-то Дюкъ Степановичъ,
Да самъ-то онъ головушкой покачиватъ,
По двору идетъ, головушкой покачиватъ.
Оны приходятъ вѣдь въ полаты бѣлокаменныи
А во гридни во столовыи,
А Дюкъ Степановичъ идетъ да все головушкой покачиватъ.
Онъ крестъ кладетъ да по писа́ному,
Поклонъ ведетъ да по уче́ному,
Князю-то съ княгинею въ особину.
Тутъ садилися они да за столы за дубовыя
Да за скатерти-ты браныя.

Тутъ собралися князи бо́яра
И сильніи могучіи бога́тыри,
Вси за столомъ сидятъ ѣдятъ да кушаютъ,
Ѣдятъ да кушаютъ, самы все слушаютъ.
Поднесли-то Дюку Степановичу
Чару зелена́ вина;
Онъ полъ-чарочки-то пилъ, а дру́го такъ отложилъ;
Поднесли ему да чару пива пьянаго,
Онъ полъ-чарочки-то пилъ, а дру́го такъ отложилъ;
Принесли ему колачикъ крупивчатый,
Онъ полъ-колачика ѣлъ, дру́го такъ отложилъ.
Тутъ возго́воритъ Владиміръ князь да столенъ-кіевской:
«Ужъ ты что же, Дюкъ Степановичъ,
«Половинку чары пьешь, а дру́гу такъ кладешь,
«А 'ще что же ты полъ-колачика ѣшь, а дру́го такъ кладешь?»
Тутъ возго́воритъ да Дюкъ Степановичъ:
— Ужъ ты солнышко Владиміръ князь да столенъ-кіевской!
— У васъ всё да не по нашему:
— Я пришолъ какъ къ вамъ во гридни во столовыи,
— У васъ стоятъ столы дубовыи,
— А на столахъ все скатерти забраныи,
— А у насъ столы да все кленовыя,
— А скатерти-ты все шелковыя,
— А семи шелковъ да шемаханскіихъ.
— У васъ все да не по нашему:
— У васъ печки-ты кирпичныя,
— А у насъ печки изразцовыя,
— Карнизы золоченыя.
— У васъ все да не по нашему:
— У насъ вина виноградныи,
— А у васъ вина-ты простыя вѣдь;
— У насъ меды стоялыя,
— А у васъ-то меды кислые;
— У насъ колачики крупивчаты,

— Колачик-отъ ѣшь, а по другомъ душа горитъ;
— Потому душа горитъ: у насъ помяльца-ты шелковыя,
— А мочатъ-то ихъ въ меды да вѣдь стоялые;
— У васъ помяльца-то сосновыя,
— Такъ колачики-то на хвóйку пахнутъ.
— У насъ какъ матушка Емельфа Тимофеевна
— Пойдетъ-то во церковь во соборную,
— Впереди идутъ лопатчики,
— А во слѣдъ идутъ метельщики,
— Дорожку розгребаютъ да песочкомъ посыпаютъ,
— А подъ рукой идутъ вѣдь няньки,
— А во слѣдъ идутъ служанки;
— У нея лапотики на ножкахъ шелковыя,
— Семи шелковъ да шемаханскіихъ,
— А одежа на себи да шуба соболиная;
— Придетъ-то въ церковь во соборную
— Крестъ кладетъ по писáному,
— Поклонъ ведетъ по учéному,
— На вси стороны да поклоняется;
— А идетъ какъ она изъ церкви изъ соборныя
— На свой на широкой дворъ,
— У насъ-то на дворѣ да сукна посланы да одинцовыя.
— У васъ все да не по нашему:
— У васъ дорожки не розглажены,
— Песочкомъ не засыпаны,
— У васъ на дворѝ хоть звѣрь ногу ломи;
— Дворники да слуги въ шашки да въ бабки играютъ,
— Въ красныхъ рубашкахъ гуляютъ. —
Тутъ они поѣли да покушали,
Они крестъ-то кладутъ по писáному,
Поклонъ ведутъ по учéному,
Князю-то Владиміру въ особину.

(Конца не помнитъ).

Записано тамъ же, 7 іюля.

116.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. II, 65).

Изъ-подъ бѣлыя березки кудревастенькія,
Да изъ-подъ чуднаго креста да Левантинова,
Выходила тутъ турица златорогая
Съ мо́лодыма турама малыма дѣтушками.
Лучилось итти турамъ да мимо славный Кіевъ градъ.
Они видѣли—дѣвица-та ходитъ, держитъ книгу-ту ева́нгельё,
А не стольки читаетъ, а всё ёна́ плачѐтъ.
Она видѣла надъ городомъ чудны́мъ чуднѐ,
Она видѣла надъ Кіевомъ дивны́мъ дивнѐ,
Какъ наѣхалъ тутъ Батыгушка Батыговичъ,
А й со сыномъ со Батыгою Батыговичемъ,
Да и со зятемъ Тараканчикомъ Карабликовымъ
И со дьячкомъ да выдумщичкомъ.
У Батыги-то съ сыномъ силы сорокъ тысячей,
Да у зятя-то силы сорокъ тысячей,
Да у дьячка-то вѣдь силы сорокъ тысячей.
Тутъ-то князь закручинился,
А Владиміръ запечалился.
По голямъ голи шатаются,
По царевымъ кабакамъ столыпаются,
А Василій въ кабаки безъ портокъ на печи.
А й возго́воритъ Василій таково слово:
«Наливайте-тко Василью чару зелена́ вина,
«А другую-то пива пьянаго,
«А третью-то сла́дкаго меду́».
Сливали то пи́тье да вѣдь въ одно мѣсто,
Становилоси пи́тья да полтора ведра.
Выпиваетъ тутъ Василій на единый духъ,
Говоритъ-то тутъ Вастлій таково слово:
«Я теперь могу добры́мъ конемъ владать,

«Я теперь могу вострой саблёй махать».
Тутъ садился вѣдь Василій на добра́ коня:
Видѣли добраго молодца сядучи,
А не видѣли добраго молодца поѣдучи.
Поѣхалъ вѣдь Василій не воротами,
А черезъ тую стѣну городовую,
Только видятъ: въ поли кудельба́ стоитъ,
А подъ Васильемъ конь будто стрѣла́ летитъ.
Тутъ наѣхалъ вѣдь Василій на Батыгу,
Да со сыномъ со Батыгою Батыговичемъ,
Онъ убилъ вѣдь Батыгу Батыговича
И убилъ зятя Тараканчика Карабликова
И убилъ-то дьячка выдумщичка.
Поѣхалъ тутъ Василій ко городу ко Кіеву,
Да и ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Онъ пріѣзжаетъ на княжій дворъ,
Бьетъ челомъ да поклоняется,
Самъ съ княземъ Владиміромъ прощается.
Тутъ-то Василью славу́ поютъ.

Записано тамъ же, 7 іюля.

117.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

Женили меня мо́лодца,
Не у го́лова женили, у богатаго,
А приданаго-то много — человѣкъ худой;
Цвѣтное портишечко на грядочкѣ виситъ,
А худая жени́шка на ручкѣ лежитъ.
Пошолъ пошолъ уда́лый добрый мо́лодецъ
Отъ худой жены да неудачливой
Изъ орды въ орду да къ королю въ Литву,
Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,

Самъ королю да во служеніе дается.
Первыхъ три́ году да онъ жилъ во конюхахъ,
А дру́го три́ году онъ жилъ да вѣдь во ключникахъ,
А третье три́ году онъ жилъ да во постельникахъ,
А четвертыхъ три́ году онъ жилъ да вѣдь во спальникахъ,
Жилъ-то онъ съ королевичною
Быдто братъ съ сестрой, да быдто мужъ съ женой.
Чрезъ двѣнадцать лѣтъ ему да захотѣлося
Съ отцемъ да съ матушкой да повидатися,
Со худой женой да неудачливой.
Онъ пошолъ пошолъ да добрый мо́лодецъ,
Онъ зашолъ да во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмку, выпилъ дви,
Самъ онъ поросплакался,
Поросплакался да поросхвастался:
«Ужъ какъ жилъ я у короля въ Литвы,
«У короля въ Литвы да съ королевичной,
«Первыхъ три году я жилъ да вѣдь во конюхахъ,
«Дру́гихъ три году я жилъ да вѣдь во ключникахъ,
«Третьи три году я жилъ да вѣдь въ постельникахъ,
«Четверто три году я жилъ да вѣдь во спальникахъ,
«Жилъ-то я со королевичной
«Быдто братъ съ сестрой, да быдто мужъ съ женой».
Тутъ случились палачи да немило́сливы,
Тутъ схватили добра мо́лодца скорёшенько;
Рѣзвы ноженьки сковали,
Бѣлы рученьки связали,
Буйну голову тряпкой завязали,
Повели его да къ королю въ Литву,
За его рѣчѝ неумныя,
За басни неразумныя,
И ведутъ-то его мимо королевской дворъ.
Онъ смолился палачамъ да немило́сливымъ:
«Вы не ведите-тко меня къ королю на дворъ,

Къ стр. 287

Василій Петровичъ
ЩЕГОЛЕНОКЪ.

«А вы ведите-тко меня да къ королевичной»,
Увидала тутъ королевична,
Идутъ-то палачи да немило́сливы:
Она бросалась въ окно да вѣдь по поясу,
Она крычала жалкимъ голосомъ:
— Ужъ вы палачи да палачи вы немило́сливы!
— Вы не водите-тко да моего слугу,
— Моего слугу на королевской дворъ,
— А вы лучше-то возьмите какого ни пьянюшечку;
— Ужъ я дамъ вамъ много злата, много се́ребра. —
Палачи тутъ смилосердились,
Слугу къ ней отпускаютъ,
А пьянюшку-то къ себѣ има́ютъ,
Бѣлы рученьки связали,
Рѣзвы ноженьки сковали,
И всѣ ты хва́сты королю-то розсказали;
Отсѣкли ему буйную голову.
А королевна своего слугу вѣрнаго
Накормила, напоила
И въ отлично[1]) платье снарядила,
Въ путь дорожку отпустила,
Отъ смерти слободила.

Записано тамъ же, 7 іюля.

XXII.

ВАСИЛІЙ ЩЕГОЛЕНОКЪ.

Василій Петровичъ Щеголенокъ, крестьянинъ дер. Боярщины, Кижской волости, 65-ти лѣтъ отъ роду; земледѣлецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сапожный мастеръ; пріобрѣлъ склонность

1) Т. е. въ такое платье, въ которомъ его нельзя было узнать; такъ пояснилъ Корниловъ.

къ пѣнію былинъ еще въ малолѣтствѣ, слушая своего дѣда и въ особенности дядю Тимофея, который, будучи безногимъ, сорокъ лѣтъ сидѣлъ въ углу въ домѣ его отца и занимался сапожною работою. Перенявъ ремесло дяди, Щеголенокъ отъ него же научился и большей части тѣхъ былинъ, которыя помнитъ понынѣ. Поетъ онъ былины не громкимъ, но довольно пріятнымъ, хотя уже старческимъ голосомъ, соединяя, впрочемъ, часто въ одну былину разнородные предметы и не придерживаясь опредѣленнаго размѣра. Щеголенокъ былъ извѣстенъ г. Рыбникову; осенью 1871 года онъ побывалъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ прибавилъ нѣсколько былинъ къ тѣмъ, которыя онъ пѣлъ собирателю въ Кижахъ и которыхъ тогда не могъ хорошенько припомнить; при этомъ повѣренъ вновь и текстъ былинъ, записанныхъ на мѣстѣ. Всѣ былины записаны «съ голоса». Щеголенокъ, хотя неграмотный, но большой охотникъ ходить по монастырямъ и слушать божественныя книги; это отзывается отчасти и въ тонѣ его былинъ.

118.

СВЯТОГОРЪ И ДОБРЫНЯ.

Да на славноей на застáвы на московскіи
Тамъ стояло двѣнадцать богáтырей;
Да проговорилъ Святогóръ богатырь,
Онъ старше всѣхъ богáтырей:
«Русскіе могучіи богáтыри,
«Ай же вы поляницы удалыя!
«Кого же намъ послать во землю во Тальянскую?
«Да послать ли Святогóра богáтыря,
«Такъ вѣдь некому стоять на застáвѣ
«А й на заставѣ да и на московскіи.
«Да посылать ли намъ Добрынюшку Никитича

«Да во эту землю во Тальянскую,
«Да вѣдь тамъ надо ему биться ратиться,
«А стоять-то ему за стольный Кіевъ градъ,
«За свое ли за ро́дно за отечество
«Да за тую ль-то за вѣру христіанскую,
«Надо повыбрать пошлина да за двѣнадцать лѣтъ».
Да прого́ворилъ-то Святогоръ тутъ бога́тырь:
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Поѣзжай ко этому подворью вдовьиному
«Честно̀й-то вѣдь вдовы Офимьи Александровной,
«Напроси-тко Добрынюшка прощеньица,
«Напроси-тко Добрыня благословеньица
«Да поѣхать ли во землю во Тальянскую,
«Тамъ надо биться ратиться
«И стоять-то за стольный Кіевъ градъ,
«За свое-то ро́дно отечество
«И за ту за вѣру христіанскую.
«Тебе выбралъ ли солнышко Владиміръ князь
«Подписались русскіи могучіи бога́тыри
«И вси поляницы-ты удалыи».
И прого́вори честна̀ мужняя вдова
Да вѣдь Офимья Александровна,
А прого́воритъ она да вѣдь таково слово:
— Ай ты Добрынюшка Никитиничъ!
— Я бы знала Добрынюшка, я бы вѣдала,
— Я спородила бы тебя силою великою
— Супротивъ Святогора бога́тыря,
— А смѣлостью супротивъ стараго казака, а супротивъ Ильи Муромца,
— И грамотой-то бы выучила тебя Добрынюшка
— Супротивъ Олешеньки Поповича. —
Да прого́воритъ Добрыня таково слово;
«Честна̀ мужняя вдова Офимья Александрова!
«Да ты дашь прощеньице поѣду,

«А не дашь благословеньица поѣду:
«А меня выбралъ солнышко Владиміръ князь,
«А меня выбрали русскіе могучіе богáтыри,
«Подписался Святогоръ богáтырь».
И высталъ Добрынюшка на свои рѣзвы́ ноги
Во своёй ли полаты богатырскоей,
Онъ беретъ уздечку тесмяную,
Надѣвае на коня богатырскаго,
Кладывае на коня испотники,
На потнички да вѣдь войлочки,
На войлочки сѣделышко черкальское
И затягиваетъ двѣнадцать подпруговъ,
И во подпругахъ пряжечки серебряны,
А во пряжечкахъ штылёчики чиста золота;
Арабское золото не держится
И булатъ-то желѣзо не ржавѣетъ.
И завязываетъ Добрынюшка свясточки онъ семи шелковъ
Онъ не для ради красы, а ради крѣпости.
И прогóворитъ тутъ честнá вдова
Да вѣдь Афимья Алескандровна:
— Да что же Настасья Никулична
— Со своимъ мужомъ не прощаешься? —
И она стала молода жена Настасья Никулична
На свои-то на рѣзвы́ ноги,
Да идетъ-то покоемъ бѣлоду́бовымъ
И опущается по ступенечкамъ по кру́тыимъ,
Да выходитъ на улицу на широку,
Да прогóворитъ она да и таково слово:
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«А когда те сожидать да со чиста поля?»
Да проговоритъ Добрыня таково слово:
— Сожидайте меня да вы три году;
— На проходи тому время три году,
— Сожидайте вы меня да шесть годовъ;

— И на проходи тому шесть годовъ
— Сожидайте вы меня девять лѣтъ,
— Да ждите вы меня да двѣнадцать лѣтъ.
— На проходи тому времени двѣнадцать лѣтъ,
— Тутъ ты Настасья Никулична
— Хоть заму́жъ поди, хоть вдовой живи,
— Да не ходи за смѣлаго Алешу за Поповича,
— За того ль за дѣво́чьяго насмѣшника
— И за мо́его названнаго за меньшаго за брата. —
Она беретъ Настасья Никулична
А того Добрынюшку Никитича
За эти ручки за бѣлыя,
За эти перстни за злаченыя,
А цѣлуетъ въ уста во саха́рніи.
И какъ сѣлъ ли уда́лый добрый мо́лодецъ
Добрынюшка Никитиничъ,
Какъ-то видѣли добра молодца посядучи
На этого коня да богатырскаго
А на эту степь *(такъ)* да лошадиную,
А не вид'ли добра мо́лодца поѣдучи.
И скакалъ-то конь съ го́ры-то на́ гору,
И мелкіе рѣки перешахивалъ,
А большіе озера перескакивалъ,
А куда конь летитъ, туда ископытъ столбомъ стаётъ.
А съѣхалъ ли Добрынюшко во землю Таліанскую;
Да вѣдь надо тамъ ему биться ратиться,
А стоять-то ему за стольный Кіевъ градъ,
За свое-то за ро́дно за отечество,
Да за ту ль-то за вѣру христіанскую.
На проходи тому времени три года,
Да не видно Добрынюшки со чиста́ поля;
На проходи тому времи шесть годовъ,
А не видно Добрынюшки со чиста́ поля;
На проходи тому времи девять лѣтъ,

А не видно Добрынюшки со чиста́ поля;
На проходи тому время двѣнадцать лѣтъ,
А не видно Добрынюшки со чиста́ поля.
И застучалось у полаты богатырскоей
А у того ли кольца золоченаго,
А на томъ ли на крыльцѣ на перёноемъ;
Да прого́воритъ тутъ честно-мужняя вдова Афимья Александровна:
«Какъ бы былъ-то удаленькій Добрынюшка Никитиничъ,
«Не дошло бы надсмѣяться надъ подворьицемъ,
«Надъ подворьицемъ надъ вдовиныимъ».
Отворила да и ворота богатырскія,
Да пришло-то три калѣки перехожіи,
У калѣкъ-то лапо́тки на ножкахъ семи шелковъ,
Да котомочки за плечами бархатны,
Да пришли оны въ покои богатырскіи,
И они крест-отъ кладутъ по писа́ному
Да поклоны ведутъ по учёному,
На двѣ на три на четыре на сторонки поклоняются,
Честноей вдовы да вѣдь Афимьѣ Александровной
И оны дѣлаютъ поклонъ да вѣдь въ особину:
— Честно-мужняя вдова Афимья Александровна!
— А мы видѣли Добрынюшку въ чисто́мъ поли,
— Лежитъ-то Добрынюшка убитыи,
— Буйна го́лова Добрынюшки розломана,
— Бѣлы груди у Добрынюшки росپластаны,
— Да конь богатырскій по колѣнъ въ крови.
— И растетъ ли на Добрынюшки травонька,
— А растетъ ли на Добрынюшки ше́лковая,
— Да на травоньки цвѣтутъ да вѣдь цвѣтики,
— А цвѣтики цвѣтутъ да вѣдь лазуревы. —
И прого́воритъ другой калѣка перехожіи:
«Ай же ты Настасья Никулична!
«Мы пришли тебя посватати

«А за этого за смѣлаго за Олешу за Поповича,
«За того ль-то за дѣво́чьяго насмѣшника
«И за его-то за меньшаго а названаго за брата».
Да просватала сама себя Настасья Никулична,
Увели ее старци ка́лѣки перехожіи,
Увели ее Настасью Никуличну
За этого за смѣлаго Олешу за Поповича,
За того ль за дѣвочьяго насмѣшника
А за того за меньшаго за брата названаго.
И приходи тому временьки три денька,
И застучалось у полаты богатырскою
И на томъ ли на крыльцѣ да на перёноемъ
И у того ли кольца у золоченаго.
Да прого́вори честно-мужняя вдова да вѣдь Офимья Александровна
Да сквозь свои-то слезы да горючіи:
— И какъ былъ Добрынюшка Никитиничъ,
— Не дошло бы надсмѣ́яться надъ подворьицемъ,
— Надъ подворьицемъ да на вдовьинымъ! —
И отворила ворота да богатырскіи,
И пришолъ ли удалъ добрый молодецъ
И пришолъ ли молодецъ незна́комый,
Онъ крестъ кладетъ по писа́ному
Да поклонъ ведетъ по уче́ному,
На двѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Честно-мужней вдовы Афимьи Александровной
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Онъ прого́воритъ удалый добрый мо́лодецъ:
«Честно-мужняя вдова Афимья Александровна!
«И не спознала ты Добрынюшки Никитича?»
Да беретъ ее за ручки за бѣлыи,
И за эти за перстни злаченыи,
Да цѣлуе во уста да во сахарніи.
И онъ прого́воритъ удалый-то добрый мо́лодецъ:

«А гдѣ-то жена моя Настасья Никулична?»
И прогóворитъ честно- мужняя вдова да вѣдь Афимья Александровна:
— Да твоя жена Настасья Никулична
— Да просватала сама себя
— За смѣлаго Олешу за Поповича,
— За того ль-то дѣвóчьяго насмѣшника,
— А за твоего ль-то меньшаго брата за названаго,
— На проходи тому временьки три денька. —
Да заходитъ ли млáдый Добрынюшка Никитиничъ
Во свой ли кабинетъ богатырскіи
Да беретъ три златни́цы три серебряныхъ,
И кажная златница стоитъ сто рублей,
Онъ садился-то Добрынюшка Никитиничъ
И на этого коня-то богатырскаго,
И со этыма поспѣхама богатырскими
И со этою со палицей булатнею,
Онъ и плёточкой коня Добрынюшка попуживаетъ,
И палицей булатнею Добрынюшка поигрываетъ.
И надо ѣхать Добрынюшкѣ во эту землю во Смоленскую
И ко этому Олешенькѣ Поповичу
Да на ши́рокъ дворъ на почестенъ пиръ.
А садился Добрынюшка Никитиничъ
А на своего коня на богатырскаго,
Куда конь летитъ, туды ископыть стаетъ,
И мелки броды перешахивалъ,
А рѣчки широки перескакивалъ,
А озера болота вокру́гъ ѣхалъ.
И пріѣхалъ Добрыня во земли Смоленскую
Ко этому Олешѣ ко Поповичу
А на ши́рокъ дворъ на богатырскіи;
Да вѣдь заперты ворота да и богатырскіи,
Да стоятъ тутъ его да слуги вѣрныи,
Не пропущаютъ туда на ши́рокъ дворъ, на почестенъ пиръ

А ни коннаго ни пѣшаго.
А прогóворитъ Добрыня таково слово:
«Ай же вы слуги вѣрныи
«Алешеньки да вы Поповича!
«Вы возьмите съ меня златницу да серебряну,
«А вѣдь златница стоитъ сто рублей,
«Да пустите удáлаго добра мóлодца
«А дѣтинушку скоморошинку
«Да на шúрокъ дворъ да и на почестенъ пиръ
«Да ко этому Олеши ко Поповичу».
Взяли-то златницу да серебряну
И отворили ворота да и богатырскіи
Да пустили дѣтинушку скоморошину.
И приходитъ дѣтинушка скоморошина,
А всѣ-то гости были званыи,
А всѣ-то были гости браныи,
Да всѣ-то гости за столомъ сидятъ.
И сѣлъ ли дѣтинка скоморошина
И на эту на печку на земляночку,
И началъ-то выигрывать въ гусельшка
Игрышки хорошіи;
Онъ первое розстояніе играетъ да й отъ до Кіева,
Да дрýгое розстояніе играетъ да й до Царяграда,
А третье розстояніе играетъ да й до земли Сорочинскоей,
Отъ Сорочинскоей до Тальянскоей,
Отъ Тальянскоёй до Еросóлима.
Эти наигрыши показалися Настасьѣ Никуличной,
Прогóворитъ она да й таково слово:
— Ай же вы-то слуги-то вѣрныи
— Алешеньки-то вы Поповича!
— А вы налейте чару зеленá вина,
— Да не малу не большую, да полтора ведра,
— Поднесите дѣтинки скоромошинки. —
И онъ сидитъ дѣтинка скоромошина

И на этой-то на печкѣ на земляночкѣ,
И наигрыши наигрываетъ хорошіи,
И выигрыши выигрываетъ отъ Еросо́лима,
Отъ Еросолима до земли Тальянскоей,
Отъ Тальянскоей до Сорочинскоёй,
Отъ Сорочинскоей до Царяграда,
И отъ Царяграда да вѣдь до Кіева.
Показались-то выигрыши Настасьи Никуличной,
И онъ прого́воритъ дѣтинка скоромошина:
«Ай же вы слуги вѣрныи,
«Слуги вѣрныи богода́ныи
«Алешеньки Поповича!
«Дайте мнѣ графинъ во мои руки,
«И дайте стаканъ да во мои руки,
«Я налью-то чару зелена́ вина,
«Зелена вина не малу не большую, да полтора ведра,
«Да я кому знаю тому по́днесу».
И налилъ-то дѣтинушка скоромошина,
Онъ ту чару налилъ зелена́ вина,
Онъ-то ни малу ни большую, полтора ведра,
Онъ подноситъ Настасьи Никуличной,
И самъ на словахъ выговариватъ:
«Ай же ты Настасья Никулична!
«А ты пьёшь чару до дна, да ты увидишь добра,
«И не пьёшь чары до дна—ты не видишь добра».
Она выпила чару до до́нушка
А увидла на́ дни два перстня обру́чныи:
А одинъ перстень Добрынюшки Никитинича,
А другой перстень Настасьи Никуличной.
Она выстала Настасья Никулична.
А за этимъ столомъ за княжецкіимъ
А за этою доскою да за дубовою,
При гостяхъ-то вѣдь было званыихъ,
Званыихъ да гостяхъ че́щеныихъ,

Да прогóвори Настасья Никуличиа:
— Ай же ты Олешенька поповскій сынъ!
— Не тотъ мой мужъ, кто за столомъ сидитъ,
— Тотъ мой мужъ, кто середъ избы стоитъ. —
Она вышла-то Настасья Никулична
А зъ-за этого стола за княженецкаго
И захватила удáла добра мóлодца
Добрынюшка Никитинича
А за эти за ручки за бѣлыи,
А за эти за перстни за злаченыи,
Цѣловала во уста да во сахáрніи.
Да прогóворитъ Алеша поповскій сынъ
А за этымъ столомъ за окольнымъ,
И прогóворитъ таково слово:
«Ай же вы-то мои да гости званыи,
«Ай же вы-то мои да гости браныи!
«И всякъ ли-то удáлый добрый мóлодецъ поженится,
«А не всякому удáлу добру мóлодцу женидьба удавается».
Да только Алешенька Поповичъ и женатъ бывалъ,
Да поёмъ тебѣ старинушку, слáву поёмъ.

Записано въ Кижахъ, 4 іюля.

119.

СВЯТОГОРЪ И САДКО.

Святогоръ-то былъ богáтырь
И жилъ-то у Садкà купца богатаго,
И Садкò-то вѣдь купецъ-то былъ богатыя.
Явилась у Святогора-то богáтыря,
Явилась сила-то великая,
И прогóворилъ ли Святогоръ это богáтырь
И этому Садку богатому:
«И я поѣду-то ко стольнему ко граду ко Кіеву».

Да прогóворилъ Садко купецъ богатыя:
— Ай же Святогоръ да богáтырь ты:
— И нѣтъ у насъ поспѣховъ богатырскіихъ. —
И написалъ-то листъ Садко купецъ богатыя,
Написалъ-то въ землю Сорочинскую;
Выслали-то шляпу сорочинскую
А тому ли Святогору-то богáтырю,
Вѣсомъ шляпонька-то сорока пудовъ.
И облачае Святогоръ богáтырь
Своего ли онъ коня да богатырскаго,
И выводитъ своего коня богатырскаго
И на этотъ дворъ Садка купца богатаго;
Надѣвае на коня уздицу тесмяную,
Во уздици повода были шелковыя,
И тыхъ ли шелкòвъ розныихъ,
Розныихъ шелковъ да шелковъ шемаханскіихъ;
Клáдывае на коня Святогоръ да вѣдь богáтырь,
Кладывае на коня да исподнички,
И па исподнички да онъ войлочки,
И на войлочки онъ сѣдёлышко,
А сѣдёлышко онъ черкальское,
И затягивае подпруги двѣнадцатеры,
И завязывае свясточки семи шелковъ,
Онъ не для красы, для ради крѣпости;
Пряжечки во подпругахъ серебряны,
Да штылечики во подпругахъ-то золоченые;
И во сапожкахъ Святогора-то богáтыря
Да шпорики-то были булатъ-желѣзные.
Да садился Святогоръ да богáтырь
Да на этого коня богатырскаго,
Да со своими-то поспѣхами богатырскими,
Да со этоёй со палицей булатнею,
Да со этыимъ мечемъ да вѣдь со вострыимъ,
Да со этыимъ со лукомъ со тýгіимъ,

Во колчанѣ тамъ-то стрѣлочки каленыи.
И поѣхалъ-то Святогоръ-то вѣдь богáтырь
Отъ Садка купца-то вѣдь богатаго
Да въ путь въ дороженку великую.
Да прогóворилъ ли Святогоръ да вѣдь богатырь:
«Ай ты конь-то мой богатырскій ли!
«И послужи-тко ты вѣрой правдой мнѣ».
Онъ прогóворилъ-то конь богатырскіи
Голосомъ человѣческимъ:
— Ай же Святогоръ да ты богатырь!
— Когда сѣлъ ты на степь на лошадиную,
— Да не жми-тко шпорами булатнима
— Да меня-то подъ круты ребра,
— Да не хлыщи-тко меня плёточкой шóлковой
— Да по этой-то по степи лошадиною,
— Не натягивай ты поводовъ шелкóвыихъ,
— И тогды могу слýжить вѣрой правдою теби. —
Да вѣдь ѣдетъ Святогоръ-то богатырь,
Ѣдетъ вѣдь путемъ да дороженькой,
Палицу булатную выкидываетъ йзъ виду вонъ.
Разъяренилъ-то свое сердце богатырское
И прогóворилъ-то Святогоръ тутъ богатырь:
«Какъ бы было кольцё въ небѣ въ Божьеёмъ,
«Да дрýго кольцо во сырой землѣ во матушки,
«Поворотилъ бы я землю-то матушку,
«Поворотилъ бы я краемъ къ верху ю».
Задремалъ ли Святогоръ да богáтырь
Да на этоемъ кони сйдячи богатырскоемъ,
И наѣхалъ-то ли сзади русской мугучой богáтырь,
Ёнъ ударилъ-то копьемъ по плечамъ могучіимъ,
Енъ ударилъ-то концемъ да не вострыимъ.
Да прогóворилъ ли Святогоръ да вѣдь богáтырь,
Да прогóворилъ ли таково слово:
«Какъ кусаютъ мухи русскіи да дó-больня».

И онъ другой разъ ударилъ по плечамъ могучіимъ,
А копьёмъ да концомъ не вострыимъ,
И взялъ онъ росправилъ свою руку богатырскую,
Захватилъ-то русскаго могучаго богáтыря,
Посадилъ въ свой кóлчапъ богатырской-то,
Да поѣхалъ ли путёмъ да онъ дороженькой.
Да конь богатырской у Святогора у богатыря
Да идётъ дорожкой, потыкается,
И прогóворилъ-то конь и голосомъ человѣчьіимъ:
— Ай ты Святогоръ да богáтырь!
— Оттого я не могу нести двухъ богáтырей,
— И кладенъ у тебе да во свой колчàнъ. —
Онъ и вынялъ изъ колчáна да богáтыря
И со этыимъ конёмъ да богатырскіимъ,
И прогóворилъ ли Святогоръ да тутъ богáтырь:
«Да ты кто есть русской могучей богáтырь?»
Онъ прогóворитъ ему таково слово:
— Я богатырь отъ стольняго отъ города отъ Кіева,
— Да Самсонъ да и Самойловичъ. —
Да прогóворилъ ли Святогоръ тутъ богатырь:
«Ай же ты Самсонъ да ты Самойловичъ!
«По крестовому по брáтовству я бóльшой братъ,
«А ты будешь ли, Самсонъ да ты Самойловичъ,
«Да ты будешь мнѣ мéньшой братъ».
Розсержаютъ они своихъ коней богатырскіихъ,
Розгоряется ихъ сердце богатырское.
И во той пути широкоёй дероженьки
Да свернулъ-то вѣдь Самсонъ да вѣдь Самойловичъ,
Да свернулъ-то во праву руку въ дороженьку окольнюю.
И пріѣхалъ-то Святогоръ да богатырь
И ко этой ли ко щельи [1] ко великіи,
И вѣдь вышелъ изъ коня да богатырскаго;

1) Т. е. скала.

Розгорѣлось его сердце богатырское,
Оглянулся вѣдь назадъ Святогоръ богатырь
А вѣдь нѣтъ Самсона-то Самойловича.
Онъ поднялся на эту-то на щельгу на великую,
Каменьевъ кидать своима рукама богатырскима:
«Если поѣдетъ Самсонъ-то вѣдь Самойловичъ,
«Я убью его камнями великима
«Со щельги со кру́тою».
Да не могъ дождать Святогоръ-то бога́тырь.
Да садился на коня своего да богатырскаго,
Онъ ѣдетъ ли путемъ дороженькой широкою,
Да идётъ-то вѣдь два старца впереди его,
Да несутъ за плечами да по сумочкѣ.
И онъ коня-то богатырскаго попуживать,
Да не можетъ-то достать онъ старцевъ незнакомыихъ.
И остоялись эти старцы незнакомыи.
Положили они сумочки да на сыру землю,
И прого́воритъ тутъ старецъ едино́ слово:
— Ай же Святогоръ да ты бога́тырь:
— Опустись-ко ты со своего коня да богатырскаго
— Да на этую на матушку сыру землю,
— Да подписана на сумочкахъ,
— Да подписана все земляная тягота:
— Ты попробуй Святогоръ да ты богатырь
— Своей силы ты великою. —
И онъ захватилъ-то сумочку однимъ перстомъ,
Другой разъ захватилъ да вѣдь одной рукой,
Да третей разъ-то Святогоръ да вѣдь бога́тырь
Потребилъ онъ свою силу всю великую,
Не могъ приздыну́ть онъ сумочки-то старцевой,
Онъ угрязнулъ во сыру землю по колѣночку.
Потерялись тутъ-то старцы незнакомыи,
Да тутъ сѣлъ ли Святогоръ да вѣдь бога́тырь,
Да онъ сѣлъ-ли на своего коня да богатырскаго,

И уходилось ёго сердце богатырское
А у этой да вѣдь у сумочки.
Да поѣхалъ ли Святогоръ да богáтырь
Да дороженькой поѣхалъ да ши́рокой,
Попадаетъ-то на встрѣчу Самсонъ да вѣдь Самойловичъ;
Они поѣхали ко городу ко Кіеву.
Лежитъ-то вѣдь о путь о дороженьку
Да гробница тутъ да каменна,
Она óбнята обручами да желѣзныма.
Да прогóворилъ ли тутъ Святогоръ да вѣдь богáтырь:
«Ай же ты Самсонъ да вѣдь Самойловичъ!
«Розруби-тко ты саблей вострою
«Да вѣдь эти обручи желѣзныи».
Ёнъ ударилъ ли Самсонъ да вѣдь Самойловичъ
Да вѣдь по этыимъ обручамъ желѣзныимъ,
И отвалились эты обручи желѣзныи
И отъ этой отъ гробницы отъ каменной,
И открылъ-то онъ доску-ту гробóвую
И отъ этой отъ гробницы-то отъ каменной.
Да прогóворилъ ли тутъ Самсонъ да вѣдь Самойловичъ:
— Ай ты бóльшой братъ Святогоръ да богáтырь!
— Да ты лягъ во эту во гробницу-то во каменну. —
Опустился Святогоръ да богáтырь
Да на этую на матерь на сыру землю,
Да прошли-то его слёзы-то горючія,
А прошли-то óны изъ ясны́хъ очей,
Ёнъ и лёгъ-то во гробницу вѣдь во каменну,
Да сложилъ онъ свои руки богатырскіи
И на свои-то онъ да на бѣлы́ груди,
На бѣлы груди да богатырскіи
Да тутъ принялъ себи Святогоръ да вѣдь багáтырь,
Принялъ сéби тутъ онъ смерть великую.
Да тутъ Святогору да богáтырю славу́ поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 5 сентября.

120.

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Да старóй казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ сидѣлъ ли тридцать лѣтъ на сѣдалищи,
Онъ не имѣлъ-то да ни рукъ ни ногъ.
Да пришло къ нему два старцы незнакомыи.
Прогóворитъ ему старецъ да единó слово:
«Ай же 'Илей возстань ты на свои рѣзвы́ ноги,
«Дай-ко пива выпити я́ндому́».
Илей говоритъ-то старцю таково слово:
— Не имѣю я да вѣдь ни рукъ ни ногъ,
— Сижу тридцать лѣтъ на сѣдалищи. —
Говорилъ старый старецъ единó слово:
«Ай же 'Илей возстань ты на свои рѣзвы́ ноги,
«Иди ты 'Илей къ водоносу ты,
«Налей пи́ва яндомỳ,
«Принеси ты яндому́ питья̀».
Высталъ 'Илей на свои рѣзвы́ ноги,
Пришолъ 'Илей къ водоносу-то
Яндому́ захватилъ пи́тія съ водоносу-то,
Приносилъ-то старцю единому;
Старецъ говоритъ ему да й таково слово:
«Да пей-ко ты 'Илей да самъ я́ндомỳ».
Выпилъ 'Илей питія я́ндомỳ,
Почувствовалъ въ себѣ силу да великую,
Говорилъ старецъ-то другó слово:
«Ай же 'Илей дай же мнѣ пива̀ вы́пить яндомỳ».
Онъ пошелъ по мосту по ду́бовому.
Закричали балки подъ мостòмъ бѣлоду́бовымъ,
Загнулись-то тутъ мосты калиновы.
Зачерпнулъ питія 'Илей съ водоносу,
Приносилъ старцу яндому́ питiя̀.

Старецъ говоритъ ему да й таково слово:
«Да пей-ко ты Илей да са́мъ яндому̀».
И выпилъ 'Илей дру́гу яндому̀,
Услышалъ Илей въ себи силу великую.
Прого́воритъ тутъ старецъ еще едино́ слово:
«Ай же ты 'Илей дай-ко выпить яндому̀ питія̀».
Онъ какъ выпилъ 'Илей пи́ва-то яндому̀,
Онъ почуялъ въ себѣ 'Илей силу да великую.
Говорилъ другой старецъ таково слово:
— Ай же ты 'Илей налей-ко мнѣ пи́ва яндому̀. —
Наливаетъ 'Илей пива съ водоносу,
А приноситъ старцу-то дру́гому,
Прого́ворилъ ли старецъ таково слово:
— Если приказать тебѣ третье́ пить яндому̀,
— Не удержать тебѣ силы великія,'
— Не удержать тебѣ силы богатырскія. —
Выпилъ-то старецъ вѣдь са́мъ яндому̀,
И прого́ворилъ старецъ да таково слово:
— Ай же ты 'Илей, да ты справься-тко да ко городу,
— Ко городу да ты ко Кіеву,
— Ко солнышку князю да ко Владиміру.
— И выйдешь изъ своего ты посе́ленія
— Тутко о путь камень есть неподвижныя,
— На камени да подпись есть подписана. —
И ходитъ Илей поко́ёмъ бѣлоду́бовымъ
Да тымъ ли мостомъ да калиновымъ.
Пришли его родители да рожденыи,
Пришли оны со работы со крестьянскоей,
Пришли его братія да родимые,
Да пришли его сестры да любимыя.
Обрадовались его рожденыи да родители,
И съ радости родители опечалились:
Тридцать лѣтъ сидѣлъ па сѣдалищи,
Не имѣлъ-то онъ ни рукъ ни ногъ.

Говоритъ 'Илей своимъ рожденыимъ родителямъ,
Говоритъ 'Илей да таково слово:
«Ай же вы мои родители рожденые!
Гди вы были на крестьянской на роботушкѣ?»
А й же отвѣчали его рожденые родители:
— Слава тебѣ Господи, тридцать лѣтъ сидѣлъ Илей да на сѣдалищи,
— Не имѣлъ 'Илей вѣдь ни рукъ ни ногъ. —
Спросилъ у рожденыихъ родителей:
«Ай же вы мои рожденые родители!
«Гдѣ вы роботали крестьянскую роботушку?»
Говорилъ ему родитель да рожденыя:
— Ай же ты Илей, мы роботаемъ лугъ-пожню,
— Чистимъ лугъ-пожню за три поприща о́тъ дому. —
«Ай же ты родитель мой рожденыя!
«Сведи меня туда да на займище,
«Укажите вы мнѣ мою роботушку».
Привелъ его родитель да на займище:
«Укажи мнѣ родитель по которыхъ мѣстъ межа».
Захватилъ Иле́йко лѣсу ку́сту въ пясть,
Отрубилъ лѣсы дремучіи по ко́решку,
Бросилъ на мѣсто на пристойное,
Говорилъ родителю да таково слово:
«Ай же ты мой-то родитель рожденыя!
«Полно ли тебѣ лугъ-пожню чистить.
«Простите меня съ рожденаго со мѣста».
Отправлялся 'Илей къ стольному городу ко Кіеву.
Пришолъ къ тому камени неподвижному,
На камени была подпись да подписано:
— 'Илей, 'Илей, камень сопри съ мѣста неподвижнаго,
— Тамъ есть конь богатырскій тебѣ,
— Со всѣми-то поспѣхами да богатырскима;
— Тамъ есть-то шуба соболиная,
— Тамъ есть-то плеточка шелко́вая,

— Тамъ есть-то палица булатняя. —
Проговорилъ Илей да таково слово:
«Ай же ты конь богатырской!
«Служи-тко ты вѣрою правдою мнѣ».
Конь-то проговорилъ Илéю таково слово:
— Ай же ты Илей, старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Ты мóшь ли владать конемъ богатырскiимъ? —
Онъ садился старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
На этого коня на богатырскаго,
А со этыма поспѣхамы богатырскима;
Садился тотъ старòй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Проговорилъ конь голосомъ человѣчьiимъ:
— Ай же старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Знай ты мной управлять, далъ тебѣ Господъ коня да богатырскаго,
— Послалъ Господь ангеловъ милосли́выихъ
— На твое рожденое на мѣсто;
— Далъ тебѣ Господь руцѣ-нозѣ;
— Не написано теби, старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
— Не писана тебѣ смерть на убоищи. —
И поѣхалъ ли старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Путемъ ли-то дороженкой-то ши́рокой.
Конь-то вѣдь мелкiи-то рѣчки перешахивалъ,
Глубоки озерà перескакивалъ.
И онъ-то старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
И коня-то онъ попуживаетъ,
И плеточкой шелковою дотрогиваетъ,

Палицей булатнею старой казакъ Илья Муромецъ
Онъ поигрываетъ,
Палицу булатнюю онъ кидываетъ и́зъ виду вонъ:
Палицѣ булатней сорокъ-то пудовъ.
Онъ-то ѣхалъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
И пришло на путь ему три ро́зстани;
На розстаняхъ-то было тутъ написано:
Въ лѣву руку-то ѣхать — богату быть,
Прямо ѣхать — убитому быть,
Въ правую руку ѣхать — женатому быть.
И роздумался старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
Мнѣ не надо-то на старость да бога́титься,
Мнѣ не надо-то на старость да женитися,
Мнѣ надо на старость туды-то ѣхать гдѣ убиту быть.
И поѣхалъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
Прямо въ путь въ дороженку во ши́року,
И вдругъ на́ѣхалъ на четыреста разбойниковъ.
Всѣ-то разбойники спать улеглись,
Один-отъ разбойникъ похаживаетъ,
Похаживаетъ покравуливаетъ.
Прого́ворилъ разбойникъ таково слово:
«Ай же ты старо́й казакъ Илья Муромецъ!
«Отдай-ко ты намъ коня богатырскаго,
«Да волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
«А волею не отдашь, такъ мы неволею.
«Ай же ты старо́й казакъ Илья Муромецъ!
«Отдай-ко ты палицу булатнюю,
«Да волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
«А волею не отдашь, такъ мы неволею.
«Отдай-ко ты старо́й казакъ Илья Муромецъ,
«Отдай-ко ты плеточку шелкову,
«Ты волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
«И волей не отдашь, такъ мы неволею,

«Ай ты старо́й казакъ Илья Муромецъ!
«Отдай-ко ты шубку соболиную,
«Ты волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
«Волей не отдашь, такъ мы неволею».
Прого́ворилъ старо́й казакъ Илья Муромецъ:
— Да мнѣ на старо́сть надо шубка погрѣватися,
— Мнѣ на ста́рость надо конь богатырскія,
— Мнѣ стару́ казаку надо палица поигрывать,
— Плетка шелковая надо коня попу́живать. —
И розгорѣлись ёго жилы богатырскія,
Розгорѣлись его руцы бѣлыя,
Умертвилъ Илей-то всѣхъ четыреста разбойничковъ,
Этого единаго розбойничка привязалъ ко стремечку булатнему,
Привязалъ къ этому ко то́року кониному.
И мелки рѣчки конь перешахивалъ,
И глубоки рѣки конь перескакивалъ;
Плеточкой шелковой тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Плеточкой коня богатырскаго попуживаетъ,
Палицей булатнею старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Палицей булатнею поигрываетъ,
Палицу булатнюю выкидываетъ и́зъ виду вонъ:
Палица-то булатняя сорока пудовъ.
Онъ пріѣхалъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
И пріѣхалъ ли ко городу ко Крякову,
Ко городу ли пріѣхалъ ко Крякову,
И къ этому Одолищу поганому.
Заѣхалъ на дворъ богатырскіи
И много множество татаръ тутъ поганыихъ
Умертвилъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,

Умертвилъ-то всихъ татаръ да вѣдь поганыихъ
И этой палицей булатнею,
А й булатнею, мечемъ богатырскіимъ.
Привязалъ своего коня богатырскаго
Ко этому столбу ко точеному,
Ко этому столбу ко золоченому.
Шолъ-то къ Одолищу поганому
Во эти покои бѣлодубовы.
Сидитъ тутъ Одолище поганое
И въ этой онъ покои бѣлоду́бовой:
Голова-то у него пивной котелъ,
Глаза-то у него пивны чаши
И между глазами у Одолища поганаго пядень.
То спроситъ Одолище поганое:
«Ай же ты крестьянской сынъ!
«Есть на руси старо́й казакъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
«Онъ великъ ли-то ростомъ есть?»
Прого́воритъ крестьянской сынъ,
Прого́воритъ ему таково слово:
— Е на руси старо́й казакъ Илья Муромецъ,
— Е онъ росту такой какъ я. —
«И много ли онъ хлѣба соли къ выти кушаетъ?»
— Онъ кушаетъ крестьянской сынъ,
— Старо́й казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
— По три фунта хлѣба ѣстъ,
— И мяса ѣстъ по три фунта,
— И пиво пьетъ по пивной по чашѣ. —
Отвѣчаетъ тутъ Одолище поганое:
«Ой же ты крестьянской сынъ!
«Какой же есть-то русскій могучо́й богатырь?
«Какъ есть-то я́ богатырь,
«Ѣмъ-то я хлѣба по пе́чи,
«Мяса ѣмъ я по стя́гу

«И пива пью по три я́ндомы».
Прогово́рилъ ли тутъ крестьянской-то сынъ,
Прогово́рилъ Одолищу поганому:
— У моего родителя у батюшка
— Была на дворѣ корова да обжориста,
— Ѣла да пи́ла—ю ро́зорвало. —
Одолище поганое розгорѣлось его сердце богатырское
И взялъ съ гвоздя ножи́що кинжа́лищо,
Бросило въ сына крестьянскаго.
И въ емъ была въ крестьянскомъ сынѣ,
Въ старо́мъ казакѣ Ильѣ Муромцѣ,
Ухватка была богатырская,
Острани́лся отъ этого ножика кинжалища,
Пролетѣлъ же этотъ ножикъ кинжалищо
Во эти сѣни во рѣшетчаты.
Онъ вышелъ ли staро́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
И отъ этого Одолища поганаго
А съ этыихъ сѣней да со рѣшетчатыхъ
На ши́рокъ дворъ ко своему ли коню да къ богатырскому,
Увеселилось ёго сердце богатырское:
Очистилъ-де старо́й казакъ Илья Муромецъ
Путь дороженьку да ши́року
Ко этому ко городу ко Кіеву,
Ко тому ли солнышку ко князю ко Владиміру.
И тутка старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ по го́роду Крякову погуливаетъ,
Онъ погуливаё а й похаживаё.
Самъ думу крѣпку подумываё:
— Надо бы ѣхать отъ города отъ Крякова
И надо бы ѣхать въ руку во правую,
Въ лѣвую руку ѣхать ко Со́ловью Рахманову. —
Садился старо́й казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
На того ли коня богатырскаго
Отъ этого ли Одолища поганаго,
Отъ этого ли отъ города отъ Крякова;
Привязалъ ли это Одолище поганое
Старóй казакъ Илья Муромецъ
Къ этому ко стремени булатнему
А ко этому ко тóроку конинову,
И конь мелкіи переброды перешахивалъ,
Глубокіи рѣки перескакивалъ,
Мхи и озера на окóлъ-то держалъ.
Ѣдетъ ли путёмъ ли-то дороженькой ши́рокой
Ко этому ли Сóловью Рахманову;
И этотъ ли Сóловей Рахмановъ,
Явный розбойникъ по бѣлу́ свѣту,
Имѣе онъ жительство на двѣнадцати дубахъ,
Не пропущаетъ онъ къ соби ни коннаго,
Ни коннаго онъ ни пѣшаго.
Онъ ѣдетъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Палицей булатнею поигрыватъ
И палицу булатнюю выкидаетъ изъ виду вонъ,
И палица булатняя сорока пудовъ;
Плеткою коня да вѣдь шелкóвою попуживатъ.
Пріѣхалъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Ко этому же полю ко великому,
Ко этому ко полю ко чистому.
Ѣзди сóловей Рахмановъ на богатырскомъ конѣ
И палицей булатнею поигрываетъ,
И палицу булатную выкидаетъ и́зъ виду вонъ.
Устрашился же у старȁ казака Ильи Муромца,
Устрашился конь да богатырскіи
Этого Сóловья Рахманова.
Онъ свистнулъ тутъ по змѣиному,

Крыкнулъ онъ по звѣриному,
Со́ рта пламя у него пома́хиваетъ,
Съ носу искры у него попрядываютъ.
Устрашился у стара́ казака Илья Муромецъ
Этого крику да звѣринаго,
Этого свисту да змѣинаго,
Его конь да богатырскіи,
Палъ ли конь его богатырскій на сыру землю,
Палъ ли конь да на колѣна.
Прого́воритъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же волчья сыть, пелово́й мѣшокъ!
— Ты что же устрашился крыку звѣринаго,
— Устрашился ты свисту змѣинаго?
Послужи-тко вѣрой правдой мнѣ. —
Они съѣхались на поли на чистоёмъ
Старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Со этыимъ Со́ловьемъ со Рахмановымъ,
И сбилъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ
Этого Со́ловья Рахманова
Со сѣделышка черкаскаго,
Со этого коня да богатырскаго,
Со этой палицей со булатнею,
Съ этими поспѣхамы богатырскима.
Его розгорѣлось сердце богатырское,
Вышелъ со своего добра-то коня,
Отвязалъ-то вѣдь онъ того да розбойничка
Отъ своего онъ стремени булатняго
Отъ этого то́рока конинаго,
Еще тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
Отвязалъ отъ того Одолища поганаго
Отъ этого то́рока конинаго,
Отъ этого стре́мени булатняго,

Привязалъ онъ Со́ловья Рахманова
И ко этому ко стремени булатному,
И ко этому то́року конииому.
Поѣхалъ со поля тутъ со чистаго
Старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А со этыимъ со Со́ловьемъ Рахмановымъ,
И ко этой полаты богатырскоей.
Си́дятъ въ покои богатырскоей,
Си́дятъ три дочери рожденыя,
Си́дятъ три зятя любимые.
Большая дочь поговариваетъ:
«Нашъ-то батюшка ѣдетъ со чиста́ поля,
«И русскаго могучаго бога́тыря везетъ у стремени булатняго
«И у этого то́рока конинаго».
Середняя дочь прого́воритъ таково слово:
— Правду говоришь, моя сестра ро́дная!
— Ѣдетъ родитель батюшко,
— Везетъ русскаго могучаго бога́тыря
— У этого у то́рока конинаго,
— У этого у стре́мени булатнаго. —
Меньшая сёстра̀ говоритъ таково слово:
«Ай же вы, сестры мои ро́дныя!
«Русскій могучій богаты́рь ѣдетъ,
«Везетъ нашего родителя батюшку
«У этого у торока конинаго,
«У этого у стремени булатняго».
Пріѣхалъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ
Ко этой ли полаты богатырскоей,
Розгорѣлось его сердце богатырское.
Поднята у этыхъ у дочерей подворотня чугунная,
Въѣхать бы туда русскому могучу бога́тырю
На ши́рокъ туды ему на бѣлой дворъ,

Чтобы умертвить его подворотней чугунною.
Какъ была-то у него ухватка богатырская,
Узналъ онъ ихъ намѣры думныи,
Что хочютъ оны умéртвити
Русского могучаго богáтыря,
Осадилъ своего коня да богатырскаго
Своёй назадъ уздой тесмяною,
Спустили подворотню-ту чугунную;
Какъ была у него ухватка богатырская
Въ старóмъ казакѣ Ильѣ Муромцѣ,
Ильѣ Муромцѣ сыну Ивановичу,
Ухватка была крестьянская,
Онъ въѣхалъ къ нимъ на широкой дворъ,
Привязалъ своего коня богатырскаго
Ко этому столбу ко точеному,
Ко этому кольцу къ золоченому,
Умертвилъ онъ его дочерей рожденыихъ
И въ этомъ покои бѣлодýбовомъ
Умертвилъ онъ и родныхъ зятовей,
Отрубилъ имъ буйны гóловы
Этимъ мечемъ богатырскіимъ.
Онъ здрадовался старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— И я очистилъ дорогу ко городу ко Кіеву,
— Ко солнышку князю да ко Владиміру. —
Пріѣхалъ-то въ городъ во Черниговъ,
Входитъ-то онъ въ церковь въ Божій храмъ,
Крест-отъ кладетъ по писáному,
Поклон-отъ ведетъ по учёному,
Иконамъ нерукотворенньмъ поклоняется:
— Не исполнилъ старóй казакъ Илья Муромецъ
— Заповѣди я той да Божіей,
— Надо бы служить Господу Богу во храмѣ молебенъ:
— Окровавлены руки да во человѣчью кровь. —

Онъ поѣхалъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко тому ль князю ко солнышку,
Ко солнышку князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ онъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Отворяетъ онъ ворота да нá пяту,
Пріѣзжаетъ онъ на княжій дворъ,
Привязалъ коня да богатырскаго,
Приходитъ въ полаты гряновитыя,
Крестъ-то кладетъ по писáному,
Да поклонъ ведетъ по учёному,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
И солнышку князю́ да вѣдь Владиміру
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину:
«Ай же ты старóй казакъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«А которой ты ѣхалъ да дороженькой?»
Отвѣчалъ ли старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
— А ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— А я ѣхалъ ли по городу по Крякову,
— И я ѣхалъ ли по Сóловью Рахманову,
— И очистилъ вси пути дорожки широки
— И во всёй ли-то земли святорусскою. —

Записано въ Кижахъ, 5 іюля.
Повѣрено въ Петербургѣ, 8 сентября.

121.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

(См. Рыбникова, т. I, 22).

Во стольноемъ во городи во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра,

Заводилось пированьице почестенъ пиръ,
На многихъ на князей на бо́яровъ,
А на русскіихъ могучіихъ бога́тырей,
А на всѣхъ на поляницъ на удалыихъ.
Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Онъ похвастаё а вѣдь городомъ,
А вѣдь городомъ а вѣдь Кіевомъ;
Русскіи могучіи бога́тыри
А хвастали-то они силою,
А силою своею богатырскою;
И гости купцы тутъ торговыи
А похвастались они тутъ товарами,
А тыма ли товарамы заморскими,
А куницами лисицами а черными соболями заморскими.
И умной похвастаетъ отцемъ матерью,
А безумный похваляется молодой женой.
Добрынюшка похвасталъ добры́мъ конемъ,
Олеша Поповичъ сынъ похвасталъ золотой казной.
Есть ли у молодца золота казна,
Золота казна да не тощится,
Малы денежки да не держатся.
Вси русскіи могучіи богатыри
Да вси поляници удалыи
Да вси со двора росходилиси
По своимъ ли-то полатамъ богатырскіимъ.
Среди-то ноченьки темныя
Вдругъ-то забило въ било колокольчато
На томъ ли дворѣ на княженецкоемъ
У солнышка князя у Владиміра;
Пришолъ татаринъ поганыи,
Ёрлыкъ на столъ выкладывалъ
Солнышку князу Владиміру,
На тотъ ли столъ на дубовыя
А на ту доску золоченую,

И самъ-то на словахъ выговаривалъ:
«Ай же солнышко Владиміръ князь,
«Владиміръ князь стольно-кіевской!
«Прибери-тко вси двора́ да княженецкія,
«Очисти-тко вси полаты богатырскіи,
«Очисти-тко ты улицы стрѣлецкіи
«Въ ѣхать Каину *(такъ)* собакѣ да поганоей
«Во стольный градъ да во Кіевъ».
Испугался солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Отъ Каина собаки отъ поганаго,
Отъ силы его да вѣдь великоей,
Послалъ звать русскіихъ могучіихъ бога́тыревъ,
Стараго казака Илью Муромца.
Вси пришли русскіи могучіи богатыри,
Вси пришли поляницы тутъ удалыи,
Нѣтъ одного стара́ казака.
А стара казака Ильи Муромца,
Ильи Муромца сына Ивановича.
Да прого́воритъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь стольнё-кіевской:
— А й гдѣ же старо́й казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ? —
Привели старого казака Илью Муромца.
Онъ крестъ кладетъ по писа́ному,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Поклон-отъ ведетъ по учё́ному,
На двѣ на три на четыре стороны поклоняется
И солнышку князю Владиміру въ особину.
Да прого́воритъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь стольнё-кіевской:
— Ай же ты старо́й казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Какъ есть ли кому стоять за Кіевъ градъ,
— За своё ли ро́дное отечество,

— За тую ль вѣру христіанскую? —
Да прого́воритъ staро́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Дай-ко ты мнѣ времени и по́отдохнуть,
«Не на много не на мало на двѣнадцать дней».
Они съѣхали русскіи могучіи богатыри
Отъ этого двора княженецкаго,
Отъ солнышка князя Владиміра,
Поѣхали ко полю да ко чистому,
Роздернули шатры да бѣлыи,
Насы́пали конямъ пшёны̀ бѣлояровой,
Да вси кони стоятъ да вси пшену́ ѣдятъ.
При́шолъ ли тутъ младой Ермакъ Тимофеевъ сынъ
А ко солнышку ко князю ко Владиміру
Да на ши́рокъ дворъ на почестенъ пиръ,
Да онъ крестъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ по уче́ному,
И на двѣ на три на четыре стороны поклоняется:
— Ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— Ты дай-ко мнѣ прощеньицо,
— Дай-ко ты мнѣ благословеньицо,
— Да поѣхать ко этыимъ татарамъ ко поганыимъ
— Да на это ли на поле да на чистое.
— Надо намъ тамъ биться да ратиться,
— Да стоять ли-то за стольный Кіевъ градъ,
— За свое ли за ро́дное отечество,
— За тую ли вѣру христіанскую. —
Прого́ворилъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Ай же ты мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
«Ты есть-то вьюношъ, отъ роду тебѣ вѣдь семьнадцать лѣтъ».
Да прого́ворилъ ли младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ:
— Солнышко Владиміръ князь,

— Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— Да ты дашь ли прощеньице поѣду,
— А не дашь ли благословенья поѣду. —
«Ай же ты младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ!
«Да гдѣ же твой ро́дной батюшко?»
Прого́ворилъ младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ:
— Солнышко Владиміръ князь,
— Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— Мой-то родной батюшко ушолъ къ Герману Сергію,
— Въ старци ушелъ постригатися,
— А я поѣду ко татарамъ ко поганыимъ,
— Надо мнѣ тамъ биться ратиться,
— А стоять-то за стольный Кіевъ градъ,
— За свое ли за ро́дное отечество. —
И поѣхалъ ли-то Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
Садился да на коня богатырскаго,
А со этыма поспѣхамы богатырскима,
И плёточкой-то коня попуживаётъ
И палицей булатнею поигрываетъ,
А палицу булатнюю выкидываетъ,
И палицу выкидываетъ подъ облаки,
А палица булатняя сорока пудовъ.
Онъ выѣхалъ младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
Ко этимъ шатрамъ ко бѣлыимъ.
Прого́воритъ старо́й казакъ Илья Муро́мецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Ты выстань-ко мла́дый Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
«Во дубъ тотъ во ши́рокой
«И посмотри ты на поле на чистое:
«Много ль нагнано у Ка́лина у собаки у поганыя
«Много ль нагнано татаръ да поганыихъ?»
И много множество у Калина у собаки у поганыя,
А пріѣхалъ-то Калинъ собака да поганая
Ко той ко рѣкѣ ко Смородинѣ,

Ко тому ли дубу ко ши́року,
Ко тому ли ка́меню къ Олатырю,
И привелъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
И сорокъ королей королевичей;
У царей силы по цѣлой есть по тысящѣ,
А у королевичей по десяти тысячъ.
Ко той ли-то рѣки-то Смородинѣ,
Ко тому ли ко ду́бу ко ши́року,
Ко тому ли ко каменю къ Олатырю
Высталъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ
Во дубъ ли онъ да во ши́рокой,
Посмотрѣлъ-то онъ во тру́бку во подзорнюю,
Какъ нагнано у Калина у собаки у поганыя
Да ко той ли рѣки ко Смородинѣ
Много множество татаръ да поганыихъ,
Вѣдь сѣрому-то волку въ день-то не о́скакать,
Че́рному ворону въ день не о́блетѣть.
Онъ вышелъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ
Со этого со дуба да со ши́рока
Да на этую на матерь на сыру́ю землю,
Прого́воритъ русскіимъ могучіимъ богатырямъ:
— Русскіе вы могучіе богатыри,
— Ай же вы поляницы да удалыи!
— Не честь е вамъ — конямъ богатырскіимъ
— Въ шатрахъ да бѣлоду́бовыхъ
— А ѣсть-то имъ пшёну да бѣлоярову. —
Какъ садился младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ
На этого коня да богатырскаго,
Поѣхалъ ли на это ли на поле да на чистое
Ко этыимъ ли татарамъ ко поганыимъ.
И высталъ ли Старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ высталъ ли въ тотъ ши́рокъ дубъ,
Посмотрѣлъ ли онъ на поле на чистое,

Посмотрѣлъ во трубку подзорнюю,
Какъ вѣдь сѣрому-то волку въ день-то не óскакать,
Чéрному ворону въ день не óблетать,
Только нагнано татаръ поганыихъ.
И опустился старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А со этого со ду́бу да й со ши́рока
И на этую на матерь на сырую землю,
А какъ садился на коня богатырскаго,
И плеточкой-то коня попуживаетъ,
И палицей булатнею поигрываетъ,
Палицу булатнюю выкидываетъ,
Онъ палицу булатнюю подъ облака,
А палица вѣсу сорока пудовъ.
Онъ выѣхалъ во поле во чистое
А ко этыимъ татарамъ ко поганыимъ,
Начали они рубить татаръ да поганыихъ
Да со млáдымъ Ермакомъ Тимофеевымъ сыномъ,
Прирубили они всѣхъ татаръ да поганыихъ
На этоемъ на поли да на чистоемъ,
У этой у рѣки да у Смородины,
У того ли дуба у ши́рока,
У того ль у камени у Олатыря;
Прирубили они всѣхъ татаръ поганыихъ,
Розгорѣлися сердца богатырскія,
Росходились жилы богатырскіи.
А подумалъ ли старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
Какъ была бы сила небесная,
Прирубили бы мы силу всю небесную;
И прогóворилъ да старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ прогóворилъ себи да таково слово:
«Какъ явилась бы тутъ сила небесная,

«Прирубили бы мы силу всю небесную!»
Розрубятъ татарина единаго,
А сдѣлается съ едина два;
А розрубятъ и по двухъ татаръ да поганыихъ,
А сдѣлается съ двухъ да четыре.
Рубили тутъ всё татаръ да поганыихъ,
Да пересѣлся-то старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Отъ этыихъ татаръ да отъ поганыихъ,
Окáменѣлъ его конь да богатырской,
И сдѣлалися мощи да святыи
Да со старà казака Ильи Муромца,
Ильи Муромца сына Ивановича [1]).

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

122.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Да во стольноёмъ во городи во Кіеви,
И у ласкова князя у Владиміра,
И вси были богатыри позáзваны,
Поляницы удалыи да й пособраны,
Да вси на пиру сыты пьяны веселы.
Да проговорилъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
«А вси богáтыри сыты пьяны веселы,
«Я могу нунь похвастать городомъ,
«Да городомъ да Кіевомъ».

1) На вопросъ о томъ, откуда ему извѣстно о такой кончинѣ Ильи Муромца, Щеголенокъ отвѣчалъ, что это извѣстно изъ Пролога, и прибавилъ, что нѣкогда раскольники выправляли въ Кіевъ довѣренныхъ людей разузнать, какъ сложены персты въ мощахъ Ильи Муромца; эти люди, воротившись, разсказывали, что персты у него растянувши, такъ что не видно, какъ онъ слагалъ персты при крестномъ знаменіи.

Да проговорятъ богатыри таково слово:
— Мы можемъ похвастать силой своей да богатырскою. —
Да сидитъ-то мла́дыи Добрынюшка Никитиничъ:
«Да ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Я служу у тебя во двори да княженецкоемъ,
«Да спусти меня съѣздить по городу,
«Да по городу да по Кіеву,
«Да по этыимъ по узкимъ переулочкамъ».
Да проговорятъ тутъ русски могучи бога́тыри:
— Ай же ты мла́дый-то Добрынюшка Никитиничъ!
— Поѣзжай-ко ко подворьицу ко вдовиному,
— Да проси-тко ты у честно-мужней вдовы Офимьи Александровны,
— Да ты проси-тко прощеньица,
— Да проси-тко ты благословеньица,
— И ѣхать-то по городу,
— А по городу вѣдь по Кіеву,
— Да по этыимъ по узкимъ переулочкамъ. —
Да проговоритъ честно-мужняя вдова Офимья Александровна:
«Ай же ты младой-то Добрынюшка Микитиничъ!
«Ты поѣдешь-то по городу по Кіеву,
«По этыимъ по узкимъ переулочкамъ,
«Только не заѣдь въ татарскую во улицу,
«Въ Маринкину еще да во слободу:
«Она убила трёхъ-то русскіихъ могучіихъ бога́тырёвъ,
«И убьетъ-то четвертаго русскаго могучаго бога́тыря».
Енъ поѣхалъ ли мла́дый-то Добрынюшка
Да со этыма поспѣхами богатырскима,
Да со этоёй со саблей да со востроей,
Ёнъ поѣхалъ ли по городу по Кіеву,
Да по этыимъ по частымъ переулочкамъ,
Онъ заѣхалъ ли въ татарскую улицу.
Да тамъ въ татарской да вѣдь во улицы
И пискъ да ве́резгъ ве́ликъ идетъ,

И розгорѣлись-то его жилы богатырскіи
Да во̂ этыихъ во руцѣхъ да во бѣлыихъ,
Прирубилъ всѣхъ татаръ да поганыихъ.
И онъ-то ѣхалъ ли въ Маринкину во слободу,
Да пріѣхалъ ли къ полатки полотняною
И опустился со коня да богатырскаго,
И отворяе ворота да онъ-то на́ пяту
Да въ эту полатку полотняную,
И тамъ сидитъ Маринка со татариномъ,
И со татариномъ да со поганыимъ,
Да со этыимъ Одо́лищомъ поганыимъ,
Да со этыимъ Горюнищомъ поганыимъ.
Своима она рѣзвыма ногами татарина охватываетъ,
Да татарина Горюнища поганаго
Рукамы его бѣлыма татарина обнима́ётъ,
Да татарина Горюнища поганаго
И ко бѣлымъ грудямъ да прижимаётъ
И цѣлуетъ-то устами своими да саха́рныма
Да этого татарина Горюнища поганаго,
Да вѣдь этого Одолища поганаго.
Ёнъ прого́ворилъ ли мла́дый тутъ Добрынюшка:
— Ай же ты Маринушка, идёшь ли за меня замужъ? —
Ёна говорила таково слово:
«И только иду за мла́даго Добрынюшку Никитица,
«Да за русскаго могучаго бога́тыря».
Енъ прого́ворилъ тутъ мла́дып Добрынюшка Никитинецъ:
— Ай же ты Маринушка, тутъ я́ это есть,
— Да намъ нужно повѣнчаться съ тобой околъ кустышка,
— Да во чисто́мъ поли околъ кустышка ракитоваго. —
Да обвелъ ли тутъ младый Добрынюшка Никитиничъ
Околъ кустышка ракитова три́ разу,
Ёнъ прого́ворилъ ли тутъ да таково слово:
— Ай же ты Маринушка жена моя! —
И вынялъ съ ножней да саблю вострую

Да съ того ли темляка богатырскаго,
Отрубилъ ли ёй рѣзвы ноженки,
Рѣзвы ноженки по колѣночку,
И самъ говорилъ таково слово:
— Я за то те отрубилъ да рѣзвы ноженки:
— Когда ты сидѣла въ полатки полотняноёй
— Да со этымъ Одолищомъ поганыимъ,
— Да со этымъ Горюнищомъ поганыимъ,
— Ты охватывала своими ногами рѣзвыма. —
Переве́рне саблю востру на дру́гу сторону,
Отрубилъ-то ёй да руки бѣлыи,
Руки бѣлыи да по локо́точки:
— Я за то те отрубилъ да руки бѣлыи:
— Когда ты сидѣла-то съ Одолищомъ поганыимъ
— Въ этой полатки полотняноёй,
— Прижимала ты руками да вѣдь бѣлыма
— Ко своёй ли ты ко бѣло́й груди. —
И отрубилъ онъ у нёй буйну голову,
Да прого́ворилъ тутъ мла́дой Добрынюшка:
— Оттого я отрубилъ у тебя буйну голову:
— Когда-то ты сидѣла въ полатки полотняноей
— Да съ этыимъ Одолищомъ поганыимъ,
— Съ этыимъ Горюнищомъ поганыимъ,
— Цѣловала ты устами да саха́рныма
— И этого Одолища поганаго,
— И этого Горюнища поганаго,
— И за то отрубилъ у тебя буйну голову,
— Чтобы больше не цѣловала Одолища поганаго. —
Онъ съѣхалъ ли назадъ во стольнеи Кіевъ градъ
Къ честно-мужнеи вдовы Офимьѣ Алексадровной.
Да прого́воритъ тутъ честно-мужняя вдова Офимья ксандровна:
«Да что же ты, мла́дый Добрынюшка,
«Долго ѣздилъ ты по городу,

«Долго ѣздилъ-то по Кіеву,
«По этыимъ по узкимъ переулочкамъ?»
— Честно-мужняя вдова да ты Офимья Александровна!
— Я былъ ли во улицы татарскоей
— Да всихъ прирубилъ тамъ татаръ я поганыихъ,
— И былъ въ Маринкиной я сло́боды,
— Повѣнчался съ нёй околъ кустышка ракитова,
— И отрубилъ ей ножки по колѣночку,
— И отрубилъ руки бѣлы по локоточку,
— И отрубилъ ёй буйну голову:
— За то я отрубилъ, что сидѣла въ полатки полотняной
— Да съ этыимъ Одолищомъ поганыимъ,
— Да съ этыимъ Горюнищомъ поганыимъ,
— Захватывала его ногами рѣзвыма,
— И обнимала его руками бѣлыма,
— Цѣловала-то устами да саха́рными
— Да вѣдь этого Горюнища поганаго. —
Да тутъ ли старинушки славу́ поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 10 сентября.

123.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Какъ во стольноёмъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласкови князи при Владиміри,
Были русскіи могучіи бога́тыри,
Тыи поляницы были уда́лыи.
Да прого́ворилъ Добрыня таково слово,
Таково слово Добрынюшка великое:
«Ай вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы поляницы вси удалыи!
«У насъ нынече то время начинается,
«И время начинается середи лѣта.

«Середи-то лѣта было краснаго
«Захотилось Добрынюшкѣ Никитичу
«Окупать свое тѣло да богатырское,
«Ѣхать ли ко этоей да ко рѣченки
«А ко рѣченки а ко Почаевой».
Пріѣхалъ ли Добрынюшка Никитиничъ
Къ честно-мужнеи ли вдовы Офимьѣ Олександровной
И проговорилъ Добрыня таково слово:
«Честно-мужняя ты вдова Офимья Олександровна!
«Захотѣлось мнѣ-ка ѣхать-то ко рѣченьки
«И ко этой-то ко рѣченькѣ ко Почаевой
«Окупать-то свое тѣло да нагое,
«Тѣло нагоё богатырскоё».
И проговоритъ Офимья Олександровна:
— Ай же дитятко мое рожоное!
— Безъ родителя ты росъ безъ желаннаго
— И росъ ты со родителью со матушкой.
— Да куды ты справляешься Добрынюшко,
— Да куды ты отправляешься въ широкой путь? —
Онъ проговорилъ Добрыня таково слово:
«Честно-мужняя вдова ты Офимья Олександровна!
«Ми охвота-то поѣхать ко рѣченькѣ
«И ко этой-то ко рѣченькѣ ко Почаевой
«Покупать-то своё тѣло нагоё,
«Тѣло нагоё богатырскоё».
Она проговоритъ ему да й таково слово:
— Ай ты чадо мое да ты рожоное!
— Эта рѣченка была да вѣдь Почаева,
— Поперекъ-то рѣки верста мѣрная
— И глубиной-то рѣка сорока саженъ. —
И ставаетъ-то Добрынюшка на ноженьки
И ставаетъ-то на рѣзвыи
И надѣваетъ босавички на босу ногу,
Надѣваетъ онъ одежду богатырскую,

Богатырскую одежду самолёгкую;
Надѣваетъ-то онъ шляпоньку на головушку
И выходитъ-то Добрынюшка со сѣницей,
И со сѣницей выходитъ со рѣшетчатыхъ,
И приходи Добрынюшка въ конюшню бѣлоду́бову,
И отворяе ворота да онъ на́ пяту,
Да беретъ-то жеребчика неѣзжанаго,
А неѣзжана жеребчика не сѣдланаго.
Надѣваетъ тутъ Добрынюшка уздицу на головушку,
На головушку да на буйную,
И уздиця была та вѣдь семи шелковъ,
Поводъ-то онъ былъ онъ се́ребромъ зо́лоченъ
Се́ребромъ зо́лоченъ да сяю́чіимъ *(такъ)*.
Да выводитъ Добрынюшка коня да богатырскаго
А со этоей конюшни бѣлоду́бовой,
А не ѣзжанъ жеребецъ не сѣдланъ былъ;
Кла́дываетъ на жеребчика исподнички,
На исподнички да онъ войлочки,
И на войлочки онъ сѣделышко,
Да сѣделышко онъ черкаскоё;
Затягиваетъ Добрынюшка подпруги
И подпруги затягиваетъ двѣнадцатеры, —
Пряжки во подпругахъ булатня желѣза,
А иглы во пряжечкахъ червона золота.
Крыкнулъ Добрынюшка громкимъ голосомъ:
«И поѣду ко́ рѣченки и ко Почаевой!»
Услыхали ёго слуги вѣрныи,
Выводятъ слуги на широкъ дворъ.
Онъ беретъ ли палицю булатнюю,
Енъ беретъ копье долгомѣрное,
Онъ беретъ саблю на́ поясъ,
Беретъ-то плеточку шелко́вую,
И поднимался на коня богатырскаго,
Онъ прижалъ коня да подъ круты ребра,

И шпорамы своима булатнима.
Испрого́ворилъ конь таково слово:
— Ай же Добрынюшко Никитиничъ!
— Не жми-тко шпорамы меня подъ круты ребра. —
Енъ поѣхалъ ли Добрыня со широка́ двора,
И выѣхалъ въ дороженьку широкую
И поѣхалъ ко рѣчкѣ ко Почаевой.
Онъ плетечкой коня Добрынюшка
И плеточкой коня да онъ попуживаетъ,
Палицей булатнею Добрынюшка поигрываётъ,
Копьемъ долгомѣрнымъ повора́чиваётъ.
И поѣхалъ онъ ко рѣчкѣ ко Почаевой,
И до рѣченьки еще тамъ три поприща
И конь-то ступае на воли своёй.
Да пріѣхалъ ли Добрынюшка ко рѣченьки,
И ко рѣченьки да ко Почаевой,
И выходитъ Добрыня со добра́ коня,
Вы̀ходитъ-то Добрыня на крутóй берёгъ
И начинаетъ Добрынюшка дѣло дѣлати.
Да прогóворитъ Добрыня таково слово:
«Ай же ты дѣтинка неуда́кова! [1])
«Покаравуль-ко ты коня да богатырскаго
«А у той ли у рѣченьки у Почаевой,
«Мнѣ охвота покупаться да й у рѣченьки
«И во рѣченьки во Почаевой,
«Покупати свое тѣло на́гое,
«Тѣло нагое да богатырское».
Да тутъ протомойки *(такъ)* на рѣчкѣ бѣлье́ мыли
И бѣлье мыли оны, полоскали оны,
Да прогóворятъ Добрынѣ таково слово:
— Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
— Не купли-тко ты своего тѣла на́гаго

1) По объясненію Щеголенка это значитъ: неудалая или неудачливая.

— И во этоёй во рѣченькѣ во Почаевой,
— Тѣла на́гаго богатырскаго,
— Да купли-тко ты въ рубашкѣ полотняноей. —
И зашолъ ли Добрынюшка во рѣченьку,
Окупалъ ли свое да тѣло богатырское
А во этоёй ли рубашкѣ полотняноей.
Да сподъ западнёй сторонкѣ стукъ да гремъ великъ идетъ.
Сколыбалася на рѣченькѣ на Почаеви *(такъ)*
И свѣжая-та ключевая водушка,
И забилась-то волна по крутымъ берегамъ.
И надѣлся тутъ Добрынюшка въ одежду богатырскую;
Показалиси змѣя да восьмиглавая
Да по этоёй ли по рѣчкѣ по Почаевой.
Разгорѣлось ёго сердце богатырское,
Разгорѣлись его жилы богатырскіи,
Онъ беретъ-то вѣдь Добрыня саблю въ рученьки
И во рученьки беретъ богатырскіи,
А хочетъ показнить змѣины головы,
Головы змѣины восьмиглавыи.
И смолилась тутъ змѣя восьмиглавая
И голосомъ смолилась человѣчьіимъ:
«Не казни-тко ты Добрынюшка змѣиныи головы,
«Я иду ко морю, ко синю́ морю,
«А иду къ ко́ролю ко великому,
«Ко великому ко́ролю да у синя́ моря;
«И есть-то у него да едина дочь,
«Едина дочь королевская:
«Брови-то у нёй черна соболя,
«И очи у нёй ясна сокола,
«По косицамъ-то у нёй звѣзды частыя.
«Я достану-то, Добрынюшка Никитиничъ,
«Я достану эту королевичну отъ синя́ моря,
«Да жди-тко ты меня Добрыня три денька».
Да проходитъ тому времечки три деньку,

Приходитъ Добрынюшка ко рѣченьки,
Приходитъ Добрынюшка ко Почаевой,
Стоитъ-то тутъ дѣвица на крутомъ берегу,
А брови-ты у нёй черна соболя,
А очи-ты у ней ясна сокола,
На косицахъ-то у ней звѣзды частыя.
И захватывае Добрынюшка ю за рученьки,
Прижимае ю къ сердечушку ретивому.
Сколыбнулось ёго сердце богатырское
Да прого́ворилъ Добрыня таково слово:
— Нонь поѣдемъ мы съ тобой да вѣдь ко городу,
— Да ко городу да мы ко Кіеву,
— Ко тому ли князю́ ко Владиміру.
— Могу ль-то я похвастать таковымъ словомъ
— Русскіимъ могучіимъ бога́тырямъ:
— Я досталъ ли красну дѣвицу отъ синя́ моря
— Отъ синя моря отъ корабля великаго. —
Да прого́ворятъ тутъ русскіи могучіи бога́тыри,
Да прого́ворятъ тутъ поляницы удалыи:
«Ай ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Да досталъ ли ты ю да красну дѣвицу
«Отъ синя моря да отъ того ли ко́роля
«Отъ того ли короля да отъ великаго?»
Заводитъ-то Добрынюшка ю въ покои бѣлоду́бовы;
Устрашилась его ро́дна матушка
Честная вдова Офимья Олександровна,
И брови-то у нёй черна соболя,
А вѣдь очи-то у нёй да ясна сокола,
И на косицяхъ-то у ней звѣзды частыя.
И прого́воритъ эта честно-мужняя вдова
Да вѣдь Офимья Олександровна:
— Ты досталъ ли, мое ты чадо любимое,
— А дѣвицю отъ синя́ моря отъ короля да ты великаго?
— Вѣдь тутъ теби Добрынюшка Никитиничъ

— Не надѣя-то на красную на дѣвицю,
— Она вышла-то съ земли да вѣдь съ невѣрною,
— Да по заповѣди теби да видь приставила,
— Приставила змѣя да восьмиглавая.
— И оставить надо тутъ Добрынюшка этую дѣвицю
— И не взять-то ёй теби да во супружество,
— Надо докладъ сдѣлать солнышку князю Владиміру. —
Какъ прогóворитъ солнышко Владиміръ князь да стольнё-кіевской:
«Ай ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Зачѣмъ же ты оставилъ змѣю восьмиглавую,
«Зачѣмъ же ты да не рубилъ ёй да буйны гóловы,
«Эти головы да змѣиныя?

(Конца не помнитъ.)

Записано въ Кижахъ, 7 іюля.

124.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОПАЛѢ.

Какъ во стольнёмъ во городѣ во Кіевѣ
И у солнышка князя́ да у Владиміра
Собраны были русскіи могучіи богáтыри,
Да тыи́ ли поляницы удалыи
Да во ту ли полату грановитую.
Да тыи русскіи могучіи богáтыри
По мѣстамъ были вѣдь розсажены,
И были они да вѣдь накормлены,
И накормлены были да вѣдь напóены,
И сыты они да вѣдь-то веселы.
И прогóворилъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской:
«Ай вы русскіи могучіи богáтыри,

«Ай же поляницы вы уда́лыи!
«Я похвастаю вѣдь городомъ,
«А городомъ да вѣдь Кіевомъ».
Да Самсонъ да вѣдъ Самойловичъ
Онъ похвасталъ своёй силой богатырскою,
И тотъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
Тоже онъ похвасталъ своёй силой богатырскою,
Дюкъ-то вѣдь Степановичъ
Тоже онъ похвасталъ своей пошапкой [1]) молодецкою,
И также-то Чурило вѣдь Щаплёнковичъ
Тоже онъ похвасталъ своей пошапкой молодецкою.
Да сидитъ-то мла́дыи Добрынюшка Микитиничъ,
Да сидитъ за этыимъ столомъ да княженецкіимъ,
А не хвастаетъ онъ никакимъ словомъ.
Тутъ прого́ворилъ солнышко Владиміръ князь,
Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Что же ты, мла́дыи Добрынюшка Микитиничъ,
«А за что же ты сидишь, ничимъ не хвастаешь?»
Онъ прого́ворилъ ли младыи Добрынюшка Микитиничъ:
— Ты солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской,
— Вы русскіи могучіи богатыри,
— Вы всѣ поляницы вы удалыи!
— И я похвастаю своей молодой женой,
— Молодой Настасьей да Никуличной:
— Она князей бояръ съ ума повыведётъ
— И солнышка Владиміра вонъ повыведетъ. —
Это слово не казалось солнышку князю Владиміру,
Онъ станетъ да на свои да на рѣзвы́ ноги,
Онъ идётъ своей полатой гряновитоей
И съ ножки на ножку переступываетъ,
И по буйной головушкѣ ручками поглаживаетъ

---

1) Такъ, вмѣсто «пощапкой», т. е. щегольствомъ; но Щеголенокъ говорилъ, что не понимаетъ этого слова, чѣмъ и объясняется ошибка въ его произношеніи.

И самъ прого́воритъ солнышко Владиміръ князь:
«И будутъ ли ко тому дѣлу охвотнички,
«Аль будутъ къ этому дѣлу невольнички?»
И у этого стола княженецкаго
Сидитъ-то тамъ дѣтинушка невеликенькой,
Самъ прого́воритъ да таково слово:
«Да къ этому дѣлу будутъ охвотнички,
«Не надо вѣдь невольничковъ».
— Бери-тко мла́даго Добрынюшку Никитича
— За этыи за рученьки за бѣлыи,
— За этыи за перстни за злачёные,
— Отведи его во погребы глубокіе
— А за его за рѣчи неумильніи. —
Взялъ ли свёлъ ли мла́даго Добрынюшку
Со той ли со полаты гряновитыи,
И по этыимъ по узкимъ переулочкамъ,
И засадилъ во этыи во погребы глубокіе.
И со той полаты гряновитыи
Донесли таково слово честно-мужнеей вдовы Офимьѣ Александровной:
— И засаженъ ли мла́дыи Добрынюшка Никитиничъ
— Во этыи во погребы глубокіи. —
Тутъ прого́воритъ честно-мужняя вдова Офимья Александровна
Сквозь свои слёзы да горючіи:
«Я ро́стила мла́даго Добрынюшку Микитича
«Не во богачестви — во сирочестви».
И проходитъ тому времени да три денька,
И обрубила тутъ Настасья-та Никулична
Свои волоса да по мужичьему,
Да взя́ла ли коня да богатырскаго,
И взяла она свой ту́гой лукъ
Да со этыма со стрѣлочками каленыма,
И пріѣзжаетъ она ко солнышку князю́ Владиміру

И на княжой дворъ, на богатырской дворъ,
И проговоритъ ли: — Посолъ земли турецкоей,
— И этого солтана да турецкаго;
— Покаравульте-тко моего коня да богатырскаго
— И на этоёмъ двори да княженецкоёмъ,
— Я пойду ко солнышку князю Владиміру
— И во этую полату гряновитую. —
Отворялъ ворота онъ тутъ да на́ пяту
Да приходитъ тутъ въ полату гряновитую.
Тутъ всѣ сидятъ русскіи могучіи бога́тыри
И всѣ сидятъ поляницы тутъ удалыи.
Этотъ ли посолъ земли турецкоей
И этого солтана да турецкаго
Онъ крест-отъ кладётъ по писа́ному,
Поклонъ ведётъ по учё́ному,
На двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
И солнышку князю Владиміру въ особину:
— Ай же ты солнышко Владыміръ князь стольне-кіевской!
— Я пріѣхалъ къ твоему ко городу ко Кіеву
— Да просить поединщичка,
— Да стрѣлять-то стрѣлочку калёную
— Изъ этого изъ луку да изъ ту́гаго,
— И во чисто́мъ поли поставить кольцо серебряно
— И класть ли ножичекъ булатніи
— И розрубить ли эту стрѣлочку каленую по́-поламъ:
— Одна другой половина-то не бо́льше,
— Одна другой половина да вѣсомъ не тяжельше. —
И посылаетъ солнышко Владиміръ князь и стольнё-кіевской:
«Вы русскіи могучіи бога́тыри!
«Вы подите-тко въ поле во чистое
«Стрѣлять эту стрѣлочку калёную
«Изъ этого изъ луку изъ ту́гаго,
«И во это ли кольцо во серебряно,
«Во этотъ ли во ножичекъ булатніи,

«Розрубить надо стрѣлочку каленую по́-поламъ:
«Одна другой половина-то не больше,
«Одна другой половина да вѣсомъ не тяжельше».
Тутъ и шли русскіи могучіи богатыри
А на это ли на поле да на чистое;
Тутъ шолъ ли Самсонъ да Самойловичъ,
Тутъ шолъ ли staро́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Во этоемъ ли полѣ да во чистоемъ
Тамъ наложено кольцо да серебряно,
Ножичекъ тамъ наложенъ да булатній-тотъ.
Стрѣ́лилъ-то Самсонъ да Самойловичъ
Стрѣлочку да онъ каленую
А изъ этого изъ луку изъ ту́гаго,
Первый разъ-то стрѣ́лилъ да пере́стрѣлилъ,
Дру́гой разъ-то стрѣ́лилъ да не до́стрѣлилъ,
А третій разъ-то стрѣ́лилъ да попасть не могъ.
И также staро́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Первый разъ-то стрѣлилъ да пере́стрѣлилъ,
Другой разъ-то стрѣлилъ да не до́стрѣлилъ,
А третій разъ-то стрѣлилъ да попасть не могъ.
И тутъ солнышку князю да Владиміру
Стало это дѣло за досадушку,
Стало за досадушку да за великую:
— Ты солнышко Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Какъ у насъ былъ ли мла́дый-то Добрынюшка Микитиничъ,
— Онъ могъ стрѣлять стрѣлочку калёную
— Изъ этого изъ луку изъ ту́гаго. —
Тутъ прого́ворилъ солнышко Владиміръ князь:
«Вы русскіи могучіи богатыри!
«Вы идите-тко ко погребу глубокому,
«Вы достаньте-тко мла́даго Добрынюшку Микитича,

«Отройте-тко пески да вы жолтыи,
«Выпустите его на волю да на вольнюю».
Вышелъ ли младыи Добрынюшка Микитиничъ
Изъ этого изъ погреба глубокаго,
И приходятъ-то къ солнышку князю да Владиміру
Самсонъ-тотъ да Самойловичъ,
Да старый казакъ Илья Муромецъ,
Приводятъ ли-то мла́даго Добрынюшку Микитича
И во этую полату грановитую.
И прого́воритъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Да пріѣхалъ ли посолъ земли Турецкоей,
«Да вѣдь этого солтана да турецкаго,
«Проситъ онъ поединщичка
«На это ли на поле да на чистое
«Да стрѣлитъ ли стрѣлочку каленую.
«Вы подите-тко русскіи могучіи бога́тыри
«Со мла́дыимъ Добрынюшкой Микитичемъ,
«И со своимъ ли лукомъ со ту́гіимъ».
И стрѣлитъ-то посолъ земли Турецкоёй,
Изъ своего изъ луку да изъ ту́гаго
И въ это ли кольцо въ серебряно
И во этотъ ли ножичекъ булатніи,
Розрубитъ онъ стрѣлочку да вѣдь по́поламъ:
Одна другой половина-то не больше,
Одна другой вѣсомъ не тяжельше.
И приклался ли мла́дый Добрынюшка Никитиничъ
И со своимъ ли со лукомъ со ту́гіимъ,
Стрѣли́лъ вѣдь стрѣлочку каленую
И въ это ли кольцо да во серебряно
И во этотъ во ножичокъ булатніи,
И розрубилъ онъ стрѣлочку каленую по́поламъ:
Одна другой половина-то не больше,
Одна другой вѣсомъ не тяжельше.
Выѣхалъ ли младый Добрынюшка Никитиничъ

Со этого ль поля да со чистаго,
Во свою ль полату богатырскую,
Ко той ли ко честно̀й вдовы Офимьи Олександровной.
Онъ приходитъ въ свою полату богатырскую,
Онъ крест-отъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ по уче́ному,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
Честно-мужніи вдовы Офимьи Олександровной
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Зрадовалась честно-мужняя вдова да вѣдь Офимья Олександровна:
— Ты пріѣхалъ ли младыи Добрынюшка,
— Со этыихъ со погребовъ со глубокіихъ,
— Вышла ли волюшка вольная
— Отъ солнышка князя́ да отъ Владиміра. —
И тутъ тебѣ старинушку да славу́ поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

125.

ДУНАЙ.

Какъ во стольноёмъ во городи во Кіеви,
У солнышка князя́ да й у Владиміра,
Были собраны русскіи могучіи бога́тыри,
Да вси поляницы ли уда́лыи.
Ены ѣли пили да вѣдь кушали
И за этыимъ столомъ да княженецкіимъ
И стали оны да вѣдь-то на́ весели.
Да прого́воритъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Да Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Да вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы поляницы да удалыи!

«Да вы знаете ль мнѣ княгину въ супру́жество взять,
«Да было бы мнѣ съ кимъ вѣкъ корота́ть,
«Да было бы съ кимъ кня́жество держать?»
Да прого́воритъ ли мла́дый тутъ Добрынюшка:
— Я знаю къ тебѣ да вѣдь княгину взять,
— Да вѣдь будетъ тебѣ съ кимъ вѣкъ коротать,
— Да съ кимъ будетъ княжество держать:
— И есть у короля въ Литвы,
— Есть-то у него да вѣдь три дочери:
— Да перва дочь Опракса королевична,
— Да дру́га дочь Марья королевична,
— Да третья дочь да есть не въ до́рости.
— Да взять теби мошно Опраксу королевичну,
— Да будетъ теби съ кимъ вѣкъ коротать
— Да вѣкъ коротать, да съ кѣмъ княжество держать. —
Да прого́воритъ тутъ солнышко Владимiръ князь,
Да прого́воритъ онъ да й тако́во слово:
«И ай же ты мла́дыи Добрынюшка Никитиничъ!
«Поѣзжай-ко ты къ королю въ Литву».
Онъ прого́воритъ ли мла́дыи Добрынюшка:
— И не честь молодцу ѣхать да единому,
— Надо взять дру́гаго бога́тыря. —
«Выберай себи бога́тыря по разуму
«Да ѣхать съ то́бой въ землю во Литовскую».
Онъ прого́ворилъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Да поѣдемъ мы съ тобой въ землю во Литовскую,
— Къ королю туды да вѣдь къ великому,
— Да посватать-то Опраксы королевичной. —
Оны собрали́сь русскiи могучiи бога́тыри
Изъ этой-то полаты гряновитоей,
Они заходятъ-то въ конюшню богатырскую,
Надѣваютъ на коней узди́цы да тесмяныя,
Во уздицы повода́ да вѣдь шелко́выи,

Да вѣдь тыхъ ли шо́лковъ, шо́лковъ разныихъ,
И разныихъ шолко́въ да шо́лковъ шанскіихъ;
Кладыва́ютъ на коней да вѣдь исподнички,
На исподнички да оны войлочки,
И на войлочка оны сѣдёлышко,
Да сѣдёлышко да вѣдь черкальское,
И затягиваютъ по́дпруги двѣнадцатеры,
И во подпругахъ пряжки серебряны,
И во пряжечки штылёчики чиста золота,
И завязываютъ свясточки семи шолковъ,
И не ради-то красы, ради крѣпости,
Да тыхъ ли шелко́въ да шо́лковъ разныихъ,
Шо́лковъ разныихъ да шо́лковъ шанскіихъ.
И надѣли на головушку по шляпоньки,
И шляпоньки земли да сорочинскою,
И вѣсомъ шляпы сорока пудовъ;
И взяли по палицы булатнёёй,
И взяли по луку по ту́гому,
И взяли по плёточки шелко́воёй,
И садились на коней да богатырскіихъ.
Выѣзжаютъ со двора да княженецкаго
И на эти переулочки на кѣевски,
На эты переулочки на узеньки,
Волею идутъ кони богатырскіи.
Они выѣхали съ града изъ Кіева
И въ эту путь да въ дороженьку,
Они при́жали коней да богатырскіихъ,
Они при́жали-то шпорамы вострыма
Да подъ этыи да подъ круты́ ребра,
Да ударили ихъ плеточкой шелко́вою
Да по этоей по степи лошадиною.
Да пошли ихъ кони богатырскіи
И мелки озера перескакивали,
И глубоки озёра перемахивали;

Лѣсомъ ѣдутъ дремучіимъ,
Ли только отъ нихъ-тоископыть стаётъ;
Ёны съѣхали тутъ къ королю въ Литву.
Пріѣзжаютъ оны́ на королевской дворъ,
Тамъ наставлено татаръ многó поганыихъ.
И опустились тутъ русски могучи богáтыри
Со своихъ ли-то коней да богатырскіихъ
И на этую на матушку на сыру землю.
И проговóритъ тутъ млáдый да Добрынюшка,
Да проговóритъ онъ да й таково слово:
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
— Покараулько ты коней да богатырскіихъ. —
Ёнъ пошолъ ли младый Добрынюшка,
Во покои пошолъ да королевскіи,
И отворяе ворота онъ-то нá пяту,
Да приходи въ покои королевскіи.
Онъ крест-отъ кладетъ по писáному,
Да поклонъ ведётъ по учёному,
И на всѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
Королю-то дѣлае поклонъ да вѣдь въ особину.
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Пріѣхалъ ли ты да й не по старому
«Королю храбру да во служеніе?»
— Я пріѣхалъ ли посватать-то Опраксы королевичной
— И за солнышка князя Владиміра. —
Тутъ приходитъ-то татаринъ да поганыи,
Говорилъ ли онъ да й таково слово:
«Тамъ стоитъ ли русской могучой богáтырь,
«У коней стоитъ да богатырскіихъ,
«Онъ прирубилъ-то всихъ татаръ да вѣдь поганыихъ.
«На дворѣ татаръ да мало ставится».
Да проговóрилъ король да й таково слово:
— Да закличь-тко ты своего русскаго богáтыря. —
Онъ заклúкалъ-то Дуная сына Ивановича:

«Не руби татаръ да ты поганыихъ,
«Да ты сту́пай сю́ды въ полаты королевскіи,
«Они каравулятъ нашихъ-то коней да богатырскіихъ».
Да пришолъ ли Дунай сынъ Ивановичъ
Да во этыи полаты королевскіи;
Да прого́ворилъ тутъ мла́дой да Добрынюшка,
Онъ прого́воритъ опять да таково слово:
«Да когда къ теби пріѣхать къ королю въ Литву?»
— Когда можете вы да спра́виться,
— Тогда пріѣзжайте къ королю въ Литву.
— И отдамъ-то я Опраксу королевичну
— И за солнышка князя́ да за Владиміра,
Приглянулась ли Дунаю сыну Иванычу
Да вѣдь эта Марья королевична,
Да прого́ворилъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты король земли Литовскоей!
«Я не поѣду ко городу назадъ да вѣдь ко Кіеву,
«Если ты дашь за ме́ня Марью королевичну
«Да во этоё вели́ко во супружество.
«Да пусть ѣде мла́дый взадъ Добрынюшка,
«И одинъ ѣде ко городу ко Кіеву».
Ёнъ остался тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Енъ остался тутъ у короля въ Литвы.
И прого́воритъ вѣдь Марья королевична:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Я мастеръ стрѣлять стрѣлочки калёныи
— Да во этоёмъ во поли да во чистоёмъ,
— И держать въ руки кольцо да серебряно
— Да Дунаю сыну да вѣдь Ивановичу,
— Да стрѣлить вѣдь изъ этого изъ луку да изъ ту́гаго,
— И стрѣлить стрѣлочку калёную,
— И поставить тутъ да ножичокъ булатніи,
— Да противо кольца да вѣдь серебрянаго,
— Да попасть ли стрѣлочкой калёною

— Да въ это кольцо да во серебряноё,
— Да во этотъ во ножичокъ булатніи,
Розрубить-то стрѣлочку калёную да вѣдь по́поламъ,
— И одна другой половина да не больше,
— Да чтобы вѣсомъ была одна другой да не тяжельше:
— И тошто [1]) иду тебѣ въ супружество. —
И натянула она свой да вѣдь ту́гой лукъ,
Да вѣдь стрѣлила стрѣлочку калёную
Да изъ этого изъ луку да изъ ту́гаго,
Да попала она въ кольцо да во серебряно
И во этотъ во ножичокъ булатніи,
И розрубила она стрѣлочку калёную
И одна другой половины не больше,
И вѣсомъ она да не тяжельше.
И онъ прого́воритъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты Марья королевична!
«Нунь держи-тко ты кольцо да серебряно,
«Да держи-тко ножичокъ булатніи.
«Я буду стрѣлять стрѣлочку калёную
«Да изъ этого изъ луку да изъ ту́гаго».
Тутъ прого́воритъ Марья королевична:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Не стрѣляй-ко ты стрѣлочки калёноей.
— Не попасть теби въ кольцо да во серебряно,
— И не попасть теби въ ножичокъ булатніи,
— Не розрубить теби стрѣлочки калёноей. —
А не могъ терпѣть Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Нѣтъ ужъ надо стрѣлить, Марья королевична,
«Да стрѣлочку да вѣдь калёную,
«Да тоже мнѣ изъ луку да изъ ту́гаго,
«Да попасть во кольцо да во серебряно
«Да во этотъ-то во ножичокъ булатніи».

1) Т. е. тогда или въ такомъ случаѣ.

Она проговоритъ Марья королевична,
Да проговоритъ она да й таково слово:
— Да ты стрѣлишь мнѣ да во бѣлы груди.
— Я спорожу теби сына да единаго:
— По колѣночку ножки да въ серебри,
— По локоточки да ручки въ золоти,
— На головушки будутъ волоса звѣзды частыи,
— И очи-ты будутъ ясна сокола. —
Она стала держать Марья Королевична
И этого кольца да вѣдь серебрянаго,
Да вѣдь этого ножичка булатняго;
И натянулъ ли тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
И натянулъ онъ свой да тугой лукъ,
Да спустилъ ли стрѣлочку каленую
Да изъ этого изъ луку да изъ тугаго.
Онъ первой разъ стрѣлилъ да и перестрѣлилъ,
Да другой-то разъ стрѣлилъ да не дострѣлилъ,
Да въ третій разъ стрѣлилъ да въ груди попалъ
Да вѣдь этой Марьи королевичной.
Да приходитъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ
Онъ приходитъ тутъ да ко бѣлу тѣлу,
Роспласталъ-то ёй тутъ грудюшки бѣлыи,
Да засѣянъ-то младенецъ да во чреви:
По колѣночку ножки въ серебри,
По локоточки ручки въ золоти,
На головушкѣ волоса звѣзды частыи,
И глазушка у него ясна сокола.
И заплакалъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ
Да по этоёй по Марьи королевичной,
Говорилъ ли тутъ онъ да таково слово:
«Да гдѣ легла Марья королевична,
«Да на эту легла да на сыру землю,
«Да тутъ лягъ Дунай сынъ Ивановичъ».
Да лёгъ ли Дунай сынъ Ивановичъ

И возли Марьи королевичной,
И духъ онъ отдалъ Господу Богу.
И посли этого прошла рѣченька Дунай рѣка,
Да тутъ теби старинушку славу́ поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

126.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Во стольноёмъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласковомъ князи при Владиміри,
Была честна́я вдова, Часовова жена,
Была́ блудна жена да Хотинушкина мать.
Завела она-то честна̀ вдова Часовова жена,
Завела она тутъ да почестенъ пиръ,
Князей-то бояръ на пиръ посо́брала
И русскіихъ могучіихъ бога́тыревъ поза́брала.
Они ѣли да пили на радости,
Пили хмѣльное на весели,
И были-то гости на мѣсто розсаженыи,
И носила тутъ честна̀ вдова, Часовова жена,
Носила по честно́й по чарочкѣ,
И всимъ-то гостямъ да прохожіимъ,
И приходитъ она съ чарочкою зеленою
А къ блудноёй жены да Хотинушки мать;
Сидитъ она — буйная головушка между плечи повѣшеная
И очи ясны во калиновъ мость утупленыи,
Чарочки питья съ рукъ не вынимаетъ.
И прого́воритъ Хотинушкина матушка:
«И честна мужняя вдова, Часовова жена:
«Я осмѣлюси словцё-то сказать, словцё выразить
«Есть у меня дѣтинушка блудной сынъ,

«А й ты честна̀ вдова, Часовова жена,
«Есть у тебя единая дѣвушка Устинушка:
«Отдай-ко Устинушку въ законной бракъ
«И за этого за Блудова дѣтинушку Хотинушку».
И прогóворитъ честна вдова, Часовова жена:
— И не отдамъ я Устинушку за блуднаго сына Хотинушку. —
Походятъ гости собѣ съ пиру вонъ,
И пошла тутъ Хотинушкина матушка,
Да буйную голову повѣсила,
А буйную голову между́ плечи,
Утупила очи ясны во сыру́ землю.
И увидѣлъ блудной сынъ Хотинушка,
И приходитъ Хотинушкина матушка
Ко своёй ли полаты жилецкоей,
Да приходитъ она да вѣдь не весела.
Да прогóворитъ Хотинушка блудной сынъ:
«Ай же ты мати моя да ты рóдная:
«И была ты на почестномъ на гостёбищѣ
«А у честной вдовы, Часовова жены:
«И мѣсто ль теби не по разуму,
«Аль чарой великой тебя óбнесли,
«Аль словомъ тебя опорочили?»
Говорила ему матушка словечко.
— Ай же ты блудной сынъ Хотинушка!
— Я сказала честной вдовы, Часового жены,
— Я сказала ей единое словечушко:
— А дай-ко ты дочерь Устинушку
— Да за блуднаго сына Хотинушку.
— Не отдаетъ она дочери Устинушки
— За блуднаго сына Хотинушку. —
Да прогóворитъ блудный сынъ Хотинушка:
«А мы возьмемъ ее Устинушку.
«Она волею отдастъ, такъ мы волею возьмемъ,

«А вѣдь волей не отдастъ, мы неволей возьмемъ
«А не то, такъ возьмемъ кроволитіемъ».
И посватали Устинушку въявѣ
И за этого блуднаго сына Хотинушку.
Говорила тутъ честна̀ вдова, Часоваго жена:
— Ой же ты блудный сынъ да Хотинушка!
— Не отдамъ я дочери Устинушки
— За блуднаго тебе за сына Хотинушку. —
И прогóворитъ Хотинъ да таково слово:
«А мы возьмемъ Устинушку кроволитіемъ».
Тутъ-то Устинушка не вышла
За этого за блуднаго сына Хотинушку.

(Конца не помнитъ).

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

127.

ЧУРИЛО.

«Поженилъ-то меня батюшко а неволею,
«И женила меня матушка не охвотою,
«Да приданаго много — человѣк-отъ худой;
«Да придано большо̀ на грядкѣ виситъ,
«Да золота монета въ кованóмъ ларци,
«Да худая женишка на руки́ лежитъ,
«И на руки лежитъ да цѣловать велитъ,
«Цѣловать-то мнѣ-ка ёй не хочется».
И заплёлъ тутъ Щурилушко Щаплёнковичъ
По самоцвѣтному по камешку
Да въ эти лапотики шелкóвыи,
Пошолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ
Со своёй ли со сторонушки рожденыи,
Изъ земли въ землю, да изъ орды въ орду.

И шолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ,
И шолъ ли онъ къ королю́ храбру,
Да нанялся къ королю́ хробру
Да на десять лѣтъ и во служеніе.
Онъ служилъ ли-то Щурилушка Щаплёнковичъ
Королю въ Литвы да вѣдь Литовскому,
Онъ служилъ да вѣрой правдою
Вѣрой правдою да безошибочно,
Да вѣдь ѣлъ да пилъ да съ одного судна.
И приходитъ ему времечко срочное,
И по своей стороны стосковалоси
Да по этыихъ рожденыихъ родителяхъ,
Да худа́-то женишечка на умъ не йдетъ.
И давае королевска ему́ дочерь
И даваетъ ему де́нежекъ пятьдеся́тъ рублей,
Пятьдесятъ-то рублей да со полтиною.
Тутъ пошолъ ли-то Щурилушка Щаплёнковичъ
Отъ короля въ Литвы да отъ Литовскаго,
И пошолъ-то по городу да Окіянову,
И выходитъ супротиво того домишечку питейнаго.
Изъ питейника домишечка выходитъ-то бабёночка,
Бабёночка турыжная [1]) да ярыжная,
Подвигается къ Щурилушкѣ да близёхонько,
Да сама-то говоритъ да каково слово:
— Ай же ты дѣтинушка ясе́нъ соколъ:
— Пріустали-то твои да рѣзвы ноженьки
— Да во этой во пути да й во дороженьки,
— И примахались твои ручки бѣлыи
— А во этоей пути да й во дороженьки,
— Припечалились уста твои саха́рныи
— А во этоей пути да й во дороженьки,
— Пріустала твоя буйная головушка

---

1) По объясненію Щеголенка, *турыжная* значитъ: оборванная.

— А въ пути въ дороженьки во ши́рокой.
— Да ты, ясе́нъ соколъ дѣтинушка,
— А зайди-тко ты да на царевъ кабакъ,
— Да ты выпей-ко да чару зелена́ вина,
— И запей-ко ты медамы настоялыма,
— И окати своё ретивое сердечушко,
— И роспечаль-ко ты свои уста саха́рныи,
— Розвесели свою буйную головушку. —
И онъ зашолъ ли-то Щурилушка Щапленковичъ
Да въ это-то домишечко въ питейноё,
Да онъ сѣлъ-то на скамеечку дубовую,
Наливаетъ онъ чару зелена́ вина,
И запилъ онъ тутъ медамы настоялыма.
Тутъ прого́воритъ ясенъ соколъ Щурилушка Щаплёнковичъ:
«И я жилъ молодецъ у короля въ Литвы,
«И служилъ-то я вѣрой правдою ему,
«И ѣлъ да пилъ я съ одного судна».
И похвасталъ дочерь' королевскою:
«И спалъ я у дочери королевскоей,
«И спалъ я на право́й руки,
«И на право́й руки у бѣло́й груди,
«Цѣловалъ ю во уста да й во саха́рныи».
И услыхали тутъ короля да Литовскаго
А слуги вѣдь да и вѣрныи,
Да сковали-то ему да ножки рѣзвыи,
И завѣсили ему да очи ясныи,
И хочутъ ве́сти на поле Куликовое.
И онъ про̀го́воритъ Щурилушка Щапленковичъ:
«Ай же вы ребята короля да вы Литовскаго!
«Вы возьмите съ ме́ня денежокъ да пятьдесятъ рублей,
«И пятьдесятъ рублей да со полтиною,
«Да ведите меня мимо королевской домъ,
«Да послѣдне мни-ка съ нёй проститися,
«Да послѣдне мнѣ съ ней розстава̀тися».

Повели его Щурилушку Щаплёнкова
Мимо королевской домъ,
Онъ и крыкнулъ тутъ да громкимъ голосомъ:
«Ай ты дочь-то вѣдь королевская!
«Да послѣднё мни съ тобой проститися,
«Да послѣднё мни розставатися».
Проговоритъ-то эта дочь да королевская:
— Вы возьмите-тко съ меня да се́мдесятъ рублей,
— Да роскуйте ему да ножки рѣзвыи
— И розвяжите ему да ручки бѣлыи,
— И откройте ему да очи ясныи,
— Да спустите на волю да й на вольнюю. —
Онъ взяла дочь королевская
Во свои новы сѣни да рѣшотчаты.
Онъ проговоритъ Щурилушка Щаплёнковичъ:
«Я еще хочу послужить у короля́ въ Литвы,
«Хоть еще бы послужилъ да два годика».
Да служилъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ
Да служилъ еще вѣдь да два годика.
На проходи ему времечко строчное
Ёнъ походитъ Щурилушка Щаплёнковичъ
И давае ему денежокъ пятьдесятъ рублей,
Да сама й говорила таково слово:
— Не зайди-тко больше на царевъ кабакъ,
— И не вышей болѣ чары зелена вина,
— Не запей-ко медами настоялыма,
— Не похвастай мной королевичной. —
Да пошолъ Щурилушка Щаплёнковичъ,
Да пошолъ онъ отъ короля съ Литвы,
И опять пришло итти по городу,
И пришло итти да по Кіянову.
И тутъ прошолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ
И этотъ городъ Кіяновъ весь,
И вышелъ на дороженьку на ши́року,

И пошолъ оттуда изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю да въ свою сторону.
Да идетъ ли Щурилушко Щаплёнковичъ,
Идетъ-то дороженькой да ши́рокой.
Да впереди-то себя пахарь да попа́хиваётъ,
Лошадку-то пахарь понукиваётъ,
Да сошка у пахаря поскрыпываётъ.
Онъ день-то шолъ да до пахаря не дошолъ,
Да дру́гой день-то дороженькой пошолъ,
И пахарь, слышитъ, попахиваетъ,
И лошадку-то пахарь понукиваётъ,
Да вѣдь сошка у пахаря поскрыпываётъ.
И третій-то день пошолъ Щурилушка Щаплёнковичъ,
Да вѣдь тоже пахарь попахиваётъ,
Да лошадку пахарь понукиваётъ,
И сошка у пахаря поскрыпываетъ.
И третей день шолъ да до пахаря дошолъ;
У пахаря лошадка пѣга́ненькая,
Да сошка у пахаря клено́венькая,
И омешики на сошки була́тъ желѣза:
«И Богъ теби помочь крестьянушко!»
— Да поди-тко дѣтинушка ясе́нъ соколъ. —
Тутъ пришолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ,
Да пришолъ ли тутъ да во свою сторону
Да ко этыимъ рожденыимъ родителямъ.
Престарѣлы родители рожденыи;
Да здоровался Щурилушко Щаплёнковичъ,
Да худа-то женишка да тутъ на умъ не йдетъ.
Да заплакали рожденыи родители:
— Да пришолъ ли ты Щурилушка Щаплёнковичъ,
— Да пришолъ ты да во свою сторону. —
И прожилъ-то Щурилушка Щаплёнковичъ
И отдыхалъ на мѣстечки три де́нечки,
И слыши по себѣ силу́ великую,

И ладитъ итти да вѣдь во Кіевъ градъ
Да ко солнышку князю́ да ко Владиміру,
Да даваться-то на службу богатырскую.
Енъ пришолъ ли-то ко городу ко Кіеву
На этотъ ли на дворъ на княженецкой-то,
Отворяс ворота да тутъ онъ на́ пяту
И въ этую полату гряновитую,
Да тутъ сидятъ русски могучи бога́тыри,
Вси поляницы тутъ удалыи,
Да за этыимъ столомъ да княженецкіимъ.
Ёнъ крест-отъ кладетъ да по писа́ному,
Да поклон-отъ ведётъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
Да солнышку князю́ да вѣдь Владиміру
Енъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину,
Да вѣдь самъ говорилъ да товово слово:
«И ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«И возьми-тко мня въ службу богатырскую».
— Я возьму тебя Щурилушка Щапленковичъ
— И въ службу къ себи да въ богатырскую,
— Только надо служить да вѣрой правдой мнѣ,
— Вѣрой правдой да безошибочно. —
Тутъ тебѣ старинушку славу́ поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

128.

ДЮКЪ.

Да во стольномъ во городи во Кіеви
И у солнышка князя́ й у Владиміра,
Заводился пированьицо почестенъ пиръ
На многихъ на князей на бояръ,

И на русскихъ могучихъ богатырёвъ,
Да на всихъ поляницъ на удалыихъ.
Да вси на пиру сыты пьяны веселы,
И вси на пиру розвеселилися.
Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Ёнъ похвастаетъ-то вѣдь городомъ,
Городомъ похвастаетъ да вѣдь Кіевомъ.
Самсонъ да Самойловичъ похвасталъ своей силой богатырской,
Да Ставёръ да сынъ Годиновичъ
Онъ похвасталъ своей силой богатырскою,
Да старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Ёнъ похвасталъ своей силой богатырскою.
И Олешенька Попóвъ сынъ
Онъ росхвастался своей золотой казной —
Есть ли у молодца — золотóй казной.
Да сидитъ ли млáдый Добрынюшка Никитиничъ
Онъ похвасталъ своимъ-то конёмъ богатырскіимъ
И младъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Онъ похвасталъ своей силой богатырскою.
Да сидитъ тутъ Щурилушка Щаплёнковичъ
Ёнъ похвасталъ своей пошапкой молодецкою,
Да сидитъ тутъ Дюкъ да Степановичъ
Онъ похвасталъ своей пошапкой молодецкою.
Надо ѣхать имъ во полё да во чистоё
И розсердить своихъ коней да богатырскіихъ,
Воротиться назадъ да ко рѣченки,
Да ко рѣченки ко Почаевой,
Впоперёкъ-то рѣка верста мѣрная,
Глубиной-то рѣка да сорока сажонъ.
Это слово говоритъ Самсонъ да вѣдь Самойловичъ.
Оны вышли изъ-за стола да изъ-за окольняго,
Да изъ этоей полаты гряновитою,

Да вышли оны на широкъ на бе́лой дворъ,
Оны заходя въ конюшню богатырскую,
И надѣваютъ на коней уздицы чесмяныи.
И во уздицахъ повода были шелковыи,
Вѣдь разныхъ шолковъ шолковъ шанскіихъ,
Кладываютъ на коней оны исподнички,
На исподнички оны войлочки,
На войлочко оны сѣдёлышко,
Да сѣдёлышко они черкальское.
Да затягиваютъ подпруги двѣнадцатеры,
И завязываютъ свясточки семи шелковъ,
Да не для́ ради красы, да ради крѣпости,
Да тыхъ ли шолковъ шелковъ разныихъ,
Да разныихъ шелко́въ да ше́лковъ шанскіихъ.
Пряжечки во подпругахъ серебряны,
Да штылёчики были они чиста зо́лота,
У сапожковъ шпоры була́тъ желѣза,
И осѣдлали коней да богатырскіихъ.
Да Щурилушка тутъ Щаплёнковичъ,
Да Дюкъ да тутъ да Степановичъ,
Шляпоньки на головушки земли да Сорочинскою,
Шляпоньки на головушки сорока пудовъ,
И палици́ булатни сорока́ пудовъ,
И сабли взяли съ со́бой вострыи.
Ёны садились на коней богатырскіихъ,
Выѣзжаютъ со двора да княженецкаго
И на этыи на Кѣевски переулочки,
И сзаду́ ѣдя три русскихъ могучихъ богатыря.
И напередъ ѣде́ Щурилушка Щаплёнковичъ,
Вслѣдъ ѣде Дюкъ да Степановичъ.
Да прого́ворилъ Дюкъ да Степановичъ
Да своему ли коню да богаты́рскому:
«Ай же ты сивушка бу́рушка,
«Да ты вѣщей во́ронке!

«Какъ ты служилъ моему родителю да батюшку,
«Также и мнѣ послужи вѣрой правдою».
Да прого́ворилъ тутъ конь голосомъ человѣчьiимъ:
— Ай же ты Дюкъ да Степановичъ!
— Когда сядешь ты на степь да лошадиную
— Да не жми-тко ты шпорами булатныма
— Да подъ эты меня да подъ круты́ ребра,
— Не хлыщи-тко плёточкой шелковою
— Да по этоёй по степи лошадиною,
— Не натягай по́водовъ да ты тесмяныихъ.
— Ты держись-ко за гриву да за святу́ гриву,
— Я тошто тебя служить буду вѣрой правдою. —
Оны съѣхали во поле да во чистое
И розсердили то своихъ коней да богатырскiихъ.
Прiѣхали ко рѣчки ко Почаевой,
Тутъ стоитъ три русскiихъ могучiихъ богатырёвъ,
Да смотрѣть надо на чудо да на чудноё.
Ёны скочили до половины рѣченки Почаевой,
Оборвалися у Щурилушки Щапленковича
Оборвались повода да вѣдь шелковыи,
Оборвались-то стре́мени булатнiи
Въ половины-то рѣченки Почаевой.
Да проговорилъ ли Дюкъ да Степановичъ,
Онъ проговорилъ да таково слово:
«Мнѣ не жалко головы человѣчьею,
«Мнѣ жалко головы лошадиною».
И взялъ ли коня да богатырскаго
И этого Щурилушки Щаплёнковича,
И взялъ ли Дюкъ да Степановичъ
И вытащилъ его да вѣдь изъ рѣченьки,
Да изъ рѣченьки изъ Почаевой,
И вытащилъ его да й на круто́й берёгъ,
Да на этую на матушку сыру землю.
Да прого́ворилъ тутъ Дюкъ да Степановичъ:

«Ты не хвастай-ко Щурилушка Щaплёнковичъ,
«Да не хвастай ты на дворъ поѣдучи
«Да ты похвастай-ко со двора́ да по́йдучи».
И остудился Щурилушка Щаплёнковичъ
И всѣхъ четырехъ русскихъ могучихъ богатыревъ.
Да тутъ ли старинушку и славу́ поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 9 сентября.

129.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда воцарился Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда возсіяло на небѣ солнышко,
Тогда рыбы вси на глубь сошли,
Тогда сбѣжали звѣри въ лѣса тёмныи.
Мы сидѣли да были по конéцъ пальца,
Мы ѣли да пили по конéцъ стольца:
«Да вы слушайте братцы послухайте,
«Я скажу старину стародавную,
«Стародавную старинушку бывалую,
«Какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
«Снарядилъ ли войско подъ Казань-то городъ.
«Тамъ стояло-то войско подъ Казань де городомъ
«Не много не мало семь-то годовъ».
Да прого́ворилъ пушкарь да таково слово:
— Да ты Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Подкопать бы намъ подкопы глубокіе
— И подъ эты подъ стѣны городовыи,
— Закатить бы намъ бочки съ зельёмъ лютыимъ,
— Начинить бы намъ бочки черньмъ порохомъ,
— И зажгать бы намъ свѣчи воско́выи
— Во эты во руцы во бѣлыи,

— За эты за стѣны да за дубовыи,
— Во рукахъ-то свѣщи догорѣются
— Надъ стѣнами да ничево вѣдь не дѣется. —
«Ай же пушкарь да ты обманываешь!»
— Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Ты позволь слово сказать да словцо вымолвить:
— Во рукахъ-то свѣщи да оны ясно горятъ,
— За стѣнами свѣщи оны не ясно горятъ. —
Не успѣлъ ли пушкарь да слова вымолвить,
Трёснули башенки треугольніи,
Разорвало стѣны городовыи,
И зашло тутъ войско во Казань-то городъ,
Да повынесли знамéна со Казáнь городà,
Да повынесли порфилу-ту царскую,
Изъ-за этого стола да изъ-за окольнёго.
Какъ грозной царь Иванъ Васильевичъ
Ёнъ по свѣтлоей по свѣ́тлици похаживаетъ,
Ёнъ сапогъ о сапогъ поколачиваётъ,
Да самъ онъ гóворилъ таково слово:
«И нунь заведу я почестенъ пиръ
«И на многихъ на князей на бояръ,
«И на русскихъ могучихъ богáтырёвъ,
«И на всихъ поляницъ на удалыихъ.
«Я повыведу измѣну нунь съ каменнóй Москвы,
«Я повыведу измѣну со Новá города,
«Я повыведу измѣну да й со Опского,
«Я повыведу измѣну да й со Вáстракани».
Да прогóворилъ тутъ грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты Ѳедоръ да Ивановичъ!
«Да садись-ко на коня да й богатырскаго
«И со этыма поспѣхамы богатырскима.
«Поѣзжай-ко ты да великóй Москвой,
«Каменнóй Москвой да ты великою,
«Старыхъ и малыхъ конёмъ топчи,

«Русскихъ могучихъ бога́тыревъ саблёй руби,
«Да ты не дѣлай-ко измѣны въ каменно́й Москвы».
Да поѣхалъ ли-то Ѳедоръ да Ивановичъ
Старыхъ и малыхъ конёмъ не топталъ,
Русскихъ могучихъ бога́тырёвъ саблёй не рубилъ.
Онъ-то дѣлалъ измѣну-ту въ каменно́й Москвы.
Пріѣзжаетъ онъ ко двору да тутъ ко царскому,
И ко этому столу да княженецкому,
И отворяе ворота да онъ-то на́ пяту,
Онъ и крестъ-то кладётъ да и по писа́ному,
Онъ и поклонъ-то ведётъ да й по учоному,
И на двѣ на три на четыре на сторонки поклоняется,
Ивану-то Васильевичу дѣлаетъ поклонъ-то въ особину.
Тутъ какъ станетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
И на свои-то да на рѣзвы́ ноги,
И самъ говоритъ да во всю голову:
«Ай вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы поляницы удалыи!
«Я повынесъ-то знаме́на съ Каза́нь города,
«Я повынесъ ли порфилу-то царскую
«А зъ-за этого стола да зъ-за окольняго,
«Я вывелъ ли измѣну съ каменной Москвы,
«Я вывелъ ли измѣну со Нова города,
«Я вывелъ ли измѣну вѣдь со Опского,
«Я вывелъ ли измѣну и со Ва́стракани».
Какъ сидятъ тутъ воры да й Гагарины:
— А ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Да твоя-то измѣна за столомъ сидитъ,
— И твоя-то измѣна на тебя глядитъ. —
Ёнъ кликнулъ Потанюшка Курлатова.
Какъ средней-то тулится за большаго,
Какъ меньшей-то тулится за средняго
Говоритъ Потанюшка Курлатовъ сынъ:
«А видно мни да ко судьбы пришло».

Да беретъ-то Ѳедора Ивановича,
Да беретъ-то Скурлатовъ за рученки за бѣлы,
За этыи берётъ ли за перстни злаченыи,
Да поводитъ на поле на чистоё,
На ту ль-то на плаху на дубовую,
Отрубить-то ему да буйна гóлова.
И придать смерть ему напрасная,
И вынять сердце со печенью.
И взяла тутъ Настасья Романовна
И стала на свои да на рѣзвы́ ноги,
Надѣвала черéвички на босу ногу,
Кладывала она шубу соболину на одно плечо,
И шла-то къ стару казаку да къ Никиты Романовичу.
И крест-отъ кладётъ по писаному,
Поклон-отъ ведётъ по учоному,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
Да стару́ казаку Микиты Романовичу
Она дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину:
— Ай ты старой казакъ Микита Романовичъ!
— Да ты пьёшь да ѣшь да прохлаждаешься,
— А надъ нами ты незгодушки не вѣдаешь.
— Нѣтъ-то у насъ сына да любимаго
— Ѳедора Ивановича.
— Взялъ ли Малюченка Потанюшка Курлатовъ сынъ
— И взялъ ли за рученки за бѣлыи,
— И за этыи за перстни злачёныи,
— И свёлъ ли на полё на чистоё,
— На ту ль-то на плаху дубовую,
— И отрубилъ-то ему да буйну голову,
— Да придалъ-то смерть ему напрасную,
— Да вынялъ сердце со печенью.
— И нѣтъ твоего крестнаго любимаго
— И Ѳедора да Ивановича. —
Да проговоритъ старóй казакъ Микита Романовичъ:

«Долго долго не пекало красно солнышко—двѣнадцать лѣтъ,
«Не бывала-то Настасья Романовна
«У старá казака Микита Романовича».
Онъ сталъ ли старóй казакъ Микита Романовичъ
И на свои сталъ на рѣзвы́ ноги,
И надѣвае босовички на босу ногу,
И надѣвае сертукъ да на одно плечо,
И онъ кидалъ колпакъ да на одно ухо.
Онъ берётъ-то коня да й богатырскаго,
Онъ садится на коня да й богатырскаго,
Онъ крикнулъ тутъ во всю голову:
«Ай же народъ сторопитесь вы!
«Старыхъ и малыхъ конёмъ стопчу,
«Русскихъ могучихъ богáтыревъ саблёй срублю».
Далъ народъ улицу широку да вѣдь продóлговату,
Каменнóй Москвой ѣхать да великою.
И онъ выѣхалъ на поле да й на чистое,
Онъ и крикнулъ тутъ да во всю голову:
«Ай ты Малюченко Потанюшка Курлатовъ сынъ!
«Да ты съѣшь этотъ кусъ да подавишься,
«Да ты выпьешь эту чару захлéбнешься».
Да пріѣхалъ ли Микита да Романовичъ
Да ко этой ко плахѣ ко дубовою,
И досталъ-то онъ Ѳёдора Ивановича,
И досталъ-то его да вѣдь во живности.
Онъ сходитъ съ коня да й богатырскаго,
Онъ берётъ-то Скурлатова зá волосы,
Онъ кидае Скурлатова о плаху о дубовую
И отрубилъ-то ёму да буйну голову,
Да придалъ смерть да напрасную,
Да вынялъ сердце со пéченью.
И севодня дѣется пятница великая,
Завтра буде субота христовская.
И садился тутъ старóй казакъ Микита Романовичъ

На своего ли коня да богатырскаго,
А со этыимъ ли со Ѳёдоромъ Ивановичемъ,
И привёзъ его въ полату богатырскую.
И въ эту въ суботу во христовскую
Какъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Розсылалъ-то онъ афишки по всимъ сторонамъ,
И по своимъ-то слугамъ да вѣдь вѣрныимъ,
И по своимъ-то слугамъ да вѣдь подданнымъ:
— Да вы пойдете къ заутреной христовою,
— Вы надѣньте одежду роспечальную,
— И нѣтъ-то у мня сына да любимаго
— И Ѳёдора да вѣдь Ивановича.
— Да свёлъ ли Скурлатовъ на чисто поле,
— И отрубилъ-то ему да буйну голову,
— И придалъ ему смерть напрасную,
— Да вынялъ сердце со печенью. —
Да пришли эты слуги ёго вѣрныи,
И пришли эты слуги ёго подданны,
Да пришли-то во церковь во Божiю,
Да ко этой заутреной христовою
И надѣта одежда роспечальная.
Да приходитъ старой казакъ Никита Романовичъ
Онъ крест-отъ кладётъ по писаному,
И поклон-отъ ведетъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны покланяется,
И грозному царю да вѣдь Ивану Васильевичу
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Да вѣдь самъ говорилъ да таково слово:
— Да ты здравствуй-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своёй семьёй, да со моёй сестрой,
— Да со тымъ ли со яснымъ со соколомъ
— Да со Ѳёдоромъ да Ивановичемъ! —
Ёнъ повёрнется грозный царь Иванъ Васильевичъ
И згляне на него да немилымъ окомъ:

«Какъ былъ бы ты собака не въ церкви не въ Божьею,
«Я не далъ бы собакѣ на часъ живота».
Какъ скаже старóй казакъ Микита Романовичъ
— Да живётъ ли грѣшному прощеньицо,
— Да живётъ ли грѣшному благословеньицо? —
«Я простилъ бы да вѣдь некого,
«Я помиловалъ бы да негдѣ взять».
И повéрнется старой казакъ Микита Романовичъ
Да со этой церкви да со Божьею,
Во свою ль-то онъ полату богатырскую,
Говоритъ-то тутъ Өедору Иванычу:
— Ай ты мой крестничокъ да мой любимой ты!
— Я досталъ ли-то у грознаго царя у Ивана да Васильевича
— Я досталъ ли у него да вѣдь прощеньицо,
— Я досталъ ли у него да вѣдь благословеньицо.
— Да ты ставай-ко вѣдь по утрушку ранёхонько,
— Умывайся-тко да ты бѣлёхонько,
— Утирайся-тко да вѣдь сухохонько,
— Убирайся ты да хорошохонько,
— Да мы пойдемъ-то вѣдь во церковь да во Божьюю
— И ко этоёй заутреной христовою. —
И пришли оны во церковь да во Божьюю,
Да крестъ оны кладутъ да по писаному,
Да поклонъ ведутъ оны да по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны поклоняются
И грозному царю да вѣдь Ивану Васильевичу
Оны дѣлаютъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Да прогóворитъ старóй казакъ Микита Романовичъ:
— Да ты здравствуй-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со моёй сестрой да со своёй семьёй
— Да со тымъ ли со яснымъ со соколомъ
— Да со Өёдоромъ со Ивановичемъ! —
Да повéрнется грозный царь Иванъ Васильевичъ
Да къ старý казаку Никиты Романовичу,

Онъ берётъ его за рученки за бѣлыи,
И берётъ-то за перстни за злачоныи,
И цѣлуе во уста да во сахарныи,
Да вѣдь самъ говорилъ и таково слово:
«Ай же ты старой казакъ Микита Романовичъ!
«Да чимъ тебя на́ скори пожаловать:
«Городамы ли тебя и пригородкамы,
«Али ли силою тебя да вѣдь великою,
«Али золотой казной да вѣдь безсчетною?»
— Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Мни не надо городовъ съ пригородкамы,
— Мни не надо-то вѣдь силы богатырскою,
— Мни не надо золотой казны безсчотною,
— И у меня-то всего того своего́ вѣдь есть.
— Мни пожалуй-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Да вѣдь на́ скори Микитину отчину.
— И кто какой грѣхъ-то сдѣлаетъ
— Кто въ Микитину отчину уйдетъ, того Богъ простилъ.—
Тутъ пожаловалъ ли грозный царь Иванъ Васильевичъ
Какъ на крути́ Микитину отчину
Да стару казаку Микиты Романовичу.
Да старинушки и славу́ поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

130.

ПТИЦЫ.

(См. Рыбникова, т. II, 59).

И отчего братцы зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ.
Отчего братцы становилась весна красна?
Весна красна становилась отъ зимы холодной.

Отчего братцы становилось лѣто тепло?
Становилось лѣто тепло отъ весны отъ красной.
Отчего братцы становилась осень богата?
Становилась осень богата отъ лѣта отъ тепла.

Покладутъ крестьяне стоги.
Имъ жить хорошо,
И весело и прохладно.
Да цари живутъ по царствамъ,
Да бояре живутъ-то по мѣстамъ,
И мелкіи судьи живутъ по уѣздамъ,
А попы-дьяки живутъ по погостамъ,
А сироты мелкіи люди живутъ они по подворьямъ.

А про то бы братцы было вѣсто:
Старой бабы на печи было мѣсто,
И лежала она бы — не бурчала бы,
Была бы подъ носомъ крынка съ тѣстомъ.
Старыи старики лежатъ по печамъ,
Стары старушки лежатъ по прилавкамъ,
Молоды молодицы съ мужевьями по чуланамъ спятъ,
Красны дѣвицы по ошёсткамъ спятъ,
Малыя ребята спятъ по зенькамъ спятъ.

Тутъ изъ далеча изъ далеча,
Изъ синяго дунайскаго моря,
И налетала малая птичка-пташка,
Спрашиваетъ у русскихъ птицъ:
«Ай же вы русскія птицы!
«Каково вамъ жить-то на Руси?»
Отвѣчали русскія птицы:
— Ай же ты мала птица-пташка!
— Хорошо намъ жить на Руси:
— Всѣ птицы у насъ при дѣлѣ,

— Да всѣ птицы у насъ при работѣ
— И всѣ птицы у насъ при караулѣ. —

. . . .

И налетали птицы вόробьи,
Садились оны по кόламъ,
Садились оны по изгородамъ,
Садились оны по малыимъ ракитовымъ кусточкамъ
Да садились оны вдоль зеленой дубравы,
А живутъ оны въ домахъ по рагузу.
Губалъ-птица на морѣ плотникъ.
Ястребъ на морѣ стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по куренку,
Со вдовы съ сироты беретъ по двѣ и по три, —
То есть великая въ немъ неправда.
Лебеди на морѣ были бояра.
Канюкъ на морѣ хлопóтникъ,
Гусь на морѣ морской ходатель.
Чайки на морѣ были онѣ погощанки.
Синица была на морѣ пѣвица:
И то она была не пѣвица
То она была пономарица.
И чирка на морѣ она была рыболовка
И побѣднымъ голосомъ она да рыдаетъ,
И рыбы много добываетъ:
И только съ рыбой въ ярманку не ѣздитъ,
И на тую рыбу больше призоръ не бываетъ.
Сойка на морѣ, она была верещата.
Утка на морѣ, она — сѣроплавка.
Селезень-то на морѣ — удалый добрый молодецъ,
Ластушки на морѣ были косатыя красны дѣвушки.
Соловей на морѣ птица
Хорошо поетъ, любо и слушать.
Жавроленочекъ онъ по поднебесью летаетъ,

Жалобнехонько онъ щекотаетъ.
Вытлюкъ на морѣ травникъ, самъ ябедникъ.
Куликъ на морѣ долгоногій,
Самъ-то былъ тонконосый.
Косачъ на морѣ казакъ донской
И тетерка на морѣ молòдая жонка.
Галки на морѣ, оны погощаны.
Гагара изъ озера въ озеро она летаетъ.
Бѣлка на морѣ была росомаха.
Ворть былъ на морѣ старецъ,
И старецъ онъ былъ строитель,
И былъ строитель, то онъ былъ не строитель,
Былъ онъ монастырскій разоритель.
Журавь на морѣ пономарь монастырскій:
Въ большой колоколъ ударитъ,
Къ обѣднѣ итти заставитъ,
И ножки у него доленьки,
Чулки на ногахъ у него узеньки,
И по мосту ходить онъ не знаетъ,
И мосту мостить не умѣетъ.
И на морѣ медвѣдь кожемяка:
Много кожъ онъ сымаетъ
На ногахъ поршневъ не видаетъ.
И на морѣ волк-отъ овчиникъ:
Много овчинъ онъ снимаетъ,
Много по закустышамъ охичаетъ,
Самъ на себѣ шубы не видаетъ.
Лисица на морѣ — молода молодица:
Много винъ сдѣлае
Про себя вины не скаже,
Дологъ хвостъ на свой не ступитъ.
Заяцъ на морѣ сошки не дѣлае,
Рѣпки не паше,
Рѣпкой сытъ пребываетъ,

Онъ все крестьянина на Руси разоряетъ,
Во вѣки больше онъ сытъ пребываетъ.
Охъ тошнехонько, охъ тяжеленько, —
Кошкѣ на морѣ вдовицы,
И то бобыли — сироты,
День она по печамъ,
День она по ошёсткамъ,
И ночь-то придетъ — пойде по молочнымъ крынкамъ.
Да сорока на морѣ — кабацкая жонка:
Съ ножки на ножку пляшетъ,
Молодыхъ молодцевъ прибираетъ.
И курица на морѣ побѣдна птица:
И кто ню во дворѣ поимаетъ,
Всякій перстомъ въ дыры́ покопае,
Оттуль яйцо добывае,
И зятю тёща яйцо добываетъ,
Отъ того теща и честь залучаетъ.
На морѣ воро̀ница бабка пупорѣзна:
Голови́ще у ней толсто̀е,
Платьице у ней грязно̀е.

Какъ будутъ люди-ты обѣдать,
Какъ станутъ нищи по подоконью бѣгать:
Холодныхъ щей не хлебали,
Горячихъ вѣкъ не видали.

Мы про то, братцы, не знали и не вѣдали.
Что знали то и сказали.

XXIII.

ВАСИЛІЙ АКСЕНОВЪ.

Василій Аксеновъ съ Леликова, 80-лѣтній старикъ-крестьянинъ, грамотный, мастеръ разсказывать сказки и обладающій

нѣсколькими лубочными изданiями. На вопросъ о былинахъ онъ сперва отвѣчалъ, что ихъ всѣ забылъ, но потомъ вспомнилъ отрывокъ про Вольгу̑ и Микулу и другiя былины, здѣсь помѣщаемыя. Отъ кого онъ имъ научился, не могъ припомнить.

131.

ВОЛЬГА И МИКУЛА[1]).

Во славномъ городи во Кiеви,
У ласкова князя у Владимiра
Былъ любимый племянничекъ
Младой Вольга Святославьевичъ.
Князь Владимiръ стольнё-кiевскiи
Пожаловалъ ему три города,
Три города что не лучшiихъ:
Гурсовцемъ да Череповцемъ,
Да третьимъ городомъ Орѣховцемъ.
И поѣхалъ племянникъ городовъ смотрѣть
Услыхалъ оратая на нивы[2]) оручиво,
Услыхалъ оратая за двѣнадцать верстъ
Како ратай покрикиваетъ,
Омешики о камешки поскрипываютъ.
А сошка-та была у него дубовая,
Омешики чистаго серебра,
А присошекъ краснаго золота.
Прiѣхалъ Вольга Святославьевичъ
Самъ говоритъ таково слово:
«Богъ помочь, крестьянинъ оратай, на нивы оручись».
— Милости просимъ, Вольга Святославьевичъ! —

---

1) Старикъ Аксеновъ плохо помнилъ эту былину, и нѣкоторые стихи ему подсказывала Степанида Конова (XXI).

2) Это значитъ — въ лѣсу.

«Почему ты меня знаешь именёмъ зовешь?»
— А потому тебя знаю, именемъ зову,
— Служилъ твоему батюшкѣ двѣнадцать лѣтъ,
— А за двѣнадцать лѣтъ еще наемъ не взятъ. —
Говоритъ Вольга Святославьевичъ:
«А послужи мнѣ-ка-ва тринадцатый,
«За тринадцать лѣтъ вдругъ наемъ отдамъ.
«А съѣздимъ со мной городовъ смотрѣть.
«И какъ тебя какъ, крестьянинъ, именёмъ зовутъ?»
— Какъ я жита напашу, да домой выволочу,
— Да дома и вымолочу,
— Да солоду напáрю и пива наварю,
— Гостей зазову и гостей накормлю,
— И пойдутъ гости будутъ благодарить:
— Благодаримъ Микула Селя́ниновъ. —
Такъ ёнъ какъ бросилъ сошку въ ракитовъ кустъ,
Улетѣла сошка подъ óболоко,
Потомъ упала въ ракитовъ кустъ,
Сошка была двѣнадцать пудъ.
И поѣхалъ съ нимъ городовъ смотрѣть,
А су́лова кобылка пѣшóмъ идетъ,
А Вольги́нъ конь пробѣгиваетъ,
А су́лова кобылка во рысь идетъ,
А Вольги́нъ конь и гнаться не могъ.
Остался Вольга̀ середѝ лѣса,
Колпакóмъ махалъ, голосомъ кричалъ:
«Не оставь меня, Микула Селя́ниновъ,
«Не оставь меня середи лѣса».
А ёнъ скажетъ: «Кабы моя кобылка конемъ была,
«Моей кобылкѣ цѣны не было».

Записано на Лелковѣ, 4 іюля.

132.

ДОБРЫНЯ [1]).

Во славномъ городѣ во Кіевѣ
Жилъ старой Пермятъ Васильевичъ
Имѣлъ жену Катерину Микуличну.
Пріѣзжалъ къ ней гость любимыій
Добрыня Микитиничь
У воротъ стучится, колотится,
Выбѣгала тутъ дѣвка поваренка,
Поваренка и челя́динка,
Сама говоритъ таково слово:
«Кто у воротъ стучается?
«У насъ стараго Пермята въ домѣ нѣтъ,
«Ушолъ къ обѣднѣ къ божественной».
Услыхала тутъ Катерина Микулична
И бьетъ она дѣвку право́й рукой по лѣву́ лицу:
— Не твое дѣло гостей отказывать,
— А твое дѣло шти кашу́ варить,
— Шти кашу́ варить да казаковъ кормить. —
Запускала тутъ Добрыню Микитича,
Сѣли оны играть во шахматы.
Разъ игралъ, Катерину по́игралъ,
Другой игралъ, Катерину по́игралъ,
А третій разъ Катерина ступить не даетъ.
Говоритъ Катерина Микулична:
— Не могу смотрѣть на твою́ красу,
— Мое бѣлое тѣло ходуно́мъ ходитъ,
— Тонка бѣлая рубашечка къ тѣлу льнетъ,
— Полны чо́боты воды натекли.
— Ложись-ко ты Добрыня на кроваточку. —

---

1) Здѣсь Добрыня, вѣроятно по обмолвкѣ, поставленъ на мѣсто Чурилы Пленковича.

И сталъ тутъ Добрыня попихивать,
Тесовая кроваточка поскрипывать.
А тутъ услыхала дѣвка поваренка,
Проходитъ въ эту теплую горницу,
Сама говоритъ таково слово:
«Схожу я къ старо́му Пермяту Васильевичу,
«Скажу, что есть у тебя гость немилыій».
Проговоритъ Добрыня Микитиницъ:
— Не ходи-тко ты дѣвка къ Пермяту Васильевичу
— Вотъ тебѣ дѣвка кося́къ камки,
— Въ золотѣ камочка не погнется. —
На то дѣвка не поза́рилась,
А сходила она во Божью́ церкву,
Сказала старому Пермяту Васильевичу:
«Есть у тебя дома не милый гость
«Занимается съ Катериной Микуличной».
Не достоявши Пермятъ обѣдни, домой пошолъ,
Бралъ онъ въ руки саблю вострую,
Отрубилъ Добрынѣ буйную голову.

Записано тамъ же, 4 іюля.

133.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

Какъ во славномъ во́ гради во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Было пированьице почестенъ пиръ.
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвастались:
Тотъ хвастаетъ тѣмъ, иной инымъ,
Умной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Добрымъ конемъ да отцемъ матерью,

А безумный хвастатъ молодой женой.
А тутъ солнышко Владимiръ
Самъ да поросхвастался:
«Кто бы со мной билъ во великъ закладъ
«Скакать отъ города отъ Кiева,
«Отъ Кiева до города Чернигова,
«Между тѣми часты́ми межу лебедами,
«Межу тою обѣдней завтреницей,
«А перeско́ку-то было да ровно триста верстъ».
Выставалъ тутъ Иванушко Гостиный сынъ
Изъ-за того стола изъ-за дубоваго,
Самъ говоритъ таково слово:
— Солнышко Владимiръ князь стольне-кiевской!
— Я съ тобою бью во великъ закладъ
— Скакать отъ города отъ Кiева до Чернигова
— А перескоку было ровно триста верстъ. —
Тутъ проговоритъ Владимiръ князь столенъ-кiевскiй:
«У меня-то у князя есть триста жеребцовъ,
«Триста жеребцовъ и три жеребца.
«Кологривый жеребецъ и сивогривый живобецъ
«Есть младыiй косматыiй бурушко.
«А у тебя Иванушка Гостиный сынъ
«На коемъ-то черти буде повыѣхать?»
Не досидѣвши Иванушка въ пиру домой пошолъ
Не проходитъ онъ во гридни во столовые,
А проходитъ въ конюшенку стоялую
Ко своему-то косматому ко бу́рушку,
Кланялся ему во правую во лѣвую во ноженку:
— Былъ я у́ князя на пи́ру.
— Въ пьяномъ разумѣ поросхвастался
— Скакать отъ города отъ Кiева до Чернигова,
— Между тыма частыма между ле́бедами.
— Между тою обѣдней за́втреницей,
— А перескоку-то будетъ да ровно триста верстъ. —

Насыпалъ тутъ свому косматому бурушку
Пшены бѣлояровой,
Наливалъ ему питьица медвянаго,
Проходитъ во гридни во столовыи,
Во свою во теплую спаленку.
Тутъ Иванушку не очень спится,
Подушечка въ головахъ верти́тся.
Ставалъ онъ поутру ранёшенько,
Умывался онъ бѣлёшенько,
Одѣвалъ онъ сапожки на ножки
Зеленъ сафьянъ а носы востры,
Около пя́ты яичко кати,
А подъ пяту воробей пролетитъ.
Сталъ онъ латиться, булатиться,
Булатиться, кольчужиться,
Прошолъ онъ во конюшну стоялую,
Сталъ онъ сѣдлать своего бурушка,
Надѣвалъ онъ шубу соболиную,
Надѣвалъ онъ шапочку собольюю
Пушисту и ушисту,
Ушисту и завѣсисту.
Спереди съ-подъ шапки глазъ не видать,
А сзади съ-подъ шапки шеи бѣлоей.
Повелъ онъ своего косматаго бурушка
За поводы шелковыи,
Косматый конь съ Иванушкой шуточки пошучивалъ,
За соболиную шубоньку покусывалъ,
По цѣлому соболю выдѐргивалъ,
Провелъ онъ своего косматаго бурушку
Ко князю ко Владиміру,
Привязывалъ онъ ко тому столбу да ко точеному,
Ко тому кольцу да къ золоченому,
Проходитъ онъ ко князю ко Владиміру,
Молится Богу по писаному,

Поклонъ ведетъ по учéному
На вси на четыре на стороны,
А князю Владиміру въ особину,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Ахъ ты стольне Владиміръ князь, полно спать, порá вставать,
— Закладніи заповѣди пора выполнить. —
Выставалъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же вы мои конюхи придворныи,
«Гоните-тко вы тристá жеребцёвъ и трехъ жеребцёвъ».
Тутъ скоро конюхи пригнали триста жеребцёвъ и трехъ жеребцевъ
Кологрива жеребца и сивогрива живобеца
И младаго косматаго бурушка,
Иванушковъ конь увидалъ и заржалъ
На тѣхъ тристá жеребцевъ.
Кологривый жеребецъ ископытился,
Сивогривой жеребецъ обнаричился[1]),
А младый косматый бурушко хвостъ заскалъ да въ поле ускалъ,
Въ теремахъ верхи пошаталися,
И на столахъ пи́тья росплескалися,
А тутъ князи бояра тутъ вси мертвы лежатъ,
А Владиміръ князь ходитъ раскаракою,
Соболиной шубой укрывается,
А самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Иванушко Гостиный сынъ!
«Веди-тко своего косматушка бурушка съ моего двора,
«Чортъ съ тобою и съ твоимъ конемъ».
Только-то они и ѣздили.

Записано тамъ же, 4 іюля.

---

1) Захромалъ.

134.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Во славномъ городи во Кіеви
Жила-то была честная вдова,
Было у вдовушки тридцать дочерей
И вси оны во спасенье пошли,
Вси разъѣхались по пустымъ пусты́нямъ
И по всѣмъ монасты́рямъ,
Всѣ становились по кры́лосамъ
И всѣ поютъ «Господи́ Боже».
Одна Софеюшка промолвилась:
Хотѣла сказать «Господи́ Божи»
А втыпоры сказала: «Васильюшко подвинься сюды».
Услышала Васильева матушка,
Скорешенько бѣжала во Кіевъ градъ,
На гривенку купила зелена вина,
На дру́гую купила зелья лютаго.
Василью наливала зелена вина,
А Софеи наливала зелья лютаго.
Говоритъ она таково слово:
«Ты Васильюшко пей да Сафеи не давай,
«А Сафеюшка пей Василью не давай».
А Васильюшко пилъ и Сафеи подносилъ,
А Сафеюшка пила и Василью подносила.
Васильюшка говоритъ что головушка болитъ,
А Сафея говоритъ: ретиво́ сердце щемитъ.
Они оба вдругъ преставились
И оба вдругъ преславились.
Василья несутъ на буйныхъ головахъ,
А Сафею несутъ на бѣлыхъ па рукахъ.
Василья хоронили по правую руку,
А Сафею хоронили по лѣвую руку.
На Васильѣ выростало кипари́чно дерево̀,

А Сафеѣ выростала золота верба,
Они вмѣсто вершочками свивалися,
И вмѣсто листочками слипалися.
Тутъ старый идетъ-то наплачется,
А младыій идетъ надивуется,
А малый идетъ-то натѣшится.
Тутъ провѣдала Васильева матушка
Кипаричное дерево повырубила,
А золоту вербу повысушила.

Записано тамъ же, 4 іюля.

XXIV.

СТЕПАНИДА НЕКЛЮДИНА.

Степанида Кононовна Неклюдина, дочь Конона Савиновича Неклюдина съ Зяблыхъ Нивъ, славившагося во всемъ околоткѣ сказителя, о которомъ слыхалъ и г. Рыбниковъ (см. т. III, стр. XXVIII). Ей лѣтъ подъ 50, она, какъ незамужняя дочь, живетъ на отцовской осѣдлости, на Зяблыхъ Нивахъ у Конды, Сѣнногубской волости. Помнитъ она былины плохо, но когда слышала, какъ пѣли другіе, именно Аксёновъ, Сурикова и Дутиковъ, то нерѣдко припоминала, какъ пѣвалъ то или другое мѣсто ея отецъ, и ихъ поправляла или дополняла.

135.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

Въ стольнѣмъ красномъ Кіевѣ,
У ласкова князя у Владыміра,
Былъ то у него почéстенъ пиръ
На многихъ на князей на бóяровъ,

На руськiихъ могучiихъ богáтыревъ.
Вси на пиру да наѣдалися,
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да поросхвасталися:
Умный хваста отцемъ матерью,
Ой безумный хваста молодой женой,
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Сидитъ-то онъ не ѣстъ не пьетъ,
Не ѣстъ не пьетъ ничѣмъ не хвастаетъ.
Сгóворитъ Владымiръ стольно-кiевской:
«Душка Иванъ Гостиный сынъ!
«Что же ты сидишь не ѣшь не пьешь,
«Не ѣшь не пьешь не кушаешь,
«Бѣлыя лебеди не рушаешь?
«Мѣсто ли было тебя не пó люби,
«Хлѣбъ да соль не пó души,
«Цярой тебя поóбошли
«Пьяница не надсмѣялась ли?»
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Сгóворитъ онъ князю Владымiру:
— Нецѣмъ мнѣ-ка-ва похвастати
— Мѣсто мнѣ-ка по люби
— Хлѣбъ да соль мнѣ-ка по души,
— Пьяница не надсмѣялася.
— Лучше станемъ во великъ закладъ:
— Я пробью свою буйнý голову,
— Ты пробей казны своей,
— Казны своей сорокъ тысящей. —
Сгóворилъ Владымiръ князь стольне-кiевской:
«Ужъ ты душка Иванъ Гостиный сынъ!
«Во хмѣлю дѣтина призахвастался,
«Не на комъ тебѣ повыѣхать
«По широкому роздолью розгуливати».
Скоро пописали письма крѣпкiи,

Приложили тутъ и ручки бѣлыя,
Ѣхать имъ на добрыхъ коняхъ
Межъ обѣдней и межъ завтреней,
Межу частыма молебнама,
Ко́ тому ко городу ко Чернигову.
И перебѣгу ко Чернигову триста три версты мѣрныихъ.
Тутъ душка Иванъ Гостиный сынъ
Крест-отъ клалъ по писа́ному,
Поклоны велъ по уче́ному,
На вси на четыре на сторонушки,
Князю Владыміру въ особину.
Приходитъ къ полаты бѣлокаменноей,
Заходитъ онъ на широкій дворъ,
Отворяетъ конюшню бѣлодубову,
Палъ ёнъ въ ножку правую,
Въ правую ножку лошадиную:
— Ай же ты мой добрый конь!
— Былъ я севодня на честно́мъ пиру,
— Пробилъ я севодня буйну́ю голову́.
— Можешь ли ты меня вы́ручити,
— Мою бу́йную головку повы́купити? —
Сго́воритъ ему добрый конь,
Сго́воритъ голосомъ человѣчьимъ:
«Ай же ты душка Иванъ Гостиный сынъ!
«Князя Владиміру къ стыду приведу,
«Братца своего, его по́страмлю,
«Твою буйную голову повыкуплю».
Взялъ ёнъ за поводы за ше́лковыи,
За по́дбраздьё за сере́бряно
Приводитъ ко тому и ко князю Владиміру,
Приводитъ его на широкій дворъ,
Тутъ сидятъ князи бо́яра.
Сталъ онъ по́ двору похаживать,
Добраго коня сталъ поваживати.

Добрый конь сталъ за шубку похватывать
По черному соболю выдéргивати.
Тутъ сидятъ князи бояра,
Сгóворятъ тутъ князи бóяра:
— Глупый душка Иванъ Гостиный сынъ!
— Спортилъ шубу твой добрый конь. —
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ таково слово:
«Стоитъ эта шубка мнѣ-ка-ва пятьсотъ рублей,
«Живъ я бывалъ, шубку держивалъ,
«Живъ я буду шубку сдѣлаю въ тысящу».
Приходитъ въ полату бѣлокáменную
Кó тому ко князю ко Владыміру,
Крест-отъ клалъ по писáному,
Поклоны велъ по учéному,
На вси на четыре сторонушки,
Князю Владиміру въ особину:
«Владиміръ князь стольне-кіевской!
«Время намъ ѣхать на добрыхъ коняхъ
«Кó тому граду ко Чернигову,
«Межу частыма молебнама,
«И перебѣгу ко Чернигову триста три версты мѣрныихъ».
Зóвопилъ Владыміръ стольне-кіевской:
— Подьте-тко вы мои конюхи,
— Подьте вы на конюшій дворъ,
— Выбирайте-тко мои конюхи
— Тридцать жеребцёвъ, да трехъ жеребцевъ,
— Сивогрива жеребца, кологрива жеребца,
— Маленька полонéнаго воронка,
— Нá него надѣя великая. —
Душка Ивана Гостинаго
Зáржалъ ёго добрый конь,
Князя Владыміра во конюшенки
Вси ты кони мертвы лежатъ:

Сивогривый жеребецъ ископытился,
Кологривый жеребецъ на колѣнка палъ,
Маленькій полоненый воронке́
Голову заляцилъ, хвостъ заломилъ,
Хвостъ заломилъ, черезъ Пучай рѣку скочилъ,
Въ чисто поле ушолъ.
Ай же вы князи бо́яра
Буде отдали сумма великая
Душкѣ Ивану Гостиному.

Записано тамъ-же, 4 іюля.

136.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА[1]).

Со того ли города со Крякова,
Отъ того ли отъ села да отъ Берёзова,
Поѣзжалъ Лука Петровичъ королевскій сынъ
На зеленое на затресье
Стрѣлять да гусей лебедей,
Малыихъ перелетныихъ утушекъ.
Онъ не стрѣлилъ ни гуся ни лебедя,
Ни малаго перелетнаго утёнуша.
Показалось это ему за досадушку,
Увидалъ онъ на сыро́мъ дубу черна ворона:
«Я подстрѣлю черна во́рона на сыро́мъ дубу,
«Спущу его тушу о сыру землю,
«Распущу его перья по чисту́ полю».
Провѣщится птица вѣщая воронъ черныи:
— Старця убить не спасенье,
— Черна ворона подстрѣлить не корысть залучить.

---

1) По словамъ Кононовой, эта былина обыкновенно поется хоромъ, въ четыре или пять голосовъ, весьма жалобнымъ напѣвомъ.

— Подъѣзжай Лука Петровичъ королевской сынъ
— Во да́лече, дале́че во чисто́ поле,
— Во чисто́мъ полѣ теби буде Божья́ помочь. —
И нашолъ онъ во чисто́мъ полѣ татариновъ.
Ударили они въ сабли острыи,
Въ сабли вострыи, до обуха притупилися.
Ударили они въ палици булатныи,
У нихъ палици въ рукахъ да нагибалися.
Ударили они рукопашкою, —
Сбилъ Лука Петровичъ королевской сынъ
Татарина да онъ во сыру́ землю,
Сталъ татарину на бѣлы груди,
Заздынулъ ножище выше го́ловы.
Его свѣтло око помутилося,
Рука въ плечѣ да застоялася,
Ретиво сердце пріудрогнуло:
«Ты скажи-ка мнѣ татаринъ не утай же мнѣ:
«Ты съ коёй земли, да ты съ коёй орды,
«Коего̀ ты града урожденіе?
«Тебя какъ-то зовутъ мо́лодца по имечки
«Звеличаютъ тебя да по оте́честву?»
— Кабы я бы былъ да на твоихъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы ни роду ни племени,
— Не спрашивалъ бы я твоей родины,
— Пласталъ бы я твои груди бѣлыя,
— Вынималъ бы сердце со пе́ченью. —
Заздынулъ ножище на второ́й на конъ.
Его свѣтло око помутилося,
Рука въ плечѣ да застоялася,
Ретиво сердце пріудрогнуло:
«Ты скажи-ка мнѣ татаринъ, не утай же мнѣ:
«Ты съ коёй земли, да ты съ коёй орды,
«Коего ты града урожденіе?
«Тебя какъ-то зовутъ мо́лодца по имечки,

«Звеличаютъ тебя да по отечеству?»
— Когда сталъ ты меня выспрашивать
— Я стану тебѣ розсказывать:
— Со того ли города со Крякова,
— Отъ того села да отъ Березова,
— По имечки меня зовутъ Васильюшкомъ,
— По отечеству я Петровъ-тотъ сынъ. —
Скочилъ Лука Петровичъ на рѣзвы́ ноги,
Еще бралъ-то братца за бѣлы руки,
Цѣловалъ въ уста да во сахарніи,
Повезъ-то онъ его да въ свою сторону,
Ко своёй-то ко родители ко матушкѣ
Ко честной вдовы Настасьѣ Александровнѣ.
Приходи во полату бѣлокаменну,
Крестъ онъ клалъ по писа́ному,
Поклоны-то велъ по учёному,
На всѣ на три на четыре сторонушки,
Своей матушкѣ бьетъ въ особину:
«Здравствуй матушка честна вдова
«Честна вдова Настасья Александровна!
«Я привезъ теби съ поля гостя любимаго.
«Составляй-ко ему ѣствушки сахарныи,
«Напиточки полаживай медвяныи».
— Ахъ ты чадо мое милое
— Варила бы я этимъ гостямъ смолу вареную
— И толкла бы имъ версту[1]) толченую.
— Тому времячки есть двѣнадцать лѣтъ
— Увезли у меня сына Василья Петровича троемѣсячна. —
«Пойдемъ-ка родитель матушка,
«Не татарина привезъ тебѣ съ чиста́ поля, —
«Братца родимаго, твоего-то сына любимаго».

1) Каменье.

Подвелъ къ столбу каменному,
Потомъ показывалъ сына любимаго,
Сдѣлали здоровье плотнехонько.

Записано тамъ-же, 4 іюля.

137.

ПТИЦЫ И ЗВѢРИ[1]).

Отчего братцы зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ,
Отъ зимы наставала весна красная,
Отъ весны наставало лѣто теплое,
Отъ теплаго лѣта наставала осень богатая.
Цари-то живутъ наши по царствамъ,
Воеводы-то живутъ по уѣздамъ,
Попы дьяки живутъ по погостамъ,
Крестьне живутъ по деревнямъ,
Бобыли сироты вкругъ тыхъ же,
Чтобы было братцы про то вѣсто,
Старóй бабы на печи бы мѣсто,
А подъ носомъ крынка съ тѣстомъ,
Чтобъ она лежала не ворчала.
Изъ моря мóря со дунайскаго моря,
Прилетала малая птица пѣвица,
Садилася на деревцо калиново.
Прилетали тутъ руськіи птицы,
Садилися они вси по коламъ,
Садилися они вси по изгородки,
Вдоль по зеленыя дубровкѣ,

---

1) Нѣкоторые стихи въ этой «старинкѣ» подсказывалъ Дутиковъ (XXIII).

Учали жупѣть и говорити,
Какъ младъ соловей щекотати,
А руськаго голоса являти.
Кто у насъ на морѣ больше,
Кто у насъ на морѣ меньше.

Зеле́нъ птица на морѣ надлетникъ,
Зуй на морѣ поваръ,
Клевецъ на морѣ плотникъ,
Колзанъ на морѣ поддеверье,
Витлюкъ ключникъ язычникъ,
Жаворонокъ земскій
То-есть очищикъ деревенской,
Пава на морѣ гостья богата,
Павины жонки торговки,
Пѣтухи козаки донскіе
То наши молодцы удалые,
Держитъ куръ по двѣ и по три,
И держитъ по цѣлому десятку,
И всихъ онъ наряжаетъ
И вси его боятся.
Не такъ какъ на Руси крестьяне:
Одной баженой женки
И той нарядить не умѣютъ.

Сорока на морѣ кабацкая жонка
Съ ножки на ножку скакала,
Удалыхъ молодцовъ примѣчала,
То себи честь залучала.
Воро́на на морѣ пупорѣзная бабка.
Журавь на морѣ вытегорскій,
То пономарь монастырскій:
Въ бо́льшой колоколъ ударитъ,
Завтракать обѣдать кличетъ.

Побѣдная птица курица—
Кто ее во дворѣ поймаетъ,
Всяка въ ней жопу покопаетъ,
Яйца добываетъ,
Зятю свѣту запасаетъ,
Отъ зятя свѣта честь залучаетъ.

Сѣрый волкъ овчинникъ,
По многу о̀вецъ съѣдаетъ,
А шубу себѣ не видаетъ,
По закустошью ночуетъ,
Надѣется на свою на теплую шубу.
Старый медвѣдь кожемяка,
По многу кожъ сминаетъ,
А порткёвъ на ногахъ не видаетъ.
Кошечка вдовица
Та сиро́та бобылица,
День она по печамъ,
Ночь она по добычамъ:
Молосны крынки ломаетъ.
За то и бьютъ безпощадно.
Собака на мори свекрова,
Много она бранится,
Никто ея не боится.
А лисица на мори молодица:
Долгій хвостъ да не ступитъ,
Сдѣла вину да не скажетъ.

Записано тамъ же, 4 іюля.

XXV.

ДОМНА СУРИКОВА.

Домна Васильевна Сурикова, крестьянка дер. Конды Сѣнногубской волости, вдова лѣтъ 40, раскольница. Былины, которыя она поетъ очень складно и отчетливо, хотя слабымъ дребезжащимъ голосомъ, она переняла отъ стариковъ, между которыми особенно отличался Кононъ съ Зяблыхъ-Нивъ. Пѣть съ такою разстановкою, чтобы можно было записать былины съ «голоса», а не со словесной передачи, она не могла привыкнуть. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, она знала также, но уже плохо помнила, былину про Илью и Соловья разбойника, а также пѣла стихъ про царя Соломона, извѣстный по изданію г. Рыбникова.

138.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Рѣки-то озера ко Нову́городу,
Мхи-то болота ко Бѣлоозеры,
Широки раздо́лья ко О́пскому,
Темныя лѣса ко Смоленскому,
Чисты поля къ Ерусоло́лиму.
Матушка Казань подошла подъ Острохань:
Устьемъ выпадала во Черно́ море,
Въ тое ли во морюшко во Черное.
Собирается, сподобляется,
Справляется царь Ка́лина
Ко стольнёму городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Что царя со царицей во полонъ обрать,
А душеньку царевну въ замужеству.
Сбиралъ свою силу по три году,

Собралъ силы и смѣты нѣтъ.
Приказалъ своей силы великоей
Въ одно мѣсто бросить по камешку,
Стала гора превеличающа:
Только силы, что смѣты нѣтъ.
Подходитъ царь Ка́линъ подъ Кіевъ градъ,
Становилъ свою силу въ чисто́мъ поли,
Повыбралъ онъ лучше татаревьевъ,
Посылае къ стольнему городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру:
«Подите мои князи бо́яра,
«Мои послы царя Ка́лина!
«Подите ко стольнему городу ко Кіеву,
«Къ ласкову князю Владиміру,
«Не спросите у дверей придверниковъ,
«У воротъ не спросите приворотниковъ,
«Отпирайте вы двери на́ пяту,
«Положите конвертъ на золоченый столъ,
«Пословесно ему выговаривайте
«Ласкову князю Владиміру:
«Чтобы́ были улици опаханы,
«Чтобы́ были дворы очищены,
«Тыи бъ дворы богатырски,
«Тыи бы полаты княженецки,
«Чтобы было гдѣ стоять царю Калину,
«Чтобы было гдѣ стоять намъ князьямъ боярамъ».
Тутъ Владиміръ стольне-кіевской
Заводилъ онъ свой почестенъ пиръ,
На всихъ на князей на бояровъ,
На русскіихъ могучихъ бога́тыревъ.
Красное сонце на вечери,
Почестенъ пиръ у нихъ на ве́сели.
Вси на пиру пьяны веселы.
Зъ-за того стола за дубоваго

Выходитъ Владиміръ стольне-кіевской,
Ёнъ имъ бьетъ челомъ поклоняется:
— Вы русскіи могучіи богатыри:
— Пособите мни дума думати:
— Что мнѣ дѣлать съ царемъ Ка́линомъ?
— Хочетъ насъ со царицей во полонъ обрать,
— Душеньку царевну въ замужество. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
Выскочилъ Алешенька Поповичъ тотъ сынъ.
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Не отдадимъ мы стольняго города Кіева,
«Тебе ласкова князя Владиміра,
«Безъ войска безъ драки безъ великоей».
А 'ще Владиміръ стольне-кіевской
Имъ бьетъ челомъ, поклоняется:
— Вы русскіе могучіе богатыри!
— Вы пособите мнѣ дума думати:
— Что мнѣ дѣлать съ царемъ Ка́линомъ?
— Хочетъ насъ съ царицей въ полонъ обрать,
— Душеньку царевну въ замужество. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
Выскочилъ Добрынюшка Микитинъ сынъ,
Говоритъ ёнъ таково слово·
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Не отдадимъ мы стольнаго града Кіева,
«Тебе ласкова князя Владиміра
«Безъ войска безъ драки безъ великоей».
А 'ще Владиміръ стольне-кіевской
Имъ бьетъ челомъ, поклоняется:
— Вы русскіе могучіи богатыри!
— Вы пособите мнѣ дума думати:
— Что мнѣ дѣлать съ царемъ Ка́линомъ?

— Хочетъ насъ съ царицей въ полонъ обрать,
— Душеньку царевну въ замужество. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
Выходитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Говоритъ ёнъ таково слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Послыхай мене стараго каза́ка Илью Муромца
«Положи на мису красна золота,
«На другу чистаго серебра,
«На третью скатнаго жемчуга.
«Заложи коляску княженецкую,
«Меня-то возьми во запятнички,
«Съѣздимъ въ далече во чисто поле,
«Свеземъ къ царю Калину дороги подарочки,
«Времени упросимъ на два мѣсяца:
«Чтобы было когды улицы опахивать,
«Чтобы было когда дворы очищивать,
«Тыи бы дворы богатырскіи,
«Тыи бы полаты княженецкіи,
«Чтобы было гдѣ стоять царю Ка́лину,
«Было бы стоять гдѣ князьямъ боярамъ».
Послухалъ Владиміръ стольне-кіевской
Стараго казака Илью Муромца
Положилъ на мису красна золота,
На другу чистаго серебра,
На третью скатнаго жемчуга,
Заложилъ коляску княженецкую,
Илью Муромца взялъ въ запятнички,
Поѣхали въ далече во чисто поле,
Свезли царю Ка́лину дороги подарочки,
Времени упросили на два мѣсяца:
Чтобы было когды улицы опахивать,
Чтобы было когда дворы очищивать,

Тыи бы дворы богатырскіи,
Тыи бы полаты княженецкіи,
Чтобы было гдѣ стоять царю Ка́лину,
Чтобы было гдѣ стоять князьямъ боярамъ.
Собрались тутъ руськіи могучіи богатыри,
Мало по малу справляются,
Мало по малу сподобляются.
Сподобляется Олешенька Поповъ-тотъ сынъ
Во да́лече дале́че во чисто́ поле,
Сѣдлае, уздае добра коня:
На коня положилъ онъ войлочки,
На войлочки клалъ онъ по́теси,
На потеси сѣдельшко черкаское,
Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
Подвязывалъ шелками мухавьскими,
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрѣпы богатырскоей.
Пряжки клалъ мѣди казанскоей,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдуци,
Одна курева стоитъ во чистомъ поли
Отъ его копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣхалъ Олеша во чисто поле
Къ тому дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
Роздернулъ ёнъ свой бѣлъ шатеръ,
Во шатеръ поставилъ добра коня,
Насыпалъ пшены бѣлояровой,
О шатёръ поставилъ одно деревцо,
Одно деревце поставилъ двадцати саженъ.
На деревце повѣсилъ одну кисточку,
Одну кисточку повѣсилъ золоченую,

Не для ради красы басы угожества,
Для ради признашки богатырскоей!
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоитъ Алеша во чистомъ поли,
На этой на за́ставы великоей.
Мало по малу справляются,
Справляются, сподобляются.
Сподобляется Добрынюшка Микитиничъ
Во да́лече дале́че во чисто́ поле,
Сѣдлае уздае добра коня:
На коня положилъ онъ войлочки,
На войлочки клалъ онъ по́теси,
На потеси сѣделышко черкаское,
Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
Подвязывалъ шелками муханьскими
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрѣпы богатырскоей.
Пряжки клалъ мѣди казанскоей,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдучи,
Одна курева стоитъ въ чистомъ поли
Отъ ёго копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣзжаетъ Добрыня во чисто поле
Къ тому дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
Роздернулъ ёнъ свой бѣлъ шатеръ,
Во шатеръ поставилъ добра коня,
Насыпалъ пшены бѣлояровой,
О шатёръ поставилъ одно деревцо,
Одно деревце поставилъ тридцати саженъ
На деревце повѣсилъ двѣ кисточки,
Двѣ кисточки повѣсилъ золоченыи

Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрѣпы богатырскоей,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоитъ Добрыня во чистóмъ поли
На той ли на зáставы великоей.
Мало по малу справляются,
Справляются, сподобляются.
Сподобляется старый казакъ Илья Муромецъ
Во дáлаче далéче во чистó поле,
Сѣдлае уздае добра коня:
На коня положилъ онъ войлочки,
На войлочки клалъ онъ пóтеси,
На потеси сѣдельшко черкаское,
Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
Подвязывалъ шелками муханьскими
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрѣпы богатырскоей.
Пряжки клалъ мѣди казанскоей,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдуци,
Одна курева стоитъ въ чистомъ поли
Отъ ёго копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣзжаетъ Илья во чистó поле
Къ тому дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
Роздернулъ ёнъ свой бѣлъ шатеръ,
Во шатеръ поставилъ добра коня,
Насыпалъ пшены бѣлояровой,
О шатёръ поставилъ одно деревцо,
Одно деревце поставилъ сорока саженъ,
На деревце повѣсилъ три кисточки,
Три кисточки повѣсилъ золоченыихъ,

Не ради красы басы угожества,
Для ради пристрашки богатырскоей,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоитъ Илья Муромецъ въ чисто́мъ поли,
На этой на за́ставы великоей.
Мало по малу справляются,
Мало по малу сподобля́ются.
Собрались двѣнадцать богатыревъ
На эту на заставу великую.
Тутъ Владиміръ стольне-кіевской,
Енъ по городу похаживатъ,
Куньей шубой окрывается.
У стольняго у города у Кіева
Хлѣба трёснуть ѣсть-е́ кому,
А за Кіевъ градъ по́стоять некому.
Съ того царева со ка́бака
Зъ-за тыхъ зъ-за бочекъ зъ-за винныихъ,
Повыскочилъ младый Ермакъ Тимоѳеевичъ:
— Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Ай ты мой крестный батюшко!
— Дай-ко мнѣ коня богатырскаго,
— Поѣду въ да́лече во чисто́ поле
— На эту на за́ставу великую. —
Спрого́воритъ князь стольне-кіевской:
«Ты, младый вьюношъ, пере́рвешься,
«Не будешь впередъ ты богатыремъ».
— Дашь коня, крёстный батюшка,
— Я поѣду во чисто́ поле;
— А не дашь коня, я пѣшомъ пойду. —
Владиміръ стольне-кіевской
Онъ давалъ ему добра коня.
Скочилъ Ермакъ на добра коня,
Не на сѣдланаго, не на узданаго,
Только вид'ли добра молодца сядуци,

А не вид'ли во чисто́ поле поѣдуци,
Одна курсва стоитъ во чистомъ поли
Отъ его копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣхалъ Ермакъ на заставу великую
Къ тому къ дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому каменю къ Олатырю,
Оставилъ коня непривязанаго.
Пришелъ Ермакъ во бѣлъ шатеръ
Къ тому Ильи, Ильи Муромцу,
Сидятъ двѣнадцать богатыревъ
Играютъ въ шашки въ шахматы заморскіи.
Спрого́воритъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
— Во томъ во городѣ Кіевѣ
— Хлѣба трёснуть ѣсть е́ кому,
— А за Кіевъ градъ по́стоять некому. —
Спрого́вори старый казакъ Илья Муромецъ:
«Поди-тко младый Ермакъ Тимоѳеевичъ,
«Повыстань, поди, во сырой дубъ,
«Считай-ко силу по знаменью,
«Погляди на силу великую:
«Ужо ли сила на ходъ пошла?»
Повысталъ Ермакъ во сы́рой дубъ,
Поглядѣлъ на силу великую,
А тамъ сила на ходъ пошла.
Скочилъ Ермакъ со сыра́ дуба
Садился Ермакъ на добра́ коня,
Съѣхалъ въ силу великую.
Сидѣли богатыри въ бѣломъ шатрѣ.
Спрого́вори старый казакъ Илья Муромецъ:
«Сходи-тко Добрыня во сы́рой дубъ:
«Не упалъ ли Ермакъ со сыра́ дуба?»
Пришолъ Добрыня во сырой дубъ,
Поглядѣлъ на силу великую.

Тамъ не ясный соколъ полетываетъ,
Не черный воронъ попурхиваетъ,
Поскакивалъ уда́лой добрый молодецъ
Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ.
Пришолъ Добрыня со сыра дуба,
Къ Ильѣ Муромцу пришолъ во бѣло́й шатеръ:
— Ай же вы русскіе могучіе богатыри!
— Ѣзди въ силы великоей
— У насъ не ясный соколъ полетываетъ,
— Не черный воронъ попурхиваетъ,
— Поскакивае удалой добрый молодецъ
— Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ. —
Спрого́вори старый казакъ Илья Муромецъ:
«Вы русскіе могучіе богатыри!
«Садитесь богатыри на добры́хъ коней,
«Поѣзжайте въ силу великую,
«Берите храпы желѣзныи,
«Младому Ермаку Тимоѳеевичу
«Накидывайте на плечи могутніи,
«Пословесно его уговаривайте:
«Ты сегодня позавтракалъ,
«Дай ты намъ хоть пообѣдати.
«А онъ младый вьюношь перервется,
«Не будетъ впередъ онъ богатыремъ».
А тутъ русскіе могучіи богатыри
Брали храпы желѣзныи
Накидывали на плечи могутніи
Мла́дому Ермаку Тимоѳеевичу,
Пословесно ему выговаривали:
— Младый вьюношь перервешься
— Не будешь впредь богатыремъ.
— Ай ты младый Ермакъ Тимоѳеевичъ!
— Дай намъ хоть пообѣдати. —
Тутъ русскіе могучіи богатыри

Вывели съ силы съ великой
Младаго Ермака Тимоѳеевича.
Заѣхалъ который отъ Нова́города,
Который отъ Бѣла́озера,
Который заѣхалъ отъ Кіева,
Который заѣхалъ отъ Еросо́лима
Всю прибили силу великую.
Тутъ въ одно мѣсто богатыри съѣхались,
А тутъ они поросхвастались:
«Кабы бы́ла на небо лѣстница,
«Мы прибили бы мы всю силу небесную».
А тутъ у́быютъ татарина — станетъ два да три.
Тутъ русскіе могучіе богатыри,
Прибились они, примучились,
И другъ другаго прикололи прирѣзали,
Не осталось на Руси богатырей,
Остался одинъ младый Ермакъ Тимоѳеевичъ.
Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ
Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Спрого́вори князь стольне-кіевской:
— Ай ты любимый мой крестничекъ!
— Чимъ тебя нынь мнѣ пожаловать?
— Мызами тебя, али дачами,
— Али жаловать тебя золотой казной? —
А спрого́вори младый Ермакъ Тимоѳеевичъ:
«Ай ты крёстный мой батюшка!
«Тымъ только меня пожалуйте:
«Въ кажномъ царевомъ ка́бакѣ,
«Пить пивцё-винцё безденежно».

Записано тамъ-же, 4 іюля.

139.

ДУНАЙ.

У стольнаго города у Кіева,
У ласкова князя у Владиміра,
Было̀ пированье почестенъ пиръ,
На вси на князи, на бо́яра,
На русскихъ могучихъ богатырей,
На всихъ поляницъ на удалыихъ.
Красно солнце на ве́чери,
Почестенъ пиръ у нихъ на ве́селе.
Вси на пиру пьяны ве́селы,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвастались:
Умный похвасталъ отцемъ матерью,
А безумный похвасталъ молодой женой.
Кто хвасталъ своей у́датью,
А кто хвасталъ своей у́частью.
Кто ли конима добрыма,
Кто ли платьями цвѣтныма,
Изъ-за того стола зъ-за ду́бова,
Зъ-за того пиру̀ зъ-за почо́стнаго,
Выходи Владиміръ стольне-кіевской:
— Ай же вы князи, кня́зи бо́яра,
— Всѣ руськіе могучіе бога́тыри!
— Вси вы на пиру принако́рмлены,
— Вси вы на пиру принапоены,
— Вси вы на пиру пьяны веселы,
— Вси вы на пиру испоженены,
— Я у васъ одинъ холостъ не́женатъ.
— Дайте вы мнѣ супротивную

— Чтобы станикомъ она была ровнёшенька,
— Ростомъ была высокёшенька,
— Очи бы были́ ясна со́кола,
— Брови бы были черна соболя,
— Чтобы тѣло было снѣгу бѣлаго,
— Волосомъ желта, и умо́мъ сверста̀. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
Выходитъ сильнёй Дунай Ивановичъ,
Бьетъ челомъ поклоняется:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Я тебѣ знаю супротивную.
«Е во земляхъ Ляховинскіихъ
«У ко́роля Микулы Ляховинскаго,
«Е у него дви до́чери:
«Больша дочь Настасья Микулична
«Ѣзди въ чистомъ поли, полякуетъ.
«Меньша дочь Опраксія Микулична
«За тридевять сидитъ за за́мочками
«За тридевять сидитъ за сторожочками».
Спрого́вори князь стольне-кіевской:
— Достаньте вы Опраксію Микуличну
— Русьскіе могучіе бога́тыри. —
Спрого́вори сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Дай ты мнѣ во това́рищи
«Хоть мла́даго Добрыню Микитьевича.
«Пишите письма скорописчаты
«О добромъ дѣлѣ о сва́товствѣ,
«Сѣдлайте уздайте добры́хъ коней».
Дали ему во товари́щахъ
Мла́даго Добрыню Микитьевича,
Писали письма скорописчаты
О добромъ дѣлѣ о сватовствѣ,
Сѣдлали уздали добрыхъ коней,

На коней клали попу́тники,
На попутники клали наметники,
На наметники сѣдельшка черкасскіи,
Вид'ли добрыхъ молодцовъ сѣдучи,
А не вид'ли во чисто поле поѣдучи.
Не воротами мо́лодцы поѣхали, —
Ихъ добры кони черезъ стѣну скочили городовую,
Поѣхали дорогамы не окольныма,
А поѣхали дорогамы прямоѣзжима.
Скоро скажется, а тихо дѣется.
Пріѣхали въ земли ляховинскіи,
Къ ко́ролю Микулѣ Ляховинскому.
Ёнъ оставилъ Добрыню середи́ двора.
Во лѣво́й рукѣ два по́вода шелковыихъ,
Держитъ два ко́моня до́брыихъ,
Во право́й рукѣ дубинка вязовая.
А Дунай пошолъ на высо́къ теремъ,
Пришолъ Дунай на высокъ теремъ
Крестъ кладетъ по писа́ному,
Поклонъ ведетъ по учёному,
На двѣ на́ три на четыре на сторонушки,
А ко́ролю Микулѣ въ особину:
«Здравствуй король земли Ляховинскія!»
Спрого́вори король земли Ляховинскія:
— Ай же вы горланы святорусскіе!
— Зачѣмъ же пріѣхали на королевскій дворъ?
— Безданно заѣхали безпошлинно? —
Спрого́вори сильнёй Дунай Ивановичъ!
«Заѣхали мы на королевскій дворъ
«Хоть безданно, заѣхали безпошлинно,
«О добромъ дѣлѣ о сва́товствѣ».
Кладывае письма скорописчаты,
На столики ёнъ на дубовые,
Спрого́вори король земли Ляховинскія:

— Хоть вы прiѣхали о добромъ дѣлѣ о сватовствѣ,
— Я за ваши рѣчи неумильныя
— На годъ тебя кладу въ конюхи,
— На дру́гой кладу тебя во по́вары,
— А на третiй кладу въ по́гребы глубокiи,
— Желѣзной дощечкой призадвину тебя,
— Пропитомство кладу овса́ съ водой.
— Пусть-ко Дунай воспотѣшится,
— Ума разума въ головку побирается. —
Онъ повѣсилъ свою буйную головушку,
Утопилъ свои ясныя очушки
А въ тыи столики дубовыи,
Въ тыи мосты во кленовыи,
Здынулъ свою бѣлую ручушку,
Ударилъ кулакомъ во столики.
Тутъ столики вси порозсыпались,
Крыльца перильца покосились.
Король по терему побѣгиваетъ,
Куньей шубой окрывается:
— Ахъ ти ми́ ребята на бѣду попалъ,
— Ахъ ти ми́ ребята на великую:
— Не знаю какъ съ бѣдою розвязатися? —
Прибѣжали слуги его вѣрныи
Съ его двора королевскаго:
«Король земли Ляховицкiя!
«Ты ѣшь пьешь похлаждаешься,
«А надъ собою невзгоды не вѣдаешь.
«На твоемъ дворѣ на королевскоемъ
«Не ясный соколъ полетываетъ,
«Не черный воронъ попурхиваетъ:
«Поскакивалъ удалый добрый молодецъ.
«Въ лѣвой руки два повода шелковыихъ
«Держитъ два ко́моня добрыихъ,
«Во правой руки дубинка вязовая,

«Полна дубина свинцу на́лита.
«Енъ куды махне́тъ, падутъ у́лицама,
«А о́тмахнетъ — переулкама,
«Крупныхъ татаръ убилъ сорокъ ты́сячей,
«А мелкимъ татаришкомъ тымъ и смѣты нѣтъ.
«Не оставилъ татаришекъ на сѣмены».
Король земли Ляховинскія
Ёнъ по терему побѣгиваетъ,
Куньей шубой укрывается:
— Бѣжите слуги мои вѣрныи,
— Отом(к)ните тридевять замочики,
— Ведите Опраксію Микуличну,
— Мойте Опраксію бѣлешенько,
— Сокрутите ю хорошохонько,
— Посадите ю на добра коня,
— Отпустите въ земли Святорусьскіи. —
Сходили слуги его вѣрныи,
Отом(к)нули тридевять замочики,
Взяли Опраксію Микуличну,
Мыли тутъ Опраксію бѣлешенько,
Сокрутили ю хорошонько,
Посадили ю на добра коня,
Отпустили въ земли Святорусьскіи.
Въ томъ во чисто́мъ полюшки
Сустигла ихъ темная ночушка.
Бѣлъ они шатёръ роздернули и спать легли.
Въ головы клали саблю вострую,
Возли себя копье мурамецкое,
Въ ноги палицу булатную.
Вставае сильнѣй Дунай Ивановичъ,
По утрушку вставае ранёшенько,
Выходи на путисту дороженку,
Тамъ ѣде поляница удалая,
По колѣнъ въ землю конь угрязываетъ.

Прибѣжалъ сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Вставай Добрыня Микитьевичъ!
«Садись Добрыня на добра коня,
«Поѣзжай ты въ земли Святорусьски,
«Вези Опраксію Микуличну,
«Скажи поклоны, челомъ-битьице,
«Всему городу Кіеву,
«Ласко̡ву князю Владиміру.
«Ащé ль я живъ буду, поѣду за поляницей за удалою».
Съѣхались съ поляницей они съ удалою,
Начали биться тутъ ратиться.
Ударились пáлицами булатныма,
Палицы до рукъ приломáлися.
Ударились копьями мурамецкима,
Копейца въ однó мѣсто свивалися.
Ударились саблями вострыма,
Сабли до рукъ притупилися:
Боле нечѣмъ биться ратиться.
Стали биться боемъ кулачныимъ,
Ёнъ побилъ поляницу удалую:
Не самъ ёнъ побилъ, ему Богъ пособилъ.
Вынялъ съ ножни́ свой вострый ножъ,
Хоть пластать ёй бѣлу грудь.
А груди мяки по женьскому.
Сталъ у нёй тутъ и выспрашивать:
«Скажи поляница удалая!
«Какой ты орды и какой земли?»
А говори́тъ поляница удалая:
— Я кабы сидѣла на твоихъ грудяхъ,
— Пластала бы твои груди бѣлыя,
— Не спрашивала бы ни какой орды ни какой земли. —
Говоритъ сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Не стану я пластать твоихъ бѣлыхъ грудь,
«Только скажи ты какой орды, какой земли?»

— Коли ты сталъ у меня выспрашивать,
— Я тебѣ буду высказывать:
— Я есть земли Ляховинскоей,
— Короля Микулы Ляховинскія
— Бо́льша дочь Настасья Микулична.
— Пріѣхали горланы святорусьски,
— Увезли мою сестрицу родимую. —
Спрого́вори сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Ай же ты Настасья Микулична!
«Сядемъ-ка, пойдемъ на добрыхъ коней
«Поѣдемъ-ко къ стольнёму граду ко Кіеву,
«Ко ласкову князю Владиміру,
«Станемъ мы креститься молитвиться,
«Сходимъ мы съ тобою во Божью церковь,
«Примемъ мы съ тобою золоты вѣнци».
Здымалъ ю за ручки за бѣлыи,
За тыи перстни злаченыи,
Посадилъ Настасью на добра коня,
Поѣхали они тутъ во Кіевъ градъ.
Настасья Микулична во Божью церковь,
Апраксія Микулична съ Божьей церкви.
На церковномъ крыльцѣ они встрѣтились,
Тутъ они поздоровались,
Сходили тутъ они во Божью церковь,
Приняли тутъ они золоты вѣнци,
Жили они тутъ и три годы.
Тутъ князь Владиміръ кіевской,
Заводилъ онъ свой почестенъ пиръ
На всихъ на князей на бо́яровъ,
На русьскихъ могучихъ богатыревъ.
Красно солнце на вечери,
Почестенъ пиръ у нихъ на весели,
Вси на пиру пьяны веселы.
Спрого́воритъ сильнёй Дунай Ивановичъ:

«Я-ка въ зёмляхъ Ляховинскiихъ
«Какъ самъ женился, да царя женилъ,
«Вытащилъ двѣ бѣлыя двѣ лебеди».
А спрогóвори Настасья Микулична:
— Ай же ты сильнёй Дунай Ивановичъ!
— Хоть ты самъ женился да царя женилъ,
— Хоть ты вытащилъ двѣ бѣлыихъ лебеди;
— Много въ чистóмъ поли ѣзживалъ,
— А не стрѣливалъ только стрѣлочки калёноей,
— А не попадывалъ въ колечко золоченое.
— Какъ я стрѣлю стрѣлочку каленую,
— Такъ я попаду въ колечко золоченое,
— Не убью тебя во чистóмъ поли.
— А тебѣ не стрѣлить стрѣлочки каленой,
— Чтобы попасть въ колечко золоченое:
— Ты у́бьешь Настасью Микуличну. —
Тутъ они пошли во чистó поле.
Настасья Микулична стрѣлила стрѣлочку каленую
Такъ попала въ колечко золоченое.
Тутъ она и расплакалась:
— Ай же сильнёй Дунай сынъ Ивановичъ!
— Не стрѣляй стрѣлочки каленоей,
— Тебѣ не попасть въ колечко золоченое. —
Тутъ сильнёй Дунай Ивановичъ
Стрѣлилъ стрѣлочку каленую,
Не попалъ въ колечко золоченое,
Попалъ Настасьѣ Микуличнѣ въ бѣлы груди,
Убилъ Настасью Микуличну, расплакался:
«Гдѣ пала лебедь бѣлая, тутъ пади и яснóй соколъ».
Вынялъ зъ ножни́ свой вострой ножъ,
Поставилъ вострый ножъ на сыру землю,
Тупымъ концемъ во сыру землю,
Вострымъ концемъ во бѣлы груди.
Гдѣ пала лебедь бѣлая, тутъ протеки рѣка Черная,

А гдѣ сильныій Дунай, Дунай сынъ Ивановичъ,
Тутъ протеки матушка Дунай рѣка
Отъ нынь и до вѣка.

Записано тамъ-же, 4 іюля.

140.

СТАВЕРЪ.

У стольняго города у Кіева,
У ласкова князя у Владиміра
Заводилось пированье, почéстенъ пиръ
На всихъ на князей, на бояровъ,
На русскихъ могучихъ богатырей,
На всихъ поляницъ на удалыихъ.
Красно солнце на вéчери,
Почестенъ пиръ у нихъ на вéсели.
Вси на пиру пьяны вéселы,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвастались:
Умный похвасталъ отцемъ матерью,
А безумный похвасталъ молодой женой.
Кто хвасталъ своей у́далью,
А кто хвасталъ своей у́частью.
За тымъ же столикомъ за дубовыимъ
Сидитъ молодой гость Черниговской,
Мóлодой Ставёръ сынъ Годиновичъ.
Не ѣстъ, не пьетъ ёнъ, не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ,
Ничѣмъ онъ молодецъ не хвастаетъ.
Подходитъ князь стольне-кіевской:
«Что ты молодый гость Черниговскій,
«Молодой Ставёръ сынъ Годиновичъ,

«Не ѣшь, не пьешь, ты не кушаешь,
«Бѣлой лебеди не рушаешь,
«Ничѣмъ ты не похвастаешь?»
Тутъ дородный добрый молодецъ
Молодой Ставёръ сынъ Годиновичъ
Наѣлся, напился, расхвастался.
— Чѣмъ мнѣ-ка молодцу хвастати?
— У меня у молода Ставра
— Сапожки на ножкахъ не держатся,
— Цвѣтныи платья не носятся,
— Золоты кареты не ломаются,
— Добрыи кони не ѣздятся,
— Вѣрныи слуги не старятся.
— А 'ще у меня у молода Ставра
— Есть-то жонка молодая.
— Всихъ князей бояръ обманула она,
— Самого царя съ ума выведетъ. —
«Ты скажи молодой Ставеръ!
«Для чего сапожки на ножкахъ не держатся,
«Цвѣтное платье не носится,
«Зо́лоты кареты не ломаются,
«Добрыи кони не ѣздятся,
«Вѣрныи слуги не ста́рятся?»
— Кожу я куплю себи хорошую,
— Мастера у меня придворны:
— Сошьютъ мнѣ-ка-ва̀ хорошохонько.
— Я день держу, да другой держу,
— Много что недѣльку по́держу,
— Снесу въ лавоньку торговую,
— Вамъ же продамъ, князи бо́яры.
— Цѣну я съ васъ возьму полную.
— Оттого платьице у меня не носится:
— Суконце куплю хорошее,
— Мастера у меня придворны:

— Сошьютъ мнѣ-ка-вà хорошохонько.
— Я день держу, да другой держу,
— Много что недѣльку пóдержу,
— Снесу въ лавоньку торговую,
— Вамъ же продамъ, князи бóяры,
— Цѣну я съ васъ возьму полную.
— А оттого кареты не ломаются:
— Тыи кареты со двора пошли,
— А другіи кареты на готовый на дворъ придуть.
— Да съ того добры кони не ѣздятся:
— У меня кобылочки хорошія,
— Носятъ жеребчиковъ хорошiихъ.
— Я годъ держу, да другой держу,
— Сгоню же я на рыночекъ,
— Вамъ же продамъ, князи бóяра,
— Цѣну я съ васъ возьму полную.
— А 'ще ка у меня молода Ставра
— Есть-ка жонка молодая,
— Всихъ князей бояръ обманула ёнà,
— Самого царя съ ума выведетъ. —
Тутъ его за хвастки великіи,
Тутъ его за рѣчи неумныя
Посадили въ погреба глубокіи,
Задвинули дощечками желѣзными,
Ворота засыпали песками желтыми,
Пропитомство клали овсà съ водой.
Остался у него млáдый пáробокъ,
Одна дружинушка хорабрая.
Крестъ на лицё, съ теремá долой.
Скоро скажется, тихо сдѣется.
Приходитъ къ городу Чернигову,
Идетъ ступае на высóкъ теремъ
Къ тоей Василисты Микуличной,
Крестъ кладé по писаному,

Поклонъ веде́ по ученому.
У ёй Василисты Микуличны
Были забраны гостюшки любимыи.
Она ѣстъ, да пьетъ, кушаетъ,
Надъ собой невзгоды не вѣдаетъ,
Что̀ не стало у нёй молода Ставра,
Посадили его въ по́гребы глубокіи.
Спроговори младоіій паробокъ:
«Ай Василиста Микулична!
«Ѣшь ты пьешь, да кушаешь,
«Надъ собою невзгоды не вѣдаешь,
«Что не стало у тебя молода Ставра.
«Посаженъ въ по́гребы глубокіи
«За его за хвастки великіи».
Спрого́ворила Василиста Микулична:
— Подите вы гости по своимъ домамъ,
— Нынѣ мнѣ гости не до васъ пришло:
— Не стало у меня ясна сокола
— Молода Ставра сына Годиновича! —
Тутъ Василиста Микулична
Волосы подбрила по мужичьему,
Платья надѣла богатырскіи,
Сходила въ конюшечку во новую,
Взяла жеребчика неѣзжанаго.
Сѣдлала уздала добра коня,
Сѣделышко клала черкаское,
Положила стремянки булатныи,
Пряжки мѣди казанскоей:
Не для ради красы басы угожества,
А для ради закрѣпы богатырскоей
Сѣла она да поѣхала.
Скоро скажется, тихо сдѣется.
Буде у города у Кіева,
У ласкова князя Владиміра.

Остановила коня середи двора,
Непривязанаго, неприказанаго,
Скоренько идетъ на высо́къ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны веде́ по ученому,
На всѣ на четыре сторонушки,
Князю Владиміру въ особину
Съ молодой княгиней съ Опраксіей.
Спрого́вори князь стольне-кіевской:
«Откуда ты дородный добрый молодецъ?
«Откуда-ва ѣдешь, куда путь держишь?
— А есть я земли Тальянскоей,
— А любимый племянникъ королевскіій.
— Пріѣхалъ на твоей дочкѣ посвататься
— На мо́лодой Настасьѣ Владиміровны. —
Спрого́воритъ князь стольне-кіевскій:
«Ай же ты Настасья Владиміровна!
«Не хочу тебя держать, хочу за му́жъ отдать,
«За любимаго племянника королевскаго».
Спрого́воритъ Настасья Владиміровна:
— Ай же ты батюшка Владиміръ стольне-кіевской!
— Не отдай ты дѣвицы за женщины,
— Не надѣлай смѣху по свято́й Руси.
— У ней жопа крутинька по женьскому,
— Походка частенька по женьскому.
— Груди мяконьки по женьскому. —
«Сходимъ мы съ нимъ въ парну баенку,
«Я тутъ его и по́смотрю».
«Ай дородный добрый молодецъ!
«Не угодно ли въ бaveraньку попариться?»
— Не худо съ дорожки парна баенка. —
Она была да лукавая:
На тую пору выпустила жеребчиковъ,
Жеребчиковъ выпустила неѣзжаныхъ.

Жеребчики по двору разбѣгались,
Оглядѣлся Владимиръ стольне-кіевской.
Она той порой вымылась и упарилась,
Скоро съ баянки справилась.
«Что ты дороднiй добрый молодецъ
«Не долго мылся парился,
«Скоро съ баянки справился?»
— У насъ вѣдь справы не по царскому,
— А у насъ справы по дорожному. —
Спрогóворилъ Владимiръ стольне-кіевской:
«Ай же ты Настасья Владимiровна!
«Я отдамъ тебя за королевскаго племянника.»
— Ай же батюшко Владимiръ князь стольне-кіевской.
— Не выдай ты дѣвицы за женщины,
— Не надѣлай смѣху по святой Руси. —
«А мы его спровѣдаемъ,
«Положимъ на перину на царскую:
«Буде мужчина, — подъ плечами буде ямина,
«А женщина, — буде подъ жопою».
Она была то лукавая:
Жопой легла на изголовьицо.
Спрогóворитъ Владимiръ стольне-кіевской:
«Ай же дороднiй добрый молодецъ!
«Не угодно-ль поиграть въ шашки въ шахматы заморскiя?»
А спрогóворитъ дороднiй добрый молодецъ:
— У насъ онъ эвтомъ дѣло не свѣдано,
— Игроки у меня съ дому не взяты.
— Пожалуй, поиграемъ въ шашки въ шахматы заморскiя.—
Обыграла царя со царицею,
Всѣхъ игроковъ придворныихъ.
Говоритъ Владимiръ стольне-кіевской:
«Ай ты дороднiй добрый молодецъ!
«Больше у меня нѣкому съ тобой играть
«Въ шашки шахматы заморскiя».

А спрогóворилъ дороднiй добрый молодецъ:
— Никто въ Расеи не могъ меня óбыграть,
— Одинъ то меня и обыгрывалъ Ставеръ Годиновичъ.
— Когда я бывалъ во Черниговѣ
— Одинъ-то онъ меня обыгрывалъ.—
Сходилъ Владимiръ князь стольне-кiевской,
Выпустилъ Ставра изъ погребовъ глубокiихъ.
Сѣли со Ставромъ Годиновичемъ
Они играть въ шашки шахматы заморскiи,
Спрогóвори ему дороднiй добрый молодецъ:
— Помнишь ли молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ
— Какъ мы съ тобой живали во Черниговѣ?
— Я была чернильницей, а ты перомъ лебединымъ,
— Ты въ меня частенько помакивалъ,
— Я въ тебѣ тогды-сегды. —
Спрогóворилъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
«Дороднiй добрый молодецъ!
«Я все позабылъ сидючи въ пóгребахъ глубокiихъ».
Спрогóворилъ дороднiй добрый молодецъ:
— Помнишь Ставеръ сынъ Годиновичъ!
— Какъ мы живали во Черниговѣ
— Я ходила кобы́лицей,
— А ты жеребчикомъ некладенымъ:
— Ты на меня частенько поскакивалъ,
— Я на тебѣ тогды-сегды.
— Съѣдемся Ставеръ во чистомъ поли,
— Попробуемъ силы богáтырскоей!
— Дай-ко Владимiръ стольне-кiевской
— Дай-ко Ставру молодà коня
— Съѣздить со мной во чисто поле,
— Спробовать силы богатырской! —
Сѣли на добры́хъ коней поѣхали,
Уѣхали они во Черниговъ градъ.

Записано тамъ же, 4 iюля.

141.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Въ славномъ было во Новѣгородѣ,
Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
Живучи Буславъ не старился,
На достали Буславъ переставился,
Съ Новымъ Градомъ не перечился,
Съ каменной Москвой спору не было.
Оставалоси чадо милое
Мо́лодый Василій сынъ Буславьевичъ.
Сталъ по улицкамъ похаживать,
Съ робятами шуточки пошучивать:
Кого за руку дернетъ — рука съ плеча,
Кого за ногу дернетъ — нога съ колѣнъ,
Кого за голову дернетъ — голова съ плечи вонъ.
Собирались мужики новгородскіи,
Собрались къ Васильевой матушки.
«Ай же Васильева матушка,
«Молодая Фетьма Тимоѳеевна!
«Уйми свое чадо милое
«Молода Василія Буславьева.
«А не уймешь Васильюшка Буслаева,
«Будемъ унимать всимъ Новымъ Градомъ,
«Сгонимъ Васильюшка подъ Волхово,
«Пихнемъ Васильюшка въ Волхово».
Тутъ Васильева матушка,
Молода Фетьма Тимоѳеевна,
Чоботы надернула на босы́ ноги,
Шубу накинула на одно плече,
Хватила свое чадо милое,

Хватила подъ правую подъ пазуху.
— Ай ты Василій сынъ Буслаевичъ!
— Какъ жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
— Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
— Живучи Буславъ не старѣлся,
— На достали Буславъ переставился,
— Со Новымъ Градомъ не перечился,
— А съ каменной Москвой спору не было. —
Тутъ Василій сынъ Буславьевъ
Завелъ онъ свой почестенъ пиръ.
Наку́рилъ Василій зелена́ вина,
Наварилъ Василій пива пьянаго,
На бѣлой дворъ бочки выкатывалъ,
На бочкахъ подписи подписывалъ,
На вёдрахъ подрѣзи подрѣзывалъ.
Мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ чара полтора пуда.
«Тотъ поди ко мнѣ на почестенъ пиръ,
«Кто выпьетъ эту чару зелена вина,
«Кто истерпи мой черленой вязъ».
Какъ идутъ мужики новгородскіе
Скажутъ: къ чорту Василья и съ честнымъ пиромъ.
Идетъ въ срѣту маленькій Потанюшко,
На правую ножку припадываетъ,
Онъ на небо поглядываетъ.
Говорятъ мужики новгородскіе:
«Не ходи Потаня на почестенъ пиръ!
«Не выпить тебѣ чары зелена́ вина,
«И нѐ стерпеть вяза черленаго».
Пришелъ-то маленькій Потанюшко,
Пришелъ Потаня на почестенъ пиръ,
Хватилъ ёнъ чарочку одной рукой,
Пилъ онъ чарочку однимъ духомъ.
Хлопнулъ Василій сынъ Буслаевичъ

Хлопнулъ вязомъ черленыимъ,
Стоитъ Потанюшко не стряхнется,
Его жолтыи кудри не сворохнутся.
Спрогóворитъ Василій сынъ Буслаевичъ:
— Ай же ты маленькій Потанюшка!
— Поди ко мнѣ въ дружинушки въ хоробрыи. —
Тутъ мужики новгородскіе
Заводили они почестенъ пиръ,
Накýрили они зеленá вина,
Наварили пива пьянаго.
А всихъ-то они нá пиръ пóзвали,
А Василія Буславьева и не пóзвали.
Спрогóвори Василій сынъ Буславьевичъ:
— Пойду я, матушка на почестенъ пиръ! —
Спрогóворитъ матушка родимая
Молодая Фетьма Тимоѳеевна:
«Не ходи, Василій, на почéстенъ пиръ!
«Вси придутъ на пиръ гости званыи,
«Ты придешь на пиръ незваный гость».
Спрогóворитъ Василій сынъ Буслаевичъ:
— Пойду я, матушка, на почестенъ пиръ!
— Куда меня посадятъ, я тамъ сижу.
— Что могу достать, то я ѣмъ да пью. —
Пошли со дружиною на почéстенъ пиръ.
Приходитъ Василій на почéстенъ пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому.
— Здравствуйте мужики новгородскіи!
«Поди Василій сынъ Буславьевичъ!
«Садись Василій во большомъ углу».
Кормили тутъ Васильюшка досыта,
Поили Васильюшка дóпьяна.
«Бейся Васильюшка во великъ закладъ,
«Завтра итти на Волхово!

«Мы станемъ биться всимъ Новымъ-Градомъ,
«А ты двоима со дружинушкой».
Пошелъ Василій со честна́ пиру,
Приходитъ къ матушкѣ родимоей
Прикручинивши, припечаливши.
Спрогóвори матушка родимая:
— Эй же Василій сынъ Буслаевичъ!
— Что ты Василій прикручинивши,
— Что ты Василій припечаливши?
— Вѣдь не чарой Василій тебя обнесли,
— Либо пьяница собака обезчестила? —
Спрогóвори маленькой Потанюшка,
Его дружинушка хоробрая:
«Чарой Василья не óбнесли,
«И пьяница собака не обезчестила:
«Ёнъ глупымъ умомъ, хмѣльнымъ ра́зумомъ,
«Бился Василій о великъ закладъ:
«Что итти съ-у́тра на Волхово,
«Имъ биться всимъ Новымъ Градомъ.
«А намъ двоима со дружинушкой».
Тутъ молодая Фетьма Тимоѳеевна
Чоботы надернула на босы́ ноги,
Шубу накинула на одно плече,
На мистку положила красна золота,
На дру́гую чистаго серебра,
На третьюю скатнаго жемчуга.
Пришла она на почестенъ пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому.
— Здравствуйте мужики новгородскіе!
— Возьмите дóроги подарочки,
— Простите Василья во той вины. —
Говорятъ мужики новгородскіе:
«Мы не вóзьмемъ дороги подарочки

«И не простимъ Василья во той вины.
«Хоть повладѣемъ Васильевыма ко́нями добрыма,
«Павладѣемъ платьями цвѣтныма!»
Тутъ молодая Фетьма Тимооеевна,
Крестъ на лицё, да съ терема́ долой.
Ударила чоботомъ во ли́пину,
А улетѣла ли́пина во заднiй тынъ,
А у нихъ заднiй тынъ весь и разсыпался,
Вси крыльца перильца покосилися.
Тутъ Василiй сынъ Буслаевичъ
Вставая по утру ранешенько,
Пошелъ на Дунай рѣку купатися.
Иде въ стрѣту дѣвушка чернавушка.
— Ай же ты Василiй сынъ Буслаевичъ!
— Зналъ загудки загадывать,
— А не знаешь нонѣ отгадывать:
— Прибили дружину во чисто́мъ поли. —
Тутъ Василiй сынъ Буслаевичъ
Чоботы надернулъ на босу́ ногу,
Шубу накинулъ на одно плече,
Колпакъ накинулъ на одно ухо.
Хватилъ Василiй свой черленый вязъ,
Побѣжалъ Василiй во чисто́ поле.
Идетъ въ стрѣчу старчищо Андронищо,
Его иде крёстный батюшко,
Надѣтъ на голову Софеинъ колоколъ.
«Ай же ты крёстный батюшко!
«Зачѣмъ надѣлъ на голову Софеинъ кололол?»
Хлопнулъ крёстнаго батюшку,
Убилъ старчищо Андронищо.
Прибѣжалъ Васильюшко на Волхово,
Сталъ по Волхову поскакивать,
Черленымъ вязомъ помахивать.
Куды махнетъ — падуть улицама̀,

А въ перехватъ махнетъ—переу́лкама.
Кистенямы головы переломаны,
Кушакамы головы перевязаны.
Бѣжатъ къ Васильевой матушкѣ.
— Ай же Васильева матушка,
— Молодая Фетьма Тимоѳеевна!
— Уйми свое чадо милое,
— Оставь людей хоть и на сѣмена. —
Тутъ Васильева матушка
Чоботы надернула на босы́ ноги,
Шубу накинула на одно плече,
Прибѣжала она на Волхово,
Хватила свое чадо милое,
Хватила подъ правую подъ пазуху.
«Ай же ты Василій сынъ Буславичъ!
«Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
«Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
«Живучи Буславъ не старился,
«На достали Буславъ переставился,
«Со Новымъ Градомъ не перечился,
«Съ каменной Москвой спору не было».
Принесла Василья со чиста поля.
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Говоритъ онъ матушкѣ родимоей:
— Ай же ты матушка родимая!
— Утрось я не завтракалъ, вечеръ я и не ужиналъ,
— Дай хоть сегодня пообѣдати.
— Спусти меня молодца въ Еросо́лимъ градъ,
— Во святую святыню помолитися,
— Ко Христову гробу приложитися.
— Во Ердань рѣку окупатися.
— Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
— Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ! —
Говоритъ Васильева матушка

Молодая Фетьма Тимоѳеевна:
«Не спущу тебя Василья во Еросо́лимъ градъ,
«Тебе мнѣ-ка-ва больше жива не́ видать».
— Ай же матушка родимая!
— Спустишь—поѣду, а не спустишь—пойду.—
Оснастили суденушко дубовое,
Со своей съ дружинушкой хороброю
Сѣли въ суденушко, поѣхали.
Пріѣхали къ матушкѣ Сиво̀нь горы.
Пошли на матушку Сиво̀нь гору,
Пошли по матушкѣ Сиво̀нь горѣ,
Лежитъ тутъ кость сухоялова.
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Сталъ этой костью попинывать,
Сталъ этой костью полягивать.
Спрого́вори кость сухоялова
Гласомъ яна человѣческимъ:
«Ты бы хоть Василій сынъ Буслаевичъ
«Меня бы кости не попинывалъ,
«Меня бы кости не полягивалъ,
«Тебѣ со мной лежать во товарищахъ».
Плюнулъ Васильюшко, да прочь пошолъ.
«Сама спала, себи сонъ вид'ла».
Сѣли въ суденушко, поѣхали.
Пріѣхали они въ Еросо́лимъ городъ,
Сходили въ святую святыню помолилися,
Ко Христову гробу приложилися;
Пришелъ Василій сынъ Буслаевичъ,
Окупался въ матушкѣ Ердань рѣкѣ.
Идетъ та дѣвушка чернавушка,
Говоритъ Васильюшку Буславьеву:
— Ай Василій сынъ Буслаевичъ!
— Нагимъ тѣломъ въ Ердань рѣки не куплются,
— Нагимъ тѣломъ купался самъ Іисусъ Христосъ!

— А кто куплется, тотъ живъ не бываетъ.—
Сѣли въ суденушко, съ дружинушкой поѣхали.
Заболѣла у Васильюшка буйная головушка.
Спроговори Василій сынъ Буслаевичъ:
«Ай же дружинушка хоробрая!
«Болитъ у меня буйная головушка.
«Вечоръ были мы на матушкѣ Сивонь горѣ,
«Пошли мы съ костью разбранилися,
«Пошли мы съ костью не простилися.
«Заѣдемъ-ко на матушку Сивонь гору,
«Простимся у кости сухояловой».
Пріѣхали на матушку Сивонь гору,
Гдѣ лежала кость сухоялова.
Тутъ лежитъ въ томъ мѣстѣ синь камень:
Въ долину камень сорокъ сажень.
Въ ширину камень двадцать сажень.
Спроговори Василій сынъ Буслаевичъ:
«Ты, дружинушка, скачи въ поперекъ камня.
«А я скачу вдоль каменя;
«Перескочимъ черезъ камень!»
Скочилъ Васильюшко вдоль каменя,
Палъ Васильюшко о синь камень.
Рѣчёнъ языкъ въ головкѣ поворотится,
Говоритъ дружинушкѣ хоробрыя:
«Съѣдешь дружинушка хоробрая
«Къ моей матушкѣ родимоей,
«Вели поминать Васильюшка Буславьева».

Записано тамъ же, 4 іюля.

142.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

У Грознаго царя Ивана Васильевича
Былъ у его почéстенъ пиръ
На всихъ на князей на бóяръ,
На руськiихъ могучiихъ богатыревъ.
Красное солнце нá вечери,
Почéстенъ пиръ у нихъ нá весели.
Вси на пиру пьяны вéселы.
Спрогóворитъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Повывелъ я измѣну со Новàгорода,
«Повывелъ я измѣну съ каменной Москвы,
«Повывелъ я измѣну и со Кiева».
Спрогóворилъ его а'ще меньшiй сынъ:
— Ай же ты батюшка родимый мой!
— Хоть повывелъ ты измѣну со Кiева,
— Хоть повывелъ ты измѣну со Новàгорода,
— Хоть повывелъ ты измѣну съ каменной Москвы,
— А е у тебя измѣна подъ правы́мъ плечомъ.
— Какъ я которой ѣхалъ улицей,
— Я казнилъ чисто на чисто.
— Дядюшко какъ ѣхалъ улицей,
— Тоже казнилъ чисто на чисто.
— А братецъ какъ ѣхалъ улицей,
— Тотъ казнилъ чисто не нà чисто:
— Впереди себя послалъ скорѝ гонця,
— Чтобы мужики новгородскiи
— По погребамъ они бы охитялися,
— А желѣзными бы доскамы задвигалися.
— Онъ казнилъ чисто не нá чисто. —
Тутъ царьское сердце расходилося.

Хмѣльнымъ умомъ, да пьянымъ разумомъ,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Говоритъ онъ да таково слово:
«Ай палачикѝ немилóсливыя!
«Ведите мо'го сына бóльшаго
«За тое болото за житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсьте ему ясныя очушки,
«Сѣките ему буйную голову».
Тутъ вси на пиру испужалися,
Тутъ вси на пиру разбѣжалися.
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
Выходитъ воръ Малютка Скурлатовъ сынъ.
Взялъ его сына бóльшаго
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни злаченыи,
Повелъ за болото за житное,
На тую доску на липову
Отсѣчь ему буйная головушка.
Прознала его матушка родная,
Прознала Анна Романовна.
Чоботы надернула на босы ноги,
Шубу накинула на одно плечо,
Прибѣжала къ братцу къ Микитѣ Романовичу.
Идетъ скоренько на высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому.
Спрогóвори братецъ, Микита Романовичъ.
— Неждáна гостьица ко мнѝ пришла! —
Спрогóвори Анна Романовна:
«Ай же ты братецъ Микита Романовичъ!
«Ты-ль надо мною надсмѣхаешься?
«Али ты надо мной надрываешься?

«Аль надо мной невзгоды не вѣдаешь?
«Не стало у меня вѣдь сына бо́льшаго
«Мо́лода Ѳедора Ивановича,
«Свелъ воръ Малютка Скурлатовъ сынъ
«За тое болото за житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсить ему ясныя очушки,
«Сѣчь его буйная головушка».
Тутъ Микита Романовичъ
Скорёшенько ёнъ тутъ исправился:
Чоботы надернулъ на босы ноги,
Шубу накинулъ на одно плече,
Колпакъ накинулъ на одно ухо,
Палъ на коня не на сѣдланаго,
Колпако́мъ махалъ, голосо́мъ кричалъ:
— Не казните-тко вы сына царскаго! —
Пріѣхалъ за болото тутъ за житное
Къ той доски онъ къ липовой.
Положенъ Ѳедоръ Ивановичъ на тую дощечку на липовую,
Завѣшены ясныя очушки,
А не сѣчена буйная головушка.
Тутъ хватилъ его за ручки за бѣлыи,
Выздынулъ съ дощечки онъ съ липовой.
Вора Малютка сына Скурлатова
Положилъ на дощечку на липову,
Завѣсилъ ему ясныя очушки,
Ссѣкъ ему буйную головушку.
Племянника на коню везетъ,
А самъ за конёмъ онъ и вслѣдъ идетъ.
Дѣло дѣялось въ Христовскую во Пятницю.
Въ Христовъ день пошли ко заутрени.
Идетъ Никита Романовичъ въ церковь Божію,
Ко той Христовской ко заутрени,

Самъ идетъ, племянника подъ полой ведетъ.
Пришелъ къ царю Ивану Васильевичу:
— Что же ты, братецъ, царь Иванъ Васильевичъ, прикручинился.
— Что же ты припечалился? —
Спроговоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты, братецъ, Микита Романовичъ!
«То́ли-ль надо мной надсмѣхаешься,
«Аль надо мной невзгоды не вѣдаешь?
«Не стало у меня сына бо́льшаго,
«Мо́лода Ѳедора Иванова.
«Свелъ Малюта воръ Скурлатовъ сынъ
«За тое болото за житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсилъ ему ясныя очушки,
«Ссѣкъ ему буйную головушку.
А спрого́вори Микита Романовичъ:
— Ай же ты, братецъ, царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ можно съ мертва жива сдѣлати! —
Прого́воритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ввѣкъ того на сёмъ свѣтѣ не водится,
«А живой съ мертваго не ро́дится.
«Кто мнѣ-ка-ва съ мертва жива́ сдѣлалъ,
«Я бы половину отдалъ своего государствія!»
Спрого́вори Микита Романовичъ:
— Мнѣ-ка-ва не надо ни злата, ни серебра,
— Ни половины твово государствія,
— А только сдѣлай Микитину отчину.
— Кто голову сдѣлаѐ, у́йде въ Микитину отчину, того Богъ проститъ,
— Кто коня угонитъ, у́йде въ Микитину отчину, того Богъ проститъ. —
Записали записи великіи,
Показалъ ему сына бо́льшаго.

Тутъ царь Иванъ Васильевичъ
Взялъ сына бóльшаго за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ его въ уста сахарныи.

Записано тамъ же, 4 іюля.

143.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Господь-то на насъ поразгнѣвался
На славное царство Расейское,
На Расейское царство Московское.
Далъ намъ Господь царя несчастливаго,
Назвался собака воръ прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Митріемъ,
Царевичемъ Митріемъ Московскіимъ.
Не успѣлъ воръ собака вцаритися,
Похотѣлъ воръ собака женитися:
Не у насъ въ Росеи въ каменной Москвы,
Не въ каменнóй Москвы—въ хороброй Литвы,
У Юрья панà Сердобольскаго,
На самой на меньшіей дочери,
На душенькѣ Маринѣ на Юрьевны.
Пиръ свадьбу играли въ Филипповъ постъ,
Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день,
А Микола у насъ была въ пятницю.
Дошло это дѣло до Велика дни,
До Великаго дни до Христова дни.
У того ли у Іоанна-Великаго
Ударили во бóльшой во колоколъ.
Всѣ князи бояри къ обѣдни пошли,
Ко той ко Христовской ко заутрени,
Воръ Гришка-Рострижка онъ въ мыльню идетъ

Со душенькой Мариной со Юрьевной.
Князи бояря Богу молятся,
А воръ Гришка-Ространжка въ мыльнѣ моется
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
Князи бояра отъ обѣдни пошли,
Отъ той они Христовской заутрени,
Воръ Гришка-Ространжка со мыльни идетъ
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
На Гришкѣ тулупъ восемьсотъ рублей,
На Маринѣ салопъ въ цѣлу тысящу.
Выбѣгалъ воръ собака на царско крылечико,
Кричитъ воръ громкимъ голосомъ,
Чтобы было слышно къ королю въ Литву,
Къ Юрію пану Сердобольскому:
«Послушай Марина что я́ скажу,
«Послушай Марина что я́ говорю!
«Поди въ полату бѣлокаменну,
«Не бей челомъ князьемъ боярамъ,
«Не кланяйся ты чуднымъ образамъ.
«Сѣдь, Марина, за дубовый столъ,
«Кушай рушай бѣлу́ лебедь,
«Проживемъ съ тобою можетъ тридцать лѣтъ».
«Прожить ли Маринѣ хоть три году —
«Не прожить намъ съ тобой Марина три́ часу»[1]).
Собирались господа, бояри московскіи,
Думали думушку обчую,
Приходили ко инокѣ Мароѣ Ивановнѣ.
— Инока Мароа Ивановна!
— Вѣрно Господь на насъ разгнѣвался
— Что далъ царя несчастливаго! —
«Неумны вы господа вси неразумны!
«Дмитрію царю вѣдь смерть при́дали,

1) «Это онъ видитъ въ окно», пояснилъ сказитель.

«Голову рубили въ хоробрóй Литвы,
«А мощи хоронили подъ каменну́ церковь.
«А это Гришка-Рострижка Отрепьевъ сынъ
«Сидѣлъ въ тюрьмѣ ровно тридцать лѣтъ,
«Заростилъ крестъ во бѣлы груди,
«Такъ назвался собака прямымъ царемъ,
«Прямымъ царемъ, царемъ Митріемъ,
«Царевичемъ Митріемъ Московскіимъ».
Тутъ господа бояре вси московскіи,
Собрались бояре въ однó мѣсто,
Гришкѣ-Рострижкѣ смерть придали,
А его жену въ окно бросили.

Записано тамъ же, 4 іюля.

XXVI.

НИКОЛАЙ ДУТИКОВЪ.

Николай Филипповъ Дутиковъ изъ Конды, крестьянинъ лѣтъ 50-ти, заимствовалъ свои былины отъ того же Конона съ Зяблыхъ Нивъ, о которомъ упомянуто выше (VI и VII), но помнитъ ихъ слабо и часто не досказываетъ конца. Дутиковъ говорилъ, что онъ бывалъ въ Петрозаводскѣ у г. Рыбникова и что последній записывалъ его былины. Изъ сопоставленія этого съ тѣмъ, что̀ упоминаетъ г. Рыбниковъ о какомъ-то крестьянинѣ Өедотовѣ, ученикѣ Конона съ Зяблыхъ Нивъ (т. III, стр. XXVIII), а также изъ сличенія текста самыхъ былинъ, оказывается, что Дутиковъ есть тотъ самый сказатель, который названъ въ сборникѣ г. Рыбникова Өедотовымъ; это послѣднее имя произошло отъ ошибки.

144.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

(См. Рыбникова, т. III, 7).

Какъ ѣздилъ Илья Муромецъ во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ ѣздилъ за охвотою,
Стрѣлялъ Илья гусей, да лебедей,
Стрѣлялъ малыихъ перелетныхъ сѣрыхъ утушекъ,
Онъ не могъ убить ни гуся, ни лебедя,
Ни малой перелетной сѣрой утицы;
А встрѣтился калѣка, калѣка перехожая,
И говоритъ Илья таково слово:
«Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
«Давно ль ты бывалъ на святой Руси,
«На святой Руси, въ славномъ Кіевѣ,
«Давно ль ты видѣлъ князя Владиміра
«Со стольною княгиною Апраксою?»
Да спроговоритъ калѣка перехожая:
— Ай же старый казакъ Илья Муромецъ!
— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
— И видѣлъ я князя Владиміра
— Со стольною княгиною Апраксою;
— Надъ нима несчастьице случилося:
— Сидитъ татаринъ между княземъ и княгиною,
— Не даетъ волюшки князю со княгиной думу подумати.
— А голова у татарина какъ пивной котёлъ,
— А глазища у татарина какъ пивныя чашыщи,
— А носъ-то у татарина какъ кислóй пирогъ,
— А по грѣху учинилося:
— Въ Кіевѣ богатырей не случилося. —
Спроговоритъ Илья, да Илья Муромецъ:
«Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
«Молодца въ тебѣ въ два меня,
«И силы-то у тебя въ три меня,

«А смѣлости нѣтъ и въ полъ-меня.
«Скидывай ты платьице калѣчьское,
«Скидывай-ко подсумочки рытаго бархата,
«Скидывай-ко ты гуню сорочинскую,
«Разувай-ко лапотики шелковыя,
«И надѣвай платье богатырское,
«Садись на моего добра коня
«И поѣзжай-ка въ Муромъ градъ
«Къ тому подворью богатырскому».
И думалъ-подумалъ калѣка перехожая:
— Не дать Ильѣ платьице, силой возметъ,
— Силой возметъ, да мнѣ-ка бокъ набьетъ. —
И складывалъ подсумки рытаго бархата,
И скидывалъ онъ гуню сорочинскую,
И разувалъ онъ лапотки шелковые,
И втыкнулъ онъ клюшку волжанку[1])
Во матушку сыру землю, —
И уходила та клюшка до коковочки[2]);
И скидывалъ онъ шляпу греческую,
И одѣвалъ онъ платье богатырское,
Садился на добра коня.
И поѣхалъ во Муромъ градъ,
Ко тому подворью богатырскому.
Обувалъ Илья лапотики шелковые,
Одѣвалъ Илья гуню сорочинскую,
Одѣвалъ Илья подсумки рытаго бархата,
Одѣвалъ Илья шляпу греческую
И выдернулъ клюшку волжанку
Со матушки сырой земли...
Какъ скоро скажется, тихо дѣется...
И будетъ онъ въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,

1) Изъ дерева иволги.
2) До загнутаго верхняго конца палки.

У ласкова князя у Владиміра,
У него ли палатъ княженецкіихъ;
Закричалъ Илья громкимъ голосомъ:
«Солнышко, Владиміръ стольно-кіевскій!
«Сотвори-ко мнѣ милостыню:
«Было бы калѣкѣ чего ѣсть да пить,
«Да чего калѣкѣ волочитися!»
Тутъ татаринъ бросался по-плечь въ окно:
— Ай же вы горланы русскіе!
— Что вы здѣсь завѣдали,
— Что вы стали почасту учащивать?
— Ступай-ко, калѣка, прямо во высокъ теремъ. —
Проходитъ калѣка во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ князя со княгиною,
А тому-ли татарину челомъ не бьетъ.
Говоритъ Идолище поганое:
«Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
«Давно-ль ты бывалъ на святой Руси,
«Давно-ль ты видѣлъ Илью Муромца?
«Каковъ у васъ есть Илья Муромецъ?
«А мнѣ бы Илью видѣть надо
«Я бы клалъ Ильинку на долонь
«Я ударилъ бы другой долонью сверху
«И сдѣлалъ бы Ильинку какъ овсяный блинъ».
Говоритъ ему калѣка перехожая:
— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
— И видѣлъ я Илью, Илью Муромца.
— Илья есть мнѣ братецъ названый:
— Онъ мнѣ есть братецъ большій,
— А я ему братецъ меньшій.
— Я за своего брата хочу постоять. —
Это слово татарину не слюбилося:

Какъ схватилъ онъ со стола булатній ножъ
И кинулъ ножъ въ Илью, Илью Муромца.
Тутъ-то Ильѣ не къ суду пришло:
Увернулся онъ за печку муравленую,
А ножъ-отъ улетѣлъ во стоечку,
Стоечка улетѣла въ задній тынъ,
И задній тынъ весь поразсыпался.
Тутъ выходилъ Илья, Илья Муромецъ
Изъ-за печки, печки муравленой,
Какъ бралъ черезъ столъ, дубовый столъ
Бралъ татарина за желты кудри,
И здынулъ его выше буйной головушки,
И бросилъ татарина о кирпичной полъ.
И тутъ ему руки и ноги повыломалъ,
И глаза-то ему повыкопалъ,
И изъ платья вонъ повытряхнулъ.
Поѣхала Хупова та Крынская,
Со земли Россійскія
И сама говоритъ таково слово:
«Здѣсь чортъ не борцы и не удалы добры молодцы!
«Почто было рукама ломать,
«Почто было глазъ воротить?

(Эта Хупова пріѣзжала вмѣстѣ съ татариномъ, но Дутиковъ не помнитъ какъ оно поется).

145.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ было во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра,
Середъ было двора да княженецкаго,
А не бѣлая березка къ земли клонится,
Еще кланяется сынъ да своей матушкѣ.

«Свѣтъ ли государыня моя матушка!
«Дай-ко мнѣ прощеньице, благословеньице
«Повыѣхать во да́лече-дале́че во чисто поле,
«Поискать мнѣ-ка-ва́ братца названаго
«Старово́ ли казака да Илью Муромца.
«Да распрогнѣвался на меня солнышко Владиміръ стольне-кіевской,
«Наложилъ на меня службу несносную
«Ѣхать въ землю во татарскую
«Сбирать тутъ дани да и выходы,
«Не за много, не за мало, за двѣнадцать лѣтъ».
Спроговоритъ его родная матушка,
Честна вдова Намерфа Тимоѳеевна:
— Ай же ты мое да чадо милое,
— Младый Добрынюшко Микитиницъ!
— На кого ты оставляешь свою матушку,
— На кого ты покидаешь молоду̀ жену,
— Мо́лоду Настасью Микуличну? —
Спроговоритъ Добрынюшка Микитиничь:
«Оставляю я свою матушку и молоду жену,
«Подъ опекою да стараго казака да Ильи Муромца».
Спроговоритъ его да любима̀ семья,
Мо́лода Настасья Микулична:
— Ахъ ты младыій Добрынюшко Микитинъ сынъ!
— Скоро ли назадъ да поворо̀тъ держишь? —
Спроговоритъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«Вы ждитка-ко меня да по три году.
«А по три году не можете дождатися,
«Ждите меня да и по шесть годовъ.
«А по шесть годовъ не можете дождатися,
«Тутъ моя любима̀ семья,
«Мо́лода Настасья Микулична
«Хотя вдовой живи, да хоть замужъ поди.
«Поди-ко ты за князей и за бояровъ,

«Поди-ко за русьскіихъ могучіихъ богатыревъ,
«А столько нѐ ходи за славнаго Алешеньку Поповича,
«За того ли за бабьяго насмѣшничка».
А и тутъ Добрынюшко Микитиничь
Сѣдлалъ онъ своего добра коня,
На добра коня кладывалъ потнички,
На потнички войлочки,
На войлочки сѣделочко черкацкое,
Двѣнадцать пóдпружковъ подтягивалъ
Шелку да шемуханскаго,
Не ради красы басы угожства,
А для ради закрѣпы богатырскія.
И бралъ онъ доспѣхи богатырскіи,
И садился онъ да на добра коня.
И не одинъ поѣхалъ, со дружинкою.
Вид'ли добрыхъ коней сѣдучихъ,
А не вид'ли поѣдучихъ.
Не путемъ поѣхали дорожкою,
А прямо черезъ стѣну городóвую.
Одна куревка въ чистомъ поли стоитъ
Отъ тѣхъ копытъ да лошадиныихъ.
Ждали Добрынюшко по три году,
По три году не могли дождатися.
Ждали Добрынюшку по шесть годовъ,
По шесть годовъ не могли да дождатися.
Тутъ его любимȁ семья,
Мóлода Настасья Микулична
Нарушила слово Добрынюшки Микитича,
Пошла она въ замужество
А за смѣлаго Алешеньку Поповича.
Свадебка назначена играть двѣнадцать дней.
Тутъ какъ сидитъ его родная матушка
Во теремѣ высокоемъ,
Сама слезно да и порасплакалась.

— Не пекло на мени красное солнышко по шесть годовъ,
— А пёкъ на меня младъ свѣтелъ мѣсяцъ.
— Нынече и младъ свѣтелъ мѣсяцъ закота́ется! —
А подъѣзжаетъ Добрынюшка Микитинъ сынъ
Ко стольному ко городу ко Кіеву;
Стрѣтается ему въ чистомъ полѣ Раньжа калѣка перехожая.
Тутъ прогово́ритъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«Эй же ты, Раньжа, калѣка перехожая!
«Давно ли ты бывалъ во Кіевѣ,
«Давно ли видалъ князя Владиміра
«И княгиню Апраксію?
«Все ли они живутъ да и здравствуютъ?»
— Да не давно я былъ третьёго дни,
— Все живутъ они да и здравствуютъ. —
«Да еще спрошу, Раньжа калѣка перехожая!
«Пріѣхалъ ли Добрыня Микитинъ сынъ со зе́млей татарскіихъ?»
Спрого́воритъ калѣка перехожая:
— Не пріѣхалъ еще Добрынюшко со зе́млей татарскіихъ.
— А его любима семья
— Нарушила слово Добрынюшки Микитича,
— Пошла она въ замужество
— За смѣлаго Алешеньку Поповича.
— Какъ его родная матушка порасплакалась,
— Сидитъ она да въ теремѣ высокоемъ,
— Глядитъ во чисто поле въ косящатое окошечко. —
Не ясе́нъ соколъ по чисту полю полётывать,
А ѣдетъ Добрынюшка со зе́млей татарскіихъ.
Тутъ его родная матушка
Выходила на крылечко пере́ное,
Брала Добрынюшку за бѣлы́ руки,
Вела его въ теремы высокіи.
Спрого́воритъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«Ай же ты моя ро́дная матушка!

«А гдѣ моя любимá семья,
«Мóлода Настасья Микулична?»
Тутъ она да порасплáкалась:
— Ай же ты мое да чадо милое!
— Нарушила она слово твое Добрынюшко Микитинъ сынъ,
— Пошла она въ замужество
— За смѣлаго Алешеньку Поповича,
— Свадебка назначена играть двѣнадцать дней. —
Тутъ-то Добрынюшкѣ не дóчего.
Скидывалъ онъ платьице дорожное,
Надѣвалъ онъ платьице богатырское,
Бралъ онъ гусельышка яровчатыи,
И пошелъ къ нимъ да на почéстной пиръ.
Садился онъ у дверей да у дубовыйхъ,
У тѣхъ у стоечекъ кленовыйхъ,
Началъ онъ играть въ гусельышка яровчата:
Игры играетъ отъ Царя́града,
Выпѣваетъ онъ да отъ Еросóлима,
А напѣвочки поетъ все къ Настасьѣ Микуличной.
Какъ услыхала тутъ Настасья Микулична
Напѣвочки Добрынюшки Микитица,
Выходила она зъ-за стола зъ-за дубоваго,
Наливала она чарочку да зелена вина,
Подносила Добрынюшкѣ Микитичу,
Да выпилъ онъ чарочку зелена вина,
А Добрынюшка Микитинъ сынъ
Наливалъ стаканъ да меду сладкаго,
И спустилъ онъ да свой злачéнъ перстень.
Которымъ перстнемъ они да обручалися,
И самъ говоритъ таково слово:
«И пей, Настасья Микулична, стаканчикъ ѝ весь до дна,
«Такъ увидишь ты много добра».
И она выпила стаканъ меду сладкаго,
И прикатился перстень къ устамъ ея сахарныйм.

Тутъ спрогóворитъ Настасья Микулична:
— Не тотъ мужъ, который со мною да за столомъ сидитъ,
— А тотъ мужъ, который передъ мной стоитъ.
— Ты прости ты, Добрынюшко Микитичь, меня въ такой вины! —
Спрогóворитъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
«Мужъ въ лѣсъ по дрова, баба и замýжъ пошла».
«Не виню тебя, молодá жена[1]),
«А виню Алешеньку Поповича:
«Зачѣмъ у живá мужа жену беретъ,
«А князя Владиміра — зачѣмъ сватаетъ».
Тутъ взялъ Алешу за желты кудри,
Началъ по терему поваживать,
А началъ гуселкамы охаживать.
А тутъ спрогóворитъ Алешенька Поповъ тотъ сынъ:
— А всякій на сёмъ свѣтѣ женится,
— Только не всякому женитьба удавается. —
А взялъ Добрынюшка Настасью Микуличну,
Повелъ Настасьюшку во свой теремъ.

Записано на Леликовѣ, 5 іюля.

146.

САДКО.

(См. Рыбникова, т. III, 42).

Во славномъ было во Нови-городѣ
Жилъ-былъ Садко купецъ, богатый гость,
Да все-то у Садка по небесному:
И на небѣ солнце, въ теремѣ солнце,

---

1) Конецъ былины, начиная съ этого стиха, прибавила Сурикова (XXII).

На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды,
Все-то у Садка по небесному.
И спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Вы берите золотой казны по надобью,
«Поѣзжайте-тко вы во славенъ въ Новгородъ,
«Откупите-ко товары въ Нови-городѣ,
«Чтобы больше товаровъ тамъ не было».
Слушали дружинушки, прикащики его,
Да они брали золотой казны по надобью,
Да ѣхали да во въ Новгородъ,
Откупили товары въ Нови-городѣ,
На другой день товаровъ еще больше того.
А еще спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Еще берите золотой казны по надобью,
«Поѣзжайте-тко вы во въ Новгородъ,
«И откупите-ко товары во Нови-городѣ,
«Чтобы больше товаровъ тамъ не было».
Слушали дружинушки, прикащики его,
Да они брали золотой казны по надобью,
Да ѣхали да во славенъ въ Новгородъ.
Откупили товары въ Нови-городѣ:
На другой день товаровъ еще больше того.
И спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Вы берите золотой казны по надобью.
«А стройте-тко да тридцать кораблей,
«Носъ-корму кладите по звѣриному,
«Бока-то вы сведите по змѣиному,
«Машты кладите краснаго деревца,
«Блочики кладите все кизюльные,
«Канатики кладите все шелковые,

«Паруса кладите полотняные,
«Якори кладите все булатніе,
«Да по черному по соболю сибирскому
«Вмѣсто бровъ продерните,
«По бурыя лисицы по сибирскія
«А вмѣсто ушей повѣсьте-тко,
«По дорогу́ по камешку по яхонту
«Вмѣсто глазъ вы вставливайте».
Слушали дружинушки, прикащики ето,
Дѣлали дѣло повелѣное.
Да тутъ-то Садко купецъ, богатый гость, поѣздъ держалъ
Поѣздъ держалъ изъ Чернаго,
Изъ Черна моря во Бѣло море,
Изъ Бѣла моря во Свиряйское,
Изъ Свиряйскаго моря во Китайское,
Изъ Китайскаго моря въ Океянъ-море.
Всѣ-то корабли, какъ соколы, оны летятъ,
А Садковъ корабль становиться сталъ,
Становиться сталъ, да онъ ко дну пошелъ.
Тутъ спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Послушайте стараго хозяина,
«Рѣжьте-тко тридцать жеребьевъ,
«И на жеребьяхъ имена вы подписывайте,
«Бросайте-тко жеребья вы на воду».
Слушали дружинушки, прикащики его,
Рѣзали тридцать жеребьевъ,
На жеребьяхъ имена подписывали
И бросали жеребьи на воду:
Всѣ-то жеребья какъ гоголи пловутъ,
А Садковъ жеребей становиться сталъ,
Становиться сталъ, онъ ко дну пошелъ.
Да спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!

«Вы тешите дощечику дубовенькую
«И бросайте дощечику на воду.
«А садите-тко Садка купца, гостя богатаго,
«На тую дощечиньку дубовенькую
«И полагайте мнѣ гуселки яровчаты».
Тутъ его дружинушки, прикащики его,
Дѣлали дѣло повелѣное,
Спускали дощечики на воду,
Садили Садка купца, гостя богатаго,
На тыя дощечики на дубовыя
И полагали ему гуселки яровчаты
И тутъ его взялъ водяной царь.

(Не умѣетъ также спѣть конца при всемъ стараніи сказать складно).

147.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Ѣзди поляница удалая
Ѳедоръ Петровичь, княженецкій сынъ,
Во чистóмъ поли за охвотою:
Стрѣлялъ гусей да лебедей,
Малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ уточекъ.
Увидѣлъ онъ во сыромъ дубу
Стараго чéрнаго вóрона:
Распущены его крылушки по сырóмъ дубу.
И говоритъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
«Я убью стараго чернаго вóрона,
«Пролью его кровь по сырý дубу,
«Спущу его тýлово о сырý землю
«И роспущу его перышка по чистý полю».
Спроговоритъ старый черный воронъ
Гласомъ человѣческимъ:

— Ай же ты, поляница расейская,
— Өедоръ Петровичъ княженецкій сынъ!
— Не бей-ка меня стараго чернаго ворона.
— Я лечу съ зе́млей татарскіихъ.
— Ѣздилъ татаринъ во чисто́мъ поли,
— Кидаетъ палицу булатнюю
— Подъ тыи подъ облаки летучіи, подхватываетъ,
— Грозится на землю Святору́сскую. —
Тутъ Өедоръ Петровичъ княженецкій сынъ,
Садился на добра коня, поѣхалъ во земли татарскіи.
И будетъ онъ во земляхъ татарскіихъ.
Наѣхалъ татарина во чистомъ поли,
И самъ говоритъ таково слово:
«Татаринъ поганый! Скажи съ коей земли,
«Съ коей земли, съ коей орды,
«И какъ тебя зовутъ по имени,
«И называютъ тебя по отечеству?»
Спрого́воритъ татаринъ поганыи:
— Ай же ты, поляница расейская!
— Сядемъ-ко мы на добрыхъ коней,
— И разъѣдемся по чисту полю. —
И ударились они въ палици богатырскія,
Палицы богатырскія до рукъ вси приломалися.
Ударились во сабельки вострыя,
Сабельки до рукъ вси прищелялися.
Ударились въ копейца мурамецкія,
Копейца мурамецкія до рукъ вси свивалися.
Опущалися оны да со добрыхъ коней.
Кому-то была на́ бою Божья́ помочь?
Была на́ бою Божья помочь поляницѣ расейскоей.
Побилъ онъ татарина поганаго,
Садился татарину на бѣлую грудь,
Еще сталъ у татарина выспрашивать:
«Скажись-ко, татаринъ поганыій

«Коей земли и коёй орды,
«Тебя какъ зовутъ по имени,
«Называть тебя по отечеству?
Спрогóворитъ татаринъ поганыій:
— Ай же ты, поляница росейская!
— Дивья тебѣ насмѣхатись
— Какъ ты сидишь на моихъ на бѣлыхъ на грудяхъ.
— Я бы какъ былъ на твоихъ на бѣлыхъ на грудяхъ,
— Пласталъ бы тебѣ да груди бѣлыя,
— И вынималъ бы тебѣ сердце ретивое. —
Тутъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
Вынималъ изъ ножней булатенъ ножъ,
И здынулъ ножъ выше буйной головушки,
И хочетъ пустить да во груди бѣлыя,
Правая рука въ плечи да застоялася.
Еще сталъ у татарина выспрашивать:
«Скажись съ коей земли, да коёй орды,
«Тебя какъ зовутъ по имени,
«Называть по отечеству?»
Спрогóворитъ татаринъ поганыій:
— Ай же ты, поляница росейская!
— Когда сталъ ты у меня выспрашивать,
— Я тебѣ стану высказывать:
— Я есть не татаринъ да не поганыій,
— Я есть съ зéмлей Росейскіихъ,
— Славнаго города Очакова,
— Вотчины Березинской,
— Улицы Рогатницы,
— Лука Петровичъ княженецкій сынъ.
— Увезли меня татарева поганыи
— Трехъ годовъ во земли во татарскіи. —
Тутъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
Скорёшенько вставалъ на рѣзвы ноги,
И бралъ онъ братца за бѣлы руки,

И здымалъ на ножки на рѣзвыя,
И цѣловалъ во уста во сахарныи.
«Ты есте братецъ мой родимыій,
«Лука Петровичъ княженецкій сынъ!»
Тутъ оны садились на добрыхъ коней
И поѣхали во земли во Росейскія.
Скоро скажется, да тихо дѣется,
Будутъ они во земляхъ во Росейскіихъ
У славнаго города Очакова,
Во той во отчинѣ Березинской,
Во улицѣ Рогатницы,
У того ли подворья княженецкаго.
Сходили они да со добрыхъ коней,
Оставилъ Ѳедоръ Петровичъ братца у добрыхъ коней,
Самъ онъ шелъ въ палаты княженецкіи,
Говоритъ онъ родной матушкѣ:
«Ай же ты моя родная матушка!
«Поди-ко ты на широкій дворъ,
«Да бери-ко татарина за бѣлы руки,
«Да веди-ко его во палаты княженецкіи,
«Да корми-ко татарина хлѣбомъ крупивчатымъ».
Спрогóворитъ его родная матушка:
— Ай же ты, мое да чадо милое,
— Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ!
— Какъ бы была у меня старая пóрушка,
— Я бы шла-то на широкій дворъ,
— Я бы брала татарина за желты кудри,
— Вела бы татарина въ погребы глубокіи,
— Кормила бы татарина пескомъ жолтыимъ,
— Поила бы татарина водой болотнею. —
Спрогóворитъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ:
«Ай же ты моя родная матушка!
«Не татаринъ есть да не поганыій,
«А есть мой братецъ родимыій,

«Лука Петровичъ княженецкій сынъ.
«Я привезъ его со зе́млей татарскіи́хъ».
Тутъ его родная матушка
Скорёшенько надѣла чоботы на босу́ ногу,
Кунью шубоньку накинула на одно́ плечо,
Брала его да за бѣлы ручки,
Вела его въ палаты княженецкіи,
Столы она ставила дубовыи,
Скатерти стлала все браныи,
Ѣства-ты клала саха́рныи.
Кормила-поила двухъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Тутъ они стали жить да быть веселитися.

XXVII.

АБРАМЪ ЧУКОВЪ.

Абрамъ Евтихіевъ Чуковъ, по прозванію Бутылка, крестьянинъ д. Горка, Пудожгорской волости, Повѣнецкаго уѣзда, 59-ти лѣтъ. Заимствовалъ былины отъ отца, который былъ мастеръ пѣть и зналъ очень много «старинъ». Отецъ родился и провелъ молодость на Космозерѣ, въ Кижскомъ краѣ; оттого, по свидѣтельству самого Абрама, онъ поетъ былины такъ, какъ Кижане, а не такъ, какъ ихъ поютъ другіе сказители на Пудожской Горѣ. Впослѣдствіи отецъ переселился въ Кузаранду, а оттуда уже, лѣтъ сорокъ тому, на Пудожскую Горку. Абрамъ Евтихіевъ въ молодости выучился портняжному мастерству и до сихъ поръ ежегодно проводитъ осень и зиму, странствуя по деревнямъ, чтобы шить крестьянамъ платье; преимущественно бываетъ въ Кижскомъ Заонежьѣ; за работою онъ обыкновенно распѣваетъ свои старины. Онъ, впрочемъ, ведетъ и крестьянское хозяйство, довольно порядочное, служитъ обществу въ качествѣ сборщика податей. Абрамъ Евтихіевъ, какъ кажется, первый

изъ Олонецкихъ сказителей обратилъ на себя вниманіе, чему онъ обязанъ какъ открытому, общительному характеру, такъ и тому, что часто бывалъ въ губернскомъ городѣ. По его словамъ, ужъ онъ много лѣтъ тому назадъ, еще гораздо прежде знакомства съ г. Рыбниковымъ, сдѣлался извѣстенъ какому-то генералу въ Петрозаводскѣ (должно быть, Бутеневу, бывшему начальнику горныхъ заводовъ), и по порученію этого генерала какой-то писарь списалъ у него всѣ былины, какія онъ зналъ; а зналъ онъ ихъ въ то время безъ малаго два десятка, гораздо больше, чѣмъ помнитъ теперь. Но писарь этотъ потерялъ тетрадь съ этими былинами: такъ увѣрялъ Абрамъ. Однако оказывается, что всѣ тѣ былины, которыя въ 50-хъ годахъ печатались въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ», и которыя г. Рыбниковъ помѣстилъ потомъ въ своемъ сборникѣ съ простою отмѣткою «изъ Олонецкой губерніи», суть тѣ самыя, которыя поетъ Абрамъ Евтихіевъ.

148.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

(См. Рыбникова, т. III, 15).

Добрынюшкѣ-то матушка говаривала,
Да й Микитичу-то матушка наказывала:
«Ты не ѣзди-ко далече во чистó полё
«На тую̀ горỳ да сорочинскую,
«Не топчи́-ко мла́дыихъ змiёнышевъ,
«Ты не выручай-ко пóлоновъ да русьскiихъ,
«Не куплись Добрыня во Пучай рѣки.
«Но Пучай рѣка очень свирипая,
«Но серéдняя-то струйка какъ огонь сѣчётъ».
А Добрыня своей матушки не слушался.
Какъ онъ ѣдетъ далéче во чистó полё
А на̀ тую на гору сорочинскую,

Потопталъ онъ младыи́хъ змiёнышёвъ,
А й повыручалъ онъ да полоновъ да русьскiихъ.
Богатырско его сердце роспотѣлоси,
Роспотѣлось сердце нажадѣлоси.
Онъ приправилъ своего добра̀ коня,
Онъ добра коня да ко Пучай рѣки,
Онъ слѣзалъ Добрыня со добра̀ коня,
Да снималъ Добрыня платье цвѣтноё,
Да онъ за́брелъ за струёчку за первую,
Да онъ забрелъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
— Мнѣ Микитичу маменька й наказывала:
— Что не ѣзди-ко далече во чисто́ полё
— На ту̀ю гору̀ на сорочинскую,
— Не топчи́-ко младыихъ змiёнышовъ,
— А не выручай по́лоновъ да русьскiихъ,
— И не куплись Добрыня во Пучай рѣки.
— Но Пучай рѣка очень свирипая,
— А середняя-та струйка какъ огонь сѣчётъ.
— А Пучай рѣка она кротна̀ смирна,
— Она будто лужа-то доже́вая. —
Не успѣлъ Добрыня словца смолвити,
Вѣтра нѣтъ, да тучу на́днесло,
Тучи нѣтъ, да быдто дождь дождитъ,
А й дождя-то нѣтъ, да только громъ громитъ,
Громъ громитъ, да свищетъ молвiя.
А какъ ле́титъ змiищо Горынчищо
О тыѐхъ двѣнадцати о хоботахъ.
А Добрыня той змѣи да прiужахнется.
Говоритъ змѣя ему проклятая:
«Ты тепереча Добрыня во моихъ рукахъ!
«Захочу тебя Добрыню те́перь по́топлю,
«Захочу тебя Добрыню те́перь съѣмъ-сожру,

«Захочу тебя Добрыню въ хобота̀ возьму,
«Въ хобота̀ возьму, Добрыню во нору́ снесу».
Припа́даетъ змѣя какъ ко быстрой рѣки,
А Добрынюшка-то плавать онъ горяздъ вѣдь былъ:
Онъ нырнѐтъ на бе́режокъ на та́можной,
Онъ нырнѐтъ на бе́режокъ на здѣшныій.
А нѣтъ у Добрынюшки добра коня,
Да нѣтъ у Добрыни платьевъ цвѣтныихъ,
Стольки-то лежитъ одинъ пуховъ колпакъ.
Да посыпанъ тотъ колпакъ да земли греческой:
По вѣ́су тотъ колпакъ да въ цѣло три́ пуда.
Какъ ухватилъ онъ колпакъ да земли греческой,
Онъ ши́бнетъ во змѣю да во проклятую,
Онъ отшибъ змѣ́й двѣнадцать да всихъ хоботовъ.
Тутъ упала-то змѣя да во кувы́ль траву.
Добрынюшка на ножку онъ былъ по́вертокъ,
Онъ ско́читъ на змі́йнины да груди бѣлыя.
На крестѣ-то у Добрыни былъ булатній ножъ,
Онъ вѣдь хочетъ роспластать ей груди бѣлыи,
А змѣя Добрыни ёму смолится:
«Ахъ ты эй Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Мы положимъ съ тобой заповѣдь великую:
«Тебѣ не ѣздити далече во чисто́ поле
«На тую на гору сорочинскую,
«Не топтать бо́льшѐ младыихъ змiёнышевъ,
«А не вы́ручать полоновъ да руськiихъ,
«Не купаться ти Добрыня во Пучай рѣки,
«И мнѣ не летать да на святую Русь,
«Не косить людей ни больше руськiихъ,
«Не копить мнѣ полоновъ да руськiихъ».
Онъ повыпуститъ змѣю какъ съ-подъ колѣнъ своихъ,
Поднялась змѣя да вверхъ подъ облаку.
Случилось ей летѣть да мимо Кiевъ градъ,
Увидала она князеву племянницу

Молоду Забаву дочь Потятичну
Идучи́сь по улицы по ши́рокой.
Тутъ припадаетъ змѣя да ко сырой земли,
Захватила она князеву племянницу,
Унесла въ нору́ да въ глубокую.
То́гда солнышко Владиміръ стольне-кіевской,
А онъ по́ три дня да тутъ били́чъ[1]) кликалъ,
А били́цъ кликалъ да славныхъ рыцарей,
Кто бы могъ съѣзди́ть далече во чисто́ поле,
На ту́ю на гору сорочинскую,
Сходить въ нору да въ глубокую.
А достать мою кня́зеву племянницу
Молоду Забаву дочь Потятичну.
Говорилъ Олешенька Левонтьевичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской,
— Ты накинь-ко эту службу да великую
— На того Добрыню на Никитича.
— У него вѣдь со змѣёю заповѣдь положена,
— Что ей не летать да на святую Русь,
— А ему не ѣздить дале́че во чисто́ поле,
— Не топтать-то мла́дыихъ змѣёнышевъ
— Да не выручать по́лоновъ да русьскіихъ.
— Такъ возьмётъ онъ князеву племянницу
— Молоду Забаву дочь Потятичну,
— Безъ бою, безъ драки кроволитія. —
Тутъ солнышко Владиміръ стольне-кіевской
Какъ накинулъ эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича —
Ему съѣздить далече во чисто́ поле
И достать ему князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Потятичну.
Онъ пошолъ домой Добрыня закручинился,

---

1) Знахарокъ.

Закручинился Добрыня запечалился.
Стрѣтатъ государыни да родна матушка,
Ты честна вдова Офимья Олександровна:
«Ты эй рожóно мóе дитятко,
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты чтó съ пиру идешь не веселъ-де?
«Знать что мѣсто было ти не пó чину,
«Знать чарой на пиру тебя пріóбнесли,
«Аль дуракъ надъ тобою насмѣялся-де?»
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ты эй государыни да рóдна матушка,
— Ты честна вдова Офимья Олександровна!
— Мѣсто было мнѣ-ка по чину,
— Чарой нá пиру меня не óбнесли,
— Да дуракъ-то надо мной не насмѣялся вѣдь:
— А накинулъ службу да великую
— А тотъ солнышко Владиміръ стольне-кіевской,
— Что съѣздить далéче во чисто полё
— На тую́ гору́ да на высокую,
— Мнѣ сходить въ нору́ да во глубокую,
— Мнѣ достать-то кня́зеву племянницу
— Молоду Забаву дочь Потятичну. —
Говоритъ Добрыни родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна:
«Ложи́сь-ко спать да рано съ вечера,
«Но утро будетъ очень мудроё:
«Мудренѣе утро будетъ óно вечера».
Онъ ставалъ по утрышку ранешенько,
Умывается да онъ бѣлёшенько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Да йдетъ нá конюшню на стоялую,
А беретъ въ руки узду онъ да тесмяную,
А берётъ онъ дѣдушковá да вѣдь добра коня,
Онъ поилъ бурка питьёмъ медвяныимъ,

Онъ кормилъ пшоно́й да бѣлояровой,
Онъ сѣдлалъ бурка въ сѣдёлышко черкальское.
Онъ по́тнички да клалъ на потнички,
Онъ на потнички да кла́детъ войлочки,
Клалъ на войлочки черкальское сѣдёлышко,
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ.
Онъ тринадцатой-отъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы добрый конь-отъ съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чисто́мъ полѣ не вы́рутилъ.
Подпруги были́ шелковыи,
А спеньки́ у подпругъ всё булатніи.
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Тотъ да шолкъ не рвётся, да була́тъ не трётся,
Красно золото не ржавѣетъ.
Молодецъ-то на кони сидитъ, да самъ не старѣетъ.
Поѣзжалъ Добрыня сынъ Никитиничъ.
На прощенье ему матушку да плётку подала,
Са́ма говорила таково слово:
«Какъ будешь дале́че во чистомъ поли,
«На тыя́ горы да на высокія,
«Пото́пчешь младыихъ змiёнышовъ,
«Повы́ручишь по́лоновъ да русьскiихъ,
«Какъ тыи-то младыи змiёныши
«Подточатъ у бурка какъ оны щоточки,
«Что не можетъ больше бурушко поскакивать,
«А змiёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать, —
«Ты возьми-ко эту плёточку шелковую,
«А ты бей бурка да промежу́ ноги,
«Промежу́ ноги́, да промежу́ уши,
«Промежу ноги да ме́жу задніи.
«Станетъ твой бурушко поскакивать,
«А змiёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,
«Ты притопчешь всихъ да до единаго».
Какъ будетъ оно далече во чистомъ поли,

На тыя горы да на высокіи,
Потопталъ онъ младыихъ зміёнышовъ.
Какъ тыи-ли младыи зміёныши
Подточили у бурка какъ оны щоточки,
Что не можетъ больше бурушко поскакивать,
Зміёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать, —
Тутъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ
Берётъ онъ плёточку шелковую,
Онъ бьётъ бурка́ да промежу уши,
Промежу уши, да промежу ноги,
Промежу ноги, да межу задніи.
Тутъ сталъ е́го бурушко поскакивать,
А зміёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ да до единаго.
Выходила какъ змѣя она проклятая
Изъ тыя́ норы да изъ глубокія,
Сама говоритъ да таково слово:
— Ахъ ты эй Добрынюшка Никитиничъ!
— Ты знать порушилъ свою заповѣдь.
— Зачѣмъ сто́пталъ младыихъ змѣёнышовъ,
— Почто выручалъ полоны да русьскіи? —
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Ахъ ты эй змѣя да ты проклятая!
«Чортъ ли́ тя нёсъ да черезъ Кіевъ градъ.
«Ты зачѣмъ взя́лă кня́зеву племянницу
«Молоду Забаву дочь Потятичну?
«Ты отдай же мнѣ-ка князеву племянницу
«Безъ бою, безъ драки кроволитія!»
Тогда змія она проклятая
Гово́рила-то Добрыни да Никитичу:
— Не отдамъ я тебѣ князевой племянницы
— Безъ бою, безъ драки кроволитія. —
Заводила о́на бой драку́ великую.
О́ны дра̀лись со змѣёю тутъ трои́ сутки,

Но не могъ Добрыня змѣи перебить.
Хочетъ тутъ Добрыня отъ змѣи отстать,
Какъ съ небесъ Добрыни ёму гласъ гласитъ:
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Дрался со змѣёю ты трои сутки,
«Подерись со змѣей е́ще три́ часу:
«Ты побьёшь змѣю да ю проклятую!»
Онъ подрался со змѣёю е́ще три часу,
Онъ побилъ змѣю да ю проклятую.
Тая змѣя́ она кровью́ пошла.
Стоялъ у змѣи́ онъ тутъ трои сутки,
А не могъ Добрыня кро́ви пе́реждать.
Хотѣлъ Добрыня отъ крови́ отстать,
Но съ небесъ Добрыни опять гласъ гласитъ:
«Ахъ ты ей Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Стоялъ у крови́ ты тутъ трои сутки,
«Постой у крови да еще трѝ часу,
«Бери своё копьё да бурзомецкое
«И бей копьёмъ да во сыру́ землю,
«Самъ копью да приговаривай:
«Розступись-ко матушка сыра́ земля,
«На четыре розступись да ты на четверти!
«Ты пожри-ко эту кровь да всю змѣиную!—»
Розступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змѣиную.
Тогда Добрыня во нору пошолъ,
Во тыя̀ въ норы̀ да во глубокіи.
Тамъ сидитъ соро́къ царей сорокъ царевичёвъ,
Сорокъ королей да королевичёвъ,
А простой-то силы той и смѣту нѣтъ.
Тогда Добрынюшка Никитиничъ
Говорилъ-то онъ царямъ да онъ царевичамъ
И тѣмъ королямъ да королевичамъ:
— Вы идите нынь туда, откель прине́сены,

— А ты молода Забава дочь Потятична,
— Для тебя я эдакъ тéперь странствовалъ,
— Ты поѣдемъ-ко кó граду́ ко Кіеву.
— А й ко ласковому князю ко Владиміру. —
Повёзъ молоду Забаву дочь Потятичну.
На тыя путь ши́рокой дороженки
Увидалъ онъ бродъ да лошадиныи,
По колѣнъ было у лошади да въ землю грязнуто.
Онъ догналъ Олешеньку Поповича,
Самъ говорилъ да таково слово:
— Ты эй Олéшенька Левонтьевичъ!
— Ты возьми-ко эту князеву племянницу,
— Молоду Забаву дочь Потятичну,
— Отвези-ко къ солнышку да ко Владиміру,
— Ко Владиміру да ты во цѣлости.
— Я поѣду этымъ бродомъ лошадинымъ. —
Онъ поѣхалъ этымъ бродомъ лошадинымъ,
Догналъ пóляницу да великую,
Онъ ударилъ своéй палицей булатнею
Тую поляницу въ буйну голову.
Поляница та назадъ да не оглянется,
А онъ Добрыня на кони да пріужахнется,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Вся сила у Добрыни есть по старому,
— Вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому. —
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ около трёхъ сажонъ.
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
Да росшибъ вѣдь сырой дубъ по ла́стиньямъ,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Вся сила у Добрыни есть по старому.
— А вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому. —
Догналъ пóляницу да великую,

Ударилъ своей палицей булатнею
Тую поляницу въ буйну голову.
Поляница та назадъ да не оглянется,
Онъ Добрыня на кони да прiужахнется,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Что смѣлость у Добрыни есть по старому,
— Вѣрно сила у Добрыни не по старому. —
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Прiѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу.
Толщиною дубъ да былъ шести сажонъ:
Онъ ударилъ своей палицей булатнею,
А росшибъ вѣдь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
— Вся сила у Добрыни есть по старому,
— Вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому. —
Онъ догналъ поляницу да вѣдь въ трéтiй разъ,
Онъ ударилъ сво́ей палицей булатнею
Тую поляницу въ буйну голову.
Поляница та назадъ да прiоглянется,
Сама говоритъ да таково слово:
«Я думала комарики поку́сываютъ?
«Ажно русьскiи могучiи бога́тыри пощалкиваютъ».
Ухватитъ-то Добрыню за желты кудри,
Положитъ-то Добрыню во глубокъ карманъ,
Во глубокъ карманъ Добрынюшку съ конёмъ цѣло,
А везла она Добрынюшку трои́ сутки.
Испровѣщится какъ ейной добрый конь
Ей но голосомъ да человическимъ:
— Молода Настасья дочь Никулична!
— Что конь у богатыря да сопротивъ меня,
— Сила у бога́тыря да сопротивъ тебя:
— Не могу везти я больше васъ съ бога́тыремъ! —
Говоритъ Настасья дочь Никулична:
«Ежели бога́тырь да онъ старыи,

«Я богáтырю да голову срублю.
«Ежели богатырь да онъ младыи,
«Я богáтыря да во полóнъ возьму.
«Ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
«Я теперь вѣдь за богатыря за мужъ пойду».
Вынимаетъ-то богатыря да изъ корманчика,
Тутъ ёй богатырь да понравился.
Говоритъ Настасья да Микулична:
«Ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Мы поѣдемъ съ тóбой кó граду ко Кіеву,
«Да ко ласкову ко князю ко Владиміру,
«Примемъ мы съ тобою по злату вѣнцу».
Тутъ пріѣхали коб (sic) граду ко Кіеву,
И ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Приняли они да по злату вѣнцу.
Тутъ по три дни было да пированьицо
Про молода Добрыню про Никитича,
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ:
А Синему морю да на тишину,
А вамъ добрыимъ-тымъ людямъ на послушаньё.

149.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША ПОПОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 25).

Добрынюшка тотъ матушкѣ говаривалъ,
Да Никитиничь-отъ матушкѣ наказывалъ:
«Ты свѣтъ государыня да родна матушка,
«Честнá вдова Офимья Олександровна!
«Ты зачѣмъ меня Добрынюшку несчастнаго спорóдила?
«Породила государыни бы родна матушка
«Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камешкомъ,
«Завернула государыни да родна мáтушка

«Въ тонкольняный было бѣлый во рукавцичекъ,
«Да вздынула государыни да родна матушка
«Ты на вы́соку на гору Соро́чинскую
«И спустила государыня да родна матушка
«Меня въ Черное бы море, во турецкое, —
«Я бы вѣкъ бы тамъ Добрыня во мори́ лежалъ,
«Я отнынѣ бы лежалъ да я бы до́ вѣку,
«Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту́ полю,
«Я не у́бивалъ Добрыня непови́нныхъ душъ,
«Не пролилъ бы крови я напрасная,
«Не слезилъ Добрыня отцей матерей,
«Не вдовилъ бы я Добрынюшка молодыхъ жонъ,
«Не спущалъ бы сиротать да малыхъ дѣтушекъ».
Отвѣтъ держитъ государыни да родна ма́тушка,
Та честна вдова Офимья Олександровна:
— Я бы рада бы тя дитятко споро́дити:
— Я талантомъ-у́частью въ Илью Муромца,
— Я бы силой въ Святогора да богатыря,
— Я бы смѣлостью во смѣлаго Алешу во Поповича,
— Я походкою тебя щапливою
— Во того Чурилу во Пленко́вица,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрыню во Никитича,
— Столько тыи ста́тьи есть, а другихъ Бо́гъ не далъ,
— Другихъ Богъ статей не далъ, да не пожаловалъ. —
Скоро-на́-скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
Садился онъ скоро на добра́ коня,
Какъ онъ потнички клалъ да на потнички,
А на потнички клалъ войлочки,
Клалъ на войлочки черкальское сѣдёлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Онъ тринадцатой-отъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы добрый конь-отъ съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ полѣ̀ не вы́рушилъ.
Подпруги были̂ шелковыи,

А спенькѝ у́ подпругъ все булатніи,
Пряжи у сѣдла да красна золота.
Тотъ да шелкъ не рвется, да булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ.
Молодецъ-то на кони сидитъ, да самъ не старѣетъ.
Провожала-то Добрыню родна ма́тушка.
Простиласи и воротиласи,
Домой пошла, сама заплакала.
А у тыя было у стремины у правыя,
Провожала-то Добрыню любима́ семья,
Молода Настасья дочь Викулична
(Она была взята изъ земли Политовскія),
Сама говоритъ да таково слово:
«Ты душка́ Добрынюшка Микитиничъ!
«Ты когда, Добрынюшка, домо́й будешь?
«Когда со́жидать Добрыню изъ чиста́ поля?»
Отвѣтъ держитъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Когда меня ты стала спрашивать,
— Такъ теперича тебѣ я стану сказывать:
— Сожидай меня Добрынюшку по три́ года.
— Если въ три года не буду, жди по дру́го три,
— А какъ сполнится то время шесть годовъ,
— Какъ не буду я Добрыня изъ чиста́ поля,
— Поминай меня Добрынюшку убитаго.
— А тебѣ-ка-ва Настасья воля вольная:
— Хоть вдовой живи, да хоть заму́жъ поди,
— Хоть ты за́ князя поди хоть за боярина,
— А хоть за русьскаго могучаго бога́тыря,
— Столько не́ ходи за мо́его за брата за названаго
— Ты за смѣлаго Алешу за Поповица. —
Его государыня-то родна матушка,
Она у́чала какъ по полати-то похаживать,
Она учала какъ голосомъ поваживать,
И сама говоритъ да таково слово:

«Единоё-жъ было́ да солнце красное,
«Нонь тепере за темны лѣса да закатилоси,
«Стольки оставлялся младъ свѣтёлъ мѣсяцъ.
«Какъ единое-жъ было́ да чадо милое
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Онъ во да́лечи, дале́чи, во чистомъ поли,
«Судитъ-ли Богъ на вѣку хоть разъ видать?»
Еще стольки оставлялась любима́ семья,
Молода Настасья дочь Никулична,
На роздѣй тоски великоя кручинушки.
Стали со́жидать Добрыню изъ чиста поля по три́ годы,
А й по три́ годы, еще и по́ три дни,
Сполнилось времени цѣло три́ годы,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста́ поля.
Стали со́жидать Добрыню по друго́е три,
Тутъ какъ день за днёмъ да будьто дожь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростетъ,
Годъ тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени и другое три,
Да какъ сполнилось времени да цѣло шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Какъ во тую пору, да во то время,
Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ имъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитица,
Онъ убитъ лежитъ да на чистомъ поли:
Буйна голова да испроломана,
Могучи плеча да испрострѣляны,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
Какъ тогда-то государыня да родна матушка
Слезила-то свои да очи ясныи,
Скорбила-то свое да лицо бѣлое
По своёмъ рожоноёмъ по дитятки,
А по молодомъ Добрыни по Никитичи.

Тутъ сталъ солнышко Владимiръ-то похаживать,
Да Настасьи то Викуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:
— Что какъ тебѣ жить да молодóй вдовой,
— А й молóдый вѣкъ да свой корóтати,
— Ты поди замýжъ хоть зá князя хоть за боярина,
— Хоть за русьскаго могучаго богáтыря,
— Хоть за смѣлаго Алешу за Поповича. —
Говоритъ Настасья дочь Микулична:
«Ахъ ты солнышко Владимiръ стольне-кiевской!
«Я исполнила заповѣдь ту мужнюю!
«Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
«Я исполню заповѣдь да свою женскую:
«Я прожду Добрынюшку другó шесть лѣтъ.
«Какъ сполнится времени двѣнадцать лѣтъ,
«Да успѣю и въ тѣ поры́ замужъ пойти».
Опять день за днёмъ да будто дожь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ тотъ за годомъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А прошло тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Тутъ сталъ солнышко Владимiръ тутъ похаживать,
Онъ Настасьи той Викуличной посвáтывать,
Посватывать да подговаривать:
— Ты эй молода Настасья дочь Микулична!
— Какъ тебѣ жить да молодóй вдовой,
— А молóдой вѣкъ да свой корóтати.
— Ты поди замýжъ хоть зá князя, хоть за боярина,
— Хоть за русьскаго могучаго богáтыря,
— Хоть за смѣлаго Алешу за Поповица. —
Не пошла замýжъ не за князя, не за боярина,
Не за русьскаго могучаго богáтыря,
А пошла замýжъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третiй день,

А седодни имъ ити да ко божье́й церквы,
Принимать съ Олешей по злату́ вѣнцу.
Въ тую-ль было пору, а въ то́ время,
А Добрыня-то случился у Царяграда,
У Добрыни конь да подтыкается.
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Ахъ ты волчья сыть, да ты медвѣжья шерсть!
«Ты чево седодня подтыкаешься?»
Испровѣщится какъ ему добрый конь,
Ему голосо́мъ да человѣческимъ:
— Ахъ ты эй хозяинъ мой любимыя!
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— А твоя Настасья королевична
— Королевична она замужъ пошла
— За смѣлаго Олешу за Поповича.
— Какъ пиръ идётъ у нихъ по третій день,
— Седодня имъ итти да ко Божьёй церкви,
— Принимать съ Олешей по злату вѣнцу. —
Тутъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Онъ бьётъ бурка да промежу уши,
Промежу уши да промежу ноги,
Что сталъ его бурушка поскакивать,
Съ горы на горы да съ хо́лма на холму,
Онъ рѣки и озёры перескакивалъ,
Гдѣ широкіи роздолья—межу ногъ пущалъ.
Буде во́ градѣ во Кіевѣ.
Какъ не ясный соколъ въ перелётъ летѣлъ,
Добрый молодецъ да въ перего́нъ гони́тъ,
Не воротми ѣхалъ онъ черезъ стѣну,
Черезъ тую стѣну городо́вую,
Мимо тую башню науго́льную,
Ко тому придворью ко вдови́ному;
Онъ на дворъ заѣхалъ безобсы́лочно,
А въ палаты идетъ да бездокла́дочно,

Онъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ;
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ,
Смѣло прóходилъ въ пóлаты во вдовиныи,
Крестъ кладетъ да по писаному,
Онъ поклонъ ведетъ да по ученому,
На всѣ три, четыре да на стороны,
А честной вдовѣ Офимьѣ Олександровнѣ да въ особину:
«Здравствуешь честнá вдова Офимья Олександровна!»
Какъ вслѣдъ идутъ придверники да приворотники,
Вслѣдъ идутъ, всѣ жалобу́ творятъ,
Самы говорятъ да таково слово:
— Ахъ ты эй Офимья Олександровна!
— Какъ этотъ-то удáлый добрый мóлодецъ
— Онъ наѣхалъ съ поля да скоры́мъ гонцомъ,
— На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
— Въ полаты-то идетъ да бездокладочно,
— Насъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
— Да всѣхъ взáшей прочь отталкивалъ,
— Смѣло прóходилъ въ полаты во вдовиныи. —
Говоритъ Офимья Олександровна:
«Ты эй удáлой добрый мóлодецъ!
«Ты зачѣмъ же ѣхалъ на сиротскій дворъ да безобсылочно,
«А въ полаты ты идешь да бездокладочно,
«Ты не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
«У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
«Всѣхъ ты взашей прочь отталкивалъ?
«Кабы было живо мóе чадо милое,
«Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
«Отрубилъ бы онъ тебѣ-ка буйну голову
«За твои поступки неумильніи».
Говорилъ удáлый добрый молодецъ:
— Я вчерась зъ Добрыней поразъѣхался,

— А Добрыня поѣхалъ ко Царю̀-граду,
— Я поѣхалъ да ко Кіеву. —
Говоритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«Во тую-ли было пору во перво шесть лѣтъ,
«Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поли,
«Привозилъ намъ вѣсточку нерадостну:
«Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича
«Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ поли:
«Буйна голова его испроломана,
«Могучи плеча да испрострѣляны,
«Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
«Я жалешенько тогда вѣдь по́ немъ плакала,
«Я слезила-то свои да очи ясныя,
«Я скорбила-то своё да лицо бѣлое
«По своёмъ рожоноёмъ по дитятки.
«Я по молодомъ Добрыни по Никитичи»
Говорилъ удалый добрый молодецъ:
— Что наказывалъ мнѣ братецъ-отъ названыя,
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
— Спросить про него про любиму семью,
— А про мо́лоду Настасью про Микуличну. —
Говоритъ Офимья Олександровна:
«А Добрынина любима семья замужъ пошла
«За смѣлаго Олешу за Поповица.
«Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
«А сегодня имъ ити да ко Божьей церквы,
«Принимать съ Олешой по злату вѣнцу».
Говорилъ удалой добрый мо́лодецъ:
— А наказывалъ мнѣ братецъ-отъ названыя,
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничь:
— Если слу́читъ Богъ быть на́ пору тебѣ во Кіевѣ,
— То возьми моё платье скомороское,
— Да возьми мои гуселошка яро́вчаты
— Въ новой горенькѣ да все на стопочкѣ. —

Какъ бѣжала тутъ Офимья Олександровна,
Подавала ему платье скомороское,
Да гуселошка ему яровчаты.
Накрутился молодецъ какъ скоморошиной,
Да пошолъ онъ нá хорошъ почестный пиръ,
Идетъ какъ онъ да на княженецкій дворъ,
Не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Да всѣхъ взашей прочь отталкивалъ,
Смѣло прóходилъ во полаты княженéцкія;
Тутъ онъ крестъ кладётъ да по писáному,
А поклонъ ведетъ да по учéному,
На всѣ три четыре да на стороны,
Солнышку Владиміру да въ собину.
— Здравствуй солнышко Владиміръ стольный Кіевскій
— Съ молодой княгиной со Опраксіей! —
Вслѣдъ идуть придверники да приворотники,
Вслѣдъ идуть, всѣ жалобу творятъ,
Сами говорятъ да таково слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
«Какъ этая удалá скоморошина
«Наѣхалъ изъ чистá поля скоры́мъ гонцомъ,
«А теперичу идётъ да скоморошиной,
«Насъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ
«У дверей онъ насъ не спрашивалъ придверниковъ,
«Да всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ,
«Смѣло прóходилъ въ полаты княженецкіе».
Говорилъ Владиміръ стольный Кіевской:
— Ахъ ты эй удала скоморошина!
— Зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ да безобсылочно,
— А й въ палаты идешь бездокладочно,
— Ты не спрашивашь у воротъ да приворотниковъ,
— У дверей не спрашивашь придверниковъ,
— А всѣхъ ты взашей прочь отталкивалъ? —

Скоморошина въ рѣчамъ да не вчуеться,
Скоморошина къ рѣчамъ не примется,
Говоритъ удала скоморошина:
«Солнышко Владиміръ стольный кіевскій!
«Скажи гдѣ есть наше мѣсто скомороское!»
Го́воритъ Владиміръ стольне-кіевской:
— Что ваше мѣсто скомороское
— А на той на печкѣ на муравленой,
— На муравленой на печкѣ да на за́печкѣ. —
Онъ скочилъ скоро́ на мѣсто на показано,
На тую на печку на муравлену.
Онъ натягивалъ тетивочки шелковыя,
Тыи струночки да золочёныя,
Онъ у́чалъ по стрункамъ похаживать,
Да онъ у́чалъ голосомъ пова́живать.
Играетъ-то онъ вѣдь во Кіе́ви,
А на вы́игрышъ беретъ во Цари́гради.
Онъ повы́игралъ во́о гради во Кіе́ви,
Онъ во Кѣ́еви да всѣхъ пои́менно,
Онъ отъ стараго да всѣхъ до малаго.
Тутъ всѣ на пиру́ игры заслухались,
И всѣ на пиру призамо́лкнулись,
Самы́ говорятъ да́ таково́ слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
«Не быть это уда́лой скоморо́шины.
«А какому ни́ быть надо русьскому
«Быть уда́лому да добру молодцу».
Говоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
— Ахъ ты эй уда́ла скоморошина!
— За твою игру́ да за веселую,
— Опущайся-ко изъ печки изъ-за́печка,
— А садись-ко съ нами да за дубовъ столъ,
— А за дубовъ столъ да хлѣба кушати.
— Теперь дамъ я ти три мѣста три люби́мыихъ:

— Перво мѣсто сядь подли́ мене,
— Друго мѣсто сопротивъ мене,
— Третье мѣсто куды самъ захошь,
— Куды самъ захошь, эще пожа́лусть. —
Опущалась скоморошина изъ печки изъ муравленой,
Да не сѣла скоморо́шина подлѣ́ князя́,
Да не сѣла скоморошина да сопроти́въ князя,
А садилась въ скаме́ечку
Сопротивъ княгины-то обручныя,
Противъ мо́лодой Настасьи да Никуличны,
Говоритъ удала скомо́рошина:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Бласлови-ко на́лить чару зелена́ вина,
«Поднести-то эту чару кому я́ знаю,
«Кому я́ знаю, эще пожа́лую».
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
— Ай ты эй удала скоморошина!
— Бы́ла дана ти пово́лька да великая,
— Что захочешь, такъ ты то́ дѣлай
— Что ты здумаешь, да эще й то́ твори. —
Какъ тая удала скоморошина
Наливала чару зелена вина,
Да опуститъ въ чару свой злаче́нъ персте́нь,
Да подно́ситъ-то княгины порученыя,
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ты эй молода Настасья дочь Микулична!
«Прими-ко сію чару еди́ной рукой,
«Да ты выпей-ко всю чару еди́нымъ духомъ.
«Какъ ты пьешь до дна, такъ ты вѣдашь добра,
«А не пьешь до дна, такъ не видишь добра».
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила всю чару единымъ духомъ,
Да обсмотритъ въ чары свой злаченъ перстень,
А которымъ съ Добрыней обручалаcи,

Сама говоритъ таково слово:
— Вы эй же вы кня́зи, да вы бояра
— Вы всѣ же князи вы и дво́ряна!
— Вѣдь не тотъ мой мужъ, да кой подли́ мене,
— А тотъ мой мужъ, кой сопроти́въ мене:
— Сидитъ мой мужъ да на скамеечкѣ,
— Онъ подноситъ мнѣ-ко чару зелена́ вина. —
Сама выскочитъ изъ стола да изъ-за ду́бова,
Да й упала Добрыни во рѣзвы́ ноги,
Сама говоритъ да таково слово:
— Ты эй молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Ты прости, прости, Добрынюшка Никитиничь
— Что не по́ твоему наказу да я сдѣлала,
— Я за смѣлаго Олёшенку за му́жъ пошла.
— У насъ волосъ дологъ да умъ коротокъ,
— Насъ куда ведутъ, да мы туда идёмъ,
— Насъ куда везутъ, да мы туда ѣдемъ. —
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничь:
«Не дивую разуму я женскому:
«Мужъ-отъ въ лѣсъ, жена и замужъ пойдетъ,
«У нихъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
«А дивую я солнышку Владиміру
«Со своёй княгиней со Опраксіей,
«Что солнышко Владиміръ тотъ сватомъ былъ.
«А княгиня-то Опраксія да была свахою,
«Они у́ жива мужа жо́ну да просватали».
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло,
Онъ повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны́ очи во сыру́ землю.
Говоритъ Олешенько Левонтьевичъ:
— Ты прости, прости, братецъ мои названыя,
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничь!
— Ты въ той винѣ прости меня во глу́пости,
— Что я по́сидѣлъ подли́ твоей любимо́й семьи,

— Подли мо́лодой Настасіи да Викуличной. —
Говорилъ Добрыня сынъ Микитиничь:
«А въ той вины братецъ тебя Богъ проститъ,
«Что ты по́сидѣлъ подли́ моёй да любимо́й семьи,
«Подли молодой Настасіи Микуличны!
«А въ дру́гой вины братецъ тебя не́ прощу.
«Когда пріѣзжалъ изъ чиста́ поля во перво́ шесть лѣтъ,
«Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
«Что нѣтъ жива Добрынюшки Микитича:
«Убитъ лежитъ да на чистомъ полѣ.
«А тогда-то государыня да моя родна́ матушка
«А жалешенько она да по мнѣ плакала,
«Слезила-то она свои да очи ясныя,
«А скорбила-то своё да лицо бѣлое, —
«Такъ во этой вины братецъ тебя не́ прощу».
Какъ ухватитъ онъ Олешу за желты́ кудри,
Да онъ выдернетъ Олешу черезъ дубовъ столъ,
Какъ онъ броситъ Олешу о кирпи́ченъ мостъ,
Да повыдернетъ шалыгу подорожную,
Да онъ у́чалъ шалыгищемъ охаживать,
Что въ хлопаньѣ-то оханья не слы́шно вѣдь,
Да тольки-то Олешенка и женатъ бывалъ,
Ну стольки-то Олешенка съ женой сыпалъ.
Всякъ-то братцы на́ вѣку видь женится,
И всякому женитьба удавается,
А не дай Богъ женитьбы той Олешиной.
Тутъ онъ взялъ свою да любиму́ семью,
Молоду Настасью да Микуличну,
И пошолъ къ государыни да и родной матушкѣ,
Да онъ здыялъ доброе здоровьице.
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину́ скажуть,
А синему морю на ти́шину,
А вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Петрозаводскѣ, 20 іюня.

150.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 16).

Во стольномъ было во городѣ Кіеви,
Да у ласкова у князя у Владиміра,
Какъ было пированье почестный пиръ
Да на многіихъ тыхъ князей, бояръ,
Да на всѣхъ тыхъ гóстей званыихъ браныихъ,
Званыихъ браныихъ, гóстей приходящіихъ.
Всѣ-то нá пиру да наѣдалися,
Всѣ-то на чёстномъ да напивалися,
Всѣ-то на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится есть мóлодецъ добры́мъ конемъ,
Иный хвастаетъ да шелковымъ портомъ
Иный хвалится есть села и со приселкамы,
Иный хвалитъ города и съ пригородками,
Умный хвастаетъ да рóдной матушкой,
А безумный хвалится да молодой женой.
Изъ-за того было стола да изъ-за ду́бова
А не зóлота звонкá труба да вытрубила,
Испроговорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай вы, эй вы, князи бояра!
«Какъ нечѣмъ мнѣ Владиміру похвастати:
«Нѣту у меня да золотóй казны.
«Ты первый русьскій слáвный богáтырь,
«Старый казакъ Илья Муромечь!
«Съѣзди-ка ты да въ Золоту орду,
«Повыправь-ка мнѣ дани вы́ходы
«За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«А ты дру́гой русьскій слáвный богáтырь,
«Молодой Добрыня сынъ Микитиничь!

«Съѣзди-ка ты да во Турецію,
«Повыправь-ка тамъ дани выходы,
«За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ.
«Третій русьскій славный богатырь,
«Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣзди-ко ты да во Швецію
«Ай повыправь-ко тамъ дани выходы
«За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ».
Согласились три русьскихъ три могучихъ три богатыря,
Пріѣха́ли ко кресту къ Леванидову,
Тутъ они крестами да побратались.
Который же изъ нихъ былъ старшій братъ?
Старый казакъ Илья Муромецъ былъ старшій братъ,
Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ былъ средній братъ,
А Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ ме́ньшій братъ.
Который-то пораньше повы́ѣдетъ,
А ко другому-то ѣхать да й на выруху.
Старый-то казакъ Илья Муромецъ
Отправился да въ Золоту орду,
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ во Швецію.
Какъ тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Взыскалъ-то свои дани выходы,
Привозилъ ко солнышку да ко Владиміру.
Получаетъ онъ свои да дани выходы
За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ,
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской;
«Знай Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пишетъ мнѣ де Бухарь царь заморскія:
«Проситъ онъ съ меня да́ни выходы
«За двѣнадцать годъ за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиной».
Говорилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Напиши-ко ты скорописчатые ёрлыки,

— Што отпущены у тебя дани выходы
— За Михайломъ Потыкомъ сыномъ Ивановымъ,
— А я поѣду да безъ выходовъ. —
Поѣхалъ ко Бухарю царю заморскому:
«Ты здравствуешь Бухарь да царь заморскія!
«Я привезъ тебѣ да дани выходы,
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Говорилъ Бухарь-то царь заморскія:
— Гдѣ же у тебя да дани выходы? —
«Дани выходы остались во чистомъ полѣ.
«Я везу монетою все мѣдною,
«Какъ тележочки да пріосыпались,
«Тамъ остались мужики да вѣдь починивать».

Говорилъ Бухарь-то царь заморскія:
— У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются,
— Со той съ великія со радости,
— Какъ получатъ-то у васъ да дани выходы?—
Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
«Что у насъ въ Россіи забавляются:
«А й играютъ въ карты биліарты,
«Да играютъ въ шашечки кленовыя,
«На тыйхъ дощечкахъ на дубовыихъ».
Оны ста́ли и́грать во шашечки кленовыя,
Какъ наставили дощечку они первую,
Тотъ Бухарь да царь заморскія
Положилъ онъ на дощечку дани выходы,
А Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку онъ добра коня.
Проигралъ Михаило Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Проигралъ своего онъ добра коня
Онъ Бухарю то ему царю заморскому.
Какъ наставили дощечку они другую,

Тотъ Бухарь то царь заморскія
Положилъ на̀ дощечку дани выходы,
Да положилъ Михайлина добра коня,
А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на̀ дощечку буйну голову.
Сыграли то дощечку они другую,
Тутъ повыигралъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Со Бухаря со царя да й дани выходы.
Наставили дощечку они третью.
Тотъ Бухарь то царь заморскія
Положилъ на дощечку онъ полцарства пол-имѣйство де,
А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку дани выходы.
Сыграли какъ дощечку они третью,
Тутъ повыигралъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
И онъ полцарства-то повыигралъ, да пол-имѣйство де,
Со Бухаря со царя да й со заморскаго.
Какъ о тую было пору да о то время,
А й дубовая то дверь да отпирается.
Приходилъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ,
А самъ говорилъ да таково слово:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты сидишь-играешь-забавляешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь!
— А твоя жъ вѣдь Марья лебедь бѣлая,
— Ай подоленка да королевична,
— Уѣхала во землю Политовскую
— Со тоимъ ќоролемъ со политовскіимъ. —
Разсердился тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ.
Схватитъ онъ дощечку да дубовую,
Да отброситъ въ дверь да во кленовую,
Да повылетитъ вонъ двери съ ободвереньемъ.
Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ты эй же братецъ мой крестовой

«Старый казакъ да Илья Муромецъ!
«Получай-ко со Бухаря со царя да со заморскаго
«А полцарства ты, да пол-имѣйство де.
«Я поѣду нонь во землю Политовскую,
«Я искать своей да Марьи лебедь бѣлоей,
«Я подоленки да королевичной».
Пріѣзжаетъ онъ во землю Политовскую.
Заѣхалъ онъ на королевской дворъ,
Закричалъ голосомъ да богатырскіимъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
А та подоленка да ї королевична
Наливала чару питья забуду́щаго,
Выбѣгала на крылечко на переное,
Увидала тутъ Михайлу Потыка сына Ивановича,
Да й сама говоритъ да таково слово:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— У насъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ.
— Насъ куда ведутъ, а мы туда идемъ,
— Насъ куда везутъ, а мы туда ѣдемъ.
— Ты прими-ка сію чару единой рукой,
— Да ты выпей сію чару единымъ духомъ,
— Да поѣдемъ мы ко граду ко Кіеву,
— Да й ко ласкову ко князю ко Владиміру. —
Онъ Михайло до вина да былъ упачливой.
Какъ онъ принялъ чару единой рукой,
Да онъ выпилъ вѣдь всю чару единымъ духомъ,
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.

А тая жъ вѣдь Марья лебедь бѣлая,
А й подоленка да королевична,
Броситъ то Михайла да черезъ плече,
Вела Михайлу во чисто поле,
А сама къ Михайлѣ приговаривала:
— Гдѣ̀ былъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,

— Тутъ стань бѣленькій горючій да нынѣ камешекъ. —
И тутъ Михайло да окаменѣлъ.

Съ тыя поры да съ того времени,
Сожалѣли его братьицы крестовыи,
Накрутилися они каликама,
Да й пошли они во землю Политовскую.
На той нá пути да на дороженьки
А й сустигли тутъ старчище полигримище.
Говорилъ старчище полигримище:
«Ахъ вы русски могучи богатыри!
«Пригласите вы старчища полигримища
«А итти-то намъ во землю въ Политовскую».
Пригласили тутъ старчища а полигримища,
Да й пошли они во землю въ Политовскую.
Да й приходятъ то во землю Политовскую,
Къ тому кóролю да политовскому.
Пришли они къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
Подъ тоё косивчато окошечко,
Попросили то они да тутъ милостыню.
Какъ тутъ платá да пришаталиси,
А околенки да пріосыпались.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да й королевична,
И сама говоритъ да таково слово:
— Ты й король земли да Политовскія!
— Это есть то не калики перехожіи,
— А есть русскіи могучіи богатыри!
— Ты зови каликъ въ палаты бѣлокаменныя,
— Да корми каликъ ты тѐперь досыта,
— Да напой каликъ ты тѐперь допьяна. —
Садили каликъ за столы да за дубовыи,
Онъ кормилъ каликъ да вѣдь тутъ досыта,
Онъ поилъ каликъ да вѣдь тутъ допьяна,

Онъ дарилъ каликъ да вѣдь тéперь долюби,
Много онъ дарилъ да злата-серебра.
Пошли какъ тутъ калики перехожіе
Отъ того отъ кóроля да политовскаго,
Пришли они къ бѣлому горючему ко камешку.
Говорилъ старчище полигримище:
«Станемте ко братцы животы дѣлить».
Говорятъ тутъ русскіи могучіи богáтыри:
— А дѣли-ко ты старчище полигримище! —
Онъ сталъ дѣлить стáрчище полигримище,
Дѣлитъ онъ на четыре да на четверти.
Говорилъ тутъ старикъ казакъ да Илья Муромецъ:
«Ахъ ты эй старчище полигримище!
«Ты что дѣлишь на четыре да на четверти?»
А говорилъ старчище полигримище:
— А тому изъ насъ братцы да четверта часть,
— Кто броситъ этотъ камешокъ черезъ плечо! —
Принялся молодой Добрыня сынъ Микитиничь
Ко эвтому горючему ко камешку,
Да здынулъ онъ камень по колѣни себя, —
По колѣнушка Добрынюшка во землю угрязъ.
Прискочилъ какъ старыи казакъ да Илья Муромецъ,
А здынулъ онъ камень по грудямъ себѣ,
По грудямъ Илья да онъ въ землю угрязъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
«А здымай-ко ты старчище полигримище!»
Какъ тотъ старчище полигримище
Прискочилъ къ горючему ко камешку,
Хватилъ этотъ камень да конéцъ рукмы,
Броситъ камень этотъ да черезъ плечо,
Самъ ко каменю да приговаривалъ:
— Гдѣ былъ бѣленькій горючій да тотъ камешокъ,
— Тутъ повыскочи Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ! —

Тутъ повыскочилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
«Фу, фу, фу, братцы! я коль долго спалъ!»
Говоритъ калика перехожая:
— Если бы не я, такъ ты и вѣкъ бы спалъ!—
Говорили ему да братьица крестовыи:
«Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пойдемъ съ нами коб граду ко Кіеву,
«Ко ласкову князю ко Владиміру!»
Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Я пойду къ кóролю да къ политовскому,
— За тоей за Марьей лебедь бѣлоей,
— За подóленкой королевичной. —
Простился онъ съ братьями крестовыми,
Да й приходитъ онъ въ землю да Политовскую,
Ко тому къ кóролю къ политовскому.
А й заходилъ онъ какъ на широкой дворъ,
Закричалъ онъ голосомъ да богатырскіимъ.
Услыхала то да Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да й королевична.
Наливала чару питья забудýщаго,
Выбѣгаетъ на крыльцо на переное,
Сама говорила да таково слово:
«Прими сію чару единой рукой,
«Да ты выпей чару единымъ духомъ,
«Да поѣдемъ мы коб граду ко Кіеву,
«И ко ласкову да князю ко Владиміру».
Онъ Михайло до вина то былъ упачливой:
Принялъ чару единой рукой,
Да и выпилъ чару единымъ духомъ.
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
А тая же Марья лебедь бѣлая,
Да схватила то Михайла за желты кудри,
Да стащила въ глубóкъ погребъ.

Прибила Михайлу она нá стѣну,
Прибила ему руки-ноги гвоздями,
Не хватило то гвозда ему сердечнаго.
Побѣжала она въ торгъ на ярмонку
Покупать гвоздá ему сердечнаго.
А во тую пору да въ то время,
Та Настасья королевична
Пошла смотрить руськаго могучаго богатыря.
Тутъ богатырь ёй да и понравился.
А тянула она гвозди съ него нёктями,
И прибила то татарина тутъ мёртваго,
Мёртваго да й мёрзлаго.
Сама говорила да такого слово:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты дай мнѣ заповѣдь великую,
— Что отрубить-то Марьѣ буйну голову,
— Меня взять замужъ Настасью королевичну.—
Онъ далъ ей заповѣдь великую.
Тая жъ Настасья королевична
Завернула его въ шубу соболиную,
Провела она въ покои во особые.
Какъ заростилъ эти раночки кровавои,
Тогда молода Настасья королевична
Говорила королю то политовскому:
— Ты эй государь мой родной батюшко!
— Обсѣдлай-ко мнѣ коня да богатырскаго
— Мнѣ-ка ѣхать во чисто поле поляковать. —
И отпустила она русскаго могучаго богатыря
Во тое во чисто поле поляковать.
Пріѣзжаетъ какъ богатырь изъ чиста поля,
Заѣзжаетъ онъ на королевской дворъ,
Закричалъ онъ голосомъ да богатырскіимъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична,

Наливала чару питья забуду́щаго.
Выбѣгаетъ на крылечко на переное,
Да подноситъ то Михайлѣ Потыку сыну Иванову:
«Ты эй Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прими-ко чару единой рукой,
«Да й выпей сію чару единымъ духомъ,
«Да поѣдемъ мы ко́б граду ко Кіеву
«Ко ласкову князю ко Владиміру».
Мыхайло до вина да былъ упачливой:
Какъ онъ принялъ чару единой рукой,
Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ,
Увидала Настасья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична:
— Ты эй Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— А ты знать нарушилъ свою заповѣдь! —
Спомнилъ-то Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Да смахнулъ своей да саблей востроей,
И отнесъ онъ Марьѣ буйну голову,
Той подоленкѣ да королевичнѣ.
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Взялъ младу Настасью королевичну,
Да й поѣхали ко́б граду ко Кіеву,
И ко ласковому князю ко Владиміру.
Тутъ по три дни было пированьице
Про Михайлу Потыка сына Ивановича,
Что отрубилъ онъ Марьѣ буйну голову,
А онъ взялъ заму́жъ Настасью королевичну.
Тутъ вѣкъ по Михайлу старину поють
Синему-то морю да на ти́шину,
А вамъ добрымъ-то людямъ на послушаньё.

Записано въ Петрозаводскѣ, 29 іюня.

151.

СТАВЕРЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 20).

Во стольномъ было городѣ во Кіеви,
Да у ласкова было князя́ Владиміра,
Было пированьицо почестной пиръ
А на многихъ кня́зей да на бо́яровъ,
Да на всѣхъ тыхъ го́стей званыхъ браныихъ,
Званыхъ браныхъ, го́стей приходящіихъ.
Вси-то на пиру да наѣдалися,
Вси-то на честно̀мъ да напивалися,
Вси на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится есть мо́лодецъ добры́мъ конёмъ,
Иный хвастаетъ да шелковы́мъ портомъ,
Иный хвалитъ села со приселками.
Иный хвалитъ города да съ пригородками.
Богатый хвастатъ золотой казной,
Умный хвастатъ ро́дной матушкой,
А безумный хвалится да молодой женой.
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты эй, Ставеръ да сынъ Годиновичъ:
«Пріѣхалъ ты изъ зе́мли Ляховицкія,
«Ты самъ сидишь, да ты не хвастаешь.
«Аль нѣту у тебя да золотой казны?
«Аль нѣту у тебя да добрыхъ ко́меней?
«Аль нѣту сёлъ со приселками?
«Аль нѣту городовъ да съ пригородками?
«Аль не славна твоя да ро́дна матушка?
«Аль не хо́роша твоя да молода жена?»
Говоритъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— Хоть есть у меня да золотой казны,
— Золота казна у мо́лодца не то́щится,
— И то мнѣ мо́лодцу не по́хвальба;

— Хоть есть у меня да добрыхъ комоней,
— Добры комони стоятъ да все не ѣздятся,
— И то мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Хоть есть города и съ пригородками,
— И то мнѣ мóлодцу не пóхвальба;
— Хоть есть и селóвъ да со приселками,
— И то мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Да хоть славна-та моя рóдна матушка,
— Такъ и то мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Хоть и хóроша моя да молода жена,
— Такъ и то мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Васъ князей бояръ она повыманитъ,
— Тебя солнышко Владиміра съ ума сведетъ. —
Тутъ всѣ на пиру и призамолкнули.
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Мы засадимъ-ко Ставра во пóгреба глубокіи,
«Да пущай Ставрова молода жена
«А Ставра она изъ погреба повыручитъ,
«Васъ князей бояръ да всѣхъ повыманитъ
«А меня Владиміра съ ума сведетъ».
Посадилъ Ставра во пóгреба глубокіи.
А былъ у Ставра тутъ свóй чёлóвѣкъ,
Онъ садился на Ставрова на добра коня,
Уѣзжалъ во землю́ Ляховицкую
Къ молодой Василисты ко Никуличной:
«Ахъ ты эй Василиста дочь Никулична!
«Ты сидишь да пьешь да забавляешься
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
«Какъ твой молодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ
«Какъ посаженъ онъ во пóгреба глубокіи,
«Что похвасталъ онъ тобой да молодой женой,
«Что князей бояръ ты всѣхъ повыманишь,
«Его солнышка Владиміра съ ума сведешь».
Говоритъ Василиста дочь Никулична:

— Мнѣ-ка деньгами выкупать Ставра — не выкупить,
— Если силой выручать Ставра — не выручить,
— Я могу ли, нѣтъ, Ставра повыручить
— А своёй догадочкою женскою. —
Скорешенько бѣжала она къ фершеламъ,
Подрубила волосы по молодецкіи,
Накрутиласи Василіемъ Никуличемъ,
Брала дружинушки хоробрыя,
Сорокъ молодцёвъ удалыхъ стрѣльцёвъ
И сорокъ молодцёвъ удалыхъ борцёвъ,
Поѣхала ко-б граду ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владиміру,
Не доѣдучи до-б града до Кіева
Пораздёрнула она хо́рошъ бѣлъ шатеръ
Да й оставила дружину у бѣла́ шатра
Сама поѣхала ко-б граду ко Кіеву
Ко ласковому князю ко Владиміру.
Приходитъ во палаты бѣлокаменны,
Она крестъ кладетъ да по писа́ному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Она бьетъ челомъ да поклоняется
На вси три четыре на стороны,
Солнышку Владимі̀ру въ особину:
— Здравствуй солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Съ молодой княгиной со Опраксіей! —
«Ты откуда есть, уда́лый добрый молодецъ,
«Ты коѐй орды, ты коѐй земли,
«Какъ тебя именёмъ зовутъ,
«Нарекаютъ тѐбе по отечеству?»
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Что я есть изъ зѐмли Ляховицкія
— Того ко́роля сынъ ляховицкаго,
— Молодой Василій да Микуличъ де.
— Я пріѣхалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ о сва́товствѣ

— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати? —
Говорилъ Владимiръ стольнё-кiевской:
«Я схожу съ дочерью подумаю».
Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Прiѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкiя,
«Того короля сынъ ляховицкаго,
«Молодой Василiй сынъ Микуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Говоритъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми?
— Отдавать дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому
— Перецки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жуко́винья-ты были, да то мѣсто знать. —
Говорилъ Владимiръ стольнё-кiевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю».
Приходитъ онъ къ послу земли да Ляховицкiи
Самъ говоритъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли Ляховицкiи,
«Молодой Василiй да Микуличъ де!
«Не угодно ли съ пути да со дороженки
«Сходить теби во парную во баенку?»
Говорилъ Василiй да Микуличъ де:
— И это съ дороги да не худо бы. —
Стопили ему парную-то баенку,
Попросили какъ во парную во баенку,
Онъ пошолъ во парную во баенку,

Но покудова Владимiръ снаряжается,
А посолъ той порой во баенки попарился.
Изъ байни-то идетъ, ему и честь отдаетъ:
— Благодарствуешь на парной на баенки! —
Говорилъ Владимiръ стольнё-кiевской:
«Ты же мéне въ баенки не пóдождалъ.
«Я бы въ баенку пришолъ а тебѣ пáру поддалъ,
«Я бы пару поддалъ да и тебя обдалъ».
Говорилъ Василiй да Никуличъ де:
— Что ваше дѣло-то домашное,
— Домашное дѣло княженецкое,
— А наше дѣло-то посольное,
— Недосугъ вѣдь долго да намъ чваниться
— А во баянки-то долго да намъ париться,
— Я прiѣхалъ объ добромъ дѣлѣ объ свáтовствѣ
— На твоей любимой на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати?
Говорилъ Владимiръ стольне-кiевской:
«Я схожу со дочерью подумаю».
Приходитъ-то къ дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Прiѣхалъ есть посолъ земли ляховицкiя,
«Того короля сынъ ляховицкаго,
«Молодой Василiй сынъ Микуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ свáтовствѣ
«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Гóворитъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми?
— Отдавать дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому

— Перщки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жукóвинья-ты были, да то мѣсто знать. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю».
Приходитъ онъ къ послу земли да Ляховицкіи
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли Ляховицкіи,
«Молодой Василій да Микуличъ де!
«Не угодно ли тебѣ да послѣ парной баенки
«Отдохнуть во ложни-то во тёплыи?»
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— И это послѣ баенки не худо бы. —
Приходитъ какъ во ложню-ту во тёплую,
Головой-то онъ ложился гдѣ ногамъ-то быть,
А ногами-то ложился на подушечку.
Какъ выходитъ вонъ изъ ложни-то изъ тёплыи,
Шолъ туда Владиміръ стольнё-кіевской,
Посмотрѣлъ онъ ложни его тёплыи,
И самъ говорилъ да таково слово:
«Есть широкія плеча да богатырскія».
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я пріѣхалъ вѣдь объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу, со дочерью подумаю».
Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Пріѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкія,
«Того короля сынъ Ляховицкаго,
«Молодой Василій сынъ Микуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ

«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Говоритъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми?
— Отдавашь дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому
— Перщки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жуко́винья-ты были, да то мѣсто знать.
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю».
Приходитъ онъ къ послу земли да Ляховицкіи
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли Ляховицкіи,
«Молодой Василій да Микуличъ де:
«Не угодно-ли со мо́ими дворянами потѣшиться,
«Сходить съ нимѝ да на широкій дворъ
«Стрѣлять въ колечко золоченое,
«Во тое острíе́ да во ножевое
«Расколоть бы стрѣлочка да надвое,
«Чтобы мѣрою однаки и вѣсо́мъ ровны?»
Говорилъ Василій да Никуличъ ли:
— Остались стрѣльци да во чисто́мъ поли,
— Во чистомъ поли да у бѣла шатра:
— Неужоли самому-то поотвѣдати? —
Выходитъ онъ да на широкій дворъ,
Сталъ стрѣлять стрѣлокъ да пе́рво кня́зевой,
Первый разъ стрѣли́лъ онъ не до́стрѣлилъ,
Дру́гой разъ стрѣли́лъ онъ да пере́стрѣлилъ,
Третій разъ стрѣли́лъ онъ и не́ попалъ.
«Стрѣляй-ко ты Василій да Никуличъ де!»
Какъ тотъ Василій да Никуличъ де
Натягиватъ скорешенько свой тугой лукъ,

Налагаетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ во колечко золоченое
Въ тое вострiѐ да во ножевое,
Раскололъ онъ стрѣлочку-ту надвое,
Оны мѣрою однаки и вѣсóмъ ровны.
И самъ говоритъ онъ таково слово:
— Я прiѣхалъ вѣдь о добромъ дѣлѣ да объ свáтовствѣ
— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати? —
Говорилъ Владимiръ стольнё-кiевской:
«Я еще схожу, со дочерью подумаю».
Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Прiѣхалъ есть посолъ земли Ляховицкiя,
«Того короля сынъ Ляховицкаго,
«Молодой Василiй сынъ Никуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ свáтовствѣ
«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Говоритъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми!
— Отдавашь дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому
— Перщки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жукóвинья-ты были, да то мѣсто знать. —
Говорилъ Владимiръ стольнё-кiевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю».
Приходитъ онъ къ послу земли да Ляховицкiи
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли Ляховицкiи,
«Молодой Василiй да Никуличъ де!

«Не угодно ли со мóими дворянами потѣшиться,
«На широкомъ-то двори да поборотися?»
Говорилъ Василій-то Никуличъ де:
— Осталися борци да во чистóмъ поли,
— Въ чистомъ поли да у бѣлá шатра:
— Неужоль мнѣ самому да поотвѣдати? —
Выходитъ онъ какъ на широкій дворъ,
Сталъ Василій тутъ боротися,
Того захватитъ въ руку, дрýгого во дрýгую
Третья склéснетъ во серёдочку,
Пó трое заразъ онъ на зéнь ложилъ,
Которыихъ положитъ, тыи съ мѣста нé встаютъ.
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Молодой Василій да Никуличъ де!
«Укроти-ко свое сердце богатырское,
«Оставь людей мнѣ хоть на сúмена!»
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
— Я пріѣхалъ вѣдь объ добромъ дѣлѣ да объ свáтовствѣ,
— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати?
— Если съ чести нé дашь, такъ возьму нé съ чести,
— Нé съ чести возьму да теби бокъ набью. —
Не пошолъ онъ больше къ дочери-то спрашивать,
Да сталъ онъ дочь свою просватывать.
Какъ пиръ идетъ у нихъ по третій день,
Северни имъ итти да ко Божьёй церквы,
Принимать съ Васильемъ по златý вѣнцу.
Закручинился Василій, запечалился,
Онъ повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны́ очи онъ во сыру землю.
Подходитъ-то Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты эй Василій да Никуличъ де!

«Что же ты северни да не веселъ есть?»
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Что-то будетъ на разумѣ не весело.
— Либо батюшко мой есть да померъ вѣдь,
— Либо матушка моя да померла.
— Нѣтъ ли у тебя да мла́дыхъ загусельщиковъ
— Поиграть въ гуселышка яровчаты? —
Привели они мла́дыхъ загусельщичковъ,
Всё они играютъ всё не ве́село.
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Со́лнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Нѣтъ ли у тебя да мла́дыхъ затюрёмщичковъ
— Поиграть во гуселышка яровчаты? —
Повыпустили младыхъ затюрёмщичковъ,
И всё они играютъ всё не весело.
Говорилъ Василій да Никуличъ де!
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я слыха̂лъ отъ родителя отъ батюшка
— Что былъ посаженъ нашъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ
— У тебя во погреба̂ глубокіи.
— Онъ гораздъ играть въ гуселышка яровчаты. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Мнѣ какъ выпустить Ставра̀, такъ не видать Ставра
— А не выпустить Ставра, такъ разгнѣви́ть посла. —
А не смѣетъ онъ посла да ра́згнѣвить,
Онъ повыпустилъ Ставра изъ погреба,
Ставёръ сталъ играть во гуселышка яровчаты.
Развеселился тутъ Василій-то Никуличъ де,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Помнишь-ли Ставёръ да памяту́ешь ли,
— Какъ мы маленьки на уличку похаживали
— И мы съ тобою сваечкой поигрывали?
— Твоя-то была сваечка серебряна,
— А мое было кольцо да подзолоченое,

32*

— Я-то попадывалъ тогды́-сегды̀
— А ты попадывалъ всегды́-всегды̀? —
А Ставёръ-то къ ричамъ да не примется,
Годиновичъ вѣдь въ ричи да не вчуется:
«Да я съ тобою сваечкой не игрывалъ».
Говорилъ Василій-то Никуличъ де:
— Помпишь ли Ставёръ да памятуешь ли,
— Мы вѣдь вмѣстѣ съ тобой въ грамотѣ училиси,
— Какъ моя была чернильница серебряна
— А твое было перо да подзолочено:
— Я-то помакивалъ тогды́-сегды̀
— А ты помакивалъ всегды́-всегды̀? —
А Ставёръ-то къ ричамъ да не примется,
Годиновичъ вѣдь въ ричи да не вчуется:
«И я съ тобою грамотѣ не учивался».
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Спусти Ставра съѣздить до бѣла́ шатра
— Посмотрѣть дружинушки хоробрыя. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Мнѣ спустить Ставра̀, такъ не видать Ставра,
«А не спустить Ставра, такъ розгнѣви́ть посла».
А не смѣетъ онъ посла поро́згнѣвить,
Спустилъ Ставра съѣздить до бѣла̀ шатра,
Посмотрѣть дружинушки хоробрыя.
Пріѣхали они ко бѣлу́ шатру,
Слѣзли они со добры́хъ коней
Тутъ мо́лодой Василій да Никулицъ де
Зашолъ онъ скоренько въ хо́рошъ бѣлъ шатеръ,
Снималъ съ себя онъ платье молодецкое,
Надѣвалъ на се́бе платье женское,
Выходитъ онъ на улицу на ши́року,
Самъ говорилъ онъ таково́ слово:
— Топерича, Ставёръ, меня ты знаешь ли? —

Говорилъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
«Ахъ ты эй млада Василиста дочь Микуличпа!
«Не поѣдемъ больше кò граду ко Кіеву
«А ко ласковому князю ко Владиміру,
«А уѣдемъ мы во землю Ляховицкую».
Говорила Василиста дочь Никулична:
— А не честь хвала тебѣ-ка добру молодцу
— Тебѣ вóровски изъ Кіева уѣхати,
— А поѣдемъ ко князю ко Владиміру,
— Мы станемъ свадебки доигрывать. —
Пріѣхали они ко солнышку Владиміру
Говорилъ Василій да Микуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Зачто былъ посаженъ нашъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ
— У тебя во пóгреба глубокіи? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«А похвасталъ онъ своей да молодой женой,
«Что князей бояръ да всѣхъ повыманитъ,
«Меня солнышка Владиміра съ ума сведетъ».
Говорила Василиста дочь Никуличпа:
— Такъ что же у тебя теперь па разуми?
— Выдавашь дѣвчину самъ за женщину,
— За меня-то Василисту за Микуличну! —
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло.
Повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны̀ очи во сыру землю,
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
«За твою великую за пóхвальбу
«А торгуй въ нашòмъ во-б градѣ во Кіевѣ
«Ты во Кіевѣ во градѣ вѣкъ безъ пошлины».
Тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ
Поѣхалъ онъ во землю Ляховицкую

Съ молодою Василистой со Микуличной.
Тутъ вѣкъ про Ставра старину́ поютъ
Синему морю-то на ти́шину,
А вамъ добрымъ людямъ на послу́шаньё.

Записано тамъ же, 30 іюня.

152.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 49).

Во тоя̀ во Индѣ́и во бога́тыя,
У честно̀й вдовы Мамельѳы Тимоѳеевнѣ
Тамъ былъ мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ ходилъ-гулялъ по тихіимъ все по за́водямъ,
Стрѣ́лялъ сѣ́рыихъ гусей и стрѣ́лялъ ле́бедей;
Всѣхъ повыстрѣлялъ равно триста стрѣлъ,
Равно триста стрѣлъ, эще три́ стрѣлы.
Триста-то стрѣламъ цѣну вѣдаетъ,
Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
Когда билъ онъ изъ-подъ каменя изъ-подъ яѳонту
Онъ изъ-подъ яѳонту самоцвѣтнаго,
Убилъ три орла, три орловица;
Не тѣхъ, которыи летаютъ на святой Русѣ,
Которы летаютъ надъ синемъ моремъ:
Онъ сидитъ орелъ на бѣленькомъ на ка́мешки,
И когда онъ утритъ перьица орлиныя,
Тогда ѣздятъ мужикѝ оны Индѣйскія
Покупаютъ это перьицо орлиное
И привозятъ это перьицо орлиное
Его Дюкову-то батюшку въ подарочкахъ.
А онъ самъ убилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичь
И со тоя со великія со радости

Пошолъ къ государыни родной матушки
Просилъ у нёй благословенья
Ѣхать ко граду Кіеву
И ко ласковому князю ко Владиміру,
Прямой дорожкой, не окольною.
И говорила государыня ему родна матушка
Честнà вдова Мамельѳа Тимоѳеевна:
— Ахъ ты гей рожоно моё дитятко
— Не дамъ я ти прощенья съ благословеньицомъ
— Той прямой дорожкой не окольною.
— Что на той прямой дорожки не окольныя
— Есть три зáставы великіихъ.
— Первая та зáстава великая:
— Стоятъ тамъ горы толку́чіи;
— Тыи жъ какъ горы врозь ростóлнутся,
— И тогда онѣ вмѣсто стóлнутся,
— И тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— И тутъ тебѣ молодóму жи́ву нé бывать.
— Другая есть великая зáстава:
— Сидятъ дви птичи тамъ клевучіихъ
— Тыи птичи тебя съ конемъ склюють:
— И тутъ тебѣ Дюку не проѣхати.
— Третія зáстава великая:
— Лежитъ Зми́ище да Горы́нчище.
— О двинáдцати змия о хóботахъ;
— И тая змия тебя съ конёмъ сожрётъ,
— И тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— Тутъ тебѣ-ко-ва живому нé бывать. —
Онъ бояринъ своей матушки не слушался,
Идетъ на конюшню на стоялую,
Беретъ узду себѣ въ руки тесмянную,
Одивалъ на мала буру́шка-кову́рушка;
По колѣнъ было у бурушка въ землю зарощено.
Онъ поилъ буркà питьемъ медвяныимъ.

И кормилъ ёго пшеною бѣлояровой,
И сѣдлалъ бурка̀ на сѣдёлышко черкальское,
И пóтницки кладетъ на пóтницки,
И на потницки онъ кладетъ войлоцки,
Клалъ на войлоцки черкальское сѣдёлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ пóдпруговъ,
Тринадцатой клалъ ради крѣпости.
Подпруги были шелковыя,
Пряжи у сѣдла красна зóлота
А шпеньки были у пряжи все булатныя
Чтобы добрый конь сподъ сѣдла не выскочилъ
Добра молодца въ чистомъ полѣ не вы́рутилъ.
Провожала-то его родна матушка
На прощанье ему словчё смолвила:
— Ахъ ты гей, рожоно мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Если случитъ Богъ вó гради вó Кіеви
— У славнаго князя у Владиміра,
— Ты не хвастай животишками сѣротскими,
— И сѣротскими животишками вдовиными. —
Первой поприщей скочилъ бурка цѣлу̀ версту,
Онъ ко землѣ́ бурко тутъ припа́дывалъ;
Испровѣщится ему добрый конь,
Въ видѣ голоса человѣческа:
— Ты эй, хозяинъ мой люби́мыя,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Опущайся-ко съ меня добра̀ коня,
— Бери земли сыро-матерой,
— Подвязывай подъ пелецко подъ пра́вое
— И подъ другое подвязывай подъ лѣвое,
— Чтобъ не страшно бы сидить на добрóмъ кони,
— А я стану малый бурушко поскакивать,
— Съ горы на гору, и съ холмы на́ холму,
— Буду рѣки и возёра перескакивать

— Гдѣ широкія раздолья — и между нóгъ пущать. —
Пріѣзжаетъ онъ ко первыя заставы
Гдѣ стоятъ тутъ горы толкучи;
Тые жъ какъ горы врозь растóлнулись
И не успѣли горы вмѣсто стóлнуться,
Онъ первую заставу проскакивалъ.
Ко другой ко заставѣ прискакивалъ:
Сидятъ тутъ птицы клевучіи
И не успѣли птицы крылышекъ распрáвити,
Онъ и другу зáставу проскáкивалъ.
Ко третей ко заставѣ прискáкивалъ:
Лежитъ змиищо да Горынчищо,
О двѣнадцати змия о хóботахъ:
Не успѣла змия хóботу расправити,
Онъ и третью зáставу проскáкивалъ.
Онъ кó граду ко Кіеву прискáкивалъ,
Заѣхалъ онъ на княженецкій дворъ,
И оставилъ своего добрà коня,
Добра коня середь бѣлà двора,
Не привязана и не приказана;
Самъ пошелъ во передню во столовую.
Крестъ кладетъ по писàному,
Поклонъ ведетъ да по учéному
На всѣ три-четыре на стороны,
Княгини-то Опраксіи да въ сóбину:
«Ты здравствуешь, княгиня да Опраксія!
«Гдѣ есть солнышко Владиміръ стольный кіевскій?»
Отвѣчала княгиня тутъ да Опраксія:
— Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій къ обидни шолъ. —
Онъ пошелъ во церковь ту во Бóжію:
По тыя идетъ по улицы по широкой
Мостовыя были черною землею изнасыпаны,
Ихъ пóдлило водою тутъ дожжевою,
Сдѣлалась грязь-та по колѣну де;

Замаралъ онъ сапожки-ты зеленъ сафьянъ.
Идучи во церковь-то во Божію,
Приходитъ онъ во церковь во Божію
Крестъ кладетъ по писа́ному
Да поклонъ ведетъ по уче́ному,
На вси три-четыре на стороны,
И солнышку Владиміру да въ собину:
«Здравствуй солнышко Владиміръ стольный кіевскій
«Съ молодой княгиней со Опраксіей!»
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ты отку́дашной, уда́лой доброй молодецъ,
— Ты кое́й орды, ты кое́й земли,
— И какъ тебя именёмъ зовуть,
— Нарекають тебя по отечеству? —
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Что я есть изъ Индѣи изъ богатыя
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ;
«Отстоялъ я дома раннюю заутрену
«Сюда пріѣхалъ ко обѣднѣ-де».
Говорятъ вси князи, вси бо́яра,
И тая жъ говоритъ вся мелка чета:
««Что не быть это молоду боя́рину,
««Тому де Дюку Степанову,
««Есть какой нибудь дѣти́нушка залѣ́шаникъ,
««Онъ убилъ купца, либо боярина,
««Платьевъ дѣтина не видаютци,
««И все онъ на платье поглядыватъ»».
Вышли они изъ Божьёй церквы
Становились на мѣсто на пло́ское
На тую дуброву на зеленую.
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
«Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ;
«Ажно въ Кіеви у васъ да не по нашому:

«Церкви все у васъ да деревя́нныя,
«У васъ маковки на церквахъ всѣ оси́новы,
«Мостовыя у васъ черною землею изнасыпаны,
«Ихъ подлило водою тутъ дожжевою,
«Сдѣлалась грязь-то по колѣну-ди;
«Замаралъ я сапожки-ты зеле́нъ сафьянъ,
«Идуцись во церковь ту во Божію».
Приходятъ тутъ кó князю ко Владиміру,
Садились за дубовъ столъ хлѣба кушати,
Они стали йисть калачиковъ крупивчетыхъ.
Какъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ мякишъ-отъ ѣстъ, корку подъ стóлъ мечётъ.
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ты на что же мякишъ ѣшь, корку подъ столъ мечешь?—
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
«Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ;
«Ажно въ Кіевѣ у васъ да не по нашему:
«У васъ пе́чечьки да все глиняны
«Да и помялчики у васъ сосновые,
«Пахнуть калачики крупивчеты
«На тую на глину на ручьёвую
«И на тую на сѣру на сосновую,
«На сосновую на сѣру на капучую;
«Не могу я йисть калачиковъ крупивчетыхъ.
«Какъ у насъ было во Индѣи во богатыя,
«Какъ у моей государыни родной матушки,
«У честной вдовы Мамельѳы Тимоѳеевной,
«Какъ пекетъ она калачики крупивчеты,
«У ней печечки все муравлены
«Да и помялчики у ней шелковыя,
«Какъ калачикъ-отъ съѣшь, другого хочется,
«Другой съѣшь — по третьему душа горитъ,

«Третій съѣшь — четвертый съ ума нейдетъ».
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Я вижу, что ты молодецъ захвасливый;
— Ты ударь съ нашимъ Чурилою великъ закладъ,
— Что вамъ ѣхать въ чисто поле поляковать
— Снова на́ ново, все на три года,
— По три года да еще и по три дни,
— Чтобы на всякій день кони были смѣнные
— И смѣнные кони перемѣнные,
— Чтобы въ три года такой больше не́ было;
— Чтобъ на всякій день платья были смѣнныя,
— Цвѣтныя платья перемѣнныя,
— Сново на́ ново, все на три́ года,
— На три́ года, да еще на́ три дни,
— Чтобы въ три года такого цвѣту не было. —
Ударили они о великъ закладъ,
По тоёмъ было Чурилѣ по Пленко́вицѣ
Держали поруку-то двумя градмы:
Первымъ Кіевомъ, другимъ Черни́говымъ;
А по тоемъ было по мо́лодомъ бояринѣ,
По немъ не было ника́ковой пору́кушки,
Столько держалъ по немъ крѣпкую поруку-ту
И тотъ владыка Черниговскій,
И тотъ крестовый его батюшка,
Не спустятъ-то боярина, домой сгонять
За своимъ за платьицемъ за цвѣтныимъ:
Закручинился бояринъ запечалился,
Повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны́ очи въ сыру землю
Садился скоро на ременсатъ стулъ,
И написалъ онъ скорописчатые ерлуки,
Полагалъ въ сумки перемётныя,
Отпущалъ мала бурушка-кову́рушка,
Сталъ его бурушка поска́кивать

Съ горы на гору, съ хо́лмы на́ холму,
Рѣки-озера переска́кивать,
Гдѣ широкiи раздолья межу ногъ пущать.
Куда будетъ онъ во Индѣи во богатыя
У него государыни родной матушки
Заржалъ голосомъ лошадиныимъ;
Услыхала госуда́рыни родна матушка,
Выбѣгала она на крылечко на перёное,
Сама говоритъ да таково́ слово:
«Видно нѣтъ жива рожонова ди́тятки,
«Стоитъ у крыльца одинъ до́брый конь».
Какъ увидла она сумки перемётныя,
Сама говоритъ таково слово:
«Что рожоно мое дитятко захвасливо,
«И захвасливо, да-знать-захвачено»
Брала она сумки переметныя,
И читала скорописчатые ёрлуки,
Полагала-то ему да платьевъ цвѣтнихъ,
По три пары положила да на всякiй день,
Съ ново на ново на три года,
И на три года, эще на три дни,
Отпустила мала бурушка-ковурушко.
Какъ будетъ его бурушка во Кiеви
У Владимiра на широкомъ двори,
Заржалъ голосомъ лошадиныимъ,
Что тутъ теремы пошатилися
Да околенки чуть не сыпались,
Вси во градѣ прiужа́хнулись.
Услыхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выбѣгаетъ скоро на широкiй дворъ
Увидѣлъ своего добра́ коня,
Получалъ свои платьевъ цвѣтныихъ
По три пары получилъ онъ на всякiй день.
Тутъ поѣхали они въ чисто́ поле.

Какъ тотъ Чурилушка Плёнковичъ,
Погналъ лошадей туды цѣлымъ стадомъ,
А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Поѣхалъ на одномъ-то добромъ конѣ.
Какъ пораньше онъ поутрушку повыстанетъ,
Бурка свого въ росы повы́катать,
И на бурки-то шерсть да перемѣнится.
Проѣздили они тутъ по три годовъ,
По три года, эще и по три дни;
Пришли они ко Божьёй церквы
Заходили въ церковь-ту во Божію.
Какъ тотъ Чурилушка Плёнковичъ —
Какъ во своемъ во градѣ ему дѣется, —
Такъ становился онъ на кры́лосо на пра́вое,
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Такъ становился онъ на крылосо на лѣвое.
Какъ тотъ Чурилушка Плёнковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки
Да изъ петелки было въ петелку.
Пловетъ Змиишечко-Горынчищо.
Тутъ всѣ въ церкви приужахнулись
Сами говоря́тъ таково́ слово:
««Какъ у нашего Чурилки у Пленковица
««Есть отмѣточка противъ молода боярина
««Что еще некуда бодрѣе ему выступить»».
Закручинился бояринъ, запечалился,
И повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны очи во сыру́ землю,
Онъ сталъ плетонкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ запѣли птичы тутъ пѣвучіи,
Закричали звѣри тутъ рыкучіи,

Тутъ вси во церкви да о зéнь пали,
О зéнь пали, да они обмерли.
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— Пріуйми-тка птичекъ ты пѣвучіихъ,
— Призакличь-ка звѣрей тыхъ рыкучіихъ,
— Оставь людей намъ хóть на сúмена. —
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Не твое вѣдь я севодня ѣмъ, да кушаю,
«Не хочу тебя теперича послушати».
Говоритъ владыка-то Черниговскій,
Тотъ крестовъ его батюшка:
— Ахъ ты эй, крестово мое дитятко!
— Ты послушай крестоваго батюшки,
— Пріуйми-тка птичекъ ты пѣвучіихъ,
— Призакличь-ка звѣрей тыхъ рыкучіихъ,
— Оставь людей хоть намъ на сúмена. —
Онъ послушалъ крестоваго батюшка,
Пріунялъ птичекъ тыхъ пѣвучіихъ
И призакликалъ звѣрей всѣхъ рыкучіихъ,
И самъ говорилъ таково слово:
«Ты солнышко Владиміръ стольный кіевскій!
«Намъ которому съ Чурилой голова рубить?»
Говоритъ Чуришка Пленковичъ:
««Ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
««Ударимъ-ко еще о великъ закладъ:
««Переѣхать намъ черезъ Пучáй-рѣку,
««Пучай-рѣка на два пóприща;
««Который-то не можетъ да перéскочить,
««Тому изъ насъ и головá рубить»».
Пріѣхали они ко Пучай-рѣки.
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ты эй Чурилушка Пленковичъ!
«Твоя пóхвальба сегодня на перёдъ зашла,

«Поѣзжай черезъ рѣку́ ты попе́реди».
Тогда Чурилушка Пленковичъ
Приправилъ своего добра́ коня,
Добра коня черезъ Пучай-рѣку:
О полу-рѣки Чурила въ воду вве́рзился.
Тотъ мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Скоро на скоро скочилъ черезъ Пучай рѣку,
Еще того скорѣе поворо́тъ держалъ:
О полу-рѣки да онъ припадывалъ,
Онъ Чурилу за желты кудри захва́тывалъ;
Повытащилъ Чурилу съ конёмъ съ воды,
Не спустилъ Чурилы онъ до Кіева,
До солнышка до Владиміра,
А самъ говоритъ таково слово:
«Ты солнышко, Владиміръ стольный кіевскій!
«Намъ которому съ Чурилой голова рубить?»
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— Не руби-ко ты Чурилы буйной го́ловы,
— А оставь-ко намъ Чурилу хоть для памяти. —
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ахъ ты эй, Чурилушка Плёнковичъ!
«Пусть ты княземъ ты Владиміромъ упрошенный
«Пусть ты Кіевскими-то бабами оплаканный!
«Да не ѣзди съ нами со бурла́ками,
«А ѣзди во́ гради во Кіеви
«Ты во Кіеви во́ гради межу бабами!»
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло:
— Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты торгуй въ нашомъ во́б гради во Кіеви,
— Въ Кіеви да вѣдь безъ пошлины. —
Тогда Владиміръ стольный кіевскій
Онъ сталъ посылать туды общѣнщиковъ,
Его Дюковыхъ животовъ описывать:

Стараго казака Илью Муромца,
Въ другихъ смѣлаго Олешу Поповица.
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Не посылайте-ко Олешеньки Поповица,
«Его глазишецка попо́вскіе,
«Поповскіе глазишецка завидливы,
«А ему оттоль съ Индѣи да не выѣхать!
«Пошли ты молода Добрынюшку Никитича».
Какъ поѣхали въ Индѣю во богатую.
Не доѣдуци Индѣи богатыя,
Вы́стали на гору́ на высо́кую,
Увид'ли Индѣю богатую,
Сами говорятъ таково́ слово:
«Знать, что мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
«Онъ послалъ туды вѣсточку не радостну
«Чтобы зажгали Индѣю ту богатую:
«Горитъ Индѣя та богатая!»
Какъ подъѣхали они поближе тутъ,
Увидѣли Индѣю богатую:
Тамъ крышечки въ домахъ золоченыя,
У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,
Пріѣзжали ко Дюку ко Степанову
Къ его государыни ко родной матушки.
Идуть они по улицы по ши́рокой
Мостовыя рудожелтыми песочками изнасыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы,
Не замараешь-то сапожковъ зеленъ-сафьянъ
Идуцись во церковь во Божію.
Приходятъ въ палаты бѣлокаменны
Къ его государыни родной матушки;
Сидитъ жена стара-ма́тера,
Стара-ма́тера сидитъ жена вся въ золоти,
Вся въ золоти она да въ серебрѣ.
Они бьютъ челомъ поклоняются,

Сами говорятъ таково слово:
«Ты здравствуешь, Дюковая матушка!»
Говоритъ жена стара-ма́тера:
— Я есть не Дюковая матушка,
— Я есть Дюкова портомывница.
— Подите въ покои во другіи,
— И тамъ есть Дюкова матушка. —
Приходятъ въ покои во другіи.
Сидитъ жена стара-матера,
Стара-матера жена сидитъ вся въ золоти,
Вся въ золоти, она вся въ серебри.
Они бьютъ челомъ, да кланяются:
«Ты здравствуешь, Дюкова матушка!»
Говоритъ жена стара-матера:
— Что я есть не Дюковая матушка,
— Я есть Дюкова да вѣдь калачница,
— Я пеку калачики крупивчаты
— Про того про молода боярина
— Про того про Дюка про Степанова.
— Подите-ко въ покои да въ третіи,
— Тамъ есть Дюковая матушка. —
Идуть они въ покои въ третіи.
Идетъ жена стара-ма́тера
Стара-матера идетъ вся въ золоти
Въ золоти она да въ серебри.
Они бьютъ челомъ, поклоняются:
«Ты здравствуешь, Дюковая матушка!»
Говоритъ жена да стара-матера:
— Вы здравствуйте, мужики да вы общѣнщики!
— Вы за чѣмъ сюда теперь пріѣхали
— Вы сиротскихъ животишековъ описывать? —
Садилися они тутъ за ду̀бовъ столъ
За дубовъ столъ хлѣба кушати,
Они стали йисть калачиковъ крупивчатыхъ:

Какъ калачикъ-отъ съидятъ — другого хочется,
Другой съидятъ — по третьемъ и душа горитъ,
Третій съидятъ — четвертый и съ ума нейдетъ.
Какъ вышли они изъ-за стола изъ-за дубова,
Тая жъ де Дюкова матушка
Свела ихъ во погреба глубокіи, ко сбруямъ лошадиныимъ:
Писали они тутъ по три года,
По три года, эще и по три дни,
Не хватило тутъ бумаги листъ гербовыя,
Не могли обцѣнить однѣхъ сбруй лошадиныихъ.
Говорила Дюковая матушка:
— Вы эй мужики, вы обцѣнщики,
— Вы скажите-ко солнышку Владиміру
— На бумагу-ту пущай-ко-то продастъ весь Кіевъ градъ,
— На чернила-ты продастъ весь Черниговъ градъ,
— И тожно пусть пріѣдетъ животишечковъ описывать. —
И повела она ихъ по по́гребамъ глубокіимъ:
Ви́сятъ бочечки красна золота,
Ви́сятъ бочечки чиста серебра,
Висятъ бочечки ска́тна жемчуга.
Повывела она ихъ на широкій дворъ:
И течетъ тутъ струйка золоченая, —
Тутъ они не могли и вовсе смѣ́ты дать.
Пріѣха́ли ко-о́ граду ко Кіеву
И ко солнышку ко Владиміру.
И сказали солнышку Владиміру:
«Наказывала тебѣ Дюковая матушка:
«На бумагу-ту велѣла продать она весь Кіевъ градъ,
«На чернила продать весь Черниговъ градъ,
«И тожно пріѣхать животишечковъ описывать».
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— За твою за великую за похвальбу
— Ты торгуй въ нашемъ во гради во Кіеви,

— Во Кіеви во гради вѣкъ безъ пошлины. —
Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Отправился къ государыни и родной матушки,
Тутъ сдѣлалъ онъ съ ней доброе здоровьице.
Тутъ вѣкъ про Дюка старину́ скажуть
Синему морю да на ти́шину,
А вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

153.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 65).

Когда-то возсіяло солнце красное,
На тоёмъ-то небушкѣ на ясноемъ,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:
Вси-то на пиру да наѣдалися,
Вси-то на почестномъ напивалися
И вси на пиру порасхвастались.
Иный хвастаетъ села со приселками,
А иный хвалитъ города съ пригородками,
Иный хвалится да золотой казной,
Умный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Изъ-за того стола да изъ-за дубова
Не золота звонка труба вытрубила,
Испроговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Испроговорилъ онъ таково слово:
«Есть и мнѣ царю теперь похвастати:
«Я повынесъ-то царенье изъ Царя-града,
«Царскую перфиру на себя надѣлъ,

«Царскій костыль я себѣ въ руки взялъ,
«И повыведу измѣну съ каменной Москвы!»
Съ-по тыя было палаты бѣлокаменной
Тутъ не красное-то солнышко каталося,
А не скатный жемчугъ разсыпается,
Ходитъ маленькой Иванушко царевичь-государь,
Сынъ говорилъ да таково слово:
— Ты эй государь мой родной батюшка,
— Не вывести измѣны съ каменной Москвы:
— Сидитъ-то измѣна за однимъ столомъ,
— Исъ-пьетъ измѣна одни кушанья,
— Платьи носитъ одноцвѣтныя
— Да сапожки на ножкахъ одноличныя. —
Тутъ не мутное око помутилося
Его царское сердце разгорѣлося
И сговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты маленькой Иванушко, царевичь-государь!
«Ты подай мнѣ измѣнщика да на очи:
«Я измѣнщику голову срублю».
Испроговорилъ Иванушко царевичь государь:
— Ужъ я глупымъ-то разумомъ промолвился.
— Какъ на братца мнѣ сказать, такъ мнѣ-ка братца жаль,
— На себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бывать;
— А буде сказать мнѣ на братца своего,
— На того на Ѳедора Ивановича.
— Ей ты, государь родной батюшка!
— Когда жъ мы брали съ тобой царскій градъ,
— Когда ты-то ѣхалъ да по краечку,
— А я-то ѣхалъ да по другому,
— А братецъ мой ѣхалъ по середочки.
— Мы съ тобою, государь, да все ѣхали,
— Мы все казнили, да все вѣшали,
— А Ѳедоръ братецъ ѣхалъ по середкѣ,
— Напередъ пословъ да онъ поразсылалъ,

— Чтобы удалые да поразбѣгались,
— А которые по кувыль-траву да разваляլися,
— А которые при домахъ оставалися.
— Теперичу измѣна вся повыстала. —
Тутъ не мутное око помутилося,
Ево царское сердце разгорѣлося:
«Ай вы эй, палачи да немилóстивы!
«Вы возмите-ка Өедора Ивановича
«За тыя за рученки за бѣлыя,
«За тые за перстни за злаченые,
«Сведите-ка Өедора въ чисто поле
«А на тое болотцо-то на житное,
«А на тую на плашку на липову,
«Отрубите ему буйну голову
«За него поступки неумильные!»

Тутъ всѣ палачи поразбѣгались,
Которые разумны, растулялися,
Одинъ остался Малютка воръ Скуратовъ сынъ.
А самъ говорилъ таково слово:
««Я много вѣдь казнилъ царей, царевичевъ,
««Я безъ счету королей, да королевичей,
««А тебя-ко-ва я Өедора да не спущу!»»
Онъ беретъ его за ручки за бѣлыя,
За тые за перстни да за злаченые,
Повелъ Өедора да въ чисто поле
На тое болотечко на житное,
На тую плашечку на липову
Срубить Өедору да буйну голову
За негó поступки неумильные.
Во тую ль было пору да во то время
Услыхала Авдотья Романовна,
Его государыни да родна матушка,
Она чеботы обула да на босу ногу,

Кунью шубу-ту одѣла на одно плечо,
Побѣжала-то на горку да на Вшивую,
А ко своему ко братцу ко родимому,
Ко тому Никиты-то Романовичу.
А срѣтатъ ю братецъ-отъ ей родимый,
А самъ говоритъ таково слово:
«Что же ты, сестрице, да не въ покрутѣ,
«А въ одной ты шубы черныхъ соболей?»
Говоритъ Авдотья да Романовна:
— Ты ей же, братецъ мой родимыя!
— Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Тотъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо да на житное,
— На тую плашку на липову,
— Срубить Өедору буйну голову. —
Онъ кидается, скоро бросается,
Беретъ узду въ руки тесмянную,
Бѣжалъ на конюшню на стоялую,
Одѣвалъ на мала бурушка да кавурушка,
Садился скоро на добра коня,
Не на сѣдлана, да не на уздана,
Городомъ ѣдетъ и да голосомъ кричитъ,
Голосомъ крычитъ, да самъ рукой машитъ:
«Ты ей, воръ, Малютка Скуратовъ сынъ!
«Ты не тотъ кусъ съѣшь, самъ задавишься,
«Не казни-тка мла́да царевича,
«Ай тогожъ-де Өедора Ивановича».
Малютка того и не пытаючи,
Беретъ Өедора да за желты кудри,
Клонитъ на плашку на липову,
Хочетъ срубитъ да буйну голову.
А наѣхалъ Никита да Романовичь,
Смахнулъ своей саблей да востроей,

Отнесъ Малютки буйну голову,
За него поступки неумильные.
А онъ взялъ, де, Ѳедора Ивановича,
Увозилъ на горку да на Вшивую.

Сегодня день былъ суботнія,
Завтра день да воскресный де,
Ѣхать намъ ко ранной ко заутрени.
Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Что нѣтъ жива молодаго царевича,
Сокрутился онъ во платье во опальное,
Заложилъ лошадей да вороненыихъ
Подъ ты кареты подъ черныя,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
А тотъ Никита да Романовичъ
Заложилъ онъ лошадей да все рыжіихъ,
Одѣлъ на себя платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самолучшее,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ три-четыре стороны,
А Ивану Васильевичу въ собину:
«Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
«Со своей со любимо́й семьёй,
«Съ молодой со Авдотьей со Романовной,
«Со своима со малыма со дѣтушкамы,
«Съ тыимъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ
«Со тыимъ со Иваномъ Ивановичемъ!»
Исговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ай ты же, шуринъ мой любимыя,
— Ты ей, Никита да Романовичъ!
— Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Ай того де Ѳедора Ивановича:

— Вѣдь увелъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо да на житное,
— Да на тую на плашку да на липову
— Срубить Ѳедору буйну голову
— За него поступки неумильные. —
Въ другой говоритъ Никита Романовичъ:
«Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своею съ молодой семьёй,
«Съ молодой Авдотьей со Романовной,
«Со своима съ малыма съ дѣтушкамы,
«Со тыимъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
«Со тыимъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты ей же, шуринъ мой любимыя,
— Ты ей, Никита Романовичъ!
— Что же ты въ рѣчи да не вчуешься?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Тогожъ де Ѳедора Ивановича:
— Увелъ воръ Малютка Скуратовичъ
— На тое болотцо да на Житное,
— Ай на тую на плашку да на липову
— Срубилъ Ѳедору буйну голову
— За него поступки неумильные.
Третій разъ говоритъ Никита Романовичъ:
«Ты здравствуй, Грозный Иванъ Васильевичъ,
«Со своею любимой семьёй,
«Со молодой Авдотьей Романовной,
«Со своима со малыма со дѣтушкамы,
«Со тыимъ со Ѳедоромъ Ивановичемъ,
«Со тыимъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Тутъ не мутное око помутилося,
Его царское сердце разгорѣлося:
— Ахъ ты ей же, шуринъ мой любимыя,
— Ахъ ты ей же, Никита Романовичъ!

— Знать, ты надо мной насмѣхаешься!
— Отстою какъ я раннюю заутреню,
— Прикажу тебѣ Никиты голову срубить. —
И самъ заплакалъ горькимъ дяктелемъ.
— Какъ по ворахъ было по разбойникахъ.
— По разбойникахъ по ворахъ есть заступщики;
— По моемъ рожоное по дитятки,
— По тоёмъ Ѳедорѣ Ивановичѣ
— По немъ не было никакого заступушки! —
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?»
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Хоть бываетъ-то прощенье, тéперь взять негдѣ. —
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Не отрублена есть Ѳедору да буйна голова,
«А отрублена да буйна голова
«А тому Малюты да Скурлатову».

Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ кидается скорó, бросается
Не кидается за Ѳедора Ивановича,
Кидался за Никиту за Романовича,
Беретъ его за ручки за бѣлыя,
Цѣлуетъ во уста во сахарныя,
Самъ говорилъ таково слово:
— Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?
— Ты эй же шуринъ мой любимыя,
— Дать тебѣ села со приселкамы,
— Али дать города съ пригородкамы,
— Али дать тебѣ да золотой казны?
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Есть у меня села со приселкамы,
«А и то мнѣ молодцу не похвальба;
«Есть у меня города съ пригородкамы,

«А и то мнѣ молодцу не похвальба.
«Есть у меня и золотой казны
«И то мнѣ молодцу не похвальба:
«А ты дай-ка мнѣ Микитину да вотчину:
«Что хоть съ петли уйди, хоть коня угони,
«Хоть коня угони, хоть жену уведи,
«Столько ушелъ бы въ Микитину вотчину,
«Того добраго-то молодца да́ Богъ проститъ».
Онъ пожаловалъ Микитиною его вотчиной:
Что хоть съ петли уйди, да хоть коня угони,
Хоть коня угони, да хоть жену уведи,
Столько ушелъ бы въ Микитину да вотчину,
Того добраго-то молодца да Богъ проститъ.
Тутъ вѣкъ про Микиту старину скажуть,
Синему морю на тишину,
Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

154.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 46).

Во тоя было Москвы да бѣлокаменной,
Когда царствовалъ Алексѣй Михайловичъ Московской
А выходилъ онъ сударь изъ Божьей церкви,
Становился онъ на лобно сударь мѣсто,
На тую сударь зеленую дубраву,
Говорилъ онъ надежа-государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ай же вы, князи, вы бояра!
«Пособите государю дума думати,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать.
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король да земли Шведской:

«Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А даваетъ ли намъ Хинскую землю,
«То отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Али намъ за Смоленецъ постояти,
«Али намъ на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ перво князь Востраханскій,
Онъ поблизку государя становился,
А онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Да во Смоленцѣ стрѣльцовъ вѣдь нѣтъ нисколько,
— Во Смоленцѣ казны вѣдь нѣтъ ни копѣйки:
— Отдаемъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— А возмемъ ко себѣ Хинскую землю! —
Государю тыя рѣчи не влюбились.
Говорилъ надежа-государь-царь
Онъ Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ахъ вы, эй же, малы дѣтушки, солдаты!
«Пособите государю дума думать,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать.
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли Шведской:
«А ужь онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А онъ даваетъ ли намъ Хинскую землю.
«То отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Али намъ да за Смоленецъ постояти,
«Аль намъ да на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ-ка второй князь Бухарскій,
Онъ поблизку государя становился,
Да онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ, государь, да слово смолвить:

— Что Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Да во Смоленцѣ стрѣльцовъ вѣдь нѣтъ нисколько,
— Да во Смоленцѣ казны нѣтъ вѣдь ни копѣйки.
— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— Мы возмемъ-ко себѣ Хинскую землю. —
Государю тыя рѣчи не влюбились.
Говорилъ надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ахъ вы эй-же, малы дѣтушки, солдаты!
«Пособите государю дума думать,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать,
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король да земли Шведской:
«Она проситъ у насъ города Смоленца,
«А даваетъ ли намъ Хинскую землю.
«То отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Да али намъ за Смоленецъ постояти,
«Да али намъ за Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ-ка князь Данила Милославской,
Онъ поблизку государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвить:
— Что Смоленецъ строенье не литовско,
— А Смоленецъ строеньице московско;
— А во Смоленцѣ казны есть, да смѣту нѣту:
— Ужъ мы станемъ за Смоленецъ постояти,
— Ужъ мы станемъ за Смоленецъ нанимати,
— Не дадимъ мы туда города Смоленца,
— А не возмемъ себѣ Хинскую землю! —
Государю тыя рѣчи прилюбились.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ахъ ты эй же князь Данило Милославской!

«Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскорѣ пожаловать,
«А я пожалую во Смоленецъ воеводой».
Астраханскаго взялъ — повѣсилъ,
А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

155.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

(См. Рыбникова, т. III, 52).

Кабы на соловья
Не зима бы студеная,
Не морозы бы были крещенскіе,
Не леталъ бы я соловей
По мхамъ, по болотечкамъ,
По частымъ наволокищамъ.
Кабы да й на молодца
Мнѣ не служба государева,
Не наборы-бы были солдатскіе,
Не ходилъ бы я молодецъ
По чужой-я по дальной стороны
По тыя бы по Свирской украины.
Прошелъ молодецъ изъ орды въ орду,
Зашелъ молодецъ къ королю въ Литву:
«Какъ батюшко, король Политовскія,
«Политовскія король земли Польскія!
«Прими-ко меня во слуги-рабы,
«Во слуги-рабы, хоть во конюхи».
Я во конюхахъ жилъ цѣло три году.
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ,
Не шелъ молодецъ на царевъ кабакъ,

Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не пилъ молодецъ меда сладкаго,
Такъ Богъ добра молодца миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ молодца онъ во стольники.
Я во стольникахъ жилъ цѣло три годы,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Такъ Богъ добра молодца миловалъ,
А король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ.
Не шелъ молодецъ на царевъ кабакъ,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не закусывалъ я бѣлымъ сахаромъ.
Пожаловалъ молодца онъ во ключники.
Я во ключникахъ жилъ цѣло три годы,
А король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ.
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною,
Такъ Богъ добра молодца миловалъ.
И у того короля политовскаго
Была дочь его Настасья красивая.
Говорила королю Политовскому:
«Ты батюшко король Политовскій,
«Литовскій король земли Польскія!
«Ты дай мнѣ ко кроваткѣ кроватничка».
Говорилъ король Политовскій:
— Молодая Настасья королевична!
— Выбирай ко кроваткѣ кроватничка,
— Хоть изъ князей, хоть изъ бояръ,
— Хоть изъ русскихъ могучихъ богатырей,
— Хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ татаровей. —
Говорила Настасья королевична:
«Не надо ко кроватки кроватничка
«Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,

«Мнѣ не изъ русскихъ могучихъ богатырей,
«Мнѣ не надо поганыхъ татаровей:
«Ты дай ко кроваткѣ кроватничка,
«Своего дай любимаго ключника».
Положили тутъ его ко кроваткѣ кроватничкомъ.
Служилъ молодецъ тутъ онъ три годы,
Не стоялъ у кровати тесовыя,
Не постилалъ онъ перины пуховыя,
Не складалъ круто-складне зголо́вьица,
Не натягивалъ одѣяла соболинаго,
Онъ спалъ на кровати тисовыя
Съ молодой Настасьей королевичной.
Зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А выпилъ молодецъ пива пьянаго,
Да и выпилъ молодецъ меду сладкаго,
Заходилъ во кружало королевское,
Закусилъ молодецъ бѣлымъ сухаремъ.
Онъ тутъ во кружалѣ расхвастался:
«Служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
«Перво три годы служилъ я въ конюхахъ,
«Друго три годы служилъ я во стольникахъ,
«Третье три годы служилъ я во ключникахъ,
«Это три годы служилъ во кроватничкахъ.
«Это три годы служилъ я у кроваточки:
«Не стоялъ я у кровати тесовыя,
«Не стилалъ я перинки пуховыя,
«Не складалъ круто-складне зголовьице,
«Не натягивалъ соболинаго одѣяла,
«Я спалъ на тесовыя кровати
«Съ молодой со Настасьей королевичной».
Схватили меня добра молодца,
Донесли королю Политовскому,
Посадили въ тюрьму богадѣльную,
Держали гамъ меня нѣсколько.

Повели меня добра молодца
Изъ той изъ тюрьмы богадѣльныя
На тую на плашку на липову
Отрубить-то мою буйну голову.
Говорилъ онъ удалый добрый молодецъ:
«Вы эй, сторожа котемьскіе!
«Берите съ меня золотой казны!
«Вы только берите, сколько надобно,
«А ведите меня добра молодца
«Помимо окошко королевнино».
Повели какъ его добра молодца
Помимо окошко кóролевнино,
Закричалъ онъ удалый добрый молодецъ:
«Молодая Настасья королевична!
«Ведутъ-то меня добра молодца
«На тую-то плашку на липову,
«Срубить-то мнѣ буйну голову,
«Я похвасталъ тобой королевичной!»
Тая же ли Настасья королевична
Отворяла косивчато окошечко,
Бросиласи въ окошко по поясу,
Говорила сторожамъ королевскіимъ:
— Вы эй сторожа королевскіи!
— Вы спустите его добра молодца,
— Возмите татарина мертваго,
— Мертваго татарина мерзлаго,
— Отрубите ему буйну голову. —
Призвала къ себѣ добра молодца,
Стала его тутъ допрашивать:
— Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ!
— Есть ли у тебя въ домѣ отецъ и мать,
— Да есть ли у тебя молода жена,
— Да есть ли у тебя малы дѣтушки? —
Говорилъ ей удалый добрый молодецъ:

«Что есть у меня въ дому отецъ и мать,
«Да и есть у меня молода жена,
«Да и есть у меня малы дѣтушки».
Говорила Настасья королевична:
— Бери-ко мои золоты ключи,
— Отмыкай-ка мои кованы́ ларци,
— Бери-ко себи́ золотой казны,
— Ты столько бери, сколько надобно,
— Чтобъ было твоимъ малымъ дѣтушкамъ
— Да осталось твоимъ младымъ внучатамъ. —
Тутъ вѣкъ про нее старину поютъ,
Синему морю на тишину
И вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

XXVIII.

ИВАНЪ КАСЬЯНОВЪ.

Иванъ Аникіевичъ Касьяновъ, крестьянинъ с. Космозера, 40 лѣтъ отъ роду, грамотный, изъ старообрядцевъ, перешедшій лѣтъ десять тому назадъ въ единовѣріе. Научился въ молодости пѣть былины отъ стариковъ, съ которыми ѣздилъ на рыбную ловлю, преимущественно отъ нѣкоего кривого Ивана Трофимова. Въ прежнее время зналъ былинъ весьма много, но потомъ бросилъ ихъ пѣть, предавшись страстно чтенію церковныхъ книгъ для уясненія спорныхъ между православною церковью и расколомъ вопросовъ. Это и привело его въ единовѣріе, но, по словамъ Касьянова, заглушило былины въ его памяти. При встрѣчѣ съ собирателемъ въ Чолмужахъ, Касьяновъ не могъ припомнить былины о Вольгѣ, но упоминалъ, что ее отлично знаетъ и хорошо поетъ его сосѣдъ, раскольничій наставникъ Іуда Егоровъ. Впослѣдствіи, прибывъ въ Петербургъ, по порученію единовѣрческаго общества для сбора на церковь, онъ уже пѣлъ эту былину со словъ Егорова.

156.

ВОЛЬГА.

Когда возсіяло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался мо́лодый Вольга̀,
Мо́лодой Вольга̀ Святославовичъ.
Какъ сталъ тутъ Во́льга ростѐть матерѣть,
Похотѣлоси Вольги много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубо́кихъ моря̀хъ,
Птицей-соколомъ летать ему подъ о́болока̀,
Сѣрымъ волкомъ рыска́ть да по чисты́имъ поля̀мъ.
Уходили всѣ рыбы во синіи моря̀,
Улетали всѣ птицы за о́болока̀,
Ускакали всѣ звѣри во темны́и лѣса̀.
Какъ сталъ тутъ Во́льга ростѐть матерѣть,
Собиралъ себѣ дружинушку хоробрую:
Тридцать молодцовъ да безъ единаго,
А самъ-то былъ Во́льга во тридцатыихъ.
Собиралъ себѣ жеребчиковъ темнокаріихъ,
Темнокаріихъ жеребчиковъ нелѐгченыйхъ.
Вотъ посѣли на добрыхъ коней поѣхали,
Поѣхали къ городамъ да за получкою.
Повыѣхали въ раздольицо чисто поле,
Услыхали во чистомъ поли оратая,
Какъ оретъ въ полѣ оратай посвистываѐтъ,
Сошка у оратая поскри́пливаѐтъ,
Омешики по камешкамъ почи́ркиваютъ.
Ѣхали-то день вѣдь съ утра до́ вечера,
Не могли до оратая доѣхати.
Они ѣхали да вѣдь и другой день,
Другой день вѣдь съ утра до́ вечера,
Не могли до оратая доѣхати.
Какъ оретъ въ полѣ оратай посвистываетъ,

Сошка у оратая поскрипливаетъ,
А омешики по камешкамъ почиркиваютъ.
Тутъ ѣхали они третій день,
А третій день еще до па́бѣдья,
А наѣхали въ чистомъ поли оратая.
Какъ оретъ въ полѣ оратай посвистываетъ,
А бороздочки онъ да пометываетъ,
А пенье́ коренья вывертываетъ,
А большіе-то каменья въ борозду валитъ.
У оратая кобыла соло́вая,
Гужики у нея да шелковыи,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошки булатніи,
Присошечекъ у сошки серебряный,
А рогачикъ-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скаченъ ли жемчугъ разсыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зеленъ сафьянъ:
Вотъ шиломъ пяты, носы́ востры,
Вотъ подъ пяту пяту воробе́й пролети̇тъ,
Около носа хоть яицо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчикъ у него да черна бархата.
Говоритъ-то Вольга таковы слова:
«Божья́ помочь тебѣ оратай-оратаюшко!
«Орать, да пахать, да крестья́новати̇,
«А бороздки тебѣ да помѣ́тывати̇,
«А пенья коренья вывертывати̇,
«А большіе-то каменья въ борозду валить!»
Говоритъ оратай таковы слова:
— Поди-ко ты Вольга Святославовичъ!
— Мнѣ-ка надобно Божья помочь крестья́новати̇.

— А куда ты Вольга ѣдешь, куда путь держи̂шь? —
Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
«Какъ пожаловалъ меня да ро́дной дядюшка,
«Родной дядюшка да крестной батюшка,
«Ласковой Владимiръ стольне-кiевской,
«Тремя ли городами со крестьянами:
«Первыимъ городомъ Курцовцомъ,
«Другимъ городомъ Орѣховцемъ,
«Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ,
«Теперь ѣду къ городамъ да за получкою».
Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай же ты Вольга Святославовичъ!
— Тамъ живутъ-то мужички да всѣ разбойнички,
— Они подрубятъ-то сляги калиновы,
— Да потопятъ тя въ рѣку да во Смородину!
— Я недавно тамъ былъ въ городи, третьёго-дни,
— Закупилъ я соли цѣло три мѣха,
— Каждый мѣхъ-то былъ вѣдь по сту пудъ,
— А самъ я сидѣлъ-то сорокъ пудъ,
— А тутъ стали мужички съ меня грошовъ просить.
— Я имъ сталъ-то вѣдь грошовъ дѣлить,
— А грошовъ-то стало мало ставиться,
— Мужичковъ-то вѣдь да больше ставитсе.
— Потомъ сталъ-то я ихъ вѣдь отталкивать,
— Сталъ отталкивать да кулакомъ грозить,
— Положилъ тутъ ихъ я вѣдь до тысячи:
— Который стоя стоитъ, тотъ си́дя сиди̂тъ.
— Который сидя сидитъ, тотъ и ле́жа лежи̂тъ. —
Тутъ проговорилъ вѣдь Во́льга Святославовичъ:
«Ай же ты оратай-оратаюшко!
«Ты поѣдемъ-ко со мною во товарищахъ?»
А тутъ ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковыи повыстегнулъ,
Кобылу изъ сошки повывернулъ,

Оны сѣли на добрыхъ коней поѣхали.
Какъ хвостъ-то у ней разстилается,
А гри́ва-то у нея да завивается,
У оратая кобыла ступою́ пошла,
А Вольгинъ конь да вѣдь поскакиваетъ.
У оратая кобыла грудью́ пошла,
А Вольгинъ конь да оставается.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Я оставилъ сошку во бороздечкѣ
— Не для ради прохожаго-проѣзжаго:
— Маломожный-то наѣдетъ — взять нечего,
— А богатый-тотъ наѣдетъ не поза́рится,
— А для ради мужичка да деревенщины.
— Какъ бы сошку изъ земельки повы́дернути,
— Изъ омешиковъ бы земельку повытря́хнути,
— Да бросить сошку за ракитовъ кустъ. —
Тутъ вѣдь Вольга Святославовичъ
Посылаетъ онъ дружинушку хоробрую,
Пять молодцовъ да вѣдь могучіихъ,
Какъ бы сошку изъ земли да повыдернули,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Пріѣзжаетъ дружинушка хоробрая,
Пять молодцовъ да вѣдь могучіихъ,
Къ той ли ко сошки кленовенькой,
Они сошку за обори вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки изъ земли поднять,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Тутъ мо́лодой Вольга Святославовичъ
Посылаетъ онъ дружинушку хоробрую,
Цѣлыимъ онъ да вѣдь десяточкомъ.
Оны сошку за обо́ри вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки изъ земли выдернуть,

Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
И тутъ вѣдь Во́льга Святославовичъ
Посылаетъ всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку изъ земли повыдернули,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обори вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки изъ земли выдернуть,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Тутъ оратай-оратаюшко,
На своей ли кобылы соловенькой,
Пріѣхалъ ко сошки кленовенькой,
Онъ бралъ-то вѣдь сошку одной рукой,
Сошку изъ земли онъ повыдернулъ,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
А тутъ сѣли на добры́хъ коней поѣхали.
Какъ хвостъ-то у ней разстилается,
А грива́-то у нея да завивается.
У оратая кобыла ступью̀ пошла,
А Вольгинъ конь да вѣдь поскакиваетъ.
У оратая кобыла грудью̀ пошла,
А Вольгинъ конь да оставается.
Тутъ Вольга сталъ да онъ покрикивать,
Колпакомъ онъ сталъ да вѣдь помахивать.
«Ты постой-ко вѣдь оратай-оратаюшко!
«Какъ бы этая кобыла конько́мъ бы была,
«За этую кобылу пятьсо́тъ бы далѝ».
Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты Вольга Святославовичъ!
— Я купилъ эту кобылу жеребёночкомъ.
— Жеребёночкомъ да изъ подъ матушки,

— Заплатилъ за кобылу пятьсотъ рублей.
— Какъ бы этая кобыла конькомъ бы была,
— За этую кобылу цѣны нé было бы̀! —
Тутъ проговоритъ Вольга Святославовичъ:
«Ай же ты оратай-оратаюшко!
«Какъ-то тебя да именемъ зовутъ,
«Нарекаютъ тебя да по отечеству?»
Тутъ проговорилъ оратай оратаюшко:
— Ай же ты Вольга Святославовичъ!
— Я какъ ржи-то напашу да во ски́дры сложу,
— Я во скидры сложу да домой выволочу̀,
— Домой выволочу да дома вы́молочу,
— А я пива наварю да мужичковъ напою̀,
— А тутъ станутъ мужички меня похваливатѝ:
— «Молодой Микула Селяни́новичъ! —»
Тутъ пріѣхали ко городу ко Курцевцу,
Стали по городу похаживатѝ;
Стали города разсматриватѝ,
А ребята-то стали поговариватѝ:
«Какъ этотъ третьего дни былъ, да мужичковъ онъ билъ!»
А мужички-то стали собиратися,
Собиратися оны да думу думати:
Какъ бы притти да извинитися,
А имъ низко бы да поклонитися.
Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
— Ай же ты Никула Селяниновичъ!
— Я жалую отъ себя трема городами со крестьянамы.
— Оставайся здѣсь да вѣдь намѣстникомъ,
— Получай-ко ты дань да вѣдь грошовую! —

Записано въ Петербургѣ, 13 октября.

157.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Добрынѣ говорила роднá матушка:
«А что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
«А топтать-то младыихъ змѣнышевъ,
«Выручать-то полоновъ да русскіихъ.
«Не куплись Добрыня во Пучай рѣки,
«Пучай рѣка да есть великая,
«Средняя струя-то какъ огонь сѣчетъ».
А Добрыня матушки не слушался,
Онъ зашелъ-то во конюшенку стоялую,
Онъ и взялъ себѣ да коня добраго,
Онъ сѣдлалъ во сѣделышко черкаское,
Онъ потнички-то клалъ на потнички,
А на потнички-то клалъ вѣдь войлочки,
Онъ на войлочки черкаское сѣделышко,
И натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатый-то клалъ для ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-то были шелковыя,
А шпеньки-ты были булатніи,
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ не старѣетъ.
Онъ поѣхалъ во далече во чисто поле
На тыи горы Сорочинскіи.
Притопталъ всѣхъ младыихъ зміенышовъ,
Богатырское его сердце разгорѣлося,
Разгорѣлося да распотѣлося.
Онъ правилъ кóня ко Пучай рѣки,
Снимаетъ платьице онъ цвѣтное,

Забрелъ онъ за струечку за первую,
Забрелъ онъ за струечку среднюю,
Самъ говоритъ таково слово:
— Мнѣ Добрынѣ матушка говóрила,
— Мнѣ Никитичу матушка наказывала:
— Не куплися Добрыня во Пучай рѣки!
— А Пучай рѣка да есть свѣрипая,
— Средняя струя да какъ огонь сѣчетъ.
— А Пучай рѣка да есть смирнá прутка,
— Какъ будто лужа вѣдь дождевая. —
Вотъ какъ вѣтра нѣтъ и тучу пóднесло,
Тучи нѣтъ, да быдто громъ гремитъ,
Грому нѣтъ, да искры сыплются.
Налетѣло змѣичищо Горынчищо
О двѣнадцати змѣя о хóботахъ.
«А теперь Добрыня во моихъ рукахъ,
«Я теперь Добрыню съѣмъ-сожру,
«Съ кóнемъ съѣмъ-сожру, а захочу въ полонъ возьму!»
Какъ не было у Добрыни да добра коня,
Да не было у Добрыни платья цвѣтнаго,
Да не было меча да бурзомецкаго,
А Добрыня-то плавать гораздъ онъ былъ.
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Перенырнетъ на бережекъ на здѣшныій.
А только лежалъ да пуховъ колпакъ.
Насыпанъ колпакъ да земли Греческой,
Вѣсомъ колпакъ ровно три пуда.
Онъ ударилъ во змѣю да во проклятую,
Отбилъ двѣнадцать хоботовъ.
Тутъ упала змѣя да во ковыль траву.
А Добрыня да на ножку пóвертокъ;
Онъ скочилъ змѣи да на бѣлы груди,
Вотъ какъ тутъ змѣя да взмолилася:
«Ай же ты Добрыня сынъ Никитиничъ!

«Мы положимъ съ тóбой заповѣдь великую
«Чтобъ не ѣздить бы тебѣ во далече чисто поле,
«Не топтать-то вѣдь младыхъ змѣенышевъ,
«А моихъ-то вѣдь рожоныхъ малыхъ дѣтушокъ,
«А мнѣ не летать больше на святую Русь,
«Не носить-то людей да во полонъ къ себѣ».
А и та змѣя да вѣдь проклятая,
Поднялась она да вѣдь подъ облаку.
Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
Захватила тутъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій,
Онъ и кликалъ вѣдь былицъ да волшéбницъ,
Кто бы могъ достать Забаву дочь Путятичну.
Какъ проговоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Ты накинь-ка эту службу на Добрынюшку,
— На молода Добрынюшку Никитинича.
— У него-то со змѣей заповѣдь положена
— А не ѣздить боли во чисто поле,
— На тыи горы Сорочинскія,
— Не топтать-то вѣдь младыхъ змѣенышевъ,
— А змѣи не летать да па святую Русь,
— Не полóнить ей да людей русскіихъ.
— Такъ онъ можетъ достать безъ бою, безъ драки кровопролитія. —
Какъ пошелъ Добрыня закручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утýпилъ онъ ясны очи во сыру землю.
Какъ проговорила Добрынина матушка,
Пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна:
«Ай же ты Добрынюшко Микитиничъ!
«Что же ты Добрыня закручинился?
«Али мѣсто тебѣ было не по чину,

«Али чарой на пиру тебя пообнесли,
«Ду́ракъ на́ пиру да насмѣялся-де?»
Испроговоритъ Добрыня родной матушкѣ:
— Мѣсто мнѣ было вѣдь по чину,
— Чарою меня да не пообнесли,
— А дура́къ-то на пиру не насмѣялся де.
— Какъ солнышко Владимiръ стольне-кiевской
— Онъ накинулъ мнѣ да службу вѣдь великую,
— Съѣздить мнѣ далече во чисто поле
— На тыи горы Сорочинскiи,
— Во тую нору во глубокую,
— А достать князеву племянницу
— Молоду Забаву дочь Путятичну! —
Проговоритъ Добрынюшкина матушка:
«Молись-ко Богу и ложись-ко спать:
«Утро будетъ мудрое,
«Мудренѣе оно вечера!»
Поутру онъ вставалъ ранешенько,
Умывался водушкой бѣлешенько,
Подкрутился вѣдь да хорошехонько.
Онъ зашелъ во конюшеньку стоялую,
Онъ сѣдлалъ вѣдь ко́ня дѣдушкова,
Онъ сѣдлалъ да во сѣделышко черкаског,
Потнички онъ клалъ на потнички,
Онъ на потнички клалъ вѣдь войлочки,
А на войлочки черкаское сѣделышко.
Онъ натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатой-то клалъ для ради крѣпости:
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-то были шелковыя,
А шпеньки-ты были булатнiи,
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а булатъ не трется,

Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ не старѣетъ.
Онъ прощался съ родной матушкой,
Пречестной вдовой да Мальфой Тимоѳеевной.
Она на прощаньице ему да плетку подала,
Сама говорила таково слово:
«Когда будешь далече во чистомъ поли
«На тыихъ горахъ да Сорочинскіихъ,
«А притопчешь-то всѣхъ младыихъ змѣнышевъ,
«Подточатъ у бурка они да щоточки,
«Такъ возьми ты плеточку шелковую,
«Бей бурушки промежду ушей.
«Бей бурушки промежду ноги,
«Промежду ноги да ноги заднія.
«Станетъ бурушка-кавурушка подскакивать,
«А змѣнышевъ отъ ногъ онъ да оттряхивать,
«Притопчетъ всѣхъ да до единаго».
Онъ пріѣхалъ-то во чисто поле
На тыи горы Сорочинскіи,
Притопталъ-то онъ младыихъ змѣнышевъ.
Подточили да змѣи коню подъ щоточки,
Не можетъ бурушка болѣй да подскакивать,
Змѣнышевъ отъ ногъ да вѣдь оттряхивать.
Добрынюшка Микиничь
Онъ взялъ плеточку шелковую,
Сталъ бить бурушка промежду ушей,
Промежду ушей и промежду ноги,
Промежду ноги да ноги заднія.
Сталъ бурушка-кавурушка поскакивать,
А змѣнышевъ отъ ногъ да вѣдь отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ да до единаго.
Какъ изъ норы да изъ глубокія
Выходило змѣищо Горынчищо,
Выходила змѣя да та проклятая,

Сама говоритъ да таково слово:
— Какъ у насъ съ тобой была заповѣдь положена,
— Чтобъ не ѣздить тебѣ болѣ во чисто поле,
— Не топтать-то младыихъ змѣенышевъ,
— Моихъ-то рожоныхъ малыхъ дѣтушокъ. —
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничь:
«Ай же ты змѣя да ты проклятая!
«А черти-ль тебя несли да черезъ Кіевъ!
«Зачѣмъ ты взяла князеву племянницу
«Молоду Забаву дочь Путятичну?
«Ты отдай безъ брани безъ бою кровопролитія!»
Испроговоритъ змѣя та проклятая:
— Не отдамъ тебѣ безъ брани кровопролитія!—
Они тутъ дрались да цѣло по́ три дня.
А Добрыня сынъ Никитиничъ
Отшибъ у ей двѣнадцать хо́ботовъ,
Убилъ змѣю да ту проклятую.
Сошелъ во нору во глубокую,
Тамъ много князей боя́ровъ,
И много русскіихъ могучіихъ богатырей,
А мелкой силы и смѣты нѣтъ.
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Теперь вамъ да воля вольная!»
Онъ взялъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Онъ отдалъ Алешенькѣ Поповичу
Свезти ее да во Кіевъ градъ,
Ко солнышку ко князю ко Владиміру,
А самъ увидѣлъ лошадиный бродъ:
По колѣнъ-то у бурки да ноги гря́знули.
Онъ наѣхалъ паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатнею
Да тую паляницу въ буйну голову, —
Паляница назадъ не оглянется,

Добрыня на конѣ да пріужахнется.
Воротился Добрыня да ко сыру дубу,
Толщину дубъ шести саженъ.
Онъ ударилъ своей палицей булатнею во сы́рой дубъ,
И расшибъ-то дубъ да весь по ла́стиньямъ,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
«Какъ сила у богатыря по старому,
«А смѣлость у богатыря не по старому».
Онъ догналъ-то паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатною
Тую паляницу въ буйну голову.
Паляница-то назадъ да не оглянется,
Добрыня на конѣ да пріужахнется.
Воротился Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ саженъ двѣнадцати.
Онъ ударилъ своей палицей булатною во сырой дубъ,
Онъ расшибъ-то дубъ весь да по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
«Какъ сила у богатыря по старому,
«А смѣлость у богатыря не по старому».
Онъ догналъ-то паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатною
Тую паляницу въ буйну голову.
Паляница та назадъ да пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
— Я думала комарики покусываютъ;
— Ажно русскіи могучіи богатыри пощалкиваютъ! —
Ухватила Добрыню за желты кудри,
Посадила Добрыню во глубокъ карманъ,
А везла Добрыню цѣло по три дня.
Испроговоритъ паляницынъ конь человѣческимъ голосомъ:
«Ай же ты хозяюшка любимая!
«Не могу я васъ везти со бога́тыремъ.
«Конь у богатыря супротивъ меня,

«А сила у богатыря супротивъ тебя!»
Испроговоритъ паляница женщина великая:
— Если старъ богатырь, я голову срублю,
— Если младъ богатырь, я въ полонъ возьму;
— Если ровня богатырь, я замужъ пойду! —
Повыкинетъ Добрыню изъ карманчика,
Тутъ ей Добрыня вѣдь понравился.
Поѣхали ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру
Принимать съ Добрыней по злату вѣнцу,
Побыло три дня у нихъ да пированьице.
Говорилъ Добрыня своей родной матушкѣ
Пречестной вдовѣ да Мальфѣ Тимоѳеевнѣ:
«Ты почто меня Добрынюшку несчастнаго спородила?
«Ты бы лучше меня матушка спородила
«Бѣлыимъ горючіимъ камешкомъ,
«Завернула бы во тонкій бѣлой рукавчичекъ,
«А спустила бы меня во сине море.
«Я бы вѣкъ тамъ Добрыня во морѣ лежалъ,
«Я не ѣздилъ бы далéче во чисто поле,
«Не проливалъ бы я напрасно крови человѣчія,
«Не слезилъ бы я Добрыня отцовъ матерей,
«Не вдовилъ бы я Добрыня молодыихъ женъ,
«Не сироталисъ бы да малы дѣтушки!»
Испроговоритъ да пречестна вдова Мальфа Тимоѳеевна:
— Ай же ты Добрыня свѣтъ Никитиничъ!
— Я бы рада тебя дитятко спородити
— Я таланомъ-участью въ Илью Муромца,
— Я бы силой въ Святогора богатыря,
— Я бы смѣлостью въ Олеша да Поповича,
— Красотою во Осифа прекраснаго,
— А походкою щепетливою во того-ли Чурилушку Пленкóвича,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича,

— Только тыи статьи есть, другихъ Богъ не далъ,
— Богъ не далъ, не пожаловалъ. —
Провожала Добрыню родна матушка.
Какъ простилася — воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Стала по покоямъ похаживать,
Стала голосомъ она да поваживать,
Жалобнёшенько она да вѣдь съ причетью:
— Какъ у тыя было стремени у правыя,
— Провожали-то Добрыню любимá семья,
— Молода дочь Настасья Никулична.
— Провожаючи она да стала спрашивать,
— Стала спрашивать, да выговаривать:
— «Ты когда Добрынюшко домой будешь,
— «Когда Добрыню ждать да изъ чиста поля?»
— Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Когда ты меня стала спрашивать,
— Я тебѣ буду наказывать:
— Ты прожди Добрыню цѣло три́ году,
— Черезъ три́ года не буду, жди и дру́го три.
— Когда исполнится времечки шесть годовъ,
— Я не буду домой да изъ чиста поля,
— Поминай меня Добрынюшку убитаго,
— А тебѣ-ка-ва Настасья воля вольная:
— Хоть вдовой живи да хоть замужъ поди,
— Хоть за князя поди, хоть за боя́рина,
— Хоть за русскаго могучаго богáтыря,
— Только нé ходѝ за моего братца названаго,
— За смѣлаго Алешу за Поповича,
— А Алеша-то Поповичъ мой крестовый братъ! —
Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло тому времечки цѣло три́ года,

Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
И день-то за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло тому времечки друго три́ года.
Когда исполнилось времечки шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Какъ во ту пору во то время
Пріѣхалъ Олешенька Левонтьевичь изъ чиста поля,
Привезъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича,
Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ поли,
Буйна го́лова его да испроломана,
Мугучи́ плечи его да испрострѣлены,
Головой лежитъ да чрезъ ракитовъ кустъ.
Пречестна вдова Мальфа Тимоѳеевна
Жалобнешенько она по немъ поплакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо бѣлое
По своемъ по рожоноёмъ по дитятки,
По мо́лодомъ Добрынюшкѣ Микитичѣ.
Какъ во ту пору во то время
Сталъ солнышко Владиміръ князь похаживать,
Сталъ похаживать да выговаривать:
«Ай же ты Настасья дочь Никулична!
«Да какъ тебѣ жить да молодой вдовой,
«Молодой свой вѣкъ да коро́тати?
«Ты поди замужъ хоть за князя поди хоть за бояриа,
«Хоть за русскаго могучаго богатыря,
«Хоть за смѣлаго Олешу за Поповича!»
Испроговоритъ Настасья дочь Никулична:
— Я исполнила-то заповѣдь мужнюю:
— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
— Я исполню свою заповѣдь женскую;

— Я прожду Добрыню дру́го шесть годовъ.
— Когда исполнится времечки двѣнадцать лѣтъ,
— А не будетъ Добрыни изъ чиста́ поля,
— Я поспѣю и тогда за му́жъ пойти. —
Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времечки друго шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
А тутъ солнышко Владиміръ князь
Сталъ похаживать да выговаривать:
«Ай же ты Настасья дочь Никулична̀!
«Какъ же тебѣ жить да молодой вдовой.
«Молодой свой вѣкъ да коро́тати?
«Ты поди замужъ хоть за князя поди хоть за боярина,
«Хоть за русскаго могучаго богатыря,
«Хоть за смѣлаго Олешу за Поповича!»
Не пошла замужъ ни за князя ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
А сегодня имъ итти да ко Божьёй церкви,
Принимать съ Олешей по злату вѣнцу,
А Добрыня случился во Царе́градѣ.
Добрынинъ конь да спотыкается,
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
— Ты зачѣмъ сегодня потыкаешься? —
Какъ проговоритъ Добрынѣ конь человѣческимъ голосомъ:
«Ай же ты хозяинъ мой любимыи,
«Добрыня сынъ Микитиничъ!
«Какъ ты ѣздишь да забавляешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь;
«Какъ твоя да любима семья

«Молода Настасья дочь Никулична
«Замужъ пошла за смѣлаго Олешу за Поповича
«Вотъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
«Сегодня имъ итти да ко Божьей церкви,
«Принимать съ Олешей по злату вѣнцу».
Богатырское его сердце разгорѣлося,
Взялъ онъ плеточку шелковую,
Сталъ онъ бурушка бить да промежду ушей,
Сталъ онъ бурушка бить да промежду ноги,
Промежду ноги да ноги заднія.
Сталъ онъ бурушко-ковурушка поскакивать,
Съ горы на гору да съ холмы на холму,
Рѣки озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Что не ясенъ соколъ перелетъ летитъ,
Добрый молодецъ да перегонъ гонитъ.
Онъ пріѣхалъ ко граду Кіеву.
Не воротами ѣхалъ, чрезъ стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому-ли ко подворью ко вдовиному.
Онъ поставилъ своего добра коня,
Добра коня среди бѣла двора,
Непривязана да не приказана.
Какъ пошелъ во полаты бѣлокаменны,
Онъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Онъ всѣхъ въ зашей прочь отталкивалъ.
Онъ зашелъ въ полаты бѣлокаменны,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому,
Онъ на всѣ на четыре на стороны
Пречестной вдовѣ да Мальфы Тимоѳеевны въ особину.
А вслѣдъ идутъ придверничкн, да приворотнички,
Сами всѣ идутъ да жалобу творятъ:

— Ай же ты пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна!
— Какъ сей удалый добрый молодецъ
— Онъ наѣхалъ и́зъ поля скорымъ гонцомъ,
— Онъ не воротами ѣхалъ, черезъ стѣну городовую,
— Мимо тую башню наугольную.
— Онъ не спрашивалъ насъ приворотниковъ,
— Онъ не спрашивалъ насъ придверниковъ,
— Онъ всѣхъ въ зашей насъ да прочь отталкивалъ. —
Какъ проговоритъ честна вдова да Мальфа Тимоѳеевна:
«Ай же ты удалый добрый молодецъ!
«Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
«Да въ полаты идешь бездокладочно.
«Въ покои идешь да безобсылочно,
«А не спрашиваешь у воротъ да приворотниковъ,
«У дверей не спрашивашь да придверниковъ,
«Въ зашей прочь да всѣхъ отталкиваешь?
«Какъ бы было рожоно мое дитятко,
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
«За твои поступки не умильныи
«Отрубилъ бы тебѣ буйну голову».
Какъ проговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не напрасно-ли вы да согрѣшаете?
— Я вчера съ Добрыней поразъѣхался,
— Добрыня-то поѣхалъ ко Царюграду,
— Я поѣхалъ ко Кіеву.
— Велѣлъ спросить про его любиму семью,
— Про молоду Настасью да Никуличну! —
Испроговоритъ да Мальфа Тимоѳеевна:
«Какъ его Добрынина да любима семья,
«Настасья дочь Никулична замужъ пошла
«За смѣлаго Олешу за Поповича,
«Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
«Сегодня имъ итти да ко Божьей церкви,
«Принимать съ Олешей по злату вѣнцу.

«Какъ исполнилось времечки шесть годовъ,
«Пріѣхалъ Олеша изъ чиста поля,
«И привезъ онъ вѣсточку нерадостну:
«Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича,
«Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ по́лѣ,
«Буйна голова его да испроломана,
«Могучи плечи его да испрострѣлены,
«Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ.
«Жалобнешенько о немъ я да поплакала,
«Слезила я свои очи ясныя,
«Скорбила я свое лицо бѣлое
«По своемъ рожоноёмъ по дитяткѣ,
«По молодомъ Добрынюшкѣ Никитичѣ,
«Стала я по покоямъ похаживать,
«Стала голосомъ я вѣдь поваживать,
«Жалобнешенько я да и съ причетью».
Какъ проговорилъ удалый добрый молодецъ:
— Мнѣ наказывалъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Какъ есть въ горенки, да во спаленки,
— А во спаленки есть на столикѣ,
— Гуслицы его есть да яровчаты,
— Платьицо его да скоморошское. —
Одѣвался молодецъ да скоморошиной,
Пошелъ онъ на тотъ на почестный пиръ,
Онъ не спрашиваетъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
И всѣхъ въ зашей прочь да онъ отталкивалъ.
И заходитъ во палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
На всѣ на четыре на стороны,
А князю Владиміру въ особину.
— Здравствуй князь Владиміръ стольне-кіевскій
— Со своей княгиней со Опраксіей! —

Какъ вслѣдъ идутъ придверничкн да приворотнички,
Сами идутъ жалобу́ творятъ:
«Какъ сей удалый добрый молодецъ,
«Онъ не спрашивалъ у воротъ насъ приворотниковъ.
«У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
«Онъ всѣхъ взашей прочь да насъ отталкивалъ».
Скоморошина къ рѣчамъ не принимается,
Скоморошина къ рѣчи не вчуется,
Испроговоритъ удала скоморошина:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
— А гдѣ вѣдь наше мѣсто скоморошиноё? —
Испроговоритъ съ сердцемъ князь Владиміръ стольне-кіевскій:
«Ваше мѣсто скоморошеное
«На той-то печкѣ на запечки,
«На за́печки печки муравленой!»
Онъ скоро скочилъ на мѣсто показаноё,
Онъ натягивалъ тетивочки шелковыи,
На тыи-ли на струночки да золоченыи,
Сталъ онъ по струночкамъ похаживать,
Сталъ онъ голосомъ-то вѣдь поваживать.
А какъ въ карты играетъ во Царѣградѣ,
Онъ выигрышъ беретъ да все во Кіеви,
Онъ отъ стараго всѣхъ да до малаго.
Только вси на пиру да призамолкнули,
Сами говорятъ да таково слово:
— Это не быть удалой скоморошинѣ,
— А какому либо русскому могучему бога́тырю! —
Испроговоритъ Владиміръ стольне-кіевскій:
«Ай же ты удала скоморошина!
«За твою игру да за веселую
«Опущайся-ко съ печки съ за́печки,
«Выбирай-ко себѣ три мѣста любимыихъ:
«Перво мѣсто подли меня,

«А другóе мѣсто супротивъ меня,
«Третье мѣсто кýда самъ захошь,
«Куда самъ захошь, еще пожалуешь!»
Не садилась скоморошина подли князя,
Не садилась скоморошина супротивъ князя,
А садилась скоморошина супротивъ княжны да поручéныя,
Противъ молодой Настасьи Никуличной.
И прогóворитъ удала скоморошина:
— Ай ты солнышко Владимiръ стольне-кiевскiй!
— Ты позволь мнѣ нáлить чару зелена вина,
— А поднесть-то чару кому я́ знаю,
— Кому я́ знаю, еще пожалую! —
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Опустилъ онъ въ чару свой злаченъ перстень,
Подносилъ онъ чару молодóй княжнѣ,
Молодой княжнѣ Настасьѣ Никуличнѣ,
А самъ онъ говорилъ да таково слово:
— Ай же ты Настасья Никулична!
— Ты прими-тко чару единой рукой,
— Выпей чару единымъ духомъ.
— А какъ выпьешь до дна, увидишь добра,
— А не выпьешь до дна, не увидишь добра. —
Молода Настасья Никулична
Принимала-то чару единой рукой,
Выпивала чару единымъ духомъ,
Увидала въ чарѣ свой злаченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалися.
Испроговоритъ Настасья Никулична:
«А не тотъ мой мужъ который подли меня сидитъ,
«А тотъ мой мужъ который супротивъ меня сидитъ!»
Она скóчила черезъ дубовый столъ
И упала къ Добрынѣ ко рѣзвымъ ногамъ.
«Ты прости, прости, Добрынюшка Никитиничъ,
«А во той меня вины прости во глупости,

«Что не по твоему наказу вѣдь я сдѣлала:
«Я за смѣлаго Олешенку замужъ пошла!»
И проговорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не дивую я разуму женскому:
— У нихъ волосъ дологъ, умъ коротокъ,
— Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,
— Ихъ куда везутъ, они туда ѣдутъ.
— А дивую я князю Владиміру,
— Что князь-то Владиміръ ходилъ свататься,
— А княгиня-то Опраксія да свахою,
— У живаго мужа жену просватали! —
Тутъ князю Владиміру ко стыду пришло.
Испроговоритъ Алешенка Леонтьевичъ:
«Ты прости, прости, крестовый братъ,
«Добрынюшка сынъ вѣдь Никитиничъ!
«Что я подли твоей посидѣлъ да любимой семьи,
«Подлѣ молодой Настасьи Никуличной!»
Испроговоритъ Добрынюшка Никитиничь:
— Какъ во этой винѣ братецъ тебя Богъ проститъ,
— А въ этой винѣ братецъ тебя нé прощу!
— Вы пріѣхали изъ чиста поля черезъ шесть годовъ,
— Привезли вы моей матушкѣ вѣсточку нерадостну,
— Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитинича,
— Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ полѣ,
— Буйна голова его да испроломана,
— Могучи плечи его да испрострѣлены,
— Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ.
— Тутъ родитель моя матушка,
— Пречестна вдова да Мальѳа Тимоѳеевна,
— Жалобнешенько она по мнѣ поплакала,
— Слезила свои очи ясныя,
— Скорбила свое лицо бѣлое
— По своемъ по рожономъ по дитяткѣ,
— По молодомъ Добрынюшкѣ Никитиничѣ! —

Тутъ схватилъ Олешу за желты кудри,
Да выдернулъ Олешу чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Олешу о кирпиченъ полъ.
Выхватилъ шалыгу подорожную,
Онъ сталъ шалыжищемъ охаживать,
А что хлопанья, что оханья не слышно вѣдь.
Что не два-ли ясныхъ сокола слеталися,
Два сильныихъ могучіихъ богатыря
Съѣзжалися на смертный бой.
А всякъ-то́ братцы женится,
А не всякому женитьба удавалася.
А не дай Богъ женитьбы Олеши Поповича,
Только Олеша и женатъ бывалъ,
И женатъ бывалъ и съ женой сыпалъ.
Вотъ тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ,
Синему морю на тишину
Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмужахъ, 19 іюля.

158.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Во стольноемъ было во городи во Кіеви,
У славнаго князя у Владиміра,
Былъ собранъ многопочетный пиръ
На всѣхъ-то князей, да вѣдь бояровъ,
На всѣхъ гостей званыихъ-избраныихъ.
А какъ всѣ на пиру наѣдалися,
А какъ всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру-то порасхвастались:
Иный хвастаетъ добрымъ конемъ,
Иный хвастаетъ золотой казной.

Говорилъ тутъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Еще нечѣмъ мнѣ Владиміру похвастаться:
«Нѣтъ у меня да золотой казны.
«Еще первой русскій сильныи могучіи богатырь
«Старый казакъ да Илья Муромецъ,
«Съѣзди-ты да въ золоту орду,
«Получи тамъ дани-выходы
«За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною.
«Еще другій русскій сильныи могучіи богатырь
«Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣзди ты во Турцію,
«Получи тамъ дани-выходы
«За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною.
«Еще третій русскіи сильныи могучіи богатырь
«Мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничь!
«Съѣзди ты во Швецію,
«Получи тамъ дани-выходы
«За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною».
Собрались три сильнихъ русскихъ три могучіихъ богатыря
Ко кресту да ко Левинову.
Они тутъ крестами да побратались.
А кто изъ нихъ да будетъ большій братъ?
А кто изъ нихъ да будетъ средній братъ?
А кто изъ нихъ да будетъ меньшíй братъ?
А старый казакъ да Илья Муромецъ былъ большій братъ,
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средній братъ,
А мо́лодой Добрынюшка Никитиничъ былъ меньшій братъ.
А который изъ насъ раньше выѣдетъ,
А къ другому пріѣхати на выручку.
Воротился прежде всѣхъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ привезъ-то дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною.
Благодарилъ его Владиміръ стольне-кіевскій,
Говоритъ Михайлу По́тыку сыну Ивановичу:

«Пишетъ мнѣ Бухарь да царь заморскіи:
«Проситъ съ меня дани выходы за двѣнадцатъ лѣтъ и съ половиною».
Тутъ говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Ты пиши-тко къ Бухарю́ царю заморскому,
— Что посланы-де дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною,
— А со тѣмъ ли со Михайломъ Потыкомъ,
— А я поѣду самъ туда безъ выходовъ. —
— Здравствуйте Бухарь да царь заморскіи! —
Какъ проговоритъ Бухарь да царь заморскіи:
«Вы коей земли, да вы коей орды?»
— Я есть изъ города изъ Кіева.
— Я привезъ вамъ дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною
— Отъ того ли солнышка отъ князя отъ Владиміра. —
Испроговоритъ Бухарь да царь заморскіи:
«А гдѣ же у васъ-то дани выходы?»
— А отправлены монетою все мѣдною.
— У мужичковъ телѣжки подломалися,
— Мужички осталися починивать. —
Тутъ Бухарь-то царь заморскіи,
Онъ съ тоя великія со радости,
Самъ-то говоритъ да таково слово:
«У васъ чѣмъ въ Россіи забавляются:
«А играютъ ли во карты биліартовы,
«А играютъ ли во шашечки кленовыи
«А на тыхъ дощечкахъ на дубовыихъ?»
Оны ставили да первую доіщечку.
А Бухарь-то царь заморскіи
Онъ поставилъ на дощечку дани выходы,
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ поставилъ на дощечку своёго добра коня.

Сыграли тутъ дощечку они первую;
Проигралъ Михайло да добра коня.
А поставили дощечку-то вѣдь другую.
А Бухарь-то царь заморскіи
А поставилъ на дощечку дани выходы,
Да поставилъ онъ Михайлина добра коня.
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ поставилъ на дощечку буйну голову,
Вотъ сыграли оны дощечку да вѣдь другую,
Тутъ повыигралъ Михайла дани выходы,
Да повыигралъ Михайла своего добра коня.
А поставили дощечку они третьюю.
А Бухарь-то царь заморскіи
Онъ поставилъ на дощечку полцарства полы́мѣнства,
А Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ поставилъ на дощечку дани выходы,
И сыграли оны дощечку-то и третьюю,
Тутъ повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
А полцарства и полы́мѣнства.
Какъ въ ту пору, да въ то время
Дубовая дверь да растворилася,
Мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ является,
И самъ онъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты крестовый братъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты сидишь-играешь-забавляешься,
— Надъ собой-то вѣдь незгодушки не вѣдаешь.
— Какъ твоя ли Марья лебедь бѣлая,
— А подоленка да королевична,
— А уѣхала-то въ землю Политовскую,
— Какъ со тѣмъ королемъ да Политовскіимъ!—
У Михайлы сердце разгорѣлося,
Онъ и тяпнетъ-то дощечку-ту дубовую,
Да ударитъ въ дверь да во кленовую,

Да и вышибъ дверь онъ и съ одверьицемъ,
А самъ онъ говоритъ да таково слово:
«Ай же ты крестовый братъ
«Молодой Добрынюшка Никитичъ!
«Ты получай-ко дани выходы
«Съ Бухаря царя заморскаго,
«Отвези ко солнышку Владиміру,
«Я поѣду къ королю да Политовскому».
Какъ пріѣхалъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Закричалъ онъ богатырскіимъ да голосомъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична.
Наливала питья забудущаго,
Выбѣгала на перёное крылечико,
А сама да говоритъ да таково слово:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— У насъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ.
— Насъ куда ведутъ, мы туда́ идемъ.
— Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ.
— Ты прими-ко чару единой рукой,
— Выпей чару единымъ духомъ. —
А Михайло до вина да былъ упальчивый.
Онъ и принялъ чару единой рукой,
Онъ и выпилъ чару единымъ духомъ.
А какъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
А вѣдь Марья лебедь бѣлая,
Ухватила Михайлу за желты кудри,
Потащила Михайлу во чисто поле.
Бросила Михайлу да черезъ плечо,
А сама она да приговóрила:
«А ты стань-ко бѣленькой горючіiі ка́мешокъ!»
Какъ спомнили его братцы крестовыи,
Сожалѣли Михайлу Потыка Ивановича.
А старыи казакъ да Илья Муромецъ,

А молодой Добрынюшка Никитиничъ
Накрутилися въ калики перехожія,
А пошли они да въ землю Политовскую.
Идучись до земли Политовскія,
А сустигли старичища пилигримища.
А клюка у него да сорока пудовъ!
Пригласили старичища и въ компанію.
Приходили къ королю да Политовскому,
Подъ тоё косявчато окошечко,
Сопросили они тутъ да милостины.
А’ще Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична.
Услыхала голосъ да каличьіи,
А сама-то говоритъ да таково слово:
«Ай же ты король да Политовскіи!
«Ты зови каликъ въ палаты бѣлокаменны,
«Ты корми каликъ да до́сыта,
«Ты напой каликъ да до́пьяна,
«Ты дари каликъ да до́люба!»
И’ще тотъ король да Политовскіи,
Онъ и взялъ каликъ въ полаты бѣлокаменны,
Онъ кормилъ каликъ да до́сыта,
Онъ поилъ каликъ да до́пьяна,
Онъ дарилъ каликъ да до́люба:
Далъ и злата имъ онъ много множество.
Ты пошли калики изъ земли Политовскія,
Приходили ко бѣлому ко камешку.
Говоритъ старичищо пилигримищо:
— Теперь время намъ братцы животовъ дѣлить. —
Испроговорятъ калики перехожія:
«Ты дѣли, старичище пилигримищо».
И тутъ сталъ старичище животовъ дѣлить,
А дѣлить-то на четыре четверти.
И проговорятъ калики перехожія:

«А кому эта вѣдь четверта часть?»
Говоритъ старичищо пилигримищо:
— А тому изъ насъ вѣдь четверта часть,
— А кто броситъ этотъ камешокъ черéзъ плечо? —
Прискочилъ Добрынюшка Никитиничъ,
По колѣнъ-то каменя поднять онъ могъ,
По колѣна Добрыня онъ въ землю́ увязъ.
Прискочилъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ,
По грудямъ-то каменя поднять онъ могъ,
По грудямъ Илья въ землю увязъ.
Испроговоритъ старый казакъ да Илья Муромецъ:
«Поднимай-ко старичищо пилигримищо
«А ты этотъ-то да бѣлый камешекъ!»
Прискочилъ пилигримищо ко камешку,
Онъ привзялъ-то камешокъ конецъ-кувши [1]),
Онъ и бросилъ камешокъ черезъ плечо,
Самъ ко камешку да приговаривалъ:
— Ты повыскочь-ко тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ! —
«Фу-фу я какъ долго спалъ!»
Говоритъ старичищо пилигримищо:
— Еслибъ не я, тутъ ты и вѣкъ бы спалъ! —
Говоритъ старичищо таково слово:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты когда будешь во градѣ во Кіевѣ,
— Ты поставь свѣчу Николы угоднику. —
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Распрощался онъ со братцима крестовыма,
Самъ пошелъ онъ въ землю Политовскую.
Онъ приходитъ вѣдь на королевскій дворъ,
Закричалъ онъ богатырскіимъ да голосомъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,

1) Такъ поетъ, но не знаетъ, что̀ значитъ.

Та подоленка да королевична,
Наливала питья забудущаго,
Выбѣгала на перёное крылечико.
А сама да говоритъ-то таково слово!
«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты прими-тко чару единой рукой,
«А вѣдь выпей чару единымъ духомъ.
«Мы поѣдемъ съ то́бой ко́ граду ко Кіеву,
«А ко ласковому князю ко Владиміру».
А Михайла до вина упальчивъ былъ.
Онъ принялъ-то чару единой рукой,
А вѣдь выпилъ чару единымъ духомъ,
А гдѣ выпилъ, онъ тутъ въ сонъ заснулъ.
Тутъ схватила Марья лебедь бѣлая,
А подоленка да королевична,
А того Михайлу за желты кудри,
Потащила его да во глубокъ погребъ,
Прибивала его да вѣдь на стѣну.
Сама побѣжала вѣдь на торжищо
Покупать-то гвоздёвъ да сердечныихъ.
У того короля да Политовскаго
Была дочь Настасія красивая,
Пришла по́смотрѣти русскаго богатыря.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ взмолился ей:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Ты повытащи гвоздья хоть бы нёгтями,
— Я теперя Марьѣ голову срублю,
— А тебя Настасья я замужъ возьму. —
Вотъ повытащила гвоздья она нёгтями,
Прибивала мертваго татарина,
А хоть мертваго да и мерзлаго.
Повела Михайлу во покои во особые,
Увидалъ-то король Политовскіи,
И самъ говоритъ да таково слово:

«Ай же ты Настасья королевична!
«Ты кого ведешь да черна съ собой?»
Испроговоритъ Настасья королевична:
— У м'не была младая служаночка,
— Захотѣла посмотрѣти русскаго богатыря:
— Какъ увидѣла и испугалася,
— А теперь идетъ во покои во особые. —
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ заростилъ тутъ кровавыи раночки,
А Настасья-то королевична
Стала просить коня-то богатырскаго
У того короля Политовскаго,
А что съѣздить ей да во чисто поле.
Посадила на коня Михайлу Потыка сына Ивановича.
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Закричалъ онъ богатырскіимъ голосомъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
А подоленка да королевична.
Наливала питья забыдущаго,
Выбѣгала на перёное крылечико,
Сама говоритъ да таково слово:
«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты прими-тко чару единой рукой,
«А да выпей чару единымъ духомъ.
«Мы поѣдемъ къ городу ко Кіеву
«А ко ласковому князю ко Владиміру».
А Михайла до вина упальчивъ былъ.
Онъ и принялъ чару единой рукой,
Хотѣлъ выпить онъ да единымъ духомъ.
Услыхала Настасья королевична,
Растворила косивчато окошечко,
Закричала она жалкимъ голосомъ:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Знать забылъ ты свою заповѣдь? —

Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ взмахнулъ да своей саблей востроёй,
Онъ срубилъ-то Марьѣ буйну голову.
А онъ тутъ Настасью да замужъ-то взялъ,
Да поѣхали да ко граду ко Кіеву,
А ко солнышку ко князю ко Владиміру.
Было по три дня у ихъ пированьицо.
А вѣдь тутъ про Михайлу старину поютъ,
Синему морю да на тишину
Намъ всѣмъ добрыимъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

159.

ДЮКЪ.

Во той было Индѣи во богатыя,
А былъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ ходилъ по тихіимъ по заводямъ,
Стрѣлялъ сѣрыхъ гусей и лебедей.
Онъ всѣхъ выстрѣлялъ ровно триста стрѣлъ,
Ровно триста стрѣлъ да еще три стрѣлы.
Онъ тремъ-то стамъ цѣну вѣдаетъ,
Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
Какъ изъ-подъ камешка изъ-подъ яхонта,
Изъ-подъ яхонта да самоцвѣтнаго,
Убилъ онъ три орла онъ три орловища.
А не тѣхъ убилъ, которы летаютъ по святой Руси,
Онъ тѣхъ убилъ, которые летаютъ по синимъ морямъ.
Какъ ѣдутъ гости корабельщики,
Поднимаютъ это перушко орлиноё.
Продавали это перушко
Подороже-то атласу, рыта бархату.

Покупали мужички-то да индѣйскіе,
Приносили это перышко въ подарочекъ
Ко его-ли ко Дюкову батюшко.
А онъ самъ стрѣля́лъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ съ такихъ-ли великіихъ со радостей,
Пошелъ онъ къ государынѣ родной матушкѣ,
Просить прощеньица съ благословеньицемъ
Ѣхать ко граду ко Кіеву,
Ко ласковому ко князю ко Владиміру,
Онъ прямой дорожкой не окольною.
Какъ проговорила его государыня родна матушка,
Родна матушка Мальфа Тимоѳеевна:
«Я не дамъ тебѣ прощеньица съ благословеньицемъ,
«Ѣхать ко граду ко Кіеву,
«Ко ласковому ко князю ко Владиміру,
«Прямой дорожкой не окольною.
«А прямой дорожкой не окольною
«Есть три за́ставы тамъ да великія:
«А первая-то за́става есть горы тамъ толкучіи:
«Въ другой разъ столкнутся, а въ дру́горы истолкнутся;
«Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
«Тутъ тебѣ моло́дому живу́ не быть.
«Есть тамъ другая застава — птицы клевучія,
«Онѣ тебя Дюка и съ конемъ склюютъ.
«Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
«Тутъ тебѣ моло́дому живу́ не быть.
«Есть третья тамъ за́става — лежитъ змѣищо горынчищо,
«О двѣнадцати змѣя о хоботахъ,
«И тая тебя и съ конемъ сожретъ.
«Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
«Тутъ тебѣ моло́дому живу́ не быть».
А онъ мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ не слушалъ своей да государыни родной матушки,
Пречестной вдовы Мальфы Тимоѳеевны,

Онъ пошелъ во конюшенку стоялую,
Взялъ онъ уздицу да вѣдь тесмяную,
Онъ взялъ бурушко да вѣдь ковурушка.
Какъ у бурушка по колѣнъ ноги въ землю зарóщены.
Онъ кормилъ буркá пшеномъ да бѣлояровымъ,
Онъ поилъ бурка питьицемъ медвяныимъ,
Онъ сѣдлалъ буркá въ черкаское сѣделышко,
Онъ потнички-то клалъ на потнички,
На потнички онъ клалъ да вѣдь войлочки,
А на войлочки черкаское сѣделышко.
Онъ натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатый клалъ для ради крѣпости,
Чтобы конь съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-ты были шелковыя,
Шпеньки у подпруговъ булатнія,
Пряжки у него да красна золота.
А какъ шелкъ не рвется, булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на кони сидитъ не старѣетъ.
Онъ садился на добра коня,
Прощался съ государыней родной матушкой,
Какъ пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна
На прощеньице ему да наказывала:
«Ай ты мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Если Богъ тебѣ судитъ быть во Кіевѣ,
«У ласкова князя у Владиміра,
«Ты не хвастай животишками сиротскими,
«Сиротскими животишками вдовиными!»
Перво пóприще бурке скочилъ цѣлý версту,
И припадывалъ къ земли сыро-мáтерой,
Испроговоритъ человѣческимъ голосомъ:
— Ай же ты хозяинъ мой любимыи!
— Опущайся-ко съ меня добра коня,

— Ты бери-тко земли да сыро-матерой,
— Ты подвязывай подъ плечико подъ право,
— Да подвязывай подъ плечико подъ лѣвое,
— Чтобъ не страшно было сидѣть на мнѣ да на добромъ конѣ. —
Какъ мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ опущался вѣдь да со добра коня,
А онъ бралъ земли да сыро-матерой,
Онъ подвязывалъ подъ плечико подъ правое,
Да подвязывалъ подъ плечико подъ лѣвое,
И садился онъ да на добра коня.
Тутъ сталъ бурушко-кавурушка поскакивать,
Съ горы на гору, да съ холмы на́ холму,
А рѣки озёра пе́рескакивать,
Широки́ раздолья между ногъ пущать.
А пріѣхалъ онъ ко́ граду ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владиміру.
Заѣхалъ онъ среди бѣла двора,
Поставилъ онъ своего добра коня
Не привязана, да не приказана.
А онъ самъ взошелъ въ столову во переднюю,
Онъ крестъ кладетъ по писа́ному,
А поклонъ ведетъ да по ученому
А на всѣ на четыре на стороны,
А княгинѣ Апраксіи въ особину.
А спроговоритъ мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Вы здравствуйте княгиня Апраксія!
«А гдѣ солнышко Владиміръ стольне-кіевской?»
— А солнышко Владиміръ стольне-кіевской
— Ушелъ онъ во Божью церковь,
— Къ обѣдни да ко раннія. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ вышелъ на улицу на ши́рокую,
На тую дуброву на зеленую,

Пошелъ онъ во Божью церковь.
Мостовыя были землею призасыпаны,
Ихъ подлило водою дождевою,
Замаралъ онъ сапожки зеленъ сафьянъ.
Пришелъ онъ во Божою церковь,
Онъ крестъ кладетъ да по писáному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
На всѣ на четыре на стороны,
А князю Владиміру въ особину.
Испроговоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай же ты удалый добрый молодецъ!
«Ты изъ какой земли, изъ какой орды,
«Да какъ тебя, молодецъ, именемъ зовутъ,
«Нарекаютъ по отечеству?»
— Я изъ той Индѣи изъ богатыя,
— Мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
— Отстоялъ дома раннюю заутреню,
— А сюда пріѣхалъ вѣдь къ обѣдни-де. —
Какъ прогóворятъ князи бояра,
А также говорятъ и мелкá чета:
«А не быть это мóлоду Дюку Степановичу!
«А какой нибудь дѣтинушко залётаникъ.
«Онъ убилъ князя́, либó боярина,
«Онъ на платьице свое да вѣдь поглядыватъ».
Какъ и вышли изъ церкви изъ Божія
На тую улицу на широкую,
На тую дуброву на зеленую,
Мостовыя были земелькой припасыпаны,
Ихъ подлило водою дождевою,
Замаралъ онъ сапожки зеленъ сафьянъ.
Какъ проговоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки:
— А что Кіевъ очень краси́въ-добристъ,
— Ажно въ Кіевѣ все не по нашему.

— Церквы у васъ деревяныя,
— А маковки на церквахъ да осиновыя.
— А у насъ-ли во Индѣи во богатыя
— Церкви у насъ да всѣ каменныя,
— А известочкой они да отбѣ́лены,
— На церквахъ-то маковки самоцвѣтныя,
— На домахъ-то крышечки золоченыя,
— Мостовыя рудожолтыма пріусыпаны,
— Сорочинскія суконца прирозастланы,
— Не замараешь тутъ сапожковъ зеленъ сафьянъ.—
Вотъ зашли они во полаты княженецкія,
Садились за дубовый столъ хлѣба кушати,
Стали крупивчатыхъ калачиковъ оны рушати.
Какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ мяки́шь-то ѣстъ, а корочку подъ столъ мечетъ.
А проговоритъ Владиміръ стольне-кіевскій:
«Ай же ты моло́дой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А ты почто мяки́шь ѣшь, а корочку подъ столъ мечешь?»
Какъ проговоритъ моло́дой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки:
— Что Кіевъ очень краси́въ-добристъ,
— Ажно въ Кіевѣ все не по нашему.
— У васъ печки-то каменныя,
— А помелечки у васъ да сосновыи.
— А какъ пахнутъ-то колачики крупивчиты
— На тую сѣру на сосновую,
— На сосновую сѣру на кипучую,
— На кипучую сѣру на горючую,
— Не могу я ѣсть колачиковъ крупивчатыхъ.
— Какъ у мо́ей государыни у родной матушки,
— Пречестной вдовы Мальфы Тимоѳеевны,
— У насъ печки всѣ-то мура́вленые,
— А помелечки у насъ да шелковыи,
— А пекетъ она колачики крупивчаты:

— Какъ колачикъ-то съѣшь, такъ дру́гой хочется,
— А другой-то съѣшь, по третьемъ душа горитъ,
— А какъ третій съѣшь, четвертый съ ума нейдетъ. —
Тутъ прогóворилъ Владиміръ стольній-кіевскій:
«Ай же ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А ты мóлодой бояринъ самъ захвастливый.
«Ты ударь-ко съ нашимъ Чурилушкой Пленковичемъ о великъ закладъ:
«Чтобы ѣздить вамъ во чисто поле по три́ году,
«А по три́ году да еще по три дни,
«Чтобы на всякій день кони были смѣнные,
«Чтобы смѣнные да перемѣнные,
«А шерсти такой да бы не было,
«А платье на всякій день было смѣнное,
«Чтобы цвѣту такого да не было,
«А на третій день вамъ итти да ко Божьей церкви.
«А который изъ васъ добрѣе вы́ступитъ,
«А другому изъ васъ да голова рубить!»
И не спустили тутъ Дюка Степановича
Съѣздить за платьемъ за цвѣтныимъ,
Во тую Индѣю во богатую.
Онъ сѣлъ бояринъ закручинился,
Закручинился да запечалился,
Онъ повѣсилъ свою да буйну голову,
Утупилъ-то ясны очи во сыру землю.
Онъ садился вѣдь да на ременчатъ стулъ,
Писалъ скорописчатые е́рлычки
Ко своей-ли государыни родной матушкѣ,
Къ пречестной вдовѣ Мальфѣ Тимоѳеевнѣ,
Какъ по Чурилѣ-то Пленковичу
Держали порукушку двумя грады:
А первымъ градомъ Кіевомъ,
А другимъ градомъ Черниговомъ.
А молодому боярину Дюку Степановичу

Держалъ поруку крѣпкую
Тотъ-ли владыко Черниговскій,
Его-ли крестовый онъ батюшко.
Клалъ на бурушка сумки переметныя,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Ай ты бурушко-ковурушко!
— Когда прискачешь во Индѣю во богатую
— Къ моей-то государыни родной матушкѣ,
— Ты заржай-ко голосомъ лошадиныимъ! —
Услыхала голосъ лошадиныій
Его-ли государыня родна матушка,
Выбѣгала на крылечико переднее,
А сама говоритъ да таково слово:
«Видно нѣтъ жива моего дитятки,
«Молода боярина Дюка Степановича!»
Какъ увидала сумки переметныя,
И говоритъ да таково слово:
«Какъ мой-ли мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ захвастливый,
«Захвастливый, да знать захваченой!»
Вынимала скорописчатые е́рлычки,
Кладывала туды платьица на каждой день:
На каждой дёнь по три платьица,
Смѣнныя и перемѣнныя по три годы,
По три годы, еще и по три дни.
Отпущала бурушка ковурушка,
Сама говоритъ да таково слово:
«Какъ прискачешь ты во Кіевъ градъ,
«Во Кіевъ градъ на княженецкій дворъ,
«Ты заржай-ко лошадиныимъ голосомъ!»
А моло́дой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Услыхалъ онъ своего добра коня,
Онъ взялъ сумки да вѣдь переметныя.
Тутъ поѣхали во чисто поле поляковать,

А Чурилушка Пленковичъ по́гналъ ко́ней онъ цѣлы́имъ стадомъ,
А молодый бояринъ Дюкъ Степановичъ
Пораньше-то онъ повыстанетъ,
Бурка въ росы онъ повы́катаетъ,
На буркѣ-то шерсть да перемѣнится.
И тутъ они проѣздили по три годы,
По три годы да еще по три дни.
А севодня итти имъ ко Божьей церкви.
А тому-ли Чурилушкѣ Пленковичу
Во своемъ-ли ему городѣ да дѣется,
Становился онъ на крылосо на правое,
А мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Становился онъ на крылосо на лѣвоё.
А Чурилушко Пленковичъ взялъ онъ плеточку шелковую,
Сталъ онъ плеточкой по пуговкамъ поваживать
Пуговкой о пуговку позванивать.
Какъ отъ пуговки было да до пуговки,
Плыветъ змѣищо горынчищо,
О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
Какъ испроговорятъ князи бояра,
И также говоритъ и вся мелка чета:
— Какъ у нашего Чурилушки Пленковича
— Есть отмѣточка противъ молода боярина Дюка Степановича! —
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ повѣсилъ свою да буйну голову,
Утупилъ ясны очи во сыру землю.
Онъ взялъ-то плеточку шелковую,
Сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Пуговкой о пуговку позванивать.
Какъ отъ пуговки было да до пуговки
Налетѣли тутъ птицы клевучіи,
Наскакали тутъ звѣри рыкучіи.

А тутъ въ церкви всѣ да о́ зень пали,
О зень пали да и́ны о́бмерли.
Тутъ проговоритъ Владиміръ стольній-кіевскій:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Пріуми тко ты птицъ тыхъ клевучіихъ,
«Призакличь-ко тыхъ звѣрей рыкучіихъ,
«Да оставь-ко ты народу хоть на сѣмена!»
Тутъ проговоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я севодня не твое ѣмъ, да кушаю,
— Не хочу тебя и слушати! —
Какъ проговоритъ владыко-то Черниговски,
Его-ли крестовый батюшко:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Призакличь-ко ты птицъ клевучіихъ,
«Пріуйми-тко ты звѣрей рыкучіихъ,
«Ты оставь-ко народу намъ на сѣмена».
А тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Послушался крестоваго онъ батюшки,
Призакликалъ птицъ онъ клевучіихъ,
Пріунялъ звѣрей тыхъ рыкучіихъ.
Тутъ проговоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же солнышко Владиміръ стольній-кіевскій!
— Намъ которому съ Чурилой голова рубить? —
Какъ возговорилъ Чурилушка Пленковичъ:
«Ай же мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Ты ударь-ко со мною о великъ закладъ.
«А который изъ насъ переско́читъ черезъ Пучай-рѣку,
«А который изъ насъ да не пере́скочитъ, —
«Тому изъ насъ да голова рубить.
«А Пучай-рѣка да на два поприща!»
Тутъ проговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— А твоя ли похвальба напередъ зашла!
— Ты скачи-ко прежде чрезъ Пучай-рѣку. —
Онъ скакалъ Чурило чрезъ Пучай рѣку:

О полу рѣки Чурило въ воду ввержился.
А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Скоро на скоро скакалъ да чрезъ Пучай рѣку,
Онъ скорѣе того поворотъ держалъ.
О полу рѣки онъ на воды припадывалъ,
И Чурилу за желты кудри захватывалъ,
Повытащилъ Чурилушку съ конемъ съ воды,
И самъ онъ говоритъ да таково слово:
— Ай ты солнышко Владимiръ стольнiй-кiевскiй!
— Намъ которому съ Чурилой голова рубить? —
Тутъ проговорилъ Владимiръ стольнiй-кiевскiй:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
«Ты оставь-ко намъ Чурилу хоть для памяти!»
Тутъ проговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же ты Чурилушка Пленко́вичъ!
— А пусть ты княземъ Владимiромъ упрошеный,
— А кiевскими бабами уплаканный.
— Ты не ѣзди-то съ нами со бурлаками,
— Ты не ѣзди во чисто поле поляковать,
— А живи ты во́ градѣ во Кiевѣ,
— Въ Кiевѣ во градѣ между бабамы! —
Тутъ Владимiръ стольнiй-кiевскiй
Посылалъ онъ тутъ обцѣнщичковъ
Во тую-ли Индѣю во богатую
Къ пречестно́й вдовѣ Мальѳы Тимоѳеевной.
Во первыхъ стараго казака Илью Муромца,
А въ дру́гiихъ молода Добрынюшку Никитича,
А онъ въ тре́тьiихъ Олешушку Поповича.
Тутъ про́говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай ты солнышко Владимiръ стольнiй-кiевскiй:
— Не посылай-ко ты Олешушку Поповича:
— У него глазишечка-ты поповскiя,
— А поповскiя глазишечка завидливы,

— Не выѣхать ему изъ той Индѣи изъ богатыя.
— Не берите-ко бумаги на три мѣсяца,
— Вы берите-ко бумаги на три году,
— На три году, да еще на три дни. —
Тутъ солнышко Владиміръ стольній-кіевскій,
Отправлялъ-то стараго казака Илью Муромца,
Отправлялъ-то молода Добрынушку Никитича.
Какъ пріѣхали подъ Индѣю подъ богатую,
Они выстали на гору на высокую,
И увид'ли ту Индѣю да богатую,
Сами говорятъ да таково слово:
«Какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
«Знать послалъ онъ вѣсточку къ своей матушкѣ,
«Что зажгана Индѣя та богатая».
Какъ пріѣхали въ Индѣю ту богатую,
А тутъ церкви были всѣ каменныя,
Стѣны известочкой отбѣлены,
На церквахъ маковки самоцвѣтныя,
На домахъ крышечки да золоченыя,
Мостовыя рудожелтыми песочками пріусыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы.
Вотъ зашли они въ полаты бѣлокаменны,
Вотъ сидитъ жена да стара-матера,
Стара-ма́тера да и вся въ золотѣ.
Они бьютъ челомъ, да поклоняются:
«Вы здравствуйте да Дюковая матушка!»
Испроговоритъ жена да стара-матера:
— Я не есть-то Дюковая матушка! —
Тутъ прошли они въ полаты во переднія,
Тутъ сидитъ жена да стара-матера,
Она болѣ того да и вся въ золоти.
Они бьютъ челомъ, да поклоняются:
«Вы здравствуйте да Дюковая матушка!»
Испроговоритъ жена да стара-матера:

— Я не есть-то Дюковая матушка!
— Я есть-то Дюковой матушки колашница. —
«А гдѣ же есть-то Дюковая матушка?»
Испроговоритъ жена да стара-матера:
— А Дюковая матушка
— Ушла она во Божою церковь,
— Къ обѣднѣ-то ко поздней. —
Какъ идетъ-то Дюковая матушка:
Двое-трое ведутъ ее подъ руки,
А и сама говоритъ де таково:
«Вы здравствуйте, му́жички да вы оцѣнщички!
«Вы зачѣмъ сюда да вѣдь пріѣхали?
«Знать животишечковъ сиротскіихъ описывать?»
Тутъ прошли они въ полаты бѣлокаменны,
Садилися они за столы дубовыи,
И стали за столомъ они да кушати
И крупивчатыхъ колачиковъ рушати.
Какъ колачикъ-то съѣшь, дру́гой хочется,
Другой съѣшь, на третьемъ душа горитъ,
А третій-то съѣшь, четвертый съ ума нейдетъ.
Тутъ пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна
Привела ихъ въ погреба глубокіи,
Ко тѣмъ ли сбруямъ лошадиныимъ,
Да тутъ они писали по три́ годы,
По три годы да еще по три дни.
Еще привела: висятъ бочки красна золота,
А другія висятъ чиста серебра,
А третьи висятъ скатна жемчуга.
Потомъ вывела на улицу да на широкую:
Течетъ-то струйка золоченая,
И тутъ они не могли и смѣты дать.
Сама говоритъ таково слово:
«Ай же вы мужички да вы оцѣнщички!
«Поѣзжайте вы ко́ граду ко Кіеву,

«Ко тому ли ко князю ко Владиміру,
«Вы скажите-тко князю Владиміру:
«Онъ на бумагу продастъ пусть Кіевъ градъ,
«А на чернила продастъ весь Черниговъ градъ,
«А тогда пріѣдетъ животишечковъ сиротскіихъ описывать».
Какъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
Да молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Они пріѣхали-то кó граду ко Кіеву,
Къ солнышку князю ко Владиміру,
И сами говорятъ да таково слово:
— Наказывала Дюковая матушка
— На бумагу продать весь Кіевъ градъ,
— На чернила продать Черниговъ градъ,
— Тогда пріѣхать животишечковъ сиротскіихъ описывать? —
Тутъ проговорилъ Владиміръ стольній кіевскій:
«Ай же мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«За твою ли за великую за похвальбу
«Ты торгуй-то въ нашемъ вó градѣ во Кіевѣ,
«А во Кіевѣ во градѣ да безъ пошлины!»
А тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ садился на своего добра коня,
Онъ поѣхалъ-то въ Индѣю во богатую
Ко своей государыни родной матушкѣ,
Къ пречестной вдовѣ Мальфѣ Тимоѳеевнѣ.
А онъ сдѣлалъ съ нею доброе здоровьице,
А тутъ вѣкъ про Дюка старину скажутъ,
Синему морю на ти́шину,
Добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

160.

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

Вы, молóдые ребята, послушайте,
А мы, стары старики, да будемъ сказывати
Про грознаго царя Ивана Васильевича,
Какъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Казань горóдъ покорилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку онъ подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ катилъ,
А онъ пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ:
А Татаре-то по городу похаживаютъ,
Они всякіе похабности оказываютъ,
Óни грозному царю да надсмѣхаются:
«Не бывать нашей Казани да за бѣлыимъ царемъ!»
Какъ тутъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Государь царь поразгнѣвался,
Что подрывъ-то такъ долго медлится,
Приказалъ тутъ онъ да пушкарей казнить,
Всѣхъ подкопщичковъ да й зажигальщичковъ.
Какъ тутъ всѣ пушкари призадумалися,
Призадумалися да запечалилися.
А одинъ пушкарь поотважился,
Говоритъ пушкарь да таково слово:
«Ты позволь, государь, слово выговорить!»
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Какъ тутъ догорѣли зажигальніа свѣчи,
Вдругъ рáзорвало бочки съ порохомъ:
Стѣны крѣпости бросало за Сулай за рѣку.
Татаре тутъ всѣ устрашилися,
Они бѣлому чарю да покорилися.
Говорятъ тѣ Татаре таково слово:

— Вѣчно быть нашéй Казани подъ святóй Русью,
— Подъ святóй Русью непобѣдимою,
— Непобѣдимою Богóмъ любимою! —

Записано въ Петербургѣ, 24 ноября 1871.

161.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

Посредѣ́-ль было Московскаго царства,
Середи было Россійска государства,
Какъ у свѣта у Архангелы Михайлы,
У Ивана у великаго въ соборѣ,
Зазвонили во большой во колоколъ,
Всихъ князей бояръ къ обѣднѣ созывали.
Тамъ служили святыи молебенъ.
Выходилъ нашá надежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской,
Становился государь на ровно мѣсто,
На всѣ стороны онъ поклонился,
Что ни злата труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорилъ нашá надежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій:
«Ай же вы мои князья бояра!
«Пособите государю дума думать,
«Дума думать государю не продумать:
«А отдать ли мнѣ-то городъ Смоленецъ?»
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга,
Еще первыи бояринъ выступаетъ
Тимоѳей сударь Ивановичъ Казанской,
Поблизешеньку къ царю онъ становился,
Понизешеньку царю онъ поклонился.

— Ахъ ты, свѣтъ нашá надежа государь царь
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій:
— Бласлови-тко, государь, мнѣ слово молвить,
— Не возьми-тко мое слово во досаду,
— Не вели-тко скоро зá слово казнити.
— А отдай-ко ты городъ Смоленецъ,
— А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
— Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
— Не московскоё строеньицо, литовско. —
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга
Еще другіи бояринъ выступаетъ,
А Илья сударь Ивановичъ Хованской.
Поблизешенько къ царю онъ становился,
Понизешенько царю онъ поклонился.
«Ахъ ты, свѣтъ нашá надежа государь царь
«Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій!
«Бласлови-тко государь мнѣ слово молвить,
«Не возьми-тко мое слово во досаду,
«Не вели-тко скоро зá слово казнити.
«Ты отдай-ко вѣдь городъ Смоленецъ
«А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
«Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
«Не московскоё строеньицо, литовско».
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга
Еще третіи бояринъ выступаетъ
А Иванъ сударь Иванычъ Милославской.
Поблизешенько къ царю онъ становился,
Понизешенько царю онъ поклонился.
— Ахъ ты, свѣтъ нашá надежа государь царь
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій!

— Не отдай-ко ты вѣдь города Смоленца,
— А Смоленецъ-то вѣдь городъ очень крѣпокъ,
— Во Смоленцѣ золотой казны безчётно,
— Не литовское строеньице, московско! —
Тутъ проговоритъ свѣтъ наша надежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московскій:
«Ай же ты храбрыи воинъ
«Иванъ сударь Иванычъ Милославской!
«А ты знаешь вѣдь съ царемъ и говорити,
«Поѣзжай туда во полки воеводой!»
А какъ тѣхъ бояръ велѣлъ да царь казнити.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

162.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

Какъ на со́ловья не зима бы да студеная,
Не морозы бы да вѣдь крещенскіе,
Не леталъ бы я со́ловей по мхамъ, по болотицамъ,
И по ча́стыимъ да наволочицамъ.
А какъ на мо́лодца да не служба бъ государева,
Не наборы вѣдь солдатскіе,
Не ходилъ бы молодецъ по чужей дальней по сторонушкѣ,
А по той по свирской по украинѣ.
Вотъ пошелъ молоде́цъ изъ земли въ землю,
А зашелъ молодецъ къ королю въ Литву.
«Ай ты батюшко да ко́роль По́льскіи!
«Ты прими молодца́ во слуги-рабы,
«Во слуги-рабы прими да хоть во конюхи».
Я во конюхахъ-то жилъ да цѣло три годы,
Не ходилъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А не пилъ молодецъ меду сладкаго,

И не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
Меня Богъ добра мóлодца миловалъ,
А король молодца да любилъ жаловалъ.
Тутъ пожаловалъ молодца во стольнички.
Я во стольникахъ-то жилъ да цѣло трѝ годы,
Не ходилъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
Меня Богъ добра мóлодца миловалъ,
А король молодца да любилъ жаловалъ.
А пожаловалъ-то молодца во ключники.
Я во ключникахъ-то жилъ да цѣло три годы,
Не ходилъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
Какъ у того короля Политовскаго,
Была дочь Настасья красивая.
— Государь-то мой да кóроль батюшко!
— Ты дай-ко мнѣ къ кровати кроватничка. —
Испроговоритъ король Политовскій:
«Выбирай себѣ къ кровати кроватничка:
«Хоть изъ князей-то иль изъ бóяровъ,
«Иль изъ сильныихъ могучіихъ богатырей,
«Или изъ тѣхъ ли поганыхъ Татариновъ!»
Испроговоритъ Настасья королевична:
— Мнѣ не надо къ кровати кроватничка
— Мнѣ не съ князей-то, не изъ боя́ровъ,
— Не изъ сильныихъ могучіихъ богатырей,
— А ты дай-ко мнѣ къ кровати кроватничка
— Своего ты любимаго ключничка! —
Я въ кроватничкахъ жилъ да цѣло три годы.

Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А напился молодецъ меду сладкаго,
А напился молодецъ пива пьянаго,
А онъ самъ говоритъ таково слово:
«Я служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
«Перво три годы служилъ я да во конюхахъ
«Друго три годы служилъ я да во стольникахъ
«Третье три годы служилъ я да во ключничкахъ,
«Четверто три годы служилъ да во постельничкахъ.
«Я тисовоей кроваточки не складывалъ,
«Я пуховоей перинки не растряхивалъ,
«Круто-складняго зголовьица не складывалъ,
«Соболина одѣяльца не натягивалъ,
«А я спалъ-то со Настасьей королевичной,
«А я спалъ у ей да на правой руки,
«Часто я бывалъ да на бѣлой груди!»
Тутъ схватили удалаго молодца,
Повели во тюрьму да богадѣльнюю.
Черезъ три дни молодцу рѣшеньицо
Отрубить-то ему буйна голова.
Испроговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Ай же вы палачи Политовскіе!
«Вы берите съ меня золотой казны,
«А вы только берите, сколько надобно,
«Вы ведите меня мимо окошечекъ королевичныхъ!»
Закричалъ удалый добрый молодецъ:
«Ты прости прости Настасья королевична!
«А ведутъ меня-то на дощечку да на липову
«Отрубить-то мнѣ да буйну голову!»
Тутъ проговоритъ Настасья королевична:
— Ай же вы палачи Политовскіи!
— Вы спустите сего удалаго молодца.
— Вы берите съ меня золотой казны,
— А вы только берите, сколько надобно,

— Вы возьмите Татарина хоть мертваго,
— А хоть мертваго, да еще мерзлаго,
— Отрубите ему да буйну голову,
— Донесите королю Политовскому,
— Что за его поступки неумильныя
— А отрублена ему буйна го́лова!
Тутъ проговоритъ Настасья королевична:
— Ай же ты удалый добрый молодецъ!
— А есть ли дома у тебя отецъ и мать,
— Есть ли у тебя да молода жена,
— А есть ли у тебя да малы дѣтушки? —
Тутъ проговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Есть у меня домá отецъ и мать,
«Есть у меня и молода жена,
«Есть у меня и малы дѣтушки!»
Тутъ проговоритъ Настасья королевична:
— Ты возьми-ко мои золоты ключи,
— Отмыкай мои кованы ларцы,
— Ты бери себѣ да золотой казны.
— Ты только бери, сколько надобно,
— Чтобы было довольно твоимъ да малымъ дѣтушкамъ! —
А тутъ вѣкъ про Настасью старину скажутъ,
Синему морю на ти́шину
А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушаніе.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

XXIX.

ІЕВЪ ЕРЕМѢЕВЪ.

Іевъ Еремѣевъ, слѣпой крестьянинъ дер. Кокориной въ Мелой Губѣ, старообрядецъ. Ему 56 лѣтъ отъ роду, но по глубокимъ морщинамъ его лица имѣетъ видъ древняго старика, хотя обла-

даетъ желѣзными мышцами и страшною силою. Трехъ лѣтъ отъ роду у него отъ оспы вытекли глаза; оставшись въ малолѣтствѣ сиротою, онъ былъ призрѣнъ добрыми людьми, но какъ скоро подросъ, началъ кормиться собственною работой. «Своими трудами праведными» Еремѣевъ устроилъ себѣ, съ теченіемъ времени, домъ и хозяйство; не смотря на слѣпоту, постоянно ѣздитъ на рыбную ловлю, правитъ лодкою и всѣмъ распоряжается самъ безъ чужой помощи и знаетъ такъ хорошо мѣста въ озерѣ, что къ нему обращаются за совѣтами, какъ къ опытному лоцману. Еремѣевъ слыхалъ былины отъ матери и отъ стариковъ и случайно удержалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ памяти, но ему недосугъ было заниматься этимъ дѣломъ.

163.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Какъ во стольномъ было городи во Кіевѣ
Былъ бы мо́лодой Добрынюшка Микитиницъ.
Былъ охвоцъ Добрыня за охвотою гулять,
За своей охвотой молодецкою,
Молодецкою охвотой богатырскою.
Встаетъ онъ по утрышку ранехонько
Умывается онъ да бѣлехонько
Снаряжается онъ хорошонько,
Убиралъ онъ своего добра́ коня
Во свое сѣделышко черкаское,
Взялъ съ собой онъ ту́гой лукъ розрывчатой
Да поѣхалъ добрыіі молодецъ во чисто́ поле гулять
За своей охвотой молодецкою,
Молодецкою охвотой богатырскою.
И заѣхалъ онъ въ Маринкину во улицю.
Какъ у душки у Маринки дочь Игнатьевны

На ей па косищатомъ окошечкѣ
Сидѣло два сизыихъ два голуба.
А й душа Добрынюшка Микитиницъ
Онъ натягиваетъ ту́гой лукъ розрывчатой
И пакладывалъ онъ стрѣлочку каленую,
Спущаетъ во сизыихъ во голубовъ.
Не летѣла стрѣлочка каленая,
Не летѣла во сизыихъ во голубовъ,
Пролетѣла стрѣлочка каленая
Къ душкѣ ко Маринкѣ во высо́къ теремъ.
А й душа Добрынюшка Микитиницъ
Скоро опъ скочилъ да со добра́ коня,
Скоро онъ пошолъ да по пере́ходамъ,
Поскорѣе того по новы́мъ синямъ,
Буде во палаты бѣлокаменной.
Не́ креститъ Добрыня лица бѣлаго,
И не молится Добрыня чудну образу,
Взялъ свою опъ стрѣлочку калепую.
Душка Маринка дочь Игпатьевна
Сама говорила таково слово:
«Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«Что жъ ты Богу да пе молишься,
«Со́ мною Маринкою целомъ не бьешь?»
Говорилъ Добрыня сынъ Микитиницъ:
— Охъ ты сука блядь Маринка дочь Игнатьевна!
— Ты была во городѣ жалищица,
— Была въ городу́ ты кровопивчица
— Много извела ты безповинныихъ головъ,
— Мене хошь Добрынюшку ты и́звести! —
— Да не твой е кусъ, да не тебѣ е съисть,
— Хоте буде съѣшь, да ты подавишься,
— Хоте буде глонешь, заклекну́ться ти́ будётъ! —
Взялъ онъ свою стрѣлочку каленую,
По́шолъ со палаты бѣлокаменной.

Душка Маринка дочь Игнатьевна
Бра́ла но́жище кинжаловое.
Подрѣзала слѣ́ды-то Добрынины.
А й душа Добрынюшка Микитиницъ
Ѣздилъ онъ по да́лечу чисту́ полю
И поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Стала тутъ Добрынюшку тоска́ ушибать,
Онъ заѣхалъ во Маринкину во улицю,
Скоро онъ скочилъ да со добра́ коня,
Поскорѣе того по пере́ходамъ,
Будетъ во полаты бѣлокаменной
Крестъ онъ кла́детъ по ученому,
Онъ поклоны ведетъ по писаному
Молится Добрыня, поклоняется
На всѣ на четыре онъ на стороны
А души Маринки онъ въ особину.
Душка Маринка дочь Игнатьевна
А груба́ сидитъ да съ мѣста не́ стаетъ,
Съ мѣста не́ стаетъ, сама целомъ не бьетъ,
Сама говорила таково слово:
«Ну когды Добрыня-то на своей во́ли гулялъ,
«Нынече Добрыня на моихъ рукахъ!
«За́хочу, Добрынюшку я о́оверну.
«О́оверну Добрыню я сорокою,
«О́оверну Добрыню я вороною,
«О́оверну Добрынюшку я сви́ньею,
«О́оверну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ!»
Она стала-то Добрынюшку обвертывать,
Обвернула-то Добрыню да сорокою,
Обвернула-то Добрыню да вороною,
Обвернула-то Добрынюшку да сви́ньею,
Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ.
У ней было въ поли тридевя́ть туровъ,
Сбылся въ поли тридесятый туръ.

Рожки у́ тура да въ золоти,
Ножки у́ тура да въ се́ребри,
Шерсть на туру̀ да рыта бархату.
Добрынина сестрица-та родимая
Ждётъ она братца да родимаго,
Сама говорила таково слово:
«Никакъ это дѣло есте не́ плохо!»
Обернулася сестрица-та сорокою
Полетѣла она во Маринкину во улицю,
Къ душкѣ ко Маринкѣ дочь Игнатьевной,
Сѣла на косивчато окошечко,
Са́ма говорила таково слово:
— Охъ ты сука блядь Маринка дочь Игнатьевна!
— Ты была во городѣ жалищица,
— Была въ городу ты кровопивчица,
— Много извела ты безповинныихъ головъ,
— Моего хошь братца ныньче и́звести!
— Да не твой е кусъ, да не тебѣ е съисть,
— Хоте буде съѣшь, да ты подавишься,
— Хоте буде глонешь, заклекну́ться ти́ будётъ!
— За́хочу Маринку-ту я о́бверну,
— О́бверну Маринку я сорокою,
— О́бверну Маринку я вороною,
— О́бверну Маринку-ту я сви́ньею
— Да спущу Маринку-ту по Кіеву гулять! —
А й душа Маринка дочь Игнатьевна
Давала-то ей заповѣдь великую
О́твернуть ей братца да по старому,
Да по старому братца̀ по прежному.
Обернулася Маринка-та сорокою,
Полетѣла въ да́лече чисто́ поле,
Будетъ-то да́лече дале́че во чисто́мъ поли
У тыхъ у туриныихъ у пастыревъ,
Сѣла ко Добрынюшкѣ Микитичу,

Сѣла на плечко на правое,
Говорила она таково слово:
«А й душа Добрынюшка Микитиничъ!
«А давай-ко ты мни заповидь великую,
«Во́зьми ты Маринку мене за́ себе.
«О́тверну Добрыню я по старому,
«А по старому Добрынюшку по прежному».
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Онъ давалъ ей заповѣдь великую
Взять Маринку-ту онъ за́ себе.
Она стала-то Добрынюшку отвёртывать,
Отверну́ла-то Добрыню да сорокою,
Отвернула-то Добрыню да вороною,
Отвернула-то Добрынюшку да сви́ньею,
Отвернула-то Добрынюшку по старому
Да й по старому Добрынюшку по прежному,
Они по́шли къ городу ко Кіеву.
Они сто́лы столовали да й пиры́ пировали.
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Взялъ Маринку онъ да за́ себе.
Пошли въ теплую во ложню спать.
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Взялъ съ собой саблю-ту вострую
Отрубилъ Маринкину буйну́ю голову.
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Онъ стаётъ по утрышку ранёшенько,
Умывается онъ да бѣлёшенько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Онъ сбѣраетъ попо̀въ протопо́повъ всѣхъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
— Вечоръ былъ Добрынюшка жена́тъ нё хо̀ло̀стъ,
— Нынече Добрынюшка холо́стъ нё жёна̀тъ,
— О́трубилъ Маринкину буйну́ю голову! —
Собѣралися попы протопопы всѣ,

Дѣлали о́гни палящіи,
Рыли Маринкино бѣ́ло тѣлѝ
На эти на о́гни на палящіи.
Какъ у душки у Маринки дочь Игнатьевны
Во всякоемъ суставѣ по змѣ́нышу,
По змѣ́нышу да й по гадѐнышу.

Записано на Онегѣ, 30 іюня.

164.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
Заводилъ государь свой почѐстный пиръ
На́ всѣ на князя, на бо́яра,
На сильныи могучіи богатыри
И на́ всѣ поляницы на удалыи.
Красное солнышко на вечѐри,
Почестный пиръ идетъ на вѐсели.
Всѣ на пиру наѣдалися
И всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Сильный хвастатъ своей силою,
Богатый хвастаетъ золотой казной,
Глупый хвастатъ молодой женой,
А разумный хвастатъ своей матушкой.
Ай же тутъ Чайна Чусовна
Да было Катерина Блудова́я жена.
Она говорила таково слово:
«Ай же ты Чайна Чусовна!
«У тебя есть дочка на выда́ванью,
«У меня есть сынъ холостъ, не женатъ,

«Сдѣламъ мы съ тобой сва́товство».
Говорила ей Чайна Чусовна:
— Ой ты Катерина Блудова́ жена!
— Мы есть роду княженецкаго,
— Княженецкаго роду вѣковѣчнаго,
— А вы есть роду каличьяго,
— Да й каличьяго роду вѣковичнаго.
— Но и мо́лодой Катёнко Блудовски́
— Ѣзди по да́лечу чисту́ полю,
— Ищетъ куса́ перехватнаго,
— Во́ что бы Катенку пода́виться было! —
Эта Катерина Блудова́ жена,
Сполъ-пиру она й во́нъ пошла.
Ѣздетъ во да́лече чисто́мъ полѣ,
Стрѣтаетъ ей Катёнке Блудовской.
«Что же, родитель моя матушка!
«Съ пиру идешь кручиновато.
«Але мѣсто въ пиру было тебѣ не по́ люби,
«Але ѣста тебѣ во пиру была́ не по́ мысли,
«Але пьяница тебя обезчестила,
«Але голь надъ тобою надсмѣяласи?»
Говорила Катерине Блудова́я жена:
— Мѣсто въ пиру было мнѣ по́ люби,
— И ѣста въ пиру мни была по́ мысли,
— Да и пьяница меня не обезчестила,
— Да й голь надо мной не надсмѣяласи, —
— А надсмѣяласи Чайна Чусовна.
— Дѣлала я съ ней сватовство,
— Она говорила таково слово:
— «Мы есть роду княженецкаго,
— «Княженецкаго роду вѣковѣчнаго,
— «А вы есть роду каличьяго,
— «Каличьяго роду вѣковѣчнаго.
— «Мо́лодой Катёнке Блудовской,

— «Ѣзди по далечу чисту полю,
— «И ищетъ куса́ перехватнаго,
— «Во́ что бы Катенку задави́ться бы было́». —
Говорилъ Катёнко ей Блудовской:
«Ай же родитель моя матушка!
«Ѣшь и пей, Богу молись и поди спать ложись.
«Утро мудро, день прибыточенъ!»
Эта темная ночка на проходъ прошла.
Мо́лодой Катёнко Блу́довской
Встаетъ онъ по утру ранешенько,
Умывается онъ бѣлешенько,
Снаряжается онъ хорошехонько.
Убиралъ онъ своего добра коня
Во свое сѣдельышко черкасское.
Поѣхалъ добрый молодецъ въ чисто́ поле гулять,
За своей охвотою молодецкою,
Молодецкою охвотой богатырскою.
Взялъ онъ съ собой палицу булатную,
Да заѣхалъ онъ ко Чайнѣ ко Чусовнѣ.
Ударилъ палицой по терему,
Теремъ палъ и загородь поломалъ,
И вышибло ворота середи́ двора,
Середи двора княженецкаго,
Княженецкаго двора вѣковѣчнаго.
Ай же тутъ Чайна Чусовна
Са́ма говорила таково слово:
— Ужо Господи-свѣтъ милосердный Богъ!
— Не было ни вѣтра, ни ви́хоря,
— Теремъ палъ, загородь поломалъ
— И вышибло ворота середи́ двора,
— Середи двора княженецкаго,
— Княженецкаго двора вѣковѣчнаго. —
Ей была дочка любимая,
Она говорила таково слово:

«Ай же родитель моя матушка!
«Не было ни вѣтра, ни вихоря,
«Ѣхалъ Катёнке Блудовской
«И ударилъ палицей по терему.
«Теремъ палъ и загородь поломалъ,
«Вышибло ворота середи двора,
«Середи двора княженецкаго,
«Княженецкаго двора вѣковѣчнаго».
Она была жонка упрямая,
Упрямая жонка богатая.
Нанимала бурлако́въ пятьсотъ человѣкъ,
И давала бурла́камъ пятьсотъ рублей.
— Ай же бурлаки вы вольница!
— Сходите во да́лече чисто́ поле,
— Тамъ увидите Катёнка Блудовска.
— Приведите вы на мои бѣлы́ руки,
— Я-то ему жопу голико́мъ посѣку! —
Ай же бурлаки вольница,
Собирались они пятьсотъ человѣкъ,
И брали они пятьсотъ рублей.
Пошли во да́лече чисто́ поле,
Тамъ увидѣли Катёнка Блудовска
Говорилъ Катёнке имъ Блудовской:
«Ай же бурлаки вы вольница!
«Если смерти вы рады, такъ ступа́йте сюда.
«Пожить вамъ охвота, такъ вы про́чь бѣги».
Они увидѣли бѣду всѣ немину́чую,
Да затыкнули жопу всѣ онучами,
Побѣжали ко Чайнѣ ко Чусовнѣ.
Говорили онѣ Чайнѣ Чусовнѣ:
— Мы видѣли Катёнка Блудовска,
— Говорилъ Катёнке намъ Блудовской:
— «Ай же бурлаки вы во́льница!
— «Если смерти вы рады, такъ ступайте сюда,

— «Пожить вамъ охвота, такъ вы про́ць бѣги!»
— Мы увидѣли бѣду́ всю неминучую,
— Да затыкнули жопу всѣ онучами
— И побѣжали ко Чайнѣ ко Чусовнѣ. —
Говорила имъ Чайна Чусовна:
«Ай же бурла́ки вы вольница!
«Подите во да́лече чисто́ поле.
«Вы увидите Катёнка Блудовска,
«Вы скажите Катёнку Блудовску:
«— Сдѣламъ мы съ нимъ сва́товство». —

Записано тамъ же, 30 іюня.

165.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Московско царство все смутилося,
Царско сердце разгорѣлося.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
«Вывелъ я измѣну-ту изо́ Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Ту́рскова,
«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Всѣ въ Москвѣ люди были ка́зненныи,
«А нее́днова людей въ Москвѣ не ка́знено».
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
«Вывелъ я измѣну-ту изо́ Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Ту́рскова,

«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Кто измѣну́лъ въ каменной Москвѣ,
«Дайте мнѣ на́ руки измѣнщика!»
И пронзитъ государь тако третій разъ.
Московско царьство все смутилося,
Царско сердце разгорѣлося,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
«Вывелъ я измѣну-ту изо́ Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Ту́рскова,
«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Всѣ въ Москвѣ были люди ка́зненыи,
«И не е́днова людей въ Москвѣ не ка́знено.
«Дайте-ко мнѣ на руки измѣнщика,
«Кто измѣну́лъ въ каменной Москвѣ!»
Всѣ палачи поразбѣгались,
Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Выскакивалъ въ полату бѣлока́менную.
— Я-то вѣдь вѣдаю измѣнщика!
— Измѣну́лъ у насъ въ каменной Москвѣ
— Мла́дой царь Өеодоръ Ивановичъ! —
Тутъ злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Взялъ Өеодора за́ руки,
За тѣи за ручки за бѣлыя,
А'що за перстни́ за злаченыи,
Повелъ на боло́то на житницу
Къ этой-ко казени ко смертноей.
Ево родитель матушка
Побѣжала къ Микитѣ Романовичу
Не крести́тъ она лица бѣлаго,
Не молится чудну образу,
Сама говорила таково́ слово:

«Ай же Микита Романовичъ,
«Братецъ ты мой родимый!
«Ѣшь и пьешь и тѣшишься,
«Надъ собой незгоды не вѣдаешь.
«Твоего любезнаго племницка,
«Давно его и жива нѣтъ.
«Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
«Увелъ на болото на житницу
«Ко тоей ко казени ко смертноей,
«Къ этой ко кончинѣ ко послѣдноей».
Этотъ Микита Романовицъ
Скоро скочилъ изъ-за дубова́ стола,
Шубу надѣлъ рукавомъ на́ голову,
Скочилъ въ конюшню бѣлоду́бовую,
Тамъ взялъ жеребчика неѣзжанаго,
И не ѣзжана жеребчика и не сѣ́дланаго.
Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Буде на болотѣ на житницѣ.
Держитъ онъ Ѳедора за руки,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ужъ ты мла́дой царевицъ Ѳедоръ Ивановицъ!
— Скажи-ко ты мнѣ, попровѣдай-ка:
— Нынече смерть тебѣ скорая,
— Теперь кончина тебѣ послѣдняя.
— Кому оставишь золоты́ ключи,
— Кому ты оставишь золоту́ казну,
— Кому оставишь платье цвѣтное,
— Кому оставишь всѣхъ добры́хъ коней? —
Говорилъ ему младой царевицъ Ѳедоръ Ивановичъ:
«Ужъ ты злой Малюта сынъ Скуратьевичъ!
«Да былъ бы я на тво́ей бѣло́й груди,
«Не спрашивалъ бы тво́ей золотой казны,
«И не спрашивалъ бы твоихъ золоты́хъ ключи,
«И не спрашивалъ бы твое платье цвѣтное,

«Отрубилъ бы тебѣ буйну гóлову!»
А й же Микита Романовичъ
Ѣхалъ по дáлечу чисту́ полю,
Рукой махалъ и голосомъ кричалъ:
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ!
— Нé убей любезнаго племницка,
— Не твой е кусъ, да не тебѣ и съись.
— Хóте буде и съѣшь, да подавишься,
— Да хоте буде и глонешь, да заклекну́ться будётъ. —
Будетъ онъ на болотѣ на житницѣ,
Взялъ онъ Ѳедора за руки,
За тѣ за ручки за бѣлыя,
А'що за перстни за злаченыя,
Цѣловалъ во уста во сахáрніи,
И поѣхали они къ каменнóй Москвѣ.
Эта темная ночка она на прохóдъ прошла.
Этотъ Микита Романовичъ
Встаетъ онъ по утру ранешенько,
Пошелъ къ грозному царю ко Ивану ко Васильевичу
Подъ его косивчато окошечко.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Тоже встаетъ по утру ранешенько,
Сѣлъ онъ подъ косивчато окошечко,
Жалешенько самъ порасплакался:
— Потухла заря свѣтло-вечорная,
— Не видать ни краснаго солнышка,
— Младого царевича Ѳедора Ивановича.
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
— Увелъ на болото на житницу,
— Ко тыей ко казени ко смертныя,
— Къ этой кончинѣ ко послѣднеей! —
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Надѣвалъ платьице опальное,
Сбѣралъ онъ поповъ и протопоповъ всѣхъ.

Пошли во церковь во Божію
Слу́жить молебены великіе.
Этотъ Микита Романовичъ
Надѣвалъ онъ платьице что лучшее,
И пошелъ во церковь во Божію.
Взялъ онъ любезнаго племницка,
Оставилъ на крылечкѣ бѣлоду́бовыемъ,
При́шелъ во церковь во Божію.
Взглянулъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
На этого на Микиту Романовича,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ужъ ты старый собака, сѣдатый пёсъ!
— Такиль ты надо мною надсмѣхаешься?
— Иль надъ собою незгоды не вѣдаешь?
— Твоего любезнаго племничка
— Давно его и жива́ нѣту!
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
— Увелъ на болото на житницу,
— Ко тыей ко казни ко смертноей,
— Ко этой кончинѣ ко послѣднеей: —
Говорилъ Микита Романовичъ:
«Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Не вели-ко ты́ суда́рь меня скоро́ казнить,
«Только вели мнѣ государь слово вымолвить!
«Что тому буде, кто жива найдетъ?»
Говорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Я дамъ тому села со приселками,
— Да дамъ города съ пригородками,
— И дамъ золотой казны по на́добну.
— Перво мѣсто подли́ меня,
— И дру́гое мѣсто проти́въ меня,
— А третье гдѣ тому и на́добно. —
Этотъ Микита Романовичъ
Скочилъ на крылечко бѣлоду́бово,

Взялъ онъ Ѳедора за руки,
Своего любезнаго плéмницка
Привелъ во церковь во Божiю.
Взглянулъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
На своегó сына любезнаго,
Самъ онъ говорилъ таково слово:
— Ай же ты Микита Романовичъ!
— Братецъ ты мой богоданныiй!
— Я дамъ тебѣ села со приселками,
— И дамъ города съ пригородами,
— И дамъ золотой казны по нáдобью.
— Перво мѣсто подлѝ меня,
— Дрýгое мѣсто противъ меня,
— Трéтье гдѣ тебѣ и надобно! —
Говорилъ Микита Романовичъ:
«Не надобно мнѣ селъ съ присёлками,
«Не надобно городовъ съ пригородками
«Да не надо и золотой казны по надобью.
«Только дай-ко Микиты таковó слово:
«Кто голову убьетъ, или жону уведетъ,
«Того у Микиты и Богъ проститъ».

Записано въ Горскомъ, 1 iюля.

166.

КОСТРЮКЪ.

Задумалъ царь государь,
Задумалъ женитися,
Во земли во невѣрныя.
Бралъ шурина любезнаго,
Тáко бралъ во приданыихъ
Молодá Кострюкá Мастрюкá,

Молода Чемерю́ковица.
Этотъ ли мла́дъ Кострюкъ,
Молодой Чемерю́ковицъ,
Сидитъ за дубовы́мъ столомъ,
Хлѣба соли онъ не кушаетъ
И бѣлой лебеди не рушаетъ.
Говорилъ ему царь государь:
«Ай же ты младъ Кострюкъ,
«Молодой Чемрю́ковицъ!
«Что же хлѣба соли не кушаешь,
«И бѣлой лебеди не рушаешь?»
Говорилъ ему младъ Кострюкъ,
Молодой Чемерюковицъ:
— Ай же ты царь государь!
— Дай же ты мнѣ-ко борцовъ,
— Да и дай удалыхъ молодцовъ,
— Все названыихъ ма́стеровъ! —
Государь припечалился,
Послалъ молоды́хъ пословъ,
Послалъ по всёй орды,
И кричать во все́ горло,
Покликивать имъ борцовъ,
И борцовъ удалыхъ молодцовъ,
Все названыихъ ма́стеровъ.
Эти молоды́ послы
Пошли по всёй орды
Кричатъ во всё горло
И покликиваютъ онѣ борцовъ,
Да и борцовъ удалыхъ молодцовъ,
Все названыихъ ма́стеровъ.
Сошлись на единый дворъ
Одинъ Сенюшка маленькій,
Другой Васенька невели́къ тоже былъ,
Два братца родимыихъ.

Говорятъ таковы́ словеса:
«Мы пойдемъ съ Кострюкомъ поборо́тися.
«Да й пойдемъ съ молоды́мъ покидатися».
Эти мла́ды послы
Пошли въ полату бѣлокаменную,
Во гридню столовую,
Говорятъ таковы словеса:
«Ай же ты младъ Кострюкъ
«Молодой Чемерюковицъ!
«Тебѣ хлѣбъ соли есть на́ столи
«Да и Богъ-отъ есть на́ стѣни,
«А борцы на широ́комъ дворцы».
Этотъ младъ Кострюкъ
Молодой Чемерюковицъ
Скочилъ изъ-за дубова́ стола,
Задѣлъ ножкой за скамеечку:
Пятьдесятъ-то Тата́ръ онъ убилъ,
И пятьдесятъ онъ бояръ погубилъ.
Выходитъ на крылечко бѣлоду́бовое,
Взглянулъ на широкій дворъ,
Говорилъ таковы словеса:
— Это-то есть мнѣ не́ борцы,
— Да й то не удалы́ молодцы!
— Я бра́тца во ру́ку возьму,
— Да й другаго во дру́гу возьму,
— Я братцями вмѣсто хлесну,
— У нихъ кости расхлѣбаются,
— И всѣ суставы разсыплются. —
Одинъ Сенюшка маленькій
Говорилъ таковы́ словеса:
«Ужъ ты братецъ родимый мой!
«У тебя силы есть съ два́-то меня,
«А смѣлости въ по́лъ-меня.
«Мы пойдемъ съ Кострюкомъ поборотися,

«Мы пойдемъ съ молодымъ покидатися!»
Пошли съ Кострюкомъ поборотися,
Пошли съ молодымъ покидатися.
Разъ-то Кострю́къ поборолъ
Да й другой разъ Кострюкъ поборолъ,
Тако третій разъ Ко́стрюка,
Тако третій разъ мла́даго,
Они силу его смитили,
Да и брали тутъ Ко́стрюка
На ручки на бѣлыи,
Кидали тутъ Ко́стрюка
Выше церкви соборныя
Со кресты Лева́нидовы.
Палъ тутъ мла́дъ Кострюкъ,
Онъ палъ о сыру́ землю.
Рубашка-та трёснула,
И на себѣ кожа лопнула,
Онъ свой со́ромъ долонью закрылъ,
И побѣжалъ съ каменной Москвы,
Говорилъ таковы словеса:
— Не дай-ко мнѣ Господи
— Въ каменной Москвѣ по́бывати,
— Да й борцовъ поотвѣдывати,
— Да й борцовъ удалыхъ молодцовъ,
— Все названыхъ мастеровъ.
— Не дѣтямъ, не внучатамъ,
— Да не роду нашему Карачанамъ [1]).—

Записано на Онегѣ, 30 іюня.

---

1) Что значитъ «Карачанамъ» пѣвецъ не умѣлъ хорошенько объяснить и сказалъ только, что такъ называется какая-то земля. Онъ растолковалъ при этомъ, что Кострюкъ былъ «поляница, т. е. дѣвица»

167.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

По край моря, моря синяго,
По край моря ай веряжскаго,
По край синяго моря веряжскаго,
Тамъ стояла да хоромина некрытая,
А некрытая хоромина не мшоная.
Тамъ жила была вдова благочестивая,
Было́ у вдовушки девять сыновъ,
Во десятыихъ была одинокая дочь.
И эти всѣ сынова̀ въ разбо́й пошли,
Оставалася дочка единёшенька.
Какъ изъ-за синяго моря веряжскаго,
Наѣхали на дочку къ нею сва́това,
Она выдала дочку за синё море,
За этого за гостя за торговаго.
Она тамъ годъ жила не стоскулася,
Другой жила въ умѣ не было,
На третій на годочекъ стосковалася,
Она у́ мужа у свѣта подавалася,
У всёй семьѣ здоложилася.
Состроилъ ей мужъ червончатый корабъ,
Онъ носъ дѣлалъ по змѣиному,
Корму дѣлалъ по звѣриному,
Носъ грузилъ чистымъ се́ребромъ,
Середочку грузилъ краснымъ золотомъ,
Корму грузилъ скатнымъ жемчугомъ.
Онѣ сѣли съ мужемъ въ лодочку и поѣхали.
Тутъ не темная ноченька сустигла ихъ,
Не частыи дождики обсыпали,
Наѣхали воры разбойники,
Онѣ гостя торговаго зарѣзали,

Зарѣзали и въ воду бросили,
Онѣ жоночку рязаночку въ полонъ брали,
Въ полонъ брали обезчестили.
Всѣ эти разбойнички спать легли,
Меньшій разбойничекъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ не лежитъ думу думаетъ,
У жоночки рязаночки выспрашиваетъ:
«Скажи жоночка рязаночка съ коёй орды,
«Съ коёй орды, съ коёй страны?»
— Ужъ мы жили жили по край моря,
— По край синяго моря веряжскаго.
— Тамъ стояла хоромина не крытая,
— Не крытая хоромина не мшоная.
— Во той было хороминѣ некрытоей
— Жила была вдова благочестивая.
— Было у вдовушки девя́ть сыновъ,
— Во десятыихъ была одинокая дочь.
— У ней всѣ сыновà во разбой пошли,
— Оставаласи дочка одинёшенька.
— Изъ-за синяго моря веряжскаго,
— Наѣхали на дочку къ ней сва́това.
— Она выдала дочку за синё море,
— За этого гостя за торговаго. —
Тутъ разбойничикъ расплакался.
«Вы ставайте-ко братцы родимыи!
«Мы не гостя торговаго зарѣзали,
«Зарѣзали и въ воду бросили,
«Мы зарѣзали зятя любимаго.
«Не жоночку рязаночку въ поло́нъ брали,
«Въ полонъ брали и обезчестили,
«Обезчестили сестрицу родимую».

Записано тамъ-же, 30 іюня.

XXX.

ПРАСКОВЬЯ МАКАРОВА и ПРАСКОВЬЯ ПОЛУЕКТОВНА ПАСТУХОВА.

Прасковья Макарова и Прасковья Полуектовна Пастухова, крестьянки дер. Горка въ Чоргѣ-Губѣ, лѣтъ подъ 30, поютъ на посидѣлкахъ былины и разные духовные стихи, которымъ выучились отъ родителей. Былины, здѣсь записанныя, пѣлись ими хоромъ вмѣстѣ съ крестьянскою дѣвушкою, сестрою Пастуховой.

168.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Три году Добрынюшка ключничалъ,
Друго три Добрыня подворотничалъ,
А третье три Добрынюшко пиръ держалъ.
Нигдѣ Добрынѣ счастья не пришло,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты родитель моя матушка,
«Честна́ вдова Афимья Александровна!
«Безчастнаго Добрынюшку споро́дила,
«Безчастнаго Добрыню, безталаннаго.
«Ты бы силою, родитель, бы споро́дила
«Во сильныихъ могучіихъ бога́тырей,
«Смѣлостью, родитель, бы спородила
«Во смѣлаго Олёшенку Поповича,
«Таланомъ бы, родитель, спородила
«Во тыихъ купцовъ во заморскіихъ,
«Ты походочкою въ родителя спородила
«Во того родителя батюшку,
«Красотою бы, родитель, ты спородила
«Во Осипа того прекраснаго.

«А нѣтъ, такъ бы, родитель, спородила
«Катучіимъ валучимъ бѣлымъ камешкомъ.
«Завернула бы этотъ камешокъ въ полотнушко,
«Спустила бъ этотъ камешокъ въ синё морё,
«Пусть бы онъ катался, валялся
«Отъ нынѣ, сударь, до вѣку».
Ай мать ему да отвѣтъ держитъ:
— Ай же ты рожоно мое ди́тятко,
— Ты ай Добрынюшко Микитиничъ!
— Мать пришла не Богородица,
— Рукамы я наладити тебя не́ могла.
— Какого мнѣ-ка Господь Богъ далъ! —
Это-то Добрынюшкѣ словечушко во гнѣвъ пришло,
Во гнѣвъ пришло и во претъ пришло.
Выходилъ Добрынюшка на ши́рокъ дворъ,
Отворялъ конюшенку стоялую,
Вынималъ лошадушку ѣзжалую,
Своего ли бу́рушка космоть'вича.
Засѣдлалъ сѣделышко черкаское,
Двѣнадцать подпружковъ шелко́выихъ,
Ай не нашего шёлку заморьскаго,
Заморьскаго шолку китайскаго.
Въ воротахъ стоитъ Добрынина матушка,
Еще стоитъ молода̀ жена,
Сами говорятъ таково слово:
«Ты ай ли Добрынюшко Микитиничъ!
«И скоро ли ты домой будёшь,
«Ты домой будешь да поворотъ держишь?»
— Жена моя Настасья Микулична! [1])
— Ты жди-тко меня три года.
— А я три года не буду, такъ дру́го три,
— А друго не буду, такъ еще жди тре́тьё три.

1) Сестренка была ея Василиса Микулична.

— А третьё три не буду, хоть вдовой живи,
— Хоть вдовой живи, хоть заму́жъ поди.
— А только не ходи за смѣлаго Олешеньку Поповича.
— Олешенька Поповичъ мнѣ крестовый братъ,
— Мы съ нимъ златыма крестама побратались,
— Злаченыма крестама помѣнялись. —
Видѣли Добрынюшку тутъ сядучи,
А не видѣли Добрынюшки поѣдучи,
Подынулъ Добрынюшко ку́рево,
Ай курево Добрынюшко ма́рево,
Отъ неба до́ земли, о́тъ земли до́ неба.
Пріѣхалъ онъ во да́лече чисто́ поле.
Тутъ его Добрынина матушка,
Еще Добрынина молода жена,
Шли оны во высо́къ терёмъ,
Жалешенько оны поросплáкались.
«Закатилось наше красное солнышко,
«Ай за мхи, болота, за топучіи,
«И за этыи горушки высокіи,
«И за тыи лѣсушки темныи!»
Ай пріѣхалъ Добрынюшка Микитиничъ
Во далече чисто́ поле.
И сидитъ тутъ птица черна во́рона,
И онъ натягивалъ свой ту́гой лукъ,
Накладывалъ свою да калену́ стрѣлу.
Ужъ онъ хочетъ пострѣлить птиченку да черна во́рона.
Спроговоритъ тутъ птиченька черно́й воронъ
Тыимъ язы́комъ человѣческимъ:
— Ай же ты Добрынюшко Микитиничъ!
— Не убей ты меня птицы черна ворона,
— Не пролей ты крови воро́ньей,
— Воро́ньей крови напрасноей!
— Не укротить тебѣ богатырскаго ретливаго сердечушка!
— Ты поди на гору на Яичкину,

— По́глянь-ко подъ сторону подъ сточную.
— Тамо стои́тъ сила невѣрная,
— Ай невѣрна сила поганая,
— Людямъ тамо да проходу нѣтъ,
— Птиченки да пролету нѣтъ,
— Звѣрю тамо да пробѣгу нѣтъ,
— Добрымъ молодцамъ проѣзду нѣтъ. —
И тотъ Чурилушка Плёнковичъ,
И старый казакъ Илья Муромецъ,
Еще Добрынюшка Микитиничъ,
Ай Алешенка По́повичъ,
И стали они по силы поѣзживать,
И стали они татаръ потаптывать,
Не оставили силы на сѣмена.
Годъ по году прошло три года.
Тутъ приходятъ отъ Добрынѣ вѣсточки нерадостны,
Ай нерадостны вѣсти, невеселыя:
Ле́житъ убитъ Добрынюшка въ чисто́мъ полѣ,
Ручки ножки пораскиданы,
Буйна́ головка поразломана,
Сквозь желтыя кудёрышки
Шолко́вая тра́вушка про́росла,
Ай Добрынюшкинъ конь во мху до́ колѣнъ стоитъ.
Сталъ тутъ Алешенька къ Настасьюшкѣ подхаживать,
Сталъ онъ Настасію посватывать.
Спроговоритъ Настасья Никулична:
«Какъ былъ у меня законный мужъ,
«Ай законный мужъ, вѣнчальный другъ,
«Ты ко мнѣ, бѣдной горюшѣ, на бесёду не подхаживалъ,
«Ай меня, бѣдну горюшу, не посватывалъ.
«И спомню я мужнюю заповѣдь,
«И проживу да ужъ я друго три».
Ай скоро старина-та скажется,
Не скоро времечко сбывается.

Ай годъ по году прошло три году.
Тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Онъ говоритъ вѣдь онъ таково слово:
«Да нынечку да теперечку»
Тутъ они какъ въ полѣ воевали
И тутъ они сказали:
— И со небесной мы бы силой супротивились,
— А не то что съ силой проклятой! —
Тутъ на нихъ Господь прогнѣвался,
Спустилъ на нихъ столо́пъ о́гненный.
Они какъ столопъ перерублятъ, такъ два́ станетъ,
Два станётъ все поединщика.
Еще перерубятъ, а тутъ три станётъ,
Три станётъ все опять поединщики.
Тутъ они Богу смолилися:
— Намъ бы тое же слово да не такъ сказать!— [1])
Годъ по году прошло опять три года.
Приходятъ отъ Добрынюшки тутъ вѣсточки нерадостны,
Нерадостны вѣсти невеселыя:
Лежитъ убитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
Ручки, ножки пороскиданы,
Буйна́ головка порозломана,
Сквозь желтыя кудерышки
Шелковая тра́вушка про́росла,
А Добрынинъ конь во мху до колѣнъ стоитъ.
Сталъ тутъ Алешенька къ Настасьюшкѣ подхаживать,
Сталъ онъ Настасію посватывать.
Спроговоритъ Настасья Никулична:
«Какъ былъ у меня законный мужъ,
«Ай законный мужъ, вѣнчальный другъ,
«Ты ко мнѣ, бѣдной горюшѣ, на бесёду не похаживалъ,
«Ай меня, бѣдну горюшу, не посватывалъ.

1) Стихи 123—135 какъ будто взяты изъ другой былины; съ текстомъ они не ладятся.

«И спомню я мужнюю заповѣдь,
«Прóживу да ужъ я третье три».
И побѣжалъ Алешенька Поповичь
Побѣжалъ отъ ней прочь.
И тотъ старый казакъ Илья Муромецъ.
Годъ по году прошло еще три года.
Все отъ Добрынюшки вѣсти приходятъ нерадостны.
Опять Олешка Поповичъ сватаетъ.
Она говоритъ таково слово:
«Какъ былъ у меня законный мужъ
«Ай законный мужъ, вѣнчальный другъ,
«Ты ко мнѣ, бѣдной горюшѣ, на бесёду не подхаживалъ.
«Ай меня, бѣдну горюшу, не посватывалъ,
«И спомню я мужнюю заповѣдь».
Опять приходятъ тѣ же вѣсти,
Приходятъ отъ Добрынюшки тутъ вѣсточки нерадостны,
Нерадостны вѣсти невеселыя:
Лежитъ убитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
Ручки ножки пороскиданы,
Буйнá головка поразломана,
Сквозь желтыя кудерышки
Шелковая трáвушка прóросла,
А Добрынинъ конь во мху до колѣнъ стоитъ.
Вотъ по году прошло и двѣнадцать лѣтъ.
Тутъ сталъ Олешенька подхаживать,
Поумúлась Настасьюшка замýжъ пóити.
Веселымъ пиркомъ, да за свадебку.
Было у Добрынюшки Микитинича,
Было два голубка кормлёныихъ,
Кормлёныихъ два голубка поёныихъ,
Спустила ихъ родитель его матушка,
И жалешенько она расплакалась:
Увидалъ Добрынюшко Микитиничъ
Своихъ гóлубковъ кормлёныихъ,

Садился на добра коня, поѣхалъ домой,
И поѣхалъ ко родители матушкѣ,
Пріѣхалъ къ родители матушкѣ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты честна вдова Офимья Олександровна!
— При смерти Добрынюшко наказывалъ:
— «Висятъ во клѣточкѣ на гвоздику,
— Висятъ сафьяныи сапоженки»,
— То, сударыня, подай сюда. —
Спроговоритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«Ай же ты удалой скоморошище!
«Какъ была бы у меня силушка могутушка,
«Я бы тебя ножикомъ зарѣзала!»
Ай же спроговоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Виситъ во клѣточкѣ на гвоздику,
— «Виситъ кунья шубонька»,
— То́, сударыня, подай сюда.
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Виситъ въ клѣточкѣ на гвоздику,
— «Виситъ шапочка соболья»,
— И то, сударыня, подай сюда.
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Во клѣточкѣ на гвоздику,
— «Висятъ яровчаты гусёлышки»,
— То, сударыня, подай сюда! —
И сокрутился Добрынюшка Микитиничъ,
Пошелъ на почестный пиръ на свадебку.
Приходитъ на почестный пиръ на свадебку,
Крестъ кладетъ по писанному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На три на четыре стороны,
Князю молодому со княгинею въ особину.
Вси есть мѣ́стечка призаняты,

Одно то мѣстечко на кирпичной печкѣ.
А садился тутъ Добрынюшка да на кирпичной печь,
Сталъ ёнъ во гусельшки выигрывать.
Догадалась Настасья Микулична,
Сама говоритъ таково слово:
«Удалому скоморошищу
«Поднесемъ чару зелена вина!»
И наливала чару зелена вина,
Вѣсомъ чара полтора пуда,
А мѣрой чара полтора ведра.
Возымалъ Добрыня единой рукой,
Выпивалъ Добрыня во единый здухъ.
Тутъ спустилъ свой злаченый перстень,
Спустилъ во чару зелена вина,
И поднесъ Настасьѣ Микуличной,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Настасья Микулична!
— Ужъ ты выпьешь до дна, ты увидишь добра,
— А не выпьешь до дна, не увидишь добра! —
И выпила Настасья Микулична,
Увидала вѣдь свой перстень обрученой,
Сама говоритъ таково слово:
«Не тотъ мой мужъ, который за столомъ сидитъ,
«А тотъ мой мужъ, который на кирпичной печь».
Она и вышла зъ-за дубова́ стола.
«Прости меня Добрыня Микитиничъ!
«У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
«Куды вѣтеръ повѣетъ, туда умъ понесетъ,
«Ай мужъ по дрова, да жена за мужъ пошла!»
Скочилъ Добрынюшка Микитиничъ,
Схватилъ Олешеньку Поповича,
Схватилъ за желты кудри,
Бросилъ о ду́бовъ полъ.
Только Олешенька женатъ бывалъ.

Спрогóворитъ Олешенька Поповичъ:
— И всякій-то на свѣтѣ женится,
— Не всякому женидьба удается.
— Только удалась женидьба
— Ставру Годиновичу, да Добрынюшкѣ Микитичу. —

Записано тамъ же, 1 іюля.

169.

СТАВЕРЪ.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя у Владиміра
Да былъ присобранъ почестный пиръ
На вси на князи, на вси бóяра,
На вси гостюшки столовыи,
На вси людюшки торговыи,
На вси поляницы на удалыи.
И вси на пиру-то наѣдалиси,
И вси на пиру-то напивалиси.
И вси на пиру-то порасхвастались.
Богатый хвастаетъ золотой казной.
Умный хвастатъ отцемъ-матерью,
А безумный хвастатъ молодой женой
Сильныи Ставёръ сынъ Годиновичъ
Онъ не ѣстъ не пьетъ не кушаетъ,
Ничѣмъ онъ не хвастаетъ.
Испроговоритъ князь стольнё-кіевской:
— Что же ты, Ставёръ, сынъ Годиновичъ,
— Что же ты не ѣшь не пьешь не кушаешь,
— И ничимъ же, Ставёръ, ты не хвастаешь? —
И тутъ добрый молодецъ росхвастался:
«Да есть у меня у добра молодца,

«Золотой казны да у меня и счету нѣтъ,
«Цвѣтныхъ платьицевъ и смѣту нѣтъ,
«Тридевять кобылицъ есть неѣ́зжаныихъ,
«Тридевять жеребчиковъ некла́деныихъ
«Жена у меня Василиста Микулична,
«Она Кіевъ градъ ку́питъ-продастъ,
«Самого царя съ ума выведетъ!»
— Ай же слуги мои вѣрныи!
— Во́зьте Ставра̀, подхвати́те Ставра̀,
— Посадите Ставра̀ во глубо́кой погрѐбъ
— За него слова неумильніи,
— За него рѣчи неучливыи! —
Взяли Ставра̀, подхвати́ли Ставра̀
Да за не́го за ручки за бѣлыи
За́ него перстни за злаченыи,
Посадили Ставра во глубокъ погрёбъ.
При Ставрѣ при Годиновѣ
Былъ молодой Ванюша воръ пова́ренокъ,
Онъ скорешенько садился на добра́ коня,
Поѣзжалъ во городъ во Чернигово.
Пріѣзжаетъ тутъ во городъ во Чернигово
Приходилъ ко Василистиной ко матушки:
«Ай же Василистина матушка!
«Да гдѣ же Василиста Микулична?»
— Василисты Микуличны-то дома нѣтъ,
— Ушла на почестный пиръ на свадебку. —
Онъ приходитъ слѣдъ туда да на почестный пиръ.
Крестъ кладетъ по писа́ному,
Онъ поклонъ ведетъ по ученому
На три на четыре на сторонушки,
Князю со княгинею въ особину.
«Ай же Василиста Микулична!
«Ты ѣшь, ты пьешь, да прохлаждаешься,
«Надъ собою ты незгодушки не вѣдаешь,

«Какъ старыи Ставёръ да сынъ Годиновичъ
«Онъ посаженъ во глубокъ погрёбъ
«За него слова неумильнiи
«За него рѣчи неучливыи!»
Скочила она зъ-за дубова́ стола,
Пала она да о бѣлый полъ,
Думала думу ровно три́ часу:
«Силой Ставра мнѣ-ка изъ Кiева не взя́ть,
«Деньгами Ставра мнѣ-ка не вы́купити,
«Взять не взять Ставра своима догадкама женьскима».
Она волосы брила̀ по турецкому,
Кудёрышки вила̀ по молодецкому,
Штаники одѣла черноба́рхатный,
А сапожки на ножки зеленъ сафьянъ.
Шиломъ пятики, носы востры,
Около носочка яи́чко катить,
А и по́дъ пяту воробе́й пролетитъ.
Стала Василиста удалы́мъ молодцомъ
Да садилась на добра коня, поѣхала.
Прiѣзжала она да во Кiевъ градъ
Какъ поставила коня середь ши́рока двора,
Несвязанаго, непривя́заного
Еще никому неприка́заного.
Стоитъ добрый конь, не воро́хнется.
Проходила тутъ во гридню во столовую.
Кладывала листъ посольнiй на ду́бовъ столъ
Сама говорила таково слово:
«Ай же ты князь стольнё-кiевской,
«Ты хотъ въ листъ гляди, хоть за листомь слушай!
«А я пришолъ къ тебѣ свататься
«На твоёй любезноей дочери
«А на младоей Машутѣ Влади́мiровнѐй».
Видитъ князь, что уда́лъ молодѐцъ,
Князь бы далъ, да посёлъ бы взялъ,

Нé иде младáя Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
— Не отдай-ко дѣ́вчину за женщину!
— Это, сударь, есте женщина,
— Да примѣты ейны женскіи:
— Ричь-поговоры ý нея съ прóвизгомъ
— А походочка ý нея чáстенька,
— Она на лавкѣ сидитъ, стёгна жметъ,
— Стёгна жметъ, животá бережетъ.
— Два на двое буде намъ съ тоскú померетъ. —
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Можно посла поотвѣдати».
Дали борцовъ удалы́хъ молодцовъ,
Которыхъ лучше во Кіевѣ нѣтъ.
Она взяла борца по правýю руку,
Дрýгаго взяла по лѣвую́ руку,
Она стала тутъ борцами потаскивать,
Да тѣмъ борцамъ только можется.
Видитъ князь, что удáлъ молодѐцъ,
Князь бы далъ, да посёлъ бы взялъ,
Нé иде младáя Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
— Не отдай-ко дѣ́вчину за женщину!
— Это, сударь, есте женщина,
— Да примѣты ейны женскіи:
— Ричь-поговоры ý нея съ прóвизгомъ
— А походочка ý нея чáстенька,
— Она на лавкѣ сидитъ, стёгна жметъ,
— Стёгна жметъ, животá бережетъ.
— Два на двое буде намъ со тоскú померетъ. —

Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Можно посла поотвѣдати».
Дали стрѣльцовъ, удалы́хъ молодцовъ,
Которыхъ лучше во Кіевѣ нѣтъ.
Одинъ стрѣ́лилъ не до́стрѣлилъ,
Дру́гой стрѣ́лилъ перѐстрѣлилъ.
А Василиста Микулична стрѣ́лила
Да во цѣлочку по́пала.
Видитъ князь, что уда́лъ молодѐцъ,
Князь бы далъ, да посёлъ бы взялъ,
Не́ иде млада́я Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
— Не отдай-ко дѣ́вчину за женщину!
— Это, сударь, есте женщина,
— Да примѣты ейны женскіи:
— Ричь-поговоры у́ нея съ про́визгомъ
— А походочка у́ нея ча́стенька,
— Она на лавкѣ сидитъ, стёгна жметъ,
— Стёгна жметъ, живота́ бережетъ.
— Два на двое буде намъ со тоски́ помереть. —
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Можно посла поотвѣдати.
«Мы постелемъ мягку пухову́ постель,
«Кладемъ круто складно зголовьицо,
«Буде стане подъ плечма я́мина, мужчина будетъ,
«Буде стане подъ жопой, женщина».
И они стлали мягку пухову́ постель
Положили круто складно зголовьицо.
Куда бы повалиться буйной го́ловой
Она тутъ жопой повалиласи.
По утру пришла Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:

— Свѣтъ государь ты мой батюшка
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Тутъ гдѣ бы спать головой, тутъ жо́пой спано̀.
— Не отдавай мене дѣвчины за женщину. —
«Мы еще посла да поотвѣдаемъ:
«Вытопимъ теплу парну баенку».
Пришелъ тутъ посёлъ тотъ Ляховицкіи
Племничекъ да королевскіи,
Онъ не мылся, онъ да не парился,
Помочилъ свою буйну головушку.
Князь-то идетъ да во баенку,
А посёлъ-то идетъ да изъ баенки.
Испроговоритъ тутъ князь стольнё-кіевской;
«Ай же ты посёлъ да Ляховицкіи,
«Племничекъ да королевскіи!
«Что же ты скоро умылся, испарился?»
Испроговоритъ посёлъ Ляховицкіи:
— Ваши повороты княженецкіи,
— Наши повороты молодецкіи
— За то жалуешь любезной своей дочерью,
— Мла́доей Машуткой Владиміровной. —
Видитъ князь, что уда́лъ молодецъ,
Тутъ веселымъ пиркомъ да за свадебку.
Испроговоритъ тутъ посёлъ Ляховицкіи
Племничекъ королевскіи:
— Дайте игроковъ, удалы́хъ молодцёвъ,
— Игры бы играли во Кіевѣ,
— Тоньци выводили въ Еросо́лимъ градъ. —
Тутъ-то князь пораздумался:
«Только было игроковъ, удалыхъ молодцёвъ
«Одинъ старый Ставёръ сынъ Годиновичъ,
«Такъ посаженъ во глубокъ погребъ.
«Взять Ставра̀, такъ невида́ть Ставра
«А не взять Ставра̀, такъ огрубить посла». —

«Ай же слуги мои вѣрныи!
«Ужъ вы возьте Ставра, подхвати́те Ставра̀
«За его за ручки за бѣлыи,
«За его перстни за злаченыи,
«Приведите Ставра на почестный пиръ».
Тутъ взяли Ставра, подхватили Ставра,
Приводили Ставра на почестной пиръ.
Сталъ онъ играть да выигрывать,
Игры играетъ во Кіевѣ,
Тоньци выводитъ въ Еросо́лимъ градъ.
Тутъ-то вси на пиру поразслухались.
Испроговоритъ Василиста Микулична:
— Помнишь ли Ставѐръ, памяту́ешь ли Ставѐръ,
— Когда я была кобылицей, ты же́ребцемъ,
— У меня было колечко золоченое,
— У тебя была спаечка *(такъ)* серебряна? —
. . . . [1]
Она одѣлась въ пла́тья женскіи,
Пришла къ князю ко Владиміру
Она говоритъ да таково слово:
— Занапрасно Ставра посадили во глубокъ погребъ.
— Онъ похвасталъ, такъ были́цею. —
Испроговоритъ ему князь стольнё-кіевской:
«По́ люби бери золотой казны,
«По́ люби бери добры́хъ коней».
Тутъ они до́мой поѣхали.

Записано тамъ же, 1 іюля.

---

1) Тутъ пѣвицы застыдились и пропустили цѣлое мѣсто.

IV.

ВЫГОЗЕРО.

ВЫГОЗЕРО.

XXXI.

НИКИТИНЪ.

Өедоръ Никитинъ, крестьянинъ родомъ съ Выгозера, лѣтъ около 45, высокій, статный, весьма пріятной наружности. Въ молодости занимался портняжнымъ мастерствомъ и въ то время выучился пѣть множество былинъ, преимущественно на поморьѣ, въ Кемскомъ уѣздѣ, гдѣ часто бывалъ для работы; но онъ не могъ припомнить, отъ кого именно онъ былины заимствовалъ. Въ послѣднее время онъ многое позабылъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ на службу лѣснымъ стражникомъ, потому что служба эта не даетъ ему досуга распѣвать былины. Живетъ онъ теперь на Карельскомъ острову, верстъ 50 отъ Выгозерскаго погоста, но сохранилъ въ родномъ селѣ участокъ земли и крестьянское хозяйство. Никитинъ поетъ очень пріятнымъ голосомъ и весьма складно. Нѣкоторыя изъ его былинъ были записаны для г. Рыбникова писаремъ мѣстнаго исправника.

170.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Какъ подъ славныя подъ Кіевъ градъ,
И ко славному князю ко Владиміру,
И приходитъ посёлъ да скоровѣстныя.

Приходилъ поселъ да изъ чиста поля,
А изъ чиста поля отъ Калина царя,
И отъ Калина царя да Калиновича.
А онъ идётъ посёлъ да не съ упадкою,
А онъ не бьетъ челомъ, не низко кланяется,
Ай прямо грядéтъ въ гридни свѣтлыя,
И во тѣе ли полаты княженецкія.
А онъ бросилъ ярлыкъ на кленовый столъ,
А вѣдь сей ярлыкъ-то былъ напи́саный,
И чтоль на свинцу да чубаравскоемъ.
И сей ярлыкъ вѣсу̀ былъ сорока пудовъ.
Ужъ какъ бросилъ сей ярлыкъ да на кленовый столъ,
Ай чтоль кленовый столъ да подломишася,
И тутъ Владиміръ князь да испугается,
И онъ бросилъ взоръ да на посла на скоровѣстнаго,
Испроговоритъ онъ да таково слово,
И чтоль тому послу да скоровѣстному:
«А ты откуль пришолъ да добрый молодецъ,
«И отъ кого принесъ ты сей посла́ный ерлыкъ?»
И чтоль отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ,
И чтоль скорыій посёлъ Василій Ивановичъ:
— Я изъ иной земли, изъ золотой орды,
— Отъ Калина̀ царя да Калиновича,
— Ай же ты Владиміръ князь да стольне-кіевскій!
— И ты давай-ко-си изъ Кіеви да поединщика,
— Поединщика да супротивника.
— И супротивъ Калина̀ царя да Калиновича
— Ежели не дашъ ты намъ да поединщика,
— Поединщика и супротивника,
— То мы твой славныя Кіевъ градъ въ полонъ возьмемъ,
— И въ полонъ возьмемъ и весь огнемъ сожгемъ. —
И тутъ весьма Владиміръ князь да закручинилсо,
Закручинилсо князь да запечалилсо,
Испроговоритъ Владиміръ таково слово:

«По грѣхамъ то вѣрно сучинилося,
«И богáтырей во градѣ не случилося».
И какъ на тую славу на великую,
Какъ прослышала во царевомъ кабаки голь кабацка,
А по имени ли тотъ Васильюшка упьянсливы.
Какъ приходилъ Василей въ гридни свѣтлыя,
И въ тѣе ли полаты княженецкія,
И онъ какъ крестъ то кладетъ да по писаному,
И поклонъ тотъ ведетъ да по учéному,
И на всѣ стороны Василей поклоняется,
И бьетъ целомъ да о сыру землю,
И ласковóму князю Владиміру.
Испроговоритъ Василей таковы слова:
— А гой же ты Владиміръ князь да стольнё-кіевскій,
— И стольне-кіевскій славно-Владимірскій!
— И ты почто же такъ сильнё кручинишься,
— Но зачѣмъ же тебѣ да такъ печалиться?
— Развѣ нѣтъ у насъ да на святой Руси,
— Развѣ нѣтъ у насъ во стольноёмъ во градѣ въ Кіевѣ,
— Развѣ нѣтъ такова да супротивника,
— Ай супротивъ Калинà царя да Калиновича?
— Ай какъ есть у насъ да во чистомъ полѣ,
— И во чистомъ полѣ да во бѣлóмъ шатрѣ,
— Ай есть вѣдь тамъ да удалóй добрый молодецъ.
— Эще старыя казакъ да Илья Муромецъ.
— И про него же славу про великую,
— И про него же силу богатырскую,
— И во стихахъ поютъ, и въ старинахъ скажутъ,
— И на бою ему то смерть не писана.
— А знаю я объ томъ и вѣрно вѣдаю
— И что онъ можетъ сразиться супротивъ Калинà,
— И что онъ можетъ сразиться супротивъ царя да Калина.—
Испроговоритъ Владиміръ князь да таково слово:
«Ай ты скорѣ́й достань да добра молодца,

«И славнаго каза́ку Илью Муромца».
Пріѣзжае́тъ Василей во чисто полё,
Во чисто поле да ко бѣлу шатру.
И во бѣломъ шатри-то спитъ да добрый молодецъ,
А онъ-то спитъ да добрый молодецъ глубокимъ сномъ,
А его добрый конь зоблетъ пшену да бѣлоярову
И щиплетъ добрый конь травеньку шелковую,
И пьетъ-то добрый конь водочку ключовую.
И дожидатъ Васильюшко упьянсливый,
И когда прохватится да добрый молодецъ,
Старыя казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
И онъ воспряну́лъ отъ крѣпка сна да безпробуднаго,
И предъ собой увидѣлъ стоитъ да добрый молодецъ,
И тотъ ли то Васильюшко упьянсливый,
И бьетъ челомъ Василей низко кланяйтся,
И какъ удалому да добру молодцу,
Старому казаку́ да Ильѣ Муромцу.
Испроговоритъ Василей таково слово;
— А гой же ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— И сослужи-тко-сь Владиміру да службу вѣрную,
— И отгони отъ Кіева цюдовища великого.
— Пріѣзжаетъ Кали́нъ царь Калиновичъ,
— И со той ли силой со невѣрною,
— И со тымъ ли войско́мъ со татарскіимъ. —
Цють ли выслушалъ да таковы слова
Старыя казакъ да Илья Муромецъ,
И скоро онъ беретъ своего добра коня.
И какъ садился онъ да на добра коня,
И поѣзжалъ же тутъ онъ во чисто полё,
И что ль подъ славныя да что ль подъ Кіевъ градъ.
Только видѣли вѣдь добра молодца какъ сѣдучи,
Но не видѣли удалаго поѣдучи.
Во чистомъ поли да курева стоитъ,

Курева стоитъ, да пыль столбомъ валитъ.
Куда падаютъ копыта лошадиныя,
И становятся тутъ колодци ключевой воды.
И какъ доѣхалъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
И до того ли до города Кіева,
У какъ увидѣлъ онъ тутъ стоитъ въ чистомъ поли,
И какъ увидѣлъ онъ тутъ рать-сила великая,
И во чистомъ поли вѣдь стóитъ бѣлъ шатеръ,
Въ которомъ шатрѣ былъ да Кали́на царь Калиновичъ.
И направлятъ коня да ко бѣлу шатру,
Ко бѣлу шатру да къ Калину̀ царю,
Къ Калину̀ царю да Калинови́чу,
И какъ увидѣлъ тутъ Калина царь,
И Кали́на царь да что-ль Кали́новичъ.
А какъ садился Кали́на на добра коня,
И на того ли на жеребчика на ворона,
И берéтъ Кали́на саблю вострую,
И во вторыхъ беретъ копье да долгомѣрное,
И выѣзжатъ Кали́на во чисто поле
И супротивъ русскаго богаты́ря.
И какъ не два ли ясныхъ сокола слетаются,
И не двѣ ли сильніи горы́ вмѣстó скатаются,
И какъ два сильніихъ могучіихъ богатыря сражаются.
И они съѣхались добры молодцы побратались,
А й у Калина̀ царя конь на колѣна палъ,
А й самъ ли Калина̀ царь подъ конёмъ лежитъ,
И разбитъ онъ до конскаго до сѣдлища.
А старыя казакъ да Илья Муромецъ,
А й на кони сидитъ подобно какъ столѣтній дубъ.
И на конѣ сидитъ да не шатается,
А его сердечико да розгоряется.
Началъ рубить тутъ силу всю татарскую,
И пролилъ онъ всю кровь татарскую,
Очистилъ онъ вѣдь славный Кіевъ градъ,

Избавилъ отъ напасти онъ князя Владиміра.
И пріѣзжаетъ Илья Муромецъ во Кіевъ градъ.
И какъ встрѣчаютъ добра молодца да по ученому,
И бьютъ челомъ да добру молодцу со всѣмъ усердіемъ,
И Владиміръ князь да ему въ особину.
«И какъ спасибо тебѣ да добрый молодецъ
«И за то, что избавилъ отъ той напасти отъ великія,
«И что-ль отъ той бѣды да отъ напрасныя,
«За то-ль я тебя добрый молодецъ вѣдь жалую:
«Ты бери-ко-сь отъ меня да злата серебра,
«И ты бери отъ меня каменья драгоцѣннаго;
«Или городъ на-бъ тебѣ да съ пригородками,
«Или тебѣ села надо да съ приселками,
«Или тебѣ деревни надо со крестьянами?»
А й отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ
И солнышку князю Владиміру:
— Ничего вѣдь мнѣ не надобно.
— Только дай-ко мнѣ похвальный листъ,
— И напиши Владиміръ ты своей рукой. —

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

171.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 3).

Изъ того ли изъ города изъ Мурома,
Изъ того ли села да Карачаева,
Была тутъ поѣздка богатырская.
Выѣзжаетъ оттуль да добрый молодецъ,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
На своемъ ли выѣзжаетъ на добромъ кони,
И во томъ ли выѣзжаетъ во кованомъ сѣдлѣ,

И онъ ходилъ гулялъ да добрый молодецъ,
Ото мла́дости гулялъ да онъ до старости.
Ѣдетъ добрый молодецъ да во чистомъ поли,
И увидѣлъ добрый молодецъ да латырь камешокъ,
И отъ камешка лежитъ три розстани,
И на камешки было подписано:
Въ первую дороженку ѣхати — убиту быть,
Во дру́гую дороженку ѣхать — женату быть,
Третьюю доро́женку ѣхати — богату быть.
Стоитъ старенькой да издивляется:
Головой качатъ самъ выговариватъ:
«Сколько лѣтъ я во чистомъ поли ходилъ гулялъ да ѣзживалъ,
«А еще́ такова́го чуда не нахаживалъ.
«Но на что поѣду въ ту дороженку да гдѣ богату быть?
«Нѣту у меня да молодой жены,
«И молодой жены да любимой семьи,
«Некому держать тощить да золотой казны,
«Некому держать да платья цвѣтнаго.
«Но на что мнѣ въ ту дорожку ѣхать гдѣ женату быть?
«Вѣдь прошла моя теперь вся молодость.
«Какъ молодинка вѣдь взять да то чужа корысть.
«А какъ ста́рая-та взять дакъ на печи лежать,
«На печи лежать да киселемъ кормить.
«Развѣ поѣду я вѣдь добрый молодецъ,
«А й во тую дороженку гдѣ убиту быть?
«А й пожилъ я вѣдь добрый молодецъ на семъ свѣти,
«И походилъ погулялъ вѣдь добрый молодецъ во чистомъ поли».
Но поѣхалъ добрый молодецъ въ ту дорожку гдѣ убиту быть.
Только видѣли добра молодца вѣдь сядучи,
Какъ не видѣли добра молодца поѣдучи.
Во чистомъ поли да курева стоитъ,
Курева стоитъ да пыль столбомъ летитъ.

Съ горы на гору добрый мо́лодецъ поскакивалъ,
Съ холмы на́ холму добрый молодецъ попрыгивалъ,
Онъ вѣдь рѣки-ты озёра межу ногъ спущалъ.
Онъ синѝ моря-ты на око́лъ скакалъ.
Лишь проѣхалъ добрый молодецъ Корелу проклятую,
Не доѣхалъ добрый молодецъ до Индíи до богатыи,
И наѣхалъ добрый молодецъ на грязи на смоленскіи,
Гдѣ стоятъ вѣдь со́рокъ тысячей разбойниковъ
И тѣ ли ночны́и тати подорожники.
И увидѣли разбойники да добра мо́лодца,
Стараго каза́ку Илью Муромца.
Закричалъ разбойниче́скій атаманъ большой:
— А гой же вы мои братцѝ-товарищи,
— И разудаленькіи вы да добры молодци!
— Принимайтесь-ко за добра молодца,
— Отбирайте отъ него да платье цвѣтное,
— Отбирайте отъ него да что-ли добра коня. —
Видитъ тутъ вѣдь старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Видитъ онъ тутъ что да бѣда пришла,
Да бѣда пришла да неминуема.
Испроговоритъ тутъ добрый молодецъ да таково слово:
«А гой же вы сорокъ тысячъ разбойниковъ
«И тѣхъ ли татéй ночныхъ да подорожниковъ!
«Вѣдь какъ бить трепать вамъ будетъ стара некого,
«Но вѣдь взять-то будетъ вамъ со стараго да нечего.
«Нѣтъ у стараго да золотой казны,
«Нѣтъ у стараго да платья цвѣтнаго,
«А и нѣтъ у стараго да камня драгоцѣннаго.
«Столько есть у стараго одинъ вѣдь добрый конь,
«Добрый конь у стараго да богатырскіи.
«И на добромъ конѣ вѣдь есть у стараго сѣде́лышко,
«Есть сѣде́лышко да богатырское.
«То не для красы, братцы, и не для басы,
«Ради крѣпости да богатырскіи,

«И что можно́ было́ сидѣть да добру молодцу,
«Биться ратиться добру молодцу да во чистомъ поли.
«Но еще есть у стараго на кони уздечика тесмяная,
«И во той-ли во уздечики да во тесмяныи
«Какъ зашито есть по камешку по яфонту.
«То не для красы, братци, не для басы,
«Ради крѣпости да богатырскіи.
«И гдѣ ходитъ вѣдь гулятъ мой добрый конь,
«И среди́ вѣдь ходитъ ночи темныи,
«И видно́ его́ да за пятнадцать верстъ да равномѣрныихъ.
«Но еще у стараго на головушкѣ да шеломчатъ колпакъ,
«Шеломчатъ колпакъ да сорока пудовъ.
«То не для красы, братци, не для басы,
«Ради крѣпости да богатырскіи».
Скричалъ сзычалъ да громкимъ голосомъ
Разбойническій да атаманъ большой:
— Ну чтожъ вы долго дали старому да выговаривать!
— Принимайтесь-ко вы ребятушка за дѣло ратное. —
А й тутъ вѣдь старому да за бѣду стало,
И за великую досаду показалоси.
Снималъ тутъ старый со буйной главы да шеломча́тъ колпакъ,
И онъ началъ старенькій тутъ шеломо́мъ помахивать.
Какъ въ сто́рону махнетъ — такъ тутъ и улица,
А й въ дру́гу о́нъ махнетъ — дакъ переулочекъ.
А видятъ тутъ разбойники да что бѣда пришла,
И какъ бѣда пришла и неминуема,
Скричали тутъ разбойники да зычнымъ голосомъ:
«Ты оставь-ко добрый молодецъ да хоть на сѣмена».
Онъ прибилъ прирубилъ всю силу невѣрную,
И не оставилъ разбойниковъ на сѣмена.
Обращается ко камешку ко латырю,
И на камешки подпись подписывалъ:
И что ли очищена тая дорожка прямоѣзжая.

И поѣхалъ старенькой во ту дорожку гдѣ женату быть,
Выѣзжаетъ старенькой да во чисто полё,
Увидалъ тутъ старенькой полаты бѣлокаменны,
Пріѣзжаетъ тутъ старенькой къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
Увидала тутъ да красна дѣвица,
Сильная поляница удалая,
И выходила встрѣчать да добра молодца:
— И пожалуй-ко-сь ко мнѣ да добрый молодецъ! —
И она бьетъ челомъ ему, да низко кланяйтся,
И беретъ она добра молодца да за бѣлы руки,
За бѣлы руки, да за златы перстни.
И ведетъ вѣдь добра молодца да во полаты бѣлокаменны,
Посадила добра молодца да за дубовый столъ,
Стала добра молодца она угащивать,
Стала у добраго молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, скажи мнѣ добрый молодецъ!
— Ты какой земли есть, да какой орды,
— И ты чьего же отца есть, да чьеё матери?
— Еще какъ же те́бя именемъ зовутъ,
— А звеличаютъ те́бя по отечеству? —
А й тутъ отвѣтъ-то держалъ да добрый молодецъ:
«И ты почто спрашивашь объ томъ да красна дѣвица.
«А я теперь усталъ да добрый молодецъ,
«А я теперь усталъ да отдохнуть хочу».
Какъ беретъ тутъ кра́сна дѣвица да добра молодца,
И какъ беретъ его да за бѣлы руки,
За бѣлы руки да за златы перстни,
Какъ ведетъ тутъ добра молодца
Во тую ли во спальню богатоу́брану,
И ложи́тъ тутъ добра молодца на ту кроваточку обмансливу.
Испроговоритъ тутъ моло́де́цъ да таково слово:
«Ай же ты душечка да красна дѣвица!
«Ты сама ложись да на ту кроватку на тисовую».
И какъ хватилъ тутъ добрый молодецъ да красну дѣвицу,

И хватилъ онъ ей да по подпазушки,
И броси́лъ на тую на кроваточку,
Какъ кроваточка-то эта подвернуласи,
И улетѣла красна дѣвица во тотъ да во глубокъ погребъ.
Закричалъ тутъ вѣдь старый казакъ да зычнымъ голосомъ:
«А гой же вы братци мои да вси товарищи,
«И разудалыи да добры молодцы!
«Но има́й хвата́й вотъ и сама́ идетъ».
Отворяетъ погреба глубокія,
Выпущаетъ двѣнадцать да добрыхъ молодцовъ,
И все сильніихъ могучіихъ богатырей,
Едину́ оставилъ саму да во погребѣ глубокоёмъ.
Бьютъ-то челомъ да низко кланяются
И удалому да добру молодцу,
И старому каза́ку Илью Муромцу.
И пріѣзжаетъ старенькой ко ка́мешку къ олатырю,
И на камешки-то онъ подпи́сь подписывалъ:
И какъ очищена и та дороженка да прямоѣзжая.
Но направляетъ добрый молодецъ да своего коня
И во тую ли дороженку да гдѣ богату быть.
Во чистомъ поли наѣхалъ на три по́греба глубокіихъ,
И которыи насыпаны погре́ба златомъ серебромъ,
Златомъ серебромъ каменьемъ драгоцѣнныимъ.
И обиралъ тутъ добрый молодецъ все злато это серебро,
И роздавалъ это злато серебро по нищей по братіи,
И роздалъ онъ злато серебро по си́ротамъ да безпріютнымъ.
Но обращался добрый молодецъ ко камешку къ олатырю,
И на камешки онъ подпись подписывалъ:
И какъ очищена эта дорожка прямоѣзжая.
И онъ задумалъ ѣхать тутъ да добрый молодецъ
И которой же дороженкой да прямоѣзжею.
И коя лежи́тъ дороженка отъ Кіева,
Отъ Кіева и до Чернигова,

И мѣрная дороженка была три девяноста равномѣрныхъ верстъ,
А около-то ѣздили да ровно двѣ тысящи.
И на той ли на дороженки да прямоѣзжая,
А й на шести дубахъ сидѣлъ Соловéй разбойникъ Догматьевичъ,
И онъ свисталъ вѣдь посвистомъ змѣинымъ,
И онъ кричалъ вѣдь покрикомъ звѣринымъ.
И отъ посвиста его да отъ змѣинаго,
И отъ покрика его да отъ звѣринаго
Умирали тутъ сильныи могучіи богатыри.
Но наѣхалъ тутъ добрыи молодецъ на шесть дубовъ на кряновистыихъ,
И какъ увидалъ тутъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,
И видитъ онъ опасно ѣдучись-то добра молодца.
Засвисталъ онъ въ полсвиста да въ пол-змѣинаго,
Закричалъ онъ въ полкрика да въ пол-звѣринаго,
А й у стараго казáки Ильи Муромца
Бѣжитъ добрый конь да потыкается
Отъ того ли отъ страха отъ великаго.
И онъ тутъ бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,
И онъ тутъ бьетъ коня да выговариватъ:
«Ой же ты медвѣжій кормъ, да травяной мѣшокъ!
«Ты зачѣмъ же во чистомъ поли да потыкаешься,
«Развѣ вѣдаешь ты надъ собой незгодушку великую;
«Развѣ вѣдаешь со мной да супротивника?
«А вѣдь мнѣ-ка-ва-ли добру молодцу,
«На бою-то мнѣ вѣдь смерть не писана,
«Я не вѣдаю того что меня убьётъ».
Какъ увидалъ Соловéй разбойникъ Догматьевичъ,
И закричалъ разбойникъ во весь крикъ да богатырскіи,
Въ богатырскіи да по звѣриному,
И засвисталъ Соловéй разбойникъ по змѣиному,
И засвисталъ во весь свистъ богатырскія.

У старенькаго вѣдь добра молодца конь на колѣни палъ.
И онъ тутъ бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,
И онъ бьетъ коня да выговариватъ:
«Ахъ ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
«Развѣ не́ бывалъ ты во чистомъ поли,
«Не слыхалъ ты по́крика звѣринаго,
«И не слыхалъ же ты и посвиста змѣинаго?»
А й беретъ вѣдь старенькой свой ту́гой лукъ,
Натягаетъ свой тугой лукъ да богатырскіи,
Вынниматъ колчанъ со стрѣламы да со калёными,
И полагаетъ онъ вѣдь стрѣлочку каленую,
И стрѣляетъ онъ въ Со́ловья разбойника,
И прилетѣла стрѣлочка да прямо въ правый глазъ,
И тому ли собаки Со́ловью разбойнику.
Увалился Соловей разбойникъ на сыру землю,
И наскакалъ же тутъ да добрый молодецъ,
И налагалъ ему да петелку шелковую,
И на его ли на го́лову татарскую,
И привязалъ тутъ петелку ко стремени,
И поѣзжалъ тутъ добрый молодецъ во славный Кіевъ градъ
И ко стольнему князю ко Владиміру.
Какъ видѣли во городи тутъ добра молодца вѣдь ѣдучи.
Какъ пріѣхалъ добрый молодецъ во Кіевъ градъ,
И привезъ тутъ онъ Со́ловья разбойника Догматьева.
И во скоромъ времени узналъ Владиміръ князь
И выходилъ Владиміръ онъ да на крылечико,
Испроговоритъ Владиміръ князь да таково слово:
— И ты скажи-сь-ко скажи-сь да добрый молодецъ!
— И ты какой земли, да ты какой орды,
— И чьего отца есть и чье́ё матери,
— И какъ же тебя добра молодца да именемъ зовутъ,
— И звеличаютъ по отечеству?
— И ты куда же ѣдешь, откуль путь держишь? —
Отвѣтъ держалъ да добрый молодецъ:

«А гой же ты ласковое солнышко Владимiръ князь!
«Ѣду я отъ города Чернигова,
«А й отъ Чернигова прiѣхалъ и до Кiева,
«И очистилъ ту дороженку да прямоѣзжую
«И на которой былъ тутъ Соловéй разбойникъ Догматьевичъ.
«И онъ убивалъ вѣдь свистомъ змѣиныимъ,
«И покрикомъ звѣриныимъ,
«Сильнiихъ онъ богатырей,
«И тѣхъ ли поляницъ да всѣхъ удалыихъ.
«А я вѣдь самъ-то добрый молодецъ
«Изъ того ли города изъ Мурома,
«Изъ того села да Карачаева,
«Изъ села вѣдь Карачаева крестьянскiй сынъ.
«Именемъ зовутъ меня да Илья Муромецъ,
«По отечеству да сынъ Ивановичъ».
Собиралъ Владимiръ князь почестенъ пиръ,
И на тѣхъ ли князей и на бóяры,
И на тѣхъ ли на вельможъ да на великiихъ,
И на русскiихъ на славныихъ богатырей,
И на поляницъ да на удалыихъ.
Испроговоритъ Владимiръ таково слово:
— Ты повели-тко, добрый молодецъ,
— И тому ли Сóловью разбойнику,
— Засвистать ему въ пол-свиста въ пол-змѣинаго,
— И закричати въ пол-крика звѣринаго.
— А й пусть потѣшатся мои всѣ князи бóяра,
— И пусть услышатъ всѣ вѣдь русскiи богáтыри,
— И тѣ ли поляницы всѣ удалыѝ. —
И повелѣлъ же тутъ да старыи казакъ да Илья Муромецъ
И засвистать въ пол-свиста въ пол-змѣинаго,
И закричать въ полъ-крика въ пол-звѣринаго.
Но не послушалъ татаринъ Соловей резбойникъ Догматьевичъ,
Закричалъ во весь вѣдь крикъ да богатырскiи,

Богатырскіи да по звѣриному,
И засвисталъ во весь свистъ по змѣиному.
И всѣ народъ тотъ людюшки да испугалися,
И кои мертвые, а ины окорачь ползутъ,
Владиміръ князь стоӥтъ онъ и шатается.
А й молоду́ княгиню е́го Абраксину
И спасъ ея да жизнь вѣдь доброй молодецъ,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ.
Тутъ ли ему да за бѣду стало,
И за великую досаду показалоси.
Выводилъ Со́ловья да во чисто полё,
Отрубилъ у него да буйну голову,
Буйну голову его татарскую.
И тутъ ему да Соловью славу́ поютъ.

Записано на Выгозерѣ, 16 іюля.

172.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 13).

Какъ отъ батюшки было отъ умнаго,
Какъ отъ матушки да отъ разумныя,
Зарождается чадушко безумноё,
Что-ль по имени Иванушко Гостиной сынъ.
Какъ не стало у Иванушка да родна батюшко,
И оставается у Иванушка да родна матушка,
И честна вдова Офимья Олександровна.
И унимаетъ родна матушка да своего чада,
И своего ли чада милаго,
И того ли дитятка любимаго,
И какъ по имени Иванушка Гостинаго.
«А гой же ты свѣтъ мое чадо ненаглядное!

«И не ходи-тко чадо да на царевъ кабакъ,
«И ты не пей-ко-сь, не кушай зелена вина,
«И не имѣй союзъ со голями кабацкими,
«И не связывайся чадо со жонками со курвами,
«И со тѣма ли со дѣвками со блядками».
И не послушалъ Иванушко да своей матери,
И онъ сталъ тутъ пить, кушати да зелено вино,
И сталъ онъ знаться тутъ со голями кабацкими,
И съ тѣма ли со жонками со блядками,
И съ тѣма ли со дѣвками со курвами.
И какъ прослышала да ѐво матушка,
И честна̀ вдова Офимья Олександровна,
И приходила тутъ ево̀ да родна матушка,
Приходила она да на царевъ кабакъ,
Испроговоритъ она да таково слово!
«А гой же вы народъ люди православныи!
«И не видали ль вы моего да чада милаго,
«Чада милаго дитя любимаго,
«И что ль по имени Иванушка Гостинаго?»
Испроговорятъ народъ да православныя:
— А гой же ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
— И не видали мы твоего да чада милаго,
— И что ль по имени Иванушка Гостинаго. —
Испроговоритъ тутъ Офимья Олександровна,
И что ли ко•тѣмъ голямъ ко кабацкіимъ:
«А гой же вы голи вы кабацкія!
«Вы скажите-тко да гдѣ моё есть чадо милоё,
«И чадо милоё дитя любимоё,
«И что ль по имени Иванушко Гостиный сынъ?
«И за то дарю васъ златомъ серебромъ».
И привели тутъ голи кабацкія
Ай оборва́наго да добра молодца,
Ай что ль по имени Иванушка Гостинаго.
И какъ бере́тъ Ивана родна матушка,

И честна вдова Офимья Олександровна,
И какъ берётъ ево да за желты кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
И за бѣлы руки да за златы перстни,
И повела ево на пристань корабельную,
И ко тѣмъ ли купцамъ да ко заморьскіимъ,
И ко замо́рянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ.
Испроговоритъ честна вдова Офимья Александровна,
Испроговоритъ она да таково слово:
«А гой же вы купци замо́ряна,
«И вы замо́ряна купци да й вавило́няна!
«И вы купите-тко да моего́ чада,
«И моего ли купите чада ми́лаго,
«И чада милаго купите дитя любимаго,
«И что ль по имени Иванушка Гостинаго,
«И дайте-тко за нево мнѣ-ка-ва пятьсотъ рублей».
Испроговорятъ купци да таково слово:
— А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!
— И не вора ли продаешь да не разбойника? —
Ай отвѣтъ держитъ честна вдова Офимья Александровна
И ко тѣмъ купцамъ да ко заморянамъ,
Ко замо́рянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
«И я не вора продаю, да не разбойника,
«А своего ли продаю да чада милаго,
«И что ль по имени Иванушка Гостинаго».
Ай отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ,
И что ль Иванушко Гостиной сынъ,
И ко тѣмъ купцамъ да ко замо́рянамъ,
Ко замо́рянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
— И не жалѣйте-тко вы да цѣлой тысящи,
— И что было́ бы моѣй матушкѣ
— И до гробно́й доски ей да не скитатися. —
И тутъ пролилъ горючія слёзы добрый молодецъ,
И въ слеза́хъ-то добрый молодецъ словцо повымолвилъ:

— И ты прощай-ко-сь прощай да родна матушка,
— И какъ честна́ вдова Офимья Александровна,
— И по писаному была да ро́дна матушка,
— Ай по житью бытью да змѣя лютая. —
И тутъ простилася да родна матушка,
А какъ простиласи она да съ любимы́мъ сыномъ,
Съ любимы́мъ сыномъ да со Иванушкомъ.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

173.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

Изъ того-ли изъ города изъ Мурома,
Изъ того-ли села изъ Карачаева,
А изъ того-ль скита да изъ Ефимьина,
А изъ той-ли пусты̀ни богомоленьи,
Выходило соро́къ каликъ да добрыхъ молодцовъ,
Выходило сорокъ каликъ да со каликою.
Выходили онѣ да во чисто полё,
Становилися каликушки да во зеле́ной лугъ,
Во зеленой лугъ да во единой кругъ,
И ткнули каликушки копьицо да во сыру землю,
И на копьица положили они сумочки,
Ай сумочки ты были у нихъ да рыта бархату.
И стали они думать думу заединую:
«Мы куда́ пойдемъ, братци́ каликушки, да ку́да путь держимъ?
«И кто изъ насъ, братци каликушки, буде атама́нъ большой?
«Молодой Михайлушка Романовичъ да атама́нъ большой».
И стали они думать думу заединую.
«Мы пойдемъ, братци ребятушки, во славный Еруса́лимъ градъ,
«И ко гробу Господнему да помолитися,

«И ко честнымъ мощамъ да причаститися,
«И во Ерданъ рѣки да покупатися,
«И во плакунъ травы да покатати ся.
«Кто изъ насъ убьетъ, или украдетъ ли,
«Или по русскому сказать — какъ сдѣлать тяжкій блудный грѣхъ,
«И того казнить вѣдь казнію калицкою
«И жива копать да по грудямъ въ сыру землю».
И думали тутъ добры молодцы, да и пошли во чисто поле,
И во славныи Кіевъ градъ,
Ко ласкову ко солнышку Владиміру.
Не дошедши до города до Кіева,
На пути попалъ солнышко Владиміръ князь стольне-кіевскій;
Онѣ бьютъ челомъ да о сыру землю,
И они бьютъ челомъ да низко кланяются:
«И здравствуй ласковое солнышко Владиміръ князь,
«Что ль Владиміръ князь да стольне-кіевскій,
«Стольнё-кіевскій славнò-владимірскій!
«И ты подай-ко намъ Владиміръ князь милостыню,
«Ты подай-ко-сь намъ каликамъ перехожіимъ,
«И ты подай-кось намъ по гривнѣ зóлотой,
«И что былó бы пройти въ славный Еросолимъ градъ,
«И ко гробу Господнему да помолитися,
«И ко святымъ мощамъ да причаститися,
«И во Іерданъ рѣкѣ да покупатися,
«И во плакунъ-травѣ да покататися».
Подадè Владиміръ князь по гривнѣ зóлотой,
Испроговоритъ самъ да таково слово:
— А гой же вы, сорокъ каликъ да добрыхъ молодцовъ,
— И сорокъ сильныихъ могучіихъ богатырей!
— Вы идите-тко, добры молодцы, во славныя во Кіевъ градъ,
— Ко мóлодой моёй жены къ Абраксины.
— И пусть примётъ она каликъ со честію,

— И пусть поитъ, кормитъ, и съ честью спать приметъ. —
И бьютъ челомъ калики о сырой земли,
И бьютъ каликушки да низко кланяются,
И самъ путь держать ко городу ко Кіеву,
И къ молодой княгинѣ ко Абраксинѣ,
Какъ вступили жъ только въ славный Кіевъ градъ,
Идутъ они во тѣ полаты бѣлокаменны,
И къ молодой княгинѣ ко Абраксины,
И они бьютъ целомъ да до сырой земли,
И отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра,
И отъ Абраксина супруга отъ законнаго.
Испроговорятъ калики таково слово:
«А гой же ты Абраксина да молода жена!
«И ты накорми каликъ, напой, да спать прими».
Посадила Абраксина каликъ за столицки дубовыи
И за тѣя ли за скатерёдочки за браныя.
И всѣ калики за столомъ да наѣдалися,
И всѣ каликушки да за столомъ и напивалися,
Но й всѣ каликушки да на спокой пошли,
Какъ единъ оставается калицкій атаманъ большой,
И молодый Михайлушка Романовичъ.
Прельстилась въ Михайлушку молода жена Абраксина,
И стала просить его къ себѣ да на кроватичку.
— И ты пожалуй-ко да доброй молодецъ,
— Молодой Михайлушко Романовичъ!
— А не угодно ли тебѣ да ночевать со мной,
— Ай ночевать со мной да й позабавится?
Испроговоритъ каличій атаманъ большой,
Молодый Михайлушка Романовичъ:
«Вѣдь у насъ положена какъ заповѣдь великая
«А й великая тутъ заповѣдь калицкая:
«Кто изъ насъ убьетъ, или украдетъ ли,
«Или по русскому сказать — какъ сдѣлатъ тяжкій блудный грѣхъ, —

«Того казнить вѣдь казнію калицкою,
«И жива копать да по грудямъ въ сыру землю».
Но вѣдь въ томъ тутъ добра молодца да призамѣтили,
И тѣе ли калики да его товарищи,
И скопали его по грудямъ во сыру землю.
И они путь держа́тъ каликушки да во славный Ерусалимъ градъ,
Что ли ко гробу Господнему да помолитися,
Что ли ко святымъ мощамъ да причаститися,
И во Ерданъ рѣкѣ да покупатися,
И во плакунъ-травѣ да покататися.
Пришли они во славные́ во Еросолимъ градъ,
И ко гробу Господнему да помолилися,
И ко честнымъ мощамъ да причастилися,
И во Ерданъ рѣкѣ да покупалися,
И во плакунъ-травѣ да покаталися.
И они взадъ тутъ путь держатъ-то сорокъ каликъ да добрыхъ молодцевъ.
Какъ дошли до славнаго до града Кіева,
И до ласкова солнышка да до Владиміра,
И посмотрѣли они мо́лода Михайлушка Романова,
И своего ли калицькаго да атама́нъ-больша.
И какъ обо́зрили тутъ калицьяго да атама́нъ-больша,
И молода Михайлушку Романовича,
И всѣ ль тутъ каликушки да удивились,
И какъ живой есть тутъ калицій атаманъ большой,
И молоды́й Михайлушка Романовичъ,
И тутъ у калицьяго атама́нъ-больша,
Да всѣ каликушки простились,
И какъ избавили Михайлушку да изъ неволюшки.
И они путь держатъ да добрыя мо́лодцы,
И они путь держатъ да во свои мѣста.

Записано тамъ же, 16 іюля.

174.

САДКО.

И бился Садко̀ купецъ да о великъ закладъ,
И не о ста рубляхъ онъ бился не о тысящи,
И о своёй онъ бился о буйной головушкѣ,
И что изъ Нова́града товарушки повыкупить,
И какъ на желты пески товарушки повыкатить,
На черны ко́рабли товарушки повыгрузить.
И нача́лъ Садко купецъ богатыя,
И нача́лъ товарушки выкупливать,
И на желты пески товарушки выкатывать,
И на чёрны ко́рабли товаръ повыгрузить.
И не могъ Садко купецъ богатыя,
Столько откупить да одного молока́ прѣсна,
Но и въ каждый день на славушку привозятъ по́ два разъ.
И видитъ тутъ Садко купецъ богатыя,
И видитъ да что бѣда пришла и неминуема.
И нагрузилъ Садко купецъ богатыя,
И нагрузилъ всѣ ко́рабли черленыя,
И отправляется Садко во сине море,
Во сине морё да во соло́ноё.
Какъ услышалъ князь да новгородскія,
Онъ въ догонъ послалъ за Садкомъ купцомъ богатыимъ,
Какъ догнать Садка купца богатаго,
Привести Садка да предъ моё лицо,
На то-ль судьбище да на страшное.
И скоро догоняли слуги вѣрныя,
Слуги вѣрныя и безызмѣнныя,
И хощутъ только схватить Садка купца богатаго.
А й видитъ Садко купецъ богатыя,
Какъ бѣда пришла да неминуема,
И беретъ Садко купецъ богатыя,
И беретъ гуселышка звончатыя,

И бросился Садко купецъ богатыи,
Да во́ синё море да во солоное.
И тамъ сыма̀лъ поддонный князь Садка купца богатаго,
Ведетъ Садка во полаты бѣлокаменны
Испроговоритъ тутъ поддонный князь да таково слово:
«А гой же ты Садко купецъ богатыя!
«И ты взыграй-ко во гуселышки звончатыи,
«И ты спотѣшь, спотѣшь меня князя поддоннаго»
И началъ Садко купецъ богатыя,
И началъ онъ въ гуселышка выигрывать.
И игралъ Садко купецъ богатыи,
И онъ игралъ въ гуселышка да трои суточки,
И тутъ поддонный князь да распотѣшился,
Какъ синё-то море всколыбалося,
Черны ко́рабли вѣдь въ мори всѣ разру́шались,
И много тутъ поги́нуло напрасныхъ душъ,
Напрасныхъ душъ да человѣческихъ.
И на четвертыя на суточки
Повалился спать Садко купецъ богатыя,
И какъ во сни кажется Садку купцу богатому
Что ли пришла къ нему да Богородица,
Испроговоритъ ему да таково слово:
— Ты гой же Садко купецъ богатыи!
— И ты почто игралъ въ гусе́лышка звончатыя,
— И спотѣшалъ вѣдь ты Садко князя поддоннаго?
— И какъ подонный князь да воспотѣшился,
— И въ тое время синё море всколыбалоси,
— И черны ка́рабли да разрушались,
— И много погибало тутъ напрасныхъ душъ,
— Напрасныхъ душъ да человѣческихъ.
— И ты сорви, сорви струны да у гуселышковъ,
— Ты Садко что ли купецъ богатыи,
— И за то дарить будетъ тебя да златомъ серебромъ,
— И да́рить будетъ каменемъ да драгоцѣннымъ,

— Не бери-тко, не бери да злата серебра,
— Не бери-тко каменья да драгоцѣнныи,
— И попроси себѣ невѣ́сту наречéную.
— И приведетъ онъ сорокъ дѣвицъ да со дѣвицею,
— И выбирай себѣ Садко купецъ да ты богатыя,
— И выбирай себѣ которой хуже нѣтъ,
— И которой хуже нѣтъ, коéй чернѣе нѣтъ. —
И воспрянýлъ Садко купецъ богатыя
И онъ отъ крѣпка сна да безпробуднаго.
И онъ во страхѣ бысть да во великоемъ,
И онъ сорвалъ да струночки звончатыя.
Приходитъ тутъ къ Садку поддонный князь
И повелѣтъ *(такъ)* играть въ гусéлышка звончатыи.
Испроговоритъ Садко купецъ богатыя:
«А гой же ты поддонный князь,
«Какъ нельзя взыграть въ гуселышка звончатыя,
«И какъ гуселышка у меня да потравились,
«И сорвалися струночки звончатыя».
Испроговоритъ поддонный князь да таково слово:
— Ай же ты Садко купецъ богатыи!
— Ты за то бери съ меня да злата серебра,
— И ты еще бери-тко каменьевъ да драгоцѣнныихъ. —
Испроговоритъ Садко да таково слово:
«А й же ты поддонный князь да что ль великія!
«А й не надо мнѣ-ка-ва да злата серебра,
«И не надо мнѣ-ка каменья да драгоцѣннаго,
«И столько дай-ко-сь мнѣ невѣ́сту нареченую,
«Я здѣсь у тебя хощу женитися».
И приводилъ поддонный князь сорокъ дѣвицъ да со дѣвицею,
И выбиралъ Садко купецъ богатыя,
И выбиралъ себѣ невѣсту нареченую,
И выбираетъ дѣвицу коей хуже нѣтъ,
И кóей хуже нѣтъ, коéй чернѣе нѣтъ.
И тутъ Садко купецъ богатыи,

Началъ Садко купецъ женитися.
Всѣ прошли у него да столованія,
И отвели Садка купца богатаго,
Со своей ли со невѣстой нареченою,
И повалился спать Садко купецъ богатыя,
И охапи́лъ Садко купецъ богатыи
Онъ тую ли невѣ́сту нареченую.
И увидалъ Садко купецъ богатыи,
И увидалъ онъ тутъ, что я въ воды лежу,
Въ воды лежу я на берегу да во своёй рѣки.
И увидалъ Садко купецъ богатыи
И что ль свои полаты бѣлокаменны,
И выходилъ Садко купецъ богатыя,
И прославлялъ пречисту Богородицу,
И что избавила меня да отъ погибели,
И отъ погибели да отъ напрасныя.

Записано тамъ же, 16 іюля.

175.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ подъ славную да каменну Москву
И бысть напущеніе великое
И на грознаго царя Ивана Васильевица.
Изъ иной земли, изъ Золотой орды,
Наѣзжаетъ молодой нахвальщичекъ,
И со той ли со силой невѣрною,
И со тѣмъ ли со войскомъ со татарскіимъ.
А й самъ онъ мо́лодый нахвальщикъ похваляется:
«А я всю землю Русскую наскрозь пройду,
«И каменну Москву я въ плѣнъ возьму».
И какъ услышалъ эту по́хвалу

Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Призываетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Своихъ трехъ сыновъ любимыихъ,
Испроговоритъ да таково слово:
— А гой же вы мои дѣточки любимыя!
— И вы берите-тко золотой казны да сколько надобно,
— И вы берите-тко войска сколько надобно,
— Поѣзжайте вы да во чисто поле,
— И поразите вы мóлода нахвальщика. —
И принимаются тутъ дѣти царскія,
И что ль за тое ли за дѣло ратное.
И собираютъ войска полки великіе,
И отправляются они да во чисто полё.
И наказываетъ имъ да родный батюшко,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Вы поѣдете вѣдь дѣти во чисто поле,
— Станете бить рубить вы силу на выпашку,
— И не оставляйте на улици ни курици;
— И на воротахъ вы кровью подписывай,
— Какъ плѣнены эти улици Θедоромъ царевицемъ,
— Какъ плѣнены эти улицы Василіемъ Ивановичемъ. —
Выѣзжаютъ добры молодци во чисто поле,
И начали сражаться супротивъ войска невѣрнаго,
И начали рубить тутъ силу татарскую,
И не оставляютъ на улици ни курици,
На воротахъ они кровью подписыватъ:
Какъ плѣнены эти улицы Василёмъ царевичемъ.
И какъ увидѣлъ Василій царевичъ надъ своимъ братомъ,
А что дѣлаетъ мой братъ родной измѣну великую;
И побѣдили они тутъ все войско татарское.
И какъ ѣдутъ они съ побѣдой въ каменну Москву,
И бьютъ челомъ да своему родиму отцу,
И бьютъ челомъ ему да до сырой земли:

«Какъ съ побѣдою тебѣ нашъ Грозный царь,
«Много лѣтно здравствовать тебѣ Васильевичъ!»
Ай тутъ вѣдь грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ беретъ своихъ онъ трехъ сыновъ,
За бѣлы руки да за златы перстни,
И онъ цѣлуётъ ихъ да во уста во сахарныи.
И какъ садилъ онъ ихъ за столики да за кленовыи,
И за тѣя ли за скатерти за бѣлобраныя,
И начинается у Грознаго почестной пиръ.
Всѣ ли на пиру сидятъ да полны веселы,
Всѣ на пиру да напивалися,
Еще какъ всѣ на пиру да наѣдалися,
И всѣ на пиру да порасхвастались.
И чтоль похвасталъ грозный царь своей защитою.
— Какъ повыведу измѣнушку-ту я изъ Кіева,
— И повыведу измѣну изъ Чернигова,
— Не повыведу измѣнушку да съ каменной Москвы.—
Испроговоритъ его да родной сынъ,
Ай родной сынъ Василей царевичъ младъ:
«Ай не повывести измѣнушки будетъ изъ Кіева,
«И не повывести измѣны изъ Чернигова,
«И не повывесть измѣны съ каменной Москвы.
«Ужъ какъ первая измѣна за столомъ сидитъ,
«Изъ одной она чашечки ѣстъ и пьетъ,
«И платьице-то носитъ одного сукна,
«Одного сукна да одного швеца.
«Ужъ какъ нá брата сказать, такъ брата жаль,
«А какъ пó брати сказать — себѣ напрасна смерть».
Какъ скричалъ сзычалъ да громкимъ голосомъ
И грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ай гой же вы сорокъ пáлачовъ да немилосливыхъ!
— И вы возьмите скоро моего сына,
— И чтоль того ли Ѳедора царевича,
— И вы ведите-тко-сь на поле на Кýликово,

— И что на тую лягу на кровавую,
— И что на тую ли на плаху на дубовую,
— И отсѣките-тко у него по плечъ да буйну голову,
— И положите его да буйну голову
— И что на тое ли на копьице на вострое,
— И принесите его да буйну голову,
— И сопротиво моихъ палатъ да бѣлокаменныхъ,
— И сопротиво ли окошечка косявчета,
— И сопротиво ли моего зеркала хрустальнаго. —
И какъ услышала его да родна матушка,
И честна царица Омельѳа Тимоѳеевна,
И какъ не кукушка по городу прорыскала,
И что ль царица скоро по городу пробѣ́жала,
И ко тому ли братцу къ двуродимому,
И ко тому ли ко Никитушку Романову.
Приходила она во гридни свѣтлыя,
Ай она крестъ-то кладётъ да по писаному,
И поклонъ тотъ ведетъ да по учёному.
«И тебѣ хлѣбъ да соль да добрый молодецъ,
«И мой ли ты вѣдь братецъ двуродимыя!
«Ѣшь ты пьешь да прохлаждаешься,
«И надъ собой же ты незгодушки не вѣдаешь.
«Какъ укатается изъ глазъ да красно солнышко,
«Увозятъ у меня да чада милаго,
«И твоего ли племника любимаго,
«Ай на тое ли болото на Куликово,
«И что ль на тую ли на плаху на дубовую,
«И какъ на тую ли на лягу на кровавую,
«И хощуть отрубить по плечь да буйну голову».
Чуть ли выслушалъ глаголы сестры двуродныя,
И поскорешенько Никита снаряжается,
Посмѣлешенько Романовичъ да отправляется,
А й обуваетъ онъ чебо́тики да на босу ногу,
И купью шубоньку бросаетъ на одно плечо,

И турью шапочку метаетъ на одно ухо,
И выходилъ Никитушка да на конюшенъ дворъ,
И чтоль беретъ Никитушка уздечику тесмяную,
Ай выбираетъ Никитушка коня да чтоль не ѣзжана,
Ай отправляется Никита во чисто поле.
Столько видѣли добра молодца вѣдь сядучись,
И какъ не видѣли Никитушки поѣдучи.
Въ чистомъ поли да курева стоитъ,
Куда падаютъ копыта лошадиныи,
И тутъ становятся колодцы ключевой воды,
А кой поспѣлъ уйти дакъ то́го Богъ унесъ,
А кой не поспѣлъ уйти, того конемъ топталъ.
И пріѣзжаетъ Никита въ поле Куликово,
И закричалъ Никита громкимъ голосомъ:
— Ай ты стой-ко-сь палачъ да немило́сливый,
— Ай ты маленькой Малютушка Шкуратьевичъ!
— И ужъ ты съѣшь кусокъ да самъ подавишься. —
Ай выпадаетъ сабля со правой руки,
Ай у того ли палача да неми́лослива.
И отрубилъ у палача да буйну голову,
И чтоль положилъ его да буйну голову,
И тутъ принесъ его да буйну голову
И сопротивъ полатъ да бѣлокаменныхъ,
И сопротиво ли окошечка косявчета,
А й сопротиво ли то зеркала хрустальнаго.
И вѣдь тутъ какъ грозный царь да запечалилсо.
Запечалилсо царь да закручинилсо.
Подаетъ сигналъ онъ по всёй Москви,
Чтобы сбирались народъ да православныи,
И поминать его да чада милаго,
И одѣли бы они платьё печальноё.
И какъ собрались народъ люди православныи,
И приходили народъ да во Божью церкву,
Приходили они во томъ ли платьѣ во опальноёмъ,

Какъ Никитушка Романовичъ пріѣхалъ въ платьѣ драгоцѣнноемъ,
И за собой привезъ онъ е́го чада милаго,
И самъ становился онъ да супротивъ царя,
А племника поставилъ позади себя.
Испроговоритъ да таково слово
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А гой же ты старцище удальцище
«И ты Никитушка Романовичъ:
«Развѣ ты надо мной да надсмѣхаешися,
«Какъ пришелъ ты да во Божью церкву,
«И какъ пришелъ ты въ платьѣ драгоцѣнноемъ?
«Весь народъ то люди въ платьицѣ опальноёмъ».
Испроговоритъ Никита таково слово:
— А гой же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Есть ли грѣшнику да тамъ прощеніе,
— Ай виноватому да покаяніе? —
«И какъ простилъ бы я, да то́го негдѣ взять».
И подаетъ тутъ въ руки грозному царю Ивану Васильевичу
Своего ль ему да чада милаго,
Чада милаго, дитя любимаго,
И что ль того ли Ѳедора царевица,
И какъ беретъ онъ чада за бѣлы руки,
За бѣлы́ руки да за златы перстни,
Цѣлуетъ его во уста да во сахарнія.
Испроговоритъ Никита таково слово:
«А гой же ты старикъ Никитушка Романовичъ!
«Ты бери-тко-сь отъ меня да каменья драгоцѣннаго,
«И города ты бери съ пригородками,
«И села ты бери да чтоль съ приселками,
«И ты бери деревни со крестьянами».
Испроговоритъ Никита таково слово:
— И мнѣ не надо твоёй да золотой казны,
— И мнѣ не надо твоего да каменья драгоцѣннаго,

— И не надъ *(такъ)* твоихъ градо́въ да съ пригородками,
— И не надо мнѣ твоихъ селъ да со приселками,
— И не надо мнѣ-ка-ва деревёнъ да со крестьянами,
— Только дай-ко мнѣ-ка-ва Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Дай-кось мнѣ ты свою отчину. —
И кто что сдѣлалъ и сбѣжитъ, такъ того Богъ унёсъ.

Записано тамъ же, 17 іюля.

176.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

(См. Рыбникова, т. IV, 19).

Какъ у вдовушки было́ у пашицы,
Какъ девять сынковъ да одинака дочь.
Какъ девять сынковъ да возроста́ть стали,
Возростать стали да вдругъ повыросли.
И вдругъ повыросли да во разбой пошли,
Одинаку дочь да замужъ выдали,
И чтоль за славноё да за синё море,
И за того купца да за богатаго.
«Ужъ я годъ жила да не стоснуласи,
«Я другой жила да въ уми не было,
«И я на третій годъ да стосковалася,
«И чтоль у свекрушка да подавалася,
«И у свекровушки да доложиласи,
«Съ мужемъ сдумали, вдвое́ поѣхали,
«Чтоль за славноё за синё морё,
«За синё морё да за солоное».
Какъ среди моря да среди си́няго,
Что ль не туценки да призатемнили,
И не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,

Призатемнѣли черны ка́рабли,
Ай призабѣлѣли да тонки парусы.
Что ль наѣхало девя́ть разбойниковъ,
И у младо́й жены мужа́ потре́били,
И чтоль младенцика да въ море спу́стили,
И молоду вдову да прибезчестили.
Всѣ разбойники спать улягутся,
И одному жъ разбойнику не по́спалось,
И не поспалось да призаду́малось,
И онъ началъ тутъ вдовушку выспрашивать,
И нача́лъ у вдовушки вывѣдывать:
— И ты скажи́, скажи́, ты ска́жись, вдовушка,
— И ты цьего роду́ и цьего племени,
— И ты цьего отца да цьёё матери?
— Еще какъ тебя да именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ тебя да по отечеству? —
И что ль отвѣтъ дёржи́тъ да молода вдова:
«Ужъ я есть-то роду сама ме́ньшаго,
«Ужъ я есть-то рода вдовки пашицы
«И какъ у вдовушки было у пашицы
«И что ль девять сыновъ было одинака дочь.
«И какъ девять сыновъ да возростать стали,
«Возростать стали́ да вдругъ повыросли,
«И вдругъ повыросли да во разбой пошли,
«И чтоль меня едину за́ мужъ выдали,
«И какъ за славноё да за синё море
«И за того купца да за богатаго.
«Ужъ я годъ то жила да не стоснуласи,
«И другой жила да въ уми не было,
«Я на третій годъ да стосковаласи,
«Я у свёкрушка да подаваласи,
«У свекровушки да доложиласи.
«Двое здумали, съ мужо́мъ поѣхали,
«Чтоль за славноё да за синё морё

«И ко своёй ли ко родной матушкѣ.
«Что ль среди моря да среди синяго,
«И какъ не туценки призатемнѣли,
«И не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
«Призатемнѣли вѣдь черны ка́рабли,
«Ай призабѣлѣли да тонки па̀русы».
Ай все то выслушалъ да тотъ разбойничекъ,
И онъ вскричалъ сзычалъ да зычнымъ голосомъ:
— И вы ставайте-тко да братья родныи!
— Своего ли зятя мы потре́били,
— Родна племника да въ море спустили,
— Родиму сестру да прибезчестили.
И всѣ разбойники да пробудилися
И всѣ разбойники да устрашилися,
И у родной сестры они простилися:
«И ты прости, прости да сестра родная,
«И ты во всемъ прости и ты помилуй насъ!»

Записано тамъ же, 16 іюля.

177.

ГОРЕ.

И какъ отъ батюшка было отъ умнаго,
И отъ матушки да отъ розумноя,
Зародилоси чадушко безумноё,
Безумноё чадо неразумноё,
И унимаетъ тутъ чадушко родна матушка:
«И не ходи-тко чадо на царевъ кабакъ,
«И не пей-ко-сь чадо да зелена вина,
«И не имѣй суюзъ со голями кабацкими,
«И не знайся ты чадо со жонками со блядками,
«И что ли со тѣма со дѣвками со курвами».
И не послышалъ тутъ чадо родной матушки.

И какъ пошелъ тутъ чадушко да на царевъ кабакъ,
И сталъ тутъ пити кушати да зелена вина,
И сталъ знаться чадо съ голями кабацкима,
И суюзъ имѣть сталъ съ жонками со блядками,
Ай со тѣма ли-то со дѣвками со курвами.
Ай тутъ вѣдь къ добру молодцу да Горе привязалоси,
Какъ молодецъ со Горюшка да въ козаки пошолъ,
Еще Горе вслѣдъ да топоры́ несётъ,
Топоры несётъ само приговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушолъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ къ тебѣ я Горе привязалоси. —
И молодецъ со Горюшка да во солдатушки.
А еще Горе вслѣдъ да оружьё несётъ,
Ай оружьё несётъ само выговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушолъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалоси. —
И молодецъ со Горюшка да во быстру рѣку.
А й Горе вслѣдъ да невода́ несётъ,
И невода́ несетъ да выговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушелъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ я къ те́бѣ Горе привязалоси. —
И молодецъ-то со Горюшка да на синё море.
Еще Горе вслѣдъ да гоголёмъ пловётъ,
И гоголёмъ пловётъ да выговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушелъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ я къ те́бѣ Горе привязалоси. —
И молодецъ-то со Горюшка да во синё море.
А й тутъ-то Горе сѣло вѣдь на бѣлу́ю грудь,
И стало Горюшко да слезно плакати.
— И тебѣ спасибо добрый молодецъ,
— И какъ умѣлъ на сёмъ свѣти́ Горя́ помыкати! —
А й тутъ на вѣкъ Горе розставалоси,
И со удаленькимъ да добрымъ молодцемъ.

Записано тамъ же, 11 іюля.

XXXII.

Ѳ. ЗАХАРОВЪ.

Ѳедоръ Захаровъ, крестьянинъ съ Выгозера, подъ пятьдесятъ лѣтъ, земледѣлецъ; выучился былинамъ отъ заѣзжихъ людей; поетъ «голосомъ» былины про Ивана Гординовича, Батыгу и королевичей изъ Крякова; прочихъ не умѣетъ пѣть, а разсказываетъ ихъ словами, съ сохраненіемъ однако стихотворнаго склада.

178.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

А й во городѣ было во Кіеви,
А явилоси чудо неслыхано,
Наѣхало Идо́лищо поганоё,
Ростомъ Идолищо трехъ аршинъ,
Межъ глазамы у него пяда мѣрная,
Глаза у него какъ чаши пивныи,
Онъ сидитъ, ѣстъ да пьетъ, проклаждается,
Надъ Владиміромъ княземъ похваляется:
«Я Кіевъ градъ вашъ въ полонъ возьму,
«А Божьи церквы всѣ на дымъ спущу,
«Князей бояръ всѣхъ повырублю».
А на ту пору да на́ то времечко,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ является Илья да ко Владиміру.
Испроговоритъ Идолищо поганоё:
«Это кто пришелъ у васъ, какой пастухъ?»
— Это старый казакъ Илья Муромецъ. —
Испроговоритъ Идолищо поганоё:
«Онъ много ль ѣстъ, да много ль кушаетъ?»

А отвѣчатъ ему Илья Муромецъ:
— А колачикъ съѣмъ, дру́гой хочется.
— А дру́гой съѣмъ, съ то́го сытъ живу. —
«А я то Идолищо поганоё,
«Я по́ хлѣбу кладу за́ щеку,
«А по дру́гому кладу я за другую,
«Лебедь бѣлую на закусочку,
«Ведро мѣрное да на запивочку».
Испроговоритъ тутъ Илья Муромецъ:
— Какъ у моего было у батюшка
— Большобрюхая коро́вищо обжорищо,
— Она много ѣла пи́ла, да и лопнула. —
Тако́во слово ему́ за гнѣвъ пало.
Онъ бросилъ ножичищомъ — кинжалищомъ
Во стараго казака Илью Муромца.
Его ножикъ Илья клюхой отвелъ,
Не попало въ Илью Муромца,
А попало въ придве́рину со две́рями,
Вышибло придверину со дверями.
И того Илья не устрашается,
А стоитъ Илья да й усмѣхается.
Самъ говоритъ таково слово:
— Не честь не хвала молодецкая,
— Окровавить полата княженецкая,
— А повывести Идолища на крылечико. —
И бралъ тутъ его за желты́ кудри,
За желты́ кудри да за бѣлы руки,
Выводилъ его изъ полаты вонъ.
Говорилъ Илья таково слово:
— Не честь будё хвала молодецкая,
— Окровавить крылечко княженецкое,
— Лучше вывести татарина на ши́рокъ дворъ. —
Поднималъ его да выше головы,
Ударилъ его о сыру́ землю,

Розбилъ его всéго въ дребезги.
Тутъ среди стола бѣлодубова
Только Идолище живъ бывалъ,
Только поганоё Кіевъ бралъ;
А вся честь хвала Ильи Муромцу.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

179.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

А й у насъ было въ городи Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра,
Завелся, зачался почестенъ пиръ
На многи на князи на бóяра,
И на русски поляницы удалыя.
И самъ тутъ Владиміръ веселъ былъ,
Говорилъ тутъ Владиміръ таково слово:
«У насъ вси молодци были женены,
«А племянничекъ Иванушко Гординовичъ
«Онъ холостъ ходилъ и неженатъ гулялъ.
«Поѣзжай ты, Иванушко, женитися,
«Сколько надобно бери золотой казны,
«Или несчетныя силушки великія».
Испроговоритъ Иванушко Гординовичъ:
— Свѣтъ государь ты мой дядюшка,
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевскій!
— Мнѣ не надо твоей золотой казны,
— Мнѣ не надо твоей силы несмѣтныя.
— Только дай мнѣ три коня что ни лучшіихъ,
— Еще три молодца изобраныихъ.
— Во первыхъ дай Добрыню Никитича,
— Во дрýгихъ дай Алешу Поповича,

— Во третьихъ Исака Петровича.
— У мѣня есть теперь невѣста повыбрана,
— А во этомъ городи Черниговѣ,
— У Митрія купца у богатаго,
— Есть душечка Настасья Митріёвична,
— Всѣмъ то Настасьюшка добрымъ добра,
— И тѣломъ Настасья быдто снѣгъ бѣла.
— У ей бровушки были черна соболя,
— У ней очушки были ясна сокола,
— Походочка у ней была павиная,
— Разговорушки были лебединые. —
А й садилиси молодци поѣхали
Ко этому городу Чернигову,
Ко Митрію купцу ко торговому.
Только видѣли молодцевъ сѣдучи,
А не видѣли удалыихъ поѣдучи.
И не путемъ они ѣдутъ не дорогою,
Прямо ѣдутъ черезъ стѣну городовую.
Увидѣлъ тутъ Митре́й торговый гость,
Скоро выбѣжалъ Ми́трей на ши́рокъ дворъ,
Во бдныхъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
И въ бдной рубашкѣ безъ шубоньки,
Принимаетъ гостей да й подчуетъ.
«Ай же вы удалыи молодцы!
«Вы чего сюда теперь пріѣхали?»
— А пріѣхали посвататься
— На твоей ли любимой на дочери,
— А й на этой Настасьѣ Митріёвичной.
— Есть ли волей не дашь, мы боёмъ возьмёмъ.
Испроговоритъ купецъ имъ богатыи:
«Ай же вы удалыи добры молодци!
«У мёня за три годы Настасьюшка просватана
«За того царя за Кощерища,
«А вы возьмите увезите, вамъ Богъ подастъ».

Брали удалыи молодцы
Душечку Настасью Дмитріёвичну,
Посадили её на добра коня,
Повезли её ко городу Кіеву,
И ко ласкову князю Владиміру.
Не доѣдучи до города Кіева,
Попало на лѣсу три слѣдочика.
И первый слѣдъ лева́ звѣря,
А дру́гой слѣдъ лани бѣлыя,
А третій слѣдъ черной куночки.
Тутъ Добрынюшка поѣхалъ за левы́мъ-звѣрёмъ.
А Олешенька за ланью за бѣлою,
А Исакъ Петровичъ за куночкой чорною,
А Иванушка Гординовичъ
Отдыхалъ онъ съ Настасьей во бѣло́мъ шатрѣ.
Наѣзжаетъ тутъ царищо Кощерищо,
И говорилъ тутъ царищо таково слово:
— Ай же ты Иванушко Гординовичъ!
— Ты почто увезъ невѣсту обручёную,
— Обручёную Настасью за три́ года.
— А ужъ мы станемъ-ко кидать теперь жеребёй,
— Будемъ пробовать мы силу молодецкую. —
И бросилъ тутъ Иванушко Гординовичъ
Царища Кощерища о землю,
И садился ему на бѣлу грудь,
Садился Иванъ да выговаривалъ:
«Ужъ ты душечка Настасья Митріёвична!
«Ты подай ножичищо кинжалищо,
«Распорю я теперичу татарску грудь».
А й возмолится царищо Кощерищо:
— Ужъ ты душечка Настасья Митріевична!
— Не подай ножичища — кинжалища,
— А возьми-тко Иванушка за́ кудри,
— А сними-тко съ меня е́го на́ землю.

— За мной будешь жить, дакъ царицей слыть,
— А за Иваномъ жить, бабой портомойницей. —
А у дуры у бабы волоса́ долги,
Волоса́ долга да дума ко́ротка.
Она взяла Иванушка за́ кудри,
А склонила его да на сыру землю,
Исправился царищо Кощерищо.
Нарвали они да ковыль травы,
Привязали Ивана ко сыру дубу,
Ко сыру дубу да на ковыль траву.
Сы́рой дубъ погибается,
А ковыль трава не порывается.
А на ту пору да на то времечко
Прилетѣло два малыихъ два сизыихъ голуба,
Прилетѣли надъ Иванушкомъ во́ркали:
«За что эта головушка привязана,
«Привязана головушка прикована?
«Ради дѣвки ради дурища».
А й ты слова царю да не влюбилиси,
Онъ беретъ тутъ Иванушковъ ту́гой лукъ,
Накладыватъ Иванову калену стрѣлу,
Направляетъ во малыихъ голубовъ.
А возмолится Иванъ у сыра дуба:
— Ужъ ты батюшко мой ту́гой лукъ,
— Матушка да калена́ стрѣла,
— Не пади, стрѣла, не на́ воду,
— Не пади, стрѣла, ты й не на́ землю,
— А воротись ко татарину во бѣлу грудь. —
По его̀ словамъ тутъ случилоси,
Калена́ стрѣла да воротиласи,
И вышибла сердцо со печенью.
А й заплакала Настасья Митріёвична,
А отъ о́дного бережка отка́чнутось,
Ко дру́гому да не прика́чнутось.

Говоритъ ей Иванъ таково слово:
— Отвяжи меня Настасья отъ сыра дуба,
— Я не буду бить тебя наказывать,
— Только дамъ три грозы княженецкіихъ,
— Да и три тебѣ науки молодецкіихъ. —
Отвязала Настасья отъ сыра дуба,
А й беретъ тутъ Иванушко булатній ножъ,
Отсѣкъ у ей руки по локо́тамъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Съ поганыимъ царемъ охапляласи. —
Отсѣкъ у ей носъ да и со губами:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этима мѣстама цѣловаласи. —
А копалъ глаза со косицамы.
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы умиляласи. —
А й тулово оставилъ на сырой земли,
Черныимъ во́ронамъ на гра́янье,
Добрыимъ людюшкамъ на ба́янье.
Самъ поѣхалъ ко городу Кіеву,
А ко дядюшкѣ Владиміру ко Кіевску,
Розсказалъ ему обо всемъ по́дробно.
А и только нашъ Иванушка женатъ бывалъ,
И только Гординовичъ съ женой сыпалъ.

Записано тамъ-же, 15 іюля.

180.

ДЮКЪ.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
А й у ласкова князя у Владиміра,
Открылся зачался почестной пиръ,

На многи на князи на бояры,
И на русски поляницы удалыи.
Этотъ день идетъ къ вечеру,
А почестной пиръ сталъ на весели.
Всѣ на пиру напивалиси,
И всѣ на пиру наѣдалиси,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Сильній-етъ хвасталъ своей силою,
А богатый хвасталъ золотой казной,
А удалой хвасталъ добрымъ конёмъ,
Умный хвасталъ отцемъ матушкой,
А безумный хвасталъ молодой женой.
Тутъ, среди стола бѣлодубова,
Сидѣлъ удалый добрый молодецъ
Молодой Дюкъ Степановичъ.
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не кушаётъ,
Ни съ кѣмъ не говоритъ и не хвастаетъ.
Говоритъ ему Владиміръ князь:
«Ай же ты удалый добрый молодецъ!
«Ты чего не пьешь, не кушаёшь,
«Ни съ кѣмъ не говоришь, не хвастаешь?
«Развѣ пиръ тебѣ да не по разуму,
«Или ѣсть тебѣ было нéчего,
«Или человѣкъ бѣдёнъ хвастать не о чемъ?»
Говорилъ ему Дюкъ Степановичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольно-кіевской!
— У меня есть живота и больше вашего,
— Я отъ батюшки остался малешенёкъ,
— И не привыкъ ѣсть хлѣба чернаго,
— А у моей-то родители у матушки,
— У честной вдовы Амальфы Тимоѳеевной,
— Есть гридни палаты бѣлокаменны.
— Полы и среда одного серебра,
— Крюки пробои по булату злачёны,

— Печки тѣ были муравлены,
— Помялышка были шелковыи,
— Водушка была медовая,
— Колачики пекутъ крупивчаты.
— Колачикъ съѣшь, а другой хочется,
— А другой съѣшь, по третьемъ душа горитъ,
— Если третій съѣшь, то и сытъ будешь.
— А серебра и золота смѣту нѣтъ,
— Широкій дворъ на семи верстахъ,
— И около заборы позолочены. —
На тѣ слова Владиміръ не повѣрилсо,
А принялъ молодца за́ гостя,
Къ нему въ домъ послалъ Чурилу Плёнкова
И мо́лода Олешу Поповича,
Узнать, описать все имѣніе.
Пріѣзжали молодцы къ дому Дюкову,
И увидѣли изрядную женщину.
Поклонившись ей проздравили:
«Здравствуй-ко Дюкова матушка,
«Честна̀ вдова Амельфа Тимоѳеевна!»
Отвѣчала имъ женщина:
— Я не Дюкова матушка,
— А Дюкова послѣдняя портомойница,
— А вы увидите Дюкову матушку,
— Она отворитъ вамъ глубокіи погребы
— И покажетъ вамъ много злата и серебра,
— И всякаго каменья драгоцѣннаго. —
Потомъ Чурила Плёнковичъ,
Написалъ письмо ко Владиміру:
«Ты послушай Владиміръ кіевской!
«У насъ чернилъ бумаги не ставится,
«А у Дюка̀ живота оставается».

Записано тамъ же, 15 іюля.

181.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

А й у насъ было во городи во Кіевѣ,
А какъ сподъ этой-то стѣны городовыя
Выходило два тура златорогія,
А на встрѣчу турамъ ихна мать родна.
«Ай же малыи туры неразумныи!
«Ужъ вы гдѣ туры были, что вы видѣли?»
— Ужъ мы видѣли, мати, чудо чудное,
— Чудо чудноё вид'ли, диво дивное.
— Тамъ ходила по стѣны красна дѣвица,
— Не столько ходила, сколько плакала,
— Она плакала тужила зычнымъ голосомъ. —
«Ужь вы глупыи туры неразумныи!
«Это плакала стѣна городовая,
«Она слышала побѣду надъ Кіевомъ».
А й на ту пору на другой день,
Пріѣхалъ Батый тутъ невѣрной царь,
Со своимъ сынóмъ Батыгою Батыгичемъ,
Да съ любимыимъ зятемъ татариномъ
И со хитрымъ дьячкомъ зловыдумчивымъ.
У Батыги было силы сорокъ тысящей,
И у сына его сорокъ тысящи,
У зятя у него сорокъ тысящей,
Да й у хитраго дьячка сорокъ тысящей.
Обступили обошли они Кіевъ градъ,
И посылаетъ тутъ Батый царь скорȧ гонца:
— Ты поди сходи гонецъ ко Владиміру,
— Ты потребуй у него намъ поединщика,
— А й не дастъ будетъ Владиміръ поединщика,
— Мы побьемъ разоримъ ёго Кіевъ градъ,
— Не оставимъ мы во городѣ ни óдного,
— Ни óдного Владиміру на сѣмена. —

А й приходитъ тутъ гонецъ ко Владиміру,
Ужъ онъ бросилъ ярлыкъ на кру́глый столъ,
Самъ онъ садился на ременный стулъ,
Испроговоритъ татаринъ таково слово:
«Ты пожалуй намъ Владиміръ поединщика.
«А й не дашь буде Владиміръ поединщика,
«Мы побьемъ разоримъ твой Кіевъ градъ».
Видитъ тутъ Владиміръ, что бѣда пришла
И некого послати поединщика.
Самъ говоритъ таково слово:
— По грѣхамъ надо мной солучилоси,
— Молодцевъ у меня не случилоси.
— Илья Муромецъ гуляетъ во чистомъ поли,
— А Добрыня у Макарья на ярмонкѣ,
— А й Олешенка Поповичъ въ Новѣгороди.
— А одинъ мо́лодой Васильюшка упьянсливой
— Со похмѣльица лежитъ во цареви кабаки. —
Запечалился Владиміръ позадумалсо.
Услышалъ тутъ Василей такову бѣду,
Скоро шелъ на башню на стрѣльнюю,
И беретъ себѣ Васильюшко тугой лукъ,
А й накладываетъ Василей калену стрѣлу,
Онъ пущаетъ во шатры во Батыгины,
И убилъ подъ шатрамъ ровно три головы,
Что не лучшіи головушки удалыи.
Во первыхъ убилъ сына Батыгина,
Во другихъ убилъ зятя любимаго,
А й во третьихъ убилъ хитраго дьяка зловыдумчива.
Тутъ увидѣлъ Батый что бѣда пришла,
Что изъ Кіева пущёна калена́ стрѣла.
Призыватъ себѣ татарина побольше всѣхъ,
А й которой-то татаринъ былъ потолще всѣхъ,
Да й которой-то татаринъ посильнѣе всѣхъ.
Отправляетъ онъ его ко Владиміру,

Отправляетъ онъ его да и наказыватъ:
«Ты поди скорѣй татаринъ ко Владиміру,
«Ужъ ты требуй у него виноватаго.
«И кто это убилъ у меня три головы,
«Что не лучшіи головушки удалыи?»
Пріѣзжаетъ тутъ татаринъ ко Владиміру,
Онъ не вяжетъ коня да не приказываетъ,
Скоро бѣжитъ во гридню свѣтлую,
Онъ Спасову образу не молится
И Владиміру князю челомъ не бьетъ,
Только самъ говоритъ таково слово:
— Ужь ты старая сòбака сѣдатый песъ!
— Это кто сошутилъ таку шуточку.
— Изъ лука пустилъ калену стрѣлу,
— А й убилъ подъ шатрами ровно три головы.
— Ты давай намъ скорѣй виноватаго.
— А й не дашь буде Владиміръ виноватаго,
— Мы сейчасъ разоримъ твой Кіевъ градъ. —
А й приходитъ тутъ Владиміръ во царевъ кабакъ,
Говоритъ тутъ Владиміръ таково слово:
«Охъ молодой Васильюшко упьянсливый!
«А не ты-ли сошутилъ таку шуточку,
«Ты убилъ у Батыги ровно три головы?
«Поѣзжай-ко къ нему ты прощатися,
«Во большой во винѣ извинятися».
Говоритъ ему Василей упьянсливой:
— Ты послушай-ко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Не могу я теперь пристати, головы поднять,
— А й шумитъ-то болитъ буйна голова,
— Со похмѣльица дрожатъ и ножки рѣзвыя.
— Прикажи-тко ты Владиміръ опохмѣлиться,
— Хоть единою чарочкой похмѣльною,
— Чтобы мѣрою помѣрить полтора ведра. —
Принималъ Василей единой рукой,

А й выпивалъ тутъ Василей единымъ духомъ,
Да й по ка́баку Василей сталъ похаживать,
Буйною головушкой покачивать,
Правою ручкой помахивать.
«Я теперь могу владѣть добрымъ конемъ,
«Я теперь могу владѣть саблей острою».
А й приходитъ тутъ Василей ко Владиміру,
Увидалъ онъ татарина сидячаго,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ужъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Это что у тебя за дуракъ сидитъ?
«Это что у тебя болванъ необтесаный?
«Онъ Спасову образу не молится,
«А Владиміру князю челомъ не бьетъ».
Выбиралъ тутъ Василей коня по люби,
На этой на конюшенкѣ княженицкою,
Сѣдлалъ уздалъ Василей приговаривалъ:
«Ужъ ты конь мой конь лошадь добрая!
«Не убойсь-тко шуму татарскаго».
Выѣзжалъ тутъ Василей изъ Кіёва,
Подъѣзжалъ ко татарамъ ко Батыевымъ,
У Батыя во вины онъ прощается:
«Ты прости меня Батый во большой вины,
«Дай мнѣ-ка силы сорокъ тысящей,
«Пособлю я тебѣ взяти нашъ Кіевъ градъ.
«Ужь я знаю гдѣ ворота худо заперты,
«Худо заперты ворота, не заложены».
А й на ты слова Батый обнадѣялсо,
А й давалъ ему силы сорокъ тысящей.
Выводилъ ихъ Василей во чисто поле,
Прибилъ, пригубилъ всѣхъ до о́дного.
Поскорешенько назадъ и ворочается,
Онъ во этоей вины извиняется:
«Ты прости меня, Батый, во большой вины!

«Я попалъ на заставушки россійскіи,
«Отобрали у меня всѣхъ до о́дного.
«Еще дай мнѣ-ко силы сорокъ тысящей».
А й на ты слова Батый пріукинулся,
А й давалъ ему силы сорокъ тысящей.
Выводилъ ихъ Василей во чисто поле,
Онъ прибилъ пригубилъ всѣхъ до о́дного.
Поскорешенько назадъ и ворочается,
И больше въ вины не прощается.
Размахалась у Василья ручка правая,
Распиналась у Василья ножка рѣзвая.
Куды рученкой махнётъ — туды улица,
Куды ноженкой пи́хнетъ — переулочекъ,
Вдвое втрое то́го топчетъ е́го добрый конь.
И видитъ тутъ Батый, что бѣда пришла,
И самъ говоритъ таково слово:
— Не ужоль таковы люди въ Кіевѣ, —
— А одинъ молодецъ всѣхъ татаръ прибилъ? —
Поскорешенько на ко́ней собирается,
И самъ онъ, невѣ́рный, заклинается:
— Не дай мнѣ-ка Богъ на Руси бывать,
— И не дѣтямъ моимъ и не внучатамъ.
— Оставайтесь во Кіеви по прежнему. —

Записано тамъ же, 15 іюля.

182.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Ай диди диди дидюшечки,
А и изъ городка было изъ Крякова,
Изъ того села Карачаева,
А выѣзжалъ тутъ удалый добрый молодецъ,

Пе́тре Петровичъ королевской сынъ,
Поѣздить гуляти по чисту полю.
Онъ увидѣлъ на дубу синя ворона.
А й беретъ тутъ Пе́тре ту́гой лукъ,
Направляетъ Петре калену стрѣлу.
Испровержется воронъ птица хитрая:
«А й ты, Петре Петровичъ, королевской сынъ!
«Не спускай-ко ты, Петре, калену стрѣлу.
«А й прольешь ты, королевичъ, воронину кровь,
«А й разнесетъ мое перье воронинное
«По широкому да по чисту полю,
«И сгніютъ мои кости у сыра дуба,
«У сыра дуба на кореньицахъ.
«А пойзжай-ко, Петре, на гору высокую,
«Посмотри-ко во страну во восточную.
«А й тамъ ѣздитъ татаринъ косинскіи,
«Онъ тѣшится утѣхой молодецкою.
«А й мечетъ онъ палицю подъ облако,
«На кони гонятъ да и подхватыватъ».
А й раздумался Петре королевскій сынъ:
— Мнѣ-ка старца убить не спа́сеньё,
— А черна ворона убить не коры́сть получить.
— Я повыстану на гору высокую,
— Посмотрю во страну во восточную. —
А й увидѣлъ онъ татарина косинскаго,
Молодецкое сердце разгорѣлоси,
А й и пробовать силы захотѣлоси.
Направился къ татарину насупротивъ,
Съѣхались молодчики ударились,
А й ударились во копья во вострыи,
У нихъ вострыи копья приломалиси,
И не кой коего не поранили.
А й ударились во палици булатніи,
У нихъ палици въ рукахъ прищепалиси,

И не кой коего не поранили.
Соскочили они со добрыхъ коней,
Ухватилиси они рукопашкою,
И одолѣлъ королевичь татарина,
Онъ садился татарину на бѣлу грудь.
Вынималъ ножичищо — кинжалищо,
Хочетъ пороти éму бѣлу грудь.
Тутъ въ плечи его рука устояласи,
Выпадаетъ ножъ съ руки на землю.
Сталъ тутъ королевичъ спрашивать:
— Ты скажи, скажи, татаринъ косинскіи,
— Ты коёй орды татаринъ, коёй земли,
— Какъ тебя именемъ зовутъ,
— А чьего отца и ка́кой матери? —
А й отвѣчатъ ему татаринъ косинскіи:
«Ужъ ты сукинъ сынъ, бляди́нъ сынъ, молодой щенокъ!
«Кабы я сидѣлъ на твоёй груди,
«Я не спрашивалъ бы имени, отечества.
«Я бы скоро поролъ твою бѣлу грудь
«И вынялъ бы тебѣ сердцо со печенью,
«А й закрылъ бы тебѣ да очи ясныи».
И говоритъ ему Пéтре королевской сынъ:
— Ты послушай-ко, татаринъ косинскіи!
— Ты скажи, скажи да не утаивай,
— А й какъ тебя именемъ зовутъ.
— А чьего отца ты, какой матушки? —
А й говоритъ ему татаринъ косинскіи:
«А й ты русскій удалый добрый молодецъ!
«Когда началъ ме́ня спрашивать,
«А я тебѣ теперь буду разсказывать.
«Я есть не татаринъ не косинскіи,
«А я русской удалый добрый молодецъ,
«Изъ этого изъ города изъ Крякова,
«Изъ этого села Карачаева,

«А й Василій Петровичъ королевской сынъ.
«Когда воевали татара косинскіи,
«Тогда меня съ батюшкой малаго въ полонъ взяли,
«Въ полонъ взяли и въ Литву свезли».
Тогда скоро скочилъ Петре на ноги,
Поднималъ онъ татарина за руки,
Цѣловалъ во уста во сахарніи,
Прижималъ ко сердечику ретивому.
И садилиси они на добрыхъ коней,
Поѣзжали ко городу ко Крякову,
Ко своему селу Карачаеву.
Подъѣзжай тутъ Петре королевичь кó дому,
Онъ кричитъ тутъ зычнымъ голосомъ:
— Свѣтъ ты государыни матушка!
— Ты бери-тко татарина за руки,
— А корми-тко татарина до сыта,
— А люби-тко татарина дó'люби.
— Это есть не татаринъ косинскіи,
— А мой старшій братецъ родимыи,
— Василій Петровичъ королевскій сынъ. —

Записано тамъ же, 25 іюля.

183.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А у насъ было братцы во каменнóй Москвѣ,
У Грознаго царя Ивана Васильевича,
Собранъ былъ да великій пиръ
На многи на князи на бояры.
Вси на пиру наѣдалиси,
Вси на пиру напивалиси.
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

«Я повывелъ измѣнушку изъ Кіева,
«Я повывелъ измѣну изъ Чернигова,
«А повывелъ я измѣну изъ Пскова,
«А й повыведу измѣну съ каменно́й Москвы».
Зъ-за того стола да бѣлоду́бова,
Изъ этой скамеечки яровчатой,
Ставалъ поднимался удалой добрый молодецъ,
А по имени Иванъ да Ивановичъ.
Ставалъ молодецъ выговаривалъ:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— А не вывелъ ты измѣнушки изъ Кіева,
— А не вывелъ ты измѣны изъ Чернигова,
— Да не вывелъ ты измѣны изо́ Пскова,
— А не вывести измѣны съ каменно́й Москвы.
— А измѣнушка твоя за столомъ сидитъ,
— За столомъ сидитъ да во глаза глядитъ,
— Она платьице носитъ одного швеца,
— Ѣстъ-то пьётъ да съ о́дной ча̀шечки. —
Испроговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ты скажи скажи моё дитятко,
«Это кто такова измѣнушка?»
А й восплачется Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ на братца сказать, дакъ братца жаль,
— А на себя сказать, дакъ живу́ не быть.
— Которой улицей ѣхалъ я съ тобой,
— Мы грѣшничковъ били всё вѣшали;
— А которой улицей ѣхалъ братецъ мой,
— Онъ грѣшныхъ не билъ, а миловалъ,
— Давалъ ерлычки потаенные
— Велѣлъ виновнымъ укрытися. —
Испроговоритъ Грозный Иванъ Васильевичъ:

«А й же вы татара безбожныи,
«А й же вы палачи немило́сливы!
«Вы берите-тко моего сына Өёдора
«За бѣлы руки да желты кудри,
«Отвезите-тко его во чисто́ поле,
«Ко этому болоту Кули́кову,
«Ко этой ко плахѣ ко липовой,
«А ко той ко сабли ко вострою.
«Отрубите-тко Өедору голову
«За его за измѣнушку великую».
Тутъ палачи испугалися,
Грознаго гласу убоялися,
Средній тулялся за старшаго,
А старшій тулялся за младшаго,
А отъ младшаго во-все й отвѣту нѣтъ.
И всѣ говорили едино́ слово:
— Послушай-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Намъ нельзя поднять руки татарскія,
— На твои на роды на царскія. —
А одинъ малый Малютка Шкуратовичъ,
Онъ бралъ Өедора за руки,
Выводилъ его на широкій дворъ,
Посадилъ его во карету темную,
А повезъ его во чисто полё,
Ко этому болоту Кули́кову,
Да й ко этой ко плахѣ ко липовой,
И ко этой ко сабли ко вострыя.
Видитъ царица россійская,
Молода Марөа Романовна,
Что бѣда её пристигла неминуема.
Она чоботы одѣла на босу ногу
И шубоньку бросала на одно плечо,
А й бѣжала царица каменной Москвой
Ко милому братцу родимому,

Ко этому Никитѣ Романову.
Не чорная куночка прорыскала,
Свѣтъ-государыни пробѣгнула.
А й увидѣлъ тутъ Никита Романовичъ,
Выбѣжалъ Никитушка на ши́рокъ дворъ
И самъ говорилъ таково слово:
«Ты послушай-ко сестрица родимая,
«Молодая ты Марѳа Романовна,
«А какимъ тебя вѣтрушкомъ закинуло?»
Отвѣтъ держитъ Марѳа Романовна:
— Ты послушай-ко, родимый мой брателко,
— Старый Никита Романовичъ!
— Какъ не стало у тебя да старша племничка,
— Старша племничка любима крестничка.
— А увезъ его Малютушка въ чисто полё
— Отрубить у него буйну голову.
Тутъ кидался Микитушка Романовичъ
На свою онъ конюшню̀ богатырскую.
Онъ бралъ себѣ жеребчика неѣзжана,
Неѣзжана жеребчика некладана,
Сѣдлалъ уздалъ Никита приговаривалъ:
«А й же вы народъ да люди добрыи,
«Вы сусѣдушки мои порядовныи!
«Дайте торну путь дорожку широкую,
«Чтобы старому мощно̀ проѣхати».
Только видѣли Ми̇китушку сѣдучи,
А не видѣли Романовича ѣдучи.
Только пыль пылитъ да дымъ столбомъ валитъ.
Повыѣхалъ Никита во чисто поле,
Увидалъ онъ Малютку Шкуратова.
Не доѣдучи болота Кули́кова,
Закричалъ тутъ Никита громкимъ голосомъ:
«Ай же ты сукинъ-сынъ молодой щенокъ Малютка Шкуратовъ

«И не тотъ стаканъ выпьешь ты заклекнешься,
«А съѣшь наше мясо да и задавишься».
Наѣхалъ Микитушка Романовичъ,
Отрубилъ у Шкуратова голову.
Бралъ онъ любимаго племничка,
Посадилъ его на добра коня,
Привозилъ тутъ Никита во полатушку.
Отправлялся ко грозному царю Ивану Васильевичу,
Бьетъ онъ челомъ да и поклоняется:
«Здравствуй, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своей ты съ любимой семьёй,
«Съ любимой семьей да съ молодой женой!»
Испроговоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты послушай-ко, Микита Романовичъ!
— Али ты надо мной да надсмѣхаешься,
— Или вовсе про незгодушку не вѣдаёшь,
— Какъ не стало у тебя да старша племничка,
— Любимаго хрестничка а моего сына Ѳедора.
— Увезъ его Малютка въ чисто поле
— Отрубить у его буйну голову. —
Испроговоритъ Микита Романовичъ:
«Ты послушай-ко, грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Есть ли грѣшнику покаяніё,
«А виноватому бываетъ ли прощеніе?»
— А было бы оно, тéперь негдѣ взять. —
«А не отрублена Ѳедору голова,
«А отрублена Малютѣ Шкуратову».
— Ай же ты Микита Романовичъ!
— За твою за услугу великую,
— Ты бери города съ пригородками,
— Ты бери сёла со присёламы,
— И сколько надо бери золотой казны,
— А представь ты мнѣ Ѳедора прéдъ меня. —
Говоритъ ему Никита Романовичъ:

«Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,
«И не надо мнѣ-ка сёлъ со присёлкамы,
«Да не надо твоей золотой казны,
«Только дай ты мнѣ Микитину отчину.
«Хошь коня угони, хошь жену уведи,
«Хошь убей голову — уйди только въ Никитину отчину».
«Который ушелъ, того Богъ унесъ,
«А застали — повѣсили, тому судъ пришелъ».

Записано тамъ же, 15 іюля.

184.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВИЧНА ЛИТОВСКАЯ.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду, да изъ земли въ землю,
Загулялъ молодецъ въ землю Литовскую,
Ко тому королю Литовскому,
Господь молодца помиловалъ,
Король молодца пожаловалъ,
Принялъ молодца служить конюхомъ.
Три года служилъ молодецъ конюхомъ,
Пожаловалъ король его ключникомъ.
Трѝ года молодецъ служилъ ключникомъ,
Еще король его пожаловалъ
Постельникомъ служить у своей дочери,
У этой Елены королевичной.
Служилъ молодецъ тутъ постельникомъ,
Ростилалъ онъ перинушки пуховыи,
Росправлялъ одѣяла соболиныи,
У Елены былъ да во большой любви.
По времени былъ и на бѣлой груди.
Говоритъ ему Елена королевична:

«Ай же ты удалой добрый молодецъ!
«Не ходи молодецъ въ бесѣду татарскую,
«Не пей молодецъ зелена вина,
«Не расхвастайся Еленой королевичной».
Во одну пору во это времечко
Выходилъ молодецъ прогулятися,
Приходилъ молодецъ во царевъ кабакъ.
Увидали тутъ татаровья-улановья,
Приняли его съ честью съ радостью,
Брали его за бѣлы руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Напоили молодца они до́ пьяна.
Тутъ молодецъ порасхвастался:
— Я три годы служилъ во конюхахъ,
— Три годы служилъ я во ключникахъ,
— А теперь служу во постельникахъ.
— Постилаю перинушку пуховую,
— Роспровляю одѣяло со̀болиное,
— А й по времени бываю у Елены на бѣлой груди. —
Тутъ скочили татаровья-улановья,
Брали молодца за желты́ кудри,
За желты́ кудри его, за бѣлы руки,
Проводили его къ королю Литовскому.
«А вы сведите молодца во чисто поле,
«Отрубите ему да буйну голову».
Тутъ взмолился удалый добрый молодецъ:
— Вы послушайте татаровья-улановья!
— Вы возьмите-тко съ меня золотой казны,
— Не ведите-ко меня во чисто полё,
— Вы сведите-тко къ Елены королевичной. —
Повели его татаровья-улановья.
Закричалъ молодецъ да зычнымъ голосомъ:
— Ты прощай, прощай, мой бѣлый свѣтъ,
— Про́щай, милая Елена королевична. —

А й услышала Елена королевична.
Бросила́сь она въ окошечко косивчато,
Въ одной тутъ рубашки безъ пояса,
Сама говорила таково слово:
«Ай же вы татаровья-улановья!
«Вы ведите молодца́ ко мнѣ на ши́рокъ дворъ,
«Вы берите съ меня золотой казны,
«Золотой казны сколько надобно».
А сама стала мо́лодца спрашивать:
«Ты скажи, молодецъ, не утаивай,
«Не утаивай, меня не оманывай,
«Холостъ ли ходишь, или женатъ гуляшь?
«Есть ли у тебя мо́лодецъ отецъ и мать,
«Есть ли у тебя молода жена,
«Есть ли молодецъ малы дѣточки?»
Испроговоритъ удалый добрый молодецъ:
— Есть у меня отецъ и мать,
— Есть у мо́лодца молода жена,
— Есть у меня малы дѣточки. —
«Ты возьми молоде́цъ золотой казны,
«Да поди молоде́цъ въ твою сторону.
«Ты корми молоде́цъ отца и мать,
«Ты люби свою молоду жену,
«А корми молодецъ, малыхъ дѣточекъ,
«А й не хвастай ты Еленой королевичной».

Записано тамъ же, 15 іюля.

XXXIII.

ВИСАРІОНОВЪ.

Алексѣй Висаріоновъ Бато́въ съ Выгозера, двадцати шести лѣтъ, земледѣлецъ, дюжій, неповоротливый и крайне несообщительный. Удержалъ въ памяти нѣсколько былинъ изъ тѣхъ, ко-

торыя пѣвалъ его отецъ, скончавшійся года два тому назадъ (писано въ 1871 г.) и считавшійся лучшимъ знатокомъ былинъ на Выгозерѣ. Онъ поетъ былины очень складно, вѣрно сохраняя различіе въ напѣвахъ.

185.

КОЛЫВАНЪ БОГАТЫРЬ.

Во чисто́мъ поли съѣзжа́лоси̅
Три сильніихъ могучіихъ бога́тыря̅
По имени перво́й Колыва́нъ бога́ты̅рь,
Другой Муромля́нъ богаты̅рь,
Третей Самсонъ бога́ты̅рь.
Промежду собою рѣчи говори́ли̅:
«Которыя изъ насъ будетъ бо́льшій бра̅тъ?»
Говори̅тъ Самсо́нъ бога́ты̅рь:
«Кабы былъ столобъ въ земли̅́,
«Кабы было кольцѐ въ столбу́
«Я бы землю всю во кругъ поверну́лъ».
Говоритъ Муромлянъ бога́ты̅рь:
«Я бы такожде поверну́лъ».
Го́воритъ Колыванъ бога́ты̅рь:
«Я бы такожде могъ повернуть».
Господь Всевышнія творѐцъ
За нихнеё похваленьѐ
Далъ имъ привидѣніѐ:
Куда у ихъ было но́рчено въ путь ѣ̀ха̅ть,
Лежитъ на дороги су́мкà,
Въ таковои сумкѣ сложенъ весь земныя гру̀зъ.
Выскакиватъ со своего со добраго съ коня́
Самсо́нъ бага́ты̅рь,
Хватаетъ такову́ю сумку́.
Сумка съ мѣста не ворохнѐтся̅,

Выходитъ Муромля̀нъ бога́тырь
Со своего со доброго коня́,
Хватаетъ такову́ю сумку́;
По колѣнамъ въ землю усѣ́лъ,
Сумка съ мѣста не ворохне́тся̀.
Выходитъ Колыванъ бога́тырь
Со своего со доброго коня̀,
Хватаетъ таковую сумку.
По грудямъ въ землю сѣ̀лъ,
Сумка съ мѣста не ворохне́тся.
Съ небеси имъ гласъ прогласи́ло̀:
«Сильнiи могучiи бога́тырѝ
«Отстаньте прочь отъ таковыя сумкѝ,
«Весь земныя грузъ въ сумку сло́жѐнъ,
«Впредки не похваля́йтесь
«Всёю землёю владѣ́тѝ,
«Наблюдайте своё доброё,
«Ѣздите по Русе́й,
«Дѣлайте защиту,
«Сохраняйте Русе́ю отъ не́прiятеля̀
«А хвастать по пустому вного не знайте».

Записано въ Даниловѣ, 17 іюля.

186.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Во стольноёмъ городи во Кіеви,
У ласкова князя Владыміра,
Сдѣлалась побѣдушка великая,
Великая побѣда на весь Кіевъ градъ.
Наѣхало Идолищо великоё,
Въ долину Идолищо шти саженъ,

Въ ширину Идолищо трёхъ саженъ,
Межъ ушами у него вѣдь какъ саженъ со локотью,
Межъ глазами у него вѣдь какъ пяда мѣрная,
Межъ ноздрами у его изляжетъ каленà стрѣла,
Самъ на словахъ похваляется:
«Давайте мнѣ поединщика!
«Если нѣтъ у васъ поединщика,
«Я Божьи церквы всѣ на дымъ спущу,
«А й весь Кіевъ градъ я въ полонъ возьму».
А й ѣстъ-то онъ пьетъ хлѣбъ-отъ за щеку,
Другой за дрýгую,
А й бѣлую лебедь на закусочку.
Выпивае онъ вѣдь напиточокъ,
По боченкѣ сороковочкѣ на единый духъ,
А во градѣ вина все̇ мало ставится.
А й стольнія князь стольнё-кіевской,
А й видитъ бѣда пришла,
Бѣда пришла неминучая.
А й говоритъ тутъ Василей упьянсливой,
Говоритъ тутъ онъ таково слово:
— Стольнія князь стольнё-кіевской!
— Дай-ко-сь мнѣ зелена вина,
— Ретливó сердцо мнѣ пріóбкатить,
— Буйна гóлова мнѣ извéселить. —
Наливали ему чару зелена вина,
Мѣрой чара полтора ведра.
Принималъ Василей единой рукой,
Выпивалъ Василей единымъ духомъ,
А й самъ на словахъ выговариватъ:
— Ретливó сердцё теперь пріóбкачено,
— Буйна гóлова теперь извéселенà. —
Беретъ въ руки клюху богатырскую,
Вѣсóмъ клюха тя́нетъ ровно сорокъ пудъ.
А й сталъ онъ съ горы на гору поскакивать,

А й сталъ онъ съ холмы на холму попрядывать:
Рѣки, мелки озера межъ ноги́ спущалъ.
Приходитъ Василей упьянстливой
Во то ли онъ во чисто́ полё,
А й встрѣчу ѣдетъ старый казакъ Илья Муромецъ
«Здравствуй, Василей упьянсливой!»
— Здравствуй, старый казакъ Илья Муромецъ! —
Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
«А й же ты Васильюшко упьянстливой!
«Все-ль есть во городѣ во Кіевѣ по старому,
«По старому ли есть по прежнему?»
Испроговоритъ Васильюшко упьянстливой:
— Все есть во городѣ не по старому,
— Все-ль есть во городѣ не по прежнему,
— Наѣхало Идолищо великоё,
— Въ долину-то Идолищо шти сажонъ,
— Въ ширину-то Идолищо трехъ сажонъ,
— Межъ ушами у него вѣдь какъ сажень съ локотью,
— Межъ глазами у него вѣдь какъ пяда мѣрою,
— Межъ ноздрами у его вѣдь изляжетъ калена стрѣла. —
Говоритъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«А й же ты Васильюшка упьянстливый!
«Силы у тебя вѣдь есть два меня,
«Смѣлости-у́дати у тебя нѣтъ въ полъ-меня».
Выходитъ старый казакъ Илья Муромецъ
Со своего ли онъ вѣдь со добра коня,
И скидывае изъ себя онъ платье богатырское.
Снимае съ Василья платье кали́чьеё,
Надѣваетъ на себя онъ платье кали́чьеё,
А й на Васильюшка на упьянстлива,
Надѣвае платье богаты́рскоё.
Посадилъ Василья на своего на добра коня,
Во двѣнадцать сѣдёлышекъ засѣдлывалъ,
Во двѣнадцать онъ подпружковъ подтягивалъ.

Тутъ поѣхалъ Василей по чисту полю,
Безъ ума его вѣдь конь носитъ безъ памяти,
А й радъ бы Василей выпасть да не́ можно.
А й старый казакъ Илья Муромецъ
Берётъ въ руку клюку богатырскую,
Вѣсомъ клюка тянетъ ровно сорокъ пудъ.
А й сталъ онъ съ горы на́ гору поскакивать,
А й сталъ онъ съ холмы на́ холму попрядывать.
Приходитъ старый казакъ Илья Муромецъ
Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
Ко той ко полаты бѣлокаменной,
Крычитъ покрикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ по́свистомъ соловьиныимъ,
Матушка сыра земля подрогнула,
Полата бѣлокаменна зашаталаси.
Это Идолищо не вчуется,
Не вчуется, за рѣчь не приметея.
Крыкнулъ Илья Муромецъ дру́гой разъ,
Крыкнулъ по́крикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ по́свистомъ соловьиныимъ, —
Матушка сыра земля подрогнула,
Полата бѣлокаменна зашаталаси.
Это Идолищо не вчуется,
Не вчуется, за рѣчь не приметея.
Крыкнулъ Илья Муромецъ третей разъ,
Крыкнулъ покрикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ посвистомъ соловьинымъ, —
Вся матушка сыра земля подрогнула,
Полата бѣлокаменна съ угла на́ уголъ зашаталаси,
А й всѣ питья по сто́ламъ расплескалиси.
Говоритъ Идолищо таково слово:
— Подите-тко-сь, выведите-тко-сь,
— Какая-сь калика перехожая,
— Перехожая калика переѣзжая? —

А идетъ старый казакъ Илья Муромецъ
А й во тую-ли во полату бѣлокаменну,
А й онъ крестъ-отъ кладе́тъ по уче́ному,
А й поклонъ тотъ ведетъ по писа́ному.
«А й здравствуйте вси купци вси бо́яра,
«Вси сильни могучи богатыри!»
Князю Владиміру со княгинею низко кланялсо,
Низко кланялсо имъ въ особину,
А этому татарину челомъ не бьетъ.
Говоритъ-отъ татаринъ таково слово:
— А й же ты калика перехожая,
— Перехожая калика, переѣзжая!
— Видалъ-ли ты, все слыхалъ ли ты,
— Славнаго бога́тыря
— Стараго казака Илью Муромца? —
«Видалъ вѣдь я, все слыхалъ вѣдь я
«Стараго казака Илью Муромца.
«Съ меня́ ростомъ, съ меня́ толстомъ,
«Съ меня ровно всимъ вели́чествомъ».
— По вногу ли вѣдь онъ къ выти ѣстъ? —
«А й ѣстъ онъ пьетъ во славу Божьюю,
«Колачикъ съѣстъ, по другомъ душа горитъ,
«А й другой съѣстъ, вѣдь онъ сытъ бывать».
— По вногу ли онъ выпиватъ напиточокъ? —
«Онъ стаканчикъ выпье, по дру́гомъ душа горитъ,
«А другой выпьетъ, онъ дово́ленъ бывать».
— Какъ бы эттакъ былъ, на доло́нь бы я клалъ,
— Да грязь родиласи.
— А я то вѣдь какъ ѣмъ-то пью.
— Хлѣбъ тотъ я за щеку,
— Другой я за дру́гую,
— Бѣлую лебедь на закусочку.
— Испиваю я вѣдь напиточокъ,
— По бочечкѣ сороковочкѣ

— На единой духъ. —
Говоритъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«У моего досюль у батюшка родителя
«Была коровищо обжорищо,
«Вного питей пила, только лопнула.
«А й былъ кобелищо объѣдищо,
«Вного ѣлъ, только треснулъ онъ».
Эта рѣчь-та татарину не влюбиласи.
Берётъ ножичищо кинжалищо,
А й бросилъ ножичищо кинжалищо
Въ стараго казáка Илью Муромца.
А й старой казакъ былъ догадливой,
Былъ догадливой самъ увѣтливой,
Отвелъ ножичищо кинжалищо
А й той ли клюкой богатырскоёй,
Пролетѣло ножичищо во липину,
Рвало ли́пину вѣдь со дверма вонъ.
Говоритъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Пойти взять было татарина за желты кудри».
А й взялъ-то татарина за желты кудри,
А й самъ говоритъ таково слово:
«Не честь фала молодецкая,
«Кровавить полати княженецкія».
Повывелъ татарина на новы̀ сѣни.
«Не честь фала̀ молодецкая,
«Кровавить сѣней княженецкиихъ».
Повывелъ татарина на широкіи дворъ.
«Не честь фала молодецкая,
«Кровавить двора княженецкаго».
Повывелъ татарина во чисто̀ полё,
А й тропнулъ его единой рукой,
А й только татаринъ вѣдь живъ бывалъ.
А й сталъ онъ тоемъ туловомъ помахивать,
Куды махнетъ — улкамы,

Перемахне — переулкамы.
Ахъ какъ ребята оружьё добро,
Ай гне́тся татаринъ не ломится,
Самъ весь на жильяхъ подавается.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

187.

ДОБРЫНЯ И ОЛЕША.

У того ль у пана у купца сердопольскаго,
Было оставленьицо оставлено.
Добрынюшка Микитиничъ,
Во младоемъ возрастѣ,
Остался отъ родителя отъ батюшка.
Честна вдова Степанида Обрамовна
Возростила своего́ сына,
Добрынюшку все Микитича,
До полнаго его до возраста.
А й сталъ Добрынюшка Микитинецъ,
Въ чисто поле сталъ поѣзживать,
Богатырской силы своей пробовать,
Выѣзжалъ вѣдь онъ на поеди́ночокъ,
А й со вногима всё со ви́тяжямы.
А й на то ли на ратно на смертно побоищо,
А й не было съ имъ поединщичка.
А й прославился Добрынюшка Микитинецъ
А й сильніимъ могучіимъ бога́тырёмъ,
А й прославился Добрынюшка во Кіёви,
А й прославился Добрынюшка въ Чернигови,
А й въ матушкѣ Добрыня въ каменно́й Москвы.
А й пріѣзжаетъ домой Добрынюшка
А й со ратнаго смертнаго побоища.

А й честна вдова Степанида Обрамовна
А й присудила Добрынюшкѣ женитися,
Чтобы жилъ былъ онъ съ молодой женой,
А й не ѣздилъ бы на ратноё на смертноё побоищо.
А й Добрынюшка Микитинецъ,
Онъ слушался свою матушку,
Прибиралъ себѣ княгиню обручную,
А й Настасьюшку Викуличну.
А й взялъ онъ Настасьюшку въ замужество,
А й самъ говоритъ тако́во слово:
«А й матушка ты честна вдова
«Степанида Обрамовна!
«А й душечка Настасья Викулична!
«Не могу я укротить своего сердца богатырскаго,
«Поѣду я во чисто́ полё».
Говоритъ тутъ ёго матушка,
Честна вдова Степанида Обрамовна:
— Ай же Добрынюшка Микитинецъ!
— На кого же оставишь молоду жену? —
Говоритъ тутъ Добрынюшка Микитинецъ:
«А й же ты моя матушка,
«Честна вдова Степанида Обрамовна!
«Кабы ты меня все спородила
«Красотою-басотою во Осипа прекраснаго,
«Силой-храбростью въ ста́раго каза́ка Илью Муромца,
«Смѣлостью во Олешу Поповича,
«Не ѣздилъ бы я по чисту полю,
«Не билъ бы головъ безповинныхъ,
«Не слезилъ бы я отцей, матерей.
«А й такъ не могу укротить своего сердца богатырскаго,
«А й поѣду я во чисто полё.
«Матушка Степанида Обрамовна!
«Дай-ко-сь мнѣ благословленьицо.
«Вы ждите-тко-сь Добрынюшку во три года.

«Я не буду, не буду во три́ года,
«Вы ждите-тко-сь Добрынюшку во шесть годовъ.
«Я не буду, не буду во шесть годовъ,
«А й ждите-тко-сь меня вѣдь во двѣнадцать лѣтъ,
«Я не буду, не буду во двѣнадцать лѣтъ,
«Матушка Степанида Обрамовна,
«А й душечка Настасья Викулишна,
«Не читайте-тко-сь Добрынюшки во живности.
«А й душечка мнѣ молода́ жона,
«Настасья Викуличпа!
«Хоть вдовой живи, хоть заму́жъ поди,
«Только не́ ходи за братца крестоваго,
«За того ли за Олешенку Поповича».
А й уѣхалъ Добрынюшка во чисто́ полё.
А й матушка его Степанида Обрамовна.
Молода́ жена Настасья Викулична,
А й ждали его домой вѣдь во три́ годы,
На исходѣ Добрынюшки три́ годы,
А й нѣту Добрынюшки во трп годы.
А й ждали Добрынюшку шесть годовъ,
На исходѣ Добрынюшки во шесть годовъ,
А й нѣту Добрынюшки во шесть годовъ.
А й ждали Добрынюшку во девять лѣтъ,
А й ждали Добрынюшку во девять лѣтъ,
На исходѣ Добрынюшки девять лѣтъ,
А й нѣту Добрынюшки во девять лѣтъ.
А й ждали Добрынюшку во двѣнадцать лѣтъ,
На исходѣ Добрынюшки двѣнадцать лѣтъ.
А й Олешенка Поповинецъ
А й сталъ тутъ къ Настасьюшкѣ поѣзживать,
Поѣзживать сталъ посватывать.
Самъ говоритъ таково слово:
— А й же ты Настасьюшка Викулична!
— Ты волей нейдешь, я бое́мъ возьму. —

А й бралъ-то Настасью за бѣлы́ руки,
За бѣлы́ руки, злачены перстни,
А й пово́зилъ Настасью во церковь во Божьюю,
А й во тотъ ли Настасью во Черниговъ градъ.
Еще тамъ столовали пирова́ли оны̀,
А й мало времечко миновалоси,
А й пріѣзжаетъ Добрынюшка Микитинецъ.
А й поразвѣдалъ, что нѣту Настасьи Викуличной,
А й увезёна у Олешенки Поповича,
А й во тотъ ли она всё во Черниговъ градъ,
А й по́сылаетъ посла́ онъ ко матушки.
«Ты послушай-ко-сь меня вѣдь посёлъ вѣ́рныя
«А й за де́нежной расчётъ.
«А й съѣзди-тко-сь къ моей матушкѣ,
«Къ Степанидѣ Обрамовной,
«А й проси-тко у ёй вѣдь платья цвѣтныи,
«А й проси-тко у нёй вѣдь гусёлышка нѣмецкіи,
«А й проси-тко у нёй вѣдь струночки сибирскіи,
«Для своего сына Добрыни Микитича,
«А й что набъ то росчитаюсь тебѣ за утружденіе».
А й послухалъ его̀ вѣдь посёлъ вѣрныя,
А й съѣздилъ вѣдь ко его ко родители ко матушки,
А й къ Степанидѣ къ Обрамовной.
А й просилъ у нёй пла́тьица цвѣтныи,
А й просилъ у ней гусёлышка нѣмецкіи,
А й просилъ у ней струночки сибирскіи,
Ради своего сына Добрыни Микитича.
А й говоритъ послу его матушка,
Степанида Обрамовна:
— А й же ты посёлъ вѣрныя!
— А й гдѣ ты видѣлъ моего вѣдь чада милаго,
— А й Добрынюшку всё Микитича? —
А й отвѣчаетъ ёй вѣдь посёлъ вѣрныя:
«А й нынь мы что ни съ Добрынюшкой приразъѣхались.

«А й платьица у него на себѣ вѣдь повыдержались,
«А й платьица на себѣ вѣдь онъ носитъ лосиныи».
Ёго матушка Степанида Обрамовна
Подавала послу всё платья цвѣтныи,
Подавала послу гусёлышка нѣмецкія,
А й струночки были сибирскія.
А й отвозилъ вѣдь посёлъ вѣрныя
Цвѣтны платьица къ Добрыни Микитичу,
А й гусёлушка нѣмецкія;
А й струночки онъ сибирскія.
А й Добрыничина Микитинецъ,
За утружденіе послу далъ несчетной золотой казны,
А й золотой казны все сколько надобно.
А й надѣвалъ на себя платьицо цвѣтноё,
А й бралъ съ сóбой гусёлышка нѣмецкіи,
А й бралъ съ сóбой струночки сибирскіи,
А й поѣзжалъ онъ ко гóроду Чернигову,
А й на тотъ ли на тотъ на почестенъ пиръ.
А й пріѣзжаетъ онъ во Черниговъ градъ,
А й приходитъ онъ на почестенъ пиръ,
А й на пиру былò больно собрáньицо,
А й на пиру былъ князь Митрей богатыя,
А й управитель города Чернигова.
А й доложилсо Добрынюшка Микитинецъ,
А й у Митрія князя бóгатаго.
— А й Митрей князь ты богатыя!
— А й дай волю-тко сыграть мнѣ въ гусёлышка нѣмецкія,
— А й дай волю-тко поподернуть въ струночки сибирскія,
— А й для мóлода Олеши Поповича. —
А й говоритъ тутъ Митрей князь таково слово:
«А й ты сыграй-ко-сь въ гуселушка нѣмецкія,
«А й поподéрни-ко въ струночки сибирскія».
А й заигралъ тутъ Добрынюшка Микитинецъ,
А й заигралъ тутъ въ гусёлушка нѣмецкія,

Поподёрнулъ онъ струночки сибирскія.
А й распотѣшилсо Митрей князь богатыя,
А й распотѣшилсо мо́лодой Олеша Поповинецъ.
А й наливали Добрынѣ зелена вина.
А й подносили на подносѣ молодой князь Олеша Поповинецъ,
Со своёю онъ со княгинею.
А й принимаетъ чару зелена вина
Добрынюшка онъ Микитинецъ,
А й выпиваетъ чару зелена вина,
А й спущаетъ въ стоканъ свой обручной перстень.
А й говоритъ тутъ Настасьюшка Викулична:
— А й не тотъ мнѣ мужъ, который стоитъ подли́ меня,
— А й тотъ мнѣ мужъ, который стоитъ супротивъ меня.—
А й Добрынюшка Микитинецъ,
А й хватаетъ Олёшу Поповича за шиворотъ,
А й самъ говоритъ таково слово:
«А й же ты Олешенка Поповинецъ!
«Кабы не братецъ былъ ты мнѣ крестовыя,
«А й тропнулъ бы я тя вѣдь о печно́й столобъ,
«А й только бы ты живъ бывалъ.
«А й такъ сдѣлаю я тебѣ уважечку,
«Ради братца крестоваго».
А й мо́лодой Олёша Поповинецъ,
А й скоро женился, да не съ кѣмъ спать.
А й только Олёшенка женатъ бывалъ,
А й женатъ бывалъ онъ съ женой сыпалъ.
А й Добрынюшка Микитиницъ,
А й всимъ какъ онъ вѣдь честь воздалъ,
А й Митрею князю со княгинею.
Уѣзжалъ онъ во своё во помѣстьицо,
А й со своёю женою старопрежніей.
А й съ Настасьюшкой онъ съ Викуличной,
А й ко матушкѣ Степанидѣ Обрамовной.

А й полно больше Добрынюшкѣ ѣздить по чисту́ полю,
Положилъ мысель и разумъ
Во своихъ полатахъ проживати.

Записано въ Даниловѣ, 17 іюля.

188.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во томъ-то во городи во Кіёви,
У ласкова князя Владиміра,
Завелсо, завелсо почестенъ пиръ.
А й вси на пиру наѣдалися,
А й вси на пиру напивалися,
А й вси на пиру порасхвасталися.
А й кто вѣдь хваста отцемъ матушкой,
А иной вѣдь хваста молодой женой.
Испроговоритъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«А й вси-ль добры молодцы споженены,
«Вси дѣвушки за мужъ повыданы,
«Одинъ-то единъ добрый молодецъ
«Холостъ ходилъ, не женатъ гулялъ,
«Иванушко Годиновичъ».
А й испроговоритъ Иванушко Годиновичъ:
— А й свѣтъ государь ты мой дядюшка!
— У меня есть невѣста поприбрана,
— Поприбрана невѣста во Кіёви,
— Во Кіеви невѣста, во Чернигови,
— У Митрея князя богатаго.
— А й всимъ-то Настасьюшка добры́мъ добра,
— Тѣломъ Настасья какъ снѣгъ бѣла,
— Походочка у ёй вѣдь павлиная,
— А й тихая рѣчь лебединая,

— А й брови-ты у ёй черна соболя,
— Глаза-ты у ей ясна сокола,
— А й личико у ей вѣдь какъ ма́ковъ цвѣтъ. —
Испроговоритъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«А й же ты Иванушко Годиновичъ!
«Чего ль тебѣ вѣдь все надобно,
«Города ль тебѣ набъ съ пригородками,
«Аль несчетной тебѣ надо золотой казны,
«Аль силы войска тебѣ надо великаго?»
Испроговоритъ Иванушко Годиновичъ:
— Владиміръ князь стольнё-кіевской,
— Свѣтъ государь ты мой дядюшка!
— Ницёго вѣдь мнѣ-ка не надобно.
— Не надо городовъ съ пригородками,
— Не надо силы войска великаго,
— Не надо несчетной золотой казны.
— А й только дай-ко-сь три молодца что ни лучшіихъ,
— Что ни лучшіихъ перебраныихъ.
— Во-пе́рвыхъ стараго казака Илью Муромца,
— А й во-дру́гихъ Исака Петровича,
— А й во-третьихъ Алёшу Поповича. —
А й вид'ли добрыхъ молодцовъ сядучи,
Не вид'ли удалыхъ поѣдучи.
Во чисто́мъ полѣ курева́ стоитъ,
Курева стоитъ, пыль столбо́мъ валитъ.
Не путемъ-то ѣдутъ не дорогою,
Церезъ башню ѣдутъ треугольнюю.
Скакали кони черезъ стѣну городовую,
Пріѣзжали во тотъ ли во Черниговъ градъ,
Ко Митрею князю богатому,
А й ко той ко полаты бѣлокаменной,
А й ко тымъ крыльцамъ ко точёныимъ.
А й вязали добрыхъ коней
Ко тымъ ко кольцамъ золочёныимъ,

А идутъ во полату бѣлокаменну,
А й крестъ-то кладутъ по писáному,
Поклонъ тотъ ведутъ по уцéному.
«А й здравствуйте вси купци, вси бóяра,
«Вси сильни могучи богатыри!»
А й Митрею князю со княгиною
Въ особину низко кланялись.
Говоритъ тутъ Митрей князь богатыи:
— Цёго пришли гостюшки небывалыи,
— Небывалыи гости неѣзжалыи?
— Садитесь-ко-сь вы хлѣба соли покушати,
— Бѣлыхъ лебедей все порушати. —
Испроговорятъ добры молодци:
«Митрей князь богатыя!
«Мы не хлѣба соли пришли кушати,
«Не бѣлы́хъ лебедей мы всё рушати, —
«Мы пришли зашли объ староемъ дѣлѣ, объ сватовстви,
«А й сватать Настасьи Митріёвичной,
«За того ль за Ивана Годинóвича».
Говоритъ тутъ Митрей князь богатыя:
— А й же вы добры молодци!
— За трѝ годы Настасьюшка просватана,
— Во тую ль во землю во невѣрную,
— За того ль за царища за Кощерища. —
Испроговорятъ добры молодци:
«Митрей князь богатыя!
«Ты волей не дашь — мы боёмъ возьмёмъ».
Испроговоритъ Настасья Митріёвична:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Митрей князь богатыя!
— Я не йду вѣдь во землю во невѣрную,
— За того ль за царища за Кощерища,
— Я иду за Ивана Годиновича. —
А й брали Настасью добры молодци.

Иванушка Годи́новичъ
А й бралъ онъ вѣдь за бѣлы руки,
За бѣлы руки злачены перстни,
А й водилъ вѣдь во церковь во Божьюю,
А й садились въ корету золоченую,
А й вид'ли добрыхъ мо́лодцевъ сядучи,
Не вид'ли удалыхъ поѣдучи,
Во чистомъ поли одна пыль стоитъ.
На пути имъ попало три слѣдочика:
А й первый слѣдочикъ лева̀ звѣря,
А й другой слѣдочекъ лани бѣлыя,
А й третій слѣдочекъ черна соболя.
Говоритъ тутъ Иванушко Годиновичъ:
«Старый казакъ Илья Муромецъ!
«Поди-тко-сь ты за лево̀мъ звѣрёмъ,
«Достань-ко-сь ты вѣдь лева̀ звѣря,
«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.
«А й Исакъ Петровинецъ!
«Поди-тко за ланью за бѣлыя,
«Достань-ко-сь ты вѣдь лани бѣлыя,
«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.
«Алеша Поповинецъ!
«Поди-тко за чернымъ за соболемъ,
«Достань-ко-сь ты черна соболя,
«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ».
А й остался одинъ добрый молодецъ
Иванушко вѣдь Годиновичъ,
А й самъ роскинулъ онъ бѣлъ шатеръ,
А й сталъ съ Настасьей забавлятися.
Мало времечко миновалоси,
А й ѣдетъ царищо Кощерищо
Крычитъ покрикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ по́свистомъ соловьинымъ,
А й самъ на словахъ выговариватъ:

— А й же ты Иванушко Годиновичъ!
— Съѣшь мое мясо подавишься. —
Видитъ Иванушко бѣда пришла,
Бѣда пришла неминучая.
Выскакивалъ изъ бѣла шатра
На тую ль на площадь дуброву зеле́ную,
Глядитъ-смотритъ въ сторону полудённую,
А й ѣдетъ царищо Кощерищо.
Куды падаютъ копыта лошадиныи,
Тутъ оставятся колодци ключевой воды.
А Иванушко Годиновичъ
Выскакивалъ онъ на добра коня,
А й взялъ сбрую всю богатырскую.
Не двѣ горушки вмѣсто столкнулось,
Два бога́тыря вмѣсто съѣхалось.
А й помахнулись въ палици булатніи,
А й палици во ци́вьяхъ пригиба́лися,
Пригибалися переломалися,
А й дру́гъ друга до́ крови не ранили.
Помахнулись во сабли во во́стрыя,
Востры́ сабли́ прищербилися,
Прищербилися, пополамъ переломилися,
А й другъ друга до крови не ранили.
Помахнулись во ко́пья во вострыи,
Востры́ копья́ притупилися,
А й другъ друга до крови не ранили.
Выскакивали вѣдь съ добрыхъ коней,
На тую ль на площадь дубро́ву зеленую,
А й схаживаются на рукопашный бой.
Иванушко Годиновичъ
А й взялъ-то татарина за шиворотъ,
А й по́ложилъ-то своей вѣдь право́й ногой
Татарина по лѣвой ноги.
А й бросалъ-то его о сыру землю,

А й сѣлъ ёму на́ груди на бѣлыя,
А й на бѣлыя на груди на царскіи,
На царскіи груди татарскіи,
А й самъ говоритъ таково слово:
«А й же ты Настасья Митріёвична!
«Подай ножичищо кинжалищо
«Вырвать сердце со печенью татарскоё,
«Татарскоё сердце царскоё,
«Добрымъ людюшкамъ на сгляже́ніё,
«А й старымъ старухамъ на роптаніё.
«Черным̆ъ воронамъ всё на гра́яньё,
«А й сѣры́мъ волкамъ всё на во́еньё».
Говоритъ тутъ царищо Кощерищо:
— А й же ты Настасья Митріёвична!
— Не подай ножичища кинжалища,
— Какъ за имъ вѣдь будешь жить.
— Будешь слыть бабой простомы́вныя,
— Будешь старому, малому кланяться.
— А й за мной вѣдь будешь жить,
— Будешь слыть царицей вѣковѣчноёй,
— Будетъ старый вѣдь малый тѣ кланяться. —
А й у бабы волосъ дологъ, умъ коротокъ.
Выскакиваё Настасья изъ бѣла шатра,
А й хватае Иванушко Годино́вича за желты кудри,
А й сбиваетъ Иванушко Годино́вича о сыру землю.
А й привязали Иванушко Годино́вича
Ко тому ли его ко сыру дубу,
А й той ли его всё кувыль травой,
А й сами свалились во бѣлъ шатеръ.
Мало времечко миновалоси,
Прилетѣли три сизыхъ, три малыхъ три голуба,
А й другъ промежъ другомъ спрогуркнули:
«За что эта головушка привязана,
«Привязана головушка, прикована?

«Ради дѣвки, ради бляди, ради своднпцы,
«Ради своднпцы, всё душогубницы».
Эта рѣчь-то татарину не влюбиласи.
Выскакиваетъ татаринъ изъ бѣла шатра,
Вытягивае у Ивана Годино́вича
Съ колчана у его какъ вѣдь ту́гой лукъ,
А й берётъ у его калену стрѣлу,
А й тугой лукъ онъ натягиватъ,
Калену стрѣлу все направливатъ,
А й хочетъ стрѣ́лить сизыихъ малыихъ голубовъ.
Иванушко Годиновичъ
У сыра дуба приговариватъ:
— Ужъ ты батюшко мой ту́гой лукъ,
— Ужъ ты матушка калена стрѣла,
— Не пади-ко, стрѣла, ты ни на воду,
— Не пади-ко, стрѣла, ты ни на гору,
— Не пади-ко, стрѣла, ты ни въ сы́рой дубъ,
— Не стрѣли сизыихъ малыихъ го́лубовъ,
— Обвернись, стрѣла, въ груди татарскіи,
— Въ татарскіи груди во царскіи,
— А й вырви-ко сердце со печенью,
— Добрымъ людишкамъ на сгляже́ніё,
— А й старымъ старухамъ на роптаніе,
— Чернымъ воропамъ всё на гра́яньё,
— А й сѣрымъ волкамъ всё на во́еньё. —
А й не пала стрѣла вѣдь ни на̀ воду,
А й не пала стрѣла вѣдь ни на̀ гору,
А й не пала стрѣла вѣдь ни въ сырой дубъ,
Не стрѣлила сизыихъ малыихъ голубовъ,
Обвернулась стрѣла въ груди татарскіи,
А й въ татарскіи груди во царскіи,
А й вырвала сердце со печенью,
Добрымъ людишкамъ на сгляже́ньё,
А й старымъ старухамъ на роптаніе,

Чернымъ ворономъ всё на гра́янье,
А й сѣры́мъ волкамъ всё на во́енье.
А й тутъ-то Настасьюшко заплакала:
«Я отъ бережка откачнуласи,
«Я ко дру́гому не прикачнуласи».
Испроговоритъ Иванушко Годино́вичъ;
— Отвяжи-ко Настасья Митріёвична
— Отъ того ли меня отъ сыра дуба. —
Говоритъ Настасья таково слово:
«А й же ты Иванушко Годино́вичъ!
«Отвязала бы я тя отъ сыра дуба,
«А й будешь ты меня вѣдь всё бити мучити».
Говоритъ тутъ Иванушко Годино́вичъ:
— А й же ты Настасья Митріевична!
— Я не буду тебя бить мучити,
— Только дамъ три науки молодецкіихъ,
— Молодецкіихъ науки княженецкіихъ. —
Эта рѣчь-то Настасьѣ не влюбиласи,
А й выскакиваётъ изъ бѣла шатра,
А й на тую ль на площадь дуброву зеленую,
А й берётъ въ рукѝ саблю вострую,
А й замахъ держитъ на Иванушко Годино́вича,
А й хочетъ у него отсѣчь прочь буйну голову.
А й богатырско сердце разгорѣлоси,
Сходилсо Иванушко у сыра дуба,
Сырой дубъ къ зенѝ приклоняется,
Самъ весь въ штильци прищербается.
Отходилъ Иванушко Годиновичъ
На свою̀ волю отъ сыра дуба,
А й хватае Настасьюшку за желту косу,
Сбивае Настасью о сыру землю,
Отсѣкъ у ней губы вѣдь какъ съ носомъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы нещастливымъ цѣловаласи. —

Копалъ глаза со косицамы:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы нещастливымъ смотрѣласи. —
Отсѣкъ у ей руки по локóтамъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы нещастливымъ обнималаси. —
Отсѣкъ у ней ноги по колѣнамъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы несчастливымъ заплеталаси. —
А й только Иванушко женатъ бывалъ,
А й женатъ бывалъ онъ съ женой сыпалъ.
А й скоро женился, да не съ кимъ спать.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

189.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Обувается Чурила снаряжается,
Наливаетъ Чурила ключевой воды въ тазъ,
Умываетъ Чурила лицо бѣлое,
Утираетъ Чурила въ тонко льня́но полотно,
Сапожки на ножки краснаго сафьяна,
Краснаго сафьяна турецкаго,
Турецкаго шитья нѣмецкаго,
Подъ пяты пяты воробей пролетѣлъ,
Около носочковъ яичко катилъ.
На головушку шапочку пятьсотъ-то рублей,
А й пушисту, пушисту, завѣсисту,
Чтобы спереди не видно лица бѣлаго,
Чтобы сзади не видно желтыхъ-то кудрей.
Онъ беретъ-то коня́ да кóня шахманка,
Во двѣнадцать сѣдёлышекъ, засѣдлываетъ,

Во двѣнадцать онъ подпружковъ подтягиваё.
Подпружки были шелковыи,
А й супруженки золоченыи,
А й не ради красы, всё ради крѣпости.
А й шелкъ-то не рвется, булатъ тотъ не трется,
Красно золото не ржа́вѣётъ.
Вид'ли-то Чурилушку сядучись,
А й не вид'ли удалаго поѣдучись.
Во цистомъ-то поли да одна пыль стоитъ.
Увидала Катерина Викулична,
Она во́ поясъ бросалась во косивчато окно,
Она скоро-то шла да по новы́имъ сѣнямъ,
А еще того скорѣе ко широкимъ ворота́мъ.
Отпирала широкія воро́тика,
Запущала Чурилушку Плёнковича,
А й ставила коня до во кони́ну стойлу,
Во конину стойлу лошадиную,
А й насыпала пшоны да бѣлояровой,
Отошла отъ коня да поклониласи.
«Ужъ ѣшь ты конь да неци́стой духъ!
«Не для те́бя покланяюсь, для хозяина,
«Для хозяина да для Чурилушки,
«Для Чурилушки да для Пленковича».
Брала Чурилу за бѣлы́и руки,
За бѣлыи руки все злачены́и перстни,
Цѣловала во уста да во сахарніи,
Проводила Чурилу во свѣтлы свѣтлици.
«Сядемъ-ко Чурилушка во ша̀шечки играть».
Оны разъ-то играли — проигрывали
Оны дру́гой-то играли — выигрывали.
«Бросимъ-ка Чурила ша̀шечну игру́,
«Ляжемъ-ко Чурила на тисо́вую кровать,
«На тисовую кроватку, призабавимся».
Увидала тутъ дѣвчоночка чёрная,

Чёрная дѣвчоночка челя́динка.
— Еще что же Катерина Викулична,
— У тя гость въ гостяхъ да быдто братъ родной,
— Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ женой. —
Испроговоритъ Чурилушка Пленковичъ:
«Чорна дѣвчоночка челядинка!
«Вотъ тѣ дѣвчоночка шапочка,
«Шапочка да пятьсотъ рублей,
«Ушиста, пушиста, завѣсиста,
«Чтобы спереди не видно лица чёрнаго,
«Чтобы сзади не видно вши́ваго пучка.
«Еще вотъ тѣ дѣвчонка полтинка серебра,
«Полтинка серебра да на румянишка,
«Еще вотъ тебѣ дру́га на бѣлилушка».
Испроговоритъ Катерина Викулична:
— Еще а й же ты Чурилушка Плёнковичъ!
— Еще шапочку-то эту са́мъ сдержи,
— А й полтинки серебра мнѣ́-ка-ва отдай. —
А й дѣвчоночку пало не по́ ндраву,
Она скоро-то да по чисто́му полю,
А еще того скорѣе во Божьюю церкву́,
Не крестя, ни моля да лица чёрнаго.
Испроговоритъ Пермянъ да сынъ Васи́льёвичъ:
«Еще что же ты дѣвчоночка чорная,
«Чорная дѣвчоночка челядинка,
«Не крестя, ни моля да ли́ца чорнаго».
— Ты повыслушай Пермянъ да сынъ Васильевичъ:
— У тя гость въ гостяхъ, да быдто братъ родной,
— Быдто братъ родной, да быдто му́жъ съ женой. —
Онъ скоро-то шолъ да по чисто́му полю,
А еще того скорѣе ко широ́кимъ воротамъ.
Увидала Катерина Викулична.
«Еще охъ-ти мнѣ да пере-о́хъ-ти мнѣ,
«Куды-то я кладу да Чурилушку,

«А й Чурилушку да Плёнковича».
Еще брала тутъ она да золоты́и ключи,
Отмыкала она тутъ кованы́и ларцы̀,
Полагала Чурилушку Плёнковича̀.
Она скоро-то шла да по новы́имъ сѣня̀мъ,
А еще того скорѣе ко шир́окимъ ворота̀мъ,
Отпирала широкія воро́тика,
Запускала Пермяна Васи́льёвича.
— Еще что же Катерина Викулична,
— А въ однихъ ты чулочкахъ бе́зъ чоботко̀въ?
— У тя гость въ гостяхъ, дя быдто братъ родной,
— Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ женой. —
«Ты повыслушай Пермянъ да сынъ Васильёвичъ
«Еще бы́ла калика перехожая.
«Накормила, напоила, на пери́нки отдохну̀лъ».
Поворотъ-то держалъ Пермянъ сынъ Васильевичъ.
Онъ скоро-то шелъ да по чисто́му полю̀,
А еще того скорѣе во Божью̀ церкву,
Самъ говоритъ таково́е слово̀:
— Чорна дѣвчоночка челядинка!
— Завела говорить, такъ ты доказывай. —
«Ты повыслушай Пермянъ да сынъ Васильевичъ
«Ты поди-тко во свою да во кони́ну стойлу,
«Во конинуе стойлу лошадиную,
«Тамъ стоитъ вѣдь Чурилино конишечко».
Поворотъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
А й онъ скоро-то шелъ да по чистому полю,
А еще того скорѣе во конинуе стойлу,
Во конинуе стойлу лошадиную,
Тамъ стоитъ-то Чурилино конишечко,
Онъ замахъ-то держалъ да на конишечка,
У конишечка головушка скатиласи.
Еще самъ говоритъ да таковое слово:
— Еще что же Катерина Викулична!

— А й откуль у тебя да конишечко,
— А й конишечко да Чурилино? —
«Ты повыслушай, Пермянъ да сынъ Васильевичъ!
«Какъ крестовыя братьици съѣзжалися,
«Они добрыма ко́ньми помѣнялися».
Поворотъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
А й онъ скоро-то шолъ по чисто́му полю̀,
А еще того скорѣе во Божью церкву,
Самъ говоритъ таковое слово:
— Еще чорна дѣвчоночка челядинна
— Завела говорить, такъ ты доказывай. —
«Ты повыслушай, Пермянъ да сынъ Васильевичъ!
«Ты поди-тко во свои да свѣтлы свѣтлици».
Поворотъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
А й онъ скоро-то шолъ по чисто́му полю,
А еще того скорѣе въ свѣтлы свѣтлици,
А й бралъ-то свои да злачены́и ключи,
Отмыкалъ-то свои да кованы́и ларци,
Откуль выскочилъ Чурилушка Плёнковичъ.
Онъ замахъ-то держалъ да на Чурилушку,
У Чурилушки головушка скатиласи.
Говоритъ Катерина Викулична:
— Куды пала Чурилина головушка,
— Тутъ скатись-ко моя буйна головушка. —
Онъ замахъ-то держалъ да на Викуличну,
У Викуличны головушка скатиласи.
Какъ не бѣлыя лебеди слеталися,
Двѣ головушки вмѣсто скатилоси.
Поворотъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
А й онъ скоро-то шелъ да по чисто́му полю,
А еще того скорѣе во Божью́ церкву,
Еще самъ говоритъ да таковое слово:
«Чорна дѣвчоночка челядинна!
«Знала бы ты да коровъ кормить,

«Коровъ кормить, да телятъ поить,
«А не знала бы ты мужнихъ жонъ дока́зыватѝ».
Онъ замахъ-то держалъ да на дѣвчоночка,
У дѣвчоночки головушка скатиласи.
Онъ тупымъ-то концомъ да о сыру́ю землѝо,
А й онъ вострымъ концомъ да въ свою бѣ́лую гру̀дь.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

XXXIV.

ЛИСИЦА.

Елена Алексѣева, по прозванію **Лисица**, съ Зубовой близъ Выгозера, бѣдная вдова, изъ раскольницъ, лѣтъ подъ 60. Извѣстна въ околоткѣ знаніемъ свадебныхъ пѣсенъ, причитаній, заговоровъ и т. под., и этимъ получаетъ пропитаніе. Былинъ знаетъ немного, но эти поетъ весьма складно, но старческимъ, дребезжащимъ голосомъ.

190.

ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Старо̀й казакъ да Илья Муромецъ,
Ѣздилъ старъ по чисту полю,
Онъ рѣки озёра черéзъ скакалъ,
Онъ сине морюшко на око́лъ бѣжалъ.
Пріѣзжалъ старъ ко чисту полю, къ сѣру камешку,
На камешкѣ подпи́сь подписана:
Въ одну̑ дорожку ѣха́ть убиту быть,
А въ другу́ ѣха́ть богату быть,
Въ тре́тью ѣхать жѐнату быть.
А стоитъ старъ удивляется,
Головой кача́, выговариватъ:

«На что мнѣ-ка стару убиту быть,
«На бою стару не написана.
«А на что мнѣ-ка стару жонату быть,
«Мнѣ-ка старая взять на печи держать,
«А й молóдая взять да чужа корысть.
«А на что мнѣ-ка стару богату быть,
«Еще нѣтъ у меня любимóй семьи,
«Любимой семьи молодой жены,
«Молодой жены малыхъ дѣточекъ,
«Малыхъ дѣточекъ красныхъ дѣвушокъ.
«Не кому тощить золотой казны,
«Не кому держать платья цвѣтного.
«А поѣду въ ту дорожку гдѣ убиту быть».
Попроѣдучись Индѣи богатыей,
А и не доѣдучись Корелы проклятыи,
А стоитъ сорóкъ воровъ сорóкъ разбойниковъ,
Стоитъ сорóкъ тѣхъ же дураковъ-подорожниковъ.
— Мы убьемъ-ко стараго, пограбимъ-ко,
— Со конемъ, животомъ ёго рóзлучимъ. —
Говори старъ таково слово:
«Убить-то вамъ стараго некого,
«И взять-то со стараго нечего.
«Золотой казны не случилоси,
«И только съ собой прилучилоси
«Одинъ солóмъ на главы сорокъ тысячей,
«На ножкахъ сапожки семи шелковъ,
«Во рукахъ во ногахъ по камешку,
«По цвѣтному лазуреву по латырю,
«А чуденъ-то крестъ да семьсотъ рублей».
Говоря́ воры разбойники:
— Мы убьемъ-ко стараго, пограбимъ-ко,
— Со конемъ, животомъ ёго розлучимъ. —
Говори старъ таково слово:
«Убить-то вамъ стараго некого,

«И взять-то со стараго нечего.
«Золотой казны не случилоси,
«Только прилучился добрый конь,
«И доброму коню у меня цѣны нѣтъ,
«И потому ему цѣны нѣтъ:
«Заплечены дрóги (sic) камешки во гривушку во конину̀ю,
«Положенъ во хвостикъ самоцвѣтный камешокъ
«Не ради красы басы молодецкіи,
«Ради темныи ночи осенніи.
«Гдѣ ходитъ гуляё добрый конь во чистомъ поли,
«Вижу за тридцать верстъ мѣрныихъ».
Садился старъ на добра коня,
Сталъ коничкомъ порыскивать,
Куды махнётъ — улкамы,
Куды перемахнетъ — переулкамы.
Смолились воры разбойники:
— Старой казакъ Илья Муромецъ!
— Оставь-ко ты хоть насъ на сѣмена. —
Старóй казакъ Илья Муромецъ
Прирубилъ силу́ татарскую,
Прирубилъ силу́ поганую.
Пріѣзжалъ къ тому сѣру камешку,
Старую подпись выхѣривалъ,
Новую подпись написывалъ:
Та дорожка очищена,
Стары́мъ каза́комъ Ильей Муромцемъ
Очищена, оглажена.
Поѣхалъ въ ту дорожку гдѣ женату быть.
Пріѣхалъ къ палаты бѣлокаменной,
Привязывалъ кóня добраго
Ко тому столбу ко точёному,
Ко колечику вязалъ золочёному
Старóй казакъ Илья Муромецъ,
И шёлъ въ полату бѣлокаменну,

И не держали замочки щурупчаты,
Отворялъ вси двери ворота великіи.
Нашелъ красну дѣвицу въ своемъ теремѣ,
И просилъ ключовъ великіихъ
Отомнуть всѣ погребы глубокіи.
И жалко красной дѣвицы
Подать ключовъ великіихъ,
Не стала красна дѣвица
Подавать ключовъ великіихъ.
Старо́й казакъ Илья Муромецъ
Не спрашивалъ тыхъ ключовъ великіихъ,
Онъ то́лнулъ красну дѣвицу во бѣлу грудь,
Просѣла она въ тыи погребы глубокіи,
И роскочились двери великіи.
Выпускалъ соро́къ купцей, сорокъ купечичей,
Соро́къ простыхъ молодцевъ со тыхъ погребовъ глубокіихъ.
Пріе́зжалъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
Ко тому ко камешку ко сѣрому,
Тую подпись выхѣривалъ,
Новую подпись подписывалъ:
Вси эты дорожки очищены,
Очищены дорожки, оглажены
Стары́мь казакомъ Ильей Муромцемъ.
А не поѣду въ ту дорожку гдѣ богату быть,
Есть у меня золотой казны несчётныя,
Есть у меня казны собины несмѣтныя.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

191.

ДУНАЙ.

Дунай Дунаюшко сынъ Ивановичъ,
Гулялъ Дунаюшко по чисту полю,
Стрѣлялъ Дунаюшко сѣрыхъ утушекъ,
Убилъ Дунаюшко гóловъ безповинныихъ.
Кого зá руку щипнулъ, то рукá прочь,
Кого за ногу щипнулъ, то нога прочь.
Сдѣлалась надъ Дунаюшкомъ незгодушка великая,
Сдѣлалась надъ царемъ незгодушка великая,
Улетѣла лютà змѣя пещорская,
Любимую его племничку,
Отъ креста его хрестничку.
И прозналъ царь про Дуная Дунаюшка,
Дуная сына Ивановича,
Нàбъ ѣхать за любимою племничкой,
Отъ креста ёго хрестничкой,
Вывести отъ змѣи пещорскіи.
А й сидитъ Дунаюшко кручинится,
Буйная головушка повѣшена.
Очи ясныя потупѝ держитъ.
Говорила Дунаюшку рóдна матушка,
Родна матушка, чёстна вдовушка:
«Ты Дунай Дунаюшко,
«Дунай сынъ Ивановичъ!
«Поди Дунаюшко на конюшій дворъ,
«Остался отъ батюшка добрыій конь».
Шелъ Дунаюшко на конюшій дворъ,
Отворилъ конюшій дворъ.
— Ужъ ты добрый конь, вѣрнá слуга!
— Нàбъ съѣздить ко лютóй змѣи,
— Ко лютóй змѣи ко пещорскіи,
— За любимой племничкой, царской хрестничкой. —

Глаголетъ конь языкомъ человѣческимъ:
«Семнадцать лѣтъ послѣ батюшка не кармливалъ,
«Послѣ батюшка семнадцать лѣтъ не паивалъ».
Да тутъ Дунаюшко сынъ Ивановичъ
Палъ коню въ копытце правое.
— Ужъ ты добрый конь, вѣрна́ слуга!
— Свози къ змѣи пещорскіи. —
И наливалъ пшеницы бѣлояровой
Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ,
И кормилъ коня до сыта
Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ.
Принесла матушка сѣдельшко черкальское,
Принесла матушка узду золоченую,
Принесла матушка плетку шелкову,
Плетку шелкову сорока пудовъ.
И садился Дунай на добра коня,
Вид'ли добра молодца сѣдучись,
Не вид'ли поѣдучись.
Въ чистомъ поли курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
Пріѣзжалъ къ змѣи пещорскіи,
Глаголетъ красна дѣвица Дунаюшку:
«Дунай Дунаюшко Дунай сынъ Ивановичъ!
«А пусть змѣя лютая
«Нажрется груди бѣлою,
«Груди бѣлою дѣво́чьею».
Наждралась змѣя пещорская
Груди бѣлыя, груди дѣво́чьею,
И повалилась змѣя пещорская,
Заснула сны крѣпкіи.
И увезъ Дунаюшко любимую племничку
Отъ змѣи пещорскіи,
И привезъ царю въ полату бѣлокаменну,
И садилъ ю на золотъ столъ.

Сталъ царь выспрашивать
И сталъ вывѣдывать:
— Ты красна дѣвица любима моя племничка,
— Отъ креста моя хрестничка!
— Везъ тебя Дунаюшко, не при́стыдилъ ли,
— Везъ тебя Дунаюшко, не при́страмилъ ли? —
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
Своему хрёстну батюшку,
Царю великому:
«Везъ меня — не при́стыдилъ,
«Везъ меня — не при́страмилъ».
Говоритъ царь великіи:
— Ты Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ!
— Городамы ль берешь съ пригородками,
— Али селами берешь съ присе́лками,
— Аль золотой казной несчётною,
— Иль силой берешь несмѣтною? —
Говоритъ Дунаюшко Ивановичъ:
— Не на̀бъ золотой казны несчетною,
— Не на̀бъ мнѣ силы несмѣтною,
— Не на̀бъ мнѣ-ка-ва городовъ съ пригородкамъ,
— Осталось отъ батюшка родителя
— Золотой казны несчетною,
— Остались бочечки сороковочки,
— И вѣснутъ на цѣпочкахъ серебряныхъ.
— Ты царь великіи,
— Дай-ка красну дѣвицу за меня́ замужъ. —
И сложился царь, отдалъ любимую племничку
За Дуная сына Ивановича,
За его вѣрну услугушку,
Съ весельемъ и радостью.

Записано тамъ же, 15 іюля.

192.

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЪ.

Заводилъ государь да почестенъ пиръ
На многіи на князи на бояра,
На сильни могучи богáтыри,
На вси поляници удалыи.
И вси во пиру пьяны веселы,
И вси во честномъ приросхвастались.
Да иной-то похваста золотой казной,
А иной-то похваста своей ýдатью.
А й за тымъ столомъ бѣлодубовымъ,
За той скамеечкой каленовою,
Сидитъ старыи Данилушко Игнатьевичъ.
Онъ не ѣстъ-то не пьетъ самъ не кушаё,
А ничего самъ въ пиру не хвастае.
Говоритъ царь таково слово:
«Престарѣвшіи Данилушко Игнатьевичъ!
«Ты чего сидишь въ пиру кручинишьсе,
«Ты чего сидишь въ пиру печалишься?
«Али мѣсто въ пиру не по отчинѣ,
«Али чарой въ пиру тебя пріóбнесли,
«Али пьяница надъ тобою усмѣхнуласи».
Говоритъ Данилушка Игнатьевичъ!
— Бласлови, осудáрь, слово навымолвить,
— Не сруби, осударь, буйной головы,
— Не вынь сердцá со печенью.
— Бласлови Данилу въ монастырь итти,
— Какъ постричься во старци во чорныи,
— Поскомидиться въ книги спасеныя,
— При старости Данилы бы душа спасти. —
И гóворитъ царь таково слово:
«Престарѣвшіи Данилушко Игнатьевичъ!
«Бласловилъ бы я тебя въ монастырь пойти.

«Какъ прознаютъ орды невѣрныи,
«Провѣдаютъ цари нещасливыи,
«Такъ Кіевъ градъ щепой возьмутъ,
«Да церкви Божьи на дымъ спустятъ,
«Меня осударя въ полонъ возьмутъ».
— Есть у меня чадо и въ девять лѣтъ.
— Когда будетъ чадо въ двѣнадцать лѣтъ
— И будетъ стоять по городи по Кіеви,
— И по тебѣ Владиміръ стольне-кіевской. —
Нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
Бласловилъ Данилу въ монастырь пойти
Какъ постричься во старци во чорныи,
Поскомидиться во книги спасенья,
При старости Данилы бы душа спасти.
И прознаютъ орды невѣрныи,
Провѣдаютъ цари нещасливыи.
Да заводилъ осударь почестенъ пиръ,
На многіи па князи на бояра,
На сильни могучи богатыри,
На вси поляницы удалыи,
И вси во пиру пьяны веселы,
Вси во честномъ прирохвастались.
Да иной похваста золотой казной,
Да иной-то хвастаетъ своей у́датью,
А иной-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
И самъ осударь-та не ѣстъ, не пьё,
Самъ въ пиру ничимъ не тѣшитси,
Ничимъ въ пиру онъ не хвастаё.
Говоритъ царь таково слово:
«Ой вы князи вси бояра,
«Вси сильни могучіи богатыри,
«Вси поляници удалыи!
«Выбирайте-тко мнѣ поединщика

«Ѣхать во далечо́ чисто полё,
«Намъ сила считать, полки высмѣкать,
«Вывести передъ смѣтой на зо́лотъ столъ».
Изъ-за тыхъ столовъ бѣлодубовыхъ,
Изъ-за той скамеечки кленовыя,
Выставае мо́лодой Иванушко Данильевичъ.
Онъ князьямъ-то бьё о лѣву́ руку,
Самому осударю о праву́ руку.
— Ѣду во далечо въ чисто́ поле,
— Всю силу считаю, полки высмѣкаю,
— Приведу передъ смѣтой на зо́лотъ столъ. —
Говоритъ царь таково слово:
«Нѣтъ ли поматерѣе ѣхать добра молодца?»
И говорятъ вси князи, вси бояра,
Вси сильни могучи богатыри,
Вси поляницы удалыи:
— Видѣть добра молодца по походочкамъ,
— Видѣть добра молодца по поступочкамъ. —
Наливалъ осударь чару зелена вина,
Вѣсомъ та чара полтора пуда,
Мѣрой та чара полтора ведра.
Принималъ Иванушко едино́й рукой,
Выпивалъ Иванушко на еди́ный духъ.
Вид'ли добра молодца сядучись,
Не вид'ли добра молодца поѣдучись.
А во чистомъ поли курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
На встрѣту бѣжитъ родной батюшко,
Онъ голосомъ кричитъ, шля́пой маше:
«Мо́лодой Иванушко Данильевичъ!
«Ты не ѣдь-ко въ цѣлый гужъ,
«Ты ѣдь-ко въ полъ-гужа,
«Ты силу руби съ одного плеча».
Молодый Иванушко Данильевичъ

Онъ во день ѣзди́лъ по красну по солнышку,
Онъ въ ночь ѣзди́лъ по лунну по мѣсяцу,
И налилъ коню пшеницы бѣлояровой,
И самъ молодецъ спать-то лёгъ.
Проснулся добрый молодецъ, стоитъ конь добрыи,
Не ѣстъ травы шелко́выи,
Не зоблетъ пшеницы бѣлояровой.
Онъ бьё коня по тучнымъ ребрамъ:
— Волчья ѣда, травяной мѣшокъ!
— И что же ты не зоблешь пшеницы бѣлояровой,
— Не ѣшь травы шелко́выи? —
Жерствуе[1]) конь язы́комъ человѣчьiимъ:
«Надъ тобой знаю незгодушку великую,
«Надъ собою зна̀ю незгодушку великую,
«Копали татара поганыи,
«Копали три погреба глубокiихъ
«И клали рогатинки звѣриныя.
«И первой тотъ погребъ пере́скочу,
«И другой тотъ погребъ пере́скочу,
«Третьяго погреба не могу скочить,
«Упаду во погребы глубокiи,
«Во ты рогатинки звѣриныи.
«Обневолятъ те́бя добра молодца
«Во ты во пу́тинки шелковыи,
«Во ты желѣза во нѣмецкiи».
Онъ бьё коня по тучнымъ ребрамъ:
— Волчья ѣда, травяной мѣшокъ!
— Ты не знашь незгодушки, не вѣдаешь. —
И садился Иванушко на добра коня,
Въ чистомъ поли 'ще курева́ стоитъ,
Курева́ стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
Прiѣзжалъ къ татаровамъ поганыимъ.

---

1) Такъ нѣсколько разъ.

Онъ первой тотъ погрёбъ перéскочилъ,
Онъ другóй тотъ погрёбъ перескочилъ,
Говоритъ конь доброй языкомъ человѣчьыимъ,
Говоритъ мóлоду Иванушку Данильевичу:
«Мóлодой Иванушко Данильевичъ!
«Дай-ко ты-ка мнѣ здохъ здохнуть.
«Перескочу погребъ и третьіи».
Богатырское сердце разретивилось,
Онъ бьё коня по тучнымъ ребрамъ,
Упалъ конь во погребы глубокіи,
Во ты рогатинки звѣриныи.
Обневолили добра молодца,
Связали ручки бѣлыи
Во тыи путинки шелковыи,
Во ты желѣза нѣмецкіи.
Росплакался добрый молодецъ.
Богородица Иванушку гласъ гласитъ:
— Молоды́й Иванушко Данильевичъ!
— Здынь-ко правую ручку выше гóловы,
— Лѣвую ручку ниже пояса,
— И розлопаютъ путинки шелковыи,
— И рострескаютъ желѣза нѣмецкіи. —
Молоды́й Иванушко Данильевичъ
Прáвую ручку выше гóловы,
Лѣвую ручку ниже пояса.
Розлопали путинки шелковыи,
Рострескали желѣза нѣмецкіи,
Онъ хватилъ татарина кой больше всихъ,
Онъ сталъ татариномъ помахивать,
Куды махнётъ — туды улкамы,
Куды перемахнётъ — переулкамы.
И добро оружьё татарское,
Гнется татаринъ не ломится,
На жиловы татаринъ подавается,

Во вси стороны татаринъ поклоняется.
Куды махнётъ — туды улкамы,
Куды перемахнетъ — переулкамы.
И та дорожка очищена
Молодымъ Иваномъ Данильевичемъ.

Записано тамъ же, 15 іюля.

193.

КОСТРЮКЪ.

Ѣдетъ царица Крымская,
Ѣде Упаво татарскіи,
Поляница удалая,
Съ молодымъ со Ко́стрюкомъ.
Кострюкъ Кострю́ковичъ,
Демьянъ Демьяновичъ,
Молодой ѣдетъ черкаленецъ,
Иде царю въ нову горенку,
Идё Богу не молится,
Говоритъ не съ упадками:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Чтобъ были́ столы розставлены,
«Терема были́ роспростра́нены,
«Кушанья были́ налажены,
«И питья наголовлены».
Ѣде царица Крымская,
Упавъ ѣдётъ татарскіи,
Поляница ѣдё удалая,
Со молодымъ со Кострюкомъ.
И ѣде Кострюкъ Кострю́ковичъ,
И ѣде Демьянъ Демьяновичъ,
И ѣде молодой черкаленецъ,

Иде во нову горенку.
Во полату бѣлокаменну.
Идетъ онъ Богу не молится,
Говоритъ не съ упадкою:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Есть ли у васъ въ Москвы борци,
«Удалы добры молодци,
«Съ Кострюкомъ поборотиси,
«Его силы отвѣдати
«Плеча богатырскаго?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ужъ ты Ѳедька дьякъ на ноженку легошенекъ,
— На походочку скорёшенёкъ.
— Бѣ́жи Ѳедька дьякъ ко той церквы ко Божьей,
— Крыкни Ѳедька дьякъ во всю́ орду,
— Чтобы слышали во всю землю. —
Ѳедька дьякъ на ноженку легошенекъ,
На походочку крутёшенёкъ,
Бѣжалъ къ церквы соборныи,
Ко Михайлы Архангелу,
Ко кресту Леванидову,
Крикнулъ во всю орду,
Услышали во всю землю,
Заслышали за сорокъ верстъ мѣрныихъ.
Съ-подъ Пятничкой пятны,
Съ-подъ Волоцкой стороны
Бѣжитъ два братца родимыихъ:
Михалка бѣжитъ нарывается,
Иванка бѣжитъ похваляется.
Пришелъ борецъ на широкъ дворъ.
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Хлѣбъ тебѣ на́ столи,
— И Богъ стоитъ на́ стѣны,
— И борецъ стоитъ на́ двори. —

Побѣжалъ молодо́й борецъ черкаленецъ на ши́рокъ дворъ,
Задѣлъ ногой за́ скамью,
Убилъ соро́къ боя́ровей,
Убилъ сорокъ тата́реней,
Достальни́ лежатъ окарачками.
Дай Богъ на дворъ живу сойти,
Со двора живу не́ притти.
Пришелъ молодо́й борецъ черкаленецъ на ши́рокъ дворъ,
Ѳедька поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты ку́дерки не шарашатся.
Онъ и дру́гой разъ поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты кудерки не шарашатся.
Онъ и третій разъ поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты кудерки не своро́хнутся.
Говоритъ Ѳедька дьякъ таково слово:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Смѣть ли борца побороть,
«Смѣть ли молодо́го ломать,
«Смѣть ли рука нога̀ ломить,
«Смѣть ли глазъ повы́воротить?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Кабы тебѣ Господи по́собилъ. —
Здынулъ Ѳедька дьякъ повыше церкви соборныи,
Пониже креста Леванидова.
Спустилъ о кирпичный подъ,
Рубашка та лопнула
Отъ бѣлой шеи до́ груди.
А тутъ Кострюку славы̀ поютъ,
Славы̀ поютъ старину скажутъ.
Тутъ царица попурхивала,
На что борца поборолъ,
На что молодого ломалъ,
На что руку ногу ломилъ,
На что глазъ вонъ воротилъ.

Царица не попурхивай,
Крымска не помахивай,
Не выѣхать съ нашего граду.
И царицы славы́ поютъ,
Славы̀ поютъ старину поютъ.
И только была въ граду царица крымская,
Царица крымская съ честною̀ славою
Не выѣхала зъ граду, въ полонъ взяли.

Записано тамъ же, 15 іюля.

XXXV.

ЕЛИСѢЕВЪ.

Иванъ Елисѣевъ, старикъ раскольникъ, подъ 80 лѣтъ, съ Выгозера, земледѣлецъ, занимался и рыболовствомъ. Сохранилъ въ памяти только одну былину, здѣсь помѣщаемую.

194.

ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ.

Молодой Добрыня Микитинецъ
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же вы братцы крестовые:
«Ты молодой Олеша Поповинецъ,
«Во другихъ Иса́кушко Петровинецъ!
«А сходите на конюшню великую,
«Берите коня что ни лучшаго,
«Сѣдлайте во сѣделышка черкацкіи,
«Выводите коня на улушку широкую,
«Чтобы съѣздить Добрынюшкѣ ко городу ко Кіеву,

«И ко ласкову князю Владиміру на широкій дворъ,
«Посвататься бы на душечкѣ Настасьѣ Митріёвичной,
«Да Митріёвичной Настасьюшкѣ Петровичной.
И всимъ была Настасья добрымъ добра,
И тѣломъ Настасья быдто снѣгъ бѣла,
Походочка у ёй была павлиная,
Поговорка у Настасьи лебединая.
Сходили братци крестовы на конюшню великую,
Брали коня что ни лучшаго,
Приводили коня ко крылечушку точеному,
Ко тому столбу золоченому.
Выходитъ Добрыня на новы́ сѣни́,
Изъ новыхъ сѣней на круто крыльцо,
На круто крылечко на пери́нчато,
И самъ говоритъ таково слово:
«Ай же вы народъ, людюшки добрые!
«Пороздвиньтесь, поростроньтесь, на три на четыре стороны,
«Дайте Добрынѣ порозъѣхаться».
Только видѣли Добрынюшку сѣдучись,
Не видѣли Добрыню поѣдучись.
Курева стоитъ, столбомъ паръ валитъ.
Куда падали копыта лошадиныи,
Ставятся колодцы ключевой воды,
Рѣки озера Добрыня межъ ногамъ спущалъ.
Пріѣзжаетъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру на широкій дворъ,
Привязыватъ коня ко столбику точеному,
Ко тому столбу золоченому,
Самъ заходитъ Добрыня во горницу великую.
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ на четыре стороны поклоняется,
Ласковому князю въ особину.
Выходитъ князь со горницы великоей,

И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же вы гостюшки заѣзжіе,
— Заѣзжіе гости захожіе!
— Вы чего пришли, чего заѣхали? —
«Мы пришли, зашли посвататься,
«На душечкѣ Настасьѣ Митріевичной,
«Митріёвичной Настасьюшкѣ Петровичной».
Честны́мъ пиркомъ да и свадебку.
Бралъ Добрыня за бѣлы руки,
Бралъ за злачены перстни,
Отвозилъ Добрыня во чисто поле.
И много-ль мало времечки ѣхали,
Какъ встрѣтились два слѣдочика.
И первой слѣдъ бѣла́ звѣря,
Другой слѣдъ кунушки прорыскиватъ.
Пошли братцы крестовые за полѣсьицемъ[1]).
Молодой Добрыня Микитинецъ
Раскинулъ бѣлъ шатеръ, зашелъ съ Настасьей забавлятися.
И много-ль мало времечки миновалоси,
Наѣзжалъ Гришка-Растрижка нечи́стой духъ,
И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Настасья Митріевична!
— За емъ будешь Настасья Митріевична,
— Будутъ бабой звать портомойницей,
— Кабы за мной была Настасьюшка,
— Былъ бы старый малый кланялся. —
Хватила она за желты кудри,
Посадила Добрыню ко сыру дубу,
Приковала Добрыню ко сыру дубу,
Сама зачала съ нечестливымъ забавлятися.
И много-ль мало времечки миновалося,

---

1) Т. е. за этою дичью.

Налетало три голуба,
Три малыхъ сизыхъ голубушка.
Какъ кричатъ зычатъ звонкимъ голосомъ:
«Зачто е та головушка посажена,
«Посажена головушка прикована?
«Ради дѣвки ль дуры, бляди сводницы,
«Ради сводницы ль душегубницы?
«У бабы у дуры волосъ долгъ, умъ коротокъ,
«Куды вѣтеръ повѣетъ, туды й умъ понесетъ».
И видитъ Настасья Митріевична,
Что бѣда пришла неминучая.
Отъ бережка Настасья откачнулася,
Ко дру̀гому Настасья не прикачнулася.
Хватаетъ она палицу булатнюю во сорокъ пудъ,
Сама говоритъ таково слово:
— Ай же ты Добрыня Микитинецъ!
— Не станешь ли Добрыня бить мучити.
— Буде Добрыня станешь бить мучити,
— Ударю палицей булатнеёй во сорокъ пудъ. —
И его же богатырско сердце розгорѣлоси.
Сходился Добрынюшка у сыра ду̀ба,
Вѣдь сырой дубъ ко матушкѣ сырой землѣ приклоняется,
И матушка сыра земля подрогнула,
Вси Божьи церкви пошаталиси,
Князи бояра испужалися.
И самъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Ай же ты Настасья Митріевична!
«Не стану я тебя Настасьюшка бить мучити,
«Только дамъ я тебѣ три наукушки великіихъ.
«Отсѣку ей губы съ носомъ прочь:
«Этихъ мнѣ мѣстищевъ не надобно,
«Этима мѣстищамы съ нечестливымъ цѣловаласи.
«Отсѣку ей руки по локоткамъ прочь:
«Этихъ мнѣ рукъ не надобно,

«Этима рукамы съ нечестливымъ обнималаси.
«Отсѣку ей ноги по колѣнамъ прочь:
«Этихъ мнѣ ногъ не надобно,
«Этима ногамы съ нечестливымъ оплеталаси».
И столько Добрынюшка женатъ бывалъ,
Только Добрыня съ женой сыпалъ.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.